

Дорогие друзья!

Вашему вниманию представляется сборник материалов XII Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Содружество наук. Барановичи-2016», которая состоялась 19—20 мая 2016 г. в учреждении образования «Барановичский государственный университет». Ежегодное проведение конференции предоставляет возможность студентам, магистрантам, аспирантам, молодым учёным поделиться полученными результатами в различных областях науки.

Структурно издание состоит из трёх частей и включает четырнадцать разделов, названия которых соответствуют направлениям работы конференции: «Экономические аспекты развития предприятия, региона», «Информационные технологии в образовании, науке и технике», «Современные тенденции развития производственных технологий машин и материалов», «Физика. Математика», «Правоведение», «Человек в обществе: история и современность», «Формирование психолого-педагогической культуры у будущих специалистов в образовательном процессе учреждения высшего образования», «Психология», «Филологические науки», «Лингвистика», «Методика преподавания иностранного языка», «Экология, эколого-краеведческое образование, охрана природы», «Физическая культура, спорт, здоровый образ жизни», «Дошкольное, технологическое и эстетическое образование».

В издании представлены результаты научного поиска молодых исследователей учреждений высшего образования Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины. Важно то, что все представленные материалы — результат размышлений авторов, ещё только начинающих свою научную деятельность, но уже достаточно чётко формулирующих свои мысли и убеждения. Широта научных воззрений, нестандартность некоторых подходов наглядно демонстрируют творческий и поисковый характер проведённых исследований.

Выражаем благодарность всем авторам, принявшим участие в конференции и представившим на обсуждение актуальные научные исследования.

Надеемся, что ежегодное проведение конференции будет способствовать укреплению сотрудничества молодых учёных разных стран и образованию новых научных тандемов.

Материалы книг могут быть рекомендованы специалистам сферы образования, аспирантам, магистрантам, студентам и учащимся школ, только начинающим свой путь в науке.

*Главный редактор, проректор по научной работе,
кандидат филологических наук, доцент
А. В. Никишова*

Е. А. Антоненко

Образовательное учреждение высшего образования
«Смоленский гуманитарный университет», Смоленск, Российская Федерация

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФАНТАСТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Введение. Фэнтези — это вид фантастической литературы, основанной на необычайном и порой непонятном сюжетном допущении. Это допущение не имеет, как правило, житейских мотиваций в тексте, основываясь на существовании фактов и явлений, не поддающихся рациональному объяснению. В отличие от научной фантастики, в фэнтези может быть сколько угодно фантастических допущений (боги, демоны, волшебники, умеющие разговаривать животные и предметы, мифологические и реальные существа, приведения, вампиры и т. п.). События в фэнтези происходят в условной реальности, в своеобразном параллельном мире, похожем на наш. Фэнтези — это также жанр в кинематографе, живописи, компьютерных и настольных играх.

Чёткого определения жанра фэнтези до сих пор нет. Понятие «фэнтези» рассматривают то широко, то узко, отсюда, таким образом, к фэнтези самые различные произведения. Так, Т. Чернышева называет фэнтези адетерминированной моделью действительности, повествованием сказочного типа со многими послылками, игровой фантастикой. Один из известных «фантастических» критиков В. Гончаров так говорит об этом жанре: фэнтези, в отличие от материалистической научной фантастики, описывает мироздание с позиций объективного идеализма. В свою очередь Г. Гуревич относит фэнтези к ненаучной фантастике, в противовес научной, объединяя, таким образом, в одном определении различные жанры и направления. Мы понимаем под фэнтези такие прозаические литературные произведения, в которых присутствуют перечисленные ранее признаки. Некоторые исследователи склонны рассматривать фэнтези очень широко. Например, Г. Нефагина полагает, что если автор использовал хотя бы один из многочисленных приёмов фэнтези, то данное произведение можно смело относить к фэнтези. Так, она причисляет к фэнтези романы В. Пелевина «Омон-Ра», «Чапаев и Пустота», «Жизнь насекомых». Подобной точки зрения придерживается Е. Ковтун.

Основная часть. Современные исследователи предпосылки этого жанра связывают с именами Н. В. Гоголя, В. Ф. Одоевского, О. М. Сомова. В XX в. эта линия была продолжена Л. Н. Андреевым, В. Я. Брюсовым, М. А. Булгаковым, А. Грином, А. И. Куприным, А. Н. Стругацким, Б. Н. Стругацким и др.

Фэнтези представляет в своих произведениях мир, подчёркнуто, демонстративно не совпадающий с обыденным представлением о действительности. Авторы, как правило, помещают действие в придуманный ими мир со своей географией, историей, своими расами и народами. Ещё одним обязательным условием для фэнтезийного произведения является пронизывающая его волшебная атмосфера. Фэнтези характеризуется тем, что признаёт как данность существование магии; более того, именно надличностные, божественные, мистические и подобные им силы, как правило, лежат в основе описываемого в фэнтези мироздания. Поэтому авторы фэнтези используют различные канонические системы мифов и оккультных представлений (чаще всего в собственной свободной интерпретации) или же создают собственную мифопоэтическую концепцию.

Фэнтези, несомненно, вырос из сказки и мифа. Сказки — это самый старый жанр литературы. Они подарили миру фэнтези некую завуалированную назидательность. Кроме того, фэнтези сделал шаг вперёд, отрёкшись от деления героев на хороших и плохих. От мифа и сказки фэнтези унаследовал эпичность повествования и некоторую исходную трагичность.

Герой выполняет свою миссию, чего бы это ему не стоило. Одновременно его образ недетерминирован, как персонаж мифологических сказаний, и ему предоставляется право выбора, что порождает реалистичность: появляются противоречивые и живые человеческие образы. Герой фэнтези стремится к свободе и независимости, он зависит только от своих решений, бравого коня и стали в ножнах, и эта черта связывает фэнтези с миром рыцарских романов. В фэнтези и рыцарских романах главнейшими качествами человека являются честь и мужество. Справедливость же в фэнтези хоть и ценится так же высоко, как в рыцарском романе, но вот только не всегда одерживает победу. Фэнтези действительно вообрал в себя громадный пласт европейских литературных традиций и именно своей традиционностью актуален сегодня. Фэнтези сохраняет своё очарование только в случае следования традициям. Попытка осовременить его ведёт к выходу за пределы жанра, в результате мы получаем либо мистику, либо триллер, но никак не то, что изначально хотели получить. Ощущение достоверности такого мира может возникнуть у читателя только опосредованно — через восприятие описываемого мира персонажами. Для героя фэнтези мир, безусловно, реален, а все особенности этого мира определяют его действия. Поэтому для фэнтези очень важно психологически точное изображение характеров и отношений между персонажами. В фэнтези выше, чем в традиционных жанрах фантастики, интерес к внутреннему миру героя.

Определение жанра фэнтези можно сформулировать так: это произведение, действие которого происходит в отличном от реального мире с неперменным присутствием в нём волшебных, божественных или иных не поддаю-

щихся рациональному истолкованию явлений. Однако автор фэнтези не ограничен ни сюжетно, ни тематически. Единственное требование жанра, которое нельзя обойти, — психологическая достоверность.

В России предпосылки появления фэнтези возникли в начале XX в. и, как и в Англии, они были основаны на модернистском мифотворчестве. Историки литературы полагают, что ближе всех к созданию фэнтези в современном смысле слова подошли В. Брюсов («Огненный ангел») и А. Грин («Блистающий мир», «Бегущая по волнам» и весь цикл о «Гринландии» в целом), Ф. Сологуб («Творимая легенда»). Однако после того, как советское литературоведение провозглашает доминантными чертами фантастики «научность» и «классовость», элементы волшебного и мистического из отечественной литературы не для детей практически исчезают.

Первые шаги фэнтези в нашей литературе совпали с расцветом того явления в искусстве, которое многие исследователи называют постмодернизмом. Фэнтези не мог не ощутить влияния постмодернизма и не оказать, в свою очередь, воздействия на него. Этот жанр многое воспринял из постмодернистской эстетики. Это и идея понимания мира как текста и текста как мира, и замещение реальной действительности действительностью вымышленной, и мысль об отчуждении человека от жизни, и идея создания собственного мира из элементов культуры, и др. Но не следует утверждать, что русский фэнтези родом из постмодернизма. Это неверно. У него свои корни, своя традиция. Лишь очень немногие произведения, написанные в жанре фэнтези, можно с полной уверенностью назвать постмодернистскими (М. Успенский «Там, где нас нет», «Устав соколиной охоты» и др.). Большинство писателей используют только некоторые приёмы постмодернизма наряду с традиционными средствами фэнтези. А коммерческому фэнтези постмодернизм и вовсе ни к чему, ведь он рассчитан на не слишком требовательного читателя с непритязательными вкусами, каких, увы, большинство.

Обращение к фэнтези — довольно распространённое явление в современной русской литературе. К приёмам фэнтези порою прибегают и писатели, работающие в других жанрах. Некоторые принципы фэнтези используют и постмодернисты.

Современный русский фэнтези, фэнтези конца XX в., «вырос» и расцвёл в художественном пространстве, образовавшемся в результате развала советской идеологической системы с её строгой цензурой и уклоном к соцреализму. В Советском Союзе научная фантастика не очень «приходилась ко двору» и вынуждена была прислуживать режиму. Она тянула идеологическую тележку, ибо это был единственный шанс на существование. Фэнтези же в эту тележку запрячь невозможно, он ведь по сути своей аполитичен, ибо описывает не только никогда не существовавшее, но и не могущее существовать в реальном мире. Он обращается не к разуму и логике, а к чувствам и мечтам, он иррационален и не несёт идеологической направленности. Потому этот жанр находился под негласным запретом. И его бурный расцвет в постперестроечные годы можно объяснить именно тем, что он (как и другие жанры) наконец получил свободу. До этого фэнтези мог существовать лишь под маской детской литературы и вынужден был рядиться в одежды научной фантастики... Ярким примером может служить творчество В. Крапивина.

Но это две крайности явления. Многие популярные авторы фэнтези по-настоящему талантливы, их произведения узнаются сразу; они используют различные приёмы, постмодернистские в том числе, оставаясь в границах фэнтези. Это — С. Логинов («Земные пути», «Многорукий бог далайна», «Колодезь» и др.), Е. Лукин («Катали мы ваше солнце», «Там, за Ахероном» и др.).

Жанр фэнтези привлекает писателей в первую очередь тем, что даёт огромную свободу авторской фантазии и позволяет ввести в повествование порою самые немыслимые элементы. Однако и здесь есть свои пределы и правила.

Жанровые признаки фэнтези:

1) мир несуществующий, обладающий свойствами, невозможными в нашей реальности. Например, плоский мир, созданный Т. Пратчеттом: «этот мир, как следует из названия, совершенно плоский и покоится (точнее, едет верхом) на спинах четырёх огромных слонов. Слоны стоят на панцире гигантской звёздной черепахи по имени Великий А'Туин. Диск обрамлён водопадом, пенистые каскады которого бесконечной лавиной обрушиваются в космос. Учёные подсчитали, что шансы реального существования столь откровенно абсурдного мира равняются одному на миллион. Однако волшебники подсчитали, что шанс “один на миллион” выпадает в девяти случаях из десяти» [1];

2) магия и фольклорные персонажи как необходимый элемент. В качестве примера подойдёт едва ли не любое произведение фэнтези;

3) авантурный сюжет (как правило — поиск, странствие, война и т. п.);

4) средневековый антураж, хотя здесь возможны варианты: Древний мир (Г. Л. Олди, «Герой должен быть один», где действие происходит в Древней Греции), современность (С. Лукьяненко «Ночной дозор») или будущее (К. Сташефф, «Чародей поневоле»). Следует отметить, что этот признак хотя и присутствует чаще всего, но не является определяющим;

5) скрытое противопоставление технологии и волшебства в пользу последнего;

6) на первый план выдвигаются герои, их поступки и переживания, волшебное и сказочное играет вспомогательную, но далеко не второстепенную роль;

7) противостояние добра и зла как основной сюжетообразующий стержень, для фэнтези обязательна борьба добра и зла, ибо она, как и сказка, структурирована этически. Конечно, фэнтези отличается от сказки. Зло и добро в нём равнозначны, а в сказке добро побеждает без потерь;

8) наличие потустороннего мира и его проявлений;

9) полная свобода автора — он может повернуть сюжет самым неожиданным образом, поскольку волшебный мир фэнтези предполагает, что в нём возможно всё. Этот признак — один из наиболее важных, определяющих. Он чётко отграничивает фэнтези и научную фантастику, потому что научная фантастика описывает вероятное,

и автор стеснен определёнными рамками. Он вынужден дать объяснение невероятному, обосновать научно или псевдонаучно (что чаще всего и происходит).

Заключение. В современном литературоведении существуют две главные точки зрения в определении данного литературного феномена. Первая рассматривает жанр фэнтези как ответвление фантастики. Вторая заключается в толковании фэнтези как сказки. Отсутствие единой дефиниции, на наш взгляд, связано с типологическим синкретизмом, которым обладает жанр фэнтези. По причине синкретизма границы понимания такого явления, как фэнтези, необычайно расширены.

Список цитируемых источников

1. Пратчетт Т. Наука плоского мира [Электронный ресурс]. URL: detectivebooks.ru (дата обращения: 16.02.2016).

УДК 811.161.3'37:82-3Шамякин

Т. А. Балажынская

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

МОЎНАЕ ВЫРАЖЭННЕ ПРОСЬБЫ Ў ПІСЬМАХ І. ШАМЯКІНА

Уводзіны. Просьба — зварот да каго-небудзь з заклікам задаволіць патрэбы, жаданні [1, с. 507]. Ён гаворыцца далікатна і ветліва, але без залішняга паддобывання. Вылучаюць семантычны і экспрэсіўны дыяпазон просьбы (загад або пажаданне; афіцыйная, сяброўская, да незнаёмых і інш.).

Асноўная частка. Вербальнае выражэнне ветлівасці ў беларускім маўленчым этыкеце знаходзіць адлюстраванне ў маўленчаэтыкетных формулах *калі ласка, будзь ласкавы (будзьце ласкавы), майце ласку, зрабіце ласку, як ласка, што ласка, на ласку* і інш., якія характарызуюцца камунікатыўнай шматфункцыянальнасцю. Як сцвярджае Т. Піваварчык, «яны ўжываюцца амаль ва ўсіх этыкетных сітуацыях і выступаюць або ў пазіцыі дадатку да асноўнай этыкетнай формулы, які павінен ствараць танальнасць ласкавай далікатнасці, ветлівасці, уважлівасці, або ў якасці самастойнай рэплікі, што прымае на сябе ўсю зместавую нагрузку: выражае і камунікатыўны намер моўцы» [2, с. 27].

Асноўная сфера ўжывання просьбы — маўленне. У нашым выпадку — пісьмовае. Лістуючыся з роднымі, сябрамі, накіроўваючы пісьмы да калег па пярэ, да людзей, якія займалі высокія пасады, І. Шамякін нярэдка звяртаўся да іх з разнастайнымі просьбамі як прыватнага, так і грамадскага характару.

Просьбы да афіцыйных асоб, калег, сяброў у пісьмах І. Шамякіна выказваюцца звычайна пры дапамозе маўленчаэтыкетнай формулы *прашу Вас (цябе)*, пры якой выкарыстоўваецца дзеяслоў, што змяшчае саму просьбу, у форме:

а) загаднага ладу: «Калі Вашы заўвагі такія, якія можна будзе выправіць пасля, напрыклад, у гранках, *прашу Вас: не затрымлівайце* кнігі. Вельмі хочацца, каб яна выйшла да 30-годдзя БССР» (да М. Ц. Лынькова, 12 ліпеня 1948 г.) [3, с. 178]; «Цікава паслухаць. Таму *прашу цябе* паведаміць тэлеграмай ці як-небудзь аб дні, калі адбудзецца канферэнцыя» (да М. Г. Ткачова, 21 жніўня 1952 г.) [4]; «То ці можна ўжо зрабіў гэта. *Прашу цябе: не сцяшайся*. Я па-ранейшаму поўны самых сардэчных пачуццяў да цябе, майго добрага, старога і шчырага сябра» (да П. С. Кабзарэўскага, 3 сакавіка 1965 г.) [5];

б) інфінітыва: «Вось чаму я вырашыў пісьмо Кабетава В. П. не адсылаць у раён, а накіраваць Вам. *Прашу Вас даручыць кампетэнтным людзям сур'ёзна разабрацца ва ўсёй гэтай гісторыі*» (да С. Т. Шардыкі, 8 студзеня 1964 г.) [6]; «Калі да 17 мне не стане лепш, на сесію я не паеду. *Прашу цябе, як старшыню, лічыць адсутнасць маю ўважлівай — чалавек лечыцца*» (да М. Танка, 9 снежня 1968 г.) [7]; «Для ажыццяўлення гэтых мерапрыемстваў было б мэтазгодна стварыць рэспубліканскі юбілейны камітэт, уключыўшы ў яго прадстаўнікоў партыйных, савецкіх, прафсаюзных органаў, Акадэміі навук, Саюза пісьменнікаў, іншых творчых саюзаў. *Просім Вас ухваліць асноўныя мерапрыемствы на юбілею П. У. Броўкі і даць адпаведныя ўказанні рэспубліканскім установам і арганізацыям*. Старшыня праўлення Саюза пісьменнікаў БССР» (да П. М. Машэрава, 31 сакавіка 1975 г.) [8]; «Лічу, што гэта мне ўдасца ў доме адпачынку СМ БССР “Сосны”. *Прашу Вас даць мне з 16—18 верасня, не пазней, прыстойнае месца ў “Соснах”, дзе я мог бы хараіа адпачыць і давесці да канцыцыі сваю п'есу*» (да Ф. І. Самбука, 5 верасня 1978 г.) [9]; «Сапраўды, гэта вельмі цяжка хворы чалавек, інвалідам ён стаў у выніку траўмы, якую перанёс, калі служыў у арміі. *Прашу Вас знайсці магчымасць і выдзельць Карасю Міхаілу Мікалаевічу пуцёўку ў адзін з санаторыяў курорта Мінеральных Вод*» (да М. Н. Полазава, 4 мая 1982 г.) [10]; «*Прашу Вас, паважаны Глеб Аляксандравіч, выдзельць у парадку выключэння з фонду міністэрства сацзабеспячэння пуцёўку ў санаторый імя Бурдэнкі г. Сакі чэрвень-жнівень 1987 г. для Сокал Т. М.*» (да Г. А. Крывуліна, 7 красавіка 1987 г.) [11]; «Дырэктару выдавецтва “Мастацкая літаратура” Андрэюку С. А. *Прашу Вас уключыць у план выданняў 1995 года кнігу маіх апавесцей пад агульнай назвай “Вернісаж”; дзве апавесці (“Зямны рай” і “Вернісаж”) апублікаваны ў часопісе “Маладосць”*. Планую да канца гэтага года напісаць яшчэ дзве такія ж невялікія па аб'ёму апавесці, сюжэты ёсць» (да С. А. Андрэюка, 22 лютага 1993 г.) [12].

У некаторых выпадках перад дзеясловам *прашу* выкарыстоўваецца прыслоўе *вельмі*, што сведчыць аб важнасці просьбы для пісьменніка: «Пакідаю аповесць Кулакоўскаму, ён заўтра занясе. *Вельмі прашу зрабіць экзэмпляр для мяне. З шчырым прывітаннем*» (да У. Б. Карпава, 27 ліпеня 1947 г.) [13]; «*Вельмі прашу Вас адаць некалькі мінут увагі скарге т. Карачуна В. С., заява якога ёсць у Вас, у гарвыканкаме, а другую, напісаную на маё імя, перасылаю я. З павагай І. Шамякін*» (да В. І. Шарапава, 23 студзеня 1967 г.) [14]; «Няхай бы пажыў там той інжынер, які гэтак будаваў. І зараз стала справай нашага прэстыжу давесці гэтую кнігу да выдання. *Вельмі прашу цябе, Павел, і яго, Арсенія, памагчы нам і працай, калі трэба перакласці нешта дадаткова, і перакананнем таварышаў з “Леніздата”, што кнігу абавязкова трэба пусціць у вытворчасць*» (да П. С. Кабзарэўскага, 16 ліпеня 1969 г.) [15].

Нярэдка пры выражэнні просьбы І. Шамякін ужывае выраз *калі ласка*, які памякчае просьбу: «Р. С. А ты пясброўску, *калі ласка, даведайся, як там справы з маім “У добры час” і ў Арсенія, і ў Леніздаце. Ты ж ведаеш: дэкада ў снежні г. г.*» (да П. С. Кабзарэўскага, 9 мая 1954 г., Мінск) [16]; «Я не люблю вымушаных супынкаў. *Паведамі, калі ласка, калі я атрымаю аповесць. Парайся з Арсеніем, калі мы зможам здаць усю рэч*» (да П. С. Кабзарэўскага, канец снежня 1959 г. — пачатак студзеня 1960 г.) [17]; «Сёння я адказваю яму, што паколькі я даваў слова табе, то справа гонару майго трымаць гэтакія слова. *Звяжыся, калі ласка, з Кір’янавым. Я напішу яму яшчэ раз*» (да П. С. Кабзарэўскага, 18 чэрвеня 1963 г.) [18]; «Я думаю, што яму будзе прыемна атрымаць віншаванні ад пісьменнікаў. *Зрабі, калі ласка, гэта ад імя прэзідыума праўлення. І напамні хлопцам, якія ездзілі з ім, — Лынькову, Глебку, Пімену*» (да М. Г. Ткачова, 9 кастрычніка 1963 г.) [19]; «Але ў поездзе другая бяда: вагон усю ноч стаіць у Баранавічах. *Вышлі, калі ласка, Макарэвіча ў Баранавічы к 23.00 2 сакавіка. Тады я недзе а палове другой, без начлега ў вагоне, здолею быць дома, выехаўшы з Трускаўца ў 10 раніцы*» (да М. Г. Ткачова, 26 сакавіка 1965 г.) [20]; «Ты гэта выказваў нават Машы. *Не рабі гэтага, калі ласка, бо будзе цябе грызці сумленне* — самы страшны звер. Я з табой быў заўсёды шчыры, але прынцыповы: казаў праўду ў вочы» (да П. С. Кабзарэўскага, 31 кастрычніка 1966 г.) [21]; «Мацуйся. *І, калі ласка, не траці веру ў людзей, у сяброў. Пры апошняй сустрэчы ты выказваў замнога песімізму*» (да П. С. Кабзарэўскага, 7 кастрычніка 1970 г.) [22]; «У Маскве, *калі ласка, звяжыся з В. М. Озеравым, ён званіў і прасіў, каб прыехаў хто-небудзь з нас, ты ці я, з тым, каб разам наведаць В. Ф. Шауру на пытаннях нашай вялікай нарады, якая набывае ўсё большае і большае значэнне, надаючы ёй такое значэнне. Я ў бліжэйшы час паехаць не здолею — нездаровіцца*» (да М. Танка, 26 студзеня 1975 г.) [23]; «Не будзем адсылаць гэтых няшчасных дзяцей назад у Камарын! *Правіце, калі ласка, гуманнасць: скажыце вілейскім таварышам сваё аўтарытэтнае слова, няхай яны ўладзяць Козел хаця б у які-небудзь інтэрнат*» (да А. І. Цішкевіча, 10 сакавіка 1987 г.) [24].

У пісьмах да сяброў пры выражэнні просьбы І. Шамякін часта звяртаецца да формы дзеяслова загаднага ладу без ужывання маўленчаэтыкетных формул: «Дзякую ад шчырага сэрца. *Растлумач ім, чаму я не магу прыехаць, дапамажы арганізаваць і, канешне, на канферэнцыі задай тон. Я спадзяюся на цябе, як на самага лепшага сябра*» (да М. А. Засіма, жнівень, не пазней за 24, 1949 г.) [25]; «Аўтару, безумоўна, будзе прыемна. *Не крыўдуй. Зразумей, што летні перыяд, уся сям’я адпачывала, а тут яшчэ гэтыя паездкі*» (да М. А. Засіма, жнівень, не пазней за 24, 1949 г.) [26]; «Пазвоняць з райкама — *скажы, што абавязкова пастараюся прыехаць, запойні за мяне анкету, а я прыеду падпішу*» (да М. Г. Ткачова, 21 жніўня 1952 г.) [27]; «*Намесніка аформі цераз бюро, каб ён не адчуваў адказнасць, бо зараз могуць быць вялікія падзеі*» (да М. Г. Ткачова, 21 жніўня 1952 г.) [28]; «*Аднак, калі не позна, яшчэ, паглядзі: ст. 20. 1-я калонка, 4-ы радок зверху, пасля слова «каровы» варта ўставіць “у яе калгасе”*» (да М. Г. Ткачова, 21 жніўня 1952 г.) [29]; «Чакаем цябе ў гасці. *Прывітайся. Перадавай прывітанне Арсенію Георгіевічу. Нешта ён стаў вельмі скупы на пісьмы*» (да П. С. Кабзарэўскага, 9 мая 1954 г.) [30]; «Але мяне моцна адолела летняя лянота, я выбіўся з каляіны. *Перадавай самае шчырае прывітанне тваім блізкім. Да сустрэчы, дарагі Павел*» (да П. С. Кабзарэўскага, 10 чэрвеня 1957 г.) [31]; «Чакаю нумара. *Калі ты дастанеш раней, чым ён пойдзе ў сетку, прыйшлі пару экзэмпляраў. 60% я атрымаў*» (да П. С. Кабзарэўскага, 16 кастрычніка 1957 г.) [32]; «Я спрабаваў яму званіць — ніхто не адказаў. *Перадай старому прывітанне*» (да П. С. Кабзарэўскага, 16 кастрычніка 1957 г.) [33]; «Жадаю табе адпачыць добра, набрацца сіл. *Пазвані маім*» (да П. С. Кабзарэўскага, 30 мая 1958 г.) [34]; «Я ўспомніў, што забыўся пакінуць заяву на адпачынак. *Калі вы яго не афармлялі, то аформі з 15 кастрычніка, маючы на ўвазе, што дзень паездкі з гасцямі варта лічыць за тры звычайнай работы*» (да М. Г. Ткачова, 20 кастрычніка 1969 г.) [35]; «А я хачу заставацца аптымістам. *Перадай гэта Арсенію*» (да П. С. Кабзарэўскага, канец красавіка 1970 г.) [36]; «Прывітанне Тасі і ўсім тваім. *Пішы. Твой Іван*» (да П. С. Кабзарэўскага, канец мая — пачатак чэрвеня 1970 г.) [37]; «Я не вычытаў дагэтуль пераклад. *Лай і карай мяне за затрымку*» (да П. С. Кабзарэўскага, канец мая — пачатак чэрвеня 1970 г.) [38]; «Але я сінею ад думкі, што такі рукапіс чытаюць у “Молодой гвардии”. *Напішы ім. Запатрабуй з Ленінграда экзэмпляр, сядзь і зрабі ўсё па-чалавечаму, калі можаш, вядома*» (да П. С. Кабзарэўскага, 19 чэрвеня 1970 г.) [39].

У мове пісьмаў І. Шамякіна сустракаюцца і іншыя формы выражэння просьбы:

а) дзеясловам умоўнага ладу з абяцаннем удзячнасці: «Яна моцна перажывае з-за сваёй блізарукасці. *Калі б ты, наш добры друг, здолеў даведацца, у каго і якім чынам можна набыць такія акуляр, мы былі б табе вельмі ўдзячны*» (да П. С. Кабзарэўскага, 15 снежня 1962 г.) [40];

б) складаназалежным сказам, у галоўнай частцы якога даецца абяцанне ўдзячнасці за выкананне просьбы, а ў даданай — выкладаецца сутнасць просьбы: «*Буду ўдзячны, калі Вы знойдзеце магчымасць перадаць мой сардэчны прывет Найдзіну Вылчаву, Андрэю Германаву, Івану Давыдкаву, Ангелу Тодараву, Сімяону Уладзіміраву і многім іншым нашым добрым сябрам*» (да Г. Д. Вылчова, 31 сакавіка 1975 г.) [41].

Заклучэнне. Пісьменнік І. Шамякін выкарыстоўвае ў сваіх пісьмах розныя формы выражэння просьбы. Выбар формы выражэння просьбы залежыць ад таго, каму адрасаваны тое ці іншае пісьмо, і паказвае на адносіны адрасанта да адрасата.

Спіс цытуемых крыніц

1. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / пад рэд. М. Р. Суднікі, М. Н. Крыўко. 2-е выд. Мінск : БелЭн, 1999. 784 с.
2. Піваварчык Т. А. Ласкавае слоўка, як сонейка, грэе: пра ўжыванне ўстойлівых выразаў са словамі ласка, ласкавы, ласкава // Род слова. 2002. № 10. С. 27—30.
3. Шамякін І. П. Збор твораў : у 23 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. Мінск : Маст. літ., 2014. Т. 23. Публіцыстыка. Лісты. Летапіс жыцця і творчасці. 799 с. : іл.
4. Там жа. С. 181.
5. Там жа. С. 213.
6. Там жа. С. 206.
7. Там жа. С. 222.
8. Там жа. С. 240.
9. Там жа. С. 254.
10. Там жа. С. 268.
11. Там жа. С. 276.
12. Там жа. С. 277.
13. Там жа. С. 177.
14. Там жа. С. 218.
15. Там жа. С. 225.
16. Там жа. С. 184.
17. Там жа. С. 196.
18. Там жа. С. 204.
19. Там жа. С. 205.
20. Там жа. С. 214.
21. Там жа. С. 216.
22. Там жа. С. 233.
23. Там жа. С. 237.
24. Там жа. С. 275.
25. Там жа. С. 180.
26. Там жа.
27. Там жа. С. 181.
28. Там жа.
29. Там жа. С. 182.
30. Там жа. С. 184.
31. Там жа. С. 188.
32. Там жа. С. 190.
33. Там жа.
34. Там жа. С. 191.
35. Там жа. С. 227.
36. Там жа. С. 230.
37. Там жа. С. 231.
38. Там жа.
39. Там жа. С. 232.
40. Там жа. С. 200.
41. Там жа. С. 238.

УДК 811.161.3'36:82-31Мележ

Л. Ю. Барушка

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

ЭКСПРЭСІЎНЫЯ ДЗЕЯСЛОВЫ СА ЗНАЧЭННЕМ СІЛЫ ДЗЕЯННЯ Ў МОВЕ «ПАЛЕСКАЙ ХРОНІКІ» І. МЕЛЕЖА

Уводзіны. Многія лексічныя адзінкі, акрамя асноўнага, прадметна-лагічнага значэння, валодаюць яшчэ і канатацыйным, дадатковым значэннем, якое вызначаецца эмацыянальна-экспрэсіўным або функцыянальным характарам. Канатацыйнае значэнне змяшчае стылістычную інфармацыю, што і прыводзіць да функцыянальна-стылявой замацаванасці слова, тым самым абмяжоўваючы магчымасці яго ўжывання пэўнымі сферамі і ўмовамі зносін.

Асноўная частка. Да канататыўных элементаў лексічнага значэння даследчыкі (В. С. Ахманава) адносяць семантычныя і стылістычныя адценні слова, якія служаць для выражэння рознага роду экспрэсіўна-ацэначных абертонаў і могуць надаваць высокую ўрачыстасць, гуліўнасць, натуральнасць, фамільярнасць і г. д. У якасці кампанентаў семантыкі слова выступаюць асобныя канататыўныя прыкметы — стылёвыя, эмацыянальныя, ацэначныя, вобразныя, якія з'яўляюцца асноўнымі спосабамі выражэння экспрэсіўнасці. Гэтыя стылістычныя прыкметы маюць пастаянны характар і ўзнаўляльнасць у пэўных умовах. Стылістычныя канатацыі па сваёй прыродзе неаднародныя. Выдзяляюць дзве іх разнавіднасці: эмацыянальна-экспрэсіўную афарбоўку моўных сродкаў і іх функцыянальна-сталістычную афарбоўку.

Экспрэсія — адна з найважнейшых уласцівасцей мовы, якая выкарыстоўваецца ў зносінах паміж людзьмі. Пры дапамозе экспрэсіі можна выказаць ацэнку, стаўленне, эмоцыі, можна расставіць сэнсавыя акцэнтны ў інтэнцыі, разнастаіць гаворку. «Экспрэсіўная лексіка акумулюе ў сабе як уласнамоўную, так і культуралагічную інфармацыю. Выражэнне экспрэсіі звязана з адлюстраваннем часава канкрэтных і адвечных, наіўных і навуковых уяўленняў аб катэгорыі нормы, меры, адпаведнасці/неадпаведнасці. Логіка-філасофскі аспект экспрэсіўнага значэння фарміруюць кваліфікацыйныя адносіны моўцы да фактаў навакольнай рэчаіснасці. Лінгвістычную сутнасць экспрэсіі складае аб'ектывацыя моўнымі сродкамі кваліфікацыйнай інтэнцыі з мэтай выкліку пэўнай рэакцыі чытача» [1, с. 113].

Экспрэсіўнасць слова любой часціны мовы звязана з уяўленнем аб надзвычай высокай або вельмі нізкай ступені праяўлення пэўнай прыкметы, якасці і г. д. Гэтая ступень у адносінах да дзеяслова можа быць абазначана як інтэнсіўнасць, або энергетычная насычанасць. Як паказвае аналіз дзеяслоўнай лексікі ў мове «Палескай хронікі» І. Мележа, яе, гэту інтэнсіўнасць, могуць праяўляць дзеясловы са значэннем сілы дзеяння — празмернай або недастатковай.

Празмерная сіла дзеяння або працэсу найбольш адэкватна выражаецца праз сему «моцна». З ёй у мове «Палескай хронікі» І. Мележа адзначаюцца дзеясловы, якія ўжываюцца ў аўтарскай мове як яркія сродкі выражэння экспрэсіі:

— *аперазаць* 'моцна ўдарыць, агрэць': *Хоня рынуўся да коней, аперазаў пугаю мышастую сваю, супакоіў каня* [2, с. 133];

— *ашаламіць* 'моцна ўразіць, здзівіць, азадачыць, зрабіць моцнае ўражанне': *Ён [Бахшыкоў] раптам ашаламіў: — А то, можа, у мястэчка давай? — Анярэджаваючы яе пытанне, дадаў: — У мястэчку лягчэй будзе вучыцца* [3, с. 218];

— *глушыць* 'моцна хаваць, не даваць развівацца пачуццям (пра адчай)': *Няпростыя пачуцці турбавалі Бахшыкова, калі ён раіў Кудраўцу, як арганізаваць моладзь, каб вывесці раён з прарыву, узняць тэмпы калектывізацыі. І надзеі, і сумненні, і цяжкая ацэнка, і легкадумныя мары — усяго было ў яго пачуццях, з якіх упарта лез, намагаўся адолець усё адчай. Бахшыкоў глушыў адчай, стараўся не паддавацца* [4, с. 108];

— *грымець* 'утвараць моцныя гукі (пра сэрца)': *Стрэлу не было. Ужо ад'ехалі нямала, а сэрца гулка грымела* [5];

— *дурэць* 'моцна сваволіць (пра дзяцей)': *Тады ж, у тую ноч, усім ім за сталом было вельмі весела. Дзеці дурэлі, рагаталі, смяяліся па-маладому, закахана тулілася Вера. Молада, хараша было і Апейку* [6];

— *калаціцца* 'моцна дрыжаць, хістацца': *Яўхім прыпыніўся, як бы разважаючы. А думаць было цяжка: сэрца шалёна калацілася, у скроні біла кроў, у галаве стаяў вазжы туган [7, с. 102];*

— *крышыць* 'моцна біць, знішчаць': *Малакультурны і грубы — а дзе ты знойдзеш даволі культурных, адукаваных? Мала іх. Ды і ці многа сярод гэтых культурных, адукаваных так адданных, з такой рашучасцю! І гэта ў такой абстаноўцы, дзе неабходны цвёрдыя, жалезныя! Звольныя крышыць ворага, рушыць усё, што на шляху замінае. Гэты — цвёрды, гэты — крэмень, барацьбіт* [8];

— *няньчыцца* 'моцна апякаць, празмерна клапаціцца аб кім або чым-небудзь': *Ніякіх мер не прыняць да адкрытых варожых выступленняў, няньчыцца з такімі небяспечнымі элементамі, даваць разгульваць ім на волі!* [9];

— *рагатаць* 'моцна, гучна смяяцца': *Не зарабілі ічэ на сьнеданне! — весела кінуў позірк на Міканора Дубадзел. Ён зарагатаў. — Зарабіць трэба, яно!* [10].

Адзначаюцца таксама дзеясловы з празмернай сілай дзеяння або працэсу, якія ўжываюцца ў мове персанажаў твора. Яны з'яўляюцца яркім характарыстычным сродкам гаворкі персанажа, выражаюць адносіны адрасанта да свайго суразмоўніка:

— *віснуць* 'моцна прыставаць да каго-небудзь': *[Акуліна да Ганны] Але калі Ганна ўзяла цэбар, не ўтрывала, неспадзеўкі напакнула: — І не сорама!.. Віснуць на хлопцы, пры людзях!* [11];

— *драць* 'моцна гаварыць, крычаць, пець': *Кваканне іх поўніла дзённую млоснасць, вечарам і ўночы дралі яны горла, як асатанелыя, на ўсе лады* [12];

— *заенчыць* 'моцна, жаласна застагнаць ад болю, пакуты': *Прайшоўся яшчэ трохі, сказаў тонам, у якім таілася нешта грознае: — Нічога. Скора возьмемся так, што заенчаць Глушаки!* [13];

— *склешчыцца* 'моцна з'яднацца, закахацца': *Ён (Васіль) не заўважаў, як конь прайшоў загуменную дарогу, як завярнуў на ўзбодатак. Успамінаў слова за словам яе гаворку, тое, што казаў Зайчык Іван, зазірнуўшы к яму ў гумно: «Не першы раз ёто! Даўно ўжэ склешчыліся, толькі што не бачыў ніхто... Шчэ як у Юравічах сядзеў, пачалося!»* [14];

— *сохнуць* 'моцна жадаць': *Ён добра ведаў, што не закаханы. Яўхім нават з пагардай думаў пра яе. «Було б аб чым думаць, па чым сохнуць! Дзеўка б была якая асаблівая. А то ж грудзі як грудзі, ногі як ногі... Грудзі — нават дробныя, як яблукі. І ногі танкаватыя, кволяя...»* [15];

— *счапіцца* 'пачаць моцна спрачацца, схпіцца ў бойцы': *Барадаты важка зашамацеў саломая, сеў. — Ну, счапіўся ён са мною, міліцынер гэты, Радзівон. З нашых сам, тульгавіцкі. Без штаноў нядаўна па вуліцы гайсаў. А тут — улась, не крані яго* [16];

— *упяцца* 'моцна напружыць свае сілы': *У вачах яго [Васіля] яшчэ было сумненне — а можа, гэта ўсяго выдумка? — Ну, чаго ўпяўся? — нядобра прамовіў Шабета. — Бегці, можа, думаеш?!* [17].

Дзеясловы са значэннем недастатковай сілы дзеяння або працэсу маюць у складзе свайго значэння сему «слаба». З ёй у мове «Палескай хронікі» І. Мележа вылучаюцца наступныя дзеясловы:

- *засіпець* ‘пачаць утвараць слабыя сіплыя гукі’: *У старым узнялася раўнівая злосць. Сярдзіта, з крыўдай засіпеў*: — *А тут — бацько няхай адзін! Бацько няхай адзін мучыцца! Даждаўшыся добрых сыноў!..* [18];
- *ківацца* ‘слаба, рытмічна хістацца з боку ў бок’: *Гэта было вельмі дарэчы, што Казачэнка аказаўся ў сельсавеце і цяпер ківаўся разам з Башлыковым у вазку* [19];
- *ліпець* ‘слаба, ледзь-ледзь трымацца’: *Яе мала хвалявалі размовы, якія раз-праз ішлі ад розных людзей: што ў калектыве — нелады, што ледзь не ўсе, хто ўступіў, — недавольны і што калектыў — ледзь ліпіць і з дня на дзень можа скончыцца* [20];
- *мармытаць* ‘гаварыць слаба, ціха і невыразна’: *Калі дужымі і хуткімі рухамі выцерся і пакіраваў назад у свой пакой, злавіў сябе на тым, што мармыча нейкую вясёлую мелодыю* [21];
- *папахваць* ‘слаба адчувацца, сведчыць пра набліжэнне чаго-небудзь’: *«Прыбіральшчыца». Можна падумаць, што сам — сакратаром нарадзіўся. Не з таго пачынаў. Колькі прайшло з той пары, як сам падмятаў за кульгавым шаўцом? А ўжо — арыстакратычныя замашкі. Арыстакратычныя не арыстакратычныя, а мяшчанскія — то яўна. Меішчанінам добра папахвае* [22];
- *пасміхвацца* ‘смяяцца слаба, крыху, трохі’: *Калі падаваў падпісаную зводку, здзівіўся: Міша паранейшаму пасміхваўся. З нейкім нібы намёкам* [23];
- *шыркаць* ‘утвараць слабыя шыпячыя гукі’: *Расставіўшы па-мужчынску ногі, моцна ўпінаючыся ў грунт, ён размашыста правёў касой, і трава шыркнула, паслухмяна лягла злева акуратнай купкай; ў Васіля ўсё гэта ёсць. Глядзіце, як ладна шыркае ў яго каса, як кладзецца, даўжэе рад! «Ш-шырк, ш-шырк», — згодна прамаўляла ў лад Васілёвым думкам каса* [24];
- *хліпаць* ‘ціха, слаба плакаць, усхліпваць’ і *захліпаць* ‘ціха, слаба заплакаць, усхліпнуць’: *Калі Васіль стаў накручваць парыжэлыя анучы, замотваць аборы, ціха назірала і толькі сутаргава хліпала, выціраючы вочы вялікімі патрэсканымі пальцамі* [25]; — *Загубіць захацела [Акуліна да Ганны] усіх! Калі сваёй галавы не шкода, то падумала б хоць пра бацькаву! Пра Хведзьку падумала б! — А вы б пра Васіля падумалі! — у голасе Ганны захліпаў плач* [26].

Яны ўжываюцца пераважна ў аўтарскай мове, дапамагаючы зрабіць апавяданне экспрэсіўна насычаным і змястоўным.

Заклучэнне. Экспрэсіўныя дзеясловы са значэннем празмернай або недастатковай сілы дзеяння сустракаюцца ў мове «Палескай хронікі» І. Мележа даволі часта і выражаюцца праз семы «моцна» і «слаба». З іх дапамогай аўтар паказвае сілу выканання дзеяння героем, яго асабістыя, суб’ектыўныя адносіны да выканання дзеяння або да дзеяння, што выконваецца іншай асобай. Яны — частка ядра экспрэсіўнай лексікі твора — рэалізуюць значэнне максімальнай інтэнсіўнасці, або энергетычнай насычанасці дзеяння, зыходзячы з актуальных магчымасцей суб’екта.

Спіс цытуемых крыніц

1. Маліцкі Ю. В. Экспрэсіўныя дзеясловы сучаснай беларускай літаратурнай мовы: зместава-тэматычны аспект // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2009. № 2. С. 113—117.
2. Мележ І. Збор твораў : у 10 т. Мінск : Маст. літ., 1982. Т. 6 : Подых навалніцы : раман з «Палескай хронікі». 573 с.
3. Мележ І. Збор твораў : у 10 т. Мінск : Маст. літ., 1983. Т. 7 : Завей, снежань : раман з «Палескай хронікі». 558 с.
4. Там жа.
5. Там жа. С. 71.
6. Там жа. С. 187.
7. Мележ І. Збор твораў : у 10 т. Мінск : Маст. літ., 1983. Т. 5 : Людзі на балоце : раман з «Палескай хронікі». 398 с.
8. Мележ І. Завей, снежань. С. 176.
9. Там жа. С. 159.
10. Там жа. С. 122.
11. Мележ І. Людзі на балоце. С. 72.
12. Там жа. С. 43.
13. Мележ І. Завей, снежань. С. 15.
14. Мележ І. Людзі на балоце. С. 242.
15. Там жа. С. 99.
16. Там жа. С. 108.
17. Там жа. С. 68.
18. Мележ І. Завей, снежань. С. 26.
19. Там жа. С. 163.
20. Там жа. С. 28.
21. Там жа. С. 196.
22. Там жа. С. 209.
23. Там жа. С. 202.
24. Мележ І. Людзі на балоце. С. 25.
25. Там жа. С. 69.
26. Там жа. С. 58.

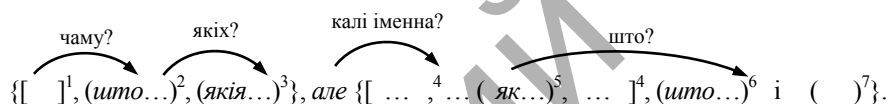
СКЛАДАНЫЯ СКАЗЫ З СЯМІО І ВАСЬМІО ПРЭДЫКАТЫЎНЫМІ ЧАСТКАМІ І РОЗНЫМІ ВІДАМІ СУВЯЗІ Ё МОВЕ ПРОЗЫ У. КАРАТКЕВІЧА

Уводзіны. У сучаснай беларускай мове адрозніваюцца складаныя сказы, у якіх часткі (тры і больш) звязаны злучальнай і падпарадкавальнай, злучальнай і бяззлучнікавай, падпарадкавальнай і бяззлучнікавай сувяззю. Гэта — складаныя сказы з рознымі відамі сувязі, або сказы камбінаванай будовы [1, с. 342]. У іх структуры паасобныя састаўныя часткі, непасрэдна аб'ядноўваючыся адна з другой, утвараюць больш буйныя сінтаксічныя адзінствы — складаныя састаўныя часткі, якія па форме суадносяцца са складаназлучанымі, складаназалежнымі і бяззлучнікавымі складанымі сказамі, а гэтыя, у сваю чаргу, могуць аб'ядноўвацца ў асобныя складаныя часткі камбінаванай будовы. Разнастайнасць структуры такіх сказаў дазваляе пісьменніку апісваць падзеі і з'явы пастацку выразна і дэталёва, дакладна і аб'ектыўна выказваць свае думкі.

Асноўная частка. У празаічных творах У. Караткевіча сустракаюцца складаныя сказы з рознымі відамі сувязі разнастайнай структуры, у тым ліку і сінтаксічныя адзінкі з сяміо і васьміо прэдыкатыўнымі часткамі.

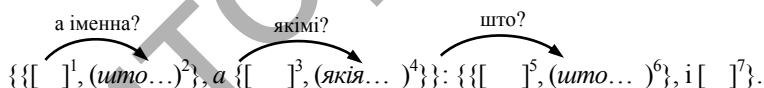
Складаныя сказы з сяміо прэдыкатыўнымі часткамі і рознымі відамі сувязі ўяўляюць сабой такія сінтаксічныя структуры, у складзе якіх звычайна аб'ядноўваюцца паміж сабой злучальнай або бяззлучнікавай сувяззю складаназалежныя часткі як з адной, так і з некалькімі даданымі, радзей складаная бяззлучнікавая частка — са складаназалежнай. Разгледзім некалькі прыкладаў.

Я вельмі здзівіўся¹, што адна бабуля з рагачом у руцэ адчыніла нам дзверы, не пабаялася двух дарослых мужыкоў², якія невядома адкуль з'явіліся ўначы³, але пасля таго⁴, як пабачыў Яна⁵, зразумеў⁶, што ён стаяў недзе ў засадзе⁶ і жанчына спадзявалася на яго дапамогу⁷ [2, с. 29]:

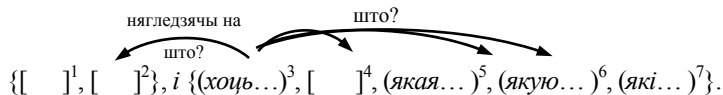
У структуру гэтага складанага сказа ўваходзяць дзве складаназалежныя часткі, аб'яднаныя злучальнай сувяззю (пры дапамозе супраціўнага злучніка *але*): першая складаназалежная частка — з паслядоўным падпарадкаваннем, другая — з сузалежным аднародным і неаднародным падпарадкаваннем. Паміж часткамі выражаюцца адносіны неадпаведнасці.

Напэўна, і яна адчувала тое самае¹, што я², а маё пачуццё можна параўнаць толькі з тымі снамі³, якія часам бываюць у юнацтве⁴: табе сніцца⁵, што ты танцуеш⁶, і нязначнае ішчасце ахапляе сэрца⁷ [3]:

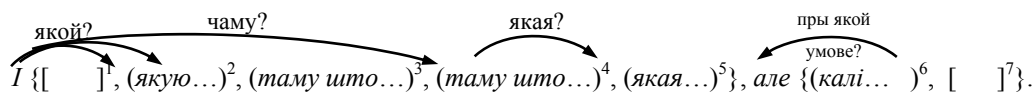
У дадзеным сказе тры складаназалежныя часткі (кожная — з адной даданай) і адна простая. Дзве першыя складаназалежныя часткі аб'яднаны паміж сабой злучальнай сувяззю (пры дапамозе супастаўляльнага злучніка *а*), паміж імі выражаюцца адносіны супастаўлення. Яны ўтвараюць складаную частку камбінаванай будовы. Трэцяя складаназалежная частка — з адной даданай — злучальнай сувяззю (пры дапамозе злучніка *і*) звязана з простаю прэдыкатыўнай часткай і ўтварае разам з ёй другую складаную частку камбінаванай будовы. Сувязь паміж імі бяззлучнікавая. Другая складаная частка камбінаванай будовы паясняе, удакладняе, раскрывае змест першай складанай часткі камбінаванай будовы.

Клянуся жыццём¹, так яна мне і сказала², і хоць я ненавіджу арыстакратаў³, я зразумеў перад гэтым партрэтам⁴, якая гэта страшная іштук «род»⁵, якую пячаць ён накладвае на нашчадкаў⁶, які цяжар старых грахоў і выраджэння кладзецца на іхнія плечы⁷ [4]:

Першыя дзве простыя прэдыкатыўныя часткі ўтвараюць складаную бяззлучнікавую частку, іншыя пяць простых прэдыкатыўных частак — складаназалежную з сузалежным аднародным і неаднародным падпарадкаваннем, сувязь якой са складанай бяззлучнікавай часткай забяспечваецца спалучальным злучнікам *і*. Паміж гэтымі складанымі канструкцыямі выражаюцца адносіны паслядоўнасці.

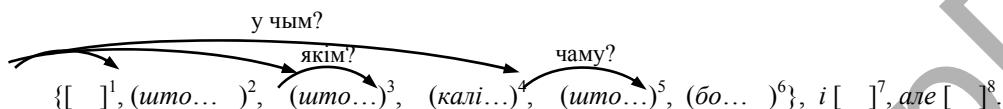
І таму ваюй за сваё, а асабліва супраць самай страшнай ерасі, чалавечага самамнення і жадання думаць, ваюй супраць самай страшнай ерасі¹, якую ў Італіі завуць гуманізмам², таму што гэта рошчына вечнага неспакою³, таму што гэта адзіная ерась⁴, якая не стане верай і догмай⁵, але калі стане⁶ — нам усім, і давеку, прыйдзе канец⁷ [5, с. 17]:

Першыя пяць простых прэдыкатыўных частак утвараюць складаназалежную частку з некалькімі даданымі са змешаным падпарадкаваннем, а сёмая і восьмая — складаназалежную частку з адной даданай (сродак сувязі — злучнік *калі*). Складаназалежныя часткі звязваюцца злучальнай сувяззю (сродак сувязі — супраціўны злучнік *але*), паміж імі выражаюцца адносіны супрацьпастаўлення.

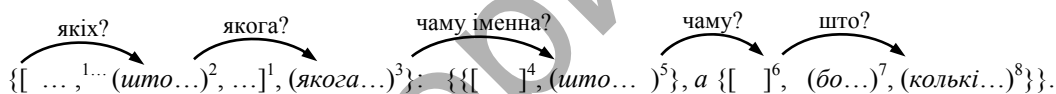
Складаныя сказы з васьмію прэдыкатыўнымі часткамі і рознымі відамі сувязі — гэта сінтаксічныя структуры, у складзе якіх, як і ў папярэдніх прыкладах, аб'ядноўваюцца паміж сабой злучальнай або бяззлучнікавай сувяззю розныя складаныя часткі.

Я падсвядома быў упэўнены зараз¹, што ён звязаны з таямніцай дзікага палявання², што вырастае ён можа толькі ў тым выпадку³, калі я загіну⁴, што зараз паляванне пачне паляваць на мяне⁵, бо гэта пытанне іхняга жыцця⁶, і я, магчыма, яшчэ сёння атрымаю кулю ў спіну⁷, але шалёная злосць, яркасць, нянавісць сціснулі мне глотку⁸ [6]:

Першая, другая, трэцяя, чацвёртая, пятая і шостая простыя прэдыкатыўныя часткі ўтвараюць складаназалежную частку са змешаным падпарадкаваннем. Сёмая і восьмая частка аб'яднаны злучальнай сувяззю (пры дапамозе супастаўляльнага злучніка *але*) і адносінамі супрацьпастаўлення; яны ўтвараюць складаназалежную частку, якая звязана са складаназалежнай злучальнай сувяззю (сродак сувязі — злучальны злучнік *і*).

Акрамя Басцякага, Камара і Лотра, сёння, як на ўсіх працэсах¹, што былі царкоўнымі па юрысдыкцыі, але датычыліся ўсяго горада², сядзелі ў суднай зале войт горада Цыкун Жаба, шырокі брухам, грудзьмі і ўсім іншым магнат, апрануты ў залататканую чугу і з пячаткаю неверагоднай тупасці і такога ж неверагоднага самаўзвышэння на твары; бурмістр горада Юстын¹, якога ўжо трэці год выбіралі на гадавы тэрмін³: мяшчане — таму⁴, што быў багаты⁵, а царква хаця і не выбіралася, але не нярэчыла⁶, бо толькі яны адны ведалі⁷, колькі ўсяго рознага ўдалося ім і магнацтву выдраць ад Юстына, рады і горада за гэтыя тры гады⁸ [7]:

Паміж першай, другой, трэцяй простымі прэдыкатыўнымі часткамі сувязь падпарадкаваная (сродкі сувязі злучальныя словы *што*, *якога*); яны ўтвараюць складаназалежную частку з паслядоўным падпарадкаваннем. Чацвёртая і пятая частка звязаны падпарадкаванай сувяззю (з дапамогай злучальнага займенніка *што*) і ўтвараюць другую складаназалежную частку, а шостая, сёмая і восьмая простыя прэдыкатыўныя часткі, звязаныя падпарадкаванай сувяззю (сродкі сувязі — злучнік *бо* і злучальнае слова *колькі*) — трэцюю складаназалежную частку з паслядоўным падпарадкаваннем. Абедзве гэтыя складаназалежныя часткі звязаны злучальнай сувяззю (з дапамогай супастаўляльнага злучніка *а*) і ўтвараюць сінтаксічнае адзінства — складаную частку камбінаванай будовы, якая бяззлучнікавай сувяззю аб'ядноўваецца з першай складаназалежнай часткай; паводле сэнсу яны нераўнапраўныя: складаная частка камбінаванай будовы паясняе, удакладняе, раскрывае змест першай складаназалежнай часткі.

Заклучэнне. Структурная разнастайнасць складаных сказаў з сямю і васьмію прэдыкатыўнымі часткамі і рознымі відамі сувязі прадстаўлена ў мове праявіліся твораў У. Караткевіча шырока. Часцей за ўсё сустракаюцца сказы з рознымі паводле структуры складаназалежнымі часткамі, якія звязваюцца паміж сабой злучальнай або бяззлучнікавай сувяззю.

Паміж часткамі складаных сказаў з рознымі відамі сувязі выражаюцца адносіны паслядоўнасці, супастаўлення, неадпаведнасці або супрацьпастаўлення, паяснення, удакладнення і інш.

Спіс цытуемых крыніц

1. Грыгор'ева Л. М. Беларуская мова: Фанетыка. Арфаэпія. Графіка. Арфаграфія. Лексікалогія. Лексікаграфія. Фразеалогія. Марфемная будова слова. Словаўтварэнне. Марфалогія. Сінтаксіс. Пунктуацыя : вучэб. дапам. для пед. ВУЗ ; пад рэд. Л. М. Грыгор'евай. Мінск : Выш. шк., 1994. 367 с.
2. Караткевіч У. Дзікае паляванне караля Стаха : аповесць. Мінск : Беларускі фонд культуры, 2010. 757 с.
3. Там жа. С. 79.
4. Там жа. С. 32.
5. Караткевіч У. Выбраныя творы : у 2 т. Т. 2 : Хрыстос прыязміўся ў Гародні (Евангеле ад Іуды) : раман. Мінск : Маст. літ., 1980. 400 с.
6. Караткевіч У. Дзікае паляванне караля Стаха. С. 151.
7. Караткевіч У. Хрыстос прыязміўся ў Гародні (Евангеле ад Іуды). С. 26.

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ИРОНИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Введение. Ирония является многоаспектным понятием и выступает объектом исследования различных наук: философии, эстетики, литературоведения, лингвистики, что обуславливает неоднозначную интерпретацию данной категории. Анализ феномена иронии в лингвистической парадигме немыслим без рассмотрения основных подходов к её изучению в других науках, так как это даёт возможность более точно определить специфику иронии и является важной основой для её дальнейшей лингвистической интерпретации.

Основная часть. Возникшая ещё во время античности категория иронии вызвала огромный интерес у философов того времени. Так, известная ирония Сократа представляла собой метод полемики, способ построения аргументов в споре [1], выступая тем самым риторическим средством. В это время важное место ирония занимала в античном театре, где выделялся такой её тип, как «трагическая ирония», или «ирония судьбы», в основе которой находилось суждение о том, что «герой уверен в себе и не ведает (в отличие от зрителя), что именно его поступки подготавливают его собственную гибель» [2]. В эпоху романтизма трактовки иронии претерпели радикальные изменения, ирония стала анализироваться философами (и другими учёными) не как риторический приём, а как особое миропонимание, мировоззренческий принцип. В современной философии ирония рассматривается как «металогическая фигура скрытого смысла текста, построенная на основании расхождения смысла как объективно наличного и смысла как замысла» [3].

Взгляды на категорию иронии в исследованиях по эстетике также носят неоднозначный характер. Например, А. Ф. Лосев выделяет иронию как сложную эстетическую категорию, относящуюся к эстетическим модификациям, включая тем самым её к формам комического наряду с юмором и сатирой. Сравнивая иронию с обманом, А. Ф. Лосев замечает, что сущность иронии состоит в том, что «я, говоря “да”, не скрываю своего “нет”, а именно выражаю его, выявляю его» [4, с. 135]. В работах Ю. Б. Борева ирония, напротив, не выделяется как равноправная форма комического, а приравнивается лишь к оттенку комедийного смеха. По мнению учёного, ирония — это «“смех-айсберг” с подводным содержанием» [5, с. 92].

В литературоведении также сложилось два основных подхода к определению статуса иронии в структуре комического. Так, ирония, по мнению одних литературоведов, является самостоятельной формой комического наряду с сатирой и юмором, а по мнению других, занимает промежуточное положение между ними. В этой связи Б. Дземидок отмечает, что «ирония остаётся, по существу, одним из видов техники комического, используемой как сатирой, так и юмористикой. Она остаётся замаскированной насмешкой, где скрытый смысл является отрицанием буквального» [6, с. 102]. Литературовед Г. Н. Поспелов относит иронию в разряд тропов и называет её одним из видов иносказательных слов, в которых различные явления жизни отождествляются по их контрасту [7, с. 301]. Иной и, по нашему мнению, справедливой, является точка зрения С. И. Походни о том, что ирония является полноправной формой комического и таким же элементом мировоззрения, как юмор и сатира [8, с. 9].

Различные взгляды на категорию иронии в смежных науках создали своеобразный базис для изучения этой категории в лингвистической парадигме. В традиционной лингвистике ирония рассматривается как троп или стилистический приём (фигура), о чём свидетельствуют определения из лингвистических справочных изданий, а также исследования по стилистике. В словаре лингвистических терминов ирония трактуется как «троп, состоящий в употреблении слова в смысле, обратном буквальному, с целью тонкой или скрытой насмешки; насмешка, нарочито облечённая в форму положительной характеристики или восхваления» [9, с. 185]. Известный стилист И. В. Арнольд относит иронию к числу тропов в совокупности с метафорой, метонимией и рассматривает её как «выражение насмешки путём употребления слова в значении, прямо противоположном его основному значению, и с прямо противоположными коннотациями, притворное восхваление, за которым в действительности стоит порицание» [10, с. 102—103]. По мнению И. Р. Гальперина, ирония — это «стилистический приём, посредством которого в каком-либо слове появляется взаимодействие двух типов лексических значений: предметно-логического и контекстуального, основанного на отношении противоположности (противоречивости)» [11, с. 133].

Современные лингвистические исследования отводят иронии позицию полноправной формы комического, особого мировоззрения, самостоятельной категории, имеющей собственные средства репрезентации. Ирония в современной лингвистике также рассматривается в различных ипостасях. Например, Ю. П. Королева анализирует иронию как речевой акт, составляющую речевого общения, выдвигая на первый план риторический аспект репрезентации иронии, где просодия выступает главным маркером иронии в звучащей речи. В этом ракурсе, по мнению учёного, особую роль выполняет «не только непосредственный вербальный контекст, в котором раскрывается второе, противоположное значение высказывания, но и более широкий экстралингвистический и социокультурный контекст риторического дискурса» [12, с. 7], что указывает на то, что ирония является важным компонентом национально-культурной специфики определённой языковой картины мира. Особую роль иронии в коммуникативной

культуре отмечает также А. А. Горностаева и трактует её как «речевой жанр, который имеет в своей основе языковую манипуляцию, заключающуюся в употреблении слова, выражения или высказывания в смысле, отличном от буквального; выполняет функцию, соответствующую коммуникативной интенции говорящего; является отражением менталитета народа и имеет этнокультурную специфику» [13, с. 10].

Ещё одним важным направлением в изучении иронии в современной лингвистике является анализ иронии в текстовом аспекте. Особенно актуальный материал в этом плане представляют собой художественные тексты, которые отличаются особой экспрессивностью, неоднозначностью, субъективностью и наличием в них скрытых смыслов. Ирония выступает неотъемлемой концептуальной категорией художественного текста, а основные особенности функционирования иронии в нём заключаются в таких её чертах, как имплицативный характер, наличие оценочного компонента и субъективное начало. Исследователь А. В. Сергиенко характеризует иронию как проявление имплицации и указывает, что «являясь формой оценочного, критического и эмоционального освоения действительности, ирония обнаруживает тесную зависимость от творческой позиции автора, его мировоззрения» [14, с. 4]. Оценка, выражаемая иронией, носит, как правило, негативный характер и является результатом реализации прагматического намерения субъекта иронии. Как оценочная позиция автора ирония реализуется в определённых ситуациях и «представляет собой контекстно обусловленное явление, причём во внимание следует принимать контексты всех объёмов (от микро- до макконтекстов) и видов (как линейный, так и вертикальный)» [15]. Контекст является основным условием распознавания и интерпретации иронических высказываний в художественном тексте и «чем шире контекст, необходимый для декодирования иронии, тем ирония сложнее» [16, с. 10]. Экспликаторами иронии в художественном тексте выступают лексические, синтаксические, стилистические и другие средства, выделенные в соответствии с различными уровнями языка, но находящиеся в постоянном взаимодействии.

Заключение. Ирония является полифункциональной и гетерогенной категорией и характеризуется неоднозначной интерпретацией в различных научных направлениях, что обуславливает постоянное развитие данного понятия и конкретизацию его значения. Основные подходы к изучению иронии в лингвистике сводятся к рассмотрению её как тропа или стилистического приёма в традиционном понимании и как равноправной формы комического, самостоятельной категории, в частности, речевого акта и текстовой содержательной категории в рамках современного лингвистического подхода. Ирония в художественном тексте представляет собой авторскую имплицативную оценку и выражается с помощью средств различных языковых уровней.

Список цитируемых источников

1. Кьеркегор С. О понятии иронии // Логос. 1993. № 4. С. 176—198.
2. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/91233> (дата обращения: 14.03.2016).
3. Грицанов А. А. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/534 (дата обращения: 13.03.2016).
4. Лосев А. Ф. Форма — Стиль — Выражение / сост. А. А. Тахо-Годи ; под общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханьковой. М. : Мысль, 1995. 944 с.
5. Боров Ю. Б. Эстетика : учеб. М. : Высш. шк., 2002. 511 с.
6. Дземидок Б. О комическом. М. : Прогресс, 1974. 223 с.
7. Введение в литературоведение / под. ред. Г. Н. Поспелова. М. : Высш. шк., 1988. 528 с.
8. Походня С. И. Языковые средства выражения иронии в англоязычной художественной прозе (на материале английской и американской художественной литературы конца XIX—XX веков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Киев, 1984. 218 с.
9. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл., 1966. 606 с.
10. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учеб. для вузов. 4-е изд. М. : Флинта : Наука, 2002. 384 с.
11. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 462 с.
12. Королева Ю. П. Роль просодии в реализации юмора и иронии в британской публичной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 ; Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. М., 2008. 18 с.
13. Горностаева А. А. Ирония в английской и русской коммуникативных культурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 ; Рос. ун-т дружбы народов. М., 2013. 22 с.
14. Сергиенко А. В. Языковые возможности реализации иронии как разновидности имплицации в художественных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1995. 18 с.
15. Походня С. И. Языковые средства выражения иронии в англоязычной художественной прозе (на материале английской и американской художественной литературы конца XIX—XX веков). С. 13.
16. Печенихина Е. А. Языковое выражение иронии в произведениях Ж. М. Эсы де Кейроша : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2010. 24 с.

ГІСТОРЫЯ ДАСЛЕДАВАННЯ ДЭСЕМАНТЫЗАВАНЫХ ЭЛЕМЕНТАЎ

Уводзіны. Адным з механізмаў атрымання новых значэнняў з'яўляецца дэсемантызацыя.

Дэсемантызацыя (лац. de часціца адмаўлення і грэч. *semantikos* якое азначае) — страта якой-небудзь з'явай сэнсу, страта словам лексічнага значэння.

Паслабленне ўласнага значэння слова, пераход знамянальнага слова ў службовае, набыццё будаўнічых службовых функцый у словах адбываецца пастаянна, праходзячы праз шэраг этапаў. Першым этапам можна лічыць такое становішча, калі слова семантычна залішняе, калі яно ўжыта не для таго, каб пазначыць тое ці іншае паняцце, а з канструктыўнымі мэтамі. Далей у такім слове ўласнае значэнне можа ўсё больш спусташацца, яго семантычная нагрузка ў сказе становіцца падобнай семантычнай нагрузцы службовага слова або марфемы. Аб канчатковым «выветрыванні» ўласнага значэння ў слова і ператварэнні яго ў службовы элемент сведчыць яго ўжыванне, якое супярэчыць яго асноўнаму значэнню (семантычнае раздапасаванне).

Асноўная частка. Тэрмін «дэсемантызацыя» ўжываецца ў рускай і замежнай літаратуры. Найбольш поўнае асвятленне гэта семантычная з'ява атрымала ў працах расійскага лінгвіста У. Р. Гака (1965, 1977, 1998). Ён разглядае дэсемантызацыю як адну з разнавіднасцей ускоснай намінацыі. На семантычным узроўні дэсемантызацыя характарызуецца як «ліквідацыя нават радавой архісемы», на семіятычным узроўні — як страта камунікантам сувязі са сказаным [1]. Дэсемантызацыя закранае розныя моўныя ўзроўні. Даследчык У. Р. Гак вылучыў агульныя ўмовы дэсемантызацыі моўнага знака ў дзеяслоўна-іменных спалучэннях. Да іх адносяцца, у прыватнасці, транзітыўнае ўжыванне словаформы, наяўнасць у слова шырокага, абстрактнага значэння, сэнсавы лішак, спецыялізацыя ўжывання. Вучоны вылучае наступныя фактары, якія ўплываюць на развіццё дэсемантызацыі:

1) семантычныя, якія аказваюць уплыў на абстрактнасць або перанос значэння. Узнікненню ў слова будаўнічых функцый, яго дэсемантызацыі спрыяюць розныя фактары: семантычныя (абстрактнасць або перанос значэння, семантычная надмернасць), лексічныя (лексічная спецыялізацыя), сінтаксічныя (транзітыўнае ўжыванне). У будаўнічай функцыі могуць выступаць усе тры тыпы намінацый: абстрактныя, пераносныя, канкрэтныя. Будаўнічыя элементы лексікі набіраюцца перш за ўсё сярод слоў абстрактнага значэння, якія, дзякуючы сваёй семантычнай прастаце, могуць спалучацца з неабмежаваным колам слоў. Пры дэсемантызацыі слова як бы адрываецца ад свайго першапачатковага значэння. Гэты адрыў адбываецца і пры ўзнікненні ў слова пераноснага значэння. Нярэдка мы сустракаемся з тым, што ў прамым значэнні слова выкарыстоўваецца з поўным сваім семантычным аб'ёмам, а ў пераносным — з няпоўным;

2) лексічныя, звязаныя са спецыялізацыяй значэння, яго ўжывання як кампанента словазлучэння. Вывучаючы працэсы дэсемантызацыі, даследчыкі звярталі ўвагу перш за ўсё на словы абстрактнага значэння. А між тым і словы канкрэтнага значэння ва ўмовах семантычнага дапасавання могуць набываць службовую функцыю. Будаўнічае выкарыстанне слоў канкрэтнага значэння і іх дэсемантызацыя грунтуецца на адлюстраванні ў лексіка-граматычнай арганізацыі выказвання ўстойлівых прадметных адносін;

3) сінтаксічныя, дзе важную ролю адыгрывае транзітыўнае ўжыванне моўнага знака. Сінтаксічным фактарам, які спрыяе дэсемантызацыі і ўзнікненню ў слова будаўнічай функцыі, з'яўляецца яго транзітыўнасць. Пры транзітыўным ужыванні слова выступае адначасова і як носьбіт пэўнага значэння, і як звязно паміж двума іншымі членамі сказа. Злучальная функцыя такога слова можа выйсці на першы план, зрушваючы яго ўласнае лексічнае значэнне, па прычыне гэтага слова ператвараецца ў знак сувязі паміж словамі, эквівалентны па функцыі прыназоўніку ці іншаму злучальнаму элементу мовы. Злучальная функцыя стварае ўмовы для розных пераасэнсаванняў: фігуральнага, фразеалагічна звязанага альбо службовага выкарыстання слова.

Пытанні дэсемантызацыі выклікаюць вялікую цікавасць у вучоных. На думку І. Р. Гальперына, пад дэсемантызацыяй разумеецца рэдукцыя сэнсу — «працэс, у выніку якога моўныя адзінкі пачынаюць часткова або цалкам губляць сваё значэнне» [2].

Даследчык У. П. Жукаў лічыць, што дэсемантызацыя азначае страту ўсіх або істотных элементаў змястоўнай структуры слова, такое яго семантычнае спусташэнне, якое суправаджаецца якасным перараджэннем, напрыклад, у кампанент фразеалагізма [3].

Дамінуючая роля рэалізацыі прыкметы дэсемантызацыі адводзіцца кантэкстуальнаму акружэнню: чым мацней залежнасць слова ад кантэксту, тым вышэйшая ступень яго дэсемантызацыі [4].

Значэнне слова складаецца з сумы ўсіх яго значэнняў, якія выяўляюцца ў розных кантэкстах. Чым больш слова ўжываецца ў разнастайных кантэкстах, тым шырэйшым становіцца кола яго значэнняў. Гэта дазваляе слову ўступаць у разнастайныя сэнсавыя адносіны з іншымі словамі, што павялічвае яго спалучальнасць. А шырокая спалучальнасць слова стварае новыя магчымасці яго ўжывання ў новых кантэкстах. Аднак у шэрагу выпадкаў такое пашырэнне значэння слова, павелічэнне яго спалучальнасці і яго ўжывання ў розных кантэкстах прыводзіць да невыразнасці яго сэнсавых межаў і да паслаблення яго рэчывага значэння, гэта значыць прыводзіць да частковай

дэсемантызацыі слова. Дэсемантызацыя яшчэ больш павялічвае магчымасць ужывання слова ў розных кантэкстах. Усякае дэсемантызаванае слова можа выступаць як замяшчальнік многіх іншых слоў. Працэс дэсемантызацыі назіраецца ў цэлым шэрагу слоў. Хісткасць і невыразнасць сэнсавых межаў уласціва тым словам, якія набылі шмат кантэкстуальных значэнняў.

Дэсемантызаваная лексіка — словы, якія набылі вельмі шырокае, невыразнае значэнне дзякуючы таму, што яны ўжываюцца ў самых разнастайных лексічных спалучэннях. На думку Н. М. Амосавай, пад шырокім значэннем разумеецца тое значэнне, якое змяшчае максімальную ступень абагульнення, што выяўляецца ў чыстым выглядзе ва ўмовах ізаляцыі слова з мовы і атрымлівае вядомае звужэнне і канкрэтызацыю пры ўжыванні ў мове дадзенага слова [5].

Гатовай класіфікацыі дэсемантызаванай лексікі не існуе. У сувязі з яе частотным ужываннем у гутарковай мове, а таксама ў тэкстах мастацкай літаратуры мэтазгодна праводзіць класіфікацыю дэсемантызаванай лексікі па двух крытэрыях: прычына выкарыстання ў мове і функцыянальная роля ў семантычнай структуры выказвання. Дэсемантызаваныя словы іграюць функцыянальную ролю ў семантычнай структуры сказа. Яны могуць мець самастойнае значэнне. У іншых выпадках дэсемантызаваныя словы выконваюць толькі граматычную функцыю і ўжываюцца ў якасці апорных слоў.

У гісторыі лінгвістыкі рабіліся спробы выяўлення і класіфікацыі дэсемантызаваных элементаў. У 60—70-я гг. XX ст. узнікла і атрымала сваё развіццё тэорыя дыскурсу. Спачатку дадзены кірунак узнік як лінгвістыка тэксту, але да пачатку XXI ст. пераўтварыўся ў лінгвістыку дыскурсу. Аналіз вуснай гутарковай мовы дазволіў лінгвістам вылучыць асобную групу часціц, якія атрымалі назву «дыкурсіўныя маркеры», або «дыкурсіўныя часціцы». Дыкурсіўныя маркеры з'яўляюцца аб'ектам шматлікіх даследаванняў у лінгвістыцы. Яны складаюць неаднародны клас нязменных слоў, якія не супадаюць па сваіх функцыянальных і дыстрыбутыўных якасцях, але фарміруюць адзіную лінгвістычную прастору. Тэрмін «дыкурсіўны маркер» суадносіцца з асаблівым класам слоў, прынцыпова важнай уласцівасцю якіх з'яўляецца іх непасрэдная сувязь з функцыянаваннем дыскурсу. Дыкурсіўныя маркеры з'яўляюцца класам слоў з унікальнымі фармальнымі і прагматычнымі магчымасцямі, іх частотнасць даволі высокая.

Адрозненні паміж падыходамі заключаюцца ў разнастайным разуменні функцый дыкурсіўных маркераў і спосабах разгляду іх марфемнай безупыннасці і поліфункцыянальнасці.

Заклучэнне. Актуальнасць вывучэння дыкурсіўных маркераў вызначаецца, па-першае, тым, што яны шматфункцыянальныя, а па-другое, у лінгвістыцы адсутнічае іх сістэматычнае апісанне і аналіз.

Класіфікацыя дыкурсіўных маркераў да гэтага часу не мае дакладнай структуры. Няма дакладных межаў самога класа гэтых слоў, таксама не выяўлены дакладныя якасныя або колькасныя крытэрыі, па якіх можна было б вызначыць адзінкі, што ўваходзяць у клас дыкурсіўных маркераў. У адзін клас былі аб'яднаны моўныя адзінкі рознага ўзроўню, функцый і марфалагічных уласцівасцей.

Некаторымі аўтарамі былі вылучаны асноўныя прыкметы суаднясення маўленчых адзінак да дыкурсіўных маркераў. Да іх адносяцца фаналагічныя, семантычныя, сінтаксічныя, функцыянальныя, сацыялінгвістычныя і стылістычныя падабенствы і адрозненні.

У дачыненні да вывучэння дэсемантызаваных элементаў у лінгвістычнай навуцы трэба адзначыць, што гэта тэма вельмі дыскусійная.

Спіс цытуемых крыніц

1. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Яз. рус. культуры, 1998. 768 с.
2. Гальперин И. Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста // Принципы и методы семант. исслед. М., 1976. С. 267—290.
3. Жуков В. П. Русская фразеология. М.: Высш. шк., 1986. 158 с.
4. Кузякин А. С. Семантическая структура широкозначных глаголов give, get и её реализация в синтаксисе предложения // Лекс. и синтакс. семантика. Саранск, 1989. С. 129—142.
5. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 208 с.

УДК 811.161.1'37'367.625

Т. В. Дроздова

Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Гомель

ПРОИЗВОДНЫЕ МОДАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В ГРУППЕ ГЛАГОЛОВ, НАЗЫВАЮЩИХ ПРИРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Введение. В данной статье ставится задача выявить переносные модальные значения в семантической структуре глаголов, входящих в тематическую группу названий природных процессов и явлений. В современном языкознании общепризнанным является положение о том, что лексика системна. Одним из проявлений системности лексики является регулярность переносных значений в словах, которые входят в определённую

тематическую или лексико-семантическую группу. В лингвистической литературе отмечается, что тематические связи прямых значений отражаются в общности, сходстве, системности переносных значений. Например, В. К. Харченко выделяет в лексико-семантической группе существительных, обозначающих явления природы (*гроза, заря, искра, луч, туча* и др.), следующие обобщённые значения: а) 'начало, зарождение чего-нибудь радостного, светлого' (*заря, искра*); б) 'о ком-либо или чем-либо, наводящем ужас, пугающем' (*гроза, туча*) [1, с. 59]. Кроме указанных для данной тематической группы можно говорить о переносных количественных (*град упрёков, туча насекомых*), абстрактных (*туман будущего*) и других значениях. «Системность переносных значений подтверждается и сопоставительным описанием семантики слов в различных языках» [2]. В нашей работе мы исследуем процесс смыслового развития производных модальных значений.

Модальность — это понятийная категория, понимаемая в современной лингвистике очень широко, как категория, «выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» (согласие/несогласие, принятие/непринятие, положительная/отрицательная оценка, возможность/невозможность, желательность, неизбежность, разные виды волеизъявления и др.) [3, с. 303].

Основная часть. Среди глаголов, в семантической структуре которых наблюдается формирование производных модальных значений, нами выделена группа глаголов, называющих природные процессы.

Параллелизм семантической структуры наблюдается у глаголов *бурлить, бушевать*. В номинативных значениях глаголов отражается природный, физический процесс: *бурлить* — 'бурно волноваться; клокотать' (*Весна была в самом начале, вода бешеными потоками бурлила в оврагах*); *бушевать* — 'бурно, стремительно проявлять какое-либо движение, силу (преимущественно разрушительную)' (*Ветер свирепствовал, море бушевало*). Метафорический перенос основан на сходстве протекания природных процессов и эмоциональных, душевных, которые отражают проявления несогласия, невозможности принять всё так, как есть. Модальный оттенок нежелания или невозможности (под воздействием внешних факторов) оставаться в спокойном расположении духа заключён во вторичном модальном переносном значении 'проявлять возбуждение в движениях, громких криках, шуме и т. д. (о толпе, множестве людей)' (*Огромнейшая толпа казаков бурлила, по-разному реагируя на речь оратора*); разг. 'безудержно, шумно выразить крайнее раздражение, гнев и т. п.; буйствовать' (*В нижнем этаже большого дома, на Никитской, сильно бушевала молодёжь*). Отношение выражается через действия.

Глагол *возгореться* имеет следующее основное значение: устар. 'начать гореть, загореться, разгореться'. Семантику начала процесса несёт в себе префикс *воз-*. На основе представления о физическом процессе формируется вторичное модальное переносное значение с оттенками неожиданного стремления к чему-либо: 'оказаться внезапно охваченным каким-либо чувством' (*Покажется ему [Райскому], что насупившийся ученик думает глубокую думу, и он вдруг возгорится участием к нему; [Офицер] вдруг возгорелся честолюбием*). Перенос носит метафорический характер, основан на сходстве в неожиданном, всеохватном начале.

Глагол *вспыхнуть* имеет следующее основное значение: 'внезапно и быстро воспламениться, загореться' (*Он чиркнул спичкой, бумага вспыхнула и оставила на пепельнице щепотку золы*). Модально-оценочное значение недовольства, озлобленности выражено в производном лексико-семантическом варианте глагола: 'внезапно прийти в возбуждённое, раздражённое состояние' (*Недавно, тяжёлою цензурой притеснён, Я, вспыхнув, говорил тебе немного крупно; — Николай, — вспыхнул Богдан, — я пока тебе не подчиняюсь непосредственно*). Метафора базируется на сходстве протекания физического (природного) процесса и проявления эмоционального состояния, выражающегося через отношение недовольства кем-, чем-либо.

Глагол *кипеть* в основном значении отражает природный процесс: 'клокотать, пениться от образующихся при сильном нагревании пузырьков пара (о жидкости)' (*Над огнём висит на крюке большой чёрный котёл; в нём кипит уха; И рисуется пейзаж страны вулканов, где пышут жаром озера лавы и кипящие гейзеры*). В переносном значении глагола отражается несогласие, неприятие субъектом чего-либо, эмоциональное состояние недовольства: разг. 'возмущаться, кипятиться' (*Весь день Дима кипел. Вот из-за таких типов падает тень на всех честных тружеников; В течение всего совещания Фокин ни разу не подал своего голоса. Все кипели, кричали, выходили из себя, — но Фокин — ни-ни*).

Глагол *волновать* имеет основное значение природного процесса, вызывающего изменение в состоянии предметов, веществ и т. д., т. е. в этом значении представлена ещё и сема каузативности: 'приводить в колебательное движение, вызывать волны' (*Их [кости] моют дожди, засыпает их пыль, И ветер волнуёт над ними ковыль; И когда ветерок волновал воду и маленькие волны достигали под кручей концов сосулек, то они качались, стуча друг о друга, звенели*). Метафора, основанная на сходстве физического и интеллектуального действия, сформировала модально-оценочное значение: 'приводить в тревожное, возбуждённое состояние; беспокоить' (*— Вы хотите знать, — начал он тихо, торжественно, — что меня теперь волнуёт, бесит?; Досада на себя, на своё бездействие и слабость томит и волнуёт душу*). Как уже было отмечено, эмоциональное состояние человека, как правило, сопровождает его отношение к чему-, кому-либо.

Номинативное значение глагола *затуманиться* отражает природное явление: 'затянуться, подёрнуться туманом, дымкой, влагой и т. п., стать плохо видимым' (*На минуту затуманилось солнце, заслонённое курчавой шиной облака; Солнце садилось за краем леса. Синева неба поблекла, будто затуманилась*). В производном модальном значении превалирует семантика отрицательного эмоционального состояния: разг. 'опечалиться, омрачиться' (*Затуманилась она, опустила голову и ничем не ответила мне; Вера Дмитриевна молча, с затуманившимся лицом, смотрела на море*).

Глагол *таять* отражает в основном значении природный процесс: 'превращаться в жидкое состояние под действием тепла, *влаги*' (*Снег тает. Лыдина тает*). Переносное значение глагола *таять* отражает положительное, приятное, желаемое субъектом эмоциональное состояние: *разг.* 'приходить в умилённое, разнеженное состояние; *млеть*' (*Она и гордилась им, и умилялась перед ним и перед собой и своей любовью, и вся млея и таяла от любви к нему; — Люблю гармонистов, тает моё сердце перед ними*).

Заключение. Исследование глаголов, входящих в тематическую группу названий природных процессов и явлений, показало, что образование переносных модальных значений в семантике указанных слов — явление достаточно частотное. К группе глаголов, называющих природные процессы и явления, причисляются следующие глаголы: *бурлить, бушевать, возгореться, волновать, вспыхнуть, затуманиться, кипеть, таять* и др. В переносных значениях рассмотренных глаголов выражается модальность желательности, стремления (или их оттенки), регулярно сопровождающаяся семантикой эмоционального отношения (модально-оценочные значения представлены в семантической структуре глаголов *вспыхнуть, волновать, кипеть*). В некоторых случаях семантика эмоционального отношения или/и состояния в производных значениях выходит на первый план (*затуманиться, таять*).

Список цитируемых источников

1. Харченко В. К. Переносные значения. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 198 с.
2. Там же. С. 93.
3. Ляпон М. В. Модальность // Лингвист. энциклопед. слов. / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 303—304.

УДК 811.161.3'42:821.161.3-31*С.Алексиевич

Е. В. Дудко

Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Гомель

СПЕЦИФИКА ЗАГЛОВОЧНО-ФИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА РОМАНА С. АЛЕКСИЕВИЧ «ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ МОЛИТВА»

Введение. Объектом исследования является заголовочно-финальный комплекс романа С. Алексиевич «Чернобыльская молитва». Для творчества С. Алексиевич характерна повышенная фрагментарность и разьединение частей в зависимости от носителя повествования. Важными околотекстовыми элементами являются заглавия, эпиграфы и предисловия, эпилоги, которые в романе выполняют номинативную и синтезирующую функции.

Основная часть. Обратимся к сильной позиции текста — заглавию. Как отмечает Н. А. Сивакова, заглавия в творчестве С. Алексиевич «обладают повышенной семантической автономностью» [1, с. 181]. Заглавие концентрирует и передаёт основную тему произведения. Название полностью определено описываемыми событиями. Однако почему «молитва»? В «Чернобыльской молитве» характерные черты этого жанра практически редуцированы, это указывает на то, что автор, давая такое название своему произведению, заостряет внимание не на жанре молитвы, а скорее на тематическом содержании романа. О молитве нередко заходит речь и в самом тексте: «Молимся каждый день Богу...»; «...были коммунисты вместо Бога, а теперь остался один Бог. Молимся» [2, с. 68, 77], «Всё живое на четырёх ногах <...> к земле тянется. Один человек на земле стоит, а рукой и головой к небу поднимается. К молитве... К Богу» [3], «Молитесь! Это конец света» [4]. После краха науки человек вновь обращается к Богу. Именно поэтому в заглавие романа вынесено наименование молитва. По мнению автора, современному человеку, чтобы справиться с катастрофой такого масштаба, необходимо прибегнуть к покаянию и молитве, обращённой к Богу. Чернобыльские события оказались не только научной и социальной катастрофой, но и моральной. Для человека, пережившего Чернобыль, большого физически и, главное, душевно, молитва оказывается единственным средством спасения. Очевидно, что для того, чтобы достоверно описать страдания народа, историю его души, необходимо выбрать такую форму, которая сможет объективно выразить всю боль человека, его «воплль» и мольбу. Такой формой становится молитва, одна из самых древних словесных форм раскрытия мыслей. Молитва — религиозный жанр, но использование С. Алексиевич элементов этого жанра в документально-художественной литературе продуктивно потому, что молитва позволяет этот человеческий документ возвысить до крайней степени.

У романа «Чернобыльская молитва», кроме прочего, есть подзаголовок «Хроника будущего». Данный подзаголовок отражает мысли С. Алексиевич о последствиях чернобыльской катастрофы — в этом сочетании слов можно уловить призыв людей к разумному использованию ресурсов и постапокалиптические мотивы. Если обратиться к литературоведческому словарю, то мы обнаружим такое определение хроники: «литературный жанр, предполагающий достаточно точное воспроизведение исторических событий с сохранением временной последовательности» [5, с. 123]. Таким образом, слово «хроника» ориентирует читателя на документальность, на абсолютную достоверность текста произведения. В подтверждение этой мысли можно процитировать слова самой С. Алексиевич: «Мне иногда казалось, что я записываю будущее...» [6].

Ещё одним элементом заголовочно-финального комплекса является эпитаф. В качестве эпитафы к роману «Чернобыльская молитва» С. Алексиевич использует слова философа М. Мамардашвили: «Мы воздух, мы не земля...». Данный эпитаф полностью выполняет свою непосредственную функцию: эти слова выражают как метафорический смысл, так и буквальный. В романе нередко речь идёт о земле, о том, как она была кормилицей, а стала убийцей. Показательны цитаты из первой главы «Земля мёртвых»: «Я показываю: “Какая красивая земля!” <...> “Да, — отвечает кто-то из немецкой группы, говорящий по-русски, — красивая, но отравленная”. У него в руках — дозиметр» [7]. «Хоронили землю в земле...» [8]. «А земля “говорящая” потому, что мы кушаем землю, то есть из земли строимся...» [9]. На первый взгляд может показаться, что в эпитафе указана бинарная оппозиция воздуха и земли. Однако в романе врагом оказывается не только земля, но и воздух: «Газеты писали: “воздух над реактором чистый”. Читали, смеялись, матюгались. Воздух чистый, а мы дозы вон какие хватаем» [10]. Следовательно, эпитаф выражает идею о том, что человек потерял опору в жизни, землю, которая его породила, и стал тем отравленным воздухом, который «повис» над Землёй. Слова «мы воздух» означают, что наши ценности, надежды на будущее стали эфемерными, подвергнутыми риску так же, как воздух над реактором.

Обрамляющими частями можно считать «Историческую справку» и «Вместо эпилога». В «Исторической справке» приводятся факты в официальных формулировках и цифрах. Эту часть условно можно назвать «вместо предисловия», так как она открывает повествование. От предисловия эта часть отличается отсутствием авторской субъективности, сухость изложения фактов готовит читателя к общей тональности книги. Однако подбор газетных строк сам по себе отражает позицию автора, именно поэтому можно сказать, что «С. Алексиевич использует предисловие как ресурс авторского направляющего слова» [11, с. 74]. Единственным повествовательным пространством для высказывания собственных мыслей автору остаётся «Интервью...», которое включается в основное содержание. Эту часть С. Алексиевич не случайно называет «интервью», так как в ней присутствуют формальные показатели этого жанра (вопросно-ответные формулировки «О чём эта книга? Почему я её написала? — Эта книга не о Чернобыле, а о мире Чернобыля» [12]). Содержание же беседы «самой с собой» открывает читателю авторскую позицию, философские мысли и эмоции, пережитые «интервьюируемой».

Роман состоит из трёх глав — «Земля мёртвых», «Венец творения», «Восхищение печалью». Заглавие первой главы сочетает в себе оксюморон для русского человека — земля как воплощение рождения и смерть. Землёй мёртвых становится часть до этого процветавшей страны; урожай, воздух и даже дома становятся угрозой жизни, земля из кормилицы превращается в убийцу. Таким образом, название главы располагает читателя к восприятию трагедии, случившейся на родной земле.

Вторая глава носит название «Венец творения». В христианской традиции венец творения — это человек, ради которого и был создан мир, наиболее близкий к Богу человек. В контексте романа «Чернобыльская молитва» такое название звучит иронично. Человек науки, прогрессивный разработчик объекта, подобного Чернобыльской АЭС, не способен быть создателем в сакральном смысле слова, он не может быть Богом и становится убийцей. Употребление С. Алексиевич этого устойчивого выражения в качестве названия раскрывает общую ироническую тональность книги, в частности главы.

Третья глава носит название «Восхищение печалью». В монологах, входящих в состав этой главы, люди рассуждают о русском менталитете, о героизме и энтузиазме. В названии вновь встречается оксюморон: восхищение как положительное явление и печаль — как отрицательное. Глава начинается с «Монолог о том, чего мы не знали: смерть может быть такой красивой». Этот монолог не случайно открывает главу — слова первой героини задают тон повествованию, направляя мысли читателей в правильное русло: «Невероятный цвет. Это был не обыкновенный пожар, а какое-то свечение. Красиво. Если забыть об остальном, то очень красиво» [13]. В этих словах сочетается и восхищение от увиденного, и горечь поражения, печаль.

Элементом рамы произведения является и часть «Вместо эпилога». Со временем этот элемент повествования увеличился от одной строчки до страницы. В издании романа 1998 г. была приведена цитата из газеты: «...Киевское бюро путешествий предлагает поездки в город Чернобыль и мёртвые деревни... Разумеется, за деньги. Посетите ядерную Мекку...» [14, с. 223]. Со временем к этим строкам добавился авторский комментарий, в котором С. Алексиевич в ироническом ключе характеризует туристические маршруты по Чернобылю: «Здесь ещё сохранились лозунги коммунистических времён — их и радиация не берёт» [15]. Описание этого путешествия направляет читателя на мысль, что современный человек потерял ориентир, что сейчас ужасы катастрофы с лёгкостью продаются, а ведь для кого-то это было реальностью.

Заключение. Рамочные элементы в творческой системе С. Алексиевич становятся важнейшими структурными элементами романа. Заглавия и глав, и романа в целом выражают авторское отношение к описываемым событиям, создают единое композиционное целое. Автор использует различные рамочные элементы в трансформированном виде: «вместо эпилога», «интервью автора с самой собой» и др.

Список цитируемых источников

1. Сивакова Н. А. Функции заглавий в повествовательной структуре документальных произведений С. Алексиевич // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. 2011. 2 (65). С. 179—181.
2. Алексиевич С. Чернобыльская молитва: Хроника будущего. М. : Время, 2007. 384 с.
3. Там же. С. 100.
4. Там же. С. 352.
5. Суслова Н. В., Усольцева Т. Н. Новейший литературоведческий словарь-справочник для ученика и учителя. Минск : Белый ветер, 2003. 152 с.

6. Алексіевіч С. Чэрнобыльская молітва: Хроніка будучага. С. 51.
7. Там же. С. 351.
8. Там же. С. 137.
9. Там же. С. 139.
10. Там же. С. 296.
11. Сивакова Н. А. Предисловие в творческой системе С. Алексіевіч: состав, функции, внутренняя организация // Христ. гуманизм и его традиции в славян. культуре : сб. науч. ст. / Гомел. гос. ун-т ; редкол.: Т. Н. Усольцева (гл. ред.) [и др.]. Гомель, 2010. Вып. 2. С. 73—77.
12. Алексіевіч С. Чэрнобыльская молітва: Хроніка будучага. С. 37.
13. Там же. С. 247.
14. Алексіевіч С. Чэрнобыльская молітва. М. : Остожье, 1998. 223 с.
15. Алексіевіч С. Чэрнобыльская молітва: Хроніка будучага. С. 379.

УДК 811.161.3:82-31Разанаў

М. В. Ермаловіч

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

СІНТАКСІЧНЫЯ СРОДКІ ПАМЯНШЭННЯ АБ'ЁМУ ВЫКАЗВАННЯ Ў ТВОРАХ АЛЕСЯ РАЗАНАВА

Уводзіны. Важнае месца сярод граматычных экспрэсіўных сродкаў адводзіцца сінтаксічным, якія ўжо даследаваны ў працах Г. М. Акімавай, В. В. Аляксандравай, Э. М. Берагоўскай, Ю. М. Маліновіч, В. А. Маславай, А. П. Скавароднікава і інш. Як адзначае Н. Э. Шандорха, «экспрэсіўнымі лічацца ўсе фігуры маўлення, пераважная частка якіх заснавана на законах сіметрыі — сінтаксічны паралелізм, антытэза, хіязм, полісіндэтон і іншыя. І, наадварот, парушаецца сіметрычная структура ў інверсіі, сегментацыі, парцэляцыі, эліпсісе і інш.» [1, с. 7]. Сінтаксічныя фігуры часта «актыўна ўзаемадзейнічаюць паміж сабой, узмацняюць эстэтычную выразнасць і эмацыянальнасць выказвання, пазбаўляюць мастацкую мову аднастайнасці, надаюць ёй стылістычную разнастайнасць і тым самым дапамагаюць лепш выявіць вобразную думку пісьменніка, перадаць яго душэўнае хваляванне» [2, с. 302]. Да сінтаксічных сродкаў выражэння эмоцый даследчыкі адносяць сінтаксічныя фігуры павелічэння і памяншэння аб'ёму выказвання. У сваіх творах А. Разанаў актыўна выкарыстоўвае экспрэсіўныя сінтаксічныя фігуры.

Асноўная частка. Да сінтаксічных фігур памяншэння аб'ёму Н. Э. Шандорха адносіць: эліпсіс, эсіндэтон, умаўчанне, зейгму. Фігуры з памяншэннем аб'ёму выказвання, абумоўленыя тэндэнцыяй да эканоміі моўных сродкаў, дазваляюць максімальна перадаць змест пры мінімальнай затраце моўных сродкаў, надаюць маўленьню энергічнасць.

Умаўчанне як прыём экспрэсіўнага сінтаксісу — «пропуск таго, што вельмі значна. Гэта сінтаксічная фігура, пры якой маўленне змяняе рэзка абыгрываецца, каб перадаць пэўныя эмоцыі гаворачага, зразумелым становіцца толькі агульны сэнс выказвання. Графічна гэта фігура абазначаецца шматкроп'ем» [3]. У творах А. Разанава знаходзім прыклады ўмаўчання:

— у пачатку сказа: «Сілай апоры пераадолеўшы сілу цяжару, выкінуў на тратуар [4, с. 26]; ...Мэта мэты — станавіцца ўсім жыццём [5, с. 256]; ...Прыпаў да занавескі // знясілены // прамень, // акамянела вестка... [6, с. 269] і інш.;

— у сярэдзіне сказа: Праз акулёры: ніводнай карціны не для сябе і для сябе ніводнай... // што бачыць у змроку сава чаго я не бачу... // карціны ўбіраюць змрок праз чуйныя акулёры [7, с. 100]; Людзі, што мне сустрэліся ўчора і пазаўчора і што сустракаюцца сёння... // уваходзяць яны ў мой лёс, быццам яны гэта я таксама [8, с. 97]; І я паспеў: я той, хто не свіння... // я той, хто не свіння... // паспеў прамовіць // і закруціўся, згінуў... [9] і інш.;

— у канцы сказа: Тут нешта тоіцца, // нешта хаваецца, // нешта ўхіляецца ад разгляду...; Абуджаюся і засынаю, // а ўсё няпоўны мой сон, усё няпоўнае абуджэнне... [10]; У завеі — зямля, у завеі — дрэвы, людзі, якія жылі і якія яшчэ не жылі, у завеі, // і я таксама ў завеі... [11] і інш.

Даследчык А. Багамолава адзначае, што «разнастайнасць эмоцый, укладзеных у ўмаўчанне, перадаецца не толькі зместам выказвання, але і пунктуацыйна, паколькі незавершаная думка можа афармляцца як адным шматкроп'ем, так і камбінаваннем яго з іншымі знакамі прыпынку» [12, с. 88]. Пісьменнік А. Разанаў часта спалучае шматкроп'е з клічнікам, пыталнікам, клічнікам і пыталнікам разам узятымі, напрыклад: Боязь засперагае: у будучыні — смерць!.. // Адвага натхняе: у будучыні — неўміручасць!.. [13]; Знямелыя дрэвы // ахутаў спагядлівы снег: // ён — цёплы?! [14, с. 75]; А дзе было пуста — думаў: куды дзяваюцца слімакі?.. Куды дзяваюцца слімакі з ракавак?.. [15] і інш.

Умаўчанне можа завяршаць такую стылістычную фігуру, як рытарычнае пытанне — «разнавіднасць пыталнага сказа, яно заключае ў сабе сцвярджэнне ці адмаўленне пэўных рэалій» [16], напрыклад: Хіба ўвесь шлях чалавека абмежаваўся зямлёй?! // Хіба ўвесь сэнс чалавека замкнуўся наўколле?! // Хіба мае моц і вагу адно толькі тая думка, якая засціць?! [17]; У чым справядлівасць — што людзі жывуць або што паміраюць?.. // У чым справядлівасць для іх і ў чым для цябе?.. [18]; Хіба, каб адолець дарогу спаўна, канчаткова, дарэшты, трэба спаткнуцца аб кожны камень, зваліцца ў кожную яму, патрапіць у кожны след?! Хіба трэба кожнаму быць адразу

і гэтым, і тым, і вось тым, і вось гэтым?! Альбо наогул не быць нікім?!. [19]. Мэта гэтай фігуры — перадаць яркія разнастайныя аўтарскія эмоцыі, не пакінуць чытача абыякавым да зместу твора.

Зеўгма — «сінтаксічная фігура, у межах якой да аднаго апорнага слова адносяцца два або больш слоў, якія раўнапраўныя граматычна, але абсалютна адрозныя паміж сабой семантычна» [20]. Гэтая сінтаксічная фігура дае магчымасць успрымаць далёкія і лагічна не аднародныя паняцці ў змесце твораў А. Разанава як аднародныя члены: Хлеб есца, смокчацца, грызецца, «хлябаецца» і генетычна памятае свой радавод, сваю бацькаўшчыну — глебу [21]; А я ўсё стаю на тым самым месцы, // здранцвелы, // уражаны, // праяснены, // не маючы мовы, каб гаварыць, — // з маланкаю ў сэрцы [22].

Таксама А. Багамолава вылучае такую сінтаксічную фігуру, як зварот, або апастрофа, — гэта «калі аўтар звяртаецца з прамовай да неадушаўлёных прадметаў як да адушаўлёных» [23]. У аснове гэтай фігуры з’ява метафарызацыі, калі пісьменніку ўяўляецца нежывое жывым. Звароткі перадаюць разнастайныя эмоцыі, але зразумець іх можна толькі праз кантэкст. Напрыклад, у творах А. Разанава знаходзім: Дзічка-дзічка, чаму ты не груша? [24]; І што мне з вамі рабіць, // шматкі мінулага часу?!. [25]; Не спыняйся, маладосць!.. [26] і інш.

Заклучэнне. А. Разанаў у сваіх творах выкарыстоўвае сінтаксічныя фігуры памяншэння аб’ёму выказвання, якія дапамагаюць чытачу зразумець сэнс выказвання, перадаюць пэўныя эмоцыі аўтара, псіхічны і фізіялагічны стан персанажа, засяроджваюць увагу на найбольш важнай з пазіцыі аўтара інфармацыі, узмацняюць экспрэсію выразнення і ўздзеянне на адрасата.

Спіс цытуемых крыніц

1. Шандорха Н. Э. Экспрэсіўны сінтаксіс : вучэб.-метад. дапам. Гродна : ГрДУ, 2002. 62 с.
2. Рагойша В. Тэорыя літаратуры ў тэрмінах : дапам. Мінск : Беларус. энцыкл. 2001. 302 с.
3. Шандорха Н. Э. Экспрэсіўны сінтаксіс. С. 34.
4. Разанаў А. С. Рэчаіснасць. Мінск : Маст. літ., 1998. 171 с.
5. Разанаў А. С. Паляванне ў райскай даліне. Мінск : Маст. літ., 1995. 143 с.
6. Беларуская літаратурная спадчына : анталогія : у 2 кн. / П. М. Лапо [і інш.]. Мінск : Беларус. навука, 2011. Кн. 2. 944 с.
7. Разанаў А. С. Шлях-360. Мінск : Маст. літ., 1981. 88 с.
8. Разанаў А. С. Вастрыё стралы. Мінск : Маст. літ., 1988. 69 с.
9. Разанаў А. С. Шлях-360. С. 10.
10. Разанаў А. С. Вастрыё стралы. С. 63.
11. Разанаў А. С. Паляванне ў райскай даліне. С. 51.
12. Багамолава А. Сінтаксічныя сродкі стварэння экспрэсіўнага мастацкага маўлення // Родн. слова. 2012. № 10. С. 87—90.
13. Разанаў А. С. Вастрыё стралы. С. 8.
14. Разанаў А. С. У горадзе ўладарыць Рагвалод. Мінск : Маст. літ., 1992. 108 с.
15. Разанаў А. С. Шлях-360. С. 31.
16. Багамолава А. Сінтаксічныя сродкі стварэння экспрэсіўнага мастацкага маўлення. С. 88.
17. Разанаў А. С. Вастрыё стралы. С. 12.
18. Разанаў А. С. Шлях-360. С. 31.
19. Разанаў А. С. Вастрыё стралы. С. 40.
20. Шандорха Н. Э. Экспрэсіўны сінтаксіс. С. 37.
21. Разанаў А. С. У горадзе ўладарыць Рагвалод. С. 31.
22. Разанаў А. С. Вастрыё стралы. С. 55.
23. Багамолава А. Сінтаксічныя сродкі стварэння экспрэсіўнага мастацкага маўлення. С. 88.
24. Разанаў А. С. Вастрыё стралы. С. 11.
25. Разанаў А. С. У горадзе ўладарыць Рагвалод. С. 83.
26. Разанаў А. С. Шлях-360. С. 19.

УДК 811.161.1'373.611

Ю. С. Иванчикова

Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Гомель

СЕМАНТИКА ИНТЕНСИВНОСТИ В СЛАВЯНСКОМ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ ГНЕЗДЕ С КОРНЕМ *VEL-// *VOL-

Введение. Праславянский корень *vel-// *vol- восходит к индоевропейскому корню *uel- ‘желать, хотеть; выбирать, предпочитать’, ‘давить, напирать’ [1, с. 139]. Эта семантика является первичной. Индоевропейский корень *uel-// *ual- реконструируется со значением ‘иметь силу’, ‘быть сильным’ [2]. Значение корня ‘иметь силу’, ‘быть сильным’ (отражённое в производных от праславянского корня *vold- (владеть, власть, владыка)) метонимически тесно связано с исходным ‘давить, напирать’, сравним о.-с. *daviti ‘душить, умерщвлять’ [3], современный *давить* ‘налегать тяжестью’, ‘стискивать, сжимать’, ‘душить’, ‘надавливая, ломать’ и др. [4, с. 361], т. е. применять *силу*. Модальное семантическое направление ‘желать, хотеть’ является основным, так как оно

характерно для праслав. корня, имевшего исходную форму **vel-//*vol-* без распространителя в виде детерминатива, а активное, целенаправленное физическое воздействие (сравним **ual-* ‘напирать, давить’), без сомнения, обусловлено ярко выраженным, превалирующим желанием (стремлением) добиться чего-либо. Диффузность (синкретичность) индоевропейского корня обусловила широкую сеть производных.

На современном хронологическом срезе единое этимологическое гнездо с корнем **vel-//*vol-* ‘желать’ вследствие деэтимологизации, разрыва мотивационных семантических отношений в дериватах корня представлено рядом отдельных самостоятельных словообразовательных гнезд, вершинами которых являются исторически родственные слова.

Основная часть. Вершиной этимологического гнезда с корнем **vel-//*vol-* является о.-с. глагол **velēti*, продолжениями которого в др.-рус. и ст.-сл. языках является глагол *велѣти* ‘приказывать’, ‘хотеть’, ‘желать’, ‘позволять’ [5].

Сема *желание*, заключённая в семантике о.-с. корня **vel-//*vol-*, неразрывно связана с такими понятиями, как свобода, власть, сила. Сила выступает как один из возможных способов осуществления желания. Понятие «сила» многогранно, но в сознании носителей языка несомненно ассоциируется с высокой степенью проявления чего-либо. Взаимодействие понятий «желание» и «сила» нашло выражение в формировании соответствующего семантического направления ‘интенсивность проявления чего-либо’.

Общеславянское прилагательное **velъbъ* ‘большой’, восходящее к и.-е. корню **uel-//*ual-* ‘давить, теснить, угнетать’ [6], послужило мотивирующей базой при образовании ряда слов, заключающих в себе семантику ‘большой, превосходящий обычные мерки’, сравним блр., макед. *вѣлий*, сербохорв. *вѣљѣ*, др.-чеш. *velí*, чеш. *vele* ‘очень’, словц. *velo*, в.-луж. *wjele* [7, с. 288], сербохорв. *вѣљѣ* ‘большой’; болгарское *вельми* ‘весьма, очень’, др.-рус. и ст.-сл. наречие *вельми* ‘весьма, очень’ [8, с. 110].

Общеславянское **velikъ* (русское *великий* ‘превышающий обычную меру, очень большой, огромный’; ‘выдающийся по своему значению, по своим достоинствам’ [9]) является суффиксальным производным от о.-с. **velъbъ* ‘большой’ [10], сравним укр. *великий*, др.-рус., ст.-сл. *великъ*, блр. *вѣлік*, сербохорв. *вѣликѣ*, словен. *vêlik*, чеш. *veliký*, *velký*, словц. *veliký*, *vel'ký*, пол. *wielki*, в.-луж. *wulki*; родственно тох. *wâl*, *walo* ‘князь, государь’, *walke* ‘продолжительный’, далее, греч. *ἄλις* ‘достаточно’, *εἴλω*, *εἰλέω* ‘тесню, жму’ [11].

Восточнославянская традиция и индоевропейский фольклор сохранили легенды и предания о людях громадного размера, существовавших на земле с незапамятных времен. Многие считают таких великанов предками людей, живших после богов или даже предшествовавших им. Белорусские легенды и предания также сохранили подобные мифические образы — это **волоты, великаны**, богатыри, силачи.

В «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля о волотах говорится следующее: *волот* (автор предполагает связь с *волоть*, *волокно* от *великий*) ‘гигант, великан, могучан, магыть, могу́т’, *южное вѣлетень*; ‘богатырь, человек необычайного роста, а иногда и силы’. В *волотах сказочных*, в богатырях сила соединяется с ростом и дородством; остатки их народ видит в костях допотопных животных, а в Сибири говорят, что целый народ волотов заживо ушёл в землю; волоты, меж людьми живыми, великаны, напротив, обычно бывают хилы и недолговечны [12, с. 577].

Русское *волот* ‘великан’, др.-рус. *волоть* ‘великан’, вариант *велет* ‘великан’ обнаруживает параллели в славянских языках: блр. *вóлат*, укр. *вѣлетень*, *вѣлет* ‘великан, исполин’; зап.-слав. *veletabi* ‘племя вильцы в Мекленбурге’ (= **veletove*). Допускают родство с лат. *valeo* ‘я в силах, здоров’, тох. *wâl* ‘господствовать’, *walo*, *wlo* ‘государь’ [13]. По мнению П. Шафарика, *волот* и *велет* — формы, родственные с хорв. *великаш* и слов. *веляк*, буквально означают ‘великий муж, великан’ [14, с. 835].

Исследователь А. Брюкнер связывает происхождение слова *волот* со ст.-слав. *велий* ‘большой, великан’. А. М. Фасмер соотносит слова *волот*, *велет* с прилагательным *великий* [15] ‘очень большой’, ‘особо выдающийся’, ‘превосходящий обычные мерки’, ‘неизмеримый’ [16].

Лексемы *волот* (*велет*), *великан* (последнее образовано посредством суффикса *-ан* от прилагательного *великий*) и *великий*, связанные этимологически, сохранили семантическую близость. Одно из значений слова *великий* — ‘очень большой’ — сохраняется как ядерное в производных существительных *волот* и *великан* и отражает отличительный признак. Волоты, великаны превосходили обычных людей не только в физическом, но и в духовном, нравственном отношении (сравним *великий* ‘превосходящий обычные мерки’).

Объединены семьей ‘выходящий за рамки привычного, обычного’ ст.-сл. композиты, один из компонентов которых восходит к прилагательному *велий* ‘большой’: *велегласити* ‘громко возглашать’, *велегласно* ‘громогласно’, *велеление* ‘блестательная красота’, *велеленно* ‘прекрасно, великолепно’, *веледушие* ‘великодушные’, *велемудрие* ‘великая мудрость’, *велемудренно* ‘руководствуясь великой мудростью’, *велеокий* ‘имеющий большие глаза’, *велеречивый* ‘плодовитый в речах, многоречивый, говорливый’, *велеумный* ‘одарённый великим умом’ и др. [17]. Та же сема объединяет слова с корнем *велик*: ст.-сл. *великовийный* ‘надменный, гордый’, *великодавец* ‘щедро дарующий’, *великодарный* ‘ниспосылающий великие дары’, *великокрылый* ‘имеющий большие крылья’ [18] и др.; современное рус. *великолепие* ‘пышная, необыкновенная красота’, *великомученик* ‘название, присвоенное православной церковью тем последователям христианства, которые, по преданию, претерпели за веру самые тяжкие мучения’, *величавый* ‘исполненный торжественности, величественный’ [19] и др.

Одним из самых распространённых средств передачи интенсивности в языке [20, с. 3] является наречие. На базе значения ‘большой, огромный, крупный по размерам’ был сформирован лексико-семантический тип наречий — интенсификаторов. Известно, что разряд наречий степени признака и меры (интенсификаторов), выделяется в качестве языковой универсалии во всех славянских языках. Наречия-интенсификаторы представляют

собой синонимический ряд, ядром которого в русском языке выступает слово *очень*, в польском — *bardzo*, в чешском — *velmi* [21, с. 90]. В большинстве своём эти слова восходят к качественным прилагательным, которые в результате определённых трансформаций внутри семантической структуры развили признак, послуживший основой для формирования значения интенсивности у производных наречий.

Одним из самых древних наречий-интенсификаторов является ряд слов, образованных от общеславянского прилагательного с корнем **vel-* **velъjъ* ‘большой’: чеш. *velmi*, *velice*, пол. *wielce*, слов. *velo*, в.-луж. *wjele* ‘очень’ [22], блр. *вельмі* ‘весьма, очень’, др.-рус. и ст.-сл. наречие *вельми* [23].

Продуктивными формантами для образования наречий от прилагательного **velъjъ* во многих славянских языках стали суффиксы *-ма*, *-ми*, которые предположительно могли представлять собой фрагменты именных окончаний двойственного и множественного числа: чеш. *velmi* (сравним укр. *вельми*, слов. *velmi*), в которой была изначально заложена потенция интенсифицировать признак либо действие [24].

В русском языке в качестве наречий-интенсификаторов, восходящих к корню **vel-*/**vol-*, функционируют лексемы *вволю* ‘сколько угодно, сколько хочется, вдоволь’, *вдоволь* ‘до полного удовлетворения, вволю’ [25], в диалектах сохранились наречия *доволи* ‘сколько хочешь, сколько нужно’ [26], *издоволь* ‘вдоволь, вволю, достаточно, обильно, много’ [27], *надоволь* ‘вволю, вдоволь’ [28].

Заключение. Одно из значений этимологического корня **vel-*/**vol-* ‘давить, напирать’ явилось основанием для формирования семантического направления ‘интенсивность проявления какого-либо признака’. Производные объединены семантическим компонентом значения ‘обилие, большое количество; высшая степень проявления чего-либо’ (силы, храбрости, ума, отваги) (сравним *великий* ‘очень большой’, бел. *вельмі* ‘очень’; *вдоволь* ‘много, в изобилии’).

Список цитируемых источников

1. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1999. Т. 1.
2. Там же. С. 156—157.
3. Там же. С. 1, 230.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М. : Рус. яз., 1981—1984. Т. 1.
5. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. С. 139.
6. Там же. С. 139—140.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М. : Прогресс, 1986—1987. Т. 1.
8. Словарь церковно-славянского и русского языка : в 4 т. / сост. 2-е отд-ние Император. АН. СПб. : Тип. император. АН, 1847. Т. 1.
9. Словарь русского языка. С. 146—147.
10. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. С. 139.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. С. 289.
12. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. ; под ред. Бодуэна-де-Куртене. 3-е изд. М. : Т-во М.О. Вольф, 1903—1909. Т. 1.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. С. 344.
14. Афанасьев А. Н. Великаны и карлики // Славян. мифология. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2008. С. 827—911.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. С. 344.
16. Там же ; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. С. 139.
17. Словарь церковно-славянского и русского языка. С. 107—108.
18. Там же. С. 108—109.
19. Словарь русского языка. С. 147.
20. Сергеева Е. Н. Степени интенсивности качества в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967. 18 с.
21. Хмелевский М. С. К истории формирования наречий степени признака и меры (чешско-польские параллели) // *Bohemistyka*. 2003. № 2. С. 90—104.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. С. 288.
23. Словарь церковно-славянского и русского языка. С. 110.
24. Хмелевский М. С. К истории формирования наречий степени признака и меры (чешско-польские параллели). С. 93.
25. Словарь русского языка. С. 141, 143.
26. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. С. 112.
27. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. ; под ред. Бодуэна-де-Куртене. 3-е изд. М. : Т-во М.О. Вольф, 1903—1909. Т. 2. С. 41.
28. Там же. С. 1054.

ОТРАЖЕНИЕ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВЕДЬМЕ В ДЕМОНОЛОГИЧЕСКОМ РОМАНЕ А. КОНДРАТЬЕВА «НА БЕРЕГАХ ЯРЫНИ»

Введение. Ведьма (колдунья) в славянских поверьях — женщина, наделённая колдовскими способностями от природы или научившаяся колдовать. Ведьма «сочетает черты реальной женщины и демона» [1, с. 297] и относится к персонажам восточно-славянской народной демонологии. В сущности, само название «ведьма» характеризует её как ведающую, обладающую особыми знаниями. В демонологическом романе А. Кондратьева «На берегах Ярыни» изображены три деревенские ведьмы: Аниска и Степанида, а также дочь болотницы Марыськи Аксютка. В данных образах автор произведения, большой знаток славянской мифологии и фольклора, воплотил традиционные народные представления о женщинах-чародейках, наделённых сверхъестественными способностями и служащих нечистой силе. Целью статьи является определение и анализ наиболее ярких и сущностных черт, характеризующих ведьму как персонажа низшей славянской мифологии в романе А. Кондратьева «На берегах Ярыни».

Основная часть. «В романе ведьма, как и в народных представлениях, наделена способностями воздействовать на природу и человека и совершать сверхъестественные поступки» [2, с. 7]. Например, ведьма Степанида наносит вред младенцам: «Она — злодейка — невинных младенцев губит. Сперва она днём подходящего ребёночка выглядит, а ночью, на него загадавши, через сучок у себя в сарае и кровь из того младенца выпускает. А отец с матерью и не знают, отчего их дитя сохнет и бледнеет» [3].

Также А. Кондратьев описывает то обстоятельство, благодаря которому можно узнать ведьму: «Нас, ведьм, всегда в светлую заутреню узнать можно, если со свяченым сыром за щекой придешь. Каждая стоит с подойником на голове и спиной к алтарю. Народ этого не видит и не догадывается, а мы друг про друга всё знаем» [4].

Ведьме приписывали способность заключать союз с дьяволом и служить ему. Так, в романе Аниска заключает союз на Лысой горе с Хозяином шабаша: «Обещание Дьявола сладостно запало в сердце Аниске и заняло думы» [5]. Считалось, что ведьмы сожительствуют с нечистой силой. Аниска вступает в интимную связь с Огненным змеем: «Анисья гордилась тем, что к ней два раза уже прилетал Огненный змей. Этот некто обещал пригожей колдунье счастье и сладкое, полное всякого довольства существование» [6]. Традиционно приветствие служительниц нечистой силы производилось показом кукиша. В свою очередь связь с нечистой силой помогала ведьме приобрести магические навыки: «Перед рассветом Аниска до тех пор не отпускала своего посетителя, пока тот не научил её более скорому способу (не кувыркаясь трижды через голову) оборачиваться сорокой, лягушкой, собакой и крысой» [7].

Однако ведьма далеко не всегда прибегает к помощи чертей, ограничиваясь своими собственными умениями и силами: «Сорокой ночью оборачиваюсь, в трубу вылетаю, крысой в чужой хлев забегу, молоко выдою и домой принесу...» [8]. В одном селе могло быть несколько колдуний. В романе А. Кондратьев показывает не совсем обычную ситуацию — присутствие в деревне трёх ведьм.

В народных поверьях ведьме приписывали все горести и несчастья, которые происходили в деревне или в отдельной семье: «Аниске хотелось уехать, разбогатеть, прочь из деревни, где её дразнили хвостатою ведьмою (хвоста же у неё не было), упрекали за выдаиванье коров и возводили на неё обидные небылицы» [9].

«Ведьма умеет быстро передвигаться на помеле. Все эти магические орудия ведьмы указывают на особую её связь с очагом, печью — в доме ведьма обычно и колдует у печи. Ведьма летит (вылетает из трубы) дымом, вихрем, птицей. Вообще труба — излюбленный путь ведьм из дома и в дом» [10]. Излюбленным передвижением ведьмы Аниски была метла, с помощью которой она вылетала из печной трубы.

Ведьма в силу своих магических способностей может превращаться в разные существа. Однако чаще всего она принимает облик птицы (сороки), змеи, свиньи, лошади, кошки, собаки: «...Аниска и была натёрта жирною волшебною мазью, помогавшею ей перекидываться сорокой, крысой или жабой» [11]. Способность к быстрым превращениям и многообразию принимаемых обликов выделяют ведьму среди других демонологических персонажей. Чаще всего ведьма колдует, оборачиваясь в разных животных, в сумерках, вечером или ночью. В ночное время в целях проникновения в коровий хлев односельчанина Ипата Савельева, молоко коров которого ей очень нравилось, Аниска превращается в крысу.

Ведьма — существо и реальное, и вместе с тем наделённое сверхъестественными силами, способностями, поэтому в романе не все деревенские жители признают Аниску за ведьму, некоторые считают её обычной солдаткой. Согласно русским поверьям, ведьма имеет власть над разнообразными проявлениями бытия природы и человека. От ведьм и ведьмаков зависит урожай и неурожай, болезни и выздоровление, благосостояние скота и часто даже перемена погоды. Женская ворожба исконно представлялась столь же необходимой, сколь и опасной. Ведьме приписывалось нанесение вреда здоровью людей, порча погоды и скота. В романе дочь болотной бесовки Аксютка просит Аниску научить её магическим знаниям, и опытная ведьма показывает своей ученице обряд закрутки: «В ту же ночь Аксютка, сбросив рубаху и юбочку, рядом с такой же голой Аниской делала уже закрутки, произнося вслед за своей учительницей слова заговора» [12].

Автор запечатлел одну из самых примечательных черт внешнего облика женщины-полудемона — наготу. Традиционно ведьму обычно представляют голой, с распущенными чёрными волосами: «голая Аниска, чернобровая молодая ведьма» [13]. Обаятельная чародейка не раз предстаёт в произведении полностью обнажённой. В одной из глав, например, рассказывается о том, как Домовой, покровитель хозяйства крестьянина Ипата Савельева, во время обхода двора своего подопечного, застаёт Аниску голой: «Но когда верный сторож савельевского добра вошёл в хлев, там сидела на корточках голая ведьма Аниска и доила пёструю корову» [14]. С образом молодой нагой ведьмы связаны эротические мотивы, пронизывающие произведение: «Быстрым прыжком, какого трудно было ожидать от его почтенного возраста, предприимчивый дедушка оказался возле Аниски. Не успела та отскочить, как сильные волосатые руки схватили её под мышки, а нагая спина ведьмы почувствовала прикосновение мохнатого тела Домового» [15].

Ведьмы обладают искусством привораживать мужчин, причём пуская в ход не только свои внешние чары, но и воздействуя посредством нужных для привлечения к себе чужой души слов. Любовная страсть деревенского парня Максима к Аниске показана писателем как следствие воздействия на него колдовства героини: «Аниска его совсем приколдовала, — говорила рябая и несколько уже засидевшаяся в девках Акулька. — На ночь его в чёрного кота оборачивает и в ноги, для тепла, спать укладывает» [16]. Необходимо отметить, что только исходя из уст ведьм приворотные слова имеют силу «печатать чужое сердце и запирают его на замок» [17, с. 436].

Важен и тот факт, что в романе А. Кондратьева Аниска выступает как уже зрелая ведьма. Она хорошо понимает свои возможности и очень умело их использует: «Только знающие и избранные ведьмы болтают не на ветер заговорные слова, а закладывают в наговоренные вещи, именно то, что потом будет врачевать, успокаивать и утешать, по желанию» [18]. Чародейка Аниска учит Аксютку, «как следует привораживать парней» [19]. Отношения между опытной и начинающей ведьмой, их неоднократные совместные действия, изображённые А. Кондратьевым, образуют один из ключевых мотивов, проходящих через роман.

О давности происхождения ведьмы свидетельствует её связь с луной, которая характерна также для наиболее древних божеств и многих сверхъестественных существ. Именно поэтому посвящение в ведьмы должно происходить ночью, при свете луны и обязательно на перекрёстке: «Придорожный крест, к которому Аниска велела прийти своей ученице, стоял на распутье, за кладбищем, в полуверсте от села. Молодой месяц уже спрятался за тучи; было довольно темно и сравнительно свежо» [20].

«Действия ведьм связаны и с годичным циклом бытия природы. Они особенно значимы и опасны в середине зимы и в дни летнего солнцеворота. Дни солнцеворотов и большие календарные праздники — своеобразные празднества ведьм, сопровождаемые, по русским поверьям, не столько шабашами, сколько активизацией всех населяющих мир сил и существ» [21]. В ночь на Ивана Купалу ведьмы собираются в лесу в поисках магического цветка. В романе Степанида и Аксиныя пытаются его отыскать: «...Молодая, чернобровая, никого и ничего не боявшаяся (за исключением той же Степаниды) Аниска, упоная на некоторую близость свою с нечистой силой, твёрдо решила овладеть цветком папоротника и, как только смерклось, задворками проскользнула на дорогу, ведущую в лес» [22].

Излюбленным сборищем всех ведьм и другой нечистой силы является Лысая гора, где царствует козлогоний Хозяин. В произведении А. Кондратьева ведьма Аниска должна прилететь на шабаш сразу после того, как услышит определённые звуки: «С самого утра, то тише, то громче, стоял в ушах у Аниски шум и грохот далёкого бубна. Кроме знавшихся с нечистой силою женщин, этих звуков в селе не слышал никто, и молодая ведьма хорошо знала, что бубен — призыв для всех окрестных колдуний: прилететь в ближайшую ночь на бесовское сборище» [23]. Лысая гора является одним из главных локусов демонологического пространства. «Сущность данного начала не природная, а inferнальная, дьяволическая» [24]. В нём сконцентрировано всё зло, олицетворением которого предстаёт Сатана. Лысая гора служит территорией сборищ «представителей зла в чистом виде, порвавших с природой, сознающих своё зло, видящих в нём цель и радующихся ему, живущих им» [25]. Обряд собирания ведьмы на шабаш также имел определённую последовательность, что писатель и показал в своём романе: «Заблаговременно вынула ведьма из сундука большую глиняную белую банку с пахучею мазью, пригостила горшочек для кипячения в нём волшебного снадобья, заморила в чугунке углей; хотела было подвести себе сажею глаза и без того черные брови, но вовремя вспомнила, что вспотеет, вдыхая колдовские пары, и сажка потечёт тогда по лицу» [26]. Ночью на Лысой горе нечисть должна отчитаться Хозяину шабаша за свои проделки: «Одна за другою подходили к трону ведьмы, хвастаясь напущенными на соседей болезнями, выдоенным до крови скотом, испорченными свадьбами и другими делами» [27]. Естественным является то, что шабаш проходит исключительно ночью, во время активизации всех дьявольских сил. «Данный ритуал воспроизводит в пародийном перевёрнутом ключе элементы церковного обряда» [28]. Поклонение святыне (Чёрному козлу, Хозяину, Некто), сопровождается принесением даров (водки, колбасы) и обязательным целованием «боженьки в хвостик» [29]. Затем следует проповедь Чёрного козла, призывающего наносить вред всему живому, после чего происходит совместная трапеза. За ритуалом в романе изображён бал, сопровождающийся отвратительной сексуальной оргией, символизирующей торжество сил зла. Автор описал шабаш как безобразное отталкивающее действо. Уродлива внешность всех собравшихся на Лысой горе, они наделены типичными для дьявольской свиты зооморфными чертами. Отвратительной также является еда на пиру. По словам Т. Н. Ворониной, «шабаш предстаёт как безобразный клубок визжащих в злобе и экстазе тел, напоминающий средневековые картины ада в духе И. Босха» [30].

Заключение. В образах ведьм автор демонологического романа «На берегах Ярыни» воплотил традиционные народные представления о служительницах тёмной силы — женщинах-полудемонах. Наиболее ярким в романе является образ молодой ведьмы Аниски, с которым связан мотив передачи из поколения в поколение колдовского

искусства. В данном образе писатель отразил народную веру в магическую власть ведьм над противоположным полом, в наличие у них сверхъестественных способностей и знаний, применяемых в разных сферах жизни, в том числе и для привлечения к себе мужских сердец. Средоточием инфернального, враждебного всему живущему начала в демонологическом художественном пространстве произведения А. Кондратьева являются Лысая гора и шабаш.

Список цитируемых источников

1. Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Ведьма // Славян. древности : этнолингвист. слов. : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 1 : А—Г. М. : Междунар. отношения, 1995. С. 297—301.
2. Воронина Т. Н. Эволюция творчества А. А. Кондратьева от «Сатирессы» до романа «На берегах Ярыни» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда : ВГПУ, 2012. 22 с.
3. Кондратьев А. А. На берегах Ярыни [Электронный ресурс]. URL: <http://ihavebook.org/reader/reader.php?book=184905> (дата обращения: 20.10.2015).
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Воронина Т. Н. Эволюция творчества А. А. Кондратьева от «Сатирессы» до романа «На берегах Ярыни». С. 6.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М. : Гаудеамус : Академ. проект, 2004. 1008 с.
18. Там же. С. 456.
19. Там же.
20. Там же.
21. Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. С. 459.
22. Кондратьев А. А. На берегах Ярыни [Электронный ресурс]. URL: <http://ihavebook.org/reader/reader.php?book=184905> (дата обращения: 20.10.2015).
23. Там же.
24. Воронина Т. Н. Эволюция творчества А. А. Кондратьева от «Сатирессы» до романа «На берегах Ярыни». С. 7.
25. Там же. С. 8.
26. Кондратьев А. А. На берегах Ярыни [Электронный ресурс]. URL: <http://ihavebook.org/reader/reader.php?book=184905> (дата обращения: 20.10.2015).
27. Там же.
28. Воронина Т. Н. Эволюция творчества А. А. Кондратьева от «Сатирессы» до романа «На берегах Ярыни». С. 8.
29. Кондратьев А. А. На берегах Ярыни [Электронный ресурс]. URL: <http://ihavebook.org/reader/reader.php?book=184905> (дата обращения: 20.10.2015).
30. Воронина Т. Н. Эволюция творчества А. А. Кондратьева от «Сатирессы» до романа «На берегах Ярыни». С. 10.

УДК 82-3Алексієвіч

Т. Э. Куницкая

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

АЎТАРСКІ АПОВЕД І ЦЫТАВАННЕ Ў ТВОРАХ С. АЛЕКСІЄВІЧ

Уводзіны. У 2015 г. Нобелеўскі камітэт прысудзіў С. Алексіевіч прэмію ў галіне літаратуры «за шматгалосае гучанне яе прозы і ўшанаванне пакут і мужнасці». Галоўная мэта пісьменніцы — не толькі сабраць дакументы, сведчанні, а сфарміраваць новы погляд чытача на факт, катастрофу, вайну і стварыць філасофію падзеі новага тыпу. Вывучэннем творчасці С. Алексіевіч займаюцца А. Бельскі, М. Гіль, А. Мальдзіс, Н. Сівакова і інш. Далейшай навуковай распрацоўкі патрабуе праблема ўзаемадзеяння дакументальнага і мастацкага пачаткаў у прозе пісьменніцы. Неабходна высветліць ролю аўтарскага апаведу і цытавання ў дакументальна-мастацкіх творах С. Алексіевіч.

Аб'ектам даследавання з'яўляецца аўтарскі аповед і цытаванне ў творах С. Алексіевіч. У час напісання працы выкарыстаны метады даследавання: параўнальны, абагульняльны, а таксама аналіз твораў. У якасці літаратурнага матэрыялу выбраны аповесці «Цынкавыя хлопчыкі», «Чарнобыльская малітва: хроніка будучыні», «Апошнія сведкі», «У вайны не жаночы твар», «Час сэканд хэнд».

Асноўная частка. Выкарыстанне дакумента ў мастацкім творы патрабуе звароту да цытавання. Цытаты становяцца неад'емнай часткай літаратуры, «наглядна выяўляючы дакументальныя вытокі жанру, яго прыцягненне да дакладнасці малюнка падзей і асоб» [1, с. 82].

«Цытата — даслоўны ўрывац з тэксту, твора або чые-небудзь словы, перададзеныя без змен» [2, с. 489]. У энцыклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі падаецца наступнае тлумачэнне: «цытаты выкарыстоўваюцца, каб дакладна пацвердзіць важную інфармацыю, аўтарытэтная падмацаваць уласную думку, пераканаўча аспрэчыць выкладзеную ў цытаце думку, даць павучальны ўзор (лагічнай стройнасці, лаканічнасці, афарыстычнай трапнасці, вобразнасці і інш.) перадачы думкі» [3].

Пісьменніца С. Алексіевіч шырока выкарыстоўвае цытаванне, якое мы аналізавалі паводле: 1) мэты выкарыстання, 2) прыналежнасці да першапачатковай асновы, 3) спосабу ўвядзення цытат у твор.

У адпаведнасці з законамі дакументальна-мастацкага жанру С. Алексіевіч выкарыстоўвае цытаты з мэтай узмацнення значнасці прадстаўленай інфармацыі. Спасылкі на дакументы, сведчанні надаюць творам пераканаўчасць, адчуванне жыццёвай праўдзівасці. Напрыклад, у «Чарнобыльскай малітве» ўжыта цытата з «Беларускай энцыклапедыі»: «... 26 апреля 1986 г. в 1 ч. 23 м. 58 с. серия взрывов разрушила реактор и здание 4-го энергоблока Чернобыльской АЭС. Чернобыльская катастрофа стала самой крупной технологической катастрофой XX века...» [4, с. 413]. Дакладны факт тут з'яўляецца своеасаблівым фонам, які ўзмацняе эмацыянальнае гучанне твора, паглыбляе яго трагічны пафас.

Па словах Т. Сіманавай, цытаты адрозніваюцца сваёй прыналежнасцю да першапачатковай асновы: з архіўных дакументаў, перыёдыкі, прыватнай перапіскі, літаратурных твораў і г. д. У творах С. Алексіевіч прысутнічаюць цытаты, якія належаць да перыёдыкі. Напрыклад, у «Чарнобыльскай малітве» чытаем: «...Надо прежде всего прорвать завесу неизвестности, окружающей Беларусь. Ведь для мира мы terra incognita — неизвестная, неизведанная земля. О Чернобыле все знают, но только в связи с Украиной и Россией. “Белая Россия” — так примерно звучит название нашей страны на английском языке» [5]. Гэтую цытату С. Алексіевіч узяла з «Народнай газеты» за 27 красавіка 1996 г. Выкарыстанне цытаты з перыядычнага выдання дазваляе данесці чытачу дакладную інфармацыю, узмацніць дакументальную аснову твора.

У прозе С. Алексіевіч ёсць цытаты, якія належаць да прыватнай перапіскі: «Невозможно читать... Хочется плакать, кричать... Может, только сейчас понял, что это была за война...» [6]. Як указвае аўтар, гэтая цытата прыведзена з ліста, які даслаў М. Ганчароў з Оршы пасля прачытання твора «Цынкавыя хлопчыкі». Выкарыстанне цытат на аснове прыватнай перапіскі ўзмацняе эмацыянальнае гучанне і цытаты, і твора ў цэлым.

Асобныя цытаты ў С. Алексіевіч паходзяць з літаратурных твораў. Напрыклад, назва «У вайны не жаночае аблічча» ўзята з твора А. Адамовіча, на чыю творчасць арыентаваўся С. Алексіевіч. Выкарыстанне цытат на аснове літаратурных твораў сведчыць аб сучасным развіцці традыцый, закладзеных пісьменнікамі-класікамі.

У літаратурныя творы цытаты ўводзяцца рознымі спосабамі: суправаджаюцца прамым указаннем на крыніцу запазычання або без спасылкі на яе. Калі ўказанне на крыніцу запазычання адсутнічае, цытата становіцца прамым працягам аўтарскага тэксту. Часцей за ўсё гэта цытаты з літаратурных твораў, лістоў, словы з цытат, ужо выкарыстаныя раней і паўтораныя для ўзмацнення выразнасці аўтарскага выказвання [7]. Часам С. Алексіевіч уводзіць цытаты ў літаратурны твор у якасці эпіграфа да твора і да раздзела. Напрыклад, у творы «Час сэканд хэнд» як эпіграф прыводзіцца выказванне Д. Русо «Дні нашай смерці»: «Жертва и палач одинаково отвратительны, и урок лагеря в том, что это братство в падении» [8, с. 5]. Эпіграфы мы сустракаем і ў іншых творах С. Алексіевіч, напрыклад, у «Цынкавых хлопчыках», «Чарнобыльскай малітве».

Пісьменніца ўводзіць цытаты шляхам спасылкі на меркаванне вядомых людзей, каб аўтарытэтная прадставіць уласную думку. Напрыклад, у творы «Апошнія сведкі» сустракаем зварот да думкі Ф. Дастаеўскага: «Когда-то Достоевский поставил проблему общего счастья в зависимости от страданий одного-единственного ребёнка» [9, с. 3]. Адштурхоўваючыся ад агульнага тэзіса класіка рускай літаратуры, С. Алексіевіч працягвае ўласныя разважанні. Увогуле С. Алексіевіч часта суадносіць свае думкі са словамі Л. Талстога, А. дэ Сент-Экзюперы, У. Леніна, Л. Троцкага, М. Шалахава, К. Маркса, А. Пушкіна і інш.

Самы пашыраны спосаб увядзення цытат у С. Алексіевіч — зварот да аповедаў сведак падзей з пазначэннем імёнаў герояў. Яна працуе ў жанры дакументальна-мастацкай прозы, таму ў яе творах часцей за ўсё гучаць «галасы» рэальных людзей. Вядома, што С. Алексіевіч кожны твор піша некалькі гадоў, занатоўваючы 500—700 гісторый. Узнікае пытанне «ці даслоўна пісьменніца цытуе тых людзей, з якімі сустракаецца?». Адназначна адказаць складана, але можна заўважыць, што жанр дакументальна-мастацкай прозы патрабуе не толькі дакладнасці інфармацыі, але і яе вобразнасці. Аналіз твораў сведчыць аб тым, што С. Алексіевіч імкнецца захаваць думкі і адчуванні канкрэтнага чалавека, разам з тым у пэўнай ступені яна «перапрацоўвае» «галасы» сваіх герояў, удаस्कналвае іх мастацка-эстэтычны змест, пакідае самыя кранальныя гісторыі. У энцыклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі адносна дакладнасці перадачы цытат падаецца наступная інфармацыя: «Цытаты часам “фабрыкуюцца” ў літаратуры — імітуюцца форма і стыль афіцыйных матэрыялаў — дзеля стварэння эфекту дакументальнасці. Эстэтычная дзейнасць рэальнага факта дасягаецца “цытаваннем” успамінаў людзей, якія перажылі цяжкія выпрабаванні. Бытавая адметнасць іх сённяшняга маўлення, звычайнасць дэталей адцягнуць трагічны змест маналагаў-дакументаў (“Я з вогненнай вёскі...” А. Адамовіча, “У вайны не жаночы твар”, “Апошнія сведкі”, С. Алексіевіч)» [10].

Цытаты, па словах Т. Сіманавай, не трэба блытаць з прыведзенымі ў двукоссі вуснымі выказваннямі персанажаў мемуараў: «Як бы ні стараўся быць дакладным мемуарыст, нават калі ён выкарыстоўвае запісы, зробленыя па свежых слядах падзеі, ён не можа (і не заўсёды павінен, згодна з законамі мастацтва) без змяненняў перадаць чужую гаворку» [11]. Такія цытаты ў двукоссі варта ўспрымаць як імітацыю цытаты, напрыклад: «Сына уведите... Сына

уведите, чтобы не смотрел...» — кажа Саша Хвалеі, калі ўспамінае, што крычаў бацька, калі яго разрывалі нямецкія аўчаркі [12]. Імітацыя цытат сустракаецца ў розных творах С. Алексіевіч, напрыклад, у «Апошніх сведках».

Як сцвярджае Т. Сіманав, у мемуарнай прозе, блізкай да дакументальна-мастацкага жанру, вылучаюцца адкрытыя і апасродкаваныя формы аўтарскай пазіцыі. Да адкрытых форм адносяцца аўтабіяграфічны сюжэт, сістэма аўтарскіх разважанняў, каментарыяў, ацэнак, да апасродкаваных — практычна ўсе мастацкія элементы твора: яго гістарычная аснова, партрэты сучаснікаў і інш. [13]. У творах С. Алексіевіч часта сустракаецца адкрытая форма аўтарскай пазіцыі. Пісьменніца вядзе жывы дыялог з чытачом, непасрэдна выказваючы ўласную думку («Апошнія сведкі», «У вайны не жаночы твар», «Цынкавыя хлопчыкі», «Час сэканд хэнд»). Напрыклад, у творы «У вайны не жаночы твар» С. Алексіевіч піша: «Четыре года и “моей” войны. Не раз мне было страшно. Не раз мне было больно. Нет, не буду говорить неправду — этот путь не был мне под силу. Сколько раз я хотела забыть то, что слышала. Хотела и уже не могла. Всё это время я вела дневник, который тоже решаюсь включить в повествование» [14, с. 59]. Дзёнікавыя запісы аўтара сустракаюцца і ў «Цынкавых хлопчыках», дзе С. Алексіевіч фіксуе даты, звязаныя з яе ўласным жыццём. Яшчэ адной разнавіднасцю аўтарскай прысутнасці ў дакументальна-мастацкай прозе з'яўляюцца каментарыі, якія сустракаюцца ў тэксце герояў. Напрыклад, у творы «Час сэканд хэнд» С. Алексіевіч тлумачыць: «19 августа 2001 года — десятилетний юбилей августовского путча. Я в Иркутске — столице Сибири. Беру несколько блиц-интервью на улицах города» [15].

Заключэнне. Выкарыстанне цытат павялічвае ёмістасць дакументальна-мастацкіх твораў С. Алексіевіч. За кошт цытат паглыбляецца інфармацыйная, эмацыянальная насычанасць літаратуры, пашыраюцца яе часавыя межы, змест апісаных падзей набывае ўстойлівасць і дакладнасць. У творах С. Алексіевіч цытаты пашыраны і складаюць аснову тэкста. Яны актывізуюць увагу чытача, выступаюць у якасці структурнага элемента твора (апісанне, развагі) і аўтарскага апаведу, які выяўляе адносіны пісьменніцы да падзей і герояў.

Спіс цытуемых крыніц

1. Симонова Т. Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра : учеб. пособие. Гродно : ГрГУ, 2002. 119 с.
2. Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі : у 5 т. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1987. Т. 5 : Скамарохі-Яшчур. 703 с.
3. Там жа. С. 489.
4. Алексіевіч С. Цынкавыя мальчыкі. Зачарованыя смерцю. Чарнобыльская молитва (хроніка будучага). М. : Остож'е, 1998. 608 с.
5. Там же. С. 413.
6. Там же. С. 166.
7. Симонова Т. Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра. С. 83.
8. Алексіевіч С. Время секунд хэнд. М. : Время, 2016. 512 с.
9. Алексіевіч С. Последние свидетели : кн. недет. рассказов / послесл. А. Адамовича. М. : Молодая гвардия, 1985. 175 с.
10. Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. С. 489.
11. Симонова Т. Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра. С. 84.
12. Алексіевіч С. Последние свидетели. С. 4.
13. Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. С. 92.
14. Алексіевіч С. У войны не женское лицо / предисл. А. Адамовича. Минск : Маст. лит., 1985. 317 с.
15. Алексіевіч С. Время секунд хэнд. С. 28.

УДК 81'255.4:811.161.3

В. А. Купцова, М. У. Орсіч

Дзяржаўная ўстанова адукацыі «Сярэдняя школа № 7 г. Баранавічы», Баранавічы

АСАБЛІВАСЦІ ПЕРАКЛАДУ АПОВЕСЦІ ЭРНЭСТА ХЭМІНГУЭЯ «СТАРЫ І МОРА» З АНГЛІЙСКОЙ МОВЫ НА БЕЛАРУСКУЮ

Уводзіны. Са старажытных часоў пераклад выконвае важную ролю як сродак пашырэння культурных здабыткаў чалавецтва. Часта пры перакладзе на іншую мову ўзнікаюць цяжкасці, якія не заўсёды можна вырашыць з дапамогай традыцыйных крыніц: двухмоўных папяровых і электронных слоўнікаў. Таму праблема літаратурнага перакладу складаная і шматгранная.

Мастацкая літаратура — гэта свет аўтарскага вымыслу, рэальныя падзеі ў творах паказваюцца праз успрымання аўтара. У іх мы бачым не толькі карціны, створаныя пісьменнікам, але і яго пачуцці, эмоцыі, думкі. У працэсе знаёмства з перакладам мастацкага тэксту на іншую мову ўзнікае пытанне: што мы чытаем? Той самы твор ці зусім іншы? Перакладчык павінен добра валодаць не толькі роднай мовай, але і той, з якой робіцца пераклад, важна дасканала валодаць прыёмамі перакладу. Гэта асабліва актуальна для англійскай і беларускай моў, якія маюць розную будову. Таму актуальнасць даследавання заключаецца ў неабходнасці вывучэння мэтанакіраванасці ўжывання прыёмаў перакладу англамоўнага твора на беларускую мову: неадэкватныя прыёмы перакладу могуць прывесці да скажэння тэксту арыгінала.

Мэта даследавання — правесці супастаўляльны аналіз трансфармацый на прадмет вызначэння апраўданасці іх выкарыстання П. Марціновічам пры перакладзе англійскага тэксту Э. Хэмінгуэя «Стары і мора» на беларускую мову.

Асноўная частка. Мастацкі пераклад нельга ўявіць без глыбокага асэнсавання і вытлумачэння арыгінала: інтэрпрэтацыя ў межах паняцця «пераклад» не абмяжоўваецца адзіным перакладам. Для дасягнення дакладнасці пры перакладзе з адной мовы на іншую перакладчык выкарыстоўвае моўныя сродкі іншай мовы, на якую перакладаецца твор і адпаведныя метады і прыёмы. Шматлікія адрозненні мовы арыгінала і мовы перакладу абумоўліваюць неабходнасць разнастайных трансфармацый (замен) пры перакладзе. Нягледзячы на існаванне мноства розных пунктаў погляду, большасць лінгвістаў (В. Н. Камісараў, В. Е. Шчацінкін) прытрымліваюцца погляду, што ўсе перакладчыцкія трансфармацыі дзеляцца на лексічныя, граматычныя, стылістычныя [1]. Мы не разглядаем стылістычныя трансфармацыі, бо яны з’яўляюцца пераўтварэннем стылістычнай афарбаванасці перакладаемага слова і ў значнай ступені адлюстроўваюць суб’ектыўнае ўспрыманне арыгінала перакладчыкам.

Звяртаючыся да граматычных і лексічных трансфармацый, мы выкарыстоўваем класіфікацыю Я. І. Рэцкера. Граматычныя трансфармацыі: 1) перастаноўка, 2) граматычныя замены (замена форм слова, часцін мовы, членаў сказа, сінтаксічная замена), 3) даслоўны пераклад (сінтаксічнае прыпадабненне), 4) дзяленне сказаў, 5) аб’яднанне сказаў. Лексічныя трансфармацыі: 1) канкрэтызацыя значэнняў, 2) генералізацыя значэнняў, 3) сэнсавыя развіццё, 4) антанімічны пераклад, 5) цэласнае пераўтварэнне, 6) кампенсация [2].

Існуюць два пераклады аповесці Э. Хэмінгуэя «Стары і мора» на беларускую мову: П. Марціновіча і В. Небышынца. З аднаго боку, наяўнасць толькі двух перакладаў такога выдатнага твора на беларускую мову не дазваляе правесці глыбокае даследаванне праблемы мастацкага перакладу. З другога, існуе магчымасць выбару мастацкага тэксту для аналізу прыёмаў трансфармацый пры перакладзе. Пераклад В. Небышынца з’яўляецца скарочаным варыянтам тэксту арыгінала, які не дазваляе ў поўнай меры прааналізаваць асаблівасці выкарыстання перакладчыкам прыёмаў трансфармацый. Таму ў якасці літаратурнага матэрыялу мы выбіраем пераклад П. Марціновіча «Стары чалавек і мора» [3].

У тэксце перакладу сустракаюцца ўсе віды трансфармацый на структурна-сінтаксічным узроўні, прычым у дастаткова вялікай колькасці. Гэта можна растлумачыць адрозненнямі граматычных сістэм англійскай і беларускай моў: для англійскай мовы характэрна аналітычная, а для беларускай — сінтэтычная будова.

Прыём перастаноўкі ў тэксце выкарыстаны пры перакладзе асобных слоў, словазлучэнняў, частак складанага сказа і самастойных сказаў: *Then he added (1), sometimes (2).* — *Часамі (2), — дадаў ён (1).*

У перакладзе ўжываюцца замены розных граматычных адзінак — форм слоў, часцін мовы, членаў сказа, тыпаў сінтаксічнай сувязі і інш.: *“But I... have no resolutions”* — «Але я... не заважаюся» (назоўнік — дзеясловам); *“...in his dreams he heard the surf roar...”* — «...чуў у снах, як шуміць прыбой...» (замена простага сказа складаным).

Перакладчык ужывае прыёмы дзялення і аб’яднання сказаў: *“I know. But this is in bottles, Hatuey beer, and I take back the bottles”* — «Ведаю, але гэта ў пляшках. Піва “Hatuey”. Пляшкі я занясу назад».

Найчасцей ужываецца сінтаксічнае прыпадабненне (даслоўны пераклад): *“You have only yourself...”* — «Ты маеш адно сябе самога...»; *“I know. You told me”* — «Я ведаю. Ты расказваў мне».

У тэксце перакладу П. Марціновіча ў дастаткова вялікай колькасці сустракаюцца ўсе віды лексічных трансфармацый, што можна растлумачыць рознымі лексічнымі сістэмамі англійскай і беларускай моў:

- канкрэтызацыя значэнняў: *“You study it and tell me when I come back”* — «Разбярэшыся з гэтым і раскажаш мне, калі я вярнуся»;
- генералізацыя значэнняў: *“Why I am so thoughtless?”* — «Як можна быць такім бяздумным?»;
- сэнсавыя развіццё: *“You make me happy”* — «Ты радуеш маё сэрца»;
- антанімічны пераклад: *“Don’t be shy, fish”* — «Будзь смялейшая, рыба»;
- цэласнае пераўтварэнне: *“But he was rough and harsh-spoken and difficult when he was drinking”* — «Але ён быў грубы і жорсткі, і не даць рады, калі выпіваў»;
- кампенсация: *“...in a two-decker metal container”* — «...у металічнай пасудзіне, што складалася з двух судкоў...».

Аналіз перакладу паказвае, што П. Марціновіч часта аддае перавагу словам выразнай стылістычнай афарбаванасці пры наяўнасці нейтральнага адпаведніка. Мы знайшлі 37 выпадкаў ужывання лексікі, якая ў «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» падаецца з паметай «размоўная» [4]. Акрамя гэтага, у тэксце перакладу сустракаюцца словы, якія ў тлумачальным слоўніку адсутнічаюць. Мы мяркуем, што гэта аўтарскія неалагізмы, або аказіяналізмы. Гэта з’явы маўлення, якія не адпавядаюць агульнапрынятаму ўжыванню, ствараюцца як выразны сродак у пэўным кантэксце і не замацоўваюцца ў якасці моўнай нормы [5]. Мы знайшлі 28 прыкладаў такой лексікі.

Заклучэнне. Існуюць разнастайныя прыёмы граматычных і лексічных трансфармацый, якія дазваляюць перакладчыку перадаць стылёвыя асаблівасці тэксту арыгінала і захаваць яго сінтаксічны бок.

Даследчык П. Марціновіч прымяняе ўсе прыёмы трансфармацый пры перакладзе аповесці Э. Хэмінгуэя «Стары і мора» на беларускую мову. Выкарыстоўваючы граматычныя трансфармацыі, перакладчык аддае перавагу прыёмам сінтаксічнага прыпадабнення, граматычнай замены (часцей за ўсё замене часцін мовы) і сінтаксічнай замены. З лексічных трансфармацый перакладчык часцей за ўсё ўжывае прыёмы канкрэтызацыі значэння і цэласнага пераўтварэння.

Выкарыстаўшы граматычныя і лексічныя трансфармацыі, П. Марціновіч, несумненна, у сваім перакладзе захаваў стыль Э. Хэмінгуэя, лаканізм і стрыманасць яго манеры апавядання. Аднак пры ўважлівым прачытанні кожнага радка арыгінала і перакладу на беларускую мову мы заўважылі, што часта граматычныя і лексічныя

трансфармацыі, якія выкарыстоўвае перакладчык, скажаюць сэнс арыгінальнага тэксту. Але, на наш погляд, гэтыя недакладнасці не зніжаюць мастацкай вартасці перакладзенага твора.

Акрамя гэтага, мы звярнулі ўвагу, што П. Марціновіч сваё бачанне твора перадае праз ужыванне стылістычна афарбаванай лексікі. Гэта можа быць абумоўлена ўласным стылем перакладчыка. А магчыма, аўтар перакладу хацеў падкрэсліць прастанародны характар старога чалавека-рыбака, яго ўнутраны душэўны стан у напружаныя моманты паядынку з рыбай і акуламі.

Спіс цытуемых крыніц

1. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М. : Высш. шк., 1968. 396 с.
2. Речкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М. : Р. Валент, 2004. 240 с.
3. Олдридж Дж. Паляўнічы : раман. Стары чалавек і мора : апавесць. Планета людзей : раман. Маленькі прынц : казка ; пер. з англ., франц. Мн. : Юнацтва, 1996. 429 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. Мінск : БелСЭ ім. П. Броўкі, 1977—1984. Т. 5.
5. Юрэвіч А. К. Стылістыка беларускай мовы : вучэб. дапам. М., 1992. 157 с.

УДК 811.161.3'37

В. В. Лабай

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

МОЎНАЕ ВЫРАЖЭННЕ КАМПЛІМЕНТАЎ ПАВОДЛЕ СТУПЕНІ ІХ РАЗГОРНУТАСЦІ Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Уводзіны. Жыццё чалавека ў сучасным грамадстве ўсё часцей характарызуецца негатыўнымі эмоцыямі і спажывецкімі адносінамі. Аднак індывід не можа ўвесь час існаваць у атмасферы адмоўных эмоцый. У гэтых умовах важнае значэнне для яго набываюць станоўчыя камунікатыўныя зносіны: прыемныя словы, сказаныя чалавеку, даюць яму псіхалагічную раўнавагу, упэўненасць у заўтрашнім дні. Да тактык эмацыянальнага наладжвання разам з адабрэннем і пахвалою адносіцца камплімент [1].

Камплімент — маўленчы акт, мэтай якога з'яўляецца жаданне выклікаць у суразмоўцы станоўчую эмацыйную рэакцыю да адрасанта шляхам пахвалы, выказанай эмацыйна і часам перабольшанай, яго знешніх, фізічных, унутраных вартасцей, здольнасцей і прафесіяналізму, становішча ў грамадстве і інш.

Камплімент класіфікуецца паводле розных прымет: кампліментарнасці, адрасаванасці, ступені танальнасці, часовай накіраванасці, разгорнутасці, прагматычнай устаноўкі, асаблівасцей моўнага афармлення і інш. [2, с. 136—138].

У гэтым артыкуле на матэрыяле мовы драматычных і праязічных твораў, пісьмаў беларускіх пісьменнікаў мы разгледзім моўнае выражэнне кампліментаў паводле ступені іх разгорнутасці.

Асноўная частка. Кампліменты падзяляюцца на сцільныя і разгорнутыя. **Сцільныя кампліменты** — гэта кампліменты, якія выражаюцца пераважна простымі сказамі — двухсастаўнымі і аднасастаўнымі.

Кампліменты, аснову якіх складаюць двухсастаўныя сказы, уяўляюць звычайна сінтаксічныя структуры з дзейнікам, што выражаецца займеннікам 2-й асобы множнага або адзіночнага ліку, а выказнік прадстаўлены:

а) назоўнікам: — Без роспісаў які дагавор аб вечным саюзе! У народзе рэгістрацыю так і называюць — распісання. Так, Уладзімір Паўлавіч? *Вы ў нас галоўны цырыманял-майстар* [3, с. 48]; *Ла п ы р. Вы геній, Лізавета Іванаўна!* Не знаю, чым я вам аддзячу [4, с. 523]; *К а р а в а й (да Дзеда Цыбулькі). Ды ты — філосаф!* Гэта што? Школа завочніка? Юркава навука? [5, с. 55];

б) прыметнікам: *К а р а в а й (да Настаўніцы). ...Ах, якая вы мудрая!* Значыць, і Васіль цяпер з вамі, дома [6]; *Г а л і н а А р к а д з ь е ў н а (да Кандрата).* А чаму ж вам не скончыць дзясяты клас? Адзін год усяго пахадзіць вечарамі! *Вы ж такі настойлівы!* А пасля паехалі б у нашу акадэмію. Я з татам пагаварыла б... [7];

в) спалучэннем назоўніка з прыметнікам: *Ш у г а ё ў (да Страмліна). Шчаслівы ты чалавек.* У мяне дык бывае наадварот [8, с. 291];

г) дзеясловам: *Вы пішаце вельмі шчыра, ярка, па-сапраўднаму мастацка* (з пісьма да Я. С. Рамановіча) [9, с. 205]; *К а н я г і н (падыходзіць да Клавы). А вы ўсё квітнееце, Клаўдзія Пятроўна* [10].

У некаторых выпадках пры выказванні кампліменту галоўныя члены сказа апускаюцца або апускаецца адзін з іх — сказ атрымліваецца няпоўным: *Р ы б н і к а ў (да Наталлі).* Ах, разбойніца! А дагэтуль скрывала. *Н а т а л л я* (вітаючыся). Што я скрывала ад вас? *Р ы б н і к а ў. Талент* [11]; *Б р о н я (да Гудовіча).* Што — так, Павел Андрэевіч? Вы мяне прымушваеце чырванець. Гудовіч. *Сапраўды — зноў пахараішэла* [12].

Кампліменты могуць выражацца і аднасастаўным сказам: *К а р а в а й (да Тамары).* Та-ак... Без папа не разбярэшся. І што мы павінны рашыць? Што? *Прынцэса!* [13]; *П р о к у с а ў (да Тамары Паўлаўны). Багіня!* І ўсё

ж мы не падзелім роўна. Нам хоць бы ўціхамірыць, супакоіць, абнадзеіць, і ўсё. І мы пайшлі. А яны хай сядзяць і чакаюць. Рашэння. Выканкома [14].

Простыя сказы нярэдка ўскладняюцца:

– звароткам: *Канягін. Ох, вы нас абкарміць надумалі, Клаўдзія Пятроўна. Пасядзіце з намі [15]; Гэта пачуў Барыс, які ўвайшоў на кухню, і засмяяўся: — Мудрая ты ў нас, мама [16]; Галля (да Гаворкі). Вы вясёлы, Васіль Раманавіч [17];*

– аднароднымі членамі сказа: *Каравай (да Юркі). Ах ты, тэарэтык дамарошчаны, філосаф самадзейны [18];*

– параўнальнымі зваротамі: *Света (да Тамаша). У класе ўсе маюць мянушкі. Тамаш добры і разумны, як... дэльфін [19]; Кастусь (да Караліны). Як у вас рукі лётаюць... Як стрыжы над ракой... [20];*

– пабочнымі і ўстаўнымі канструкцыямі: *Кудасаў (да Ухватава). Што вы, што вы?! Вы — гістарычная, можна сказаць, фігура [21]; Антаніна Цімафееўна (да Каліберова). Ты мне вельмі нагадваеш яго [Суворава]. Ён таксама быў у няміласці, зайздросныя людзі саслалі яго ў глуш. Але праўда сваё ўзяла. Вярнуўся з пашанай [22, с. 130].*

Іншы раз спіслы камплімент выражаецца прэдыкатыўнай часткай складанага сказа, якая паводле сваёй структуры суадносіцца з простым двухсастаўным сказам або са складанай канструкцыяй: *Ракітны (да Галубовіча). ...Ды што тут гаварыць: усе ведаюць, што ў гэтай справе вы — лепшы майстар... [23, с. 77]; Наталля (да Перагуды). Не асуджайце мяне, Барыс Платонавіч. Вы харошы чалавек, і я вам удзячна за вашы добрыя пачуцці да мяне [24]; Яснікаў (да Гаворкі); Я даўно казаў: лірык ты лепшы, чым эпік [25].*

Разгорнутыя кампліменты — гэта кампліменты, якія выражаюцца складанымі сказами і складанымі сінтаксічнымі цэлымі.

Кампліменты, выражаныя складанымі сказами, могуць быць прадстаўлены наступнымі канструкцыямі:

– складаназалежнымі: *Кастусь (да Марыі). Запэўніваю вас, вы памыляецеся. Я — князь Мсціслаўскі. Але я хацеў бы быць гэтым невядомым Макарэвічам, каб мець шчасце хаця зрэдку бачыць вас... [26]; Мележ. Мне вельмі прыемна было атрымаць добрае слова ад Вас, таварышы і друга, які так многа зрабіў для маіх раманаў у Эстоніі (з пісьма да О. А. Ёыгі) [27];*

– складаназлучанымі: *Перагуд (да Наталлі). Такая... калючая. Вы ўмеете быць добрай і шчырай, і тады я, здаецца, палажыў бы вам галаву на калені і слухаў бы без канца [28];*

– бяззлучнікавымі: *Курбатаў (да Наташы). Ты добрая, ты разумная, ты цудоўная, ты самая харошая, ты... [29]; Галля (да Нэлы). Што мне сказаць яму, калі ён прыйдзе? Парай. Ты добрая, ты разумная [30].*

Кампліменты, якія ўяўляюць сабой складанае сінтаксічнае цэлае, уключаюць некалькі сказаў, што маюць сэнсавую і структурную цэласнасць: *Каравай (да Дзедэ Цыбулькі). Ну, дзед! Ну, проста герой! Хадзі сюды! Дай я цябе абніму! Сапраўдны герой! Не дарма цябе ў грамадзянскую шабляй узнагародзілі! Была б у мяне, падарыў бы табе яшчэ адну [31]; Старая (да Старога). І ўсё ты ведаеш. Учора старшыня наш пры людзях сказаў, што цябе можна міністрам замежных спраў ставіць ці прэзідэнтам у якую краіну пасадыць. З павагай сказаў. Кажэ: «Што яму рэвізійная камісія? Ён можа ў вялікай дзяржаве парадак навесці». Усё ты знаеш. І праўда, як міністр [32]; Язва. Скажы праўду, ты паззіяй пакарыў сэрца гэтай жанчыны? Праменны. Толькі паззіяй. Язва. Тады ты сапраўдны паэт, і я ўрачыста абяцаю не называць цябе больш дворнікам. Ніколі не думаў, што твае вершы маюць такую незвычайную сілу. Дай пачытаць! Гэта, напэўна, цудоўныя вершы [33]; Ухватаў (да Бусько). Ну, брат, насмешыў! Мастак! У пісьменнікі табе трэба надавацца. Цяпер ізноў, кажучы, на камедыі дэфіцыт. А тут жывая камедыя. Ты ж талент, артыст, сатырыст! [34]; Кастусь (да Караліны). Паўсюль — ты. Спявае жаўрук — і гэта твой смех... Стронг б'е ў патоку — і гэта твой гней. Вясёлка гарыць у расе — і гэта калі ты смяешся праз слёзы. Уся ты, з усім, стала нада мной — як святло нябёс... як радзіма [35]; Піліп (да Тані). Суп твой на ўвесь луг пахне. Добра кухарыш. А добры кухар раўняецца добраму генералу. Далібог... [36].*

Часам у кампліментах з мэтай экспрэсіўнага вылучэння элементаў выказвання выкарыстоўваецца такі стылістычны прыём, як парцэляцыя: *Кастусь (да Караліны). Ідзі дадому, сланечнік... Ідзі да Яневіч... Вазьмі там найлепшыя балыны ўбор... І адразу, на рамізніку, да палаца... У мяне будзе на гэтым балі дама... Найлепшая прыгажуня зямлі... На цэлы вечар... [37]; Іна (да Кандрата, глядзіць на яго з захапленнем). Ты — шчаслівы. Ты ўсё можаш. Ва ўсё верыш. У сябе. У людзей. А я ўсё корпаюся ў сваёй душы, усё прыслухоўваюся — што там? [38]; Гаворка (да Галі). Навошта табе мужавы словы? У цябе даволі сваіх. Мяне захапляе, радуе твая дасціпнасць. А больш за ўсё — твая энергія. Леанід сказаў мне, што ты ўзяла на сябе новыя абавязальствы? [39]; — Добра ты сёння іграў, — сказаў, пыхкаючы дымком, якут. — Я, на што ў мяне на поўначы вочы павымярзалі, і то заплакаў. Асабліва пра вайну калі іграў... Пра зямлянку... Шчымяла душа... Можэ, Мітрафан, для мяне ўрэжаш, спецыяльна? Прымі заяўку [40].*

Заклучэнне. Для пабудовы кампліментаў выкарыстоўваюцца ўстойлівыя сінтаксічныя формы, або моўныя клішэ. Асноўнымі сродкамі іх выражэння паводле ступені разгорнутасці з'яўляюцца простыя і складаныя сказы, прэдыкатыўныя часткі складаных сказаў і складаныя сінтаксічныя цэлыя.

Спіс цытуемых крыніц

1. Полякова А. В. Комплимент и похвала как эмоционально настраивающие тактики [Электронный ресурс]. URL: <http://festival.1september.ru/articles/635890/> (дата обращения: 16.03.16).
2. Михальчук Т. Г. Русский речевой этикет. Практикум : учеб. пособие для студентов вузов по филолог. специальностям. Минск : Асар, 2009. 258 с.

3. Шамякін І. П. Збор твораў : у 8 т. Мінск : Маст. літ., 2005. Т. 6 : Злая зорка : раман ; Палеская мадонна ; Абмен : аповесці. 446 с.
4. Шамякін І. П. Збор твораў : у 23 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. Мн. : Маст. літ., 2012. Т. 8. Аповесці, 1999—2000 ; п'есы. 655 с.
5. Макаёнак А. Выбраныя творы : у 2 т. / прадм. С. Лаўшука. Мінск : Маст. літ., 1980. Т. 2.
6. Там жа. С. 29.
7. Шамякін І. П. Збор твораў : у 23 т. С. 207.
8. Крапіва К. Збор твораў : у 5 т. / уклад. і камент. С. Лаўшука ; маст. А. Александровіч. Мн. : Маст. літ., 1975—1976. Т. 4.
9. Мележ І. Збор твораў : у 10 т. Мінск : Маст. літ., 1985. Т. 10 : Эпістальная спадчына (1945—1976) ; Летапіс жыцця і творчасці / рэд. А. П. Матрунёнак ; Збор эпістальн. спадчыны, падрыхт. тэкстаў і камент., летапісу жыцця і творчасці, паказ. Л. Н. Мазанік. 496 с.
10. Крапіва К. Збор твораў. Т. 4. С. 159.
11. Там жа. С. 72.
12. Там жа. С. 178.
13. Макаёнак А. Выбраныя творы. Т. 2. С. 27.
14. Там жа. С. 219.
15. Крапіва К. Збор твораў. Т. 4. С. 161.
16. Шамякін І. П. Збор твораў : у 8 т. С. 37.
17. Шамякін І. П. Збор твораў : у 23 т. С. 243.
18. Макаёнак А. Выбраныя творы. Т. 2. С. 38.
19. Шамякін І. П. Збор твораў : у 23 т. С. 375.
20. Караткевіч У. Збор твораў : у 8 т. Мінск : Маст. літ., 1990. Т. 8. Кн. 1 : П'есы. Нарыс. 591 с.
21. Макаёнак А. Выбраныя творы. Т. 2. С. 135.
22. Макаёнак А. Выбраныя творы : у 2 т. / прадм. С. Лаўшука. Мінск : Маст. літ., 1980. Т. 1.
23. Крапіва К. Збор твораў : у 5 т. / уклад. і камент. С. Лаўшука ; маст. А. Александровіч. Мінск : Маст. літ., 1975—1976. Т. 3.
24. Крапіва К. Збор твораў. Т. 4. С. 106.
25. Шамякін І. П. Збор твораў : у 23 т. С. 257.
26. Караткевіч У. Збор твораў. С. 36.
27. Мележ І. Збор твораў. С. 226.
28. Крапіва К. Збор твораў. Т. 4. С. 67.
29. Макаёнак А. Выбраныя творы. Т. 1. С. 125.
30. Шамякін І. П. Збор твораў : у 23 т. С. 474.
31. Макаёнак А. Выбраныя творы. Т. 2. С. 43.
32. Там жа. С. 73.
33. Крапіва К. Збор твораў. Т. 4. С. 148.
34. Макаёнак А. Выбраныя творы. Т. 2. С. 144.
35. Караткевіч У. Збор твораў. С. 78.
36. Шамякін І. П. Збор твораў : у 23 т. С. 364.
37. Караткевіч У. Збор твораў. С. 33.
38. Шамякін І. П. Збор твораў : у 23 т. С. 194.
39. Там жа. С. 263—264.
40. Ткачоў В. Тратнік : кн. прозы. Гомель : Палесдрук, 2002. 384 с.

УДК 811.161.1'28

Ю. В. Лещинская

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ СУФФИКСАЛЬНЫХ ЛОКАТИВНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКИХ ГОВОРАХ

Введение. Пространство как одна из фундаментальных категорий бытия всегда была в центре внимания учёных — представителей различных областей знания: философии, логики, физики, астрономии, языкознания, культурологии. При всём различии подходов есть общее понимание того, что понятие пространства весьма сложно, противоречиво и (в качестве объекта исследования) практически неисчерпаемо.

В философии пространство понимается как форма бытия материи, характеризующая её протяжённость, структурность, сосуществование и взаимодействие элементов во всех материальных системах. Общепринятой является связь пространства с другой формой бытия материи — временем.

Основная часть. Понятие «суффиксальные локативные существительные» весьма активно используется в исследованиях по дериватологии. Суффиксальными локативными существительными, как правило, называют образованные суффиксальным способом производные имена существительные, формула толкования значения которых начинается с компонента 'там, где'.

Суффиксация является одним из наиболее активных словообразовательных способов вербализации понятия пространства.

Исследование словообразовательной структуры суффиксальных локативных существительных позволило выявить корпус суффиксов, участвующих в образовании указанных производных.

Морфемарий словообразовательной категории [1, с. 55] суффиксальных локативных существительных в нашем материале включает следующие суффиксы: -ник (*мошник (м.р.) 'место, где заготавливают мох'*),

-к (ключки́ 'угодые, где много ключей'), -н (ножня́ (ж. р.) 'вместилище, место на кухне, где хранятся ложки, вилки и ножи'), -ок (станок (м. р.) 'место на пастбище, где доят коров во время летнего выпаса далеко от дома'), -j(э) (понарьё (ср. р.) 'место, где происходит размывание водой горных пород и образование в них пещер, пустот, впадин и т. п.'), -ищ (дворище (м. р.) 'место, отведенное для застройки'), -нулевой суффикс (прохлад (м. р.) 'затенённое место, где прохладно').

Морфемная структура значительного числа локативов включает в себя приставки в сочетании с суффиксами. Например: вы- + Ø (вы́ход (м. р.) 'место, через которое выходят'), по- + -в- (полив (м. р.) 'место, где происходит поливка, где находится поливное сооружение'), под- + Ø (подсек (м. р.) 'участок леса, где деревья вырублены, но ещё не выжжены'), про- + -в-, -ин- (промы́вина (ж. р.) 'место на реке, где лёд взламывается под действием ключей, ручьёв до вскрытия'), рас- + -в-, -к- (раскрыв́ка (ж. р.) 'место, где разоблачают кого-либо').

Проведённое исследование показало, что морфемарий анализируемой словообразовательной категории составляют регулярные, нерегулярные и уникальные суффиксы. Одним из регулярных средств выражения семантики локативности является нулевой суффикс.

Суффиксальные локативы в русских народных говорах могут быть представлены различными вариантами: акцентными (бечёвник и бечевни́к); грамматическими (пожог и пожога, проток и протока). С учётом лексикографической интерпретации, принятой в «Словаре русских народных говоров», приходится учитывать и орфографические варианты некоторых единиц (залошница и калошница).

Как показал анализ материала, большинство существительных имеет производную основу, совпадающую с производящей. Однако есть и такие существительные, где такого совпадения не наблюдается. Например: припáр 'место, где лёд отошёл от берега'. Отсутствие производящего в дефиниции может быть обусловлено отсутствием в лексическом составе русского языка соответствующего слова.

Отмечено, что в разных диалектах одно и то же значение может передаваться разными суффиксами. Например: тимока́тка (ж. р.) 'мастерская, где изготавливают тимы', тимока́тня (ж. р.) 'мастерская, где изготавливают тимы'.

В говорах встречаются существительные, которые употребляются как в диалектах, так и в литературном языке, но при этом имеют разное значение (рисунок 1).

Употребление существительных	
в диалектах	в литературном языке
Катала́жка (ж. р.) 'отгороженный угол в избе, где зимой держат ягнят' (Волжское)	Катала́жка, каталажки (ж. р. простое, областное, пренебрежительное) 'тюрьма, камера для арестованных; помещение для арестантов'
Келья́ (ж. р.) 'маленькая избушка, домик, одинокая избушка, где живут старики' (Вологодское)	Келья́, кельи (род. п., мн. ч. келий, ж. р., греч. kellion с лат.) 'отдельная комната монаха (церк.)'
Лоза́ (ж. р.) 'низкое ровное место, где хорошо растет трава' (Вятское)	Лоза́, лозы (мн. ч. лозы, ж. р.) 'тонкий, длинный и гибкий стебель некоторых кустарников, преимущественно винограда и корзиночной ивы'
Мане́ж (м. р.) 'место, где проводятся занятия с солдатами' (Псковское)	Мане́ж, манежа (м. р. франц. manège) 'огороженное место для верховой езды и для упражнения войск'
Покло́н (м. р.) 'место, где начинается крутой спуск с горы' (Забайкальское)	Покло́н, поклона (м. р.) 'приветствие, совершаемое наклоном головы или верхней части туловища'
Поро́г (м. р.) 'сторона проруби, где вытаскивают невод'	Поро́г, порога (м. р.) 1) 'деревянный брус на полу под дверью'; 2) 'крупное поперечное возвышение (обычно каменистое) речного дна, делающее течение более быстрым и бурным и затрудняющее судоходство'; 3) перен. 'граница, преддверие чего-нибудь' (книжн.)
Биржа́ (ж. р.) 'место на берегу реки или озере, где находятся лесоматериалы перед сплавом' (Ленинградское)	Биржа́ (ж. р.) 1) 'учреждение для заключения финансовых и коммерческих сделок'; 2) 'уличная стоянка извозчиков' (устар.)
Вене́ц (м. р.) 'самое высокое место на берегу реки' (Нижегородское)	Вене́ц 1) (устар.) 'то же, что венок'; 2) (поэт.) 'то же, что корона'; 3) 'нимб, ореол, светящееся окружение чего-либо'; 4) (перен.) 'расположение по кругу, вокруг чего-либо'; 5) (архитектурное) 'звено из четырёх скреплённых брёвен, образующих один ярус деревянного сруба'; 6) (перен.) 'успешное завершение какого-либо дела, процесса'; 7) (перен.) 'наивысшее достижение'; 8) (техн.) 'элемент шестерённой передачи'

Рисунок 1 — Употребление имён существительных

Грибні́к (м. р.) ‘место в лесу, где растёт много грибов’ (Шуйское Владимирское)	Грибні́к 1) ‘тот, кто собирает или любит собирать грибы’; 2) (устар.) ‘продавец грибов’
Зака́т (м. р.) ‘скользкое, накатанное полозьями место на зимней дороге; раскат’ (Новгородское, Московское)	Зака́т (м. р.) 1) ‘заход за линию горизонта (о солнце, небесных светилах)’; 2) ‘огненно-красное освещение неба над горизонтом при заходе солнца’
Лежа́к (м. р.) ‘место для лежания на печи; припечек; лежанка’ (Калининградское)	Лежа́к (м. р.) 1) ‘деревянная койка для отдыха на открытом воздухе, на пляже’; 2) ‘лежачее бревно, брус’
Ло́жа и ложа́ (ж. р.) ‘место для сна, кровать, постель’ (Смоленское, Колымское, Якутское)	Ло́жа (ж. р.) 1) ‘место в зрительном зале, отделённое для нескольких лиц’; 2) ‘отделение масонской организации’
Свеко́льник и све́кольник (м. р.) ‘свекольник. Место, где растёт свекла’ (Калининградское)	Свеко́льник (м. р.) 1) ‘суп из свёклы’; 2) ‘свекольная ботва’
Се́нник (м. р.) ‘огороженное место в степи, на лугу, у дома, где стоит стог (стога) сена’ (Уральское)	Сенні́к (м. р.) 1) ‘матрас, набитый сеном или соломой’; 2) ‘сарай для сена, сеновал’

Рисунок 1 — Окончание

В приграничных русских народных говорах в ряде имён существительных с локативной семантикой заметно влияние белорусского языка.

Например: *попелі́ще* (ср. р.) ‘место, где был пожар, пепелище’ (Владимирское, Смоленское, Курское) (сравним белорусское *попел*); *блуго́да* (ж. р.) ‘место в лесу, где блуждает заблудившийся скот’ (Архангельское, Смоленское) (сравним белорусское *блукать*).

Заключение. Группа локативов с тождественными лексическими и частными словообразовательными значениями (*голубятня* и *голубятник* и др.) является наиболее многочисленной. Следует отметить, что большинство кодериватов достаточно долго и мирно сосуществуют в языке, занимая одни и те же «семантические клеточки» [2].

В качестве основного внеязыкового ограничения для словообразовательной категории суффиксальных локативов выступает незначительная востребованность подобных производных в современной русской речи. Новые суффиксальные дериваты, называющие пространство, в русском языке в настоящее время не образуются. При этом локативы, называющие территории и вместилища, обладают определённой степенью востребованности в северно-русских (Архангельском, Олонецком, Костромском) диалектах и среднерусских (Псковском, Владимирском, Тверском) говорах [3].

Список цитируемых источников

1. Белякова Г. В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке : монография. Астрахань : Астрах. ун-т, 2007. 170 с.
2. Там же. С. 72.
3. Там же. С. 99.

УДК 821.161.3(035.3)

М. С. Ліс

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

КАНФЛІКТ ПРЫРОДЫ І ЦЫВІЛІЗАЦЫІ ЯК МАТЫЎ БЕЛАРУСКАЙ ПРОЗЫ «ЭПОХІ РУБЯЖА»

Уводзіны. Зварот да духоўнай спадчыны продкаў, культурна-гістарычнай памяці, інтэрпрэтацыя вобразаў і матываў, якія належаць традыцыі, з’яўляецца важнай умовай плённага мастацка-філасофскага асэнсавання сучаснасці. Глыбінныя сэнсавыя значэнні вобразаў этнапрасторы захоўваюцца і перадаюцца ў пэўнай сістэмнасці ад міфалогіі і вуснай народнай творчасці да арыгінальнай літаратуры. Аднак з канца XIX ст., калі Беларусь пакрываецца сеткай чыгунак, бярэ пачатак гісторыя антрапагенных (дэфармаваных чалавекам) ландшафтаў як вынік узаемадзеяння тэхнікі і прыроды.

Асноўная частка. Даследчык М. Бярдзяеў у сваёй працы «Сэнс гісторыі» гаворыць, што пераход культуры ў цывілізацыю звязаны з радыкальнай зменай адносін чалавека да прыроды. Філософ падкрэслівае, што эпоха цывілізацыі пачалася з пераможнага ўваходжання машын у жыццё людзей. Паміж чалавекам і прыродай з’яўляецца

штучнае асяроддзе, пры дапамозе якога ён спрабуе падначаліць сабе прыроду. Ад сузірання прыроды чалавек пераходзіць да авалодання ёю, што, аднак, не набліжае яго да яе ўнутранага жыцця, яе душы. Чалавек канчаткова аддаляецца ад прыроды ў працэсе тэхнічнага авалодання ёю. Цывілізацыя мае не духоўны і не прыродны грунт, а машынны. У цывілізацыі само мысленне становіцца тэхнічным [1]. Гэтая праблема хвалявала беларускіх пісьмennisкаў і адбілася ў творчасці П. Галавача, Я. Коласа, Я. Купалы, К. Чорнага.

Для паўнавартаснага існавання чалавеку неабходна пэўная псіхалагічна-этнічная «ўтульнасць», якую для беларусаў забяспечвае трохкампанентная вертыкальная мадэль свету, што складаецца з зямлі, лесу і неба. Якуб Колас, пісаў І. Навуменка, як ніхто ў беларускай літаратуры, адчуў, што беларусы — народ, цесна звiтаваны з прыродай, спрадвечу «лясны». Для беларускага сялянства «лес, возера, рэчка, балота, адваяваны ў лесу кавалак поля былі той штодзённасцю, якая акружала яго ад нараджэння да смерці. Чалавек стагоддзі, тысячагоддзі жыў у лесе, прывык быць на адзіноце, сам-насам з лесам, з полем, небам над галавой...» [2, с. 165]. Нездарма дзед Талаш («Дрыгва») так «любіць лес, балота і сваю родную Прыпяць...» [3, с. 664]. Як адзначае А. І. Белая, «у творах беларускай паэзіі і прозы можна знайсці шматлікія варыянты спалучэння разнастайных элементаў ландшафту, якія абумоўліваюць гарманічны стан героя (аўтара, апавядальніка)» [4, с. 83]. Паэму Я. Коласа «Новая зямля» ў гэтых адносінах можна лічыць і ўніверсальным, і ярскім нацыянальным прэцэдэнтам. «Лес наступаў і расступаўся, // Лужком зялёным разрываўся; // А дзе прыгожыя загiбы так міла йшлі каля сядзібы, // Што проста імі б любаваліся» [5]. Сімволіка лесу ў «эпоху рубяжа» ўключаецца ў самыя розныя кантэксты, нават у кантэкст асэнсавання эстэтычнай праблематыкі, творчага метаду пісьмennisка. «Маляваць сучасную гістарычную эпоху, — пісаў у 1920 г. З. Бядуля, — вельмі цяжка, як цяжка маляваць выгляд лесу, стоячы ў ім. Трэба, каб пачуцці і погляды сучасніка адстоіліся і выспелі, каб ён мог іх маляваць аб'ектыўна і спакойна...» [6, с. 106].

Перыяд сацыялістычнага будаўніцтва як этап «эпохі рубяжа» характарызуецца, на думку М. Прышвіна, тым, што ў гэты час «будуцае робіцца рэальней за сённяшняе». Пісьмennisк рэпрэзентуе гэтую пануючую тэндэнцыю праз арыгінальнае выкарыстанне локуса лесу. Цэласнасць і гармонія свету, якую сімвалізуе лес, у перыяд індустрыялізацыі страчваецца. «У мінулым годзе інжынер заблудзіўся ў лесе. Цяпер тут горад, а лес стаіць воддаль. Але які гэты лес, калі ён асуджаны, яго заўтра не будзе, гэты лес амаль нерэальнасць. Затое вось механічны цэх, якога яшчэ няма, — ён рэальнасць» [7, с. 183].

У першай трэці ХХ ст. праблема супрацьстаяння прыроды і культуры, культуры і цывілізацыі надзвычай абвастраецца. У мастацкую літаратуру пачынаюць уваходзіць антрапагенныя ландшафты, а таксама праз супастаўленне ўмяшчальнага і антрапагеннага ландшафту ў ёй актыўна асэнсоўваюцца супярэчлівыя ўзаемадзейненні культуры і цывілізацыі» [8]. Так, напрыклад, у раманах П. Галавача «Праз гады» гэты адлюстравалася ў разважаннях інжынера на пабудове камбіната: «...ёсць свая прыгажосць і ў стройнасці заводскіх гмаху, і ў рухах машын. Яе нават не менш там, чым у прыродзе, але яна іншая, і мы пакуль што не ўмеем зрабіць так, каб побач з ёй захаваць і вось гэта. — Ён паказвае на прыазёрны лес» [9, с. 292]. З гэтых слоў вынікае, што людзі ў пагоні за матэрыяльнымі дабротамі зусім бяздумна разбураюць тое прыгожае, што акружае іх спрадвечу. Павел Андрэевіч Буднік на гэтыя словы адказаў так: «Навучыцца гэтаму не так цяжка» — і адразу сустрэў нязгоду з боку прафесара Галынскага: «Думаеце, што няцяжка? А мне здаецца, што гэта дужа цяжка. У нейкім сэнсе гэта нават цяжэй, чым пабудаваць сам камбінат, чым стварыць новую прыгажосць, пра якую гаворыць інжынер» [10]. Прафесар Галынскі падкрэслівае: «Каб будаваць, зусім не трэба ўсім рабочым быць інжынерамі і нават кваліфікаванымі будаўнікамі» [11], а каб захаваць прыгажосць прыроды «неабходна ўсім, хто будзе жыць тут і хадзіць па гэтых месцах, быць культурнымі. Навучыцца класі з цэлы сцяну лягчэй, чым авалодаць нават самымі пачаткамі культуры» [12]. Са слоў прафесара вынікае тое, што ўсё ж такі прыроду магчыма захаваць, але для гэтага людзі павінны навучыцца цаніць яе так, як цанілі нашы продкі і авалодаць хоць бы пачаткамі культуры. Буднік нібыта і пагаджаецца, кажучы: «Мы захаваем лес каля возера некранутым. Возера будзе месцам здаровага адпачынку» [13]. Можна ўбачыць у гэтым эпізодзе, з аднаго боку, тое, што ёсць неаб'якавыя адносіны да навакольнага асяроддзя, а з другога — імкненне як найпаўней выкарыстаць багацце прыроды для практычных мэт.

Як адзначае І. А. Чарота, «відаць, не выпадкова... у беларускіх гаворках надзіва шматлікі сінанімічны рад, утвораны словамі *алёс, багна, балота, бездань, віць, валага, волага, гала, дрыгва, дрыгвянік, імішара, імішарына, імішарышча, машара, мраіва, мроіва, мярэча, небель, нетра, роіста, слата, тапіла, твань, тхлань*... У дачыненні да іншых відаў ландшафту падобнага не назіраецца» [14, с. 108]. А. М. Багдановіч заклікаў ствараць паэзію лесу, паэзію дрыгвы і сам актыўна ажыццяўляў гэта, выносіў на шырокі свет. У літаратуры «эпохі рубяжа» матыў балота рэпрэзентаваны ў разнастайных элементах мастацкай формы твораў розных жанраў.

Палітыка індустрыялізацыі «імякліва ўносіла змены ў звыклы беларускі краявід, парушаючы яго прасторавую ўтульнасць» [15]. Нездарма, як адзначае І. А. Чарота, у пэўны перыяд развіцця беларускай савецкай літаратуры ўзнікла тэматычная лінія «антыдрыгвы» [16], да якой спрычыніліся і самыя значныя, таленавітыя пісьмennisкі. Каля возера Сыты мох, піша П. Галавач у раманах «Праз гады», цяпер «усё інакш. Простая лінія новай, пракладзенай ад балота, дарогі. Уздоўж дарогі... сцены заводскіх гмаху і чатырохпавярховы гмах электрастанцыі. Свежыя, аплеценныя рыштываннямі сцены цягнуцца... у глыб поля», чуваць гул машын і «размераныя звонкія ўдары жалеза аб жалеза» [17].

Адносіны людзей да каштоўнасцей прыроды П. Галавач выяўляе ў дыялогу прафесара Галынскага з пісьмennisкамі і журналістам Ягуплам: «Вазьміце хоць бы гісторыю балот. Гэта ж тысячагоддзі! У глухіх, дзікіх, закінутых чалавекам месцах, у месцах, ад якіх уцякаў чалавек, ляжаць пад імховымі сховамі каштоўныя багацці. Балота не хацела паказаць чалавеку гэтых багаццяў, яно засмоктвала смельчакоў. А пасля чалавек выкраў гэтыя багацці і пачаў браць іх сабе, урэшце пазнаўшы іхнюю каштоўнасць, і былое, дзікае, закінутае чалавекам месца

стала...» [18]. Мы бачым, што гэтымі словамі прафесар хоча паказаць Ягуплу тое, што чалавек паступова пачаў умешвацца ў прыроду, «выкраў багацці і пачаў браць іх сабе» і да чаго гэта прывядзе ў будучым не ведае ніхто. У рамане не менш важным з'яўляецца факт стварэння на Яснаўскім балотным масіве навукова-даследчай тарфяной станцыі. Туды едзе працаваць прафесар Галынскі. І хоць мы бачым з папярэдняга выказання, што прафесар ставіцца адмоўна да парушэння прыроднага балансу, ён усё роўна згаджаецца на прапанову Будніка стаць адказным кансультантам па праектаванні першай чаргі камбіната і выступіць на пасяджэнні Сарнаўкама з дакладам. Сацыяльныя праблемы цесна звязаны з маральна-этычнымі. Галынскі вельмі даўно ўжо працуе «над праблемай прыгатавання з торфу пластычных мас. Апошнія вынікі ягоных работ даюць падставы спадзявацца, што шуканні блізяцца да канца. ...Чаканне запоўніла яго цалкам. Усё іншае яго хвалюе толькі нейкі час і праходзіць, губіцца ў памяці, астаючыся па-за кругам думак, якімі ён жыве» [19]. На нашу думку, сімволіка пластычных мас родная сімволіцы «вінціка». Праз канцэпцыю вобраза Галынскага рэалізуецца думка аб недапушчальнасці звядзення чалавека да нейкай адной якасці. Сімволіка торфу ў сукупнасці з локусам балота ўтвараюць яшчэ адзін актуальны для 1930 гг. матыв, звязаны з праблемай навукова-тэхнічнага прагрэсу.

Заклучэнне. Адным з матываў беларускай прозы першай трэці XX ст. з'яўляецца канфлікт прыроды і цывілізацыі. З'яўленне такога матыву ў «эпоху рубяжа» можна растлумачыць тым, што ў гэты час у грамадстве ажыццяўляецца палітыка індустрыялізацыі. Пры дапамозе тэхнікі чалавек імкнецца падначаліць сабе прыроду. Прыродныя ўмовы актыўна ўплываюць на свядомасць народа, генезіс яго нацыянальнай душы. У літаратурных творах розных жанраў ўвасоблены шматлікія варыянты спалучэння разнастайных элементаў звыкллага ландшафту, якія абумоўліваюць раўнаважны, гарманічны стан асобы персанажа, героя-апавядальніка, аўтара. Эстэтыка-філасофская думка «эпохі рубяжа» ўзнімае вострую праблему супрацьстаяння прыроды і культуры, культуры і цывілізацыі, якую мы вылучылі ў рамане П. Галавача «Праз гады».

Спіс цытуемых крыніц

1. Бердяев Н. Смысл истории [Электронный ресурс]. URL: <http://predanie.ru> (дата обращения: 01.03.2016).
2. Навуменка І. Я. Якуб Колас: духоўны вобраз героя. 2-е выд., дап. Мінск: Выд-ва БДУ, 1981. 240 с.
3. Колас Я. Вершы. Паэмы. Аповяданні. Аповесці. Трылогія «На ростанях»; прадм. М. Мушынскага. Мн., 2007. 1168 с.
4. Белая А. І. Абрывы роднага: нацыянальныя локусы культуры ў беларускай прозе «эпохі рубяжа»: манагр. ; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Баранав. дзярж. ун-т. Баранавічы : БарДУ, 2015. 206 с.
5. Колас Я. Вершы. Паэмы. Аповяданні. Аповесці. Трылогія «На ростанях». С. 427.
6. Чыгрын І. П. Паміж былым і будучым: проза Гарэцкага. Мінск : Беларус. навука, 2003. 166 с.
7. Пришвин М. М. Дневники ; сост., предисл. и коммент. Ю. А. Козловского. М. : Правда, 1990. 480 с.
8. Белая А. І. Абрывы роднага: нацыянальныя локусы культуры ў беларускай прозе «эпохі рубяжа». С. 94.
9. Галавач П. Праз гады : раман : для стар. шк. узросту / маст. А. І. Карповіч. Мінск : Юнацтва, 1992. 382 с.
10. Там жа. С. 292.
11. Там жа.
12. Там жа. С. 292—293.
13. Там жа.
14. Чарота І. А. Пошук спрадвечнай існасці: беларуская літаратура XX стагоддзя ў працэсах нацыянальнага самавызначэння. Мінск : Навука і тэхніка, 1995. 159 с.
15. Белая А. І. Абрывы роднага: нацыянальныя локусы культуры ў беларускай прозе «эпохі рубяжа». С. 101.
16. Чарота І. А. Пошук спрадвечнай існасці: беларуская літаратура XX стагоддзя ў працэсах нацыянальнага самавызначэння. С. 112.
17. Галавач П. Праз гады. С. 320.
18. Там жа. С. 274.
19. Там жа. С. 375.

УДК 81

А. Е. Магарцова

Образовательное учреждение высшего образования «Смоленский гуманитарный университет», Смоленск, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В РОМАНЕ МАРГАРЕТ МИТЧЕЛЛ «УНЕСЁННЫЕ ВЕТРОМ»

Введение. Читая исторический роман М. Митчелл, мы с интересом окунаемся в это захватывающее и увлекательное по сюжету произведение, события которого происходят в один из наиболее сложных периодов в истории США и охватывают годы Гражданской войны (1861—1865) между северными промышленными и южными сельскохозяйственными штатами Америки, и последовавшую за ней Реконструкцию. Осмысливая текст романа, мы невольно начинаем задумываться над тем, как хорошо было бы побывать в тех местах, которые описаны в книге, или попробовать блюда и напитки, которые были упомянуты на страницах романа.

Наша научная работа является попыткой анализа лингвокультурологических реалий в произведении М. Митчелл «Унесённые ветром». Проблема, освещённая в данной работе, актуальна и сегодня. Читатели часто

сталкиваются с непониманием тех или иных слов-реалий. И для выяснения значения некоторых слов или местоположения городов, гор они часто обращаются к сети Интернет.

Собственно, что же такое реалии? Согласно словарным определениям *реалия* — это предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа страны, не встречающееся у других народов, это слово, обозначающее такой предмет, понятие, явление, а также словосочетание (обычно — фразеологизм, пословица, поговорка), включающее такие слова.

Термин «реалия» в значении реалии-слова, в качестве знака реалии-предмета и как элемент лексики данного языка получил в лингвистической литературе довольно широкое распространение. О реалиях, как о репрезентации колорита, конкретных, зримых элементах национального своеобразия, заговорили лишь в начале 50-х гг. XX в.

Понятие «реалия» следует отграничить от понятия «термин». Реалии характерны для подязыка художественной литературы и средств массовой информации, неразрывно связаны с культурой определённого народа, являются общеупотребительными для языка этого народа и чуждыми для других языков. Термины лишены какой-либо национальной окраски, относятся, в основном, к сфере науки, создаются искусственно, исключительно для наименования предмета или явления, с распространением которых и получает широкое применение.

Реалии, вошедшие в русский язык из других языков, обычно обозначают: имена собственные, монеты, должности и обозначения лиц, детали костюма и украшения, кушанья и напитки, обращения и титулы при именах.

Действительно, существует великое множество классификаций лингвокультурологических реалий, предложенных разными переводчиками и языковедами. Так как рассматриваемый роман написан американской писательницей, мы используем классификацию лингвокультурологических реалий, основанную на американской действительности, предложенную Г. Д. Томахиным, доктором филологических наук, специалистом по общему языкознанию. В его классификации лингвокультурологические реалии делятся на четыре класса: этнографические, географические, общественно-политические, реалии системы образования, религии и культуры.

Этнографические реалии. Мы считаем, что этот класс является самым ярким и обширным в данной классификации. В него входят такие реалии, как: реалии быта, жилище; предметы одежды; название блюд, напитков, овощей и фруктов; бытовые заведения; реалии транспорта; реалии связи (почта, телефон, телеграф); отдых, времяпрепровождение; обычаи и традиции, праздники; меры, деньги; рутинное поведение; речевой этикет.

Географические реалии: классификация географических реалий (названия особенностей береговой линии, названия особенностей рельефа, гидрографические названия и др.), флора, фауна, культурные растения, природные ресурсы и особенности их освоения.

Общественно-политические реалии: государственные символы и символы штатов, реалии, связанные с конституцией США, реалии законодательной власти, президент и аппарат Белого Дома, исполнительные ведомства, агентство, государственные служащие, судебная система, правительство штатов и местное самоуправление, выборы, политические партии и общественные организации.

Реалии системы образования, религии и культуры: система образования, религия, литература, театр и кино, средства массовой информации, изобразительное искусство, музыкальная культура.

Основная часть. Рассмотрев данную классификацию, мы можем начать анализ лингвокультурологических реалий в романе «Унесённые ветром» (таблица 1).

Т а б л и ц а 1 — Результаты анализа лингвокультурологических реалий в романе «Унесённые ветром»

Реалия	Определение	Пример
<i>Этнографические реалии</i>		
Карета	Большой закрытый четырёхколёсный конный экипаж на рессорах	<i>Улица была забита военными фургонами, санитарными каретами с ранеными и всякого рода повозками, доверху нагруженными мебелью, сундуками, баулами</i>
Баул	Продолговатый дорожный сундучок	
Фургон	Тип закрытого автомобильного кузова, предназначенный для перевозки грузов или людей	
Доллар	Американская валюта	<i>Я видел тысячи иммигрантов, готовых за кусок хлеба и несколько долларов сражаться на стороне янки, я видел заводы, фабрики, верфи, рудники и угольные копи — всё то, чего у нас нет</i>
Корсет	Предмет женской одежды в виде широкого пояса с вшитыми упругими пластинками, туго охватывающий нижнюю часть грудной клетки и живот для придания фигуре необходимого вида. Обычно с одной или нескольких сторон сделана шнуровка, нередко с другой стороны делают застёжки	<i>В шести просторных спальнях девушки, скинув платья, расшнуровав корсеты, распустив по плечам волосы, отдыхали — кто на кроватях, кто на кушетках</i>

Продолжение таблицы 1

Реалия	Определение	Пример
Нижняя юбка	Вид нижнего белья, женская юбка, которая носится под одеждой	Тогда я сам куплю ей подарок. Я помню, моя нянюшка всегда говорила: хорошо бы, если на ней, когда она отправится на небо, была нижняя юбка из тафты , такой жёсткой, чтоб она торчком стояла и шуриала при малейшем движении, а Господь Бог подумал бы, что она сшита из крыльев ангелов. Я куплю Мамушке красной тафты и велю сшить ей элегантную нижнюю юбку
Тафта	Разновидность глянцевой плотной тонкой ткани полотняного переплетения из туго скрученных нитей шёлка, хлопка или синтетических органических полимеров. Применяется для пошива нарядной и вечерней одежды, декора и обивки мебели, изготовления товаров народного потребления и художественной гимнастики	
Вуалетка	Небольшая короткая вуаль	
Митенки	Женские полуперчатки без пальцев	На белом, как лепесток магнолии, лбу — ах, эта белая кожа, которой так гордятся женщины американского Юга, бережно охраняя её шляпками, вуалетками и митенками от жаркого солнца Джорджии!
Муслин	Лёгкая тонкая ткань	Скарлетт, на которое пошло двенадцать ярдов муслина , воздушными волнами лежало на обручах кринолина , находясь в полной гармонии с зелёными сафьяновыми туфельками без каблуков, только что привезёнными ей отцом из Атланты
Кринолин	Широкая юбка колоколом на тонких обручах (по моде до середины XIX в.)	
Сафьян	Кожа козы, выкрашенная в какой-нибудь из ярких цветов, используемая для изготовления обуви	
Лиф платья	Часть женского платья, охватывающая стан	Лиф платья как нельзя более выгодно обтягивал безупречную талию, бесспорно самую тонкую в трёх графствах штата, и отлично сформировавшийся для шестнадцати лет бюст
Салун	Традиционное название американских баров, существовавших в западной части страны во времена Дикого Запада. Среди посетителей салунов были трапперы, ковбои, солдаты, разведчики-скауты, шахтёры, профессиональные игроки и бандиты	А жизнь в городе действительно была ключом, и отнюдь не все стороны этой жизни были доступны взору Скарлетт: десятки новых салунов открывались один за другим
Бард	Кельтский средневековый странствующий поэт и певец гимнов	Это она, проголосовав в Клубе шекспировских чтений за то, чтобы произведения барда перемежались чтением творений Диккенса и Бульвер-Литтона, помогла одержать победу над неким молодым и, как втайне опасалась Мелани, весьма разнузданным холостяком, который предлагал читать поэмы лорда Байрона
Джентльмен	Мужской Образ, сформированный в викторианскую эпоху. Изначально слово «джентльмен» означало мужчину благородного происхождения (это было базовым определением аристократа, следующим званием было эсквайр), но потом так стали называть образованного и воспитанного мужчину, почтенного и уравновешенного	А всеведущие джентльмены неизменно отвечали: разумеется, вернутся. Всему свой черед. Тяжёлые времена — не навеки. Дамы знали, что джентльмены лгут, а джентльмены знали, что дамы знают, что они лгут. И тем не менее они весело лгали, а дамы делали вид, будто верят им
Географические		
Джонсборо	Город в США, штат Арканзас, один из двух административных центров округа Крэйгхэд	Боясь, мне скоро придется отбыть в Джонсборо — там у меня маленькое, но неотложное дело
Новый Орлеан	Крупный портовый город в США, наиболее населённый город штата Луизиана	В поезде под Новый Орлеан едет человек из Виргиния — солдат генерал Ли, и он встречает креол из войск Борегар
Виргиния (также используется вариант Вирджиния)	На востоке США один из так называемых Южно-Атлантических штатов; десятый штат в составе государства	
Атланта	Город в США столица и крупнейший город штата Джорджия, административный центр округа Фултон	А Скарлетт тотчас отправила Мамушку в Тару с тройным наказом: вручить Уиллу деньги, объявить о её замужестве и привезти Уэйда в Атланту

Продолжение таблицы 1

Реалия	Определение	Пример
Графство Клейтон	Округ Клейтон, входящий в четвёртый штат, подписавший в 1788 г. Конституцию Соединённых штатов — Джорджию; город в юго-восточной части штата Южная Каролина, США	<i>Графство Клейтон в Северной Джорджии было ещё молодо, и жизнь там, на взгляд жителей Чарльстона, Саванны и Огасты, пока что не утратила некоторого налёта грубости</i>
Чарльстон	Город в штате Джорджия, США на побережье Атлантического океана; порт в устье реки Саванна	
Саванна	Город, расположенный в округе Вудруфф (штат Арканзас, США)	
Огаста	Город в восточной части американского штата Джорджия, порт на р. Саванна, административный центр округа Ричмонд	
Кентукки	Штат на востоке США, входит в число так называемых штатов Юго-Восточного Центра	<i>Как раз перед нашим приездом привели нового жеребца, которого ма купила в прошлом месяце на ярмарке в Кентукки, и дома всё было вверх дном</i>
Форт Самтер	Форт в Соединённых Штатах Америки, расположенный в штате Южная Каролина. Был построен в первой половине XIX в. для защиты порта и города Чарльстона. Битвой за Форт-Самтер, произошедшей 12 апреля 1861 г., началась Гражданская война в США	<i>На будущей неделе мы с тобой поедem в Чарльстон к твоей тётушке Евлалии, и ты, как послушаешь, что они там рассказывают про форт Самтер, так тут же и думать перестанешь о своём Эшли</i>
Магнолии	Род цветковых растений семейства Магнолиевые, содержащий около 240 видов	<i>Глубокая тишина снизошла на людей, столь глубокая, что до слуха их донёсся хрустящий шёпот ветра в листьях магнолий, а далекий, несколько раз повторенный крик пересмешиника прозвучал невыносимо громко и грустно</i>
Аллеганы	Горы в системе Аппалач, восточная часть Аллеганского плато. Расположены на территории штатов Виргиния, Западная Виргиния, Мэриленд и Пенсильвания	<i>Длинноствольные ружья для охоты на белок, бывшие в ходу ещё в те годы, когда поселенцы впервые перевалили за Аллеганы</i>
<i>Общественно-политические</i>		
Линкольн	Американский государственный деятель, 16-й президент США	<i>Да ей наплевать на него, наплевать, будь он хоть президент Линкольн!</i>
Демократы	Члены одной из двух основных политических партий США — демократической партии, которая является старейшей действующей политической партией в США и одной из старейших в мире. Её символ — осёл	<i>Эта парочка усиленно распространяла слухи о том, что южане и демократы только и ждут случая, чтобы снова закабалить негров, и лишь Бюро вольных людей и республиканская партия способны помочь им избежать этой участи</i>
Республиканская партия	Одна из двух основных политических партий США. Неофициальным символом этой партии является слон, символизирующий мощь	
Янки	Название жителей Новой Англии; позднее, в более широком смысле — жителей США в целом. Во время гражданской войны в США этот термин использовался для обозначения противоборствующей стороны	<i>Обучение всегда заканчивалось в салунах Джонсборо, и к наступлению ночи вспыхивало столько драк, что офицеры были бессильны уговорить своих сограждан не наносить друг другу увечья — подождать, пока это сделают янки</i>
<i>Реалии системы образования, религии и культуры</i>		
Виргинский университет	Общественный исследовательский университет в штате Виргиния, США. Кампус университета находится в городе Шарлотсвилль и относится к всемирному наследию ЮНЕСКО	<i>А вот как же Бойд? Ему как будто ужасно хочется стать образованным, а вы вытащили его и из Виргинского, и из Алабамского, и из Южно-Каролинского университетов, а теперь ещё и из университета Джорджии. Если и дальше так пойдёт, ему никогда не удастся ничего закончить</i>
Алабамский университет	Американский университет, расположенный в городе Таскалуса, штат Алабама. Является одним из старейших и самых больших из университетов в штате Алабама	
Южно-Каролинский университет	Университет, расположенный в штате Южная Каролина	

Реалия	Определение	Пример
Университет Джорджии	Американский публичный университет, расположенный в штате Джорджия, один из учреждений высшего образования университетской системы штата Джорджия	
Шекспир	Английский поэт и драматург, зачастую считается величайшим англоязычным писателем и одним из лучших драматургов мира. Часто именуется национальным поэтом Англии	<i>Это она, проголосовав в Клубе шекспировских чтений за то, чтобы произведения барда перемежались чтением творений Диккенса и Бульвер-Литтона, помогла одержать победу над неким молодым и, как втайне опасалась Мелани, весьма разнузданным холостяком, который предлагал читать поэмы лорда Байрона</i>
Диккенс	Английский писатель, романист и очеркист. Самый популярный англоязычный писатель при жизни. Классик мировой литературы, один из крупнейших прозаиков XIX в.	
Бульвер-Литтон	Английский писатель	
Лорд Байрон	Джордж Гордон Байрон, обычно именуемый просто лорд Байрон — английский поэт-романтик, покоривший воображение всей Европы своим «мрачным эгоизмом»	

Заключение. Язык и различные варианты языка являются зеркалом народной культуры, особенности которой невозможно понять без наличия фоновых знаний об этой культуре. Лингвокультурологические реалии важны для понимания и интерпретации художественных текстов, раскрытия системы образов и для осознания сущности исторических событий. Лингвокультурологические комментарии к разнообразным художественным темам связаны с большой разницей между языком источника и языком перевода и позволяют проводить их интерпретацию.

УДК 811.161.1

А. Э. Мамедова

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно

КОРПУСНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ФРАГМЕНТОВ ДЕРИВАЦИОННЫХ ГНЁЗД ГЛАГОЛОВ ФИЗИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Введение. В настоящей статье рассматривается возможность моделирования фрагментов деривационных гнёзд с привлечением лексических единиц таких различных языковых подсистем, как русский литературный язык и говоры. Материалом для исследования послужили диалектные единицы из «Словаря русских народных говоров», а также массив глаголов физического воздействия русского литературного языка, выборка которого осуществлялась на основе национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ). Общеизвестно, что корпус помогает получить достаточный объём языкового материала, что ускоряет работу лингвиста на начальном этапе. Однако следует отметить, что как специфика морфемной и словообразовательной разметки в НКРЯ, так и особенности современной диалектной лексикографии не позволяют при моделировании фрагментов деривационных гнёзд выявить и установить исчерпывающе полно словообразовательные связи между анализируемыми единицами, что потребовало проведения некоторых операций вручную.

Основная часть. В современной лингвистике проявляется стремление полнее и глубже исследовать семантические особенности глагольных лексем как особого класса слов, характеризующих глагольность в качестве категории представления признака предмета через его действие и охватывающих всё многообразие жизнедеятельности человека [1]. Известны многочисленные классификации лексико-семантических групп глаголов (работы Н. Ф. Алефиренко, Л. М. Васильева, Ф. А. Ганиева, И. А. Исаевой и др.). Объектом нашего внимания являются глаголы физического воздействия таких подгрупп, как глаголы удара и глаголы воздействия на объект путём применения физической силы.

Для того чтобы получить необходимые глаголы из НКРЯ, выбираем нехудожественные тексты, обиходно-бытовую сферу функционирования. Это существенно, потому что полученный массив глаголов с подобными параметрами целесообразно сравнить с диалектной лексикой, которая также используется в разговорном стиле. В строке «грамматические признаки» выбираем глагол, в строке «семантические признаки» — «физическое воздействие». Корпус выдаёт 2 054 документа, 51 479 вхождений.

Так, НКРЯ позволяет получить статистику интересующих нас лексем на материале определённых текстов либо текстов определённых авторов. К примеру, в произведениях Н. В. Гоголя «Шинель» и «Записки сумасшедшего» глаголы физического воздействия встречаются 112 раз (наиболее частотные *казнить*, *бить*).

К сожалению, НКРЯ не позволяет подобным образом анализировать диалектную лексику, так как диалектный подкорпус не оснащён соответствующей семантической разметкой. Однако полученные с помощью корпуса результаты помогают значительно ускорить различного рода работы, связанные с проведением сопоставительных исследований диалектной лексики и номинативных подсистем русского литературного языка. Проведённый анализ полученных в ходе автоматизированной выборки лексем показал, что несмотря на снятие омонимии, произведенное на начальном этапе работы с корпусом, в выдачу попало несколько единиц с неснятой омонимией, например формы слов *душу* (1-е л. ед. ч. глагола *душить*) и *душу* (В. п. сущ. ж. р. ед. ч. *душа*). Такие примеры в устной речи выделяются акцентологически, а на письме посредством контекста.

Проанализировав полученные результаты, мы можем приступить к моделированию фрагментов деривационных гнёзд. Приведём несколько иллюстраций подобного моделирования. Глагол физического воздействия *борщить* (несов. 'лить много, через край, переливать лишнее' [2, с. 154]. При поиске в корпусе по форме **борщить*, получаем 2 выдачи: словоформы *переборщил*, *переборщить* [3]. Таким образом, за счёт восстановления совершенно очевидных словообразовательных связей, имеющих место между диалектным глаголом *борщить* и префиксальным производным литературного языка *переборщить*, с учётом данных НКРЯ и «Словаря русских народных говоров» мы получаем синтезированный фрагмент деривационного гнезда, представляющий словообразовательную пару: *борщить* (несовершенный вид) — *переборщить* (совершенный вид).

Представляет интерес аналогичный по структуре (словообразовательная пара) фрагмент диалектного словообразовательного гнезда *большедорожничать* (несов. *неперех.*) 'разбойничать, грабить', *большедорожник*, -а (м. р.) 'грабитель, разбойник' (во 2-м значении). Поиск подобных словоформ в основном подкорпусе НКРЯ не дал результатов. Можно заключить, что данный фрагмент словообразовательного гнезда является собственно диалектным.

Глагол *брататься* [4] имеет несколько значений: 1) становиться родственниками, родниться с братьями жены; 2) оспаривать первенство в борьбе, бороться с кем-либо. *Братоваться*, *братоваться* (несов.) 'бороться на поединке'. В НКРЯ подобный глагол отсутствует. Однако совершенно очевидно, что словообразовательная парадигма слова *брат* в литературном языке может быть дополнена диалектными единицами *брататься*, *братоваться*, *братоваться*.

Будоражить (несов. *перех.* и *неперех.*): 1) 'взбаламучивать, мутить (жидкость)'; 2) 'тревожить, беспокоить; будить'. Глагол *будоражить* известен в русском литературном языке только во 2-м значении в качестве переходного глагола. Результаты выдачи НКРЯ составляют 20 вхождений. Однако в первом значении в литературном языке данный глагол не употребляется. В «Словаре русских народных говоров» находим родственный глагол *будорахнуть* (совершенный, несовершенный вид): 1) 'с шумом, резко бросить, сбросить' || 2) 'резко, сильно ударить, толкнуть'. Во 2-м значении в словаре отражены следующие лексемы: *будорага*, -и, (м. и ж. р.) 'тревога, переполох'; *будоражка*, -и (м. и ж. р.) 'то же, что будорага'; *будоражливый*, -ая, ое 'беспокойный, шумный (о человеке)'; *будоражник*, -а, (ж. р.) 'то же, что будорага'. На основании данных «Словаря русских народных говоров» и НКРЯ мы можем сконструировать фрагмент синтезированного деривационного гнезда с вершиной *будоражить* (рисунок 1).

При этом необходимо пояснить, что некоторые словообразовательные связи между данными единицами представляются достаточно условными: наличие стрелок может указывать и на наличие отношений лексической мотивации. Последние, в частности, имеют место между диалектными словами *будоражка* и *будоражник*, *будоражка* и *будоражливый*. Строго говоря, при моделировании подобных фрагментов речь приходится вести о гнезде лексико-словообразовательном и это следует принимать во внимание.

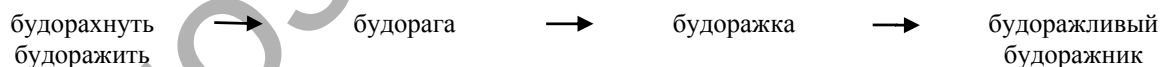

Рисунок 1 — Фрагмент деривационного гнезда с вершиной *будоражить*

Не следует забывать и о многочисленных фактах семантической деривации, имеющих место в языке говоров. К примеру, глагол *бурлить* представлен в «Словаре русских народных говоров» в совершенно ином значении, нежели в литературном языке: переходное 'быстро мешать (воду, жидкость); заставлять klokотать. Бурлить воду' || 'мутить воду' || 'с шумом переливать жидкость'.

Заключение. Использование НКРЯ в лингвистических исследованиях помогает значительно ускорить работу лингвиста при выборке лексических единиц из основного фонда русского языка, получить словоформы и контексты искомых лексем. Вместе с тем существует и ряд проблем при использовании корпуса, в частности, хорошо известно, что анализ полученных лексем необходимо производить вручную. К примеру, на запрос «глагол» корпус выдаёт и причастия (раздуваемый), рассматривая причастие и деепричастие как формы глагола (в морфологической разметке корпуса причастие и деепричастие не выделены как части речи). При моделировании таких сложных объединений родственных единиц, как фрагменты деривационных гнёзд, становится очевидной уязвимость представления в НКРЯ морфемной и словообразовательной структуры слова.

Список цитируемых источников

1. Хакимзянова Д. Ф. Семантическая деривация глаголов физического воздействия на объект в русском, татарском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Казань, 2008. 209 с.
2. Словарь русских народных говоров: 1965—2007. М. ; СПб. : Изд-во Акад. наук СССР : Ин-т лингвист. исслед. РАН. Вып. 3. 360 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.02.2016).
4. Словарь русских народных говоров: 1965—2007. С. 154.

УДК 82-312.9Рублеўская

І. М. Мандрыкава

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

ФАНТАСМАГОРЫЯ ЯК ВЫЯЎЛЕННЕ ЖАНРАВАЙ ДЫНАМІКІ Ў РАМАНАХ Л. РУБЛЕЎСКОЙ

Уводзіны. Творы Л. Рублеўскай папулярызуюць беларускую гісторыю. Письменніца імкнецца высветліць жыццёва важныя пытанні ў актуальнай для сучаснага чытача форме. Яе проза вызначаецца актыўным выкарыстаннем гістарычнага і авантурна-прыгодніцкага жанраў. Творчасць Л. Рублеўскай з’яўляецца прадметам даследавання такіх літаратуразнаўцаў, як Л. Алейнік, Г. Аўласенка, А. Бельскі, Г. Зенава, Т. Кабржыцкая, К. Кушнарова і інш. Актуальным з’яўляецца даследаванне жанравай дынамікі ў празаічных творах Л. Рублеўскай, вызначэнне жанравых прыкмет фантасмагорыі ў раманах «Авантур» аб прыгодах Пранціша Вырвіча.

Метады даследавання заснаваны на гісторыка-літаратурным і параўнальна-супастаўляльным падыходах да вывучаемага матэрыялу. Аб’ектам даследавання з’яўляецца фантасмагорыя як выяўленне жанравай дынамікі ў раманах Л. Рублеўскай. У якасці літаратурнага матэрыялу выбраны раманы «Авантуры Пранціша Вырвіча, шкаляра і шпега», «Авантуры студыёзуса Вырвіча», «Авантуры драгуна Пранціша Вырвіча».

Асноўная частка. Па словах Л. Рублеўскай, У. Караткевіч склаў рамантычны вобраз рыцарскай Беларусі, прывабнай для цэлага пакалення маладых гараджан. Кнігі пісьменніка-класіка папулярныя да нашага часу, але ў сучаснай літаратуры з’яўляюцца новыя прыярытэты. У свеце з «віруснай» хуткасцю распаўсюджваецца гістарычнае фэнтэзі як жанр альтэрнатыўнай гісторыі. Узнікае заканамернае пытанне: як у эпоху постмодэрна літаратура прыцягвае ўвагу да беларускай гісторыі? [1, с. 16]. Новым жанрам сучасных беларускіх раманаў з’яўляецца фантасмагорыя. Як адзначана ў «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы», «фантасмагорыя — 1. Прывіды, вычварныя малюнкі, што бачацца чалавеку ў хваравітым сне. Нешта нерэальнае, што існуе толькі ў марях, ва ўяўленні. 2. Фантасмагарычныя карціны, якія атрымліваюцца з дапамогай розных аптычных прыстасаванняў» [2, с. 325]. Даследчык У. Даль прапануе наступнае вызначэнне фантасмагорыі: «искусство изображать призраки, видения или воздушные картины посредством зеркальных отражений» [3, с. 323].

Аўтар Д. Марціновіч, на чыю думку спасылася Л. Рублеўская, вызначае перыяды ў развіцці беларускай гістарычнай прозы і аналізуе выкарыстанне пісьменнікамі элементаў фантасмагорыі. Асобнай старонкай лічыцца творчасць У. Караткевіча, у чыіх раманах, «асабліва калі ён піша не пра XIX стагоддзе, амаль няма рэальных дзеючых асоб. У рамане “Хрытос прыямліўся ў Гародні” згадваецца спачатку рэальны вялікі князь літоўскі Жыгімонт, а пасля пайшла фантазія, фантасмагорыя» [4]. Наступны перыяд звязваецца Д. Марціновічам з канцом 1980-х — пачаткам 1990 гг., «калі высветлілася, што ў нас амаль нічога не вядома пра нацыянальную гісторыю, і патрэбна гэтую белую пляму запаўняць. Тады пачалі тварыць і В. Чаропка, і Г. Далідовіч, і Л. Дайнека. Яны прадстаўлялі ўвазе чытача сваю гісторыю Беларусі. Тады фантасмагорыя была не патрэбна, мы павінны былі ведаць факты» [5]. Сучасная проза складае трэці перыяд, калі «зноў стала запатрабавана фантасмагорыя» [6]. Думка пра мастацкую значнасць фантасмагорыі ў наш час уяўляецца актуальнай, паколькі сучасныя пісьменнікі даволі актыўна выкарыстоўваюць эстэтычны патэнцыял фантастыкі, фэнтэзі, фантасмагорыі.

Празаічныя творы Л. Рублеўскай вызначаюцца мастацкай поліфаніяй. Ёю пазначана найперш жанравая прырода раманаў аб прыгодах Пранціша Вырвіча. Гэта, бясспрэчна, авантурна-прыгодніцкія і ў пэўнай ступені фантасмагарычныя творы. Паводле насычанасці экскурсамі ў гісторыю Беларусі галоўных герояў рамана і самога аўтара можна вызначыць як раманы ў пэўным сэнсе гістарычныя. Аднак у жанравых адносінах раманы ўяўляюць перш за ўсё сумяшчэнне прыгодаў і фантасмагорыі.

У першых дзвюх частках уплыў фантасмагорыі большы. У першай кнізе «Авантуры Пранціша Вырвіча, шкаляра і шпега» асабліва шмат мастацкага вымыслу, фантазіі. Письменніца піша пра мэтазгоднасць выкарыстання «фантасмагорыі на тэму гісторыі»: «Мой даўні сааўтар, гісторык В. Скалабан, пра вымысел у мастацкіх творах казаў: “Дапушчальны”. Галоўнае, каб для фантазіі аўтар склаў праўдападобны фон. А калі ў маім рамане “Авантуры Пранціша Вырвіча” па Слуцку XVIII стагоддзя едзе гэтакі танк на паравым рухавіку, зроблены па схемах Леанарда да Вінчы, гэта, канешне, гістарычнае фэнтэзі, але я сабрала дастаткова фактаў: падобныя эксперыменты ў той час у Еўропе праводзіліся» [7]. Аўтар ўводзіць у змест першай кнігі вобраз фантастычнай істоты — жалезнай машыны ў выглядзе чарапахі: «Дождж ліў, жалезная пачвара, дыхаючы агнём, з рэвам паўзла па Слуцку, месцічы зачынялі шыбы

і чыталі малітвы. Пра тое, што робіцца ў князем замку, даўно хадзілі самыя жудасныя чуткі, і калі адтуль выпаўз цмок, гэта нікога не здзівіла. Мяшчучкі лёгка паверылі б у тое, што падобнае аблічча прыняў сам князь» [8, с. 158].

Вобраз фантастычнай істоты надае твору загадкаваасць і казачнасць. «Жалезная чарапах» сцірае мяжу паміж рэальнасцю і вымыслам, узнікае мастацкі «іншасвет», у якім фантастычная «жалезная пачвара» служыць на карысць добра. Вобраз «дэманскай машыны» ў рамане «Авантуры Пранціша Вырвіча, шкаляра і шпега» скразны. Ён нагадвае казкі, у якіх героі перамагаюць зло, маючы вернага сябра, — каня. Героі сучасных раманаў, нават вандруючы па XVIII ст., карыстаюцца падтрымкай свайго «жалезнага» памочніка, «цмока», «чарапахі», якая не толькі наганяе страх на гараджан, але і можа пры неабходнасці страляць з пісталета або з мініяцюрнай гарматы. «Беларускі цмок-людажэр» здолеў стварыць «мясцовы Апакаліпсіс», прынесці вайсковую славу сваім гаспадарам — Пранцысю, Лёдніку і Пфальцману.

Элементы фантазмагорыі прысутнічаюць і ў абмалёўцы вобразаў дзеючых асоб. Адзін з галоўных герояў твора — змрочны доктар-алхімік Бутрым Лёднік, сын полацкага гарбара. Ён атрымаў выдатную адукацыю: скончыў з залатым медалём Полацкі калегіум, факультэт мастацтваў у Празе, паступіў на медыцынскі факультэт у Лейпцыг. Асноўным заняткам алхіміка стала здабыванне філасофскага каменя, імкненне ператварыць жалеза і волава ў золата. За высокую мэту жыцця давялося заплаціць не толькі грашыма, але і ўласнай свабодай. Мастацкая прастора, у якой існуе Лёднік і яго сябры, напоўнена загадкавымі і незразумелымі прадметамі: «Вакол іх грукасціліся прыстасаванні, неабходныя для астранамічна-астралагічна-медычных рытуалаў, мелася нават невялікая падзорная труба, усталяваная на трох дрогкіх ножках, як пачварная жамярына» [9].

Чароўная Сільфіда — прыклад жаночасці і прыгажосці, дама сэрца доктара-алхіміка Лёдніка. Ідэал жанчыны мае штосьці незямное, лёгкае, узвышанае. Так узнікае вобраз Сільфіды. Як тлумачыць аўтар, Сільфы і Сільфіды — гэта «элементы паветра, па-сяброўску настроеныя да людзей, і нават былі выпадкі, калі яны запрашалі звычайнага чалавека пажыць на сваіх паветраных астравах» [10]. Сільфіда — адначасова і містычная істота, і зямная шматпакутная жанчына, і амаль казачная герайна, безаваронная ахвяра Гераніма Радзівіла, замураваная ў непрыступны замак. Пранцысь і Лёднік выратаўваюць Сільфіду. Жорсткі князь Радзівіл думае, што гэта крылатая дзева, якая можа прынесці яму славу: «Крылы ейныя мне без патрэбы! Зрабі, как усміхалася і не губляла прытомнасць!.. А зараз мне трэба, каб гэты... дух змог устаць на зямныя ногі, і не кульгаючы, з прыемным выразам твару, прайшоў туды, куды я захачу!» [11]. У рэальным жыцці Сільфіда — панна Саламея Рэніч, якая пры неабходнасці можа даволі ўпэўнена пастаяць і за сябе, і за сяброў: «Ватман памкнуўся ўхапіць рамфею — і атрымаў ад Чароўнай Дамы такога выпятка ў яшчэ адно не самае прыстойнае месца, што паляцеў услед за рэліквіяй» [12]. Аўтар малое шматграннасць асобы жанчыны, шырокі дыяпазон яе духоўных магчымасцей: ад паветранай безавароннай дамы да дзейснай і актыўнай асобы.

Магутны князь Геранім Радзівіл, герой другога плана, малюецца як сапраўдны арыстакрат у сармацкім строі, але яго знешнасць нагадвае «пракаветнага Кашчэя, людажэрнае паганскае бовства пушчы» [13]. Аўтар Л. Рублеўскай пераплятае рэальнае, фантастычнае і гістарычнае ў развіцці падзей, інтрыгуе чытача незвычайнымі калізіямі, тонкім гумарам, маляўнічымі экскурсамі ў гісторыю, калі жылі князі, алхімікі, рыцары і чароўныя дамы.

У другой кнізе «Авантуры студыёзуса Вырвіча» элементы фантазмагорыі праяўляюцца ў змаганні героя з цмокам: «Так, ён быў там! Самы сапраўдны жывы цмок... Святло скупа прасявалася на яго скрозь маленькія вокны ў столі. Які ён быў велізарны! І нейкі... Нібыта пакрыты плесняй. Бляклія вочы, як сляпыя — а дзе ж у іх агонь? Дый з пашчы агню не паказвалася... Затое пашча здаровая! Палова Пранціша ў яе дакладна б змясцілася. Галава цмока была падобная адначасова і на змяіну, і на вялізную конскую. А што найбольш дзіўна, не было і крылляў! Можна, яны проста складзеныя, як у кажана? Лускі таксама, наколькі Вырвіч разгледзеў, не мелася — зморшчаная блякла-брунатная скура» [14, с. 161].

У трэцяй кнізе Л. Рублеўскай «Авантуры драгуна Пранціша Вырвіча» [15] на першы план выходзяць уласна авантурныя прыгоды герояў. Падзеі разгортваюцца вакол пэўнага артэфакта, на гэты раз — вакол кароны святога Альфрэда, украдзенай з англійскай скарбніцы падчас рэвалюцыі, што прывяла да ўлады Кромвеля.

Заклучэнне. Жанр прыгодніцкага рамана ў творах Л. Рублеўскай мае развіццё. Жанравая дынаміка праяўляецца ў шырокім выкарыстанні гістарычнага матэрыялу ў спалучэнні з прыгодамі і фантазмагорыяй. «Авантуры» Пранціша Вырвіча і змрочнага алхіміка Баўтрамея Лёдніка карыстаюцца папулярнасцю. Раманы атрымалі шмат прыхільнікаў сярод людзей розных прафесій і ўзростаў. Фантазмагарычныя карціны, намалёваныя ў «Авантурах», прывабліваюць чытача загадкаваасцю і таямнічасцю.

Спіс цытуемых крыніц

1. Рублеўская Л. І. Фантазмагорыя на тему історыі. Мн : Савец. Беларусь, 2013. 45 с.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). Мінск : БелСЭ, 1984. Т. 5. 450 с.
3. Даль В. И. Большой иллюстрированный словарь русского языка: современное написание. М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2008. 349 с.
4. Рублеўская Л. І. Фантазмагорыя на тему історыі. С. 20.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же. С. 18.
8. Рублеўская Л. І. Авантуры Пранціша Вырвіча, шкаляра і шпега : роман прыгодн. і фантазмагар. Мінск : Рэд. газ. «Звязда», 2012. 272 с.
9. Там жа. С. 123.
10. Там жа.
11. Там жа. С. 111.
12. Там жа. С. 246.
13. Там жа. С. 98.
14. Рублеўская Л. І. Авантуры студыёзуса Вырвіча : роман прыгодн. і фантазмагар. Мінск : Рэд. газ. «Звязда», 2014. 320 с.
15. Рублеўская Л. І. Авантуры драгуна Пранціша Вырвіча : роман прыгодн. і фантазмагар. Мінск : Рэд. газ. «Звязда», 2014. 320 с.

ПРЕДЕЛЬНЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ВЕЛИЧИНЫ В ЯЗЫКОВОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Введение. Количество — неотъемлемое свойство объектов окружающей действительности. Будучи внешней характеристикой явлений, оно в то же время тесно связано с их внутренней сущностью — качеством. Именно качество предопределяет пределы выражения количественных отношений. Однако в отличие от качественных пределов, при изменении которых вещь получает значительные преобразования с точки зрения её сущности, количественные пределы более подвижны и эластичны. Они лишь отображают ту границу измерения качества, минимальную или максимальную, за грани которой определение далее качественных свойств становится по определённым причинам невозможным или нецелесообразным. С этой точки зрения количественные пределы дают нам широкую возможность определения того, каким образом может быть выражено максимальное и минимальное количество того или иного неизменного качества. Анализ языковых средств выражения количественных пределов позволил нам выявить, с одной стороны, инвентарь языковых способов их репрезентации в разных языках, с другой — провести их градацию от наименьшей выраженности признака (минимальный предел) до наибольшей (максимальный предел).

Основная часть. Многообразие языковых средств выражения предельных количественных величин логично сводится к двум типам: 1) способы репрезентации минимального количества (в русском языке — как грамматические, например, *уголёк, сахаринка, шоколадка*, так и лексические, например, *капелька воды, крупица сахара*), в китайском языке ввиду другого морфологического типа языка — только лексические средства, например, *滴 dī* ‘капля’, *粒 lì* ‘частица’); 2) способы реализации большого количества (в русском языке *гора разума, море воды, глыба отчаяния*, в китайском языке *堆糖 ‘yī duī táng’* ‘куча сахара (лексический способ)').

Следует отметить, что существительные-квантитативы, являясь общим для русского и китайского языков средством выражения количественных пределов, наряду с реализацией идеи размера некоторого качества могут репрезентировать и другие важные характеристики, такие как *форма, функция, материал, способ отделения* части от недискретной массы, например, в русском языке «размер + форма» (*таз* — большой, широкий и неглубокий округлый сосуд), в китайском языке «форма + функция + материал» (*桶 tǒng* — *盛水或其他东西的器具, 深度较大, 金属、木材或塑料等制成* ‘канистра — большой глубины контейнер для воды или других субстанций, сделан из металла или пластмассы’). Однако только анализ такого семантического компонента значения существительного-квантитатива, как *размер*, даёт нам возможность описать различные проявления качества с точки зрения количества. Вместе с тем, будучи количественным параметром, размер описывает некоторый объём недискретной сущности, который она принимает в пространстве, определяя её как, например, *огромную, большую, маленькую* и т. д. В этом отношении наиболее явно предстаёт одна из функций нашего мышления, заключающаяся в описании окружающей действительности посредством минимальных оппозиций (большой/маленький). Кроме данных базовых величин могут также быть и другие характеристики (например, *глубина, высота, длина, толщина* и др.). В нашей работе для определения размера и его предельных количественных величин мы использовали базовые понятия, занимающие центральное положение в системе атрибутов размера [1], а именно семантические характеристики в лексических значениях квантитативов, указывающие на степень величины (большой, маленький) отделяемой массы недискретной сущности, а не степень протяжённости, соотносимую с осями трёхмерного пространства (длина, высота, глубина). Так, размер, указываемый посредством существительных-квантитативов, может градуироваться от наименьшего (минимальная предельная величина), например, русское *крупница* — ‘ничтожная доля чего-нибудь’ до наибольшего соответственно (максимальная предельная величина), например, *堆* — ‘чрезвычайно большое количество чего-нибудь’.

В каждом из исследуемых языков имеет место различный инвентарь языковых средств выражения минимальных и максимальных предельных количественных величин недискретной сущности. Наиболее детализированными являются семантические группы, построенные на основании наличия в значении квантитативов тех или иных идентификаторов размера; в русском языке восемь семантических групп: 1) лексемы, имеющие в своей словарной дефиниции идентификаторы «мельчайший», «ничтожный» (*частица, крупица, капелька, крошечка*); 2) лексемы, имеющие в своей словарной дефиниции идентификаторы «малый», «мелкий», «маленький» (*крошка, капля, зерно*); 3) лексемы, имеющие в своей словарной дефиниции идентификатор «небольшой» (*кусочек, остаток, пригоршня, горсть, горстка, осколок, комок*); 4) лексемы, не имеющие в своей словарной дефиниции идентификаторов количества (*слой, кусок, связка, мешок, часть, порция, ведро, доза, отрезок, обломок*); 5) лексемы, имеющие в своей словарной дефиниции идентификаторы «скопление», «масса» (*куча, облако, сгусток*); 6) лексемы, имеющие в своей словарной дефиниции идентификатор «множество» (*гора, туча*); 7) лексемы, имеющие в своей словарной дефиниции идентификаторы «большое количество, нагромождение, скопление, масса» (*груда, воз, телега, машина, бочка, град, сугроб, чан*); 8) лексемы, имеющие в своей словарной дефиниции идентификаторы «чрезвычайно

большой» (*глыба, море*). В китайском языке наблюдается менее разветвлённая система количественных оппозиций — три семантические группы: 1) лексемы, имеющие в своей словарной дефиниции идентификаторы «小 *xiǎo* ‘малый’», «一点 *yídiǎn* ‘немного/мало’» (滴 *dī* ‘капля’, 粒 *lì* ‘частица’); 2) лексемы, не имеющие в своей словарной дефиниции идентификаторов количества (层 *céng* ‘слой’, 片 *piàn* ‘кусок’, 份 *fèn* ‘порция’, 分 *fēn* ‘сегмент’); 3) лексемы, имеющие в своей словарной дефиниции идентификаторы «多 *duō* ‘много’», «大 *dà* ‘большой’» (堆 *duī* ‘куча’). Небольшое количество семантических групп в китайском языке объясняется прежде всего меньшим количеством и разнообразием существительных-квантитативов по сравнению с русским языком.

В русском языке 50% от общего количества существительных-квантитативов составляют квантитативы, не имеющие в своей словарной дефиниции идентификаторов количества. Они не дают точного конкретного представления о количестве/размере измеряемой недискретной сущности, например, *слой, кусок, доза, порция, пласт, доля* и др., 50% лексических единиц являются в русском языке, соответственно, «количественно» маркированными, причём 37% из них представляют минимальные предельные количественные величины, т. е. «ничтожное», «малое», «небольшое» количество (*кусочек, крошка, пригоршня, капля, зерно, частица, крупица* и др.); 13% — максимальные предельные количественные величины, «множество», «скопление», «большое количество», «чрезвычайно большое количество», например, *куча, гора, груда, воз, глыба, туча, чан, облако, море* и др.

Как отмечает О. М. Лунцова, у градуальных оппозиций существуют полюса, или пики, которые максимально насыщены противоположными признаками-антагонистами [2]. Например, в русском языке, если рассмотреть только два противоположных полюса оппозиции (дуальную оппозицию — семантическую группу 1 и семантическую группу 8), то можно заметить, что количество лексем, описывающих наименьшее количество чего-либо, в два раза превышает соответствующее количество лексем, выражающих идею наибольшего количества.

Полученные языковые данные свидетельствуют о том, что в исследуемых языках существует общая тенденция чаще квантифицировать недискретные сущности через квантитативы, отражающие малый размер, нежели большой, что позволяет говорить о значимости не только логического основания определения недискретного количества, но и его некоторого оценочного преломления. Данное положение может быть объяснено экстралингвистическими особенностями, связанными с физиологией человека, т. е. наиболее часто используемые квантитативы малой величины соответственно наиболее «подвластны» физическим возможностям человека, ему легче оперировать количеством, соответствующим его физиологическим возможностям.

Как отмечает Ю. Л. Ухина, для русского и английского языков характерна большая номинативная значимость обозначения большого количества, чем малого количества, а также большее предпочтение выражению зоны номинации «очень много» в русском языке [3]. В этом отношении значения составляющих лексических единиц подсистемы квантитативов недискретных сущностей в исследуемых языках демонстрируют обратную закономерность, по сравнению с выявленной в лингвистических исследованиях тенденцией относительно всей совокупности как дискретных, так и недискретных сущностей.

Заключение. Лексические средства квантификации недискретных сущностей в китайском и русском языках образуют отдельную подсистему лексических единиц со своей структурой и особенностями, играющую важную роль в общей системе языка. Многообразие используемых средств квантификации недискретных сущностей, которые различаются *формой, материалом изготовления, размером, способом вычленения, функцией*, соответственно находит рефлексии в языковой системе с помощью подсистемы квантитативов, в семантике которых отражается перечисленная группа характеристик. Размер фиксируемой в результате квантификации доли от недискретной сущности варьируется от наименьшей до наибольшей степени величины. При этом квантификация преимущественно осуществляется посредством единиц малой величины, нежели большой, что отражено в исследуемых китайском и русском языках.

Список цитируемых источников

1. Рузин И. Г. Модусы перцепции (зрение, слух, обоняние, вкус) и их выражение в языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. М., 1995. 201 л.
2. Лунцова О. М. Градиент-концепт дружба—мир—вражда в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Волгоград, 2008. 260 л.
3. Ухина Ю. Л. Субстантивы с вторичным метафорическим значением количества в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Казань, 2005. 202 л.

ПРОЯВЛЕНИЯ ДОБРА И ЗЛА ЧЕРЕЗ МОТИВ ВОСПОМИНАНИЯ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Введение. Одним из истоков творчества Ф. М. Достоевского, по мнению исследователей, является прошлое, воспоминания. Происхождение его персонажей, описываемые им события, высказанные идеи — всё это так или иначе связано с памятью, воспоминаниями.

Тема воспоминаний — частое явление в произведениях русских писателей, однако наиболее контрастно, с нашей точки зрения, она раскрыта Ф. М. Достоевским именно в романе «Братья Карамазовы». С помощью темы воспоминания мы можем видеть проявления добра и зла в романе. Философское исследование проблемы добра и зла Ф. М. Достоевским носит глубоко личностный характер. Он убеждён, что злу противостоит добро. В постижении силы добра и его красоты видит он смысл познания и деятельности, достойной человека.

Основная часть. Братья Карамазовы — это целая серия портретов. Ни один из них не похож на другой. Дмитрий Карамазов — самый вспыльчивый из всех. Он полностью подчиняется своим чувствам и эмоциям, не успевая при этом размышлять о своих поступках. Дмитрий — это смешение добра и зла. И он фактически запутался в самом себе.

Иван Карамазов отрицает всё, отрицает Бога, нравственные ценности. В его типе мы видим весь цвет революционно настроенной молодёжи того времени. Именно из его уст мы слышим об отцеубийстве. Ивану очень нужен Алёша, чистый и светлый человек. Алёша — это воплощение чистого добра и сострадания. Он является младшим братом в семействе, но именно он призван разобраться во всех проблемах, которые окутали Карамазовых. На протяжении всего романа Алёша убеждает, что главное в жизни — это любовь и прощение.

Характеры главных героев романа, их взаимоотношения и идеи в романе помогают раскрыть множество проблем. В первой книге романа автор постоянно подчёркивает контраст между воспоминаниями Алёши и забывчивостью Фёдора Павловича. В начале второй главы Ф. М. Достоевский пишет, что Фёдор Павлович бросил сына, отдав его на воспитание слуге Григорию, «не по злобе к нему или не из каких-нибудь оскорблённо-супружеских чувств, а просто потому, что забыл о нём совершенно» [1, с. 14]. В третьей главе говорится о том, что мать Алёши умерла, когда ему было всего лишь четыре года, однако «хоть и странно это, но я знаю, что он мать потом запомнил на всю жизнь, — как сквозь сон, разумеется» [2]. В восьмой главе третьей книги, когда Фёдор Павлович рассказывает, как издевался над матерью Алёши, плюнув на её икону, автор старается обратить наше внимание на непонятный пробел в его воспоминаниях: «...тут случилась нечто очень странное, правда на одну секунду: у старика действительно, кажется, выскочило из ума соображение, что мать Алёши была и матерью Ивана...» [3].

В романе «Братья Карамазовы» автор не только противопоставляет памятьливость Алёши и забывчивость его отца, но и связывает вопрос о человеческой памяти с двумя другими важнейшими мотивами — оставлением детей и их благословлением. Писатель стремится создать в сознании читателя устойчивую связь между воспоминанием и такими нравственными ценностями, как любовь, семья, внимание к людям, в то время как забывчивость ассоциируется у него с беспорядочным образом жизни и пренебрежением к окружающим.

В романе проблема добра и зла, выбора между добром и злом доведена до предельной остроты. Выбор этот не только личный, но и общественный. Автор уверен в невозможности разделить личное и общечеловеческое, судьбу отдельного человека и судьбу человечества. Так, человеческие искания братьев Карамазовых носят всемирно-исторический характер. Алёша — носитель и защитник идеи добра, он считает, что изменить жизнь — значит развивать в ней добрые начала. Иван не верит в возможность существования жизни на добрых началах и убеждён, что человек весь во власти зла. Дмитрий в своих нравственных исканиях находится на перепутье. Согласно Ф. М. Достоевскому, смысл добра раскрывается на его высшей ступени и воплощается в двух ключевых заповедях, провозглашаемых в романе «Братья Карамазовы» старцем Зосимой: «Не бойтесь греха людей, любите человека и в грехе его, ибо сие уже подобие Божеской любви и есть верх любви на земле» [4]. «Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того, как будете преуспевать в любви, будете и убеждаться и в бытии Бога и в бессмертии души вышей» [5]. Эти заповеди, воплощающие в себе живой дух евангельской этики, позволяют охарактеризовать этические взгляды Ф. М. Достоевского. Человек не имеет права замыкаться в себе, жить лишь для себя. Человек не имеет права проходить мимо несчастья, царящего в мире. Человек ответственен не только за свои поступки, но и за всё зло, совершаемое в мире. Взаимная ответственность каждого перед всеми и всех перед каждым.

Возможно, как говорили Ф. Достоевскому, воспоминание годами не будет проявлять себя, но сохранится в скрытом виде и обеспечит человеку бессмертие на земле (вопрос, который волновал писателя с юных лет), выполняя в то же время функцию «вместилища добра», приемлемого с точки зрения рассудка, что было для Ф. Достоевского необходимым условием, позволяющим оправдать существование Бога.

Однако писатель никогда не довольствовался одними лишь доводами рассудка. Он хотел, чтобы его читатель не просто наблюдал за героями романа со стороны и размышлял об их судьбе, а пережил бы её, мысленно поставив себя на их место. Как писатель-моралист, стремившийся воздействовать на сознание читателя, он не ограничивался описанием воспоминаний дорогих для его героев, а хотел, чтобы они возникли у самого читателя, и приёмы, используемые им с этой целью, имеют много общего с теми методами, на которые ссылаются специалисты по гипнозу. Как установили учёные, внушение достигается повторением, и во всех шести десятках предложений из «Братьев Карамазовых» ровно шестьдесят раз повторяются слова, непосредственно связанные с памятью, её ясностью и непреходящей ценностью.

Характеры главных героев романа, их взаимоотношения и идеи в романе помогают раскрыть множество проблем. В первую очередь проблемы нравственности, проблему выбора и идейных принципов, проблему человеческих взаимоотношений и проблемы сострадания и прощения. И, несмотря на то, что эти проблемы широки и многогранны, Ф. М. Достоевский смог, как нам кажется, в своём монументальном труде осветить их. Центральная для философии и творчества Ф. М. Достоевского проблема добра и зла нашла свой собственный смысл и своё решение.

Заключение. Тема воспоминаний, добра и зла представлялась Ф. М. Достоевскому исполненной глубокого жизненного смысла и не только играла ключевую роль в его творчестве, но и служила инструментом, позволявшим пробудить у читателя определённые мысли и чувства.

Список цитируемых источников

1. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы : роман. М. : АСТ : АСТ Москва : Хранитель, 2007. 781 с.
2. Там же. С. 17.
3. Там же. С. 141.
4. Там же. С. 744.
5. Там же. С. 17.

УДК 882.6.09(091)(075.8)

І. С. Мялік

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

БОТЫ ЯК АНТАЛАГІЧНАЯ ДЭТАЛЬ У ТВОРАХ БЕЛАРУСКАЙ ПРОЗЫ

Уводзіны. Рэчыўны свет мае вялікае значэнне для ўсяго мастацтва слова ў цэлым. Мастацкі прадмет часта адыгрывае значную ролю ў сюжэце твора. Рэчавая деталь дапамагае пранікнуць у сутнасць з’явы, характару, у сэнс чалавечага існавання. Даследчык В. Халізеў заўважае: «Літаратура XX стагоддзя адзначылася небывала шырокім выкарыстаннем вобразаў навакольнага свету не толькі як атрыбутаў побыту, асяроддзя пражывання людзей, але і перш за ўсё як прадметаў, што арганічна зрасліся з унутраным жыццём чалавека» [1, с. 205].

Асноўная частка. Сукупнасць рэчаў складае рэчавы свет, таму, кажучы пра рэчы ў літаратурным творы, мы звяртаемся да ўсёй сукупнасці створаных чалавекам прадметаў, якія ўваходзяць у мастацкі свет твора. Чым далей, тым больш чалавек жыве не ў асяроддзі прыроды, а ў асяроддзі створаных ім самім прадметаў. Натуральна, што свет рэчаў адбіваецца і ў літаратуры, прычым з цягам часу набывае ўсё большую значнасць. Аўтар У. М. Тапароў адзначае: «Зразумела, асноўны статус рэчы невысокі: рэч заўсёды другая, дапаможная, несамадастатковая. Вырабленая чалавекам з чагосьці першаснага (ці «больш першаснага», чым сама), яна прызначана для задавальнення нейкіх патрэбаў, для выкарыстання яе чалавекам» [2, с. 71]. Так, рэч стаіць паміж чалавекам і вынікам, якога ён спадзяецца дасягнуць з яе дапамогай, каб задаволіць свае патрэбы. Рэч найпрост звязана з паводзінамі, свядомасцю людзей і складае неабходны кампанент культуры: «рэч перараствае сваю «прадметнасць» і пачынае жыць, дзейнічаць, «як рэч» у духоўнай прасторы» [3]. Чалавек пазнаецца праз прадмет, які яму належыць, праз разуменне таго, якое значэнне ў жыцці чалавека мае той ці іншы прадмет. У дадзеным артыкуле мы звярнуліся да апавяданняў В. Дубатоўкі «Боты» і А. Якімовіча «Апоркі», якія даюць уяўленне пра складанасці жыцця ў Заходняй Беларусі.

Такая рэч, як боты, бясспрэчна, заслугоўвае заняць месца ў беларускім нацыянальным Лірычным музеі (М. Эпштэйн). «Карычневыя, прыгожа прашытыя тонкімі скуранымі ніткамі боты пераліваліся і пабліскавалі» [4, с. 7]. Яны з’яўляюцца «генам сюжэта» і «загалавачным героем» аднайменнага апавядання нашага сучасніка В. Дубатоўкі. Спраўныя боты, пашытыя местачковым шаўцом Ёселем, лепшыя, чым у самога князя Сапегі. Гаспадар — былы парабак Мікола Шпак, нейкі час «амерыканец», а зараз гаспадар-хутаранец — цэлы год працаваў на іх: «дубовыя цвічкі, слаёная цвёрдая падэшва, ды і скура якая!» [5]. Валодаючы такім скарбам, галоўны герой вельмі задаволены і поўны гонару. Але гэты скарб засмучае жонку Шпака. І сапраўды, як прадчувала жонка, боты прыносяць уладальніку шмат нягод. Неспакойны час, барацьба за ўладу, увядзенне новых парадкаў мяняюць лёсы людзей. Спачатку боты ўпалі на вока

завадатару мошкаўскіх бандытаў Сцяпану Кулаку. Гэта было на Вялікдзень, а ўвосень (гэта было ў 1939 г.) прайшла чутка, што ідуць «Саветы». Банда Кулака скарысталася часовым безуладдзем і гойсала па вёсках за спажывай. Шпакі схавалі лепшае, што мелі, у пограбе, а боты Мікола закапаў пад сабачай будай. Новая ўлада прызначыла Кулака старшынёй сельсавета, і ён неўзабаве з'явіўся да Міколы па грошы, золата і боты. Тут ён праявіў сваю жорсткасць, забыўшыся на тое, што разам вучыліся, збіў Шпака і загадаў паведаміць, калі раптам на хутары з'явіцца Альбін Клімашэўскі, які раней працаваў на дэфензіву і быў ворагам Кулака. Калі Кулак зноў прыехаў па боты, Мікола зманіў яму, што перад самым адыходам палякаў іх забраў Клімашэўскі. Ішоў час, Мікола мусіў уступіць у калгас, каб з сям'ёй не паехаць «да белых мядзведзяў». Пачалася вайна. Прыйшлі немцы на хутар, а з імі Клімашэўскі, які таксама не забыўся пра боты. Але Шпак сказаў яму, што ў ботах уцёк ад немцаў Кулак. На доўгі час жыццё гаспадара хутара ператварылася ў пекла: днём — паліцаі з Клімашэўскім, уночы — партызаны з Кулаком. Мікола горка жартаваў: «От, скажы ты! Ужо год мінула, як яны па чарзе сюды ездзяць і ўсё пра боты пытаюцца. Каб сказаць Ёселю, што яго боты так црэнцяца. Ды, пэўна, загінуў Ёсель, калі за мястэчкам габрэяў пастрэлілі» [6]. Скончылася нарэшце вайна. Былы паліцай Альбін Клімашэўскі арганізаваў у лесе вялікую банду, якую лавіў Сцяпан Кулак: яго накіравалі ў родныя мясціны змагацца з байцамі «Арміі краёвай». У адзін з перадвёлікодных дзён з-пад будкі застрэленага паліцаёй сабакі Мікола дастаў скрутак. Боты, шчодро вымазаныя дзёгцем, былі ў выдатным стане. Рыхтуючыся да ўсяночнай, Мікола абуўся ў іх насуперак жончыным уговорам не рабіць гэтага, лепш прадаць боты пасля святаў на слоніўскім кірмашы. У мястэчку Шпак даведаўся, што людзі Кулака пабілі банду, але Клімашэўскага не злавілі, і што Кулак раз'юшаны. Да таго ж адзін з былых партызанаў Кулака ўбачыў на Міколавых нагах боты і выкрыў яго колішні падман. Устрыжаны Шпак заспяшаўся дадому. У хаце ён убачыў Клімашэўскага, а той — боты на ягоных нагах, што прывяло бандыта ў шаленства. З'явіўся ў той дзень на хутары і Кулак. Мікола, намацаўшы тронак вілаў, кінуўся на свайго ворага. Яшчэ некалькі хвілін — і ўсё было скончана. Але Мікола не адчуваў радасці перамогі. Ён «глядзеў не адрываючыся ў зямлю і ні пра што ўжо не думаў» [7]. Боты, як і хутар, — знак бяды для чалавека, які імкнецца самаажажыціцца як гаспадар у неспрыяльным для гэтага сацыяльна-палітычным кантэксце. Мікола — гэта заходнебеларускі Пятрок, які мусіў зразумець, што ні з тымі, ні з іншымі па-людску нельга... Як напісаў В. Шалкевіч, калі ў жыцці чалавека пачуцці саступаюць месца іншым пачуццям, сябры і знаёмыя сыходзяць, прыходзяць і зноў сыходзяць, то «...толькі рэчы застаюцца там жа і нязменнымі...» [8, с. 6]. Гэта своеасаблівае рэзюмэ да апавядання В. Дубатоўкі «Боты», дзе застаецца толькі дадаць, што мяняюцца месцамі героі і ліхадзеі, а рэчы застаюцца там жа і нязменнымі.

Літаратура XX ст. узбагаціла мастацка-выяўленчы дыяпазон вобразаў прадметна-рэчыўнага свету не толькі як матэрыяльных атрыбутаў чалавечага асяроддзя і існавання, але перш за ўсё як прадметаў, што арганічна з'ядналіся з унутраным жыццём чалавека і рэпрэзентуюць разнастайныя сімвалічныя значэнні. Ва ўмовах краху звыклай рэчаіснасці пераасэнсоўваюцца і асобныя анталагічныя дэталі. Асабліва гэта датычыць прадметаў адзення, пра што сведчыць і апавяданне А. Якімовіча «Апоркі». У ім таксама паказаны цяжкі лёс беларускага селяніна пад уладай палякаў. Сям'я Лаўрэна нічога свайго не мела, працавала за кусок хлеба. Таму бацька імкнуўся даць адукацыю свайму сыну. Але становішча пагаршалася, нават абутку не стала ў Міхаські, каб ён пайшоў у школу. «Нарэшце, выхад быў знойдзены. Канешне, Міхаська павінен вучыцца. Аб гэтым даўно перадумана і перагаворана ў сям'і. А сёння ён пойдзе ў школу ў бацькавых апорках!» [9, с. 100]. Задача маці — забіраць апоркі, каб бацька мог пайсці на работу. «Апоркі, аб якіх ішла размова, былі бязлітасна разбітыя і зношаныя. Але бацька шанаваў іх і клапаціўся аб іх не менш, чым аб хлебе» [10]. Прыйшоўшы ў школу, Міхаська зняў апоркі і прасіў, каб матуля не спазнілася прынесці яму гэты сціплы абутак. Калі маці сышла, вучні пачалі смяцца з Міхаські: «Басяк! Басяк!» [11]. Ніхто нават не пацікавіўся, чаму Міхаська босы. Так прайшоў вучэбны дзень. Міхаська вельмі чакаў матулю. «Дзе ж маці? Чаму не нясе яна апоркаў?» [12]. Міхаська не меў іншага выйсця, як ісці дадому. Спачатку ён нібы не адчуваў холаду, але пасля пачаў губляць сілы. «Яшчэ хоць чутачку адпачыць бы. Вочы самі зліпаюцца, іх немагчыма разняць. Ды навошта? Куды спяшацца? У школу? Не, ён болей туды не пойдзе...» [13]. Боты (апоркі) як яркая мастацкая дэталёвая выяўляюць трагізм існавання простага чалавека. Менавіта гэтая рэч «падказвае» развіццё сюжэту і стымулюе яго дынаміку. Боты як сімвал сялянскага дабрабыту і заможнасці рабіліся прычынай няшчасцяў.

Заклучэнне. Мастацкі свет літаратуры багаты і матэрыяльна насычаны. Канкрэтыка і паэтыка рэчы знайшлі яскравае мастацкае ўвасабленне ў літаратурных творах крывістых перыядаў XX ст.. Паказаныя ў складзе інтэр'ера ці па-за яго межамі рэчы выяўляюць шырокі дыяпазон змястоўных функцый, набываюць надзвычай адказную ролю ў паказе духоўнага жыцця асобы. Як сцвярджае А. П. Чудакоў, «кожны мастак гаворыць на рэчавай «мове» сваёй эпохі» [14, с. 47]. Можна адзначыць, што ў сацыяльных катаклізмах і трагедыях XX ст. вобразы рэчаў набываюць надзвычай важную і адказную ролю. Тая ці іншая рэч сваёй прысутнасцю побач з героем ужо пэўным чынам уздзеінічае на яго свядомасць, учынкі, паводзіны.

Спіс цытуемых крыніц

1. Хализев В. Е. Теория литературы : учеб. для вузов. 2-е изд. М. : Высш. шк., 2000. 398 с.
2. Топоров В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе. М., 1993. 325 с.
3. Вещь [Электронный ресурс]. URL: <http://capta.ru/book> (дата обращения: 28. 10. 2015).
4. Дубатоўка В. Чорная Воля. Гародня : Гарадз. 6-ка, 2013. 149 с.
5. Там жа. С. 8.
6. Там жа. С. 41.
7. Там жа. С. 46.
8. Шалкевіч В. Requiem па непатрэбных рэчах. Гародня : Гарадз. 6-ка, 2011. 98 с.

9. Якімовіч А. Выбраныя творы : у 2 т. Мн. : Беларусь, 1967. Т. 1. 389 с.
10. Там жа. С. 100.
11. Там жа. С. 101.
12. Там жа. С. 103.
13. Там жа. С. 104.
14. Чудаков А. П. Предметный мир литературы: к проблеме категории исторической поэтики // Истор. поэтика: итоги и перспективы изучения. М., 1986. 254 с.

УДК 811.161.3(043.3)

В. С. Нічыпарук

Установа адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна», Брэст

НАЗВЫ ГАТУНКАЎ ХЛЕБА: ЛІНГВАКУЛЬТУРАЛАГІЧНЫ АСПЕКТ

Уводзіны. Хлеб — найбольш сакралізаваны від ежы, сімвал дабрабыту, шчасця, дастатку. *Хлеб у доме — гаспадар, на працы — сябра, у дарозе — таварыш; без хлеба далёка не зойдзеш* — так гаварылі пра яго беларусы. Хлеб цяпер успрымаецца занадта простым, каб мець сімвалічнае значэнне. Але гэтая прастасць уяўная. За ёй стаяць дасканаласць і грунтоўнасць. Галоўнае, з чым атаясамліваецца хлеб, — глыбокая ўкараненасць у роднай зямлі. Хлеб стаў звычайным, аднак і сёння для большасці з нас падсвядома застаецца прадуктам сакральным. З цягам часу выпяканне хлеба з дробных прыватных пякарняў (часта сямейных) было перанесена ў буйныя прамысловыя прадпрыемствы. Перад імі зараз стаіць мэта задавальнення патрэбаў вялікай колькасці людзей цаной мінімальнага выдаткаў. З гэтай прычыны тэхналагічныя працэсы на прадпрыемствах адрозніваюцца ад традыцыйнага падыходу, які людзі выкарыстоўвалі сотнямі гадоў. У выніку прамысловасць вырабляе проста матэрыяльны аб'ект, які не ўвасабляе пэўнай ідэі. Сімвалінасць, сакралізаванасць хлеба, магчыма, сёння пекары свядома ці падсвядома перадаюць у назвах гатункаў хлеба.

Мэта нашага даследавання — сабраць і класіфікаваць беларускамоўныя назвы гатункаў хлеба, правесці лінгвакультуралагічны аналіз сабранага матэрыялу. Для гэтага намі складзена картатэка назваў гатункаў хлеба, асэнсаваны тэарэтычны матэрыял пра хлеб і яго функцыі ў культуры і традыцыях беларусаў. Для дасягнення мэты і вырашэння задач даследавання выкарыстоўваліся этымалагічны, кампанентны і семантыка-стылістычны метады.

Асноўная частка. Сабраны матэрыял дае падставы выдзеліць наступныя групы назваў хлеба паводле матывавальнай асновы: 1) назвы паводле месца вытворчасці; 2) назвы — якасныя характарыстыкі хлеба; 3) назвы паводле прадуктаў, з якіх зроблены хлеб; 4) адапелятыўныя назвы; 5) адайканімічныя назвы (імя).

Назвы паводле месца вытворчасці: «Налібоцкі», «Траецкі», «Гародня».

Назва хлеба «Гародня» суадносіцца з горадам Гродна і гаворыць пра тое, што хлеб зроблены ў гэтым месце. Гародня — паэтычна-літаратурная назва горада Гродна. Гэта адзін са старажытнейшых гарадоў Беларусі. Ён упершыню згадваецца ў 1128 г. ў Іпацьеўскім летапісе. Магчыма, назва хлеба «Налібоцкі» паходзіць ад назвы Налібоцкай пушчы. Гэта самы вялікі лясны масіў у Беларусі. Месца ў пэўным сэнсе ўнікальнае. На еўрапейскім кантыненте Налібоцкая пушча захавалася ў адносна некранутым стане і мае статус рэспубліканскага ландшафтнага заказніка. Назва хлеба «Траецкі» паходзіць ад назвы Траецкага прадмесця — гістарычнага раёна Мінска на мысе левага берага Свіслачы. Першапачаткова гэты раён з'яўляўся гандлёва-адміністрацыйным цэнтрам старадаўняга Мінска. На тэрыторыі прадмесця быў размешчаны першы каталіцкі храм Мінска. Тут таксама знаходзіліся незахаваныя да нашых дзён Свята-Узнясенскі манастыр з аднайменнай царквой, Свята-Барысаглебская царква, жаночы базільянскі манастыр Святой Тройцы (захаваўся часткова) і касцёл і манастыр каталіцкага манаскага ордэна марыявітак. Гэтае месца на самой справе можна назваць святым. Хлеб — каштоўны прадукт для нас, такім ён быў і для нашых продкаў, таму дарэчным з'яўляецца суаднясенне назвы «Траецкі» з такім выдатным месцам, як Траецкае прадмесце.

Назвы — якасныя характарыстыкі хлеба: «Сапраўдны», «Смачны гасцінец», «Духмяны», «Шчодры», «Спадар шчодры».

Назва хлеба «Сапраўдны» падказвае, што менавіта гэты хлеб прыгатаваны без кансервантаў, па ўсіх правілах і з'яўляецца добрым прадуктам для спажывання ў якасці ежы (прыметнік *сапраўдны* 'які адпавядае нашым уяўленням пра што-небудзь; аўтэнтычны, праўдзівы, не фальшывы'). Прыметнік «*духмяны*» 'з моцным прыемным пахам; пахучы' выклікае асацыяцыі свежавыпечанага хлеба з адпаведнай назвай «Духмяны». Трэба ўспомніць той час, калі хлеб пяклі ў печах, часта на кляновых лістах, ён быў смачны і духмяны (Мінскі хлебазавод выпякаў хлеб на кляновых лістах і ў наш час). Назва «Зорка гандлю» таксама гаворыць пра высокую якасць хлеба і вялікі попыт на гэтую прадукцыю. Пра якасць гатунку «Смачны гасцінец» гавораць абодва словы. У адным са значэнняў гасцінец — гэта рэч, ласунак, якія госць або блізкі падносіць каму-небудзь як падарунак. Хлеб таксама можа быць добрым і смачным гасцінцам. Да нашага часу захавалася традыцыя ісці першы раз у госці з хлебам ці пачэннем, булкай, тортам, бо *без солі, без хлеба — не тая бяседа*. Лексема 'смачны' скіроўвае пакупніка на прыемны смак,

апетытны хлеб. Да рысаў беларускага нацыянальнага характару адносіцца шчодрасць — ‘уласціваць ахвотна дзяліцца з другімі маёмасцю’. Таму назвы хлеба «Шчодры», «Спадар шчодры» набывае канатацыю ‘ад душы’.

Назвы паводле прадуктаў, з якіх зроблены хлеб: «Жытні».

Назва хлеба «Жытні» адразу ж асацыюецца са словамі жыта, жыццё. Паводле тлумачальнага слоўніка беларускай мовы [1] жыта — гэта 1) ‘аднагадовая расліна сямейства злакавых, зерне якой скарыстоўваецца для прыгатавання хлеба’; 2) ‘зерне гэтай расліны’, а жытні той, ‘які прыгатаваны з жыта або прадуктаў яго апрацоўкі’. Жыта — найважнейшая збожжавая культура беларусаў, значна міфалагізаваная ў народнай свядомасці. Ураджаі жыта даваў надзею на шчаслівае сытнае жыццё: *без хлеба сыты не будзеш*. А ў прыказках і прымаўках жыта ды ячмень «прасілі» ў гаспадара: *сей хоць у пясок, ды ў свой часок* [2, с. 497].

Адапелятыўныя назвы: «Сяброўскі», «Адвячорак», «Крынічны», «Водар», «Знічка», «Хлебны млын», «Стары млын», «Хатні».

«Сяброўскі» — гаваркая назва хлеба. Сябар — той, хто звязаны з кім-небудзь сяброўствам. Хлеб з назвай «Водар» матывуецца ‘прыемным пахам, духмянасцю’. «Крынічны» — ‘той, які мае адносіны да крыніцы’. У пераносным значэнні крыніца — гэта ‘тое, з чаго бярэцца, чэрпаецца што-небудзь; тое, што дае пачатак чаму-небудзь, служыць асновай для чаго-небудзь’. Хлеб — гэта жыццё, хлебам жывуць людзі. У аснове назвы «Знічка» — уласнабеларускае слова, якое мае значэнне ‘зорка, якая падае’. Магчыма, назву гатунку хлеба далі з-за мілагучнасці, паэтычнасці самога слова. Хоць і не заўсёды селяніну даводзілася ўжываць чысты хлеб, які пяклі толькі з чыстай мукі: частыя неўраджаі, стыхійныя бедствы, беднасць вымушалі скарыстоўваць у ежу розныя яго сурагаты, але хлеб дапамагаў селяніну выжыць.

«Хлебны млын», «Стары млын» — назвы гатункаў матывуюцца словам «млын». Млын — гэта пабудова, у якой мелюць збожжа, ці будынак з устаноўленымі ў ім прыстасаваннямі для размолу збожжа. У культуры нашых продкаў, у тым ліку і славян, млын стаў сімвалам лёсу. Нездарма ўзніклі такія слоўныя выразы, як «жернова судьбы» (руск.), «усё пройдзе, усё перамелецца». З млынам, асабліва вадзяным, звязваецца шэраг павер’яў. Каля млыноў заўсёды жылі вадзянікі. Найбольшую моц, згодна з народнымі павер’ямі, вадзянікі маюць вясной і восенню, калі яны пакрыўджаныя або неўлагоджаныя, маглі нанесці найвялікшую шкоду [3, с. 324—325]. Назва «Хатні» скіроўвае нас на хатнюю выпечку ці ва ўсякім разе на хлеб, выпечаны па старадаўніх рэцэптах.

Адайканімічныя назвы (імя): «Радзівіл», «Радзівілаўскі», «Купалаўскі».

Паводле лінгвістычных рэканструкцый уласнае імя Радзівіл з’яўляецца адаптацыяй літоўскага складанага (двухасноўнага) імя *Radivilas*. Слушным з’яўляецца меркаванне, што першая частка імя «Рад» звязана са словамі літоўскай мовы *rasti*, *rado*, што азначае «знаходзіць, знайшоў». Другі кампанент імя — «віл», на думку вучоных-лінгвістаў, па сваім паходжанні звязаны з генетычна роднаснымі словамі: літоўскім *valia* «воля», *vitis* «надзея», верхнянемецкім *wala* «выбар». Такім чынам, дапускаецца, што першапачаткова імя Радзівіл літаральна змяшчала пажаданне або загад: няхай ён знойдзе, здобудзе волю [4, с. 346].

Таксама існуе версія, што імя Радзівіл — славянскае. У славянскіх мовах даволі часта сустракаюцца складаныя імёны з кампанентам «Рад», які літаральна абазначае старажытнае слова *radeti* «клапаціцца аб нечым». Вядомы такія старажытныя славянскія імёны, як *Радамір* (той, хто клапоціцца аб міры), *Радаслаў* (той, хто дбае аб славе) і інш. Знаходзяць падставы і для таго, каб і другі кампанент імя «віл» лічыць славянскім, непасрэдна звязаным са словам «воля». Пацвярджэннем гэтага з’яўляецца ўкраінскае слова «вільный» (вольны). Такім чынам, у славянскай версіі паходжання імя Радзівіл азначае ‘той, хто клапоціцца пра волю’.

Нам вядома, што Радзівілы — гэта вялікалітоўскі арыстакратычны род, які ўзнік у XV ст. як галіна роду Осцікавічаў. Род Радзівілаў не меў сабе роўных па колькасці асоб, што займалі найвышэйшыя дзяржаўныя ўлады. На працягу гісторыі Вялікага Княства Літоўскага, а затым і Расійскай імперыі нязменна заставаліся сярод найбагацейшых магнатаў.

Заклучэнне. Як і ў іншых беларускіх айконімах, у назвах гатункаў хлеба знайшлі адлюстраванне асаблівасці культуры і традыцый беларусаў. «Онім» у складзе назваў хлеба не толькі канкрэтна называе гатунак, але і трапна характарызуе яго па нейкай адметнай асаблівасці, якасці. Хаця асноўная функцыя такіх найменняў — прыцягнуць увагу пакупніка, зрабіць прадукт канкурэнтназдольным.

Спіс цытуемых крыніц

1. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / пад рэд. М. Р. Суднікі, М. Н. Крыўко. Мінскі : БелЭн, 1996. 784 с.
2. Беларускі фальклор : энцыкл. : у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2005. 768 с. Т. 1 : Акапэла — Куцця.
3. Беларуская міфалогія : энцыклапед. слоўн. / С. Санько [і інш.] ; склад. І. Клімовіч. 2-е выд., дап. Мінск : Беларусь, 2006. 599 с.
4. Бірыла М. В. Беларуская антрапанімія. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. Мінск : Навука і тэхніка, 1969. 508 с.

АДУКАЦЫЙНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ Ў ВЫХАВАННІ ПАТРЫЯТЫЗМУ НАВУЧЭНЦАЎ КАЛЕДЖА

Уводзіны. У апошнія гады ў беларускай сістэме адукацыі ўсе больш канцэнтруецца ўвага на праблеме фарміравання светапоглядных, грамадзянска-патрыятычных якасцей падрастаючага пакалення. Фарміраванне грамадзянскасці, патрыятызму і нацыянальнай самасвядомасці — адна з прыярытэтных задач выхавання ў адпаведнасці з Кодэксам Рэспублікі Беларусь аб адукацыі. Існуюць розныя падыходы да навуковай трактоўкі паняцця «патрыятызм»: даследчыкі разглядаюць патрыятызм як маральны прынцып (Н. К. Ганчароў, Ф. Ф. Каралёў, В. М. Усцякін і інш.); як новы, вышэйшы тып праяўлення пачуцця нацыянальнага гонару (В. А. Варанковіч); як пачуццё любові да Радзімы (Р. Л. Балоціна, М. І. Мацюшын і інш.) У адпаведнасці з «Канцэпцыяй бесперапыннага выхавання дзяцей і вучнёўскай моладзі» патрыятызм — сістэма ведаў, каштоўнасцей, практычных дзеянняў асобы, грамадства і дзяржавы, накіраваных на развіццё, росквіт і забеспячэнне нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь; светапоглядная аснова і глыбокае пачуццё любові да сваёй Айчыны, гатоўнасць абараняць яе.

Асноўная частка. Старэйшы падлеткавы ўзрост — складаны і супярэчлівы. Крытычнасць, якая становіцца адметнай асаблівасцю мыслення і паводзін навучэнцаў, часам перарастае ў бескампрамісны нігілізм, што праяўляецца ў адмоўным стаўленні да многіх фактаў рэчаіснасці [1, с. 54]. Заўважана, што ў пэўнай часткі вучнёўскай моладзі адбываецца дэфармацыя патрыятычнага пачуцця: навучэнцы лёгка аперыруюць светапогляднымі паняццямі, смела разважаюць над пытаннямі патрыятызму, але патрыятызм як сістэму ведаў, каштоўнасцей і дзеянняў асобы ўсведамляюць фрагментарна, часам прымітыўна. Улічваючы гэта, сістэма выхавання, якая мае трывалыя, правераныя часам традыцыі, патрабуе ўдасканалення, якое пачалося з неадкладнага прыняцця адпаведных мер на дзяржаўным узроўні. Гэта знайшло адлюстраванне ў наступных дакументах: Кодэксе Рэспублікі Беларусь Аб адукацыі, «Канцэпцыі бесперапыннага выхавання дзяцей і вучнёўскай моладзі» і ў іншых нарматыўна-прававых актах Рэспублікі Беларусь, якія вызначаюць змест арганізацыі ідэалагічнага і грамадзянска-патрыятычнага выхавання навучэнцаў.

У межах рэалізацыі гэтых дакументаў вылучаюцца асноўныя напрамкі патрыятычнага выхавання: вызначэнне прыярытэтных накірункаў працы па патрыятычнаму выхаванню; узбагачэнне зместу патрыятычнага выхавання; удасканаленне формаў і метадаў выхавання на аснове новых інфармацыйных тэхналогій; узмацненне грамадзянска-патрыятычнай накіраванасці выкладання дысцыплін сацыяльна-гуманітарнага цыклу.

Узнікае аб'ектыўная неабходнасць тэарэтычнай і метадычнай распрацоўкі праблемы фарміравання патрыятызму вучнёўскай моладзі. Асаблівую актуальнасць гэтае пытанне набывае для навучэнцаў устаноў сярэдняй спецыяльнай адукацыі, дзе і адбываецца духоўна-маральнае і асобаснае станаўленне падлеткаў, падрыхтоўка іх да самастойнага жыцця, фарміруецца светапогляд, сістэма каштоўнасцей арыентацыі.

Змест выхавання па фарміраванні грамадзянскасці і патрыятызму асобы арыентаваны на засваенне агульначалавечых гуманістычных каштоўнасцей, культурных, духоўных традыцый беларускага народа, ідэалогіі беларускай дзяржавы, прававых ведаў, фарміраванне гатоўнасці да выканання грамадзянскага абавязку, прававой адказнасці [2, с. 13]. Рэалізацыя гэтага накіравана на выхаванне сацыяльна і прафесійна кампетэнтнай, адказнай, адкрытай інавацыям асобы з высокімі маральнымі ідэаламі.

Да ўмоў выхавання грамадзянскасці і патрыятызму асобы адносяцца: усведамленне навучэнцамі сутнасці грамадзянскасці, патрыятызму, прывіццё павагі да гісторыка-культурнай спадчыны беларускага народа; выхаванне паважлівага стаўлення да дзяржаўных сімвалаў (герба, сцяга, гімна Рэспублікі Беларусь), органаў дзяржаўнай улады краіны; фарміраванне ў навучэнцаў маральна-псіхалагічнай і фізічнай гатоўнасці да выканання імі канстытуцыйнага абавязку па абароне Радзімы, павагі да абаронцаў Айчыны, воінаў; павышэнне выхаваўчага патэнцыялу вучэбных дысцыплін і інш. [3, с. 7].

Даследаванне праблемы патрыятызму ў выхаванні навучэнцаў каледжа мы пачалі з высвятлення пытання «Які змест надаюць падлеткі паняццю “патрыятызм”?». Для гэтага было праведзена анкетаваанне навучэнцаў прыватнай установы адукацыі «Баранавіцкі эканоміка-юрыдычны каледж». Прыкладзём прыклады выказванняў: «Патрыятызм — гэта адданасць Радзіме, дзяржаве, гатоўнасць здзяйсняць пэўныя ўчынкi, неабходныя для дабрабыту Айчыны»; «Патрыятызм — гэта пэўная якасць чалавека, чалавек-патрыёт верны сваёй Айчыне, свайму народу, чалавек-патрыёт гатовы ў патрэбны момант абараніць сваю Радзіму»; «Патрыятызм — гэта любоў да сваёй Радзімы, павага традыцый свайго народа, выкананне свайго грамадзянскага абавязку»; «Патрыятызм — гэта вернасць сваёй Радзіме, гонар за дасягненні суайчыннікаў у пэўных сферах навукі, спорта, культуры і г. д., а таксама жаданне захаваць традыцыі свайго краю». У разважаннях над пытаннямі патрыятызму ў пэўнай часткі юнакоў і дзяўчат прасочваецца раўнадушша, недаацэньваецца значнасць гістарычных падзей Беларусі.

На канстатуючым этапе эксперыменту праводзілася апытванне метадам самаацэнкі навучэнцаў узроўню сфарміраванасці ў іх патрыятызму і грамадзянскай пазіцыі. Анкетавааннем было ахоплены 35 навучэнцаў каледжа.

У залежнасці ад значэння, атрыманага індывідуальнага бала, ад ўзроўню сфарміраванасці іх грамадзянска-патрыятычных якасцей усе ўдзельнікі анкетавання былі падзеленыя на катэгорыі: ад 53 да 90 балаў — высокі ўзровень, ад 90 да 130 — сярэдні ўзровень; ад 131 да 171 — нізкі ўзровень, ад 172 да 212 балаў — вельмі нізкі ўзровень.

Пасля апрацоўкі адказаў на пытанні анкеты атрымалі пэўныя вынікі (табліца 1).

Таблица 1 — Вынікі анкетавання навучэнцаў каледжа

Узровень	Колькасць навучэнцаў, %	Бал
Высокі	35	Ад 53 да 90
Сярэдні	46	Ад 90 да 130
Нізкі	19	Ад 131 да 170
Вельмі нізкі узровень	—	—

Улічваючы, што адной з умоў выхавання патрыятызму асобы навучэнцаў з'яўляецца павышэнне выхаваўчага патэнцыялу вучэбных дысцыплін, мы звернем ўвагу на беларускую літаратуру як дысцыпліну, якая валодае невячэрпным патэнцыялам у накірунках грамадзянска-патрыятычнага выхавання.

Літаратура — крыніца чалавеказнаўства, грамадазнаўства. Літаратурна-мастацкія творы выступаюць дзейным сродкам, дапамагаюць глыбей пазнаваць жыццё. Літаратура спрыяе самасцвярджэнню вучня як асобы, якая адчувае сябе часткай грамадства і якая здольна творча і актыўна рэалізоўваць сябе ў соцыуме. Мэты і задачы літаратурнай адукацыі на сучасным этапе скіраваны на выхаванне чалавека з глыбокім гуманістычным і дэмакратычным светапоглядам, самастойным мысленнем, з развітым пачуццём нацыянальнай і асабістай самапавагі, чалавека, чуйнага да сацыяльнага поліфанізму жыцця, патрыёта [4, с. 2, 10].

Заўважана, што ўрокі беларускай літаратуры спрыяюць самарэалізацыі асобы навучэнцаў. Тыя тэмы, якія сёння актуальныя для падлеткаў, хвалявалі і класікаў. Вучні даюць крытычную ацэнку ўчынкам людзей, іх прывабліваюць подзвігі, адкрыцці, моцныя характары, тэмы дружбы, кахання, праблема ўзаемаадносін з бацькамі. Беларуская літаратура выступае ў якасці падмурка фарміравання духоўнасці і патрыятызму асобы.

Асэнсаванне сябе грамадзянінам роднай Беларусі, пачуццё нацыянальнай свядомасці фарміруюцца пры знаёмстве з прозай М. Гарэцкага (аповяданне «Роднае карэнне»), Я. Брыля (аповяданне «Memento more»), У. Караткевіча (раман «Каласы пад сярпом тваім»), В. Быкава (аповесць «Знак бяды»), а таксама з паэтычнымі творами Р. Барадуліна, Н. Гілевіча, А. Куляшова, П. Панчанкі, Я. Сіпакова, М. Танка і інш.

Беларускія пісьменнікі раскрылі ў творах глыбокія, тонкія чалавечыя перажыванні, выявілі сябе таленавітымі псіхалагамі, педагогамі. Чытаючы іх мастацкія творы, навучэнцы адчуваюць боль іншых людзей, асэнсоўваючы жыццёвыя з'явы, падзеі, канфлікты і характары, яны выказваюць свае адносіны і меркаванні, сталюцца, духоўна ўзбагачаюцца, вучацца рабіць сумленны выбар [5]. Неабходна ўлічваць, што юнацкі ўзрост характарызуецца павышанай эмацыянальнай узрушанасцю (неўраўнаважанасць, рэзкая змена настрою, трывожнасць). Адметнай рысай гэтага ўзросту з'яўляецца і юнацкі максіmalізм, своеасаблівы эгацэнтрызм (катэгарычнасць, празмерная палярнасць у сітуацыях выбару або ацэнкі), што, безумоўна, адбываецца і на ўспрыманні твораў мастацкай літаратуры [6]. Навучэнцаў можа ўсхваляваць толькі што пачуты аповед аб гераічным учынку, але затым на гэтыя перажыванні накладваюцца іншыя і ўзнікшае першае ўражанне можа згаснуць, таму неабходна замацаваць гэта пачуццё ў шматразовых перажываннях, сістэмна выкарыстоўваючы выхаваўчы патэнцыял беларускай літаратуры.

Заклучэнне. Рэалізацыя адукацыйнага патэнцыялу беларускай літаратуры разглядаецца намі як важны і дзейсны шлях патрыятычнага выхавання навучэнцаў каледжа пры захаванні пэўных умоў: уліку інтарэсаў і асаблівасцей сучаснай моладзі пры падборы твораў патрыятычнай тэматыкі для самастойнага чытання; устанавленні належнага асобнага кантакту паміж выкладчыкам і навучэнцамі ў працэсе фарміравання патрыятызму пры вывучэнні твораў беларускай літаратуры; фарміраванні ў навучэнцаў устойлівай пазнавальнай цікавасці, уключэнні кожнага навучэнца ў працу на ўроках у якасці актыўнага ўдзельніка навучальнага працэсу; выкарыстанні сучасных адукацыйных тэхналогій пры выкладанні беларускай літаратуры; арганізацыі пазакласнай работы па беларускай літаратуры ў аспекце фарміравання патрыятызму.

Спіс цытуемых крыніц

1. Методыка выкладання беларускай літаратуры : вучэб. дапам. для студэнтаў філалаг. спецыяльнасцей ВНУ / І. М. Гоўзіч [і інш.]. Мінск : БДПУ, 2012. 170 с.
2. Канцэпцыя бесперапыннага выхавання дзяцей і вучнёўскай моладзі [Электронны рэсурс] : зацв. пастановай М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь ад 15 ліп. 2015 г. № 82. URL: <http://adu.by/?p=7769> (дата звароту: 02.03.2016).
3. Катовіч Н. К. Абноўленая Канцэпцыя бесперапыннага выхавання дзяцей і вучнёўскай моладзі ў Рэспубліцы Беларусь: пераёмнасць і навацыі // Адукацыя і выхаванне. 2015. № 11. С. 3—15.
4. Канцэпцыя вучэбнага прадмета «Беларуская літаратура» [Электронны рэсурс] : зацв. Загадам М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь ад 29 мая 2009 г. № 675. URL: <http://adu.by/?p=7575> (дата звароту: 12.02.2016).
5. Там жа. С. 4.
6. Методыка выкладання беларускай літаратуры. С. 55—56.

ЗВАРОТАК ЯК СРОДАК КАМУНІКАЦЫ Ў МОВЕ КАМЕДЫ А. МАКАЁНКА «КАШМАР»

Уводзіны. У лінгвістычнай літаратуры адзначаецца, што «зваротак — гэта слова (ці словазлучэнне), якое называе таго, да каго (ці чаго) звяртаюцца. Ён мае форму назоўнага склону і вымаўляецца з асаблівай клічнай інфармацыяй. Асноўная функцыя зваротка — заахвоціць слухаць, прыцягнуць увагу да паведамлення, таму часта ў якасці зваротка ўжываюцца імёны, прозвішчы, назвы асоб па роднасці і г. д. У мастацкіх творах у функцыі звароткаў могуць выступаць назвы птушак, жывёл і неадушаўлёных прадметаў. Звароткі могуць стаяць у пачатку, сярэдзіне ці ў канцы сказа» [1, с. 285].

Асноўная сфера ўжывання зваротка — дыялагічнае маўленне. Менавіта «ў дыялогу, — падкрэсліваюць Н. Д. Аруцонава і А. В. Падучава, — увасоблена маўленне як дзеянне з усім спектрам магчымых для яго камунікатыўных мэт» [2].

Звароткі шырока ўжываюцца ў мове твораў мастацкай літаратуры, дзе функцыянаванне іх разглядаецца лінгвістамі «як адлюстраванне жывой маўленчай практыкі і як выяўленчы сродак» [3].

Найбольш часта зваротак ужываецца ў мове драматычных твораў, паколькі яны будуцца на аснове дыялогаў паміж дзейнымі асобамі. Распаўсюджанасць звароткаў у мове драматычных твораў, іх варыяцыйнасць і слоўніковая незамацаванасць даюць багаты матэрыял для дэталёвага даследавання гэтай з'явы ў розных аспектах, у тым ліку і як сродку камунікацыі.

Асноўная частка. Прааналізуем выкарыстанне звароткаў як сродкаў камунікацыі ў мове камедыі А. Макаёнка «Кашмар», персанажы якой адрозніваюцца і ўзростам, і становішчам у грамадстве, што, вядома, не можа не адбіцца пэўным чынам на іх маўленні ў цэлым і на выбар звароткаў у прыватнасці.

У мове п'есы зваротак выконвае розныя функцыі:

а) намінацыйную, або функцыю называння адрасата маўлення: Д а ч к а. Які ж ты малайчына! Вось гэта рамантыка! Ты, **Ваня**, Пячорын! Ты — Яўгеній Анегін! Ты ведаеш, хто ты? Ты — мілы друг! (*Упершыню ўсвядоміла ўсю прыгожосць душы брата.*) **Ваня!** Я думала, што толькі ў дзевятнаццатым стагоддзі людзі маглі... [4, с. 171]; Д а ч к а. Тата, ты — феодал, прыгоннік. **Жан**, ты пазыч грошы. Потым аддасі. Пазыч у яго [5]; Д а ч к а. І цалаваліся... (*У захапленні.*) А, **Нэла?** [6];

б) фатычную, якая адлюстроўвае працэс зносін паміж удзельнікамі дыялогу, што складаецца з устанаўлення, падтрымання і заканчэння маўленчага кантакту: С т а р а я. А, **Нэлачка**, а Бог з табой! А як жа ты з ім? Ён жа цяпер... [7]; С т а р ы. О-о-о-й-і... Што ж ты нарабіў, **сыноч?** Якую ж ганьбу ты наклікаў на ўсю фамілію нашу? Роду нашаму прынёс такую славу! Ды дзед жа твой за такое тапаром бы цябе засёк. А братам тваім як? А сёстрам? А маці тваёй як цяпер у вочы людзям глядзец? А мне куды вочы... куды іх схаваць? [8]; Д а ч к а. У нашага Жана! Растрата! Во! У нашага Вані. **Тата**, радуйся — у Вані растрата! (*Крычыць усяму свету: лугу, лесу, небу, птушкам, бацьку, маці.*) Ра-а-а-а-а-а-а! [9];

в) сацыяльна-рэгуляцыйную, што раскрывае рангі сацыяльных і міжасобасных адносін камунікантаў: В а е н н ы м і н і с т р. **Сеньёр прэзідэнт!** Не, я гэтага не магу. Гэта не мае функцыі. Не мае, і ўсё! [10]; М і н і ф і н. **Сеньёр прэзідэнт!** Вы будзеце падпісваць загады і законы пад яго дыктоўку. Вы — не гаспадар. Ён усяму галава [11]; С т а р а я. Ой, **дачушка**, раскажы ты толкам, што рэвізія сказала? Не здагадкі твае, а яны што сказалі? [4, с. 166]; С а к р а т а р. **Панове!** Ленч! Прыйшоў час ленчу! (*І прагучала гэта так жа ўрачыста, як «прыйшоў час малітвы».*) [12];

г) этыкетную, што знаходзіць сваё выражэнне ў этыкетным афармленні маўлення: С т а р ы. Во — чула? Старая! Чула, пытаю?! Во! Ну, **сыноч**, а яшчэ дзе ты быў? У Парых не лётаў? Вакол Еўропы васьмёрак не рабіў? [13]; С т а р а я (*ціха, асцярожена, далікатна*). Як жа ты мучышся, **родны мой!** Як жа цябе скруціла! Куды ж ты? Пастой! Чаму ж ты кідаеш мяне? Я ж усю ноч шукала цябе. Я ж усё сяло на ногі падняла. Я ж падумала ўжо, што ты і рукі налажыў на сябе. А ты во дзе... [14]; С т а р а я. Не, **дачушка**, не было [15];

д) вакацыйную, пры якой зваротак выражае заклік або іншае пабуджэнне да адказу або дзеяння: С т а р а я. **Сыноч!** Што ты гаворыш? Апамятайся! Прыкусі язык! [16]; С т а р ы. Да, ён трохі лішку... Карбюратар, відаць... (*Крычыць у неба.*) Карбюратар, карбюратар папраў! Не пачуе. Хоць бы назад азірнуўся. Таксама, відаць, пражыгацель, ліхач, абыймае красавіца. Палавіна гаручага не згарае, а ён... Транжыр! **Пражыгацель!** [17]; Д а ч к а. **Ма-а-ма!** Та-а-та! Ра-а-а-а-а-а! (*Нібы віхор, кружыць васьмёркі вакол бацькі і маці.*) Ра-а-а-а-а-а! [18];

е) ацэначна-характарыстычную — функцыю, якая выражае адносіны адрасанта да адрасата праз адносіны да яго ўчынкаў, паводзін, складу жыцця: станоўчыя або адмоўныя, даверлівыя або пагардлівыя: С т а р а я. Ціха ты! Не крычы, **дуренькая** [19]; С т а р а я. Што ты гародзіш, **дуренькая?** [20]; С т а р ы (*падсоўвае тэлефон*). **Любы ты мой**, калі ласка! [21]; С т а р а я. У бацькі? Цяпер? **Дуралей!** Цяпер бацька сам цябе завядзе ў турмы. За руку і павядзе [22];

ж) прагматычную, што заключаецца ў імкненні кіраваць паводзінамі чалавека. Зваротак, які выконвае прагматычную функцыю, прызначаны аказваць пэўнае ўздзеянне на эмоцыі, думкі, дзеянні адрасата: С т а р ы

(падсоўвае тэлефон). *Любы ты мой*, калі ласка! [23]; С т а р а я. Навошта яны табе? *Браток ты мой*, навошта табе? [24]; С т а р а я. Якая ж ты ў мяне яшчэ дзівачка. Проста з казкі. (*Старому.*) Ну, во, а ты гаварыў. А ты выў, скуголіў. Бачыш, якія дзеці ў цябе? (*Абняла дачку, прыгалубіла.*) *Любамая мая! Сардэчная!* Парода такая! [25]; С т а р а я (*ціха, асцярожна, далікатна*). Як жа ты мучышся, *родны мой!* Як жа цябе скруціла! Куды ж ты? Пастой! Чаму ж ты кідаеш мяне? Я ж усю ноч шукала цябе. Я ж усё сяло на ногі падняла. Я ж падумала ўжо, што ты і рукі налажыў на сябе. А ты во дзе... [26].

У адной і той жа сітуацыі зваротак можа выконваць адразу некалькі функцый. Ва ўсіх маўленчых сітуацыях рэалізуюцца намінацыйная і фатычная функцыі, да якіх далучаецца яшчэ адна або больш функцый. Напрыклад, у прыведзеным вышэй выказванні Арыны Радзівонаўны, звернутым да Верачкі, звароткі *любая мая, родны мой, любы ты мой, браток ты мой* выконваюць намінацыйную, фатычную, ацэначна-характарыстычную і прагматычную функцыі.

Разнастайнасць звароткаў, творчы падыход у іх выкарыстанні назіраецца ў прадстаўніцы старэйшага пакалення — Старой, у зваротках якой адлюстроўваецца яе ўнутраны свет, яе лепшыя чалавечыя якасці. Звароткі, многія з якіх з'яўляюцца заанімамі, паказваюць на вельмі блізкія адносіны яе да сваёй дачкі, мужа дапамагаюць ёй выказаць сваю любоў да іх, падтрымліваюць з імі даверлівыя адносіны: С т а р а я (*ціха, асцярожна, далікатна*). Як жа ты мучышся, *родны мой!* Як жа цябе скруціла! Куды ж ты? Пастой! Чаму ж ты кідаеш мяне? Я ж усю ноч шукала цябе. Я ж усё сяло на ногі падняла. Я ж падумала ўжо, што ты і рукі налажыў на сябе. А ты во дзе... [27]; С т а р а я. Якая ж ты ў мяне яшчэ дзівачка. Проста з казкі. (*Старому.*) Ну, во, а ты гаварыў. А ты выў, скуголіў. Бачыш, якія дзеці ў цябе? (*Абняла дачку, прыгалубіла.*) *Любамая мая! Сардэчная!* Парода такая! [28]; С т а р а я (*какетліва*). *Дзядок мой!* Хадзі сюды! Пагаворым. Ну добра, добра, я сама к табе падыду. Ляжы. Ох, і хітрун ты... [29].

Заклучэнне. Зваротак у мове камедыі А. Макаёнка «Кашмар» з'яўляецца шматфункцыянальным сродкам камунікацыі, які ў кожнай маўленчай сітуацыі рэалізуе адначасова некалькі функцый, што ўтвараюць складаную сістэму ўзаемадзеяння. Выбар зваротка залежыць ад жыццёвага вопыту адрасанта, яго намераў і імкненняў, ступені развіцця яго маўленчых здольнасцей і творчай думкі, а таксама паводзін суразмоўніка. Зваротак ярка характарызуе таго або іншага персанажа п'есы.

Спіс цытуемых крыніц

1. Беларуская мова. Ч. 2 : Падручнік для навучэнцаў педагагічных вучылішчаў БССР / Я. М. Адамовіч [і інш.] ; пад агул. рэд. Я. М. Адамовіча. Мінск : Выш. шк. 1986. 356 с.
2. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубеж. лингвистике. М. : Прогресс, 1985. Вып. 6 : Лингвист. прагматика. С. 10.
3. Щербинина И. В. Коммуникативная сущность обращений как средства общения в языкознании [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. URL: <http://www.neuch.ru/referat/83748.html> (дата обращения: 10.11.2015).
4. Макаёнка А. Я. Зацоканы апостал : п'есы. Мінск : Маст. літ., 2006. 270 с.
5. Там жа. С. 172.
6. Там жа. С. 174.
7. Там жа. С. 172.
8. Там жа. С. 160.
9. Там жа. С. 164.
10. Там жа. С. 185.
11. Там жа. С. 191.
12. Там жа. С. 201.
13. Там жа. С. 172.
14. Там жа. С. 161.
15. Там жа. С. 172.
16. Там жа. С. 170.
17. Там жа. С. 163.
18. Там жа. С. 164.
19. Там жа.
20. Там жа.
21. Там жа. С. 198.
22. Там жа. С. 172.
23. Там жа. С. 198.
24. Там жа. С. 209.
25. Там жа. С. 165.
26. Там жа. С. 161.
27. Там жа.
28. Там жа. С. 165.
29. Там жа. С. 167.

В. Т. ШАЛАМОВ И А. И. СОЛЖЕНИЦЫН: ДРАМА РАСХОЖДЕНИЙ

Введение. Тема личных и творческих взаимоотношений В. Т. Шаламова и А. И. Солженицына поднималась неоднократно. Сегодня по-прежнему актуально обращение к этому непростому вопросу, поскольку в данной проблеме отражается не только широкий спектр общественной и литературной жизни XX в., но и принципиальный подход к оценке этих фактов с точки зрения современности.

Основная часть. Период с начала 90-х гг. XX в. — время наиболее интенсивного осмысления творчества В. Т. Шаламова: писателя, поэта, публициста. Пик интереса к В. Т. Шаламову объясняется в основном интересом к «лагерной» теме. Но многие исследователи увидели в произведениях данной проблематики не только и не столько свидетельства, сколько трагедию целого народа. По признанию учёных, в этой теме одну из ведущих позиций занял В. Т. Шаламов, чьи произведения представляют собой богатый художественный материал, таящий ответ на многие вопросы литературного творчества эпохи.

Сложные, запутанные и противоречивые отношения связывают В. Т. Шаламова и А. И. Солженицына. Можно ли называть такого рода отношения конфликтом? Некоторые шаламоведы склонны обозначать историю взаимоотношений двух писателей именно как развитие конфликта. Материалом для подобных предположений может являться переписка между В. Т. Шаламовым и А. И. Солженицыным. На сегодня она опубликована. Вернее сказать, опубликована та часть переписки, которая принадлежала Варламу Тихоновичу. Со стороны А. И. Солженицына существовало ограничение на публикацию его писем. Так, ещё в 1990 г. А. И. Солженицын написал И. П. Сиротинской, исследователю творчества В. Т. Шаламова, следующее: «Уважаемая Ирина Павловна! На печатание писем Шаламова ко мне Вам тоже требуется разрешение, и я Вам его даю. Они представляют и общественный интерес. Напротив, имеющиеся у Вас мои письма к нему (у Вас комплект их не полный, не все тут) такого интереса не представляют. К тому же я не хочу поощрять начавшуюся лавину печатания моих писем, обычно без спроса. Моих писем к В. Т. печатать не разрешаю» [1, с. 212].

Писатели В. Т. Шаламов и А. И. Солженицын начинали как писатели-соратники по лагерной теме. Но постепенно они отдалялись друг от друга. К концу 1960-х гг. В. Т. Шаламов и вовсе стал считать А. И. Солженицына дельцом, графоманом и расчётливым политиканом. Познакомились В. Т. Шаламов и А. И. Солженицын в 1962 г. в редакции «Нового мира». Несколько раз встречались в домашней обстановке. В 1966 г. В. Т. Шаламов в письме отправляет отзыв о романе «В круге первом». Он высказывает ряд замечаний. В частности, он не принял неудачный и неубедительный образ Спиридона, посчитал слабыми женские портреты. Однако общая оценка романа не вызывает разночтений: «Роман этот — важное и яркое свидетельство времени, убедительное обвинение» [2]. Когда вышел «Один день Ивана Денисовича» в «Новом Мире», В. Т. Шаламов послал А. И. Солженицыну очень тёплое, восхищённое письмо с высокой оценкой произведения в целом, главного героя и некоторых персонажей: «Глубоко и очень тонко показанная крестьянская психология Шухова»; «Вообще детали, подробности быта, поведение всех героев очень точны и очень новы, обжигающе новы»; «Это первое, конечно, в нашей литературе произведение, обладающее и смелостью, и художественной правдой, и правдой пережитого, перечувствованного»; «Произведение чрезвычайно экономно, напряжено, как пружина, как стихи» [3].

Так, В. Т. Шаламов принял публикацию А. И. Солженицына за добрый знак и решил, что, наконец, настало и его время. Он знал, что его книги нужны народу, но «столп оттепельного либерализма А. Т. Твардовский» [4, с. 58] сказал, что В. Т. Шаламов ошибается: ни его стихи, ни рассказы советским людям не нужны. Сначала это показалось В. Т. Шаламову парадоксом. Потом он понял, что «Новый Мир» и не мог иначе отнестись к его стихам и прозе о Колыме: «“Колымские рассказы” — новая русская проза. Они показывают человека в исключительных обстоятельствах, обнажающих безграничность его отрицательной сущности. Я летописец собственной души, не более. Я не верю, что можно написать нечто, что остановит зло и не допустит его повторения. Я в это не верю, и такой пользы мои рассказы не принесут» [5, с. 115].

Автор понимал, что литературное дело в СССР — часть политики, а в политике соответствие между словом и делом — наивная мечта, и всё же был обижен несправедливостью мира. Он полагал, что как писатель он много выше А. И. Солженицына, честнее его, ибо не впутывается в политику и, выдержав неслыханные муки, сохранился как творческая личность, написал книги, несущие людям неприкрашенную, горькую и нужную правду. Писатель был убеждён: его не печатают, а потому и не читают, и всеветная слава досталась не ему. Дневники и письма В. Т. Шаламова, опубликованные Ириной Сиротинской в 2005 г., показывают, что писатель напряжённо думал о причинах столь разительного различия между своей литературной судьбой и судьбой А. И. Солженицына. Они — разные люди с принципиально разным мировоззрением и жизненным опытом: «Ни одна сука из “прогрессивного человечества” к моему архиву не должна подходить. Запрещаю писателю Солженицыну и всем, имеющим с ним одни мысли, знакомиться с моим архивом» [6, с. 96].

Он считал, что А. И. Солженицын «продал свою душу дьяволу», используя лагерную тематику в целях политической борьбы, тогда как литература должна оставаться в пределах культуры. Политика и культура для В. Т. Шаламова — две вещи несовместные. В своих рукописях, отданных в «Новый Мир», он славил дореволюционную интеллигенцию, разоблачал грубость и низость народа, а про лагерь написал: «Тут людей убивают» [7]. А А. И. Солженицын живописал стойкость и несгибаемость отдельных прочных людей из народа, про лагерь устами одного из персонажей «Одного дня» первого бригадира Кузьмина сказал: «И тут люди живут» [8]. Именно это принципиальное различие позиций и предопределило победу А. И. Солженицына в редакции «Нового Мира».

Эти писатели расходились во многом. После краткого периода дружбы они перестали общаться. Их поздние заметки друг о друге, как заметила Е. Михайлик, один из ведущих исследователей прозы В. Т. Шаламова, — очень «горькое чтение» [9]. «Я надеюсь сказать своё слово в русской прозе» [10] — один из мотивов отказа В. Т. Шаламова над их совместной работой по «Архипелагу». Это желание объяснимо и само по себе, и на фоне успеха А. И. Солженицына, которого уже публикуют, который уже известен на всю страну, а «Колымские рассказы» так и лежат в «Новом мире». «Братья по лагерю», они не могли сотрудничать и, разойдясь, уже и не хотели понять друг друга. Шаламов обвинял Солженицына в проповедничестве и корысти. А А. И. Солженицын, будучи в эмиграции, повторил непроверенную информацию о смерти В. Т. Шаламова, а тот был ещё жив, но очень болел и жил впроголодь.

После разрыва отношений (отказа В. Т. Шаламова стать соавтором «Архипелага») изменились и отзывы писателя о произведениях. Вот отрывок из письма В. Т. Шаламова 1972 г. А. Кременскому: «Ни к какой “солженицынской” школе я не принадлежу. Я сдержанно отношусь к его работам в литературном плане. В вопросах искусства, связи искусства и жизни у меня нет согласия с А. И. Солженицыным. У меня иные представления, иные формулы, каноны, кумиры и критерии. Учителя, вкусы, происхождение материала, метод работы, выводы — всё другое» [11, с. 206]. В свою очередь А. И. Солженицын высказал упреки по поводу художественного уровня произведений В. Т. Шаламова, отнеся их к периоду дружеского общения: «Рассказы Шаламова художественно не удовлетворили меня: в них во всех мне не хватало характеров, лиц, прошлого этих лиц и какого-то отдельного взгляда на жизнь у каждого» [12].

Вспоминая своё общение с В. Т. Шаламовым, А. И. Солженицын задаёт самому себе вопрос: «Да разве можно было совместить наши мироощущения? Мне — соединиться с его ожесточённым пессимизмом и атеизмом?» [13]. Автор «Архипелага» открывает в своих героях религиозный центр, к которому стягивались основные линии их миропонимания и поведения. Но аналогичный центр есть и у В. Т. Шаламова. Солженицын явно противоречил себе, когда, подчёркивая атеизм своего оппонента, заметил, что тот «никогда, ни в чём ни пером, ни устно не выразил оттолкновения от советской системы» [14]. Притом, что В. Т. Шаламов сам неоднократно говорил о своём атеизме, он всегда подчёркивал, что лучше всех и дольше всех в нечеловеческих условиях Колымы держались именно «религиозники».

Сегодня благодаря целому ряду публикаций нам легче понять и причину разрыва отношений, и смысл позиции каждого из оппонентов. Один — поэт, философ, другой — публицист, общественный деятель. Они не могли найти общего языка. Там, где В. Т. Шаламов проклинает тюрьму, исковеркавшую его жизнь, А. И. Солженицын верит, что тюрьма — это и великое нравственное испытание и борьба, из которой многие выходят духовными победителями. Солженицын ищет путь сопротивления системе и пытается передать его читателю. Шаламов свидетельствует о гибели людей, раздавленных лагерем.

Заключение. Писатели были близки в оценке лагерной системы, в общественной критике. Однако В. Т. Шаламов не желал и не мог стать ниспровергателем своей страны. Эти расхождения проявились в межличностных отношениях. Начав на одной стороне баррикад, В. Т. Шаламов и А. И. Солженицын пришли к личному и идейному разрыву. Порой необъективное отношение друг к другу истощало их силы и препятствовало исполнению главного дела жизни.

Список цитируемых источников

1. Шаламов В. Т. Мемуары. Воспоминания. М. : Олимп-Астрель, 2001. 384 с.
2. Там же. С. 220.
3. Там же. С. 239.
4. Шкловский Е. А. Варлам Шаламов. М. : Знание, 1991. 162 с.
5. Шаламов В. Т. Точка кипения. М. : Совет. писатель, 1977. 141 с.
6. Есипов В. В. Шаламов. М. : Молодая гвардия, 2012. 342 с.
7. Шаламов В. Т. Точка кипения. С. 84.
8. Там же. С. 85.
9. Шаламов В. Т. Мемуары. Воспоминания. С. 368.
10. Есипов В. В. Шаламов. С. 342.
11. Шаламов В. Т. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Книж. Клуб Книговек, 2013. Т. 7. 516 с.
12. Там же. С. 209.
13. Там же. С. 213.
14. Шкловский Е. А. Варлам Шаламов. С. 34.

ГІСТАРЫЗМЫ І АРХАІЗМЫ ЯК СТЫЛІСТЫЧНЫ СРОДАК У РАМАНЕ Л. ДАЙНЕКІ «МЕЧ КНЯЗЯ ВЯЧКІ»

Уводзіны. У гістарычнай прозе ўстарэлая лексіка з'яўляецца ў пэўнай меры сродкам ідэнтыфікацыі пісьменніцкага бачання і чытацкага ўспрымання. Як адзначае В. Шынкарэнка, «асабліва важную, ідэна-эстэтычную функцыю выконвае мова ў гістарычных творах, дзе праз асобныя лексічныя паняцці і іх граматычныя сувязі, нават структуру сказаў лепш адчуваецца эпоха, асэнсоўваюцца яе заканамернасці» [1, с. 90].

Лексічныя нормы патрабуюць правільнага выкарыстання слоў у адпаведнасці з іх значэннем, спалучальнасцю, стылістычнай афарбоўкай. Таму гістарызмы і архаізмы ўжываюцца ў сучаснай мове матывавана тады, калі ёсць патрэба назваць прадметы і з'явы мінулага. Часта яны сустракаюцца ў дапаможніках і навуковых працах па гісторыі, а таксама ў мастацкіх творах пра мінулае.

Асноўная частка. Словы, якія перасталі актыўна выкарыстоўвацца ў мове, знікаюць з яе не адразу. Пэўны час яны яшчэ зразумелыя гаворачым на дадзенай мове, вядомыя ім па мастацкай літаратуры, хоць паўсядзённая маўленчая практыка ўжо не адчувае ў іх патрэбы. Такія словы складаюць лексіку пасіўнага запасу і прыводзяцца ў тлумачальных слоўніках з паметай «устар.».

Устарэлыя словы неаднолькавыя па ступені ўстарэласці. З гэтага пункту гледжання даследчык Я. М. Булыка іх падзяляе на дзве групы: 1) устарэлыя словы з большай ступенню архаізацыі, 2) словы з меншай ступенню архаізацыі [2, с. 292].

Устарэлыя словы маюць асаблівую эмацыянальна-экспрэсіўную афарбоўку, таму яны займаюць важнае месца ў стылістыцы. У мастацкіх творах яны ўжываюцца для стварэння каларыту эпохі, узнёўлення рэальна-гістарычных абставін і мовы герояў. Даследчык Л. І. Арочка лічыць, што «гістарызмы, як і архаізмы, могуць ужывацца з пэўнай стылістычнай мэтай, але, у адрозненне ад апошніх, могуць і не выконваць ніякіх стылістычных функцый. Часцей за ўсё без стылістычных мэт ужываюцца яны ў навуковых працах па гісторыі, у разнастайных апісаннях мінулага» [3, с. 85].

Назіранні паказваюць, што ўстарэлая лексіка ў рамане Л. Дайнекі «Меч князя Вячкі» выконвае важныя функцыі:

1) стварае каларыт мінуўшчыны, напрыклад: Епіскап даў знак *латніку*, і той, падышоўшы да *князёўны*, выцягнуў з похваў *меч*, адрэзаў у спалоханай дзяўчынкі пасму валасоў [4, с. 202]; У хатках, што чарнеліся ўздоўж вуліц, спалі са сваімі жонкамі і дзецьмі *рымары* і *броннікі*, кавалі і *сырамятнікі*, *цесляры* і *скрыннікі*, *муралі* і *апоннікі*. А яшчэ — *дымары*, плавільшчыкі жалеза [5] і інш.;

2) характарызуе вобразы герояў, удакладняе апісанне прадметаў даўніны, напрыклад: На галаве ў яго быў высокі жалезны *шалом* з *наноснікам*, з *выразамі* для вачэй, з *кальчужнай сеткай-барміцай*, якая ахоўвала шыю і плечы [6]; Дзякуй табе, *прыснапамятны князь* [7] і інш.;

3) паказвае на час, у які адбываліся дзеянні, апісаныя ў рамане, напрыклад: Полацкі князь Уладзімір Валадаравіч, бачачы, што ў ліваў з'явіўся новы гаспадар, сабраў раць і ў *лета 6714-е* спусціўся на стругах, шкутах і плытах уніз па Дзвіне, выклікаў епіскапа Альберта на перамовы на раку Вогу, што цячэ непадалёку ад Ікесколы [8]; *Чатыры сонцавароты* таму назад разам з Усеваладам я хадзіў на Рыгу, — нарэшце парушыў маўчанне Даўгерут [9] і інш.

У мастацкіх творах пісьменнікі паказваюць розныя гістарычныя эпохі. Героямі могуць быць прадстаўнікі розных класаў і сацыяльных груп, дзеянне можа разгортвацца ў самых розных месцах. Таму «для рэалістычнага прайгравання рэальнасці, для таго, каб адлюстравіць падзеі як мага бліжэй да праўды, выклікаць у чытача больш дакладныя ўяўленні аб пэўнай гістарычнай эпосе, пісьменнікі звяртаюцца да ўстарэлай, дыялектнай, спецыяльнай і нават жаргоннай лексікі» [10, с. 83]. У творах Л. Дайнекі знаходзім прыклады выкарыстання побач з устарэлай лексікай лексікі дыялектнай і спецыяльнай, напрыклад: *Струмант* свой кавальскі прывязу, кнігу вучоную аб гарачых і халодных металах [11]; *Плінфа* і *булыгі* чаргаваліся між сабою [12]; Ішлі бяззбройныя, але Халадок схаваў пад карзю *шастапёр* — невялікую жалезную булаву з вострымі шыпамі [13] і інш.

У рамане «Меч князя Вячкі» аўтар часта выкарыстоўвае лексічны паўтор аднаго і таго ж устарэлага слова з мэтай канцэнтрацыі эмацыянальнага падкрэслівання важнасці названага прадмета або з'явы, напрыклад: Трэба *меч*, востры, гартаваны *меч*, які не баіцца варожай крыві [14]; Ён любіў сваю *дружыну*, ганарыўся ёю, бо *дружына* давала яму і славу, і сілу, і ўладу ў Кукейноскім княстве [15]; Але што можа зрабіць ён адзін, удзельны *князь*, *малодшы князь*, слуга вялікага *князя*? [16] і інш.

Пісьменнік Л. Дайнека выкарыстоўвае і антанімічныя пары ўстарэлых слоў, па нашым меркаванні, гэта садзейнічае дакладнаму ўспрымання значэння супрацьпастаўленых слоў, напрыклад: *Баярын* быў пчалінаю маткаю, а *чалядзін* маленькаю пчалаю. *Баярын* быў пушчанскім дубам-волатам, а *чалядзін* — былінкаю [17] і інш.

Сустракаюцца выпадкі ўжывання памяншальна-ласкавых формаў устарэлых слоў, якія аўтар выкарыстоўвае для выражэння:

– пагардлівых адносін аднаго героя да другога: Ты не *кароль*. Ты *каралёк*. *Кароль* Уладзімір сядзіць у Полацку [18]; Забі мяне, брудны палахлівы *каралёк* [19]; Чаму яна, Дабранега, не *чалядзінка*? [20] і інш.;

– неабыхавых адносін аднаго героя да другога: Не плач, *княгінечка*, не плач, зязюлечка. З-за чаго басу губіш, маладосць сушыш? [21]; *Княгінохна*-матухна наша залатая, не ведаю [22] і інш.

Заклучэнне. Устарэлая лексіка беларускай мовы дае багаты матэрыял для даследавання. У рамане «Меч князя Вячкі» пісьменнік выкарыстоўвае пасіўную лексіку з мэтай стварэння каларыту мінуўшчыны, характарыстыкі вобразаў герояў і інш.

Спіс цытуемых крыніц

1. Шынкарэнка В. К. Прынцып гістарызму і яго мастацкая рэалізацыя ў творчасці У. Караткевіча // Вес. АН БССР. Сер. грамад. навук. Мінск : Навука і тэхніка, 1984. № 6. С. 158.
2. Булыка А. М. Даўнія запазычанні беларускай мовы Мінск : Навука і тэхніка, 1972. 384 с.
3. Арочка Л. І. Устарэлая лексіка як сродак адлюстравання гістарычнага мінулага беларускага народа // Знакамітая постаць : матэрыялы V грамад.-паліт. чытанняў, прысвеч. пам. К. Лышчынскага ; навук. рэд. І. І. Акінчыц. Брэст, 1997. С. 83—87.
4. Дайнека Л. Меч князя Вячкі. След ваўкалака : раманы : для ст. шк. узросту / маст. В. І. Кліменка. Мінск : Юнацтва, 1993. 606 с.
5. Там жа. С. 16.
6. Там жа. С. 45.
7. Там жа. С. 33.
8. Там жа. С. 36.
9. Там жа. С. 64.
10. Русецкі А. У. Караткевіч: праз гісторыю ў сучаснасць. Мінск : Маст. літ., 1991. 285 с.
11. Дайнека Л. Меч князя Вячкі. След ваўкалака. С. 144.
12. Там жа. С. 119.
13. Там жа. С. 99.
14. Там жа. С. 30.
15. Там жа. С. 35.
16. Там жа. С. 54.
17. Там жа. С. 142.
18. Там жа. С. 42.
19. Там жа. С. 43.
20. Там жа. С. 87.
21. Там жа. С. 167.
22. Там жа. С. 174.

УДК 811.161.137:82–31Григорьева

С. М. Столяр

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ О. ГРИГОРЬЕВОЙ «ТЕНЬ ВОЛКА»: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АРХАИЗМОВ

Введение. Устаревшая лексика русского языка является составляющей пассивного словарного запаса. Устаревшие слова различаются не только степенью архаизации, но и причинами, которые привели их в разряд устаревших. С этой точки зрения, как отмечают учёные, устаревшую лексику можно разделить на историзмы и архаизмы. Историзмы — это слова, вышедшие из употребления потому, что исчезли из жизни предметы, явления, которые их обозначали. Архаизмы — это слова, обозначающие предметы, явления, существующие в настоящее время; по различным причинам архаизмы были вытеснены из активного употребления другими словами. Следовательно, архаизмы имеют синонимы в активном словаре. Этим они отличаются от историзмов [1, с. 41]. Актуальность их исследования связана с углублением знаний в области устаревшей лексики и обусловлена изучением устаревшей лексики как средства стилизации в произведениях художественной литературы.

Одним из современных авторов, использующих в своих произведениях устаревшую лексику, является О. Григорьева, петербургская писательница, наиболее известная циклами романов «Берсерк», «Колдун» и «Старая Ладога». Роман «Тень волка» (2007), входящий в цикл «Старая Ладога», — это художественное произведение, созданное в жанре фэнтези. Автор повествует о приключениях поселенцев болот, людей, верящих в потусторонние силы и поклоняющихся многочисленным богам и божкам.

Писательница создаёт свои произведения в жанре так называемого «исторического фэнтези», которое, по словам журналиста и литературного критика Б. Невского, «не отдельное направление, а авторский приём, привязка сказочно-магической фантастики к реальному прошлому или его героям. У каждого писателя — свой подход к использованию этого приёма, но несколько общих методов здесь выделить можно».

Один из популярных методов — сюжет книги, который разворачивается в мире, «позаимствованном» из реальной истории, разумеется, с некоторыми изменениями. Большое значение авторы таких произведений придают псевдореалистическому фону, почти неотличимому от нашего прошлого [2].

Основная часть. Цель нашего исследования — рассмотреть особенности употребления устаревшей лексики, в частности архаизмов в романе О. Григорьевой «Тень волка».

Анализ текста художественного произведения путём метода сплошной выборки позволил выявить, что лексика романа наполнена разнообразными устаревшими словами. Нами найдено 158 архаизмов и историзмов, 32 из которых — имена языческих богов и персонажей славянского и скандинавского фольклора.

В данной работе мы обратили внимание на архаизмы — устаревшие названия современных вещей и понятий. Учёный П. П. Шуба выделяет две большие группы архаизмов — лексические и семантические [3, с. 297]. Лексические архаизмы учёный подразделяет на следующие группы:

1) собственно-лексические — слова, которые вытеснены из активного запаса словами с другим корнем: *мемория* — ‘память’, *одрина* — ‘спальня’ и др. [4];

2) лексико-словообразовательные — слова, заменившиеся в активном употреблении однокоренными словами с другими образующими морфемами (чаще суффиксами, реже приставками): *пастырь* — ‘пастух’, *фантазм* — ‘фантазия’ и др. [5];

3) лексико-фонетические — это слова, которым в активном словаре синонимичны лексемы с несколько иным звучанием: *ирой* — ‘герой’, *прошпект* — ‘проспект’. Разновидностью лексико-фонетических архаизмов являются акцентологические архаизмы, у которых изменилось место ударения: *симвóл*, *эпигра́ф* и др. [6].

Исследователь также выделяет группу грамматических архаизмов (морфологических и синтаксических). Морфологические отличаются от современных слов своими устаревшими грамматическими формами (род, число, падежное окончание и др.), например: *зала* — *зал*; [*кисейный*] *вуаль* — [*кисейная*] *вуаль*; *старче*, *княже* (звательная форма, сейчас эту функцию выполняет именительный падеж), *сороку* — *сорока*, *рухнутья* — *рухнуть*, *умре* — *умер* и т. п. Архаическими могут быть не только отдельные слова, но и словосочетания и синтаксические конструкции: *добрый молодец*, *мать иногда скучала ими* и др. [7].

В отличие от всех прочих семантические архаизмы — это сохранившиеся в активной лексике слова, у которых устарело значение (или одно из значений): *позор* — ‘зрелище’, *вокзал* — ‘заведение’ и т. п. [8].

В тексте произведения нами было найдено всего 35 архаизмов. Из них было выявлено:

1) собственно-лексических архаизмов — 13, что составляет 37,14%. Например: *тать* — ‘вор’, *травень* — ‘май’, *седмица* — ‘неделя’ (*Ничем не гнушаются, тати поганые*) [9, с. 253];

2) лексико-словообразовательных архаизмов — 9 (25,71%). Например: *снасильничать* — ‘изнасиловать’, *привечать* — ‘встречать’, *спровадить* — ‘проводить’ (*Кто-то уже говорил, что «девку снасильничали те болотные, коих давеча привечали...»*) [10];

3) лексико-фонетических архаизмов — 8, что составляет 22,86% от общего числа архаизмов. Например: *ирий* — ‘рай’, *сума* — ‘сумка’ (*А в ирии хорошо, там птицы всякие диковинные...*) [11];

4) семантических архаизмов — 5, что составляет 14,29%. Например: *весна* — ‘год’, *дружинник* — ‘воин, член дружины’, *пориши* — ‘вид обуви’ (*Вспомнив про оружие, он вдруг понял, как близок к своей цели — стать князьем дружинником*) [12].

Анализ полученных результатов показал, что самой многочисленной является группа лексико-словообразовательных архаизмов, меньше всего — семантических архаизмов.

В отличие от историзмов архаизмами могут быть не только имена существительные, но и другие части речи, обозначающие различные признаки предметов и явлений окружающей действительности. Приведём примеры архаизмов из разных разрядов знаменательных частей речи, используемых в тексте романа: существительные (*чело* — ‘лоб’, *тать* — ‘вор’, *очи* — ‘глаза’ и т. д.); глаголы (*снасильничать* — ‘изнасиловать’, *привечать* — ‘встречать’, *спровадить* — ‘провести’).

Также в ходе исследования было выявлено, что архаизмов используется значительно меньше, чем историзмов (35 архаизмов и 123 историзма).

Архаизмы употребляются в современной художественной литературе с определённой стилистической целью: для воссоздания колорита эпохи в исторических произведениях либо для создания торжественного слога взволнованного патетического повествования, либо как средство сатирического или комического осмеяния.

Заключение. Очевидно, что О. Григорьева в романе «Тень волка» использует устаревшую лексику для того, чтобы придать художественному произведению особую колоритность, перенести читателя в описываемую эпоху, наполнить диалоги персонажей лексикой того времени. Архаизмы в исследуемом художественном тексте употребляются как яркое стилистическое средство для создания социальной характеристики литературных героев определёнными речевыми средствами.

Список цитируемых источников

1. Современный русский литературный язык : учеб. / П. А. Лекант и [др.] ; под ред. П. А. Леканта. М. : Дрофа, 2007. 557 с.
2. Невский Б. Клио в гостях у сказки. «Историческое» фэнтези [Электронный ресурс]. URL: <http://old.mirf.ru/Articles/art731.htm> (дата обращения: 20.03.2016).
3. Современный русский язык : в 3 ч. / под ред. П. П. Шубы. 2-е изд., испр. и доп. Минск : Плопресс, 1998. Ч. 1 : Фонетика. Лексикология. Фразеология. 464 с.
4. Там же. С. 297.
5. Там же.
6. Там же. С. 298.
7. Там же.
8. Там же. С. 299.
9. Григорьева О. Старая Ладога. Тень волка. СПб. : Крылов, 2007. 352 с.
10. Там же. С. 159.
11. Там же. С. 187.
12. Там же. С. 261.

НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦЫФІКА АНАМАСТЫЧНАЙ ПРАСТОРЫ
НАВУКОВА-ПАПУЛЯРНАЙ ЛІТАРАТУРЫ СУЧАСНЫХ БЕЛАРУСКІХ ПІСЬМЕННІКАЎ

Уводзіны. Сучасная лінгвістыка характарызуецца павышанай увагай даследчыкаў да вывучэння анамастычнай лексікі ў аспекце сувязі мовы і культуры. Кожны храналагічны адрэзак развіцця соцыуму фарміруе сваю сістэму каштоўнасцей і свой анамастычны спектр, сугучны традыцыям, звычаям, сацыяльнай структуры грамадства пэўнага часу. У гэтай сувязі прадстаўляецца неабходным даследаванне анамастычнай прасторы навукова-папулярных твораў сучасных беларускіх пісьменнікаў, што рэпрэзентуюць шырокія і разнастайныя магчымасці для вывучэння саставу, ступені ўжывальнасці і спецыфікі функцыянавання айчыннага анамастыкону розных эпох. Мэта працы — даць лінгвістычнае апісанне анамастычнай лексікі навукова-папулярных твораў А. Бензерука, В. Чаропкі, А. Каско, А. Бутэвіча. Пастаўленая мэта прадвызначыла вырашэнне наступных задач: выбраць з тэкстаў навукова-папулярных твораў імёны ўласныя і размеркаваць іх па разрадах у адпаведнасці з выбранай класіфікацыяй; даследаваць анамастыкон навукова-папулярных твораў з лінгвістычных і гісторыка-культуралагічных пазіцый; вызначыць сэнсавую нагрузку і вобразна-асацыятыўны патэнцыял онімаў; ахарактарызаваць спецыфічныя асаблівасці функцыянавання імёнаў уласных у тэкстах навукова-папулярнай літаратуры. Мэта і спецыфіка матэрыялу прадвызначылі выбар аналітычна-апісальнага метаду ў якасці асноўнага.

Асноўная частка. Педагог, гісторык, пісьменнік А. Бензярук — гэта чалавек, усхваляваны лёсам роднай зямлі і тым, як будзе захаваная спадчына продкаў: багатая гісторыя роднага краю, помнікі матэрыяльнай і духоўнай культуры Бацькаўшчыны. Маленькаму чытачу адрасаваная кніга «Свята для сэрца», у якой аўтар апавядае пра багатую гісторыю і сучаснасць «прыгожай часцінкі» Беларусі — Берасцейшчыны. Чытач кнігі В. Чаропкі «Імя ў летапісе» даведваецца пра барацьбу Полацкага княства за незалежнасць, пра ўтварэнне Вялікага Княства Літоўскага. Падарожжа па Камянецчыне здзяйсняе чытач апавядання А. Каско «Горад з Белаю вежаю». Грунтоўнай экскурсіяй па «ўнікальным архітэктурным помніку, які парог III тысячагоддзя пераступіў у якасці агульначалавечага культурнага набытку» [1, с. 8], з'яўляецца кніга А. Бутэвіча «Таямніцы Мірскага замка». У кантэксце навукова-папулярных твораў раскрываецца багатая нацыянальна-культурная інфармацыя ўласных імёнаў розных разрадаў.

Лакалізатарамі прасторы мастацкага твора з'яўляюцца тапонімы. У зборніку «Свята для сэрца» прыгадваюцца шматлікія назвы гарадоў (Пінск, Жабінка, Камянец, Ружаны, Пружаны, Баранавічы, Іванава, Ганцавічы, Столін) і вёсак (Легаты, Дымнікі, Шчарчова, Якаўчыцы, Мухалоўкі, Давячоркавічы, Свішчы, Азяты, Старое сяло, Збірагі, Ляхчыцы, Арэхава, Збураж, Сяхновічы) Беларусі. Несумненны інтарэс у чытача выклікае «схаваная» ў тапонімах інфармацыя пра гісторыю паселішчаў — пра іх заснавальнікаў, першых жыхароў, старажытныя прафесіі, даўнія плямёны, якія некалі жылі ў гэтых мясцінах: «Доўга *обры* (тут і далей курсіў наш. — **В. С., С. Б.-Г.**) (ваяўнічае племя, якое прыйшло з усходу) ваявалі са славянамі, але аднойчы згінулі, быццам ніколі іх не было. Засталіся ў памяці пра *обраў* толькі назвы вёсак: *Абрына* паблізу Целяханаў, *Абровы* на Іванаўшчыне, *Аброўская вулька* ў Івацэвіцкім раёне» [2, с. 30]; «Мы ўжо ведаем, што многія словы раней мелі іншае значэнне, чым цяпер. “*Стол*” некалі абазначала крэсла. Князі і каралі, калі атрымлівалі ўладу, сядалі на “*стол*” (ці “*прастол*”). Адсюль пайшло сённяшняе слова *сталіца* — галоўны горад у краіне. *Столін* таксама некалі быў “*стольным* горадам” — *сталіцай*» [3]. Часам звесткі, якія падаюцца ў кнігах — легенды і паданні пра паходжанне гарадоў і вёсак, — належаць да так званай народнай этымалогіі: «А як пашчасціць сустрэць дасведчанага чалавека, дык пачуеш прыгожыя, хоць і страшнаватыя паказкі. Асабліва пра вялізны валун, у якім даўным-даўно жыў цар-змея. Галаву ён меў змяіную, а ў астатнім быў звычайны, як мы, і справу рабіў звычайную, патрэбную людзям, — шыў абутак ды воўратку. Толькі на вочы нікому не паказваўся, каб нікога не палохаць. Ды потым цар-змея сам пачаў выходзіць на людзі, бо моцна закахаўся ў красуню Алесю. Каханне і давяло яго да згубы: забіў яго пярун. Жытло цара-змея з цягам часу развалілася, рассыпалася, камянёў навокал пабольша, ацвярдзела, стала камяністаю нават зямля. Такое вось паданне пра паходжанне *Камянца*» [4, с. 198—199]. На старонках зборніка «Таямніцы Мірскага замка» можна пазнаёміцца з рознымі версіямі наконт паходжання тапоніма *Мір*. Згодна з адной з іх «да нашых дзён захаваліся прыкметы і сведчанні татарскага побыту на тэрыторыі сучаснай Беларусі. Пра колішнюю татарскую прысутнасць нагадваюць нязвыклія для беларускага вуха назвы паселішчаў: Ішкалдзь, Турэц, Бербашы, Сімкава... Калі так шмат вакол Міра татарскіх прыкмет, то і назва яго таксама цюркскага паходжання. Нашчадкаў Магамета татары называлі «эмір» або «амір», гэта значыць ‘князь, валадар, начальнік’. *Мір* — скарачанае ад «эмір» [5].

Скарбніцай каштоўнай інфармацыі з'яўляюцца ойкадамонімы — уласныя імёны пабудов. Раскрываючы ўнутраную форму найменняў, аўтары адгортваюць старонкі мінулага роднага краю: «З падручнікаў ды з мастацкай літаратуры вежу Камянецкую ведаеш як вежу *Белую*. І на табе! Яна на бурых камянях, а ўся — з чырвона-карычневай цэгля. Пісьменнік і гісторык Уладзімір Караткевіч тлумачыў: калісьці ў дрымучых лясах за дзясяткі

вёрст адсюль стаяла іншая вартавая вежа — драўляная, складзеная з абчасаных (белых) бярвенняў. Вось нібыта яна дала назву і Камянецкай вежы, і яшчэ адной слаўтасці зямлі беларускай — *Белакежскай пушчы*» [6].

У цэнтры аўтарскага апаведу — вобразы нашых продкаў і сучаснікаў. Таму ў анамастыконе твораў галоўнае месца займаюць антрапонімы. Письменнік В. Чаропка прадстаўляе цікавыя версіі паходжання імёнаў слаўтых князёў. На яго думку, «славянскім з’яўляецца імя *Рагнеды*. Тут назіраем старажытны славянскі звычай (пашыраны і ў старажытнай Германіі) даваць дзецям імя, у якім гучала б для азначэння сваяцтва частка імя бацькоў. Так што імя князёўны вытворчае ад імя *Рагвалода*. Сімвалічнае значэнне апошняга імя магло ўказваць на тое, што яго носьбіт з’яўляецца “*валадаром рогу*”. У паганстве рог быў сімвалам зямной урадлівасці, багацця. Калі ўлічыць гэта, дык імя *Рагвалод* можна растлумачыць як валадар багацця, багаты і шчодры чалавек» [7, с. 11]. Письменнік абгрунтоўвае славянскае паходжанне імя слаўтага князя *Міндоўга*: «Часта славянскія імёны прыстасоўваліся балтамі да сваёй моўнай сістэмы. Менавіта тады і быў прыўнесены той літоўскі элемент, які прыдаваў славянскаму або царкоўнаму імя літоўскае гучанне. Напрыклад: *Vytautas (Vit), Альгерд (Аляксандра), Кейстут (Канстанцін)*. Імя Міндоўг, паводле меркаванняў філолага В. Юргевіча, таксама славянскае, атрымана ад памяншальна-ласкавага *Менця (Дзяменцій)*. *Міндоўг* нарадзіўся і жыў на землях сучаснай Беларусі. Паміж Наваградкам і Пінскам знаходзілася ягоная «краіна». Верагодна, быў ён нашчадкам полацкага князя Расціслава Рагвалодавіча. Менавіта паходжаннем з дынастыі Рагвалодавічаў можна растлумачыць, чаму Міндоўга абралі наваградскім князем, а ягонага братаніча (пляменніка па брату) Таўцівіла — полацкім князем» [8]. У свядомасці нашых продкаў жыло перакананне, што лёс чалавека пэўным чынам абумоўлены значэннем яго імя. У кантэксце навукова-папулярных твораў нярэдка ажывае гэтае даўняе ўяўленне. У апавяданні А. Бензерука «Землі і справы Боны» адзначаецца: «Нездарма імя ў каралевы *Бона* (што значыць “*добрая*”), невыпадкава яна *Сфорца* (“*моцная*”)! Вялікія ў яе ўладанні. Раскінутыя яны ад Жмудзі да Палесся. Шмат трэба сіл, каб гаспадарыць на такіх абшарах. Трэба да людзей з добрым словам звяртацца, каб яны працавалі лепш» [9]. Некаторыя манархі і прадстаўнікі слаўтых шляхетных родаў увайшлі ў гісторыю пад прызваннямі-мянушкамі. Так, прызванне польскага караля, з аднаго боку, адпавядала яго фізічнай моцы, а з другога — было супрацьлеглае ўнутранай сутнасці манарха, у якога адсутнічала рэальная палітычная сіла: «Кіраваў Рэччу Паспалітай кароль Аўгуст *Моцны*, які нездарма меў такую мянушку: голымі рукамі гнуў і ламаў медзякі! А краіну трымаць у руках не мог! Бо жыў часцей у роднай Германіі, чым у Беларусі ці Польшчы» [10]. У зборніку «Таямніцы Мірскага замка» А. Бутэвіч акрэслівае гісторыю мянушак слаўтых Радзівілаў: «Кажуць, што знакамітая мянушка *Сіротка* прыліпла да Мікалая Крыштофа Радзівіла з лёгкай рукі караля. Калі ў польскай сталіцы Кракаве пышна адзначалі шлюб караля Жыгімонта і Барбары Радзівіл, сярод гасцей быў стрыечны брат Барбары Мікалай Радзівіл Чорны. Бацькі ўзялі з сабой на вяселле двухгадовага Мікалая. Ён ціхенька спаў у сваім ложку. А калі прачнуўся, нікога побач не аказалася. Княжыч заплакаў. Тут і заўважыў яго кароль. Пачаў суцяшаць, казаў нешта ласкавае. Называў бедным *сіроткам*, пакінутым усімі. Гэта ўпала ў вушы слугам, якія падхапілі пачутае слоўца. Так на ўсё жыццё і замацавалася за князем мянушка, якая стала часткай прозвішча» [11].

Заклучэнне. Навукова-папулярная літаратура сучасных беларускіх аўтараў вызначаецца стылістычна матываваным ужываннем анамастычных адзінак, якія перадаюць адметнасць матэрыяльнай і духоўнай культуры нашых продкаў. Найважнейшымі рысамі анамастычнай прасторы твораў пісьменнікаў-краязнаўцаў з’яўляецца шырокае выкарыстанне імёнаў рэальных гістарычных асоб, а таксама адпаведнасць сэнсавай нагрукі і формы найменняў герояў словаўтваральным тыпам і мадэлям антрапонімаў адпаведнага гістарычнага перыяду. Значнае месца ў анамастычнай прасторы твораў займаюць «фонавыя» онімы. Пры гэтым пісьменнікі паспяхова выкарыстоўваюць прыём актуалізацыі этымалагічнага значэння насычаных нацыянальна-культурнай інфармацыяй онімаў розных разрадаў.

Спіс цытуемых крыніц

1. Бутэвіч А. Таямніцы Мірскага замка : падарожжа па сівых мурах з Адамам Міцкевічам. Мінск : ЛіМ, 2011. 118 с.
2. Бензарук А. Свята для сэрца: невялікія гісторыі для юных беларусаў. Мінск : ЛіМ, 2009. 150 с.
3. Там жа. С. 27.
4. Каско А. Горад з Белаю вежаю // Бярозка : вершы, апавяданні, эсэ : для сярэд. шк. узросту / уклад У. В. Мароз. Мінск : Маст. літ, 2003. С. 187—193.
5. Бутэвіч А. Таямніцы Мірскага замка : падарожжа па сівых мурах з Адамам Міцкевічам. С. 13.
6. Каско А. Горад з Белаю вежаю. С. 200.
7. Чаропка В. Імя ў летапісе. Мінск : Полымя, 1994. 559 с.
8. Там жа. С. 99.
9. Бензарук А. Свята для сэрца: невялікія гісторыі для юных беларусаў. С. 6.
10. Там жа. С. 76.
11. Бутэвіч А. Таямніцы Мірскага замка : падарожжа па сівых мурах з Адамам Міцкевічам. С. 107—108.

ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО МИФА

Введение. Миф является особым способом познания действительности с момента появления. Человек познавал через него окружающий мир, других людей, непознанную и загадочную природу. Неудивительно, что практически все неразгаданные человеком тайны являются по большей своей части мифологизированными.

С наступлением эпохи романтизма, когда впервые писатель становится не просто творцом произведения, а личностью со своими индивидуальными особенностями и мировоззрением, сведения об авторе приобретают статус загадки и зачастую мифологизируются. Биография становится не датированным фактом, а своего рода художественным фактом.

Основная часть. Миф — раннее «особое состояние сознания, исторически и культурно обусловленное» [1, с. 169], послужившее основой для дальнейшего развития науки, искусства, философии, религии и литературы. Миф — не только основа устной и письменной литературы, но и источник сюжетов, мотивов, образов. Со временем «мифологические модели и стереотипы становятся средством художественной организации литературного материала, а также основой поэтического мифотворчества, в том числе авторских мифов» [2, с. 3]. Позже миф становится эстетическим феноменом, особой формой выражения в литературе и искусстве.

В эпоху Романтизма, которая впервые в литературе ставит вопрос об авторе и его определяющей роли в создании произведения, биографические сведения о художнике начинают вызывать особый интерес. Именно в эпоху Романтизма «мифологическая модель становится основой не только для поэтического, но и для биографического мифотворчества» [3]. Мифологизирование постепенно выходит за пределы художественного творчества. Биография всё чаще становится актом, сопричастным творению, она определяется не исторически выверенным фактом, а искусственно созданным образом. Жизнь автора уподобляется художественному материалу, становясь своеобразным рассказом, повестью, романом. Автор становится героем, а его реальная биография — вымышленной. Она эстетизируется и превращается в легенду.

Первоначально противопоставление реальной биографии и биографии выдуманной было обозначено понятием «биографическая легенда». Термин «биографический миф» был употреблён в литературоведении только в 70-е гг. XX в. В отличие от «биографической легенды», существующей «в одной плоскости словесного» и первоначально рождённой «как повествование, рассказ» [4, с. 332], «биографический миф», как и любой миф, «не может быть измышлён или сочинён: он рождается через претерпевание» [5]. Исследователь О. Э. Никитина отмечает, что биографический миф «всегда имеет материальное воплощение в действии, будь то собственно творческий акт или поступок творческой личности. Сочинённая самим автором или аудиторией история его жизни, не имеющая точек соприкосновения с реальностью, будет лишь письменным или устным произведением словесного искусства, но никогда не получит статус мифа» [6].

В современном литературоведении принято различать автобиографический и биографический мифы. Основанием деления на данные виды служит степень участия писателя в мифологизации собственной жизни. Реализация автобиографического мифа подразумевает соответствие жизни и творчества конкретной писательской концепции, которая обычно формируется в начале творческого пути. Именно она и является базой автобиографического мифа, жизнь и творчество здесь — всего лишь способ проявления этой концепции. Значит, автобиографический миф — «исходная сюжетная модель, получившая в сознании автора онтологический статус, рассматриваемая им как схема собственной судьбы и постоянно соотносимая со всеми событиями его жизни, а также получающая многообразные трансформации в его художественном мире» [7, с. 7]. Писатель, «творящий миф о себе, создаёт (не пишет!) на протяжении всей своей жизни некое особое произведение, главным героем которого является он сам. Собственно миф используется поэтом как средство художественной организации материала, т. е. в том же качестве, в котором его использует литература. В этом смысле автобиографический миф можно рассматривать как <...> подлинно художественное произведение наряду с другими произведениями поэта. Однако существует этот “роман” как устное произведение и письменно нигде не фиксируется в полном объёме. Устойчивость автобиографического мифа во многом определяется стремлением поэта оттолкнуться от того мифа, который он о себе создал. Попытка поэта разрушить этот миф и предложить публике новый образ самого себя, как правило, обречена на неудачу» [8]. Автобиографических мифов писателей о самом себе существует мало, так как затруднительно всегда следовать одной и той же чётко заданной концепции жизни и творчества.

Биографический миф «сознательно или бессознательно может быть спровоцирован автором (его творчеством, образом жизни, имиджем)» [9]. В отличие от автобиографического мифа, который сознательно поддерживается писателем до конца жизни, биографический миф подразумевает некое «соавторство» многих людей — биографов, критиков, друзей творца, его близких и родственников, наконец, самой аудитории и др. Следовательно, биографический миф — намного шире автобиографического.

Биографический миф, определяемый творчеством и имиджем писателя, бытует в сознании аудитории как стереотипное представление о нём, «сформированное из субъективных оценок его личности и творчества различными группами реципиентов и отвечающее определённым запросам массовой аудитории. В этом смысле биографический миф соответствует определению мифа, сформулированному Е. М. Мелетинским, который предлагал понимать миф как “некую ёмкую форму или структуру, которая способна воплотить наиболее фундаментальные черты человеческого мышления и социального поведения, а также художественной практики”» [10].

Возникновение биографического мифа не всегда связано с целенаправленной деятельностью писателя. Но в основе мифа неизменно находится тот образ автора, который был определён его творчеством и творческим поведением. Этот образ может изменяться в процессе художественного осмысления, подвергаться различным деформациям, но именно авторское формирование мифа будет являться его устойчивым началом. Поэтому писатель становится героем биографического мифа.

Вместе с тем образ автора, представленный в тексте, не равен реальному лицу, которое и создаёт это произведение. В произведении представлена не реальная, научно выверенная информация автора о себе самом, а идеализированная и преобразованная в художественных целях, даже если элементы художественной биографии писателя являются по преимуществу достоверными. И одновременно с этим «образ автора является некой объективной сущностью, которая так или иначе оказывается запечатлённой в его творчестве» [11].

Исследователь О. Э. Никитина предлагает разделять в представлениях об авторе две составляющие: образ автора, складывающийся из основных черт его творчества, и образ автора, складывающийся из творческого поведения. Поскольку творческое поведение автора реально и является отражением лишь ограниченных фрагментов писательской личности, которые он хочет показывать своим читателям, то только максимальное соответствие творчества и творческого поведения ведёт к появлению биографического мифа. При этом не следует забывать, что различное восприятие разными людьми одного и того же события также является источником мифологизации биографии реального человека.

В лирике наблюдается самая тесная связь между личностью автора и лирическим героем. Для лирического героя присущи схожие физиологические и психологические черты автора, однако он никогда не будет являться равным биографическому автору. Лирический герой лишь наполняет биографическую личность автора определённой идеей и соответствующим содержанием. Но зачастую лирический герой в сознании читателя становится неотделимым от реальной фигуры поэта, одним из источников возникновения биографического мифа.

В дальнейшем биографический миф может трансформироваться: дополняться, обрастать новыми фактами, но может происходить обратное — факты из жизни могут не прижиться в сознании реципиента и с течением времени стать забытыми. Писатель может поддерживать миф о себе, игнорировать его или вступать с ним в противоборство. Биографический миф со временем может измениться, оказаться невостребованным, но полностью разрушить его невозможно.

Заключение. Понятие биографического мифа существует в литературоведении с 70-х гг. XX в. До этого времени история жизни автора, придуманная им самим или же его читателями, называлась биографической легендой. Принято разделять биографический и автобиографический мифы. Автобиографический миф обычно создаётся писателем и соответствует определённой авторской концепции. Биографический миф — понятие более широкое, так как он обычно создается критиками, окружением писателя, его читателями. Автор может придерживаться биографического мифа о себе, пренебрегать им или же вступать с ним в конфронтацию.

Список цитируемых источников

1. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М. : Агаф, 1997. 384 с.
2. Никитина О. Э. Биографический миф как литературоведческая проблема (на материале русского рока) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08. Тверь, 2006. 309 с.
3. Там же. С. 5.
4. Виролайн М. Н. Культурный герой нового времени // Легенды и мифы о Пушкине : сб. ст. / под ред. М. Н. Виролайн. СПб. : Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) : РАН : Академ. проект, 1999. 349 с.
5. Там же. С. 332.
6. Никитина О. Э. Биографический миф как литературоведческая проблема (на материале русского рока). С. 7.
7. Магомедова Д. М. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. М., 1998. 50 с.
8. Виролайн М. Н. Культурный герой нового времени. С. 9.
9. Там же.
10. Никитина О. Э. Биографический миф как литературоведческая проблема (на материале русского рока). С. 7.
11. Виролайн М. Н. Культурный герой нового времени. С. 47.

ЧИСЛО КАК ГРАНИЦА ФАНТАСТИЧЕСКОГО И РЕАЛЬНОГО В СКАЗКАХ О. М. СОМОВА

Введение. Орест Михайлович Сомов внёс значительный вклад в развитие русской литературы, одним из первых исследовав такое литературное явление, как романтизм, оставаясь при этом идейным классицистом. Одним из его принципов было гармоничное объединение двух литературных направлений: классицизма и романтизма, уравновешенных друг другом в их основных чертах.

Для О. М. Сомова основным ориентиром качества языка произведений, источником их тематики была простая народная речь, обычаи, традиции, мифология и быт русских людей, которые находились в неразрывной связи между собой, составляя при этом неповторимое богатство национальной культуры. Родившись и получив образование на территории нынешней Украины (в те времена — Малороссии), О. М. Сомов был тесно знаком с фольклором украинского народа, поэтому когда он продолжил свою литературную и редакторскую деятельность в Санкт-Петербурге, то использовал свой прежний опыт в целях красочного воссоздания образа жизни и мыслей людей из украинской глубинки.

Тонкое и поэтическое воспроизведение О. М. Сомовым самосознания народа, отражённого в его поверьях, обычаях и преданиях, повлияло на творчество Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина и, хотя не привело к революции в литературе, но заложило основу для развития русской народно-романтической традиции.

Одними из самых значительных художественных произведений О. М. Сомова являются его «Малороссийские были и небылицы», которые в большинстве своём основаны на собранных им фольклорных материалах и представляют собой фантастические повести и сказки о жизни простых крестьян.

В данной статье мы рассмотрим роль чисел в художественном пространстве сказочных произведений О. М. Сомова с точки зрения стилистического и композиционного своеобразия.

Основная часть. Характерной чертой сказочного мира О. М. Сомова является его «достоверность», обусловленная бытовым языком повествования, а также разделением художественного пространства на уровень реальный, где расположен персонаж-рассказчик, или персонаж-очевидец, и фантастический, где разворачиваются невероятные события. Если же персонаж-рассказчик отсутствует, то обязательно «включается» система слухов, которые всегда находят своё подтверждение в развитии событий, тем самым превращая фантастические события в реальные.

Таким образом, сказочная линия, заявленная в начале повествования как вымышленная или мифологизированная, к развязке произведения занимает своё место как реальная, вписываясь в повседневную жизнь его персонажей. В этой закономерности возникает своего рода противопоставление вымышленного и реального в рамках одного художественного пространства с дальнейшим слиянием этих двух начал. Это явление можно объяснить и тем фактом, что для типичного персонажа сказки О. М. Сомова — простого жителя украинского хутора с его трудностями и заботами повседневной жизни — грани реальности размыты.

Данное разделение отражено и в числовом языке сказок О. М. Сомова. Выражается оно в представлении реального плана повествования «биографическими числами», выходящими за пределы десятка, но в то же время не являющимися круглыми. За единичными исключениями данные числа обозначают возраст героев или большой промежуток времени, исчисляемый годами. Можно предположить, что введение таких возрастных ориентиров в жанр сказки несёт в себе определённую символику, свойственную конкретным числовым обозначениям, но стоит обратить внимание и на тот факт, что из всего представленного их разнообразия во всех произведениях, объединённых серией «Малороссийских былей и небылиц», нет ни одних повторяющихся чисел (в отличие от простых, которые будут рассмотрены ниже).

В художественном пространстве сказок данные числа фигурируют в двух случаях. В первом — они выступают точкой отсчёта начала невероятных событий, обозначаемых рассказчиком. Так, в рассказе «Кикимора» крестьянин, повстречавшийся на пути барину, начинает свою невероятную историю с обозначения периода происходящего, ориентируясь на свой возраст: «...В те поры был я ещё мальчишкой, не больно велик, годов о двенадцати» [1]. В сказке «Оборотень» герой-рассказчик после предисловия, в котором он стремится убедить читателя в правдивости своих слов, начинает повествование со следующего указания: «Ермолай сроду не был женат, но лет за пятнадцать до того времени, в которое мы с ним знакомимся, взял он к себе приёмыш» [2]. Для перечисленных примеров характерно числовое описание, композиционно расположенное в начале сказок, и поэтому может служить частью зачина произведения. В этом случае отдельные числа следует рассматривать и с точки зрения символической наполненности, отсылаясь не только к фольклорной традиции, но и к романтической, также оказавшей влияние на автора произведений.

Однако во втором случае выдержки из сказок скорее отвлекают от фантастических событий, представленных во всей широте описания. Так, в сказке «Киевские ведьмы» прошло немало времени, прежде чем главный герой, застигнув свою на первый взгляд простую жену за колдовством и посещением шабашей, требует её объяснений. Своё оправдание провинившаяся супруга начинает с биографического отступления: «Не я виновата, мать моя всему

виною: она неволей отвела меня на шабаш, неволей обрекла в ведьмы и вымучила из меня страшную клятву... Мне было тогда ещё четырнадцать лет» [3]. Композиционно этот монолог представляет собой начало развязки произведения, по сюжету возвращая впечатление главного героя с неожиданных сказочных событий на привычный повседневный уровень. В рассказе «Кикимора» возрастная характеристика, наряду с оценочной (напомним, рассказчик — один из персонажей произведения), приводится в одном из самых напряжённых моментов повествования, тем самым наделяя иронической окраской то значение, которое придаётся колдовскому обряду. Один из участников этого обряда начинает сомневаться в его целесообразности и уточняющими вопросами отвлекает остальных: «Как же этому можно быть, бабушка? — спросил середний внук Панкратов, молодой парень лет семнадцати и, к слову сказать, большой зубоскал. — Ведь что чет, что пара — всё равно!» [4].

Исходя из этих примеров, можно сделать вывод, что число в них является не столько отдельным символом, сколько одним из средств в достижении эффекта столкновения двух пластов реальности в художественном пространстве сказок: фантастического и бытового. Но если говорить о двух пластах реальности, то следует обратиться и к фантастической стороне повествования — к роли числа в данной области художественного пространства. В рамках данной статьи нет цели исследовать символику рассматриваемых чисел, обозначим только общие закономерности их введения в текст. Первое, что следует отметить, это наличие устойчивого пласта чисел «2», «3» и «4» в тех сюжетных элементах, где присутствует описание какого-либо обряда: «Возьмите старую метлу, метите ею в избе, в светлице, в сенях, на потолке под крышей и приговаривайте до трёх раз... Да трижды перебросьте горсть земли чрез плечо из сеней к дровням, да трижды сплюньте...» [5]; а также в системе «групповых» персонажей, которая очень распространена в народных сказках: «И то правда, что у них своя семья была большая: двое сыновей да трое внуков женатых, да двое внуков подростков, да маленькая внучка, любимица бабушки...» [6].

Автор использует мотив троичности не только как фольклорный элемент, но и с ярко выраженной христианской, а также романтической символикой: «Стоит среди кладбища за селом большая часовня; на часовне три креста... В этой могиле похоронены три дочки казака Никиты...»; «...И пусть не будет добра ни на сём свете, ни в будущем злему человеку, который змеиным своим глазом иссушил и извёл три прекрасные цветка, свежие и пышные!» [7]. Но чаще всего числа «2», «3» и «4» встречаются в эпизодах, обозначающих небольшой промежуток времени, актуальный на момент совершения колдовства или в пределах фантастических событий: «В эти трое суток, от воскресенья до среды, Кикимора, видно почуяв, что ей не ужиться дольше в том доме, шалила и проказила пуще прежнего» [8]. В приведённом отрывке также есть указание на документальность (конкретные дни недели), однако троичность, которая в рамках сказки по своему количеству превратилась в мотив, указывает именно на символическую наполненность, относящуюся к миру фантастического, а не реального.

Заключение. Число, являясь одним из художественных ресурсов в сказках О. М. Сомова, в рамках одного и того же текста может играть противоположную роль. В данной статье приведены наиболее показательные примеры употребления числа, которые можно разделить на две основные группы — это числа из области фантастической реальности сказок, несущие в своей семантике максимум символизма, трактовка которого зависит от контекста сказки; а также числа, которые указывают на бытовой план повествования, по характеру противоположный фантастическому, тем самым усиливающие эффект фантастики в сюжете произведения. Сами числа не оказывают ключевого влияния на разделение художественного пространства сказки, однако активно участвуют в данном разграничении мира повседневности и мира сказочности, являясь одним из ярких ориентиров для каждого из них.

Список цитируемых источников

1. Сомов О. М. Кикимора. URL: <http://somov.lit-info.ru/somov/proza/kikimora.htm> (дата обращения: 24.02.2016).
2. Сомов О. М. Оборотень. URL: <http://somov.lit-info.ru/somov/proza/oboroten-narodnaya-skazka.htm> (дата обращения: 24.02.2016).
3. Сомов О. М. Киевские ведьмы. URL: <http://somov.lit-info.ru/somov/proza/kyevskie-vedmy.htm> (дата обращения: 24.02.2016).
4. Сомов О. М. Кикимора.
5. Там же.
6. Там же.
7. Сомов О. М. Недобрый глаз. URL: <http://somov.lit-info.ru/somov/proza/nedobryj-glaz.htm> (дата обращения: 24.02.2016).
8. Сомов О. М. Кикимора.

УДК 801.8

А. А. Турноўская

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

ПОСТАЦЬ ВЯЛКАГА КНЯЗЯ ВІТАЎТА Ў ЛЕГЕНДАХ І ПАДАННЯХ

Уводзіны. Даследчык З. Скварчэўскі разглядае постаць Вітаўта ў дыскурсе міфалагічнай свядомасці беларусаў.

Веды пра мінулае, тыя пласты культуры, якія ў іх увасоблены і за імі хаваюцца, не дазваляюць перапыніцца духоўнай сувязі часоў. І ў гэтым, мабыць, асноўная роля гістарычнай памяці. Гістарычны вобраз заўсёды выступае

выдатным прыкладам, звязаным, у першую чаргу, з нацыянальнай гісторыяй, народнымі традыцыямі і гуманістычным светапоглядам. У гэтым і ёсць яго галоўная каштоўная роля.

Асноўная частка. Вобраз Вітаўта імкліва міфалагізаваўся яшчэ пры жыцці, вакол яго імя пачынаюць складацца розныя тэксты, задуманыя як апраўданне ўнутранай і знешняй палітыкі князя («Летапіс вялікіх князёў літоўскіх», «Пахвала вялікаму князю Вітаўту» і інш.) [1, с. 63—65]. Услаўленне ўладара ў дадзеных творах было шчыльна звязана з бягучымі палітычнымі справамі ў дзяржаве.

Паданне «Вітаўт», напісанае на Смаленшчыне, займае адметнае становішча сярод іншых паданняў. Менавіта ў ім адлюстравана не толькі жыццё і ўладаранне князя, але і паказана, якім чынам князь атрымаў уладу [2, с. 103]:

«Быў у Польшчы кароль-багатыр, ды памёр. Як караля абабраць, адкедава? Вот што ўздумалі яны, усё начальства:

— Акапіруем мы лошадзь багатырскую (прэжняга караля) у сядло і паложым меч і острыя копія і пусцім яго лошадзь у свет і будзем за ёю ўслед слядзіць, ідзе яна сабе абярэць ездака — таго крулем прызнаем.

Слядзілі за лошаддзю, услед ехалі, а яе пусцілі, два месяцы за ёю слядзілі. Прыходзіць лошадзь у дзярэўню і пайшла прама з дзярэўні на гумно, і віў там старык абрыўкі за авінам. Лошадзь как ішла, пала перад старыком на калена. І падходзюць слядзіцелі ўслед за лошаддзю: стаіць лошадзь на каленках.

Ну, яны казалі:

— Ты наш круль-цар, цябе прызнала лошадзь і мы. Як ты абрыўкі віў, будзь круль Вітаўт.

Садзіўся ён на лошадзь, адпраўляўся ў каралеўства, к царскаму дому. Присягнула Польшча каралю Вітаўту...» [3, с. 378].

Прыведзены фрагмент апісвае прыход князя да ўлады, паралелі якому можна адшукаць у міфах іншых індаеўрапейскіх народаў: іранскі міф аб прыходзе да ўлады цара Дарыя, грэчаскі міф аб Пелопсе і інш. [4, с. 104]. Дадзеныя міфы звязаныя з уяўленнямі аб кані, які з'яўляецца вешчуном багоў і дае знак на атрыманне каралеўскай улады. Менавіта паводзіны каня ў старажытных міфах і паданнях вызначалі прыняцце тых ці іншых рашэнняў [5, с. 85]. Апісаны ў паданні рытуал узыходжання на пасад новага валадара цалкам адпавядае добра вядомаму ў індыйскіх арыяў рытуалу ашвамэдхі, у часе выканання якога цар крочыць за выпушчаным белым канём і гэтым сведчыць сваю ўладу над усімі землямі, куды прыйдзе конь. Пасля таго, як конь абыходзіў усё царства, ён прыносіўся ў ахвяру [6, с. 83—84].

Такі звычай быў зафіксаваны ў горадзе Радзігошч біскупам Цітмарам: «...яны (святары) з трапятаннем капаюць зямлю і, кінуўшы жэрабя, пазнаюць ісціну ў справах, якія выклікаюць сумненне. Скончыўшы гэта, яны пакрываюць жэрабя злёным дзірваном і, уторкнуўшы ў зямлю крыж-накрыж дзве востраканцовыя дзіды, з пакорлівым паслухмянствам праводзяць скрозь іх каня, які лічыцца найбольшым сярод іншых і таму шануецца, як святы; не зважаючы на кінуты ўжо жэрабя, які яны назіралі раней, праз гэтую, нібыта боскую жывёліну, яны ў другі раз праводзяць варажбу. І калі ў першым і другім выпадку будзе аднолькавым прадвесце, тады задуманая справа праводзіцца ў выкананне, а калі не, дык народ з жалем адмаўляецца ад задуманага...» [7, с. 103].

Дзіды як сродак варажбы з'яўляюцца не толькі сімваламі каралеўскай годнасці, атрабутамі ваяра і палкаводца, але і атрыбутамі, з дапамогай якіх вызначалі боскую волю. Новы гаспадар мог атрымаць іх толькі ў тым выпадку, калі сакральная жывёліна (у дадзеным выпадку конь папярэдняга ўладара) прынясе новаму гаспадару сімвалы ўлады [8].

Сакральнасць моманту абрання падкрэслівае і месца, дзе яно адбылося: «Прыходзіць лошадзь у дзярэўню і пайшла прама з дзярэўні на гумно, і віў там старык абрыўкі за авінам» [9]. Гумно ў традыцыйных уяўленнях часам магло набываць статус святога месца. Згодна з паданнем, запісаным А. Сержпутоўскім, чалавек лічыўся «святым», калі не наведваў царкву, не маліўся там, а маліўся ў гумне [10, с. 175—177].

«Абранне канём» — гэта першы і асноўны рытуал ініцыяцыі караля, падчас якога ён набывае сакральны статус. Другі этап — прысяга — з'яўляецца другасным і мае свецкі характар. Ён фармальна замацоўвае ўладу новага караля («Присягнула Польшча каралю Вітаўту» [11]), бо каралём яго называюць пасля першага рытуалу: «Ты наш круль-цар, цябе прызнала лошадзь і мы» [12, с. 104]. У паданні «Вітаўт» формула абрання караля носіць дваісты характар: сакральны («цябе прызнала лошадзь») і свецкі («і мы»). Такім чынам, людзі падпарадкоўваюцца Вітаўту, прызнаючы вышэйшую волю, якую швабляе конь.

На думку Э. Зайкоўскага, нельга згаджацца з меркаваннем, што народ не любіў сваіх палкаводцаў або князёў і не ўслаўляў іх перамогі, «што ўзвелічэнне іх — выключна справа пазнейшых нацыяналістычных фальсіфікатаў». У Рэчы Паспалітай і Вялікім Княстве Літоўскім пасля смерці чарговага ўладара ніколі не праводзіўся комплекс перайменаванняў адміністрацыйным шляхам, тагачасныя службовыя дзеячы пакідалі спрадвечныя назвы мясцін і другіх мікратапонімаў (назваў узгоркаў, балот, дрэў і інш.). Таму ніхто не мог прымусіць людзей назваць пэўны аб'ект ці месца імем ненавіснага імі ўладара. Прыжываліся ў назвах толькі імёны сапраўды паважаных дзеячаў, якія пакінулі значны след у гісторыі дадзенага краю. Разам з гэтым можна гаварыць пра ўвекавечанне герояў у легендах [13, с. 193—195].

Вельмі актыўнае і насычанае падзеямі княжанне Вітаўта пакінула свой след у народнай памяці праз захаванне шматлікіх тапонімаў і мікратапонімаў, звязаных з імем Вітаўта, ды праз паданні, якія тлумачаць з'яўленне гэтых тапонімаў. Ад імя Вітаўта паходзяць назвы пагоркаў, шляхоў, палёў, мастоў, калодзежаў, камянёў, дрэваў і г. д. Амаль усе паданні звязваюць з'яўленне падобных назваў з вайскавай дзейнасцю князя. Верагоднасць гэтых фактаў адзначалі ў сваіх працах першыя даследчыкі «Вітаўтавых тапонімаў» — Г. Татур, Я. Тышкевіч, П. Шпілёўскі [14].

Шырока вядомыя на беларускай тэрыторыі і яе памежжы тапонімы кшталту «Вітаўтава гара». Пад 1605 г. узгадваецца ўрочышча «Вітаўтавая Гара» ля Трокаў [15].

Пра існаванне пагорка Вітагор'е ля в. Лошніца Барысаўскага р-на пісаў П. Шпілеўскі, прычым ён запісаў і паданне, якое тлумачыць назву пагорка. Паводле падання, нейкі старажытны князь Віт (ці паводле іншых звестках Віток) праходзіў са шматлікім войскам праз лясы цяперашняй Лошніцы, патрапіўшы ўначы ў моцную буру, загадаў ваярам расчысціць лес і ўладзіць начлег на высокай гары каля ручая. Ваяры выкапалі на вяршыні гары яму, якую абклалі скурамі і такім чынам зрабілі для Віта ложак, у памяць чаго гару назвалі Ложніцай, а ручай, ці рэчку, — Ложай. Старажылы паказалі П. Шпілеўскаму месца начлега Віта на гары, за могілкамі, якая таксама мела назву Вітагор'е. Даследчык пагаджаецца, што гэтае паданне можа мець рэальны падмурак, бо паход Вітаўта з Вільні на Оршу супраць Свідрыгайлы ў 1395 г. не мог не праходзіць праз тэрыторыю Барысаўскага павета [16, с. 162].

Каля в. Масалаі, якая належыць Л. Радзівілу, знаходзіцца студня невялікага памераў, якую і сёння называюць Вітавай студняй. Яна была выкапана спецыяльна для караля Віта для палуднавання ў час паходу. Жыхары вёскі захоўваюць паданне, нібыта іх продкі з такой нагоды падарылі каралю і войску некалькі быкоў. Кароль Віт у якасці падзякі за гасцінец даў граматы, ці прывілей, згодна з якой яны атрымалі стан вольных землеў. Гэтай граматай мясцовыя жыхары карысталіся некалькі стагоддзяў, а калі дакумент выпадкова згарэў, іх зрабілі прыгоннымі [17]. Як зазначыў гісторык, этнограф і краязнавец Я. Тышкевіч у 1847 г., «жыхары гэтай вёскі ад традыцый не адступаюць і ўхіляюцца ад выканання сваіх абавязкаў князю» [18, с. 42—44]. Дадзены факт сведчыць аб тым, што ў гістарычнай памяці народа вялікі князь Вітаўт захаваўся як справядлівы і мудры кіраўнік.

Назву, звязаную з імем Вітаўта, носіць і дарога на Крупшчыне, так званая Вітаўка, ці Вітава дарога. Першыя згадкі пра яе адносяцца да 1395 г., калі князь ішоў са сваім войскам на Оршу і Смаленск. Згодна з паданнямі дарога была пракладзена Вітаўтам, але гэтаму супярэчыць хуткасць яго паходаў. Немагчыма, каб сам князь пракладваў дарогі ў бяскрайніх лясах і гразкіх балотах [19]. Паданне з'яўляецца сведчаннем становага адносінах народа да вялікага князя. Як нічога іншага, вялікі князь Вітаўт пакінуў шматлікія сляды ў народнай памяці. І вельмі характэрна, што ў паданні ён называецца каралём.

Таксама неаднаразова сутракаюцца назвы мастоў, звязаных з імем Вітаўта. У 1629 г. узгадваецца «Вітаўтаў мост» на р. Цне недалёка ад Мінска: «од бывшого мосту на той речыце Цне, прозываемого Великого Вителтового...» [20, с. 120]. Вядомае яшчэ ўрочышча «Вітаў мост» каля в. Кляннік Смалявіцкага р-на [21, с. 196]. Ёсць звесткі аб тым, што Вітавым людзі называюць стары мост праз самую высохлую раку недзе на Вілейшчыне [22].

Звязанне мастоў і перапраў з імем Вітаўта падаецца невыпадковым не толькі таму, што вайсковыя пераправы патрабуюць будаўніцтва такога кшталту. Мост у міфапаэтычнай карціне свету суадносіцца з паняццем пераходу ў «іншасвет», у новы сацыяльны статус [23].

Заклучэнне. Па колькасці прысвечаных тапонімаў Вітаўт займае першае месца сярод іншых знакамітых асоб беларускай гісторыі. У мікратапаніміі і тапанімічных паданнях адбілася стаўленне народа да гісторыі Беларусі. У народнай памяці зафіксаваліся тыя дзеячы, якія не толькі пры жыцці, але і праз шмат пакаленняў згадваліся з павагаю і якія сапраўды пакінулі след у гісторыі [24]. Заслугі Вітаўта адлюстраваны не толькі ў афіцыйных гістарычных крыніцах, такіх як летапісы і хронікі, але ў першую чаргу ў народнай памяці праз паданні, міфы і тапанімічныя назвы.

Спіс цытуемых крыніц

1. Чамярыцкі В. Сведкі нашай мінуўшчыны. Беларускія летапісы і хронікі. Мн. : Беларус. кнігазбор, 1997. С. 63—65.
2. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией для разбора древних актов. Т. XXXI. Вильна, 1906.
3. Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. 378 с.
4. Scriptores rerum Prussicarum. Bd. 5. I Leipzig, 1874.
5. Прохараў А. Вітаўт // Беларус. міфалогія : энцыклапед. сл. Мінск : Беларусь, 2006. 599 с.
6. Прохараў А. Вітаўт // Міфалогія беларусаў : энцыклапед. сл. Мінск : Беларусь, 2011. 607 с.
7. Мерзебургский Т. Хроника / пер. с лат. И. В. Дьяконова. М. : Рус. панорама, 2005. 254 с.
8. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией для разбора древних актов. С. 104.
9. Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. С. 378.
10. Сержпутоўскі А. К. Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў. Мінск : Універсітэцкае, 1999. 291 с.
11. Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. С. 378.
12. Druvis. Мн. : KRYUJA. 2011. № 3. С. 161.
13. Гісторыка-краязнаўчы альманах Друцка-Бярэзінскага краю / пад агул. рэд. А. Аляхновіча. Мінск, 2009. 239 с.
14. Шпилевский П. М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. Минск : Беларусь, 2004. 251 с.
15. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией для разбора древних актов. С. 290—291.
16. Töppen M. Geschichte der Preussischen Historiographie von P. v. Dusburg bis auf K. Schütz. Berlin, 1853.
17. Гісторыка-краязнаўчы альманах Друцка-Бярэзінскага краю. С. 180—181.
18. Tyszkewicz J. Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno : Druk. A. Marciniowskiego, 1847. 489 s.
19. Гісторыка-краязнаўчы альманах Друцка-Бярэзінскага краю. С. 12.
20. Менскія акты // Беларускі архіў. Вып. 1. Мінск, 1931.
21. Зайкоўскі Э. Беларусы ведалі сваіх герояў // Спадчына. 1995. № 2. С. 25—28.
22. Гісторыка-краязнаўчы альманах Друцка-Бярэзінскага краю. С. 27.
23. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией для разбора древних актов. С. 108.
24. Гісторыка-краязнаўчы альманах Друцка-Бярэзінскага краю. С. 200.

ЧАСТОТНЫЕ СЛОВАРИ И ПРИНЦИПЫ ИХ СОСТАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ)

Введение. При изучении иностранного языка важно владеть информацией о повторяемости языковых единиц этого языка. Учёными было доказано, что в английском языке примерно в 90% письменного текста встречается от четырёх до пяти тысяч наиболее часто употребляемых слов. То же самое можно сказать и про устную речь. Очевидно, что данная информация будет полезна при работе с лексикой изучаемого языка. Рационально учить те слова, которые наиболее часто возможно услышать или прочитать в повседневных ситуациях. Узнать, как часто употребляется конкретное слово, можно в специальных лингвистических словарях, называемых частотными. На сегодня такие словари дают информацию не только об отдельных словах, но и о словосочетаниях, фразовых глаголах, идиомах.

Основная часть. Составлением, классификацией и изучением словарей занимается специальный раздел языкознания — лексикография. Существуют различные виды словарей: энциклопедические и лингвистические, общие и специальные, нормативные и дескриптивные, одноязычные и многоязычные.

Частотный словарь является новым видом специальных лингвистических словарей, который даёт информацию о частоте употребления слов. Первые словари такого рода появились во второй половине XX в. Однако не всегда частотные словари фиксируют лексику современного языка — может размещаться реестр слов определённой эпохи, лексемы определённого автора и т. п. Таким образом, необходимо быть внимательным при выборе частотного словаря. Так, например, в 1953 г. в Соединённых Штатах Америки Г. Г. Йоссельсоном был издан частотный словарь, но большая часть материала для его составления принадлежала лексемам американского варианта английского языка XIX в.

В русской лингвистической науке известен «Частотный словарь современного русского литературного языка» [1] Э. А. Штейнфельда. Основное назначение издания — определение лексического минимума, включённого в школьные учебники русского языка. Процесс создания подобного словаря в середине XX в. был достаточно трудоёмким по причине ручной обработки информации. Сегодня подобные словари составляются при помощи вычислительной техники. На стыке лингвистики и информационных технологий возникла новая наука — компьютерная лингвистика, которая включает в себя одно из актуальных направлений в языкознании XXI в. — корпусную лингвистику. Эта область лингвистики занимается составлением корпусов текстов. Одним из направлений работы является использование этих корпусов для различных целей, в том числе и для лингвистических исследований. Под корпусом текста (обычно в электронной форме) в современной лингвистике понимается набор текстов, отобранных по определённым критериям, задачам, сферам использования [2, с. 167—169].

Для составления частотного словаря анализируются корпусы текстов. В зависимости от назначения словаря могут использоваться тексты определённого языка, тексты определённой области знаний, тексты конкретного автора или конкретных его произведений. Но обычно авторы при анализе стараются одновременно охватить максимально возможное количество текстов всех стилей. Средняя частота вычисляется по принципу употребления конкретных слов среди миллиона слов корпуса.

При составлении списков частоты употребления авторы сталкиваются с некоторыми проблемами. Во-первых, на другом аналогичном корпусе текста результат может быть различным. Во-вторых, на позицию слова в списке может повлиять частота употребления слова в одном конкретном тексте. Именно поэтому данные словари дают возможность сравнения нескольких корпусов. Следовательно, это позволяет определить, какие из слов характерны для каждого из этих корпусов в отдельности.

Цель данной работы — исследовать и сравнить частотные словари, созданные для английского и русского языков.

В рамках данного исследования производилось сравнение структуры и содержания двух словарей: «Частотного словаря современного американского английского языка» (“A Frequency Dictionary of Contemporary American English”) [3] и «Частотного словаря современного русского языка» [4].

При составлении двух словарей использовались тексты национальных корпусов. В этих корпусах в электронном виде собираются тексты всех жанров на национальном языке. Интересно, что анализу подвергались не только художественные и технические тексты, но и аудиозаписи «живых» разговоров, видеозаписи телепередач. Без внимания не остались и популярные журналы, газеты и веб-страницы. Так, при составлении словарей было проанализировано более 400 млн слов.

Говоря об общей структуре, оба этих словаря дают информацию о частоте повторения слов и предоставляют список наиболее употребляемых слов. В словарях лексемы представлены несколькими способами, соответственно, составлено несколько списков слов. В связи с этим данные словари, как правило, объёмны.

Первый способ представления информации в словаре — в алфавитном порядке. Достоинство алфавитной подачи в том, что есть возможность быстрого нахождения нужного слова, рядом с каждым словом приведена средняя частота его употребления. Недостаток заключается в отсутствии разделения по частям речи.

Второй способ — частотный. Здесь список слов построен в порядке ранжирования от наибольшей к меньшей частоте использования лексем. Данный способ удобен для быстрого нахождения статистических данных и апеллирования ими в нужной ситуации. Однако, как и в первом способе, лексемы не классифицируются по частям речи.

Третий способ подачи лексикографического реестра — по частям речи. Составлены списки наиболее распространённых имён существительных, имён прилагательных, глаголов, местоимений, наречий, числительных, служебных частей речи. Сложность составления подобного типа классификации наблюдается в английском языке, так как одни и те же формы слов могут выступать как в роли имён существительных, так и прилагательных. В таких случаях подобные лексемы в роли разных частей речи характеризуются разной частотностью употребления. Очевидно, что для лингвистических целей наиболее информативным является способ подачи материала в частотном словаре согласно частям речи.

В структуре словарей имеются некоторые отличия. В словаре русского языка шире представлена классификация слов. Имеются следующие разделы: словарь наиболее значимой лексики художественной литературы, словарь наиболее значимой лексики публицистики, газетно-новостной лексики, нехудожественной литературы, устной речи. Авторы попытались учесть, что в каком-либо функциональном стиле некоторые слова употребляются в большем количестве, чем в других стилях. Например, самым значимым (типичным) словом в публицистике является существительное «год», а в художественной литературе — глагол «сказать». Частотный список составлен также и для имён собственных, аббревиатур и букв алфавита, но построены они в алфавитном порядке. Этот словарь также позволяет узнать, в каком количестве текстов встречается определённое слово. Издание также приводит статистику, что слово русского языка состоит в среднем из пяти символов, а предложение состоит в среднем из десяти слов [5].

Имеются различия и в структуре словарной статьи. В русскоязычном словаре говорится частотность слова и к какой части речи оно относится (например: *быть* — глагол — 12844.9).

В «Частотном словаре современного американского английского языка» кроме частотности употребления приводятся и слова, с которыми наиболее часто сочетается рассматриваемое слово. Чтобы реализовать это, компьютерная программа проанализировала каждый контекст, в котором употреблено необходимое слово. Но результаты компьютера всё равно были проверены несколькими носителями английского языка (например: *be* — verb — *there, if, many, able, long, always, likely, often, available* — 14338665 — 0,99).

Из примера видно, что для ранжирования слов применяют характеристики, такие как частотность (“frequency”) и дисперсия (“dispersion”). Корпусы делятся на одинаковые по размеру части. Дисперсионное значение «1» указывает, что в каждой части слово имеет одинаковую частотность. Дисперсионное значение «0,10» будет означать, что в одних частях слово встречается часто, а в других может практически не встречаться [6].

Во время анализа словарей нами было проведено сравнение частоты употребления лексем русского и английского языков. Так, при детальном изучении наиболее используемых слов разных частей речи (в частотных списках под номерами от одного до десяти) оказалось, что в английском и русском языках они практически одни и те же, например, имена существительные: *человек* — *a person*, *год* — *a year*, *время* — *time*, *жизнь* — *life*, *день* — *a day*; глаголы: *быть* — *to be*, *сказать* — *to say*, *знать* — *to know*, *идти* — *to go*, *делать* — *to do, to make*; имена прилагательные: *новый* — *new*, *хороший* — *good*, *большой* — *big*, *последний* — *last*, *маленький* — *little, small*; местоимения: *я* — *I*, *он* — *he*, *это* — *it*, *этом* — *this*; предлоги: *в* — *in*, *на* — *on*, *с* — *with*, *для* — *for*; союзы: *и* — *and*, *но* — *but*, *как* — *as*.

Внимательная работа с частотными списками показывает, что для нормального общения достаточно примерно две тысячи слов в активном словарном запасе и ещё примерно столько же в пассивном. Наиболее часто употребляемые слова создают базу для дальнейшего более глубокого и специализированного изучения языка.

Заключение. Анализ лексикографических работ показал, что лингвисты, составляющие частотные словари различных языков, имеют одну и ту же цель — дать информацию о частоте употребления слова в языке. Различия в подаче материала в словарях обусловлены замыслом авторов, стилистической окраской лексики, жанровой принадлежностью текстов и спецификой использования лексем. Частотные словари можно использовать при преподавании как родного, так и иностранного языка. Эти словари применимы также при самостоятельном изучении языков, необходимы в научно-исследовательской деятельности вопросов современного языкознания.

Список цитируемых источников

1. Штейнфельдт Э. А. Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин, 1963.
2. Яскевич А. А. Корпусная лингвистика // Энцикл. для школьников и студентов : в 12 т. Минск : Белорус. энцикл., 2009. Т. 1 : Информацион. общество. XXI век / под общ. ред. В. И. Стражева. С. 167—169.
3. Davies M. A., Gardner D. Frequency Dictionary of Contemporary American English : word sketches, collocates, and thematic lists. London : Routledge, 2010.
4. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М. : Азбуковник, 2009.
5. Там же. С. 1 065.
6. Davies M. A., Gardner D. Frequency Dictionary of Contemporary American English. P. 5.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОШИБОК В РЕЧИ РАДИОВЕДУЩЕГО

Введение. В речи радиоведущих нередко встречаются ошибки, которые традиционно называют речевыми. Они предполагают любые случаи отклонения от действующих языковых норм. Ошибки и неточности в речи радиоведущих возникают, как правило, из-за отсутствия конкретной рекомендательной литературы, призванной минимизировать, а затем и устранить употребление дефектных речевых моделей.

Чтобы предотвратить появление речевых ошибок в радиозфере, необходимо, с одной стороны, знать их лингвистическую и психологическую природу, а с другой — вырабатывать у будущих журналистов своего рода иммунитет к речевым ошибкам. Задача педагогов — предупреждать ошибки и прививать культуру речи, но важно, чтобы делалось это увлекательно, нестандартно. Мышление у молодого поколения называют «клиповым». Иначе говоря, внимание на одном материале удерживается не более пяти—десяти минут, а информация без визуального ряда усваивается с трудом. Вот почему так важно при подготовке журналистов использовать проектор и устройства вывода звука. Чтобы учащиеся «закалялись» и вырабатывали «антитела» относительно речевых ошибок, на семинарах в качестве примеров логично прослушивать тексты (из современной региональной журналистской практики), где есть нарушения языковых норм или качеств речи.

Основная часть. На одном из занятий был проведён эксперимент с использованием новостного выпуска Гродненского городского телеканала: «Первый день конкурсанты демонстрировали свои возможности в чтении и письме по системе Брайля, а также владений навыками работы на компьютере. Завтра им предстоит ходьба с тростью и социально-бытовая ориентировка. Победитель регионального этапа своего рода соревнований представит наш регион на республиканском конкурсе, который пройдёт в ноябре в Минске». Группа, работавшая над приведённым текстом, состояла из 13 студентов. Первый этап эксперимента — просмотреть новость и записать в тетрадь ошибочные структуры, имеющиеся в речи диктора. На второй стадии опыта студенты получили распечатанный текст новости, в котором продолжали искать ошибки. При первичном просмотре новости (без текста на листах) студенты смогли отметить в речи журналиста не более четырёх ошибок (3 человека), три ошибки — 1 человек, две ошибки — 5, одну ошибку — 4 человека. Всего в тексте было 12 нарушений.

После повторного воспроизведения новости аудитория дополнила список замечаний, однако по-прежнему были названы не все речевые дефекты. Отметим, на первом этапе эксперимента студенты записали такие ошибки:

- *первый день конкурсанты демонстрировали* — редукция согласного звука из-за нечёткой артикуляции журналиста и высокой скорости речевого потока;
- *социально-бытовая ориентировка* — ошибка в употреблении паронимов «ориентирование — ориентировка»;
- *сделать это смогут те, кто не смогут в основной день* — лексический повтор (ошибочное употребление с местоимением *кто* глагола во множественном числе не отметил никто).

Когда перед глазами студентов появилась распечатка текста, они смогли найти и назвать большую часть речевых ошибок. Четыре человека заметили все 12 ошибок, двое — 9 случаев отклонения от языковых норм, остальные зафиксировали 5—8 ошибок.

Студенты зафиксировали такие нарушения языковых норм: нагромождение родительного падежа (*руководителем компьютерного кружка центра дневного пребывания инвалидов*), двусмысленность из-за неправильного использования местоимения (*...принимают участие 20 человек из разных уголков Гродненщины. 17 из них полностью незрячие*), неверное согласование падежей (*демонстрировали свои возможности в чтении и письме по системе Брайля, а также владений навыками работы*), лексический повтор (*победитель регионального этапа соревнований представит наш регион*). Однако ребята не посчитали нарушением речи лексический повтор в предложении «Победитель регионального этапа... соревнований представит наш регион...», не увидели плеоназма во фразе «Все участники получили какие-то памятные сувениры». Эксперимент позволил выявить «белые пятна» в знаниях студентов, понять, какие вопросы и темы нужно изучить более детально.

Большинство слушателей и зрителей замечает ошибки в речи ведущих, но существуют факторы, не позволяющие выявлять все нарушения. Так, визуальная информация перетягивает внимание на себя, а большая скорость речи ведущих не позволяет адекватно воспринимать аудиовизуальную информацию. Из-за сильной редукции звуков (вплоть до их полного выпадения, как в приведённом примере) некоторые слова остаются непонятными, что способно приводить к двусмысленности. Несмотря на то, что тексты региональных новостей являются подготовленными (в отличие от программ прямого эфира, они могут быть отредактированы и переписаны), в речи ведущих часто встречаются синтаксические, лексические и фонетические ошибки. Причём к орфоэпическим ошибкам аудитория готова относить только акцентологические (средства — средствá, договоры — договóры), а нарушение произносительных норм из-за «дзеканья», «рэканья», «чэканья» в качестве ошибки не отмечается. Логических и фактических ошибок ведущих слушатели в большинстве случаев также не замечают.

В качестве домашнего задания студентам было предложено отыскать и выписать ошибки из текстов известных песен и рекламных роликов. Приятной неожиданностью стало то, что на некоторых ребят «вакцина» подействовала настолько сильно, что студенты стали искать нарушения дополнительно в «бегущей строке» на региональном телеканале и в наружной рекламе. Так, выяснилось, что салон «Свадебные букеты» предлагает скидку постоянным клиентам, а новый «телеканал будет вещаться на чистоте 562 МГц». В первом случае отсутствие логики приводит к комическому эффекту, а во втором примере есть сразу две речевые ошибки. Взамен «будет вещаться» следовало сказать «будет транслироваться» (или «вещать»), а вместо чистоты канала следовало говорить о его частоте.

Большое количество речевых ошибок учащиеся нашли в текстах современных поп-исполнителей. Например, текст песни «Заметает» группы «Градусы» нарушает такие качества речи, как ясность, содержательность, точность, чистота, логичность. «*Заметает снегом без конца, самому пока не верится*» — не верится во что? Мысль не окончена, нарушена логика построения предложения. «*То замёрзли, то опять вода, и нет встреч без повода*» — из контекста неясно, кто замёрз и почему «опять вода», отсутствует ясность и точность.

Другой музыкальный коллектив, группа «Звери», поёт: «*Так прикольно на танцполе, и народ смешного пола ловит ритмы в сотни киловатт*». Студенты задают вопрос: если есть только два пола (мужской и женский), то какой из них «смешной» и почему? Очевидно, что такая речь не может быть точной, логичной и ясной.

В популярной песне о рюмке на столе слышим: «*Пусть глаза мои молчат. Молча смотрят на луну. Если кто поймает взгляд, поторопится назад, сам не знаю, почему*». Студенты без труда смогли найти в тексте Г. Лепса лексический повтор и логическую ошибку. В хите «Самый лучший день» учащиеся разглядели фактическую ошибку: «*А мы согласно законам природы все вгрызаемся в мир, будто рыба-пила*». Дело в том, что рацион рыбы-пилы составляют животные, обитающие на дне; хищник выковыривает их своим «рылом», как лопатой, т. е. не вгрызается, а скорее, закапывается, зарывается. Кроме этого, студенты обратили внимание на заглавие композиции, ведь «самый лучший» — это плеоназм (*лучший, самый хороший* — превосходная степень) [1].

Заключение. Результаты проведённого эксперимента не совсем объективны, потому что студентам была дана так называемая «установка на ошибку». В повседневности же слушатели вряд ли обращают внимание на «ляпы» и неточности в речи радиоведущих. Практической ценностью описанного опыта можно считать то, что на основе полученных результатов мы попытались разработать рекомендации по совершенствованию речевого поведения дикторов.

Медиаперсоны должны избегать неоправданного многословия, относиться внимательнее к правилам построения предложений, уметь отбирать слова для формирования фраз и текстов. Редактирование и вычитка текстов перед трансляцией позволит сделать речь более грамотной, логичной и разнообразной.

Многие фразы в рассмотренных записях однообразны: одинаково (с точки зрения синтаксиса и лексики) построены предложения. Телеканал «Наш город+» всегда использует одни и те же речевые формы («Уважаемые абоненты!», «Уважаемые гродненцы»), а телепрограмма «Гродно+» почти в каждом новостном сюжете использует речевой штамп: «стартовало голосование», «стартует акция», «стартовал конкурс с песни о родине». Дикторам следует избегать неоправданного повтора слов и однотипности при построении предложений. Начинающему журналисту необходимо постоянно пополнять словарный запас и развивать синтаксический строй речи.

Журналистам важно учитывать сложность механизма речепорождения, уделять особое внимание артикуляции. Перед эфиром следует выполнять упражнения по артикуляции, а также разминку для расслабления мышц лица и тела. Телерадиожурналистам рекомендуется улучшать «уровень слухового самоконтроля» [2]: исправлять допущенные ошибки, избегать оговорок и звуков, нарушающих чистоту речи. Паузы между фразами и словами необходимы, чтобы слушатель мог понять и осмыслить полученную информацию. Лучше сделать паузу, чем загрязнять речь звуками типа «mmm», «эм», «aaa».

Если начинающие журналисты усвоят эти рекомендации: будут следовать языковым нормам, а также выработают навык «использовать выразительные языковые средства в разных условиях общения» [3], то будут «филологически здоровы» и смогут транслировать качественный медиапродукт.

Список цитируемых источников

1. Матийченко Ю. В. Звоним русисту. Ростов н/Д : Феникс, 2012. С. 142.
2. Бадмаев Б. Ц., Малышев А. А. Психология обучения речевому мастерству. М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2002. С. 124.
3. Скворцов Л. И. Культура русской речи : слов.-справ. М. : Академия, 2003. С. 119.

КОЛЕРАВЫЯ ЭПІТЭТЫ Ў МОВЕ ПАЭТЫЧНЫХ ТВОРАЎ НІЛА ГІЛЕВІЧА

Уводзіны. Колер мае вялікае значэнне ў жыцці чалавека. Ён адыгрывае важную ролю ў розных галінах дзейнасці. Людзі, каб выглядаць прыгожа, стараюцца падабраць сабе, напрыклад, адзенне пэўнага колеру; дызайнеры, каб паказаць утульнасць прадмета, пакоя, гарманічна спалучаюць колеры і іх адценні; мастакі, адлюстроўваючы таямнічую чароўнасць прыроды, выкарыстоўваюць разнастайную колеравую гаму.

Псіхалагі лічаць, што кожны колер мае сімвалічнае значэнне: жоўты сімвалізуе багацце, справядлівасць, вернасць і сталасць; белы — нявіннасць і чысціню; чырвоны — мужнасць і адвагу; сіні — прыгажосць і веліч; зялёны — багацце, надзею і жыццё; чорны — мудрасць, сціпласць, агрэсію і смутак [1, с. 145]. Значэнне колераў у паэтычных творах даследуецца лінгвістамі ва ўзаемазвязі з такім мастацкім прыёмам, як эпітэт.

Асноўная частка. У творах народнага паэта Беларусі Н. Гілевіча ў якасці колеравых эпітэтаў ужываюцца прыметнікі, якія, спалучаючыся з назоўнікамі, набываюць новыя сэнсавыя значэнні, гэта значыць метафарызуюцца.

Найбольш ужывальнымі з іх з'яўляюцца прыметнік *белы* і ўтвораныя ад яго лексемы *бялёсы*, *бялюткі*, *белепенны*, а таксама рэдуплікат *белы-белы*. Часта яны выкарыстоўваюцца пры апісанні прыроды, каб паказаць яе маляўнічасць: *Высока ў небе воблачка плыве, // Плыве бялюткае адно ў блакіце* [2, с. 10]; *...У сутонні абрыва, // Пад масткамі, што суха рыпцяць, // Белепенныя грывы над ілбамі каменняў ляцяць* [3, с. 53].

На фоне прыроднай нявіннасці і чысціні, пазначаныя прыметнікамі з каранем *бел-* (*бял-*), зараджаюцца або мацнеюць пачуцці кахання: *І двор, і кветнік, і бярозы белыя — // Усё заціхла ў пераспелых росах, // Калі ля вясніц, ціхая, нясмелая, // Руку мне Зося падала на ростань* [4]; *Жнівень. // Арэхі. // І жоўтыя восы, // Што заміналі цябе цалаваць. // Першы маток павуціны бялёсы. // Пах пераспелай травы ў галавах* [5].

Сімвалам светлай дабрыні, упэўненасці і шчасця выступае прыметнік *белы* ў наступных паэтычных радках: *І сыпяца [дні] патроху // З маіх галін-гадоў // На белую дарогу, // На ўсланы снегам дол* [6]; *Над белым светам сумавала танга. // І зноў і зноў у песеньцы старой // Мне чуўся сон апошняга расстання — // Ды не чыйгосьці, а майго з табой* [7]; *І зноўку вера ў слова матчына / Свяціла мне, як белы дзень* [8]; *Каб мог я, таварыш, каб толькі я мог // Прайсці да цябе праз няволі парог — // На белых галінках табе б я прынёс // Чароўную казку зімовых бяроз, // Міксiс Тэадаракіс* [9].

Сімвалічнае значэнне маюць таксама назоўніковыя словалучэнні з прыметнікамі *белы* ў іх складзе: *белая чайка* — сімвал творчасці і пісьменніцкага таленту; *белая кладка* — сімвал чысціні, нявіннасці; *белыя пальчаткі* — сімвал бяздзейнасці: *Мне здалося на момант: // Чайку белую // Раптам ўбачыў я, // Што да ўцёса ляціць // Над агромністым // Морам любові, // І адчуў, // Як на сэрцы мне // Пырнулі пырскі гарачыя, // Калі зала грымела // Магутным раскатам // Прыбою* [10]; *І без мяне да берага пайшла. // На белай кладцы мокрая слядкі — // Як першай песні мілыя радкі* [11]; *Ёсць вера ў Пачатак // І вера ў здзяйсненне. // Без белых пальчаткаў // Нам служыць натхненне* [12].

Па-мастацку выкарыстоўвае Н. Гілевіч лексічныя магчымасці прыметнікаў *залаты* і *залацісты*, якія служаць стварэнню зрокавага вобраза, сімвалізуюць сабой пачуцці захаплення, замілавання, любові: *Замірае, // Сціхае // Мая залатая дуброва, // Аасыпае, // Скідае на дол // Свой задумлівы ўбор* [13]; *Беларусы! // Ды не верце ж вы // Новаўвученым ілжэпрокам: // Умярцаць яны наш дух жывы — // І давер наш вылезе нам бокам! // Залатое пасвячы цяля // На лугах цяністага падполля* [14]; *Больш не горка гасцям. // Горка мне аднаму! // Толькі мёду мне ў чарку не ліце. // За жыты залатыя свой тост я ўзіму // Ды за песню, што згублена ў жыцце* [15]; *І возьме [дзяўчына] самы ўдалы, залацісты, // Крамянабок, вымыты ў расе, // Патрэ ў далонях (яблык, як навошчаны, // Аж заскрыпіць) і, з марами дзявочымі, // На сонца глянё праз яго: свіціцца! [16]; І не знаеш, як горача, як апантана шапчу я: // «Сні, мая лугавая, мая залатая мядуначка»* [17].

Зялёны колер — сімвал надзеі і багацця, вечнага жыцця. Менавіта такім ён і ўспрымаецца: *А ўсё кронай зялёнай // Лічыць мох на кары // І не чуе натхнёнай // Песні дрэў угары* [18]; *Не гаманіце, вербы, не будзіце, // Не грайце, ветры, у зялёным веці: // Яна ўсю ноч над дзіцем // І задрамала толькі на дасвеці* [19]. Багатым эмацыянальным зместам насычаны словазлучэнні, якія маюць цэласны сэнс, выступаючы ў якасці перыфразы: *зялёны палац 'лес', зялёная грамада 'дрэвы'*. У іх — выражэнне пачуццяў павагі і любові да прыроды роднага краю: *Дзе ж ты дзелася, пушча? // У палац твой зялёны // І спякотай і сцюжай я прыносіў паклоны* [20]; *Лес ачнуўся, лес вялікадня святкуе — // Вунь як весела ў зялёнай грамадзе! // Толькі дуб адзін вясны як бы й не чуе — // Нават летацінім лістом не павядзе* [21].

Чырвоны колер выяўляецца ў прыметніках *чырвоны*, *вішнёва-алы*, *барвовы*. Эпітэт са значэннем 'чырвоны' — гэта знак смерці, барацьбы, перамогі. Ён дапамагае праўдзіва апісаць крывавыя падзеі мінулай вайны, нялёгкую перамогу над ворагам, барацьбу за праўду: *Чырвоны снег пад ногі // Не кідайце далю! // Глядзіце: ён дарогу // Зафарбаван у кроў* [22]; *А снег — вішнёва-алы // Ад бацькавай крыві. // І так мне страшна стала — // Хоць нема зараві* [23]; *Толькі ў хату ранічкай // Уварваўся немец — // Вырваў з рук у Манечкі // Каснічок чырвоны* [24]; *Ад продкаў нам застаўся гэты колер, // А для змагання мы сябе ўзялі // Чырвоны колер праўды і ніколі // Не ўступім*

з ім няпраўдзе на зямлі [25]; *І песня ў невадзе яго [нясяра] звінела, // І вырвалася ў бязмеж-прасцяг // І перад ёю далячынь яснала, І ўсход барвовы палымнеў, як сцяг* [26].

Прыметнік *сіні* ўзмацняе колеравае адценне некаторых паняццяў, выступае звязом у тэме любові да прыроды. Ён, напрыклад, дапамагае чытачу або ўявіць пышны каляровы букет кветак, або ўбачыць неба ясным, бязвоблачным, ці паказаць замілаванасць сваім родным краем: *Раптам бачу: між кустоў дзяўчынка. // З ярка-сінім факелам шалфею, // Крочыць ціха вохкаю сцяжынкай, // Як мальняя лясная фея* [27]. *А росы колкія — аж бегчы хочацца, // А неба сіняе — аж перасіненна* [28]. *На досвітку сінім ярчае мароз // І свеціцца іней на голлі бяроз* [29]. *Адзін ты знаеш, дружа мой маўклівы, // Які быў я ў цябе ў гасцях шчаслівы, // Мой сіні бор, мой родны бор зялёны!* [30]. Сімвалічнае значэнне гэты эпітэт набывае ў словазлучэнні *Сіняя пушча* ‘спадчына продкаў’: *Ганарыўся на праву // Продак пушчаю Сіняй. // Як жа мог ты пазбавіць // Гэтай гордасці сына?* [31].

Прыметнік *чорны* выкарыстоўваецца паэтам як у прамым сэнсе, паказваючы на колер, так і ў пераносным, набываючы метафарычны сэнс: *Мурашкі чорныя, ажыўшы на прыгрэве, // Ужо спраўляць памінкі напаўзлі* [32]; *І чую я голас, падобны // На голас матулі маёй: // «Будзь дужы, будзь мужны і добры, // Не бойся натхнёных хлуснёй. // Адрынь іх суды-перасуды. І чорнай не вер варажбе»* [33].

У беларускім фальклоры *чорны* — сімвал няшчасця. У вершаваных радках Н. Гілевіча ён асацыюецца з сумам, гневам, брудам, смерцю, нярэдка выкарыстоўваючыся ў складзе індывідуальна-аўтарскіх перыфразаў: *чорны шар* ‘смерць’, *чорнае цеста* ‘няжасная ежа’, *чорны твар* ‘сведчанне пакут’, *чорны сум* ‘жах’, *чорныя нівы* ‘адсутнасць жыцця’, *чорны гнеў* ‘абурэнне’, *чорны бруд* ‘плёткі, няпраўда’. Калі аб’яднаць гэтыя з’явы ў адзіную карціну, то будзе вымалёўвацца жудасны вобраз падзей мінулага стагоддзя: *Пакаціўся долу // Чорны шар з гары — // За пагоркі ў полі, дзе аўсы жаўцелі* [34]; *Дома, счысціўшы шалупінне, / Сыплю бульбу ў старую ступу // І таўку таўкачом вялізным // Цеста чорнае, як зямля* [35]; *Відаць, за чорны даўганосы твар // Празвалі гэтак на сяле жанчыну. // Яна жшла ўдоваю — з хворай маці // І чатырма дзяцямі, яшчэ малымі* [36]; *Не стала Рудні і Кандратавіч, // Дятла скіпела Гарадзішча — // І плакаць некаму над стратамі, // Над чорным сумам напалішчаў* [37]; *Прыдумайце што-небудзь, чорт вазьмі, // Каб дождж пасыпаўся на нівы чорныя, // Каб не сыходзіла душа слязмі* [38]; *Улоў ягоны — гнеў твой трапяткі, // То чорны гнеў, што ўздыбляў глыбіні* [39]; *Нас могуць // чорным брудам паліваць, // Культываваць бяспамяцтва, бяспраўе* [40].

Найбольшая сэнсавая выразнасць ужывання прыметніка *чорны* дасягаецца паэтам у «Баладзе ў чорным», дзе праз анафарычны яго паўтор ствараецца вобраз усеагульнага жаху і гора. *На бязмоўных вуліцах цемь зялагла. // Чорны цень сутуліцца — сочыць з-за вугла. // Цокаюць падкоўкамі боты аб асфальт. // Чорныя палкоўнікі чыняць чорны гвалт. // Чорныя іх постаці — чорныя суды. // Чорныя апосталы гора і бяды!* [41].

У паэзіі Н. Гілевіча прыметнік *срэбраны* выступае як колеравы эпітэт, дапамагаючы намаляваць казачнасць прыроды, яе загадкавасць: *І ў мутных хмарках мясячык мільгае, // Як паміж ніцяў срэбраны чаўнок* [42]; *І ўсё ж нейкую нітачку дзесь зачэпіла: // Скалыхнулася голка — пыл срэбны курыць* [43]; *Па срэбнай дарожцы, што бляскамі грае, // Русалка на бераг выходзіць з вады* [44]; *І ныраў у хвалях мясяц белы, // Неспайманай серабрыстай рыбінаю* [45].

Не страчваюць свайго эмацыянальна-ацэннага значэння ў паэтычных словах Н. Гілевіча прыметнікі *жоўты*, *жаўтлявы*, *блакітны*, *шызы*, *шэры*: *Пагорачкі родныя ў шызаі смуге. // За насыпам — жоўты бярозавы пояс* [46]; *Зноў на ўзлеску цвітуць-дацвітаюць аршыны — // У жаўтлявых падвесках каткоў-завушніц* [47]; *Перад блакітным алтаром тваім // трымаю споведзь і прашу прабачыць, // Што я наважыў адумаць сваім // У гэтых звонкіх хвалях парыбачыць* [48]; *Няхай чыстаплюі, // Жыцця пустагумы // Глытаюць пілюлі ад шэрага суму* [49].

Заклучэнне. У паэтычных творах Н. Гілевіча ўжываюцца колеравыя эпітэты *белы*, *бялёсы*, *бялюткі*, *белапенны*, *белы-белы*, *залаты*, *залацісты*, *зялёны*, *сіні*, *ярка-сіні*, *сінякрылы*, *чырвоны*, *вішнёва-алы*, *барвовы*, *жоўты*, *жаўтлявы*, *чорны*, *срэбраны*, *серабрысты*. Яны выконваюць эстэтычную і эмацыянальную функцыі, з’яўляюцца дзейным сродкам стварэння мастацкага вобраза. Іх выкарыстанне дазволіла паэту паказаць непаўторнасць навакольнага свету, адлюстраваць праўдзівасць апісаных падзей і з’яў, выклікаць патрыятычныя пачуцці ў чытача.

Спіс цытуемых крыніц

1. Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы. М. : Наука, 2002. 292 с.
2. Гілевіч Н. Выбраныя творы : у 2 т. Мінск : Маст. літ., 1991—478. Т. 1. Вершы, паэмы, п’есы.
3. Гілевіч Н. Выбраныя творы ; уклад. і камент. Н. Гілевіча ; прадм. У. Конана. Мінск : Кнігазбор, 2009. 600 с.
4. Гілевіч Н. Выбраныя творы : у 2 т. Т. 1. Вершы, паэмы, п’есы. С. 179.
5. Гілевіч Н. Выбраныя творы. С. 48.
6. Гілевіч Н. Выбраныя творы : у 2 т. Т. 1. Вершы, паэмы, п’есы. С. 99.
7. Там жа. С. 192.
8. Там жа. С. 200.
9. Там жа. С. 144.
10. Там жа. С. 120.
11. Там жа. С. 191.
12. Там жа. С. 230.
13. Гілевіч Н. Выбраныя творы. С. 53.
14. Там жа. С. 112.
15. Гілевіч Н. Выбраныя творы : у 2 т. Т. 1. Вершы, паэмы, п’есы. С. 11.
16. Там жа. С. 39.
17. Там жа. С. 181.
18. Там жа. С. 148.

19. Там же. С. 51.
20. Там же. С. 28.
21. Там же. С. 183.
22. Там же. С. 68.
23. Там же. С. 67.
24. Там же. С. 109.
25. Там же. С. 93.
26. Там же. С. 91.
27. Там же. С. 50.
28. Гілевіч Н. Выбраныя творы. С. 74.
29. Гілевіч Н. Выбраныя творы : у 2 т. Т. 1. Вершы, паэмы, п'есы. С. 11.
30. Там же. С. 37.
31. Там же. С. 29.
32. Гілевіч Н. Выбраныя творы. С. 75.
33. Там же. С. 95.
34. Гілевіч Н. Выбраныя творы : у 2 т. Т. 1. Вершы, паэмы, п'есы. С. 108.
35. Там же. С. 81.
36. Там же. С. 62.
37. Там же. С. 106.
38. Там же. С. 205.
39. Там же. С. 89.
40. Там же. С. 267.
41. Там же. С. 145.
42. Гілевіч Н. Выбраныя творы. С. 64.
43. Там же.
44. Гілевіч Н. Выбраныя творы : у 2 т. Т. 1. Вершы, паэмы, п'есы. С. 185.
45. Там же. С. 133.
46. Гілевіч Н. Выбраныя творы. С. 59.
47. Там же. С. 89.
48. Гілевіч Н. Выбраныя творы : у 2 т. Т. 1. Вершы, паэмы, п'есы. С. 94.
49. Там же. С. 231.

УДК 37.016:81–028.31

В. П. Шпак, Н. В. Ермалович

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

РАЗВИТИЕ РЕЧИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Введение. Хорошо развитая речь служит одним из важнейших средств активной деятельности человека в современном обществе, а для школьника — средством успешного обучения в школе. Речь — основа всякой умственной деятельности, средство коммуникации. Умения учеников сравнивать, классифицировать, систематизировать, обобщать формируются в процессе овладения знаниями через речь и проявляются также в речевой действительности. Логически чёткая, доказательная, образная речь ученика — показатель его умственного развития. В связи с актуальностью данной проблемы в основу преподавания начальных курсов русского языка и литературного чтения положено всестороннее развитие речи. Этой задаче подчинено изучение всех разделов науки о языке.

Особую роль в развитии речи играет синтаксис. Осознание таких синтаксических единиц, как словосочетание и предложение, позволяет с функциональной точки зрения оценить все средства языка и речи, изученные в разделах фонетики, лексики, фразеологии, морфологии.

Работа над словосочетанием предполагает осмысление словосочетания как особой единицы языка, которая служит для образования предложений. Научить младших школьников сознательно пользоваться предложением — значит развить умение делить поток речи на законченные структурно-смысловые единицы, вычленять предмет мысли, структурно и интонационно оформлять мысль, соединяя слова в предложения.

В работе над предложением в начальных классах условно выделяют пять основных направлений: 1) формирование грамматического понятия «предложение»; 2) изучение структуры предложения (работа над пониманием сущности связи слов в словосочетаниях, осознание грамматической основы предложения, особенностей главных и второстепенных членов, прямого и обратного порядка слов, распространённых и нераспространённых предложений); 3) формирование умения пользоваться в своей речи предложениями, равными по цели высказывания и по интонации; овладение правильным интонированием предложения; 4) развитие умения точно употреблять слова в предложениях; 5) формирование умения оформлять предложения в письменной речи (употребление прописной буквы в начале предложения, постановка знаков препинания) [1, с. 276].

Таким образом, словосочетание и предложение — это опора развития синтаксического строя учащихся. Этим синтаксическим единицам отводится большая роль при моделировании уроков русского языка и литературы.

ного чтения, так как они изучаются на высшем уровне языка — синтаксисе — и являются базовой основой для развития связной речи младших школьников.

Основная часть. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы показать, как работа над словосочетаниями и предложениями на уроках русского языка в целом влияет на синтаксический строй речи учащихся 4-го класса. При проведении исследования были использованы следующие методы: анализ научно-методической литературы, сравнительный анализ письменных работ учащихся, методы статистической обработки данных. В исследовании принимали участие 24 ученика 4-го класса государственного учреждения образования «Гимназия № 4 г. Барановичи». На первоначальном этапе в целях выявления уровня сформированности умений учащихся в работе с основными синтаксическими единицами (сочетаемость слов, постановка вопросов в словосочетаниях; определение предложений по цели высказывания, по степени преобладания второстепенных членов предложения) школьники выполняли лингвистические задания и упражнения. Оценивание проводилось по четырёхбалльной шкале; показатели уровня сформированности синтаксических и речевых умений учащихся, вынесенные в бланк, были снабжены подробной инструкцией.

Анализ результатов проведенного исследования показал, что большая часть младших школьников имеет средний уровень синтаксических и речевых умений (10 человек, что составило 42%). Они способны применять свои знания на практике, но могут допускать ошибки при распознавании некоторых особенностей словосочетания, предложения, при выполнении заданий более сложного уровня. У 7 человек (29%) представления о словосочетании и предложении существуют, но учащимся ещё трудно применять на практике знания, распознавать основные признаки таких синтаксических единиц, как словосочетание и предложение. Они отнесены к группе ниже среднего уровня.

Высокий уровень синтаксических и речевых умений имеют 6 учеников, что составляет 25%. Они хорошо понимают основные синтаксические единицы, успешно выполняют задания, связанные со словосочетанием и предложением, могут применять знания в нестандартных ситуациях. В группе с низким уровнем 1 человек (4%). У него нет чётких представлений о синтаксических единицах, ему сложно составлять словосочетания, конструировать элементарные предложения.

В целях повышения выявленных показателей был проведён подробный анализ типичных ошибок, допущенных учащимися при выполнении упражнений. Также предлагалась определённая система заданий и упражнений со словосочетаниями и предложениями, которые можно разделить на аналитические, т. е. такие, в которых преобладает анализ построенных готовых словосочетаний и предложений, взятых из образцов текстов, и на синтетические, предусматривающие самостоятельное конструирование синтаксических единиц. Например, распространение предложения, восстановление деформированного предложения, деление сплошного текста на предложения, составление схемы предложения [2, с. 157—174]. Использовались творческие задания: составление предложений по определённой теме, по сюжетной или предметной картинке, с использованием словосочетаний или оборотов речи, обладающих выразительностью; составление рассказа с последующим анализом предложений определённой структуры [3].

В целях проверки результативности предложенного методического инструментария по развитию синтаксических и речевых умений учащихся им было предложено два блока упражнений по словосочетанию и предложению. Предварительно была проведена пошаговая инструкция по выполнению заданий, а также анализ образца их выполнения.

По полученным данным выяснилось, что количественные показатели уровня развития синтаксических и речевых умений у детей, участвующих в исследовании, значительно повысились. Как показал анализ результатов контрольного этапа эксперимента, у большинства младших школьников (12 человек, что составляет 48%) средний уровень развития синтаксических и речевых умений. Учащиеся понимают значение основных синтаксических понятий, умеют применять знания на практике, но иногда допускают ошибки при распознавании некоторых признаков словосочетания (подбор словосочетаний по схемам) и предложения (определение предложений по интонации, составление схем). К уровню ниже среднего относятся 3 учащихся (15%). Они имеют общие представления о словосочетании и предложении, но учащимся трудно на практике применять знания для выполнения заданий по распознаванию основных признаков словосочетания и предложения.

Высокий уровень развития синтаксических и речевых умений имеют 9 человек (37%). Учащиеся хорошо понимают основные синтаксические понятия, успешно выполняют задания, связанные со словосочетанием и предложением, могут применять знания в нестандартных ситуациях. В классе отсутствуют дети с низким уровнем развития исследуемых умений.

Заключение. Развитие речи учащихся на синтаксическом уровне предусматривает системную, последовательную работу, направленную на развитие синтаксических и речевых умений, которые являются основой для дальнейшего развития речи младших школьников на уровне текста, а также развития коммуникативных умений обучаемых.

Список цитируемых источников

1. Львов М. Р., Горецкий В. Г., Сосновская О. В. Методика преподавания русского языка в начальных классах : учеб. пособие для студентов учреждений высш. проф. образования. 6-е изд., стер. М. : Академия, 2011. 415 с.
2. Соловейчик М. С., Жедек П. С., Светловская Н. С. Русский язык в начальных классах: Теория и практика обучения : учеб. пособие для студентов пед. учеб. заведений по специальности «Педагогика и методика нач. обучения». М. : Просвещение, 1993. 383 с.
3. Процесс формирования синтаксического строя речи младших школьников [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knowledge.allbest.ru> (дата обращения: 01.03.2016).

ІНДЫВІДУАЛЬНА-АЎТАРСКІЯ НЕАЛАГІЗМЫ АВАР'ЯНА ДЗЕРУЖЫНСКАГА (НА МАТЭРЫЯЛЕ ЗБОРНІКА «ВЕСНАВЕЙ»)

Уводзіны. Індывідуальна-аўтарскія неалагізмы — гэта разнавіднасць аказіянальных слоў, якія ўтвараюцца дзеячамі мастацкай і навуковай літаратуры для намінацыі па-новаму вядомых прадметаў і з'яў, што найбольш адэкватна адлюстроўваюць уяўленне аб іх гэтых дзеячаў, або неабходнасці назваць паняцці і з'явы, каб запоўніць словаўтваральныя лакуны ў лексічнай сістэме мовы. Яны, як правіла, не ўваходзяць у агульнанародны ўжытак, не замацаваны, за рэдкім выключэннем, у мове, а існуюць толькі ў канкрэтным кантэксце, па-за якім амаль што не ўзнаўляюцца. Характэрнай іх асаблівасцю з'яўляецца ўласцівасць захоўваць прымету навізны, гэта значыць успрымацца кожнаму новаму чытачу заўсёды, незалежна ад часу іх утварэння ў тэксце, новымі. «Аказіяналізмы, — слухна падкрэслівае А. А. Земская, — характарызуюць зусім асобы аспект вывучэння мовы — творчы, індывідуальны, эстэтычны: яны рэалізуюць індывідуальную творчую кампетэнцыю таго, хто гаворыць, хай гэта паэт, дзіця або звычайны чалавек. Яны арыентаваны не на правілы, агульныя для ўсіх носьбітаў мовы, а на здольнасці індывідуума выкарыстоўваць магчымасці, закладзеныя ў сістэме мовы. Аказіяналізмы паказваюць, на што здольная мова пры параджэнні новых слоў, якія яе творчыя патэнцыі, глыбінныя сілы» [1, с. 180].

Асноўная частка. Пісьменнікі і паэты выкарыстоўваюць індывідуальна-аўтарскія неалагізмы як адзін з мастацкіх прыёмаў з мэтай стварыць нечаканы мастацкі вобраз або засяродзіць чытача на нечым важным. Магчыма таму, што традыцыйныя лексічныя сродкі не ва ўсіх выпадках могуць задавальняць творцаў слова, яны шукаюць новыя камбінацыі частак у слове і такія злучэнні слоў, якія б дазволілі найбольш ярка перадаць аўтарскую задуму, паўней адлюстравалі свае думкі, пачуцці ў слове.

Вывучэнне індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў — адна з актуальных задач сучаснай лінгвістыкі. Гэты разрад лексікі выклікае неаслабную цікавасць даследчыкаў пры вызначэнні напрамкаў развіцця сістэмы мовы, асабліва на лексічным і словаўтваральным узроўнях, а таксама аналізе экстралінгвістычных фактараў, якія ўплываюць на іх развіццё.

Творчасць вядомага беларускага паэта А. Дзеружынскага — адметная з'ява ў беларускай літаратуры другой паловы ХХ ст. Творчасці паэта ўласціва разнастайнасць жанраў, вобразна-стылёвых сродкаў, яркая метафарычнасць, тонкі псіхалагізм. Паэт вельмі чуйны да адбору і выкарыстання лексічнага матэрыялу, ён умее знайсці самае свежае, трапнае слова або ўтварыць новае, каб сказаць прыгожа і запамінальна. Не застаючыся староннім назіральнікам агульнага словатворчага працэсу, А. Дзеружынскі нярэдка звяртаўся да словатворчасці, абумоўленай неабходнасцю лексічна выказаць змест думкі, які раней не адлюстравалася ў слове або аб'ектываваўся не ў поўнай меры з задумай аўтара. Індывідуальна-аўтарскія словы дапамагаюць аўтару стварыць моўны вобраз каларытным, свежым і непаўторным.

Аўтар А. Дзеружынскі ў мове сваіх паэтычных твораў выкарыстоўвае словы, якія дапамагаюць зразумець ідэяна-мастацкі сэнс верша, ярка ацэньваюць прадмет, з'яву рэчаіснасці, працэс, стан, з дапамогай індывідуальна-аўтарскага слова паэт імкнецца данесці да чытача сваю галоўную думку.

Назва зборніка паэзіі А. Дзеружынскага «Веснавей» індывідуальна-аўтарская, яна ўтворана спосабам асноваскладання + субстантывацыі на аснове словазлучэння *ясной вее. Веснавей* — гэта 'ясновы вецер'. Назва сімвалічная як у плане стварэння мастацкіх вобразаў, так і выкарыстання вобразна-маўленчых сродкаў, у тым ліку і індывідуальна-аўтарскіх слоў.

З пункту гледжання семантыкі індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў асноўная іх частка асаблівых цяжкасцей не выклікае. Сама будова слова дазваляе зразумець яго словаўтваральнае і лексічнае значэнне.

У зборніку найбольш часта сустракаюцца індывідуальна-аўтарскія складаныя неалагізмы, кампаненты якіх знаходзяцца ў раўнапраўных адносінах, а сувязь паміж кампанентамі выражаецца графічна пры дапамозе дэфіса (*пуцявіны-дарогі, мелодыя-песня*): *Дарога з некалькімі шляхамі. Завіхурыла, замяла // Пуцявіны-дарогі замець, // Засталася, якой была, // Не згубілася з часам памяць...* [2, с. 157]; *Мелодыя-песня, Мелодыя-песня // Гучыць, хоць без слоў, // Былое ўваскрэсне, // Былое ўваскрэсне // Між намі ізноў* [3].

Такія складаныя ўтварэнні разглядаюцца лінгвістамі як спецыфічныя канструкцыі, якія займаюць прамежкавае становішча паміж кампазітамі і свабоднымі сінтаксічнымі канструкцыямі. Напрыклад, М. Прыгодзіч лічыць, што «такое фармальнае разуменне гэтых парназлучаных аб'яднанняў не павінна быць перашкодай на шляху іх прызнання як спецыфічных (у параўнанні з «кананічнымі») паўкампазітаў» [4, с. 58]. Як справядліва адзначае А. Аганесян, у сувязі з выяўленнем індывідуальнай нормы словатворчасці паэта састаўныя назвы гэтага тыпу неабходна «разглядаць як адзінае структурна-семантычнае цэлае, асноўнай прыметай якога з'яўляецца незвычайнасць лексічных сувязей паміж састаўнымі кампанентамі, што прыводзіць часта да семантычнай двухпланаваасці аднаго з іх, да яго метафарызацыі» [5, с. 14]. Даследык А. В. Солахаў падкрэслівае, што «назоўнікі, якімі выражаюцца кампаненты гэтых структурна-семантычных адзінак, часцей за ўсё не выдзяляюцца навізной

і шырока ўжываюцца ў мове, але іх аб'яднанне звычайна адбываецца безадносна да рэальнай звязанасці з парусэннем логіка-семантычных сувязей, збліжэннем самых розных прадметаў і з'яў» [6, с. 94]. У выніку ўзнікае настолькі злітны, паводле А. Аганесяна, структурна-семантычны комплекс, што ён успрымаецца як цэльнааформленая структура. «Семантыка такіх складаных утварэнняў сумяшчае і прадмет, і вобраз прыпадабнення» [7]. Параўнальнае супастаўленне абазначаных кампанентаў прадметаў і з'яў надае гэтым утварэнням семантычную ёмістасць, асаблівую выразнасць і экспрэсіўнасць, абуджае думку, уяўленне і фантазію (жанчына-таямніца 'неразгаданая жанчына', кропелькі-расінкі 'кропелькі расы', мара-лагода 'салодкая мара', хаты-сіроткі 'пакінутыя хаты', хвалі-кругі 'хвалі ў выглядзе кругоў', ягадкі-гронкі 'ягады, сабраныя ў гронкі'): *Прыгоства і твой розум, // Табой не нахваліцца, // І што ты за жанчына, // Жанчына-таямніца* [8]; *Льюцца кропелькі-расінкі // Ў тумане раннім на траву, // Жыву я ў гэтых часінкі, // Пакуль кахаю — я жыву* [9]; *Западае глыбока, // І штодзень і заўсёды, // І мне робіцца лёгка, // І мне робіцца лёгка // Ад прыемнае мары-лагоды* [10]; *Вёска пустая, // Нідзе ані гуку, // Хаты-сіроткі стаяць, // Вецер лятае і сее дакуку, // Глянеш — і слёз не стрымаць* [11]; *Дождж ідзе, // Дождж ідзе, // Пахне бэз, пахне траўка, на рацэ // Ходзяць хвалі-кругі* [12]; *Думаў я, што ты рабіна, // Веціці схіляеш на дол, // Шчокі, як ягадкі-гронкі, // Чырванню ззяюць наўкол* [13].

Словаскладаннем, як і папярэднія назоўнікі, утворана прыслоўе *ледзьве-ледзь* 'вельмі нялёгка, з вялікай цяжкасцю': *А яна, яна // Ёсціпела: // — Пад кустом сядзіць мядзведзь, // З кулакамі // Наляцела, // Супакоіў ледзьве-ледзь* [14]. Гэтае складанае ўтварэнне ўзнікла на базе аднакаранёвых слоў-сінонімаў і ўзмацняе семантыку абодвух кампанентаў.

Пры ўтварэнні індывідуальна-аўтарскіх слоў А. Дзеружынскі звяртаецца і да асноваскладання. Гэтым спосабам ён утварае прыметнікі (*светла-залацісты* 'колеру светлага золата; светла-жоўты'): *Бялюткай хмаркай, // Бялюткай хмаркай // Любуюся я ў небе чыстым // І зоркай яркай, // І зоркай яркай, // Агністай, светла-залацістай* [15]. Індывідуальныя складаныя прыметнікі-неалагізмы валодаюць уласцівасцю згушчаць, канцэнтравать інфармацыю, выступаючы ў ролі адметных сродкаў паэтычнага адлюстравання навакольнага свету.

Асноваскладаннем + суфіксацыяй утвораны назоўнік *іншамовіца* 'жанчына, якая гаворыць на іншай мове': *Не бяда, // Што іншамовіца, // Хто жадае, // Той дамовіца* [16].

Пры ўтварэнні індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў паэтам выкарыстоўваецца суфіксацыя. З яе дапамогай утвараюцца пераважна памяншальна-ласкавыя словы розных часцін мовы: а) назоўнікі (*плацейка* 'лёгкае плацце або плацце невялікіх памераў'): *Лецейка, лецейка // Зачароўвае, // Плацейка, плацейка // Паркалёвае* [17]; б) безасабова-прэдыкатыўныя словы (*нудненька* 'памяншальна-ласкавае да нудна': *Дума-думанька, // Як мне нудненька, // Сумна і трывожна, // Выказаць няможна* [18].

Прыставачна-суфіксальным спосабам утвораны прыметнік *нерастанны* 'развітальны': *І два словы, два вечныя словы — // Я кахаю — пачулі дубровы. // У таемным кутку // Ты дала мне руку // Прывітальную, // Нерастанную* [19].

Дзеяслоў *цанавацца* 'дамаўляцца аб чане' ўтвораны суфіксальна-постфіксальным спосабам: — *Грошы не шкаду, // Дам цану любую... // Кінем цанавацца, // Лей цалавацца!* [20].

Заклучэнне. У мове вершаў зборніка А. Дзеружынскага «Веснавей» ужываюцца пераважна індывідуальна-аўтарскія неалагізмы-кампазіты, утвораныя словаскладаннем, асноваскладаннем, асноваскладаннем + суфіксацыяй. З іншых індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў зафіксаваны дэрываты, утвораныя суфіксальным, прыставачна-суфіксальным, суфіксальна-постфіксальным спосабамі.

Спіс цытуемых крыніц

1. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М. : Наука, 1992. 221 с.
2. Дзеружынскі А. Веснавей : песні і вершы. Мінск : Маст. літ., 1994. 207 с.
3. Там жа. С. 94.
4. Прыгодзіч М. Р. Словаскладанне ў беларускай мове. Мінск: БДУ, 2000. 227 с.
5. Аганесян А. Г. Окказиональные слова в поэзии С. Кирсанова: словообразовательно-стилистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Ин-т яз. АН СССР. М., 1989. 23 с.
6. Солахаў А. В. Аказіянальныя назоўнікі-кампазіты з апорным кампанентам, роўным самастойнаму слову (на матэрыяле твораў беларускай паэзіі 2-ой паловы XX ст.) // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та. 2005. № 2. С. 94—98.
7. Аганесян А. Г. Окказиональные слова в поэзии С. Кирсанова: словообразовательно-стилистический аспект. С. 20.
8. Дзеружынскі А. Веснавей. С. 37.
9. Там жа. С. 44.
10. Там жа. С. 24.
11. Там жа. С. 5.
12. Там жа. С. 134.
13. Там жа. С. 43.
14. Там жа. С. 105.
15. Там жа. С. 112.
16. Там жа. С. 182.
17. Там жа. С. 40.
18. Там жа. С. 16.
19. Там жа. С. 124.
20. Там жа. С. 131.

О ЯЗЫКОВОМ ВЫРАЖЕНИИ РЕЧЕВОЙ ТАКТИКИ «КРИТИКА» В АМЕРИКАНСКОМ ОБЩЕНИИ

Введение. Язык реализует одну из важных человеческих потребностей — потребность в общении. Иными словами, потребность в коммуникации друг с другом. Общение — это сложный и многогранный процесс, который выступает одновременно и как взаимодействие индивидов, и как информационный процесс, и как отношение людей друг к другу, их взаимное сопереживание и понимание. Несмотря на факт изученности целого ряда аспектов процесса общения, оно всё же продолжает оставаться одним из перспективных исследовательских пространств современной лингвистики.

Данное исследование посвящено одной из актуальных и недостаточно разработанных тем современной лингвистики — языковому выражению речевой тактики «критика» в американском общении.

Актуальность данной работы определяется её принадлежностью к современным лингвистическим исследованиям, ориентированным на изучение особенностей национального характера, характеристик языковых единиц в различных сферах коммуникации, и потребностью в изучении ранее не разработанных тактик речевого взаимодействия, таких как «критика».

Целью данного исследования является выявление и систематизация языковых средств выражения речевой тактики «критика» в американской языковой культуре.

Основная часть. *Критика* (фр. *critique* искусство разбирать, суждение) — это анализ, оценка и суждение о явлениях какой-либо из областей человеческой деятельности [1]. Критика отличается по тому, на что она направлена: на ситуацию, личность, высказывания человека или на его действия. Критика может быть открытая и скрытая, в глаза и за спиной, справедливая и нет, деструктивная и конструктивная. Критика бывает поддерживающая и разгромная, общего плана и конкретная, мотивирующая и останавливающая [2].

Методом сплошной выборки, как нельзя лучше отражающей частотность, мы проанализировали 20 фильмов, вышедших в интервале с 2005 по 2015 г. Отметим, что критика в большинстве случаев направлена на умственные или физические способности, поведение, качество выполненной работы, а также на внешний вид собеседника.

Изучив характер использованной в американском общении речевой тактики «критика» на основе фильмов, мы пришли к выводу, что языковое выражение данной тактики проявляется на лексическом уровне в виде:

- ненормативной лексики: — *What the fuck is this? Are you two fucking around at school again? We need results!* (22 jump Street, Ph. Lord, C. Miller). В данном примере главные герои не воспринимают работу всерьёз и их руководитель выходит из себя. — *It's a horrendous piece of shit* (This is the end, S. Rogen, E. Coldberg). Сэм критикует последние происшествия вечера: землетрясение, пожары и т. д.;

- сленговых выражений: — *Well, you don't want to hear this from some schmuck who needs a ride home* (Limitless, N. Burger). В данном примере главный герой Эдди довольно самокритично отзывается о себе при новом руководителе;

- выражений, обозначающих общность кого-либо, чего-либо: — *Y'all buncha busters and shit!* ([Gridiron gang, Ph. Joanou). Тренер довольно эмоционально критикует команду после проигрыша, собрав их в раздевалке;

- наречий степени too, so и др.: — *This guy plays too bad for me to stop* (Runner Runner, B. Furman). Онлайн-игрок не собирается останавливать игру, потому что противник играет, по его мнению, слишком плохо. И это может принести главному герою удачу;

- суффикса less, означающего нехватку или отсутствие чего-либо: — *Of all the useless relationships better forgotten and put away in mothballs, is there any more useless than the ex-brother-in-law?* (Limitless, N. Burger). Главный герой рассуждает о последней встрече с шурином. Он считает, что эта самая бесполезная встреча из тех, которая могла бы произойти;

- прилагательных в сравнительной и превосходной степени: — *I hate Jay so much. I think he might be the worst person You ever created* (This is the end, S. Rogen, E. Coldberg). Главный герой Сет обращается к Богу, жалуясь на то, что его неприятель — худшее из его созданий;

- сложных прилагательных: — *I'm up to my ass with investment guys and you don't have their half-terrified, half-line of crap which is... not to say that I like yours any better* (Limitless, N. Burger). Известный бизнесмен даёт понять главному герою, что ему не нравится стиль работы последнего, намекая на то, чтобы тот поменял свою тактику.

Также критика на лексическом уровне проявляется в виде стилистических приёмов:

- оксюморон: — *Oh, sister, you're perfectly hideous* (Oz great and powerful, S. Raimi); Девушка увидела изменившееся не в лучшую сторону лицо сестры и ужаснулась.

– ирония, сарказм, издёвка: — *You were prettier with the mask on* (You again, A. Fickman). В данном примере мы видим критику в адрес девушки, носившую костюм и маску крокодила для поддержки бейсбольной команды под названием «Аллигаторы»;

– аллитерация: — *Textbook twattage* (This is the end, S. Rogen, E. Coldberg). Один из героев в силу собственной неприязни критикует другого;

– сравнение: — *You look like you are living on the streets* (Limitless, N. Burger). Главный герой Эдди встречает на улице старого приятеля, который удивлен внешним видом друга и прямо говорит ему о том, что тот выглядит не лучшим образом.

Языковое выражение тактики «критика» также проявляется на синтаксическом уровне:

– повелительным наклонением: — *Look at your defensive posture!* (Coach Carter, T. Carter). В этом примере тренер команды Картер исправляет позу защитника одного из игроков;

– специальными вопросами: — *What kind of guy without a drug or alcohol problem looks this way?* (Limitless, N. Burger). Главный герой, писатель, рассуждает о том, что надо бы изменить свой внешний вид;

– разделительными вопросами: — *You are creep, aren't you?* (Limitless, N. Burger). В данном примере главный герой критикует своего друга, который занимается нелегальной торговлей таблеток;

– восклицательными предложениями: — *What you are doing is a crime! You are impersonating a federal officer. It's a felony!* (7 pounds, G. Muccino). В данном примере брат главного героя обвиняет его в том, что он взял его удостоверение и выдавал себя за представителя власти;

– отрицанием, в том числе выражениями *I can't believe, I can't stand, I can't take*: — *You got no discipline* (Gridiron gang, Ph. Joanou). Новый тренер команды высказывает свое мнение по поводу дисциплины одного из учеников, или её отсутствия, если быть точнее;

– повтором: — *So is that it? Is that all you've got?* (Man of steel, Z. Snyder). Сверстники главного героя в детстве критикуют его физическую силу, провоцируя его на проявление своей агрессии;

– союзом *but*: — *Your intentions are good, but methods are bit extreme* (Coach Carter, T. Carter). Во время беседы нового тренера бейсбольной команды Картера и директором школы происходит недопонимание. Директор не одобряет методы преподавания нового тренера, считая их слишком радикальными.

Мы хотели бы также отметить, что речевая тактика «оскорбление» используется в сопровождении невербальных средств. Активно используются жесты и мимика. Кроме того, частота употребления речевой тактики «критика» зависит от типажа героя и его характера, а также от самого жанра фильма. Выборка данных речевых тактик соответствует таким жанрам, как комедия, боевик, драма, криминальная драма.

Обработав собранные нами данные, очевидно более вариативное и разнообразное воплощение данной тактики на лексическом уровне, синтаксический уровень не так разнообразен. Это говорит о том, что американская речь, как и образ мышления, подвижна и изворотлива, полна юмора и жаргонных выражений.

Заключение. Речевая тактика «критика» соотносится с ненормативной лексикой. Характерно для американского языкового коллектива использование сарказма и иронии. К тому же использование подобной тактики свойственно в большинстве случаев мужчинам. Более того, употребление речевой тактики «критика» более характерно для людей старшего возраста при обращении к младшим либо обращение людей, находящихся на более высоких должностях по отношению к подчинённым, хотя и не исключаем тот факт, что имеют место и случаи употребления «критики» в противоположных ситуациях. Мы полагаем, что их частотность употребления может измениться в зависимости от ситуации и характера общения.

По итогам проведения систематизации основных средств выражения речевой тактики «критика» нами было установлено, что наибольшую частотность и вариативность имеет речевая тактика «критика» на лексическом уровне. Среди языковых средств выражения критики наиболее частотными являются наречия степени *too, so, absolutely*, а также ненормативные лексические единицы, такие как *fuck, shit, dumb*. Высокую частотность имеют различные стилистические приёмы (оксюморон, ирония, сарказм, эвфемизм, аллитерация, сравнение и гиперболы).

Список цитируемых источников

1. Критика. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/критика> (дата обращения: 02.02.2016).
2. Критика. Энциклопедия практической психологии. URL: <http://www.psychologos.ru/articles/view/kritika> (дата обращения: 22.01.2016).

О ЯЗЫКОВОМ ВЫРАЖЕНИИ РЕЧЕВОЙ ТАКТИКИ «СОГЛАСИЕ» В НЕМЕЦКОМ ОБЩЕНИИ

Введение. Согласие является универсальным понятием и одной из форм существования речи, вербализуется и представляет специфическую составляющую языковой картины мира. Речевая тактика «согласие» представляется как осознанный поиск решения, для которого избираются оптимальные языковые средства. Для лингвистического анализа интересны в первую очередь эксплицитные средства выражения согласия. Однако следует отметить, что речевая тактика «согласие» имеет сложный многосторонний характер, что связано с влиянием таких факторов, как национальный характер языкового коллектива, ситуация общения, формальность ситуации, внутреннее состояние говорящего, возрастная группа, к которой он принадлежит, и т. п. Основным направлением нашей работы послужило выявление и систематизация языковых средств выражения речевой тактики «согласие» в немецкой языковой культуре и определение взаимосвязи данной тактики с особенностями национального характера. Тема выбранного исследования лежит в сфере интересов лингвистики, теории речевой коммуникации, т. е. тех наук, предметом научных исследований которых является речевое поведение, условия успешного взаимодействия коммуникантов. Поэтому результаты данного исследования имеют практический характер и позволяют углубить понимание коммуникативного поведения немецкого языкового коллектива.

Основными методами анализа речевой тактики послужили: контекстуальный анализ, метод сплошной выборки, метод лингвистической интерпретации. Материалом исследования речевой тактики «согласие» в немецком языковом коллективе послужили немецкие фильмы, вышедшие в интервале с 2000 по 2016 гг.. Теоретической базой исследования послужили работы учёных, изучающих теорию речевой деятельности: А. Н. Леонтьева, С. А. Сухих; речевые стратегии и тактики: О. С. Иссерс, П. В. Ребровой; характеристики немецкого языкового коллектива и особенности коммуникации в нём: В. А. Сухарева.

Основная часть. Любая коммуникация между людьми представляет собой последовательность речевых актов, минимальных единиц речевой деятельности. В этом процессе коммуникации человек часто использует речевую тактику «согласие». А данная тактика соотносится с конкретными речевыми актами или ходами и определяется социально-психологическими параметрами. Тактика поддержки-утверждения, или тактика согласия, может реализовываться с помощью таких ходов, как подтверждение, одобрение, приведение положительного примера, прямой положительной оценки как с аргументацией, так и без неё [1, с. 47—49]. Таким образом, выявление и описание способов выражения речевой тактики «согласие» в немецком языке при помощи некоторых признаков, описывающих конкретное коммуникативное общение, позволяет изучающему немецкий язык выбрать более приемлемую форму ответа, что позволит избежать так называемых коммуникативных неудач [2, с. 262].

Национальный характер, будучи по своей природе одним из компонентов национальной психологии, т. е. субъективным феноменом, тем не менее находит своё материальное воплощение, «опредмечивается» в различных сферах жизнедеятельности этноса, включающая в себя и речевую тактику «согласие». Современному немецкому языковому коллективу присущи такие черты характера, как трудолюбие, пунктуальность, рациональность, бережливость, организованность, серьёзность, честность, аккуратность, скромность, склонность к подражанию, страсть к методичности, педантичность. По темпераменту немцев можно отнести к флегматикам. Немцы совершенно лишены той живости и восприимчивости, которые составляют отличительную черту американцев. Ловкость, умение держать себя, утончённая деликатность и вежливость совсем не в характере немцев [3, с. 165]. Данные черты определяют ряд социальных особенностей, раскрывающий характер речевого взаимодействия в культуре. К примеру, такая черта немецкого языкового поведения, как скромность, отражается в употреблении кратких и стилистически нейтральных форм выражения согласия; повторение реплики собеседника подчёркивает такую черту национального характера, как педантичность.

При комплексном исследовании речевой тактики «согласие» во внимание принимались следующие факторы: полный либо частичный характер согласия, ситуация общения, тип согласия и реакция адресата. Изучив на основе фильмов характер использованной в немецком общении речевой тактики «согласие», мы установили, что языковое выражение данной тактики проявляется на лексическом и синтаксическом уровнях.

Нами были выявлены средства выражения согласия на лексическом уровне: 1) релятив *ja*. Следует отметить, что данный способ выражения согласия является наиболее частотным; 2) междометия *aha*, *topp*, *oh*, которые употребляются только в формальной обстановке; 3) модальные слова *natürlich*, *klar*; 4) утвердительная частица *OK*; 5) лексические единицы с оттенком точной уверенности *sicher*, *absolut*, *stimmt*, *total*, *unbedingt*, *einverstanden*, *bestimmt*; 6) реплики, выражающие радость положительно откликнуться на просьбу, *sehr gut*, *gerne*, *schön*; 7) лексическая единица + аппеллятив.

Употребление релятива *ja* отражает такую черту немецкого языкового коллектива, как скромность, проявляющуюся в стилистически нейтральной форме выражения согласия. В то время как разнообразные лексические еди-

ницы с оттенком точной уверенности указывают на такие черты, как серьёзность и уверенность. Реплики *sehr gut, gerne, schön* делают высказывание более эмоциональным и доброжелательным.

На синтаксическом уровне было выявлено, что речевая тактика «согласие» выражается следующими способами: 1) синтаксическими приёмами (повтором утвердительных лексических единиц); 2) повтором реплики собеседника.

Также следует отметить, что речевая тактика «согласие» может выражаться с помощью невербальных средств, таких как движения, эмоции, поступки, а также молчание, которое играет в диалоге важную роль. Это объясняется тем, что человек во время диалога использует не только определённые речевые формулы речевого этикета, но и определённые формы поведения. И в зависимости от ситуации будет использован тот или иной способ выражения согласия.

Обработав собранные нами данные, представляется очевидным, что из всех перечисленных выше способов наиболее употребительными являются релятив *ja*, а также сочетание данного релятива с повтором реплики собеседника, что непосредственно подчёркивает такую черту национального характера, как педантичность, т. е. склонность к формализму.

Заключение. Национальный характер играет немаловажную роль в общении. Согласие свидетельствует о культуре национального диалога, о выражении опыта и знаний участника этого диалога, о его ценностных ориентациях. Знание особенностей немецкого языкового коллектива поможет углубить понимание этого народа, а также облегчить понимание их иностранцами.

Очевидно, что речевая тактика «согласие» является одним из заметных и уникальных явлений немецкого языка, изучение которого в разных аспектах остаётся актуальной проблемой лингвистики.

Список цитируемых источников

1. Василина В. Н. Особенности речевого акта согласия при переводе с английского на русский язык // *Ars grammatica*. Граммат. исслед. : тезисы докладов 4-й Междунар. науч. конф., Минск, 2—3 нояб. 2010 г. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Д. Г. Богусевич (отв. ред.) [и др.]. Минск : МГЛУ, 2010. С. 47—49.
2. Реброва П. В. Способы выражения согласия/несогласия в немецком языке на примере коммуникативного акта просьбы // *Молодой учёный*. 2012. № 3. С. 262—265.
3. Сухарев В. А. *Европейцы и американцы глазами психолога*. М., 2000. С. 165.

УДК 811.111'37

Е. П. Бобрикова

Белорусский государственный университет, Минск

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ СЕМАНТИКИ КВАНТИТАТИВНЫХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Введение. Цель статьи — систематизировать модели семантических дериваций лексем со значением неопределённого количества, восходящих к мезуративам. Актуальность обусловлена потребностью в ретроспективном диахроническом подходе к анализу материала. Материалом послужили английские субстантивные лексемы, развившие в смысловой структуре значение неопределённого количества.

Основная часть. Системы измерителей (мезуративов) являются результатом скрещения естественных наук и экономики. Это наименования единиц меры, длины, времени, веса, площади и др. [1]. Такие слова принадлежат языкам для специальных целей [2] и являются «слугами двух господ» [3], а также мыслятся как эталоны для измерения величин [4]. Исследователь С. А. Швачко называет мезуративы терминами, поскольку им присущи «системность, однозначность, точность, десинонимичность и деэмоциональность» [5]. Генетические связи таких слов, как мезуративы, исследовались ещё Е. Мейером, а также упоминались в трудах О. Есперсена [6]. Так, в своих работах М. М. Покровский делает выводы о типологических семантических закономерностях указанных слов в отдалённых языках [7]. Профессор Ф. П. Филин, изучая слова меры и веса, отмечал, что «измерение земельной площади начинает идти по различным признакам... В широком распространении имеется измерение земли гоном, отрядами» [8]. В свою очередь И. В. Арнольд, рассматривая слова меры, времени, пространства и денежных номинаций, подчёркивает терминологичность указанных слов [9]. В смысловой структуре лексем-терминов в процессе десемантизации развивается значение неопределённого количества, чаще — неопределённого множества. Можно наблюдать, что семантический генезис начинается от объектов действительного мира по модели: 'предмет → число/мера → неопределённое количество'.

Лексемы, обозначающие меру или вес, в основном восходят к обозначениям предметов, которые подвергались измерениям или с помощью которых производили измерения. К таким лексемам относятся мезуративы, в основе развития семантики которых лежит метонимический перенос, который В. С. Шах-Назарова

проиллюстрировала на происхождении некоторых измерителей, например, слово *peck* 'бишь, пакет' → 'мера веса' [10]. Проследив дальнейшую деривацию таких слов, можно вывести *обобщающую* модель семантической эволюции: 'предмет/объект действительности → мера → множество'.

Деривация семантики слов восходит к обозначениям образов частей тела человека. «Казалось бы нет более конкретных слов, чем названия частей тела, однако детальное определение их смысловой структуры в английском языке показывает, насколько сложно организовано их смысловое содержание» [11, с. 93]. Такие лексемы, как *cubit* ('рука, локоть → сажень → мера длины → неопределённое количество'), *digit* ('палец руки/ноги → средство измерения/мера → неопределённое множество'), *nail* ('ноготь → мера веса, длины → неопределённое (малое) количество'), *fathom* ('длина разведённых рук → мера → неопределённое количество'), дополнили семантику неопределённым количественным значением. При этом на развитие значения заимствованных слов влияет этимологическое значение: заимствованная из латинского (лат. *digitus* палец) лексема *digit* в английском языке была зафиксирована в значении 'each of the numerals below ten' ('любое число до десяти', XIV в.), затем семантический объём лексемы пополнился значением 'the breadth of a finger used as a measure' ('ширина пальца, используемая для измерений', XVII в.) и используемым для юмористического эффекта значением 'a finger or toe' ('палец руки или ноги', сер. XVII в.) [12]. Можно предположить, что даже при заимствовании внутренняя форма слова языка-донора в большей или меньшей степени влияет и предопределяет развитие смысловой структуры слов языка-реципиента.

Деривация связана с земледелием и образом «земля». По модели 'земля → измерение/мера → неопределённое количество' развиваются лексемы по типу *acre*, *chain*, *furlong*, *pole*, *rod*, *yard*, *perch*, *link* и др. Например, у лексемы *acre*, согласно исследованию В. Скита, исходным было значение 'пастбище', а по мнению составителей оксфордского словаря OED [13], таковым было значение 'поле', поскольку восходит к протоиндоевропейскому корню агро 'поле'. Так или иначе, прослеживается связь с понятием «земля». Изначально в семантику *acre* не входило точное числовое значение, которое появилось позже, к XI в. Семантическая деривация лексемы *acre* следующая: 'надел пахотной земли (X в.) → определённое количество земли, которое одна упряжка может вспахать за один день (XI в.) → 4 840 кв. ярдов, акр (конец XI в.) → пространство; неопределённое количество (XIX в.)'. В разговорной речи лексема приобретает эмоционально-оценочный оттенок значения 'множество/обширное пространство' с утратой числового семантического компонента.

Семантическое развитие от значения 'палка, посох' и т. п. Палка, как и части тела, помогали человеку производить измерения. Развитие семантики таких слов, как *yard*, *pole*, *perch*, *rod* по модели 'палка (сходный предмет) → измерение/мера → неопределённое количество' подтверждает особую роль социального фактора. Об аналогичном семантическом развитии, основанном на метонимическом переносе 'палка → прибор для измерений', в своих работах указывал М. М. Покровский и подчёркивал, что «со словами, обозначающими меру, мы соединяем представления не только об измеряющем предмете, но и об измеряемом предмете, по крайней мере о его количестве или величине» [14]. Например, исконно английская лексема *yard* в X в. обозначала 'a pole or a stick' ('палка') и даже 'a stick for punishment' ('хлыст для телесных наказаний'), к XI в. семантика лексемы приобретает значение 'a measuring-rod' ('палка для измерений'), а затем квантитативное значение '16.5 feet' ('4,8 метра'), которое сделало лексему *yard* синонимичной лексемам *rod*, *pole*, *perch*. Дифференциация синонимов произошла ближе к XIV в., когда мезуратив *yard* обозначал '3 feet and 36 inches' ('1,8 метра'), а затем в семантическую структуру вошло значение неопределённой количественности. Таким образом, лексема прошла через следующие этапы семантической эволюции: 'палка → измерение/мера → неопределённое количество'. Процесс частичной десемантизации продолжается. Так, в XX в. в американском английском лексема функционировала в значении 'сто или тысяча долларов' [15].

Деривационные процессы, обусловленные образами предметов, выполняющих роль контейнеров. Преимущественно это наименования артефактов, созданных человеком (мешки, посуда и т. п.), которые применялись для измерения сыпучих, текучих или других веществ, т. е. выполняли роль партитивов для недискретных сущностей. По мнению Н. В. Михальковой, лексико-семантическое пространство таких квантитативных единиц включает три основные семантические области лексем: «квантитативы-часть», «квантитативы-контейнеры», «квантитативы-множества» [16]. Однако при диахроническом исследовании процесс формирования квантитативной смысловой структуры связан в первую очередь с внутренней формой слов, поэтому разделение на такие группы в синхронии только частично совпадает с группированием слов на основании деривационных моделей.

Заключение. В ходе исследования были выделены одни из основных деривационных моделей, среди которых самой устойчивой является модель развития семантики от образа некоторого вместилища: 'предмет, обладающий объёмом → мера, объём → неопределённое количество'. Например, лексема *bushel*, которая была заимствована из старофранцузского: смысловая эволюция данной лексемы начинается со значения 'ящик', которое потом преобразуется в значение 'мера сыпучих и жидких веществ' и постепенно эволюционирует, развивая значение неопределённой количественности ('множество'). В ходе исследования была отмечена особенность развития некоторых лексем-мезуративов: в процессе деривации таких слов часто наблюдается синкретизм числа и мера.

Список цитируемых источников

1. Категория количества в современных европейских языках / В. В. Акуленко [и др.]. Киев : Наук. думка, 1990. 283 с.
2. Там же. С. 20.
3. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М. : Высш. шк., 1986. 784 с.
4. Там же.

5. Швачко С. А. Эволюция и функционирование слов-измерителей в системе английского языка (на материале слов меры и веса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.663. Киев, 1971. 21 с.
6. Jespersen O. The Philosophy of Grammar. University Of Chicago Press, 1992. 358 p.
7. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 382 с.
8. Филин Ф. П. К вопросу о происхождении понятий измерения (термин «верста») // Сб. академику М. Я. Марру : сб. науч. ст. / ред. И. И. Мещанинов. М. : Изд.-во АН СССР, 1935. С. 371—380.
9. Шах-Назарова В. С. Пополнение смысловой структуры английских существительных в связи с изменениями в общественно-экономической жизни Англии в XVI веке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. М., 1961. 20 с.
10. Уфимцева А. А. Семантика слова // Аспекты семант. исслед. М. : Наука, 1980. С. 5—80.
11. Oxford English Dictionary [Electronic resource] / ed. by L. Brown (ed.-in-chief) [and etc.]. Electronic data and programme (645 Mb). 4 ed. New York : Oxford University Press, 2007. 1 CD-ROM.
12. Михалькова Н. В. Лексические средства выражения квантификации недискретных сущностей : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 ; Мин. гос. лингвист. ун-т. Минск, 2015. 27 с.
13. Там же.
14. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. С. 65—66.
15. Михалькова Н. В. Лексические средства выражения квантификации недискретных сущностей. 27 с.
16. Там же. С. 9—10.

УДК 800

В. В. Богданова

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГОСТЕПРИИМСТВО» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ)

Введение. Одним из центральных направлений современных лингвистических исследований является изучение взаимосвязи языка и мышления, роли человека в языке и роли языка для человека. Данное направление языковых исследований уделяет достаточное внимание репрезентации знаний и представлений об окружающем мире в виде когнитивных структур в сознании человека. В роли данных когнитивных структур выступают концепты, отражающие тесную взаимосвязь языка с миропониманием человека, его духовной и практической деятельностью.

Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение когнитивных структур — концептов — является одним из важнейших направлений развития современной лингвистики. Интерес современной лингвистики к способам формирования смысла и формам репрезентации знания, которые отражают основные когнитивные процессы сознания, обуславливает изучение типов концептов, проблем их классификации, выделения основных когнитивных компонентов и характеристик разных типов концептов, установления специфики реализации концепта в контексте и решения других задач.

В связи с процессами миграции народов на данном этапе развития человечества интерес представляет репрезентация концепта «гостеприимство» в языке. Гостеприимство — это постоянное качество, свойство человека либо целого народа, которое проявляется в том, что он любит и постоянно готов принимать гостей у себя дома, его дом всегда открыт для других людей, и он старается им угодить, угостить и предоставить ночлег на неопределённое время. Следует отметить, что гостеприимство очень важно не только для носителей одной определённой культуры, но для представителей абсолютно разных культур. Также гостеприимным можно назвать не только одного конкретного индивида, но данная характеристика может относиться и к целой нации. Так, к примеру, белорусы считаются весьма гостеприимными, всегда готовыми распахнуть двери своего дома для гостей.

Целью исследования является выявление языковой репрезентации концепта «гостеприимство» в английском языке на основе текстов СМИ.

Объектом исследования выступает концепт «гостеприимство» в текстах англоязычных СМИ.

Основная часть. Языковая репрезентация концепта «гостеприимство» происходит посредством разнообразной лексики, однако доминирующей лексической единицей является прилагательное *hospitable*.

Термин «гостеприимство» разными словарями трактуется почти идентично. Схожесть трактовки, очевидно, обусловлена самой сутью данного понятия. Толковый словарь английского языка представляет прилагательное *hospitable* как ‘friendly and welcoming to visitors or guests’ (‘добрый к посетителям или гостям’) [1]. Словарь современного английского языка приводит следующее толкование данного понятия: ‘friendly behavior towards visitors’ (‘дружеское расположение к гостям’) [2].

В ходе исследования были проанализированы подходы к вербализации концепта «гостеприимство». Рассмотрим следующие варианты репрезентации указанного концепта на основе одной из статей в газете “The Guardian”.

1. Home Office statistics reveal dozens of applications by people claiming persecution in the US.

...The Refugee Council, the largest organisation in the UK working with asylum seekers and refugees, said it *had helped* 18 American and two Canadian asylum seekers between 2004 and 2008. ...A small number of Americans *have successfully claimed asylum* abroad over the past few decades. In 1997 the Netherlands *granted asylum* to Holly Ann

Collins, together with her three children, when they claimed to be fleeing domestic abuse. The family had spent three years living in four different Dutch refugee camps before *their application was approved*. In June 2008 Texan mother Chere Tomayko and her two daughters were granted asylum in Costa Rica, also on the grounds of abuse.

2. ...dozens of Americans have tried in recent years to gain asylum in the UK by claiming they were persecuted in their homeland, according to figures released to the Guardian under the Freedom of Information Act.

...Liza Schuster, an asylum expert from the department of sociology at City University, said: "I don't know the details of those cases, but assume the US citizens are deserting before being sent to somewhere like Afghanistan. ...if only because it is relatively easy for those people to leave their countries and settle elsewhere. *Why not just apply for a work visa and renew and then apply for leave to remain?* As someone who would not find admission to European countries too difficult, it would only make sense to claim asylum if you feared *extradition* back to Canada or the US, or if there was some reason you might be refused entry". ...A small number of Americans have successfully claimed asylum abroad over the past few decades. ...After America went to war in Iraq in 2003 a number of US soldiers deserted and crossed the border to Canada, where they tried to claim asylum.

Smith, who now goes by the name Skylar James, told Canadian authorities she was repeatedly harassed and threatened with death, then denied an honourable discharge because her superiors wanted to send her to Afghanistan.

Рассмотрев в приведённых частях статьи употребление слов, выражающих гостеприимство, следует отметить, что данный концепт представлен в контексте по-разному. В первом варианте чётко прослеживается положительная реализация гостеприимства — Совет Великобритании удовлетворяет запросы беженцев, предоставляет им убежище и опеку (*had helped, have successfully claimed asylum, granted asylum, application was approved*). Однако принимая во внимание вторую статью, становится очевидно, что мнение о беженцах не всегда имеет положительный характер, оно неоднозначно, ведь даже эксперты предполагают существование альтернативных путей для беженцев (*apply for a work visa and renew and then apply for leave to remain*). Примечательно, что в статье весьма чётко обозначено, что лишь небольшое число заявлений было успешно удовлетворено (*a small number of Americans have successfully claimed asylum*).

Заключение. В ходе исследования мы рассмотрели способы репрезентации концепта «гостеприимство» в британских СМИ (в частности, на примере статьи из газеты "The Guardian"). Исследуемый концепт представлен в контексте при помощи слов, которые либо прямо выражают гостеприимство, либо окрашены положительным или негативным оттенком, который в том или ином случае относится к понятию гостеприимства.

Список цитируемых источников

1. Longman Dictionary of Contemporary English. New York : Pearson Education, 2014. 4087 с.
2. Хоккинс Дж., Делаханты Э., Макдональд Ф. Толковый словарь английского языка = Oxford English Dictionary. Oxford : Oxford University Press, 2008. 2099 с.

УДК 81

И. М. Богомолова, А. П. Мясоед

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

КОНЦЕПТ КАК БАЗОВОЕ ПОНЯТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Введение. В современной лингвистической науке широко представлена проблема сущности концепта. В научной литературе существует большое разнообразие подходов к изучению данного объекта. Этот термин входит в понятийный аппарат различных областей лингвистики: семантику, когнитивную лингвистику, лингвокультурологию, а также в понятийный аппарат логики, философии, культурологии, языкознания, литературоведения, психолингвистики.

Основная часть. Каждый учёный, рассуждая в рамках своей науки и своей парадигмы, старается конкретизировать и уточнить исследуемый термин. Однако наличие такого разнообразия точек зрения на проблему обуславливает вариативность толкований понятия «концепт».

Проблемам изучения природы концепта посвящены труды как зарубежных, так и отечественных учёных: Н. Д. Арутюновой, С. А. Аскольдова, А. П. Бабушкина, В. фон Гумбольдта, В. В. Колесова, Е. С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, Д. С. Лихачёва, М. Минского, Р. И. Павилёниса, З. Д. Поповой, А. А. Потебни, Э. Сепира, Ю. С. Степанова, И. А. Стернина, Б. Уорфа, Ч. Филлмора.

Термин «концепт» не имеет однозначного толкования. Так, Ю. С. Степанов даёт следующее определение: концепт — идея, включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия [1, с. 412]. В его представлении концепт — «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека [2].

По мнению Д. С. Лихачёва, концепт — это личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения [3, с. 281].

Одним из первых в лингвистике к исследованию концепта обратился С. А. Аскольдов в работе «Слово и концепт», опубликованной в журнале «Русская речь» в 1928 г. Автор считал концепт «мысленным образованием», которое в нашем сознании является «представителем» некоторого числа родственных предметов либо явлений.

Как утверждает большинство учёных, система концептов образует картину мира (мировидение, мировосприятие), в которой отражается видение и понимание человеком реальности. Анализом проблемного поля концептов и осмыслением языковой картины мира занимается сравнительно молодая отрасль научного знания — когнитивная лингвистика. Тем не менее интерес к языковой картине мира обнаруживается ещё в работах В. Гумбольдта, который, опираясь на труды другого немецкого учёного, историка культуры И. Гердера, писал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [4, с. 324].

В свою очередь А. Вежбицкая считает, что такие доминанты поведения в русской культуре, как относительная неконтролируемость чувств, неконтролируемость судьбы, категоричность моральных суждений, заложены в русском языке и определяют мировоззрение носителей языка [5, с. 76].

Вместе с тем было бы упрощением считать, что своеобразие культуры народа сводится к нескольким концептам, даже столь многомерным и существенным, как «Судьба», «Госка», «Воля» для русской культуры, «Ordnung», «Befehl», «Angst» для немецкой культуры. Концепты, названные приведёнными именами, играют особую роль в представлении обобщённых типов носителей соответствующих культур со стороны иностранцев [6]. Но надо учитывать, что концепты отдельного народа могут быть искажены. Это происходит из-за того, что не учитывается самопредставление народов (например, немцы глазами русских и немцы глазами немцев).

Являясь многомерным ментальным образованием, концепт имеет три важнейших измерения [7]: образное, понятийное, ценностное.

Образная сторона концепта — это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отражённых в нашей памяти. Это релевантные признаки практического знания.

Понятийная сторона концепта — это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно.

Ценностная сторона концепта является важной стороной психического образования как для индивидуума, так и для коллектива. Ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить. В этом сложном ментальном образовании выделяются наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определённый тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [8].

В последнее время с развитием когнитивного подхода к изучению языковых единиц выделилась новая область исследований — концептология эмоций, на становление которой оказали влияние работы А. Вежбицкой, Н. Д. Арутюновой, С. Г. Воркачева и некоторых других лингвистов.

Концепт не имеет чётких границ [9], существует в индивидуальном или коллективном сознании и формируется на основе взаимодействия языка и культуры. Его центром всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип. Он представляет собой смысловые образы и ассоциации, замещающие соответствующие значения. Ассоциации в свою очередь образуют ядро концепта и могут менять свой оценочный знак с отрицательного на положительный или с положительного на отрицательный. Языковая единица, которой актуализируется центральная точка концепта, служит именем концепта [10].

Рассмотрев теоретические аспекты сущности концепта, мы приступили к непосредственному исследованию языковых средств отражения концепта «страх» на примере немецкоязычных и белорусскоязычных художественных произведений.

Для анализа были использованы следующие произведения: D. Koonz «Das Haus der Angst» в объёме 288 с. и У. С. Караткевича «Дзікае паляванне караля Стаха» в объёме 186 с.

Языковое выражение эмоции «страх» богато различными средствами, имеющими прямое или косвенное отношение к имени концепта. Анализ исследуемых произведений показал высокую межязыковую эквивалентность. Для выражения концепта «страх» авторами используются различные языковые средства, эксплицитно или имплицитно описывающие состояние страха. Условно их можно разделить на три группы:

— тематическая группа «Angst»/«жах», в которую мы включили лексические единицы (различные части речи), имеющие значение «испытать чувство страха». Чаще всего это выражения, имплицитно или эксплицитно имеющие значение «бояться», «испугаться», часто сопровождаемые прилагательными, например: «*Angst überkam sie in schnellen Wellen*», «*Nicht einmal als Kind hatte Susan Angst*», «*Kein Grund sich zu fürchten*», «*eiskalte Angst*», «*Sie war verängstigt*», «*Warum fürchtete sie sich vor ihr?*», «*Ängstlich beobachtete sie die Pfleger*» [11] / «Я глянуў на свае ногі і жахнуўся», «Самыя жахлівыя твані трапляюцца менавіта сярод такіх балот», «О, якая жахлівая, якая вечная і нязмерная твая туга, Беларусь!», «Не, гэта быў самы жахлівы, самы безнадзейны з нашых краявідаў: тарфяныя балоты», «Нават зараз такая размова пужае некаторых мужчын», «Мне стала страшна», «І яны баяцца», «...не пабаялася двух дарослых мужыкоў» [12];

— выражения с глаголом «schreien»/«крычаць»: «*Sie schrie. Schrie, so laut sie konnte*», «*Ich... ich schrie... schrie aus vollem Hals...*», «*Sie wollte schreien, aber konnte nicht*», [13] / «Нехта нема закрычаў такім голасам, што коні, відаць, спудзіўшыся, шалёна тарганулі вазок», «Нешта раўнула з левага боку: доўгі, працяглы, нялюдскі крык» [14];

– фразеологические сочетания: «Diese Erkenntnis ließ ihr Herz schneller schlagen», «Susan erschauerte», «Ich... ich schrie... schrie aus vollem Hals...», «Da wurde ich von Panik ergriffen und habe den Kopf verloren», «...und ihr Herz begann so wild zu schlagen», «Gänsehaut überlief sie», «Sie blickte in deine Richtung, zitternd» [15] / «Ледзь не звяр'яцею ад жаху», «Вялізныя змрочныя залы з траскучым паркетам, змрок па кутах, вечная пройма, пах пылу і мышэй і холад, такі холад, што стыне сэрца», «Сяляне, якіх трасе трасца, распавядаюць дзівосныя і жахлівыя гісторыі» [16];

– контекст: «sie waren bei ihr», «...es war Ernest Hatches Gesicht», «Der Mann war Randy Quince», «Zwei der vier Mörder von Jerry Stein!», «Fledermäuse!», «Doch sie konnte sich nicht bewegen» [17] / «Легендамі, пане. Старымі мясцовымі легендамі», «раўло там нешта». Эта група представляет особый интерес, так как данные выражения имплицитно содержат информацию о состоянии персонажа и могут быть поняты только из контекста. Эти выражения являются связующим звеном произведения, придают особую эмоциональную окраску и позволяют держать читателя в ещё большем напряжении.

Заключение. В современной лингвистической науке широко представлена проблема изучения природы и сущности концепта, что свидетельствует о многогранности, сложности данного феномена и актуальности дальнейшего исследования проблемного поля концепта в лингвистике. Идентичность языковых средств, использованных для выражения концепта в исследуемых языках, объясняется, по нашему мнению, природой данной эмоции и реакцией на неё человека.

Список цитируемых источников

1. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры // Языки рус. культуры. Москва, 1997. 121 с.
2. Там же. С. 40—76.
3. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Рус. словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М. : Акад., 1997. С. 342—403.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. 400 с.
5. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методолог. пробл. когнитив. лингвистики : сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. Воронеж : ВГУ, 2001. С. 75—80.
6. Там же.
7. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования. С. 79.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Koonz D. Das Haus der Angst. München : GmbH&Co.KG, 1998. 288 s.
12. Караткевіч У. С. Зямля над белымі крыламі : нарыс. Дзікае паляванне караля Стаха : аповесць : для сярэд. і стар. школ. узросту. Мінск : Юнацтва, 1995. 368 с.
13. Koonz D. Das Haus der Angst. 288 s.
14. Караткевіч У. С. Зямля над белымі крыламі : нарыс. Дзікае паляванне караля Стаха : аповесць. 368 с.
15. Koonz D. Das Haus der Angst. 288 s.
16. Караткевіч У. С. Зямля над белымі крыламі : нарыс. Дзікае паляванне караля Стаха : аповесць. 368 с.
17. Koonz D. Das Haus der Angst. 288 s.

УДК 800

А. Д. Бруцкая

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

О ЯЗЫКОВОМ ВЫРАЖЕНИИ РЕЧЕВОЙ ТАКТИКИ «ИЗДЁВКА» В БРИТАНСКОМ ОБЩЕНИИ

Введение. В мире общения человек постоянно прибегает к различным стратегиям для достижения своих коммуникативных целей. Искусное владение речевыми тактиками можно назвать искусством, ведь это предполагает особые знания и умения в их использовании. Существуют речевые тактики с положительным и отрицательным результатом воздействия. Нами была рассмотрена такая тактика с отрицательным результатом воздействия, как «издёвка».

Актуальность этой работы обусловлена необходимостью более детального изучения речевого общения и способов достижения коммуникативных целей говорящего для лучшего понимания собеседника и избегания конфликтных ситуаций.

Цель работы — изучить речевую тактику «издёвка» и выявить языковые особенности её выражения в британском общении.

Основная часть. Издёвка — злая, оскорбительная насмешка, обидная шутка, издевательство [1]. Исследователь О. А. Филиппова считает, что издёвка является одним из эмоциональных приёмов, которые способны повлиять на возникновение или на усиление отрицательного отношения к какому-то лицу или к какому-то явлению и сродни аргументу к человеку. Она используется, чтобы свести на нет значимость того или иного мнения, идеи, доктрины, процесса, представить их несущественными, глупыми, смешными, нелепыми. Издёвка — это один из многочислен-

ных видов насмешки, которые уместны в политических речах и текстах, малоуместны в деловых переговорах, в научных работах, малоцелесообразны в производственном общении, в общении с клиентами, не используются в рекламе [2, с. 66]. Таким образом, издёвка, несомненно, относится к тактикам стратегии дискредитации, которые адресант использует, чтобы подорвать доверие, вызвать сомнение в положительных качествах кого-либо [3, с. 160].

Методом сплошной выборки мы проанализировали десять фильмов, вышедших в интервале 2010—2016 гг.

Изучив характер использованной в британском общении речевой тактики «издёвка» на основе фильмов, мы пришли к выводу, что языковое выражение данной тактики проявляется на лексическом уровне:

– иронией, например, где: Шерлок узнал об интрижке двух инспекторов и намекает на это с использованием «издёвки». *I'm sure Sally came around for a nice little chat and just happened to stay over. And I assume she scrubbed your floors, going by the state of her knees.*

Шерлок приходит на место преступления впервые с Ватсоном и представляет его в качестве коллеги инспектору, которая не одобряет вмешательства Шерлока в расследования. *A colleague? How do you get a colleague?*

Полицейские, Доктор Ватсон и Шерлок ищут связь между действиями преступника. Вскоре Шерлок находит ответ и пытается намекнуть остальным на него, но никто не понимает, что он имеет в виду. Тогда Шерлок использует «издёвку»: *Oh... Look at you lot. You are so vacant. Is it nice not being me? It must be so relaxing;*

– градацией, как в данных примерах, где Шерлок и Ватсон размышляют над уликой и по каким признакам он нашёл его.

Sherlock: It had to be pink, obviously.

Dr. Watson: Why didn't I think of that?

Sherlock: Because you are an idiot. No, no, don't look at me like that. Practically everyone is.

Полицейский считает свидетеля человеком с завышенной самооценкой, но Шерлок думает иначе. *Did you see him? Morbidly obese, the undisguised halitosis of a single man living on his own. Low self-esteem, tiny IQ and a limited life expectancy, you think he is an audacious criminal mastermind?;*

– игрой слов, как в данных примерах, где Шерлок и Ватсон разговаривают об убийстве.

Dr. Watson: Why are you talking to me?

Sherlock: Mrs. Hudson took my skull.

Dr. Watson: So I'm basically filling in your skull?

Sherlock: Relax, you're doing fine.

Полицейский и Шерлок рассуждают над делом.

DI Lestrade: But what has this to do with that painting? I don't see...

Sherlock: You do see, you just don't observe!;

– гиперболой, как в данном примере, где Шерлок ищет телефон жертвы по её электронному адресу. Один из полицейских не понимает, к чему это.

Anderson: So we can read her e-mails. So what?

Sherlock: Anderson, don't talk out loud. You lower the IQ of the whole street.

Также необходимо отметить, что речевая тактика «издёвка» зачастую используется в сопровождении невербальных средств, таких как жесты и мимика (гримасы, смех и др.). Частота употребления тактики «издёвка» зависит от характера героя. Главный герой проанализированных нами фильмами Шерлок высокомерный, зачастую бестактный, невежливый и непрерывно блещущий своими умственными способностями, что является главной причиной издёвки над людьми с менее выдающимся умом.

Заключение. Исследуемая речевая тактика имеет в речи определённое языковое воплощение с помощью языковых средств, использование которых обусловлено речевой ситуацией. В ходе исследования мы выяснили, что издёвка используется для насмешки и унижения собеседника.

Следует отметить, что языковое выражение речевой тактики «издёвка» зависит от ситуации, в которую поставлены говорящие, и их взаимоотношений друг с другом.

В результате выполненной работы мы выявили некоторые языковые средства реализации речевой тактики «издёвка» в британском общении. На основе полученных результатов можно отметить, что речевая тактика «издёвка» имеет различные формы. В основном данная тактика выражается при помощи такого стилистического средства, как «ирония», подкреплённая соответствующими жестами, мимикой и интонацией.

Список цитируемых источников

1. Издёвка [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/169762/%D0%98%D0%B7%D0%B4%D0%B5%D0%B2%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 09.03.2016).
2. Филиппова О. А. Обучение эмоциональному речевому воздействию : учеб. пособие. М. : Флинта, 2012. 142 с.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 2-е, стер. М. : Едиториал УРСС, 2002. 284 с.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ЗАГОЛОВКАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Введение. Публицистический стиль — это один из стилей языка, который связан с общественно-политической сферой коммуникации и реализуется в средствах массовой информации. Одной из важных особенностей публицистического стиля является сочетание в его рамках двух функций языка — информативной и экспрессивной. Журналисты, используя данный стиль, не только передают, сообщают информацию, но и стараются воздействовать на читателя, привлечь его внимание.

Среди приёмов воздействия на читателя наиболее весомым в СМИ является яркий, интересный, эмоциональный заголовок. Использование фразеологических единиц в качестве заголовка как нельзя лучше соответствует указанным критериям и напрямую связано с целью привлечения внимания читателя, увязки в памяти определённых фраз, словосочетаний, которые смогут его заинтересовать. Заголовки, содержащие фразеологизмы, придают «живой элемент» газете в силу экспрессивности и образности данных языковых единиц.

В лингвистической литературе нет единого, общего мнения относительно объёма понятия «фразеологизм». Некоторые учёные, такие как А. В. Кунин, Н. М. Шанский, связывают данное понятие с переосмысленным сочетанием слов, другие (Л. В. Рахманова, В. Н. Суздальцева) утверждают, что переосмысление компонентов не является определённой приметой фразеологизма [1, с. 226—229]. На наш взгляд, наиболее верное определение фразеологической единицы дано в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В. Н. Ярцева [2], в котором фразеологизм определяется как общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава.

Следует отметить, что фразеологизм — достаточно обширное понятие, которое имеет специфические черты: яркую образность, зафиксированную или переосмысленную семантику отдельных компонентов; воспроизводимость, неделимость, эмоционально-экспрессивную окрашенность.

Наше исследование посвящено изучению фразеологических единиц в структуре заголовков англоязычных СМИ. В данной статье раскрываются первичные результаты предпринимаемого исследования.

Его актуальность определяется недостаточной изученностью функционального параметра фразеологических единиц (далее — ФЕ) в структуре заголовков средств массовой коммуникации.

Целью работы выступает выявление и анализ закономерностей и особенностей использования ФЕ в заголовках англоязычных СМИ.

Основная часть. В соответствии с поставленной целью отбор материала исследования осуществлялся методом сплошной выборки из следующих англоязычных источников: *“The Telegraph”*, *“The Daily Express”*, *“The New York Times”*. Критериями выбора данных газет являются: широкая распространённость и популярность в пределах страны, многотысячные тиражи, целевая аудитория (люди, читающие «качественные» газеты и люди, читающие «популярные» газеты или «таблоиды»), периодичность выпусков, содержательные, структурные особенности данных газет. Таким образом, выборка заголовков, содержащих английские ФЕ, насчитывает на данный момент 215 единиц.

Первоначальный структурный анализ отобранного материала позволил нам выявить следующую особенность — используемые в заголовках английские ФЕ могут быть подразделены на группы:

1) фразеологизмы-предложения как часть заголовка англоязычных СМИ, т. е. заголовок представляет собой предложение, главные или второстепенные члены которого выражены ФЕ. Объём данной группы составляет 38% от общего количества выборки. Например: *How to lose a head* (‘потерять голову’) *and yet gain crowns*; *Turkey has us over a barrel* (‘в трудном, затруднительном положении’) *with migrant deal Farage tells EU after “blackmail” claims*; *Out of the frying pan and into the fire* (‘из огня да в полымя’); *the plight of LGBTI refugees*; *How Isabella proved her face is still her fortune* (‘красота — это её богатство’) at 50;

2) фразеологизмы-словосочетания как часть заголовка, замещающая второстепенные члены предложения. Объём данной группы равен 62% от общего количества выборки. Например: *Do early bird* (‘ранняя пташка’) *Isa investors net higher returns*; *We’re turning a ‘deaf ear’* (‘мимо ушей’) *to our musical youth*; *Wayne Rooney would be welcomed at Chelsea with “open arms”* (‘с распростёртыми объятиями’) — *says Romelu Lukaku*; *“Good life” election promises are just “pie in the sky”* (‘журавль в небе’); *Rail ticket “rip-off”* (‘обмануть кого-либо; обсчитать’); *passengers routinely denied cheapest fares*.

Таким образом, вторая группа фразеологизмов-словосочетаний доминирует. Объясняется данный факт, на наш взгляд, тем, что использование коротких синтаксических конструкций в заголовке гораздо удобнее и целесообразнее, так как краткость и меткость — это основополагающий принцип заголовков СМИ.

На следующем этапе нашего исследования мы анализировали тематику статей, в заголовках которых структурным компонентом выступает ФЕ английского языка. На наш взгляд, данный принцип позволит выявить явление, наиболее часто репрезентируемое ФЕ.

Так, проанализировав статьи по тематическому принципу, мы выявили следующие тематические группы:

1) политика. Например, George Osborne urged not to treat motorists as 'cash cow' ('дойная корова; постоянный источник денег') and put 2p on litre of petrol in Budget; UK will be a 'laughing stock' ('посмешище') unless new runway gets built, says Lord Adonis;

2) финансы. Например, Do early bird ('ранняя пташка') Isa investors net higher returns; Why panto is the golden egg ('золотое яйцо') for British theatres;

3) общественная жизнь. Например, Emmerdale fans 'crying their eyes out' ('плакать много, выплакаться') following Carly Hope's emotional baby scenes; 12-year-old with heart problem 'scared' to death ('напуган до смерти') by bullies;

4) наука. Например, 'Root of all evil' ('корень зла; сущность зла') found in the brain by scientists; Scientists find 'Achilles' heel' ('Ахиллесова пята; наиболее уязвимое место') of cancer offering hope for most deadly cases.

Таким образом, заголовки статей тематической группы «политика» чаще всего содержат ФЕ в качестве структурного компонента (67%). На наш взгляд, используя яркие, образные ФЕ в заголовках статей, журналисты не только преследуют цель сокращения объёмного заголовка, но и заведомо пытаются сообщить читателю о том, что статья содержит интересный, нескучный материал, хотя она и посвящена политической теме.

Заключение. Первоначальные результаты предпринятого исследования доказывают, что использование ФЕ в качестве структурного компонента заголовков СМИ имеет свои синтаксические и тематические особенности. В дальнейшем мы планируем проанализировать ФЕ как структурный компонент заголовков англоязычных СМИ по экспрессивно-стилистическому критерию, выявить основные приёмы трансформации ФЕ в заголовках СМИ.

Список цитируемых источников

1. Рахманова Л. В., Суздальцева В. Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология; под общ. ред. Л. В. Рахмановой. М.: Изд-во МГУ, ЧеРо, 1997. 480 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Совет. энцикл., 1990. 920 с.

УДК 811.111-26

Е. Ю. Громыко

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ АДВЕРБИАЛЬНЫХ КОМПАРАТИВНЫХ ЕДИНИЦ)

Введение. Сравнение представляет собой один из способов восприятия действительности, её признаков. Философы и языковеды неоднократно подчёркивали, что способность сравнивать органически входит в процесс человеческого познания и является одним из важных средств формирования языка. Среди образных средств языка, достаточно полно отражающих менталитет народа и его духовную культуру, особое место занимают компаративные фразеологические единицы — устойчивые сравнения, оформленные обычно по формуле: субъект сравнения (может быть в наличии, но может и отсутствовать), обладающий достаточной свободой варьирования либо имеющий лексически ограниченное выражение, — основание сравнения — сравнительный оборот. Языковая конструкция, фиксирующая сравнение, состоит, как правило, из двух членов, связанных между собой компаративными отношениями, которые обычно выражены в виде таких слов, как «как», «как будто», «словно», «точно» в русском языке и as ...as/so, as if, as though, like — в английском.

Образное сравнение — фигура речи, в которой происходит уподобление одного предмета или явления другому по какому-либо общему для них признаку. Сущность этого стилистического приёма раскрывается самим его названием. Цель сравнения — выявить в объекте сравнения новые важные для субъекта высказывания свойства [1, с. 241]. Структура компаративного фразеологизма и её лексическая наполняемость создают условие для образования единиц с ярко выраженным оценочным характером. Этому способствует и частая гиперболизация предмета или, наоборот, преуменьшение признака, положенного в основание сравнения, лежащего в основе сравнения. Это можно наблюдать на таких примерах фразеологизмов обиходно-разговорной речи, как: *Breed like rabbits* — 'плодиться, как кролики'.

Основная часть. Отсутствие единых подходов к ключевым понятиям фразеологии обуславливает значительные затруднения классификации различных типов компаративных фразеологических единиц и особенностей их использования в речевом акте. Методом сплошной выборки из двухтомного словаря фразеологизмов английского языка под редакцией А. В. Кунина было отобрано и проанализировано 200 компаративных фразеологических единиц, что позволило выявить ряд закономерностей.

Формула сравнения, как правило, имеет следующий вид: А—С—МВ, где А — субъект сравнения (то, что сравнивается), С — основание (признак) сравнения, М — модус (оператор) сравнения, В — объект сравнения (то, с чем сравнивается). Полная форма сравнения считается канонической. Все отклонения от этого образца влияют на уменьшение прозрачности логических отношений и способствуют идиоматизации компаративной конструкции [2, с. 11].

Последовательность лексических элементов, входящих в устойчивые сравнения, обычно фиксирована и определяется как языковой нормой, так и традицией употребления. Например: *пьёт как извозчик* (мы не говорим «как извозчик пьёт»). Характерной особенностью адвербиальных компаративных оборотов является использование в качестве первого компонента преимущественно англо-саксонских глаголов, как правило, односложных, обозначающих действия: *bleed, drink, drop, eat, feel, fight, grin, hate, live, lie, look, run, shake, sleep, speak, spread, swear, talk* и др. В качестве второго компонента часто встречаются названия животных, реальные или воображаемые действия которых легли в основу компаративных оборотов, употребляющихся в отношении людей: *bleed like a pig* — истекать кровью как свинья под ножом, *die like a dog* — подохнуть как собака, *laugh like a hyena* — смеяться как гиена, *sing like a nightingale* — петь как соловей.

Состав компаративной конструкции может обуславливать их семантические особенности. Характер оценки зависит от семантики первого компонента. Так, в своём большинстве глагольные (адвербиальные) компаративные фразеологические единицы являются оборотами с ярко выраженной оценкой и в зависимости от глаголов, входящих в их состав, делятся на устойчивые сравнения: отрицательной оценки — *hate, lie, swear*; положительной оценки — *fit, get on*; нейтрального значения — *drink, eat, feel, follow, look, run, speak, spread, swim, talk, treat, work*.

Обращает на себя внимание преобладание глаголов с нейтральным значением. Во фразеологизмах с глаголами отрицательной и положительной оценки второй компонент лишь усиливает её: *hate somebody (something) like poison, swear like a barge*, с одной стороны, и *fit somebody like a glove, get on like a house on fire* — с другой. В оборотах же, в которых глагол имеет нейтральное значение, второй компонент является уточнителем глагольного значения: *drink like a fish, work like a horse* и т. д.

Примечательно, что одни и те же глаголы могут входить в состав различных компаративных оборотов, например, глаголы *feel* и *look*. Дифференцирующая роль вторых компонентов выступает в таком случае особенно ярко: *feel like a boiled rag* — чувствовать себя как выжатый лимон, крайне слабым, разбитым; *feel like a fish out of water* — чувствовать себя как рыба, вытянутая из воды; *feel like a million dollars* — прекрасно себя чувствовать; *look like nothing on earth* — отвратительно выглядеть, иметь совсем больной вид.

В некоторых случаях благодаря второму компоненту значение фразеологической единицы может быть антонимичным значению первого: *swim like a stone* — плавать как топор.

Среди компаративных единиц преобладают лексико-квантитативные варианты; значительно реже встречаются лексико-квантитативные варианты с двойной квантитативностью. Данная особенность позволяет вклинить переменные элементы в стилистических целях обновления традиционного сравнения. Важнейшим количественным показателем при любом виде вариантности является наличие не менее одной неподменяемой лексемы, являющейся лексическим инвариантом данной фразеологической единицы. Замена всех знаменателей лексики, входящих в состав фразеологизмов, явление редкое.

Заключение. Константными признаками устойчивых сравнений следует считать определённую грамматического строения объектной части, семантическую стабильность, обусловленную закреплением в языковом сознании носителей языка образного эталона сравнения, несвободную сочетаемость с другими компонентами. Указанные признаки позволяют ограничить устойчивые сравнения от свободных, индивидуально-авторских сравнений, а также от близких к последним метафор.

Список цитируемых источников

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Прогресс, 1966. 437 с.
2. Павличенко Л. П. Сравнительно-сопоставительный анализ фразеологических единиц английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 19.03.86; ГПИ им. Горького. Омск, 1986. 45 с.

УДК 800

А. В. Жилинская, В. К. Коновалик

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

АББРЕВИАЦИЯ КАК ОДНО ИЗ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ПРЕССЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Введение. Наличие чрезвычайно большого количества сокращённых лексических единиц различного рода является одной из характерных черт большинства современных языков. Сокращения широко распространены как в устной речи, так и в различных письменных документах. Сокращения существуют в языке объективно, а любой объективный процесс не может не иметь своих закономерностей. Поэтому очень важна работа по установлению закономерностей образования и развития сокращений, их места в системе языка.

Аббревиацию чаще всего рассматривают как «образование новых слов путём сокращения (усечения) основы» [1]. Аббревиация является одним из наиболее распространённых способов словообразования, ярко демонстрирующим языкотворческий потенциал языковой личности. Согласно наблюдениям лингвистов, которые занимаются сопоставительным анализом аббревиации на материале нескольких языков (Г. В. Лашкова, Е. Н. Ожогин, С. Шадыко, М. А. Ярмашевич), аббревиация получила широкое распространение в большинстве языков мира и имеет универсальный характер, она не является специфической особенностью отдельной нации, и законы мышления, приводящие к образованию аббревиатур, имеют не национальный, а общечеловеческий характер.

Аббревиация как способ словообразования представляет сложное, многогранное явление, уходящее своими корнями в далёкое прошлое. Распространение аббревиатур связывают с появлением в реальной действительности сложных денотатов, требующих для своего обозначения словосочетаний или сложных слов. Функция аббревиатуры в процессе коммуникации состоит в более экономном выражении мысли и устранении избыточности информации. В аббревиатурах информация передаётся меньшим числом знаков, поэтому «ёмкость» каждого знака больше, чем в соответствующих исходных единицах, что даёт основание рассматривать аббревиацию как один из видов оптимизации речевого сообщения [2]. Актуальность аббревиации определяется потребностью в наименовании новых понятий и объектов. Целесообразность заключается в создании предельно экономных и семантически ёмких номинативных единиц.

Современная лингвистика уделяет значительное внимание изучению языка средств массовой информации и, прежде всего, языка прессы, который характеризуется жанровым разнообразием, яркостью, динамичностью, является своеобразной средой для различного рода новообразований. Языку прессы посвящены работы таких авторов, как А. Н. Васильева, А. Л. Горбунов, В. Г. Костомаров, Г. Я. Солганик, К. А. Рогова и др. При этом язык прессы рассматривается как наиболее восприимчивый к различного рода лексическим нововведениям. В сфере исследования лексических нововведений определённое место занимают аббревиатуры.

В языке современной прессы наблюдается тенденция к увеличению аббревиатур, однако обзор работ, посвящённых исследованию специфики газетно-публицистического стиля, показал, что вопросы экспрессивного использования аббревиатур на страницах газет не получили должного освещения. Этим обусловлена актуальность исследования аббревиатур с точки зрения функционирования в прессе.

Объектом данного исследования является язык современной прессы английского и русского языков. Предмет исследования — аббревиация в языке современной прессы английского и русского языков. Целью исследования является описание и сопоставительный анализ аббревиатур, употребляющихся в языке современной английской и русской прессы в плане компонентного состава и особенностей экспрессивного использования сокращённых единиц. Для достижения поставленной цели использовались следующие методы исследования: критический анализ литературных источников, методы количественного и дистрибутивно-сопоставительного анализов.

Материалом для нашего исследования послужили печатные англоязычные и русскоязычные публицистические тексты, взятые из периодических изданий “The Times” и «Аргументы и факты».

Основная часть. В процессе нашего исследования было проанализировано 5 экземпляров англоязычной газеты “The Times” в количестве 272 страницы и 5 экземпляров русскоязычной газеты «Аргументы и факты» в количестве 284 страница. Путём количественного анализа номеров газет “The Times”, состоящих из 397 статей, 368 имели аббревиатуры, что составляет 92,7%. В свою очередь, номера газеты «Аргументы и факты» включали в себя 411 статей, из них в 402 (97,8%) были найдены аббревиатуры. Следует отметить, что наше внимание было уделено инициальным аббревиатурам.

Для определения наиболее распространённого класса аббревиатур в плане количества структурных компонентов, а также для дальнейшего исследования их содержательной стороны был осуществлён анализ компонентного состава сокращений. Следует отметить, что в данной работе под компонентом понимается составляющая (структурный элемент) сокращённой единицы. Проведя исследование, было обнаружено, что аббревиатуры разнообразны по своему компонентному составу. Они состоят от одного до семи компонентов. В русском и английском языках значительно преобладают трёхкомпонентные сокращения, что составляет 56,28% и 44,89% соответственно (НДС, NWS). Из проанализированных аббревиатур в русском языке отсутствуют однокомпонентные и семикомпонентные аббревиатуры, а в английском они используются, но очень редко (менее 1%). При анализе двухкомпонентных аббревиатур (17,16% в русском языке и 23,54% в английском) было отмечено явление омонимии. Согласно В. П. Ковалеву [3], омонимия — семантическое отношение не связанных по значению слов, совпадающих по своему написанию и произношению. Понимание подобных единиц осуществляется при помощи расшифровки или контекста. Например, словарь сокращений английского языка даёт 126 расшифровок аббревиатуре MI: Million, Management Information, Market Intelligence, Mile и др.

В течение последних десятилетий аббревиатура получила широкое распространение в различных дискурсах, прежде всего в профессиональных типах дискурса: политическом (...НАТО совершало до 110 самолётовылетов в день («Аргументы и факты», № 33, 2015 г.)); (*The UK public elects MPs to represent their interests* (“The Times”, октябрь 2015 г.)); экономическом (*Финскому инвестору — соратнику Чубайса по реформированию «ЕЭС России» — запрещён въезд в РФ* («Аргументы и факты», № 33, 2015 г.)); (*EEC is pleased to announce that Mr. Bruce Brown has joined the firm* (“The Times”, октябрь 2015 г.)); медицинском (*Врачи рекомендуют в целях профилактики ОРВИ одевать маски* («Аргументы и факты», № 36, 2015 г.)); (*DNA test results should be interpreted based on both this information and the actual results* (“The Times”, ноябрь 2015 г.)) и др. В данной работе была выявлена специфика использования аббревиатур в таких видах дискурса, как спортивный, политический, социальный, образовательный, экономический, военный, научный, медицинский и компьютерный на материале языка прессы современного

английского и русского языков. На основе проанализированных аббревиатур (979 единиц в русской прессе и 548 — в английской) можно сделать вывод, что наиболее используемые виды дискурса — социальный и экономический. Количество аббревиатур социального дискурса составляет 29,93% в английском языке и 25,94% в русском языке. Результаты исследования показывают, что аббревиатуры, используемые в экономическом дискурсе, составляют 20,07% и 20,22% в английском и русском языках соответственно. Наименьшее распространение получили аббревиатуры спортивного дискурса: 1,28% в английском языке и 2,86% в русском. В англоязычных публицистических изданиях 33 аббревиатуры от общего количества, что составляет 6,03%, и 44 (4,51%) в русской прессе используются в рекламах.

Среди основных признаков публицистического стиля исследователи выделяют экспрессию, так как журналист старается не только сообщить информацию читателю. Он пытается уйти от типичных форм, выражений, найти более выразительные языковые средства для того, чтобы произвести более глубокое впечатление. Согласно Н. М. Шанскому [4], под экспрессивной окрашенностью понимается «разновидность стилистической окраски, указывающей на характер и степень выраженности качественных или количественных признаков называемого явления». Можно утверждать, что аттрактивная функция является характерной для аббревиатур в газетной публицистике. Одним из видов экспрессии на страницах исследуемых газет можно выделить языковую игру — сознательное нарушение языковых норм в целях придания сообщению большей экспрессивности. Рассмотрим некоторые примеры, которые были обнаружены в ходе исследования: *ИКС* — *история крупнейших состояний* (в данном случае мы можем увидеть явление каламбура); *ВВП* — *валовый внутренний продукт, Владимир Владимирович Путин* (здесь аббревиатура носит комический эффект); *БНФ* — *бэнээфовцы*, *BMW* — *бээмвэшка* (на основании приведённых примеров можно отметить, что в последнее время в газетно-публицистическом стиле активизировалось употребление производных от инициальных буквенных аббревиатур) и др.

Заключение. Аббревиация получила широкое распространение на страницах современных публицистических изданий английского и русского языков.

Исходя из количественного анализа, аббревиатуры используются более чем в 90% статей в исследуемых языках. Аббревиатуры используются во всех видах дискурса, но наиболее употребительными являются социальная и экономическая сферы.

Помимо компрессорной и аттрактивной функций, аббревиация является одним из выразительно-экспрессивных средств языка прессы. Чаше всего это наблюдается при помощи языковой игры.

Список цитируемых источников

1. Арбекова Т. Н. Лексикология английского языка. М. : Наука, 2002. 109 с.
2. Там же.
3. Ковалев В. П. Экспрессивное использование полисемии, омоимии и паронимии в художественной литературе // Рус. яз. в шк. 1980. № 6. С. 17—24.
4. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М. : Высш. шк., 1985. 160 с.

УДК 800

В. А. Жуковская

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТЕКСТАХ МЕДИАДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Введение. Общеизвестно, что лексика является наиболее динамичной стороной языка. Прогрессирующая глобализация, сотрудничество различных стран мира на различных уровнях человеческого развития приводят к тому, что языки перемешиваются, в результате чего появляются заимствования. Происхождение заимствованных лексических единиц вызывает у лингвистов интерес, однако далеко не все лингвисты и носители языка могут идентифицировать происхождение тех или иных слов.

Английский и русский языки имеют богатую многовековую историю и не раз подвергались иноязычным влияниям. Многочисленные исследования показывают, что определяющее влияние на возникновение заимствований оказывает тот факт, что носители как русского, так и английского языков в разные периоды своего существования вступали в многообразные по форме, продолжительности и результатам связи с носителями иных языков. Результат таких связей напрямую отразился на языке, в результате чего появилось огромное количество заимствованных слов.

Следует отметить, что процесс заимствования не прекращается и в настоящее время. Безусловно, с развитием интернет-ресурсов и различного рода социальных сетей английский и русский языки претерпели некоторые изменения, о чём так или иначе свидетельствуют новые слова, которые нашли своё применение в различных отраслях жизни.

Актуальность данного исследования обусловлена тем фактором, что при кажущейся многоаспектности и обширности исследований ещё многие вопросы в области употребления заимствований требуют дополнительного рассмотрения. Кроме того, дискурс средств массовой коммуникации является наиболее значимым, отражающим самые последние тенденции и феномены социальной реальности. Современные британские и российские периодические издания не могут игнорировать использование заимствованной лексики, и значительный интерес представляют те языки, из которых взяты ведущие лексические единицы, употребляющиеся в медиадискурсе. Цель данной работы заключается в выявлении особенностей использования заимствованной лексики в англо- и русскоязычном медиадискурсе. Предметом исследования выступают иностранные заимствования в англо- и русскоязычных периодических изданиях. В ходе исследования были использованы следующие методы: этимологический метод, метод контекстуального анализа и метод сплошной выборки.

Основная часть. Заимствование является одним из способов обогащения словарного запаса, функционирующим наряду с использованием внутренних резервов языка: словосложения, аффиксации, развития значения существующих слов. Данным термином можно обозначить как процесс проникновения новых слов, так и его результат. Языковое заимствование представляет собой скорее присвоение слов, в доказательство чему можно привести тот лишь аргумент, что заимствованный элемент в исходную систему никогда не возвращается. Исследователь Ю. С. Сорокин указывал, что «процесс заимствования иноязычных слов есть процесс двусторонний. Это не только простая передача готовых элементов одним языком во владение другого языка. Это процесс их освоения системой данного языка, их приспособления к его собственным нуждам, их преобразования — формального и семантического — в условиях иной системы» [1, с. 158].

Следует отметить, что процесс заимствования схож с процессом имитации. По сути, когда имеют дело с заимствованным словом, то можно проследить, что элемент по существу не изымается из языка-источника, а лишь служит образцом, по которому в воспринимающем языке создаётся более или менее близкая копия. Речь идёт не о полностью скопированном слове, а о том, что слово претерпевает ряд процессов, которые делают его так или иначе похожим на слово, из которого оно было образовано.

В русском языке основной пласт лексики составляет исконно русская лексика, которая в данном языке на современном этапе его развития составляет около 90%. Лингвист Н. М. Шанский подчёркивает, что исконно русские слова определяют самобытность русской речи, её глубоко национальное своеобразие [2, с. 170].

С точки зрения заимствованной лексики, английский язык представляет больший интерес для изучения, так как количество заимствований в данном языке значительно больше. Это можно объяснить тем, что словообразовательный потенциал русского языка выше, что выражается в употреблении огромного количества словоформ, которые далеко не всегда присутствуют в английском языке. Словарный состав современного английского языка насчитывает огромное количество слов, которые перешли из французского, итальянского, немецкого, скандинавского и ряда других языков. Следует отметить, что современный английский язык сформировался в результате двух национальных катастроф — римского нашествия и нормандского завоевания — и представляет собой, по сути, смесь языков завоевателей. По этой причине английский язык можно назвать «гибридным языком» [3].

В ходе выполнения исследования материалом для анализа послужили статьи из англо- и русскоязычной прессы — авторитетных газет “The Financial Times”, “The Daily Express”, “The Daily Telegraph”, “The Guardian”, «Коммерсант», «Газета РБК», «Известия», «Ведомости», «Московский комсомолец», «Новая газета», «Аргументы и факты», «Независимая газета». В ходе исследования интерес представила роль заимствований в современном медиадискурсе. Для анализа были отобраны только статьи в указанных британских и российских периодических изданиях за 2015—2016 гг. Методом сплошной выборки были выделены заимствованные слова, использованные в статьях различной тематики. Далее этимология отобранных единиц была проанализирована и определена с помощью этимологического словаря Д. Харпера для английской лексики [4] и с помощью этимологического словаря А. К. Шапошникова для русской лексики [5].

Заимствование иностранной лексики в англоязычных и русскоязычных газетных публикациях обусловлено не только исторически сложившимися фактами, но также различными изменениями общественно-политических условий, актуализацией общественно-политических реалий, для которых в исходных языках не было адекватных обозначений. В ходе исследования было выявлено, что в российских периодических изданиях активно используются заимствования из французского языка. К примеру: «*Власть выступает и заказчиком, и исполнителем, и оценщиком реформ в стране*» («Газета РБК») [6]. Этимология слова **реформа**: от французского *reformе*. Примечательно, что наибольшее количество заимствований из французского языка были представлены в рубрике «Политика».

Английские заимствования в русском языке приобрели обиходный характер. Например: «*В этом же районе оказался затоплен кемпинг, в результате чего погиб один турист*» («Ведомости») [7]. Этимология слова **кемпинг**: от английского *camping* ‘стоянка лагерем’.

Значительное количество заимствованных слов на тему «Искусство» использовано в российских изданиях. Подавляющее количество данных заимствований принадлежало французскому и итальянскому языкам. К примеру, «*В историю советского искусства он вошёл как автор изображений Ленина, что не мешало ему пройти через все «измы» эпохи — он увлекался импрессионизмом*» («Московский комсомолец») [8]. Этимология слова **импрессионизм**: от французского *impressionnisme* ‘впечатление’.

Экономические новости очень популярны в британских изданиях. Официальный характер изложения является особенностью медиадискурса, поэтому в данном виде дискурса широко используются заимствованные

экономические термины. Например, “*The country accounted for 52 percent of the company’s revenue last year*” (“*Financial Times*”) [9]. Этимология слова **revenue**: от французского *revenue* ‘доход’.

Медиадискурс играет важную роль в распространении достижений науки и техники. Общество проявляет интерес к научным открытиям, которые транслируются и популяризируются на страницах современных изданий. Для того чтобы максимально точно описать научные события в мире, журналисты используют заимствованные слова. Например, “*Entomologist came across caterpillar with four filaments in south Peru*” (“*The Daily Telegraph*”) [10]. Этимология слова **entomologist**: от греческого *entomon* ‘насекомое’ и *logia* ‘изучение’.

В русском языке в области науки доминируют термины, перешедшие из латинского языка. «Это моя профессия и мой научный интерес, ведь до начала парламентской карьеры я защитила докторскую **диссертацию** по этой теме» («*Известия*») [11]. Этимология слова **диссертация**: от латинского *dissertation* ‘рассуждение, изыскание, доклад’.

Заключение. В ходе исследования выяснилось, что как в англо-, так и в русскоязычных периодических изданиях активно используется заимствованная лексика. Однако доминирующие источники заимствований разнятся в английском и русском языках: для английского языка характерны заимствования из французского, в то время как в русском языке преобладают латинские заимствования. Кроме того, заимствования, отражённые в текстах современного англоязычного и русскоязычного медиадискурса, отличаются по своей тематической отнесённости. Так, в английском языке преобладают заимствования в сферах искусства (32% лексических единиц) и экономики (29% лексических единиц). В русском языке наиболее значительно представлены заимствования на тему «Искусство» и «Политика» (31% лексических единиц).

Список цитируемых источников

1. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского языка: 30—90-е гг. XIX в. М. : Наука, 1965. 565 с.
2. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М. : МГУ, 1968. 239 с.
3. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Высш. шк., 1986. 295 с.
4. Harper D. Online etymology dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.etymonline.com> (date of the application: 30.08.2015).
5. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Флинта : Наука, 2010. Т. 1 : А—Н. 586 с.
6. Газета РБК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/newspaper> (дата обращения: 26.01.2016).
7. Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru> (дата обращения: 06.02.2016).
8. Московский комсомолец [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru> (дата обращения: 12.02.2016).
9. Financial Times [Electronic resource]. URL: <http://www.ft.com> (date of the application: 12.05.2015).
10. The Daily Telegraph [Electronic resource]. URL: <http://www.telegraph.co.uk> (date of the application: 05.05.2015).
11. Известия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.izvestia.ru> (дата обращения: 29.01.2016).

УДК 81.271.2

Ю. В. Кардаш, З. И. Корзун

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ УКЛОНЕНИЯ ОТ ПРЯМОГО ОТВЕТА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Введение. Одним из основных компонентов жизнедеятельности человека является речевая деятельность. Речь представляет собой «результат индивидуального словотворчества, обладает определённой коммуникативной направленностью и является частью коммуникативного поведения, которое реализуется, наряду с другими понятиями, через понятия “стратегия” и “тактика”» [1, с. 17]. Стратегия речевого поведения охватывает всю сферу построения процесса коммуникации, когда взаимодействие коммуникантов направлено на достижение определённых результатов. В самом общем смысле речевая стратегия включает в себя «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, направленных на достижение коммуникативной цели» [2, с. 53].

Данное исследование направлено на выявление тактик в рамках реализации стратегии уклонения от прямого ответа (эвазии) в ситуациях социальных интеракций в современном немецком языке на примере анализа художественных произведений. Материалом исследования послужил корпус диалогических единств, включающий реплики, реализующие стратегию уклончивых ответных реплик в диалоге (уклонения от прямого ответа), отобранные на основе сплошной выборки из романов Н. Г. Кнсалик “*Wer stirbt schon gerne unter Palmen*” и Е. Мариа Ремарке “*Zeit zu leben und Zeit zu sterben*” объёмом 700 страниц. Нам представляется, что диалогический дискурс в максимальной степени аппроксимации моделирует структуру живой коммуникативной ситуации в режиме «вопрос—ответ», репрезентируемой на уровне метаязыка лингвистического описания в форме реплик, с помощью которых можно проследить функционирование той или иной коммуникативной стратегии. При выработке

теоретических подходов к теме исследования автором были использованы метод: сплошной выборки; методы дефиниционного, контекстуального и сопоставительного анализа; интерпретационный метод.

Основная часть. Средства выражения эвазии в современном немецком языке являются, в основном, ситуативно обусловленными и напрямую связаны с «типами эвазивного поведения, среди которых выделяются: этикетное, непринуждённое, скрытное, смущённое, ироничное, раздражённое, аффективное и грубое поведение, а также поведение смирения с ситуацией, поведение удивления, поведение игры, поведение увещевания, поведение подавленного эмоционального состояния» [3, с. 14]. Типы эвазивного поведения предопределяются соответствующими речевыми стратегиями говорящего.

Стратегия уклонения от прямого ответа представляет собой цепь решений говорящего, коммуникативных выборов им речевых действий и языковых средств, позволяющих завуалировать, скрыть истинный смысл ответной реплики или вовсе уклониться от прямого ответа. Ядро стратегии уклонения от прямого ответа составляют инклюзивные имплицитные смыслы (неявные смыслы-усложнения, относящиеся к прагматическому уровню высказывания), основанные на социальных этических нормах общества. Стратегия уклонения от прямого ответа реализуется посредством тактик общения. Тактика общения представляет собой реализацию конкретной коммуникативной стратегии на основе владения техниками и знания правил общения [4].

Способы и формы уклонения от прямого ответа на вопрос разнообразны и многочисленны. Важнейшую роль в этом ряду играет культурная принадлежность коммуникантов, так как выбор способа уклонения в идентичных по всем другим параметрам ситуациях во многом зависит от норм речевого поведения, принятых в определённой этнокультуре. Какие же основные тактики используют коммуниканты на этапе ухода от ответа? В ходе анализа отобранного материала нами было выявлено, что стратегия уклонения от прямого ответа в немецкоязычном художественном дискурсе реализуется комплексом тактик, основными из которых выступают:

1) тактика повторов и переспросов, использование которой позволяет реализовать стратегию уклонения от прямого ответа посредством собственно лексических повторов и переспросов, под которыми мы понимаем повторение слова или словосочетания в составе парных реплик. Ответные реплики представляют собой косвенные речевые акты, реализующие дополнительную (помимо уклонения) экспрессивную иллокутивную функцию, выражающую определённое чувство (осуждение, пренебрежение и т. п.): «Du bist hübsch», sagte er. «Wohnst du hier?» — «Willst du es sehen?» [5, с. 71];

2) тактика задержки ответа, т. е. линия речевого поведения, позволяющая задержать время прямого ответа. Ответными репликами в рамках данной тактики выступают косвенные речевые акты, которые, наряду с уклонением, в большинстве своём реализуют комиссивную и директивную функции и выражают намерения говорящего: «Wir sind keine Märtyrer. Aber wann beginnt die Mitschuld?» fragte Graeber. «Wann wird zu Mord, was man sonst Heldentum nennt? Wenn man nicht mehr an seine Gründe glaubt? Oder an seinen Zweck? Wo ist die Grenze?» — Pohlmann sah ihn gequält an. «Wie kann ich Ihnen das sagen? Es ist eine zu große Verantwortung. Ich kann es nicht für Sie entscheiden.» [6, с. 149];

3) тактика обобщения, при котором говорящий обобщает тему разговора или переводит его на другую тему. Ответная реплика является неинформативной и не может расцениваться как ответ на поставленный конкретно вопрос. В рамках данной тактики также может быть выделена дополнительная репрезентативная иллокутивная функция, заключающаяся в отражении действительного положения вещей: «Fahren Sie nach Werden?» fragte er den Fahrer. — «Ja.» — «Geht der Zug nicht mehr durch?» — «Nein.» — «Warum nicht?» — «Weil er nur bis hier geht.» [7];

4) тактика собственно имплицитного отказа строится с помощью единиц всех уровней языка в результате взаимодействия лексико-грамматических и синтаксических средств языка (отрицательные местоимения, повелительные предложения и др.), интеллектуально-логической и эмоциональной форм речи. Данная тактика позволяет избежать коммуникативного конфликта, который мог бы быть вызван постановкой прямого, эксплицитного отказа: «Wenn Sie die Kontoauszüge kennen, würde sich diese Frage erübrigen. Ihr Vater hat in den letzten zwölf Jahren in aller Stille ein Vermögen zusammengesammelt, das dem von Jean-Luc Dubonnet nicht nachsteht.» — «Schweigen Sie von Dubonnet, die Sie ihm gegeben haben, hat der ganzen Inselwelt gutgetan.» — «Übrigens — Dubonnet ist schwer krank.» — «Das ist seine Sache», sagte Paul Bäcker grob. [8];

5) тактика игнорирования представляет собой линию поведения, при которой говорящим не поддерживается, а отклоняется тема разговора. Вопросы, адресованные собеседнику, при реализации последней данной тактики остаются без информативного ответа. В рамках данной тактики реализуется дополнительная экспрессивная иллокутивная функция, служащая для выражения того или иного чувства (как правило, негативного пренебрежения и т. п.): «Ich habe kein Geld für Berlin. Wo soll ich da wohnen? Im Hotel? Ich will zu meiner Familie.» — «Der Zug ruckte an. Endlich.» sagte der Baß. «Ich dachte schon, wir würden hier beerdigt.» [9].

6) тактика иронии, когда истинный смысл ответной реплики скрыт или противопоставляется явному смыслу. Данная тактика реализуется средствами всех языковых уровней — лексическими, семантическими и синтаксическими: «Was ist passiert?» fragte der Fahrer den Chauffeur, der steckengeblieben war. — «Achsenbruch.» — «Achsenbruch? Im Schnee?» «Es hat schon mal jemand den Finger gebrochen, als er in der Nase bohrte. Hast du das nie gehört, du Anfänger?» — «Klar. Immerhin, du hast wenigstens Glück, daß kein richtiger Winter mehr ist. Die hier würden dir sonst alle erfrieren.» [10];

7) тактика намёка строится на упоминании определённого компонента типизированной ситуации и предполагает наличие неоднозначности интерпретации и активизацию догадки со стороны слушающего: «Sie werden nichts anderes lieben als ihre Insel.» — «Weißt du das so genau? Mein Vater sagte einmal: Das Rätselhafte im

Menschen ist, daß er ein Mensch ist. Ich habe das damals nicht begriffen — jetzt verstehe ich ihn. Ich will, soweit mir das möglich ist, meine Irrtümer besiegen, bevor sie unabänderliche Irrtümer geworden sind...» [11].

Заключение. Стратегия уклонения от прямого ответа является типом поведения одного из партнёров в ситуации диалогического общения, который обусловлен и соотносится с планом достижения определённых коммуникативных целей в рамках типового сценария и реализуется тактиками, выбор которых зависит от коммуникативной ситуации и интенции коммуникантов.

Список цитируемых источников

1. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 308 с.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Изд-во ОмГУ, 1999. 285 с.
3. Головаш Л. В. Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа. Кемерово, 2008. 75 с.
4. Там же. С. 16.
5. Konsalik H. Wer stirbt gerne unter Palmen... Band 2: Der Sohn. Berlin, 1983. 253 S.
6. Remarque M. E. Zeit zu leben und zu sterben. M.: Jupiter-Inter, 2003. 317 S.
7. Ibid. S. 60.
8. Konsalik H. Wer stirbt gerne unter Palmen. S. 203.
9. Remarque M. E. Zeit zu leben und zu sterben. S. 59.
10. Ibid. S. 45.
11. Konsalik H. Wer stirbt gerne unter Palmen. S. 221.

УДК 800

Ю. В. Карпекина

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

О ЯЗЫКОВОМ ВЫРАЖЕНИИ РЕЧЕВОЙ ТАКТИКИ «УГРОЗА» В АМЕРИКАНСКОМ ОБЩЕНИИ

Введение. Человеческая речь существует в виде конкретных высказываний. Создавая их, мы пользуемся относительно устойчивыми типическими формами конструирования, отливаем мысли и намерения в определённые языковые формы — речевые жанры. Они соответствуют типичным ситуациям общения и даны нам вместе с родным языком. Реализация высказываний осуществляется посредством коммуникации не менее двух собеседников. Коммуникация — это передача сообщения, обмен мыслями, информацией, т. е. общение.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучения языковой коммуникации в целом и способов воздействия на человека с помощью слова в частности, а также потребностью в изучении такой тактики речевого взаимодействия, как «угроза». Необходимо изучить языковые средства реализации речевой тактики «угроза» в целях безошибочного распознавания угрозы в процессе коммуникации и правильного на неё реагирования.

Цель работы — изучить речевую тактику «угроза» и выявить языковые особенности её выражения в американском общении.

Основная часть. Угроза — запугивание, словесно или иным способом выраженное намерение причинить зло, неприятность [1]. Угроза понимается нами как оскорбительно незаслуженное подавление интеллектуальной составляющей сознания адресата посредством применения физического или психического насилия [2].

Исследователь О. С. Иссерс утверждает, что целью речевой тактики угрозы является получение информации путём прямого давления на собеседника [3, с. 121].

Речевая тактика угрозы имеет в качестве событийной основы будущее негативное событие. В тактике угрозы выполнение предсказаний ставится в зависимость от действий адресата. Так, распространённой формой обозначения угрозы являются конструкции с условными придаточными: «Если ты..., то я...» [4].

Методом сплошной выборки, как нельзя лучше отражающей частность, мы проанализировали 20 фильмов, вышедших в интервале с 2004 по 2015 г.

Изучив характер использованной в американском общении речевой тактики «угроза» на основе фильмов, мы пришли к выводу, что языковое выражение данной тактики проявляется:

1) на лексическом уровне:

– в виде ненормативной лексики. *Мужчина угрожает шерифу, когда он проводит обыск в доме. You are so fucking dead. Harvey gonna be getting you, boy (Walking Tall: The Payback, Tripp Reed).*

Ненормативная лексика или обсценная лексика (лат. obscenus непристойный, распутный, безнравственный) — сегмент бранной лексики различных языков, включающий вульгарные, грубые и грубейшие (похабные, непристойные) бранные выражения, часто выражающие спонтанную речевую реакцию на неожиданную (обычно неприятную) ситуацию [5]. Наиболее частотным является выражение **fuck**;

- инвективы. *Игрок баскетбольной команды не доволен требованием тренера покинуть зал. Nigga, I ain't scared of nobody. I'll lay your ass out (Coach Carter, Thomas Carter). Один заключённый угрожает другому во время драки в тюрьме. I'll kill you! I'll kill all you bitches! (Gridiron Gang, Phil Joanou).*

Инвектива (лат. *investivus* бранный, ругательный) — гневное выступление против кого-нибудь, оскорбительное выражение, брань, выпад [6];

- глаголов *kill* и *shoot*. *Главный герой угрожает агенту ФБР, который похитил его девушку. If anything happens to Sarah, I will rip everything you love out of your life. And then I'll kill you (RED, Robert Schwentke). Преступник взял в плен мать полицейского и угрожает, что убьёт её сына, когда он придёт освободить мать. Shut the fuck up! I'll tell you, your boy made a big mistake, okay? I'm gonna drag him in here and shoot him right now in front of you (Walking Tall: The Payback, Tripp Reed).*
- прилагательного *dead*. *Агент ФБР угрожает владельцу атомной бомбы, направляя на него оружие. Tell me where the bomb is? 10 seconds or you're dead (Spy, Paul Feig);*

2) на синтаксическом уровне:

- восклицательными предложениями. *После баскетбольного матча игроки недовольны игрой друг друга, и один из участников команды угрожает другому во время ссоры в раздевалке. I will slap the taste out of your mouth! (Coach Carter, Thomas Carter);*
- предложениями с союзом *if*. *Шериф угрожает преступнику, с которым он был в сговоре, что если тот вернётся в родной город, то шериф его убьёт. If you come back here, I got no choice but to put you down (The Baytown Outlaws, Barry Battles);*
- специальными вопросами. *Преступник угрожает главному герою, что убьёт его мать, если тот не бросит оружие. I got an idea. How about I bring her out here, shoot her right in her fucking face in front of you? (Walking Tall: The Payback, Tripp Reed);*
- императивами с отрицанием. *Главный герой угрожает напарнику, который обманывал его долгое время. Who was it on our side? Now don't fucking lie to me! (The November Man, Roger Donaldson);*
- повторами. *Главный герой угрожает напарнику, потому что тот забрал его жену из укрытия, тем самым подвергая её опасности. You know, I will shoot you. I will shoot you in the liver (RED 2, Dean Parisot);*
- предложениями с соединительным союзом *or*. *Главная героиня угрожает преступнику, который движется на неё с ножом. Drop the knife or I'll shoot (Spy, Paul Feig);*
- модальной конструкцией *had better* (в разговорном английском часто произносится как *better*). *Во время семейной ссоры отчим требует, чтобы мать сказала сыну замолчать. You better calm him down (Gridiron Gang, Phil Joanou);*
- бессоюзными условными предложениями. *Тренер баскетбольной команды не доволен игрой одного из баскетболистов. You do that again and you're going to be glued to the bench (Coach Carter, Thomas Carter);*
- повелительным наклонением. *Главная героиня недовольна тем, что охрана плохо работает и требует найти охранников. Get me more security when I come back out here or you're both dead! (Spy, Paul Feig).*

Также необходимо отметить, что речевая тактика «угроза» зачастую используется в сопровождении невербальных средств. Активно используются жесты и мимика (демонстрация оружия, демонстрация среднего пальца руки, жест «рукой по горлу», гримасы и т. д.). Частота употребления речевой тактики «угроза» зависит от жанра фильма. Выборка данной речевой тактики соответствует таким жанрам, как боевик и триллер.

Кроме того, употребление речевой тактики «угроза» более характерно для мужчин по отношению к мужчинам, хотя случаи употребления данной тактики женщинами по отношению к мужчинам и женщинам также имеют место.

Заключение. Исследуемая речевая тактика имеет в речи определённое языковое воплощение с помощью языковых средств выражения, использование которых обусловлено речевой ситуацией.

Следует отметить, что языковое выражение речевой тактики «угроза» зависит от контекста, где угроза зависит от ситуации общения и от отношений между собеседниками.

В результате выполненной работы мы выявили некоторые языковые средства реализации речевой тактики «угроза» в американском общении. На основе полученных результатов можно отметить, что речевая тактика «угроза» имеет различные формы. В основном, информация об агрессивной направленности всего сообщения находится в глаголах. Также мы выяснили, что речевая тактика «угроза» может выражаться не только вербально, но и невербально.

Список цитируемых источников

1. Угроза [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/угроза> (дата обращения: 08.10.2015).
2. Кусов Г. В. Оскорбление как иллюкутивный лингвокультурный концепт : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2004. 26 с.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2002. 284 с.
4. Там же. С. 131.
5. Ненормативная лексика [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Обсценная_лексика_в_русском_языке (дата обращения: 08.10.2015).
6. Инвектива [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/17475/ИНВЕКТИВА (обращения: 08.10.2015).

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТОМ КОЛОРОНИМОМ

Введение. Цвет в нашей жизни играет очень важную роль. Цветовые системы разных языков отличаются друг от друга, поэтому чтобы правильно понять другую культуру, необходимо научиться правильно интерпретировать значения языка цвета, знать национальные особенности восприятия цвета, а также умело использовать данные знания в реализации межкультурного общения. Феномен цвета многогранен, поэтому процессы цветовосприятия и цветообозначения в языке всегда интересовали учёных как в зарубежной, так и в отечественной науке. Интерес к цветообозначениям обусловлен необходимостью, так как многочисленные цвета, их названия и символический смысл являются для любого народа своеобразным отражением многокрасочности мира. Особое место в изучении колоронимов занимает фразеология. Фразеология — это сокровищница языка. Во фразеологизмах находит отражение история народа, своеобразие его культуры и быта [1, с. 6].

Несмотря на обширность изысканий в области английской фразеологии, они не теряют своей актуальности и в наши дни. В последние десятилетия постоянно поддерживается интерес к языковым фактам, которые с наибольшей очевидностью отражают особенности культуры и национального менталитета. К таким языковым фактам относятся и фразеологические единицы с компонентом цветообозначения. В данной статье представлены первоначальные результаты исследования указанных единиц в английском языке.

Актуальность предпринятого исследования определяется противоречием между значимостью феномена цвета для различных сфер человеческой деятельности и относительно слабой изученностью цветообозначения и цветовосприятия в системе фразеологии, владение которой необходимо в профессиональной педагогической коммуникации.

Целью работы выступает выявление семантических особенностей фразеологических единиц (далее — ФЕ) с компонентом колоронимом английского языка.

Основная часть. В соответствии с поставленной целью отбор материала исследования заключался в выявлении ФЕ современного английского языка, содержащих в своей структуре компонент цветообозначения. Отбор материала исследования проводился методом сплошной выборки из словаря «Английские идиоматические выражения» под редакцией А. Дж. Уоррел. Выборка ФЕ английского языка, в состав которых входит лексема-идентификатор цвета, составила 311 единиц.

Доминирующим цветом, зафиксированным в структуре ФЕ английского языка, является синий. Объём данной группы составляет 21% от общего количества выборки. Семантически данный цвет в английской фразеологии ассоциируется с королевской властью, благородством происхождения: *blue blood* ‘представители королевской фамилии или люди очень высокого происхождения’. Синий также обозначает цвет моря и неба и используется военными: *blue alert* ‘вероятная угроза воздушной опасности’. Более того, этот цвет самый печальный, серьёзный, тоскливый; он действует успокаивающе, а в больших количествах — даже угнетающе. Это — цвет сомнения и депрессии, тоски и хандры: *the blues* ‘чувство печали и потери’, *to have the blues* ‘хандрить’, *to be in the blues* ‘сбиться с пути, потерпеть неудачу’. На наш взгляд, доминирование группы ФЕ английского языка с колоронимом «синий» объясняется исключительной важностью концептов «королевская власть», «море», «флот» для британской культуры, что и нашло своё отражение в семантике фразеологии английского языка.

Второе место занимает группа ФЕ, структурным компонентом которых является колороним «чёрный». Объём данной группы ФЕ составил 18% от общего количества выборки. Ассоциативно чёрный цвет — это и сила строгого самоограничения, и цвет элегантности. Самоограничение в проявлении чувств, элегантный стиль в одежде — типичные черты англичан, которые также нашли своё отражение в английской фразеологии. Например, *black tie* ‘строгий вечерний костюм’, *be in someone's black books* ‘быть в немилости, быть на плохом счету’, *the black sheep* ‘белая ворона’. На протяжении веков чёрная одежда символизировала отказ от чувственной жизни: монахи, священники, безутешные вдовы — все они преимущественно одевались в чёрное. Данная ассоциация нашла своё отражение и в семантике изучаемых единиц: *black coat* ‘чёрная сутана’.

Следующее место по количеству занимает группа ФЕ английского языка со структурным компонентом «красный». Данная группа составляет 16% от объёма анализируемого материала. Следует отметить, что в английской фразеологии красный цвет семантически соотносится с такими характеристиками, как свежесть, здоровье: *red as a cherry* ‘румяный, с румянцем во всю щеку»; тревога: *to be on red alert* ‘быть в состоянии боевой готовности»; парадность, изысканность: *red carpet* ‘торжественная встреча, почёт’.

Менее распространёнными колоронимами в структуре английских ФЕ оказались «жёлтый», «серый» и «фиолетовый».

Количество ФЕ с колоронимом «жёлтый» составляет 5% от общего количества выборки. Например, *yellow streak* ‘трусливость’. Общеизвестно, что жёлтый цвет ассоциируется с трусостью, неудивительно, что ФЕ с данным колоронимом в английском языке малочисленны, принимая во внимание военную славу британцев.

Фразеологизмы английского языка с колоронимом «серый» также немногочисленны и насчитывают 4% от выборки. Примечательно, что невыразительность, таинственность, скромность данного цвета были зафиксированы в семантике изучаемых ФЕ. Так, выражение *grey eminence* ‘серый кардинал’ означает человека, находящегося в тени. Также мы выявили, что ФЕ с данным колоронимом фиксируют и значение ‘преклонный возраст, мудрость’. Например, *a greybeard* ‘старик’, *grey hairs* ‘старость’, *to turn grey* ‘поседеть’.

Необходимо отметить, что выявленная единственная ФЕ с колоронимом «фиолетовый» *be born in purple* переводится как ‘родиться в королевской, богатой семье или же купаться в роскоши’. Семантика данной единицы отражает специфику британской культуры, так как в белорусской культуре, например, роскошь ассоциируется с красным цветом.

Заключение. Первоначальные результаты предпринятого исследования доказывают, что цвет — одно из элементарных и одновременно значимых зрительных ощущений, которое фиксируется ФЕ английского языка, семантика которых специфична, раскрывает символизм британской культуры.

Список цитируемых источников

1. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд., стереотип. Дубна : Феникс, 2005. 488 с.

УДК 811.111

В. В. Корзун

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТОМ «ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ»

Введение. Фразеология — раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка: структурно-семантические, морфолого-синтаксические и стилистические свойства фразеологизмов в их современном состоянии и развитии. Фразеологией также называют совокупность фразеологических единиц того или иного языка, определённого писателя, произведения. Например, фразеология современного русского языка, фразеология произведений М. Салтыкова-Щедрина, фразеология романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» [1, с. 11—15].

Фразеологизмы с названиями животных окружают нас повсюду: в художественной литературе, публицистике, а также в устной речи. Зооморфизмы — результат наблюдений и взаимодействия человека и природы, человека и окружающих его животных. Поэтому данная область фразеологии представляет большой интерес для изучения.

Основная часть. Актуальность предприняемого исследования заключается в относительно малой изученности зооморфизмов английского языка подгруппы «домашние животные».

Цель данной работы заключается в выявлении и анализе семантических особенностей английских фразеологических единиц (далее — ФЕ) с компонентом-зоонимом подгруппы «домашние животные».

Материалом для исследования послужили ФЕ с указанным выше компонентом, отобранные методом сплошной выборки из учебного пособия «Английские идиомы» под общей редакцией Л. А. Винаревой, объём которого составляет 500 единиц. На данном этапе объём отобранного материала составляет 80 ФЕ.

На первом этапе исследования мы классифицировали отобранный материал по принципу фразеологической активности компонента-зоонима подгруппы «домашние животные».

Так, наиболее продуктивными зоонимами в английских ФЕ являются:

1) собака (20 ФЕ от общего количества выборки). Например, *a dog's life* ‘прозябание’; *to work like a dog* ‘много и усердно трудиться’; *in the dog house* ‘вне милости’; *to treat someone like a dog* ‘плохо с кем-либо обращаться’; *the dog days* ‘очень жаркие дни’;

2) лошадь (15 ФЕ от общего количества выборки). Например, *a dark horse* ‘малоизвестный кандидат’; *a dead horse* ‘исчерпанная тема’; *a horse opera* ‘вестерн’; *from the horse's mouth* ‘из первых уст’; *a horse of a different color* ‘совсем другое дело’;

3) кошка (11 ФЕ от общего количества выборки). Например, *enough to make a cat laugh* ‘очень смешно’; *to let the cat out of the bag* ‘раскрыть все секреты’; *to rain cats and dogs* ‘ливень’; *barber's cat* ‘трепло’; *there isn't enough room to swing a cat* ‘мало места’.

На следующем этапе исследования мы классифицировали отобранный для анализа материал согласно классификации В. В. Виноградова, которая признаётся лингвистами одной из наиболее детальных и авторитетных [2, с. 41]. Таким образом, английские ФЕ с зоонимом «домашние животные» распределяются следующим образом:

1) фразеологические сращения, или идиомы (греч. *idioma* своеобразие, особенность), — семантически неделимые, неразложимые устойчивые сочетания, значения которых воспринимаются как абсолютно немотивированные, независимые от значений их составных частей. В идиомах, как правило, невозможны

перестановки компонентов, а также какие-либо лексические вставки. Объём данной группы представлен 43 ФЕ от общего объёма выборки. Данная группа является доминирующей. Например, *chicken feed* 'кот наплакал, ничтожная сумма денег'; *have a cow* 'выходить из себя'; *horse sense* 'здравый смысл, рассудительность'; *be like a bull in a china shop* 'как слон в посудной лавке, быть неловким, неуклюжим'; *take the bull by the horns* 'брать быка за рога'; *have a cat in hell's chance* 'нет никаких шансов'; *until the cows come home* 'допоздна, до бесконечности, до конца'; *get on your goat* 'раздражать, сердить, злить кого-либо';

2) фразеологические единства — семантически неделимые устойчивые сочетания, метафорический смысл которых можно вывести из переносных значений составляющих их слов. Объём ФЕ составляет 22 от общего количества исследуемых фразеологизмов. Например, *it's a dog life* 'собачья жизнь, тяжёлая жизнь'; *eagle eyes* 'орлиный взгляд, проницательный взгляд'; *a chicken and egg situation* 'проблема, где трудно отделить причину от следствия'; *be like a cat on a hot tin roof* 'перевозбуждённый, слишком активный'; *play cat and mouse* 'играть в кошки-мышки с кем-либо'; *take to smth like a duck to water* 'чувствовать себя как рыба в воде'; *eat like a horse* 'много кушать';

3) фразеологические сочетания — устойчивые сочетания слов, одно из которых свободно в своём употреблении, а второе встречается только в данном сочетании и употребляется в переносном (фразеологически связанном) значении. Компонент со связанным значением называется стержневым словом фразеологизма, компонент со свободным значением — переменной частью. Во фразеологических сочетаниях возможна вариантность одного из компонентов переменной части (*like a headless chicken* — *like a chicken with its head cut off*) или синонимическая замена стержневого слова (*put/set the cat among the pigeons* 'вызвать переполох'; *a dog's breakfast/dinner* 'ужасный беспорядок'). Объём данной группы значительно отличается в сравнении с другими группами. Он составляет всего 8 ФЕ из общего числа фразеологизмов: *a horse of another / a different color* 'вот это уже из другой оперы'; *act/play the goat* 'вести себя глупо'; *make a pig's ear of smth / doing smth* 'испортить всё, напутать, напортачить'; *a dog's breakfast/dinner* 'ужасный беспорядок'; *put/set the cat among the pigeons* 'вызвать переполох'.

Итак, исходя из анализа ФЕ с компонентом-зоонимом подгруппы «домашние животные», наиболее многочисленными являются фразеологические сращения, а наиболее продуктивным компонентом-зоонимом подгруппы «домашние животные» — лексема «собака».

Следует отметить, что семантику выделенных сращений невозможно объяснить трактовкой каждого слова. Значение идиом выводится из традиционно устоявшегося словосочетания. Согласно А. В. Кунину, образование фразеологизмов — это длительный исторический процесс, происходящий в конкретном языке, большой удельный вес в языке ФЕ конкретной группы определяется их важностью и необходимостью в описании окружающего мира.

Так, большое количество ФЕ с компонентом-зоонимом подгруппы «домашние животные» объясняется тем, что, стремясь охарактеризовать своё поведение, чувства, внешность, человек прибегает к сравнению с животным миром, с домашними животными. Внутреннее содержание указанных ФЕ отражает, например, разнообразные стороны жизни людей, в частности чувства. Анализ семантики отобранного материала позволил нам выделить следующее: эгоизм (*dog eat dog* 'собака поедает собаку'); любопытство (*curiosity killed the cat* 'любопытство убило кота'); враждебность (*fight like cats and dogs* 'спорить и драться с кем-то', 'жить как кошка с собакой'); голод/обжорство (*I could eat a horse* 'очень голодный', *eat like a horse* 'много кушать', *eat like a pig* 'переедать, есть жадно', *make a pig of yourself* 'объесться'); жизнерадостность (*when the cat is away, the mice play* 'кота нет — мышам раздолье'; *it's enough to make a cat laugh* 'этого достаточно, чтобы развеселить кошку'); лицемерие (*a wolf in sheep's clothing* 'волк в овечьей шкуре'); жадность (*a dog in the manger* 'собака на сене').

Заключение. Исследование ещё не закончено, в данной статье представлены первоначальные его результаты. Однако уже сейчас представляется возможным сделать конкретные выводы. В группе английских ФЕ с компонентом-зоонимом подгруппы «домашние животные» наиболее частотным семантическим типом являются фразеологические сращения, а наиболее продуктивным компонентом-зоонимом — лексема «собака». Объясняется данный факт, вероятно, распространённостью данного домашнего животного.

Список цитируемых источников

1. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. Дубна : Феникс, 2005. 488 с.
2. Жуков В. П. Русская фразеология. М., 1986. 310 с.

О РЕЧЕВОЙ ТАКТИКЕ «СОЧУВСТВИЕ» В КАНАДСКОМ ОБЩЕНИИ

Введение. Тактика речевого общения — это совокупность приёмов ведения беседы или линия поведения на определённом этапе коммуникации. Тактика предполагает использование определённых приёмов привлечения внимания, воздействия на партнёров. Различают различные речевые тактики в зависимости от ситуации общения. Вместе с тем эти тактики могут взаимодействовать, использоваться в совокупности [1, с. 125].

Актуальность данной работы определяется в первую очередь возникновением научного интереса, направленного на исследование речевой тактики «сочувствие» в коммуникативной практике современного делового человека, а также более детального рассмотрения, изучения и употребления данной тактики речевого взаимодействия в процессе общения.

Цель работы — изучить речевую тактику «сочувствие» и выявить особенности её выражения в канадском общении.

Основная часть. Остановимся подробнее на речевой тактике «сочувствие». Сочувствие является неотъемлемой частью речевого этикета, это качество, без которого человек, у которого есть сердце, не обошёлся бы никогда.

Речевая тактика «сочувствие» лежит в сфере кооперативного общения, и её главная цель — выразить понимание и доброжелательное отношение к адресату в негативной для него ситуации. Исследователь А. А. Зализняк отмечает, что «глагол “сочувствовать” обозначает реакцию лишь на отрицательное состояние чужих дел» [2, с. 116].

Важными компонентами сочувствия многие исследователи называют согласие, солидарность, одобрение, поддержку. Сочувствие — яркое проявление солидаризации с собеседником, эмпатии, демонстрации отношения «я с вами». Автор В. А. Богданова и Т. В. Кочеткова считают поиск согласия, который проявляется в том числе в сочувственном внимании к собеседнику, признаком хорошей речи [3].

Таким образом, предполагается, что сочувственное отношение/состояние может побудить человека к следующим речевым поступкам: выражению сочувствия, утешения или соболезнования. На выбор конкретного речевого поступка в форме той или иной речевой тактики влияют разнообразные факторы. Сочувствие как эмоциональное состояние не следует отождествлять с эмоциональностью. Сочувствие не обязательно бывает эмоциональным. Это зависит от различных коммуникативно-прагматических факторов. Состояние сочувствия может вызвать определённые вербальные действия, речевые поступки (выражение сочувствия, утешения или соболезнования), а может и никак не отразиться вербально.

Методом сплошной выборки мы проанализировали несколько фильмов, вышедших в интервале с 2010 по 2015 г.

Изучив характер использованной в канадском общении речевой тактики «сочувствие» на основе фильмов, мы пришли к выводу, что все ситуации, в которых встретилась сочувственная реакция, можно условно разделить на две группы. К первой относятся ситуации, которые не зависят от адресата и вызваны внешними обстоятельствами. Ко второй группе относятся ситуации, в возникновении которых виноват сам адресат. Вина адресата в негативной для него ситуации может быть как незначительной и без каких-либо последствий, так и довольно серьёзной. Группа не зависящих от адресата негативных ситуаций обладает неоднородным составом. Внутри неё можно выделить следующие типы ситуаций:

1) негативная ситуация предопределена судьбой адресата (Brooklyn, *John Crowley*). Джим, с которым познакомилась Элис, выражает сочувствие по поводу смерти её родной сестры.

Jim: How is your mother?

Eilis: Well, she's sad. And she's got much older very quickly.

Jim: It was a terrible thing. We all went to the funeral mass. My mother and my father and myself. ***It was the saddest thing that happened in the town that I can remember.***

Eilis: Thank you;

2) с адресатом плохо/несправедливо обошлись. Увольнение сотрудника, который проработал 31 год в компании и был уверен, что с ним точно не расторгнут контракт (Upside Down, *Juan Diego Solanas*).

Lagavullan: Your attention, please. Before we begin handing out the bonuses we have a list of individuals whose services will no longer be required: Albert Midwall, Susan Gonzalez.

Bob to Adam: Believe me, my friend. Your things work out. You got nothing to worry about.

Lagavullan: Jimmy Scotch, Beatrice Amuchastegue, Bob Boruchowitz.

Bob: nah, that's not me. That's a mistake. Uhm, excuse me... I'm sorry, did you said 'Bob Boruchowitz'? Well, uh, I think that's a mistake, yeah?

Lagavullan: There is no mistake, Mr. Boruchowitz. You lied of your seniority, you will be given a retirement package, but your TransWorld contract has been terminated.

Bob: 31 years... They toss you out like a bag of garbage. Yep, that's the TransWorld way.

Adam: Hey, Bob. ***I'm really sorry.***

Bob: Don't worry about me my friend. It's their loss.

Adam: Right;

3) происшествие или жизненное обстоятельство приводит к негативной для адресата ситуации (стресс, боль, ущерб, болезнь, неудобство и т. п.). Адам рассказывает о себе (в третьем лице) и своём трудном детстве Иден. Сочувствие выражается Адаму (Upside Down, *Juan Diego Solanas*).

Adam: I've been working with this, this... young man... who's just recently started here at TransWorld. But, uh... He had like a trouble childhood. Yeah, he grew up in a, like a...like an orphanage.

Eden: *Oh, that's terrible.*

Мы видим, что речевая тактика «сочувствие» в данных ситуациях выражается по-разному. Очевидно, что в первом случае Джим был достаточно близко знаком с семьёй Элис, поэтому для него недостаточно выразить сочувствие с помощью перформативных стандартных формул (*соболезную, сочувствую, мои соболезнования* и т. п.). В данном случае сочувствие со стороны Джима подчёркнуто эмоционально и оно явно искреннее. Во втором случае следует отметить, что данная ситуация выражения сочувствия сильно распространена. Человек преисполняется сочувствия и более склонен выражать его тогда, когда осознаёт несправедливость, совершённую по отношению к адресату. Как правило, адресант в данном случае сам определяет, достоин ли адресат сочувствия и следует ли утешить его, соотнося ситуацию со своими собственными представлениями. В следующем примере адресат испытывает неудобство в связи с каким-либо обстоятельством. Иден торопится, так как она не хочет тратить время на незнакомого человека и её ждёт много работы. Сочувствие с её стороны выражено сухо, кратко и лаконично.

Также следует отметить, что на сочувствие реагируют реже, чем на другие жанры, поскольку оно воспринимается как способ поддержания разговора, как средство обеспечения обратной связи. Частота употребления речевой тактики «сочувствие» зависит от жанра фильмов. Выборка данной речевой тактики соответствует таким жанрам, как драма и мелодрама.

Заключение. Исследуемая речевая тактика имеет в речи определённое воплощение с помощью определённых негативных ситуаций. Речевая тактика «сочувствие» может появляться в негативных ситуациях как уже исчерпавших себя (ситуации в прошлом), так и в ещё продолжающихся (ситуации в настоящем). Отношения между адресатом и адресантом также не играют заметной роли в выражении сочувствия как такового. Человек способен посочувствовать, утешить или выразить соболезнование как близкому ему человеку, так и совершенно незнакомому. В обоих случаях сочувствие может быть как эмоциональным и искренним, так и поверхностным, чисто фатическим, выступающим в качестве средства поддержания разговора. Всё зависит от ситуации и от психологических особенностей человека, а также от его эмоционального состояния. Эмоциональное состояние адресанта влияет на общую тональность сочувствия.

В результате выполненной работы мы выявили некоторые способы реализации речевой тактики «сочувствие» в канадском общении. На основе полученных результатов можно отметить, что речевая тактика «сочувствие» имеет разные формы проявления. С точки зрения языкового воплощения, исследуемая речевая тактика характеризуется сочетанием речевых стереотипов (устойчивых фраз) и экспрессии. Сочувствие использует эмоциональные средства воздействия, апеллирует к чувствам. Таким образом, можно сделать вывод что жанр «сочувствие» требует обращения внимания на самую негативную ситуацию и вызывает необходимость её обсуждения.

Список цитируемых источников

1. Штрекер Н. Ю. Русский язык. Культура речи. М. : Аккад., 2003. 458 с.
2. Зализняк А. А. Любовь и сочувствие: к проблеме универсальности чувств и переводимости их имён. М. : Языки славянской культуры, 2005. 225 с.
3. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998. 326 с.

УДК 811.111

А. В. Литвин

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ПОНЯТИЕ ОЦЕНКИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Введение. Фразеологическая единица — это яркое образное выражение (идиома, пословица, поговорка) с переосмысленной семантикой своих компонентов, своеобразие которых опирается на различные грамматические, лексические, семантические зависимости между ними, а специфичность фразеологического значения обуславливается не только свойствами слов (лексических компонентов фразеологической единицы), но и оценочностью, выраженной в нём эксплицитно или имплицитно.

Оценка признаётся одной из важнейших сторон интеллектуальной деятельности человека и, несомненно, находит своё отражение в языке. Оценка является универсальной категорией, характерной для любого из языков. Будучи выраженной языковыми средствами, оценка становится свойством языковых элементов, которое принято называть оценочностью. Научные исследования лингвистов в сфере оценки показывают, что оценочную функцию

могут выполнять различные по структуре синтаксические единицы — от слов до предложений. Но именно фразеологические единицы занимают особое место среди остальных единиц языка в силу природы фразеологического значения. Как отмечает А. В. Кунин, «именно фразеологические единицы, как никакие другие единицы языка, в большинстве своём фокусируют в себе оценочный потенциал» [1, с. 94].

Следует отметить, что изучение категории оценки связано с обращением к аксиологии, изучающей «обобщённые устойчивые представления о предпочитаемых благах, объектах, значимых для человека, являющихся предметом его желаний, стремлений, интересов» [2, с. 217].

В рамках данной науки оценка рассматривается как фактор, формирующий ценностную картину мира, так как ценностные представления присущи каждой культуре. Процесс оценки — это способ реализации ценности объекта, осознание субъектом ценностной предметности объекта, реализующееся в виде суждения о той ценностной предметности, которая стала предметом оценки. Оценка основывается на человеческих знаниях, представлениях, а также на системе национально-культурных стереотипов [3].

Оценочность во фразеологии — это «объективно-субъективное или субъективно-объективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно» [4]. В этом определении объект понимается в самом широком смысле как человек, животное, предмет, действие, состояние или ситуация. Например, *a clever dog* 'умница, ловкий малый'.

Основная часть. Актуальность предпринятого исследования определяется недостаточной изученностью фразеологических единиц современного английского языка, в значении которых зафиксирована сенсорная оценка.

Согласно А. В. Кунину, выделяют три группы оценок:

1) сенсорные, которые делятся на: а) сенсорно-вкусовые, или гедонистические, оценки — то, что нравится (*nice, attractive, pleasant*); б) психологические, среди которых различаются интеллектуальные оценки (*interesting, banal*) и эмоциональные (*glad, desirable*);

2) сублимированные, или абсолютные, которые делятся на: а) эстетические оценки, основанные на синтезе сенсорных и психологических (*beautiful, perfect*); б) эстетические, оценки, подразумевающие нормы (*kind, moral, vicious*);

3) рационалистические, связанные с практической деятельностью человека. Они включают: а) утилитарные оценки (*useful, harmful*); б) нормативные (*right, normal*); в) телеологические (*effective, unsuccessful*) [5].

Таким образом, цель исследования заключается в выявлении и анализе ФЕ английского языка, в значении которых зафиксирована сенсорная оценка. Для реализации цели исследования были использованы следующие методы: дефиниционный анализ, компонентный анализ.

В настоящей статье предлагаются первоначальные результаты исследования.

Итак, для анализа нами были отобраны 153 наиболее частотных в употреблении фразеологизма английского языка, в значении которых присутствуют лексемы *nice, attractive, pleasant, interesting, banal, glad, desirable* — лексические маркеры сенсорной оценки. Для выявления оценочной специфики отобранный фактографический материал был классифицирован следующим образом:

1) ФЕ с сенсорно-гедонистической оценкой. Например, *with good cheer, a hot corner, put one's best face on, chirpy as a cricket*. Объём данной группы равен 31,7% от общего числа выборки;

2) ФЕ с сенсорно-интеллектуальной оценкой. Например, *cunning as a fox, a lame duck, clever dick, crazy as a coot*. Объём данной группы равен 43,3% от общего числа выборки;

3) ФЕ с сенсорно-эмоциональной оценкой. Например, *lost in admiration, fierce as a tiger, be in an agony of despair*. Объём данной группы равен 25% от общего числа выборки.

Таким образом, мы пришли к выводу, что группы ФЕ с сенсорно-интеллектуальной и сенсорно-вкусовой оценкой доминируют. На наш взгляд, объяснить данный факт возможно важностью психологического фактора (которому и принадлежат данные подтипы оценки) в характеристике человека, животного, предмета, действия, состояния или ситуации.

На втором этапе нашего исследования мы классифицировали отобранный материал относительно степени сенсорной оценки, выраженной в семантике фразеологических единиц.

Нам удалось выявить, что большинство ФЕ английского языка с сенсорной оценкой (72%) фиксируют негативные, отрицательные черты описываемого объекта. Например, *cross as two sticks, as stupid as a donkey, as crazy as a bed-bug, soft in the head*. Однако мы не считаем данный факт особенностью проанализированного материала. Общеизвестно, что фразеологические единицы в большинстве своём обладают пейоративностью — отрицательной коннотацией значения. Следовательно, ФЕ с сенсорной оценкой лишь подтверждают данную закономерность.

Заключение. Несмотря на тот факт, что категория оценки долгое время рассматривалась исключительно с позиций аксиологии, в последние десятилетия она стала значимым объектом лингвистических исследований. В языке оценка материализуется в виде определённых оценочных суждений, при этом они обычно содержат как собственно выражение (субъективной) оценки, так и некоторые качественные характеристики оцениваемого объекта.

Анализ фактографического материала выявил доминирование сенсорно-эмоциональной и сенсорно-интеллектуальной оценки в значениях часто употребляемых фразеологических единиц. На наш взгляд, это объясняется психологией человека: всю окружающую среду, взаимодействие с другими людьми человек «пропускает» через себя, поэтому в первую очередь языковые единицы, в данном случае ФЕ, фиксируют эмоциональные и интеллектуальные оценки окружающей действительности.

Список цитируемых источников

1. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М., 1996. 340 с.
2. Богуславский В. М. Проблемы структурной лингвистики. М. : ДРОФА, 1982. 219 с.
3. Там же. С. 219.
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. С. 95.
5. Там же.

УДК 81.271.2

Е. С. Лихтар, З. И. Корзун

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ И ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИКАЗА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Введение. В последнее время центром изучения лингвистов становится язык как система знаний, включающая лингвистический тезаурус, грамматические и фонетические законы построения языковых единиц в синхроническом и диахроническом планах. Языковеды рассматривают синхронию и диахронию как явления соотносительные, хотя и принципиально различные. Соотносительность данных явлений состоит в том, что «и синхрония, и диахрония представляют собой определённые формы временного существования одних и тех же языковых явлений, отдельных компонентов языковой коммуникации и их параметров» [1, с. 17]. Существует множество определений понятия «диахрония», однако всех их можно свести к одному: диахрония — «это процесс изменения языковой системы, её историческое развитие в результате замены одного состояния другим» [2].

Данное исследование направлено на выявление языковых средств выражения коммуникативного намерения «приказа» в немецкоязычном художественном дискурсе в рамках гендерного и диахронического аспектов. В качестве основных методов исследования были использованы: метод сплошной выборки; методы дефиниционного, контекстуального и сопоставительного анализа; интерпретационный метод.

Материалом исследования послужили акты приказа (60 единиц), отобранные методом сплошной выборки из художественных произведений «Der Himmel kennt keine Günstlinge» Е. М. Remarque (XX в.) и «Der Mond und das Mädchen» М. Mosebach (XXI в.) объёмом 466 с. Мы использовали произведения художественной литературы, написанные в жанре романа. Язык таких художественных произведений, с нашей точки зрения, наиболее полно отражает объективную реальность, а сюжетные линии воспроизводят динамику ситуаций межличностной интеракции.

Основная часть. С давних времён роль гендера в различных аспектах нашей жизни носит индивидуальный характер. Как правило, многие привыкли, что мужчина преуспевает как в семье, так и в политике. Тем не менее из истории мы знаем немало примеров, когда женщина, занимая пост руководителя государства, также вносила большой вклад в его развитие. Современные исследователи стремятся показать языковые миры женщин и мужчин и таким образом констатировать различия в коммуникации.

Основой гендерных исследований стало выявление различий в статусах, ролях и иных аспектах жизни мужчин и женщин и, главное, анализ феноменов власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендерные роли и отношения. Важным при этом является то, что данные отношения — значимый аспект социальной организации, они фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на поведение личности, в том числе и речевое.

Изучение и анализ языковых фактов с точки зрения антропоцентричности языка является одной из наиболее значимых тенденций современного языкознания. Язык изучается как феномен, ориентированный, прежде всего, на человека. Человек с помощью вербального и невербального поведения постоянно стремится изменить окружающий мир согласно своим субъективным убеждениям, потребностям, интересам.

Одним из основных механизмов регулирования взаимоотношений в обществе выступают высказывания, содержащие указания на необходимость совершения определённых действий. Рассматривать высказывание как речевой акт позволяет то, что в высказывании как единице общения реализуется функция общения, так как в нём наличествует деятельность и результат этой деятельности одновременно.

Одним из объектов исследования языка в его речевом воплощении служит категория приказа. Опираясь на традиционную классификацию речевых актов, предложенную Дж. Серлем, приказ относится к директивному классу речевых актов, который представляет собой «коммуникативную ситуацию, в которой, как и в любой коммуникативной модели, наличествует говорящий, слушающий и высказывание. С другой стороны, директив является отражением побудительной ситуации, т. е. основная его задача заключается в предписании (прескрипции) определённого поведения. Для адекватного анализа директивов необходимо учитывать не только участников акта речи, но и участников прескрипции: источник побуждения, или “прескриптор” (термин Л. А. Бирюлина), и исполнителя, которые рассматриваются как вторичные коммуникативные роли» [3, с. 17]. С позиции Е. И. Беляевой, приказ является

Средство выражения приказа	Диахронический аспект			
	XX в.		XXI в.	
	Гендерный аспект			
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Формы повелительного наклонения	87,0	62,50	42,9	42,9
Модальные глаголы как средство воздействия на коммуниканта	8,7	18,75	57,1	42,9
Глагол lassen + полнозначный глагол	4,3	18,75	—	—

«директивным речевым актом, где более высокая служебная позиция говорящего или роль ответственного лица даёт ему право на побуждение адресата к действию» [4, с. 39]. Исследователь подчёркивает, что приказ, как правило, «оформляется в речи императивными конструкциями, поскольку они являются наиболее простым способом выражения коммуникативной интенции, а также используется инфинитив» [5].

Проведённое исследование показало, что разнообразие аспектов употребления речевого акта «приказ» указывает на сложность и многоплановость данного явления. Анализируя коммуникативное поведение людей, нами было установлено, что микрополе приказа представлено в немецком языке определённой совокупностью средств: морфологическими, синтаксическими, лексическими, косвенными речевыми актами, а также имплицитными средствами. Сравним данные средства в процентном соотношении в диахроническом и гендерном аспектах (таблица 1).

Проведённое исследование показало, что одним из ведущих средств выражения приказа являются формы повелительного наклонения как в XX, так и в XXI в., когда коммуниканты используют формы 2-го лица и вежливого обращения, так как они самым непосредственным образом выражают значение приказа в ситуациях, если говорящий обращается к прямому адресату: «*Faß sie nicht an*», rief Ina, die zitterte und sich nicht von der Stelle rührte. «Sie ist tot», sagte Hans, «aber wie ist sie hier hereingekommen?» [6, с. 52].

Наиболее употребительными модальными глаголами в проанализированных микроконтекстах являются глаголы sollen и müssen. Сфера употребления глагола «sollen» связана с действием, выполняемым по чьему-либо приказу в соответствии с долгом, моралью: Lillian erhob sich. Im gleichen Augenblick öffnete sich die Tür, und das Krokodil stand im Rahmen. «Das habe ich mir doch gedacht! Zigaretten! Alkohol auf dem Zimmer! Eine Orgie! Sogar Sie dabei, Fräulein Ruesch!» zischte sie zu Streptomycin-Lilly hinüber. «Auf Krücken hereingeschlichen! Und Herr Schirmer, Sie auch! Sie sollten im Bett sein!» [7, с. 65].

Глагол müssen специфичен по сфере употребления, он является доминирующим в ситуациях, когда коммуникант должен выполнять действие под давлением обстоятельств или из внутренней потребности: «Lieber noch nicht; ich bin darin abergläubisch. Da — jetzt kommen die neuen Nachrichten! Sie müssen sie ja auch hören! Auf Wiedersehen, Lillian!» «Auf Wiedersehen, Hollmann.» [8].

Мужчины в разговоре с женщиной в своей речи используют глагол lassen для смягчения побуждения: «Ich kenne den Garten», sagte Lillian. «Was willst du? Ein Bigamist werden?» «Lass das! Komm mit mir!» [9]. Данный глагол отсутствует в речи как мужчин, так и женщин в романе XX в.

Заключение. Выбор средств для выражения приказа зависит от гендерного аспекта, от социального статуса коммуникантов, от того, насколько формальной является ситуация общения.

Список цитируемых источников

1. Вежицка А. Язык. Культура. Познание. М. : Рус. слов., 1996. 416 с.
2. Там же. С. 178.
3. Бирюлин Л. А., Храковский В. С. Типология императивных конструкций. Л. : Наука, 1992. 301 с.
4. Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык. Воронеж, 1992. 168 с.
5. Там же. С. 57.
6. Mosebach M. Der Mond und das Mädchen. Carl Hanser Verlag München, 2007. 197 S.
7. Remarque E. M. Der Himmel kennt keine Günstlinge. Kiepenheuer & Witsch, Köln, 1959. 269 S.
8. Ibid. S. 219.
9. Ibid. S. 128.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О. ГЕНРИ

Введение. Фразеология (греч. phrases выражение, logos учение) — раздел науки о языке, изучающий фразеологическую систему языка в её современном состоянии и историческом развитии. Объектом изучения фразеологии являются фразеологические обороты, т. е. устойчивые сочетания слов, аналогичные словам по своей воспроизводимости в качестве готовых и целостных значимых единиц: «поставить на ноги», «молоко на губах не обсохло», «отправиться на боковую» и т. д.

Фразеология русского языка представляет собой стройную систему. Она обладает автономностью и в то же время входит в более сложную систему общенационального языка. Фразеологические единицы существенно различаются по стилистической окраске и стилевой принадлежности. Исследования функционирования фразеологических единиц в текстах различной стилевой направленности представляют высокую важность для лингвистики. Специалист в области фразеологии Н. М. Шанский считает, что исследование фразеологических оборотов позволяет решить целый ряд очень важных и сложных вопросов, касающихся значимых единиц языка в целом, соотношения синтаксической сочетаемости слов и их значения, различных вопросов словообразования и этимологии, ряда проблем орфографии, стилистики, художественной речи и т. д. [1].

Основная часть. О фразеологии уже написано множество научных работ, но до сих пор интерес к этой науке не иссякает ни у исследователей, ни у тех, кто просто неравнодушен к слову. Употребление фразеологизмов придаёт речи особый шарм, живость, образность. Фразеологизмы — незаменимое средство выражения мысли для писателей, переводчиков, журналистов, сатириков. Именно этот факт и подтолкнул нас к тому, чтобы провести исследование — изучить фразеологическую систему в произведениях О. Генри (повесть «Короли и капуста», сборники рассказов «Горящий светильник» и «Четыре миллиона»), рассмотреть проблему переводимости фразеологизмов.

Приведём ряд примеров.

«Может быть, этому сборищу не хватает спокойного достоинства мужского законодательного собрания, но по значению своему оно не уступает первому совещанию Евы и её старшей дочери о том, как поставить Адама на место» («Горящий светильник»). “The meeting may lack the dignity of the deliberative bodies of man; but it has all the importance of the occasion on which Eve and her first daughter first put their heads together to make Adam understand his proper place in the household”. «Поставить на место» — разговорный фразеологизм. Данная фразеологическая единица относится к фразеологическим единствам (по классификации В. В. Виноградова), так как обобщённо-целостное её значение связано с семантикой составляющих её компонентов. Прослеживается сходство двух выражений в переводе и в оригинале. Однако в переводе фразеологическая единица приобрела более яркую окраску.

«Зарплата хватало ей с избытком, пышность её туалета всё возрастала, и Лу уже начинала бросать косые взгляды на приличный, но такой неэлегантный костюм Дэна — Дэна стойкого, постоянного, неизменного» («Горящий светильник»). “Her wages supported her even beyond the point of comfort; so that her dress profited until sometimes she cast a sidelong glance of impatience at the neat but inelegant apparel of Dan — Dan the constant, the immutable, the undeviating”. «Бросить взгляд» — книжный фразеологизм. Данная фразеологическая единица относится к группе фразеологических единств. Что касается сопоставления оригинала и перевода, можно увидеть, что в английском языке данное сочетание также является фразеологической единицей.

«В глазах гостя горел вызов, порождённый хитростью и отчаянием, — так загнанная в угол дворняжка взирала на своих мучителей» («Шехерезада с Мэдисон-сквера»). “His eyes were full of a hopeless, tricky defiance like that seen in a cur’s that is cornered by his tormentors”. «Загонять в угол» — разговорный фразеологизм, который относится к группе фразеологических единств. В английском варианте фразеологическая единица отсутствует.

«Сам до сих пор как следует не пойму. Сначала я как сыр в масле катался» («Шехерезада с Мэдисон-сквера»). “Never quite understood it myself. For a while I swam like a cork”. «Как сыр в масле» — разговорный фразеологизм, который относится к группе фразеологических сращений, так как не раскрывает смысла выражения. Если посмотреть на английский вариант, то мы видим, что в тексте оригинала данное выражение является фразеологической единицей.

«Представители этого никем не утверждённого, но пользующегося широкой известностью братства, разодетые в пух и прах, цветут, словно оранжерейные цветы, на углах улиц, посвящая, по видимости, всё своё время уходу за ногтями с помощью пилочек и перочинных ножинок» («Русские соболя»). “The members of this unchartered but widely known brotherhood appeared to pass their time on street corners arrayed like the lilies of the conservatory and busy with nail files and penknives”. «В пух и прах» — разговорный фразеологизм, он относится к группе фразеологических сращений. В английском варианте фразеологическая единица отсутствует.

«“Закрой свой водоразборный кран”, — сказала Малыш как-то вечером, когда Молли, заливаясь слезами, молила его покинуть стезю порока» («Русские соболя»). “Turn off the hydrant, said the Kid, one night when Molly, tearful, besought him to amend his ways”. «Заливаться слезами» — разговорный фразеологизм, он относится к группе фразеологических сочетаний. В тексте оригинала фразеологическая единица отсутствует.

«Трудовая жизнь не излечила его от пристрастия к первосортным и дорогим вещам, и он всё так же любил пустить пыль в глаза» («Русские соболя»). “Work had not diminished his love of pomp and show and his passion for the costly and genuine”. «Пускать пыль в глаза» — разговорный фразеологизм, он относится к группе фразеологических единств. В английском варианте фразеологическая единица отсутствует.

«Его сосед справа, аристократ и клубмен Дж. ван Шуйлайт Саффолк-Джонс, садился в ожидающую его машину, презрительно воротя нос от мыльного палаццо, фасад которого украшала скульптура в стиле итальянского Возрождения» («Золото и любовь»). “His neighbour to the right — the aristocratic clubman, G. Van Schuylight Suffolk-Jones — came out to his waiting motor-car, wrinkling a contumelious nostril, as usual, at the Italian renaissance sculpture of the soap palace’s front elevation”. «Воротить нос» — разговорный фразеологизм, который относится к группе фразеологических сочетаний. В тексте оригинала представлен также фразеологической единицей.

«Милостью литературного телеграфа, сокровища нашего захолустного отечества попадают прямо в руки честной политической партии, которая только и мечтает, как бы перевернуть его вверх тормашками» («Короли и капуста»). “By the blessing of the literary telegraph the boodle of this benighted fatherland shall be preserved to the honest political party that is seeking to overthrow it”. «Вверх тормашками» — разговорный фразеологизм, который относится к группе фразеологических сочетаний. В тексте оригинала фразеологическая единица отсутствует.

«Потом он не спеша занялся едой; изредка он перевёртывал страницы и небрежно пробежал глазами по строкам» («Короли и капуста»). “Then he partook of his meal deliberately, turning the leaves from time to time and glancing half idly at the contents”. «Пробежать глазами» — разговорный фразеологизм, он относится к группе фразеологических единств. В тексте оригинала фразеологическая единица отсутствует.

«С ленивым любопытством он следил, как это пятно всё увеличивалось и вдруг превратилось в яхту «Идалия», несущуюся на всех парах параллельно берегу» («Короли и капуста»). “Lazily interested, he watched this blur increase until it became the Idalia steaming at full speed, coming down the coast”. «На всех парах» — разговорный фразеологизм, он принадлежит к группе фразеологических сращений. На языке оригинала выражен фразеологической единицей.

«“Бродяга” не так твёрдо стоит на ногах, как гостиница на Бродвее, в Нью-Йорке, и с человеком то и дело приключается морская болезнь» («Короли и капуста»). “The Rambler ain’t quite as steady on her feet as a Broadway hotel; and a fellow gets a touch of seasickness now and then. Thought I’d strike the croaker for a handful of the little sugar pills, in case I need ’em”. «Твёрдо стоять на (своих) ногах» — разговорный фразеологизм. Принадлежит к группе фразеологических единств. В тексте оригинала данное выражение также является фразеологической единицей.

«Он буквально свалился с ног и, кажется, заснул, не раздеваясь» («Короли и капуста»). “The journey has fatigued him so that he has fallen asleep, I think, in his clothes”. «Валиться с ног» — разговорный фразеологизм, он принадлежит к группе фразеологических единств. В тексте оригинала фразеологическая единица отсутствует.

«Однажды они сидели там, изредка перекидываясь словами, так как беседа их замерла под умиротворяющим влиянием изумительной ночи» («Короли и капуста»). “One evening they sat thus, mainly silent, for their talk had dwindled before the stilling influence of an unusual night”. «Перекинуться словами» — разговорный фразеологизм. Принадлежит к группе фразеологических единств. В тексте оригинала фразеологическая единица отсутствует.

«Теперь его работа закончена, и, наверно, он себя не помнит от радости» («Короли и капуста»). “His job’s over now; and I guess old Mellinger is glad”. «Себя не помнить» — разговорный фразеологизм. Принадлежит к группе фразеологических единств. В тексте оригинала фразеологическая единица отсутствует.

Проведя исследование фразеологических единиц, можно сделать вывод, что часть фразеологических единиц при переводе повести «Короли и капуста» и рассказов из сборников «Горящий светильник» и «Четыре миллиона» претерпели некоторые изменения благодаря различным стилистическим приёмам. Можно было заметить, что переводчики прибегали к таким видам трансформаций, как семантическое развитие, добавление и стилистические трансформации.

В тексте выделяются две группы фразеологизмов: разговорные и книжные. Книжных фразеологизмов с присущим им торжественным звучанием встречалось меньше, нежели разговорных фразеологизмов, окрашенных в ироничные, а иногда и презрительные тона. Можно заметить, что в текстах над нейтральными преобладают экспрессивно-окрашенные фразеологизмы. Был проведён анализ с точки зрения классификации фразеологизмов, разработанной академиком В. В. Виноградовым (концепция классификации фразеологических единиц с точки зрения семантической слитности) [2]. Мы видим, что исследуемые тексты содержат все три категории фразеологизмов: фразеологические сочетания, фразеологические сращения и фразеологические единства. Если сравнить текст перевода и текст оригинала, можно увидеть, что выражения на английском языке, изначально не являясь фразеологизмами, были преобразованы в устойчивые выражения в русском языке.

Заключение. Тексты переводов обогатились красивой, более сложной лексикой, обрели национальный колорит, и речь героев во многом стала более красочной и эмоциональной. Язык — это живой организм, и можно быть уверенными в том, что фразеологическая система как русского, так и английского языка с каждым днём будет развиваться, обогащаться сама и обогащать внутренний мир каждого отдельного человека, а также приобретать новые краски и очертания.

Список цитируемых источников

1. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие. 4-е изд., испр. и доп. СПб. : Спец. лит., 1996. 192 с.
2. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Изб. тр. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977. С. 140—161.

О ЯЗЫКОВОМ ВЫРАЖЕНИИ ТАКТИКИ «МАНИПУЛИРОВАНИЕ» В АМЕРИКАНСКОМ И УКРАИНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕЧЕЙ Б. ОБАМЫ И П. ПОРОШЕНКО)

Введение. Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам — гражданам сообщества — необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса — убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию [1, с. 32].

Политическая коммуникация относится к тем сферам жизни, где особенно часто практикуется манипулирование. Политическая манипуляция, в отличие от межличностной, предполагает воздействие на широкие массы и осуществляется с целью сделать их ведомыми, отвести им роль пассивных исполнителей воли правящих групп. Воля меньшинства в завуалированной форме навязывается большинству. Особенность манипулятивной стратегии заключается в специфике тех тактик, которые применяются для достижения той или иной цели. По мнению В. И. Карасика, манипуляция — различного рода уловки в дискурсе, имеющие целью обманным путём убедить адресата встать на позиции отправителя речи, несмотря на несостоятельность фактического или логического обоснования вопроса [2, с. 96].

Манипуляция широко изучается в психологии, психолингвистике, нейрофизиологии, психиатрии, поскольку в её основе лежат психологические процессы воздействия, т. е. манипулирование сознанием. Под речевым манипулированием понимают «вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент». Каждая стратегия политического дискурса реализуется благодаря использованию определённого набора тактик. Под тактиками понимается совокупность приёмов, обуславливающих применение языковых средств.

Основная часть. Важность изучения политического дискурса продиктована необходимостью поиска для политиков оптимальных путей речевого воздействия на аудиторию, с одной стороны, и необходимостью понимания аудиторией истинных интенций и скрытых приёмов языкового манипулирования — с другой. Актуальность данного исследования вызвана потребностью в рассмотрении тактики манипулирования и языковых особенностей её использования в конкретной языковой среде.

Целью данной работы является выявление и систематизация средств выражения речевой тактики манипулирования в речи Б. Обамы, нынешнего президента Соединённых Штатов Америки, и в речи П. Порошенко, действующего президента Украины.

Предметом исследования выступают средства выражения речевой тактики манипулирования в американском и украинском политическом дискурсе.

В соответствии с целью и предметом исследования в качестве основных методов анализа использовались: контекстуальный метод, метод лингвистической интерпретации, метод сплошной выборки.

В ходе исследования речевой тактики «манипулирование» с помощью метода сплошной выборки были отобраны речи Б. Обамы и П. Порошенко. Изучив характер использованных речевых тактик «манипулирование», мы пришли к выводу, что языковое выражение данных тактик проявляется с помощью инструментов речевой манипуляции. В качестве инструмента речевой манипуляции используются разнообразные фонографические, лексические средства, морфологические категории, синтаксические конструкции, текстовые категории в основном во взаимодействии. Было выявлено, что данная тактика выражается на следующих уровнях языка: фонографическом, лексическом и грамматическом.

На первом этапе исследования мы доказали, что фонетические инструменты речевой манипуляции широко применяются в политическом дискурсе. На фонографическом уровне речевая манипуляция осуществляется с помощью особого звукового и графического оформления сообщения. Применяется и интонация, и тембр, и выделение голосом, и паузы. Создаётся особый ритм и динамика, которые задают бодрый тон всему последующему тексту.

На втором этапе работы удалось выяснить, что лексические средства речевой манипуляции составляют самую широкую и часто употребляемую область инструментов речевой манипуляции.

С помощью метода лингвистической интерпретации было установлено, что широко востребованными в политическом дискурсе являются метафора и метонимия. Например, *“We have spilled American blood in many countries on multiple continents”* (Б. Обама). Также в политическом дискурсе частотно встречающимися являются «слова-амёбы», которые обозначают абстрактные понятия. К примеру, для политических речей П. Порошенко характерно использование следующих слов: *“opportunity”, “democracy”, “progress”, “change”, “challenge”*. Такие инструменты речевой манипуляции, как политические эвфемизмы, оказывают эмоциональное воздействие. Их целью является замалчивать, вводить в заблуждение общественное мнение и выражать то, что неприятно, более мягким образом. Например, во фразе Б. Обамы *“The state of the economy calls for action”* слова не содержат никакого прямого указания на низкий уровень развития экономики, однако если она зовёт к действию, то это означает, что надо принимать меры по её улучшению.

На третьем этапе данного исследования нами были выявлены инструменты речевого манипулирования на грамматическом уровне. В первую очередь следует упомянуть инверсию, которая выполняет эмфатическую функцию. Например, *"The American people know what the right choice is. So do I"* (Б. Обама). Прием инверсии позволяет интонационно подчеркнуть определённые слова, что придаёт дополнительную эмоциональную окраску всему высказыванию. Также одним из способов влияния на восприятие может выступать анафора (Б. Обама: *"It's a dream shared in big cities and small towns; across races, regions and religions. ...That is the American Dream. It's the dream of the father... It's the dream of the woman... It's the dream of the senior... It's the dream of the teacher..."*).

Итак, инструментарий речевой манипуляции в политическом дискурсе присутствует на всех уровнях языка — фонографическом, лексическом и грамматическом. Самый широкий пласт речевых средств манипуляции представлен на уровне лексическом. Инструменты речевого манипулирования разных уровней вступают во взаимодействие друг с другом, что позволяет добиться более эффективного воздействия на слушателя.

Речевая манипуляция в рамках политического дискурса — многомерное явление. Достигать одну из главных задач политического дискурса — управление общественным мнением — ей позволяют такие свойства, как целенаправленность и ориентированность на массового адресата, а также скрытость: речевая манипуляция не раскрывает своей установки на воздействие, и от того зависит её эффективность. Изучение механизма манипулирования с помощью лингвистических средств помогает избежать психотехнического эффекта речевой манипуляции, или, как пишут современные лингвисты, речевой демагогии, речевой агрессии или даже речевого насилия.

Заключение. В результате проделанного исследования мы выявили и систематизировали некоторые языковые средства выражения речевой тактики манипулирования в американском и украинском политическом дискурсе на примере речей Б. Обамы и П. Порошенко.

Список цитируемых источников

1. Демьянков В. З. Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. Изд. 3-е. М., 2002. С. 32—43.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

УДК 811.111

К. В. Наумова

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ЭТИМОЛОГИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-МОРЕНИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Введение. История английского языка насчитывает тысячи лет. За это время в нём накопилось большое количество выражений, которые показались людям удачными, меткими и остроумными. Таким образом и появился особый пласт языка — фразеология.

Основная часть. Говоря о фразеологии, будет логичным дать её определение. Естественно, что разные исследователи давали собственные трактовки этого понятия. Например, согласно А. В. Кунину, фразеология — это «наука о фразеологических единицах (фразеологизмах), т. е. об устойчивых сочетаниях слов с осложнённой семантикой, не образующихся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний» [1, с. 6]. Исследуя данное понятие, В. Н. Телия в энциклопедическом словаре выделяет два его значения: «1) раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка в его современном состоянии и историческом развитии; 2) совокупность фразеологизмов данного языка, то же, что и фразеологический состав» [2, с. 560]. По М. И. Фоминой, фразеология — это «раздел языкознания, в котором изучаются лексически неделимые сочетания слов, т. е. особые фразеологические единицы» [3, с. 304].

Фразеология английского языка тесно связана с историей, культурой, традициями и литературой народа, говорящего на данном языке. Эта связь достаточно чётко прослеживается во фразеологизмах, содержащих лексемы-моренизмы. В лингвистической литературе отмечается, что в структуре фразеологической единицы моренизм имеет определённое значение и придаёт всему высказыванию ярко выраженную стилистическую окраску и семантическую выразительность.

Следует отметить, что изучением морской фразеологии занимались такие лингвисты, как О. Е. Потапова, С. Ю. Тарабрина, Е. Е. Шмелёва, результаты исследований которых обобщили лингвокультурологические, структурные, семантические особенности морской фразеологии.

Актуальность предпринимаемого исследования связана с недостаточной изученностью этимологического аспекта фразеологизмов современного английского языка, структурным компонентом которых является моренизм.

Цель работы заключается в изучении этимологического параметра фразеологизмов-моренизмов современного английского языка.

Отбор фразеологического материала проводится методом сплошной выборки из лексикографического источника «Англо-русский фразеологический словарь» под редакцией А. В. Кунина. На данном этапе в корпус фразеологизмов-моренизмов отобраны 127 единиц, содержащих в своей структуре лексему-моренизм.

Первоначальный анализ отобранного материала позволил нам выделить следующие группы:

1) словосочетания, пришедшие в общелитературный язык через публицистические каналы. Например, *to keep one's head above water* 'находиться в хорошем финансовом положении'; *to draw a lot of water* 'быть влиятельным человеком'; *to send smb. up the river* 'засадить в тюрьму';

2) словосочетания, проникающие в общее употребление через устную речь морских специалистов и мореплавателей. Например, *to back water* 'гребти веслом в обратную сторону'; *to make water* 'дать течь'; *to fall on board of* 'столкнуться с чем-либо'.

Необходимо отметить, что вторая группа составляет 60% от общего числа выборки. На наш взгляд, доминирование данной группы в корпусе фразеологизмов-моренизмов современного английского языка объясняется прежде всего большой общественной значимостью и актуальностью мореплавания в Великобритании, благодаря чему морская терминология является источником для английской фразеологии.

Изучение словарных помет отобранного фактографического материала позволяет нам сделать вывод о том, что заимствование, как способ пополнения фразеологического пласта языка, достаточно актуален и для анализируемого материала.

Так, немаловажным источником заимствования английских фразеологизмов-моренизмов является Библия. Например, *to be in deep waters* 'горевать, тревожиться, находиться в затруднительном положении'; *as unstable as water* 'непостоянный'; *as weak as water* 'хилый, силёнок маловато'; *dead sea apple* 'красивый, но гнилой плод'. Связана данная особенность, мы думаем, не только с историей распространения христианства на британских землях, но и с исключительной важностью данного фолклора в целом.

Следует отметить, что французский был языком правящего класса в Британии на протяжении долгих веков и оказал на становление самого английского языка большое влияние. Неудивительно, что мы выделили группу фразеологизмов-моренизмов английского языка, которые имеют французские корни. Например, *to fish in troubled waters* 'ловить рыбу в мутной воде'; *to make water* 'дать течь'; *under full sail* 'полным ходом'.

Однако подавляющее большинство отобранных фразеологических единиц не имеет словарных помет, раскрывающих источник их происхождения. Например, *to hold water* 'быть последовательным, звучать убедительно'; *to rock the boat* 'подвергать опасности, ставить под удар'; *to be all at sea* 'быть в недоумении'. Принимая во внимание авторитетность лексикографического источника, из которого производится выборка, мы пришли к выводу, что данные фразеологизмы-моренизмы являются исконно английскими.

Заключение. Данное исследование ещё не закончено, в статье представлены первоначальные результаты исследования. На примере рассмотренных фразеологизмов-моренизмов современного английского языка представляется возможным сделать вывод об их источниках происхождения, равно как и об исключительной важности морской фразеологии для английского языка как культурологического феномена в целом.

Список цитируемых источников

1. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. Дубна : Феникс, 2005. 488 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. М. : Совет. энцикл., 1990. 709 с.
3. Фомина М. И. Современный русский язык : учеб. М. : Высш. шк., 2001. 415 с.

УДК 800

К. С. Русан

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

О РЕЧЕВОЙ ТАКТИКЕ «СПОР» В БРИТАНСКОМ ОБЩЕНИИ

Введение. Убеждение — одна из центральных категорий человеческой жизни и деятельности. Его синоним — красноречие — искусство убеждать при помощи слов. Это искусство может проявляться в парламентах, академиях, судах, школах, университетах, церквях, транспорте, дома, в газетной и журнальной публицистике, а также в художественной литературе. Одним из элементов этого искусства является искусство спора.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучения языковой коммуникации и способов воздействия на человека с помощью такой речевой тактики, как «спор», в особенности в британском повседневном общении.

Цель работы — изучить речевую тактику «спор» и выявить особенности её выражения в британском общении.

Основная часть. Спор — это коммуникативный процесс, в рамках которого происходит сопоставление точек зрения, позиций участвующих в нём сторон, при этом каждая из них стремится аргументированно утвердить

свое понимание обсуждаемых вопросов и опровергнуть доводы другой стороны. Спор помогает обмениваться идеями, более глубоко уяснить собственную позицию и позицию своего оппонента, узнать новое и тем самым пополнить свой багаж знаний и расширить кругозор по теме спорного вопроса.

При этом для спора даже не обязательно, чтобы были высказаны прямо противоположные точки зрения. Простейший вариант спора состоит в том, что выдвинутая одним человеком позиция или идея сталкивается с сомнением со стороны другого. Такие споры могут протекать вполне спокойно, ничем не напоминая ссоры или перебранки [1].

Методом сплошной выборки, как нельзя лучше отражающим частность, мы проанализировали несколько британских сериалов, вышедших в интервале с 2010 по 2015 г.

Изучив характер использованной в британском общении речевой тактики «спор» на основе фильмов, мы пришли к выводу, что данная тактика проявляется:

1) в количественном факторе оспариваемых суждений (споры могут быть единичными и множественными). В единичном ставится под сомнение и соответственно может оспариваться точка зрения, которая относится только к одному утверждению, тогда как во множественном споре сомнению подвергается позиция, относящаяся к нескольким утверждениям. Единичный спор мы можем проследить в примере 1. Но если утверждение станет более развёрнутым, как в примере 2, то тут явно возникает множественный спор, поскольку в нём высказано несколько утверждений, каждое из которых может стать тезисом самостоятельного спора, и поэтому все они требуют своей независимой и, главное, корректной аргументации [2].

Пример 1: *Women are better drivers than men.*

Пример 2: *Women are better drivers than men. They act quickly to get out of the problem. And women always take better decision than men* (Sherlock, Season 3);

2) в количественном факторе участников самого спора [3]:

– спор-монолог, где человек спорит сам с собой, как в примере 3.

Пример 3: *Sherlock: (in front of the mirror) — How do I look? Huh? You can be honest, is it noticeable? Maybe I could backcomb? No? Or yes? No, you disagree, my dear* (Sherlock, Season 1).

– спор-диалог, где участвуют два лица, как в примере 4.

Пример 4: *Sherlock: — Thinking Morphine or cocaine?*

Sherlock: — What did you say?

Doctor: — I didn't say anything.

Sherlock: — No, you did, you said "Which is today, morphine or cocaine?"

Doctor: — What?!

Sherlock: — Of course, you said it (Sherlock, Season 1);

– спор-полилог, который обычно ведётся несколькими лицами, как в примере 5.

Пример 5: *Sherlock: — You can't just break into my flat!*

Lestrade: — And you can't withhold evidence! And I didn't break in to your flat.

Sherlock: — Well what do you call this then?

Lestrade: — It's a drugs bust!

John: — Seriously. This guy, a junkie? Have you met him?

Sherlock: — John.

John: — I'm pretty sure you could search this flat all day and you wouldn't find anything that you could call recreational.

Sherlock: — John, you might want to shut up now.

John: — Yeah, but come on... no...

Sherlock: — What?

John: — ...You?

Sherlock: — Shut up. (To Lestrade) I'm not your sniffer dog.

Lestrade: — No, Anderson's my sniffer dog.

Sherlock: — What, A— (spots Anderson) Anderson? What are you doing here on a drugs bust?!

Anderson: — Oh, I volunteered (Sherlock, Season 2);

3) в разновидности спора. Приведём достаточно распространённый вид — спор ради спора, как в примере 6. Есть любители играть в карты, а есть любители спора, самого процесса спора, их заставляет вступать в спор некоторое влечение, азарт [4].

Пример 6: *Sherlock Holmes: — I'm undercover.*

John Watson: — No, you're not!

Sherlock Holmes: — Well, I'M NOT NOW!!! (Sherlock, Season 3).

Заключение. Спор — это разногласие. Ведь спор предполагает противоположные мнения и активное отстаивание каждой из его сторон своей собственной позиции, несовместимой с позицией другой стороны. Если противоположности или столкновения мнений нет, то нет и самого спора, а есть какая-то иная форма аргументации.

Для победы в споре вовсе не обязательно придерживаться исключительно правильного мнения и иметь в запасе подтверждающие факты. На склонение оппонента в свою сторону могут повлиять такие факторы, как: уверенный голос, чёткая логика суждений, применение всевозможных уловок и ловушек (в целях убеждения противника).

В результате выполненной работы мы выявили некоторые способы выражения речевой тактики «спор» в британском общении. На основе полученных результатов можно отметить, что речевая тактика «спор» имеет различные формы, виды и зависит от ситуации общения и отношения между собеседниками.

Список цитируемых источников

1. Поварнин С. И. Искусство спора: о теории и практике спора СПб. М. : Лань. 1996. 417 с.
2. Там же.
3. Хазагеров Т. Г. Общая риторика. Ростов н/Д : Феникс, 1999. 317 с.
4. Зарецкая Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации : моногр. 3-е изд., испр. М. : Дело, 2001. 480 с.

УДК 811.111

Ю. Д. Сенкевич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет, Барановичи

КОМПАРАТИВНОСТЬ КАК ОСОБЕННОСТЬ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Введение. Проблема фразеологической компаративности давно является предметом многих лингвистических исследований. На протяжении полувековой истории фразеологии как особого раздела языкознания не утихают споры и о самодостаточности самих фразеологических единиц, их принадлежности к языковой системе. Специфика фразеологических единиц заключается в скрытом характере их номинации, воспроизводимости и структурно-семантической неделимости компонентов.

Компаративность (лат. *comparativus* сравнительный), т. е. сравнительность, — функционально-семантическая языковая категория, отражающая процесс мыслительной деятельности, основанный на сравнении, «установлении соотношений между различными явлениями путём их сопоставления» [1]. В лингвистике компаративность определяется как «семантическая категория, функционирующая на лексическом и грамматическом уровнях. Она вербализуется различными средствами языка, структурируется языковыми единицами и их соотношениями, включается, таким образом, в систему данного языка и формирует его содержательную сторону» [2, с. 93].

Компаративные устойчивые обороты можно рассматривать как особый тип фразеологических единиц, обладающий богатой системой средств выражения степени и сравнения, что позволяет им выступать эффективным средством речевого воздействия в системе дискурса. Компаративные фразеологизмы обладают разной степенью идиоматичности, что зависит от узуальности или окказиональности семантики слов либо в одной из частей сравнения, либо в его обеих частях.

В лингвистической литературе отмечается, что компаративные фразеологические обороты создаются по существующим синтаксическим моделям, т. е. по строению не отличаются от переменных сравнительных конструкций. Компаративным оборотам присущи такие свойства фразеологизмов, как устойчивость, воспроизводимость, образная мотивированность, экспрессивность.

Синтаксически компаративные фразеологические единицы репрезентируются в формах сравнительных оборотов, которые оформляются союзами *as, like, than, as if, as though*, сравнительными словами *seem, compare*.

Достаточно широкий круг лингвистов, таких как И. Я. Лепешев, Н. М. Шанский, Ф. М. Янковский, считает, что категория компаративности типична для фразеологизмов и является одной из фундаментальных и универсальных языковых категорий.

Основная часть. Актуальность предпринятого исследования связана с относительно малой изученностью компаративных фразеологизмов современного английского языка, относящихся к тематической группе «описание внешности».

Цель исследования заключается в выявлении и анализе структурно-семантических параметров английских компаративных фразеологизмов, принадлежащих тематической группе «описание внешности».

Объектом предприняемого исследования служат английские фразеологизмы, принадлежащие к тематической группе «описание внешности». Выбор объекта обусловлен тем, что внешность как феномен волновала людей издревле, свидетельством чему могут послужить самые разные источники: древние мифы и легенды, исторические анекдоты, сказки. Общеизвестно, что именно внешность представляет первоначальный материал, на основе которого делаются выводы не только о красоте, но и о характере человека.

Таким образом, материалом послужили английские фразеологизмы описания внешности, отобранные методом сплошной выборки из словаря «Англо-русский фразеологический словарь» под редакцией М. Д. Литвинова, объём которого составляет 20 тыс. фразеологических единиц. Отбор фактографического материала ещё не закончен и на данный момент составляет 270 единиц. Однако анализ уже отобранного материала предоставил нам возможность сделать некоторые выводы.

Итак, на первоначальном этапе нашего исследования мы заметили, что большинство английских фразеологизмов (72%), принадлежащих к группе «описание внешности», имеют компаративную структуру. Например, *as pale as a ghost, as pale as ashes, as pale as a sheet, as pale as chalk*.

Изучив компонентный состав выделенных компаративных фразеологизмов (далее — КФ) более детально, мы обнаружили маркеры компаративности, выраженные:

а) компаративной лексемой *as*. Например, *as thin as a match-stick, as ugly as a scarecrow, eyes as big as saucers*. Количество фразеологизмов с данным маркером составило 56% от группы КФ;

б) компаративной лексемой *like*. Например, *like a staffed calf, cheeked like a ripe apple, built like a brick*. Количество фразеологизмов с данным маркером составило 9% от группы КФ;

в) компаративной синтаксической структурой. Такая разновидность фразеологизмов представлена 35% от группы КФ. Например, *knee high to a duck, having a face that would stop a clock*.

Представленная классификация позволяет нам сделать вывод о доминировании группы КФ, структурным компонентом которых выступает частица *as*. Объяснить данный факт можно тем, что как маркер компаративности частица *as* частотна и типична для единиц английского языка в целом, и данная закономерность проявляется и на базе КФ, доминирующей синтаксической разновидности фразеологических единиц английского языка.

Проанализировав выделенные КФ по семантическому признаку, мы обнаружили, что фразеологизмы, структурным компонентом которых выступает частица *as*, фиксируют семантический признак «описание внешности» посредством комбинации с лексемой-цветообозначением. Например, *as black as ebony, as yellow as wax, as black as night*.

Особенностью указанных КФ является то, что в зависимости от степени коннотации их представляется возможным разделить на две группы: 1) КФ с отрицательной коннотацией. Например, *as yellow as a guinea, as black as a crow, as black as a rook*. Данная группа составляет 58% от общего числа группы КФ; 2) КФ с положительной коннотацией. Например, *as red as a lobster, as red as a beet, as red as a cherry*. Данная группа составляет 42% от общего числа группы КФ.

Интересно отметить, что частотными структурными компонентами КФ первой группы выступают лексемы-цветообозначения *black* и *yellow*. Данный факт может быть объяснён тем, что чёрный цвет априори ассоциируется с чем-то негативным, темой смерти; а жёлтый цвет, в свою очередь, символизирует нездоровье. Таким образом, ассоциативное значение компонента КФ определяет коннотативное значение всей фразеологической единицы.

Относительно КФ второй группы лексема-цветообозначение *red* репрезентирована в них чаще всего. Следует отметить, что данной лексеме присуща как положительная, так и отрицательная коннотация. С одной стороны, красный ассоциируется с отрицательными эмоциями: гневом, тревогой, злостью. С другой стороны, он может иметь положительную сторону и обозначать здоровье, процветание. Примечательно, что на данном этапе нашего исследования мы заметили, что именно вторая (положительная) ассоциация указанной лексики служит базой для образования КФ английского языка.

Заключение. Компаративность как явление типична для фразеологизмов английского языка, принадлежащих к группе «описание внешности». Компонентно данное явление, на материале нашего исследования, репродуцировано такими элементами, как частица *as*, компаративная лексема *like*. Семантико-стилистической особенностью отобранных КФ английского языка выступает система цветообозначений, которая служит производной базой для анализируемых единиц.

Список цитируемых источников

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2002. Т. 4. 784 с.
2. Федулёнок Т. Н. Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте // Междунар. журн. эксперимент. образования. 2011. № 9. С. 93—102.

УДК 81'1

Т. Ю. Собко

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», Калининград, Российская Федерация

ПОБУДИТЕЛЬНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Введение. В современной науке о языке господствует антропоцентрическая парадигма, которая предполагает рассмотрение любой системы языка с учётом того, что её частью или частью среды её функционирования является человек. Он выступает активным субъектом, имеющим интенцию к деятельности и передающий данную интенцию другим. Последнее действие осуществляется посредством побудительной модальности.

Основная часть. Побудительная модальность имеет план выражения и план содержания. Исследователь А. Ю. Маслова определяет их как прескрипционная и прагматическая составляющие соответственно [1, с. 56—57]. Прескрипционная составляющая охватывает средства выражения побудительной модальности, которые образуют функционально-семантическое поле. Прагматический компонент проявляется в учёте коммуникативных средств в отношении к человеку, что отсылает к теории речевых актов. В основе данной теории лежит предположение о том, что «основной единицей коммуникации является не предложение или какое-либо другое языковое выражение, а выполнение определённого рода действия, такого, например, как утверждение, просьба, вопрос, приказание, выражение благодарности, извинения, поздравление и т. д.» [2, с. 247].

Теория речевых актов делает акцент на функциональной стороне коммуникативной деятельности, что стало возможным благодаря выделению в структуре речевого акта иллокутивной функции (иллокутивной силы), которая понимается «как коммуникативный замысел говорящего оказать воздействие на адресата и вызвать соответствующие замыслу изменения в мире адресата — в его действиях, мыслях, чувствах» [3, с. 77]. Иллокутивная функция «подчиняет» себе пропозициональное содержание, выступающее в качестве «операнда для иллокутивных элементов» [4, с. 229]. Речевой акт представляет собой многоаспектное явление, которое кроме иллокуции и пропозиции включает в себя ещё локуцию и перлокуцию. Локуция представляет собой акт собственно произнесения высказывания, а перлокуцией называют эффект, который данное высказывание оказывает на реципиента.

Первая классификация речевых актов была предложена Дж. Остином, однако она неоднократно подвергалась критике в связи с отсутствием чётких критериев для разделения иллокутивных глаголов и иллокутивных актов, категории во многих случаях пересекаются между собой, отсутствует выдержанный принцип классификации. Сам автор не настаивал на окончательном характере предложенной таксономии, называя её пробной [5, с. 117].

Более распространённой является классификация Дж. Серля, которая основана на функциональных критериях. Учёный выделил следующие классы речевых актов: декларативы (вносят изменения в статус указываемых объектов), директивы (побуждают к действию), репрезентативы (информируют о положении дел в действительности), комиссивы (возлагают на говорящего обязательства), экспрессивы (выражают психологическое состояние) [6, с. 181—188]. Преимущество данной классификации, по сравнению с предложенной Дж. Остином, состоит в наличии чётких критериев разграничения классов речевых актов и обособление их от иллокутивных глаголов.

Однако Э. Вайганд критикует некоторые положения вышерассмотренной классификации и предлагает собственную таксономию, в которой классы речевых актов рассматриваются с учётом их перлокутивного эффекта [7, с. 81—97]. Отдельную позицию, согласно мнению учёного, занимают декларативы, так как в них наблюдается наибольшая степень взаимодействия иллокуции и перлокуции вплоть до слияния. В остаточных формах перлокутивный эффект декларативов проявляется в подтверждении (Bestätigen). В отдельный класс были выделены директивы, перлокутивный эффект первых состоит в согласии на совершение действия (Handlungszusage). К ним были отнесены комиссивы, так как в основе функционирования директивов лежит волеизъявление говорящего, которое он может направить как на реципиента, так и на себя. Однако отдельный класс формируют вопросы (Explorative), использование которых вызвано недостатком информации. Перлокутивный эффект заключается в получении ответа, что обуславливает классификацию ответов как «перлокутивных речевых актов». Ещё один класс речевых актов составляют репрезентативы, перлокутивный эффект которых состоит в признании (Akzeptieren).

План содержания побудительной модальности охватывает комиссивные и директивные речевые акты. Цель комиссивных речевых актов заключается в возложении на говорящего некоторого обязательства по выполнению действия. Степень облигаторности может варьироваться. К речевым актам комиссивного характера относятся обещание, уверение, клятва и т. д.

Учёный Дж. Р. Серль охарактеризовал директивы как «попытки... со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил» [8]. Таким образом, перлокутивный эффект директивов состоит в побуждении реципиента к действию. Предметом дискуссий остаётся вопрос о списке директивных речевых актов. «Побудительный дискурс, — отмечает У. Эко, — неоднороден, в нём есть различия, целая гамма оттенков — от самых честных и благородных побуждений до прямого обмана» [9, с. 99]. Проблема состоит в поиске критериев для разделения императивных значений. Исследователи В. С. Храковский и А. П. Володин, проанализировав списки директивов у разных авторов, выделили примерно 30 частных значений императивных форм, которые «большой частью совпадают со значениями знаменательных каузативных глаголов» [10, с. 133]. Поэтому учёные сомневаются, что есть необходимость в выделении такого количества императивных значений, которые в некоторых случаях можно рассматривать как синонимичные.

Автор А. И. Изотов, изучая классификации директивных актов, приходит к выводу, что «подтипы побуждения являются не фрагментами чего-то целого и равномерного с чётко очерченными границами и симметрично противопоставленными по тому или иному набору признаков. Это скорее своего рода локальные сгущения поля с преобладанием тех или иных свойств» [11, с. 41]. Исследователь выделяет следующие типы побудительных высказываний: приказ, запрет, инструкция, разрешение, просьба, требование, предостережение, предложение, совет, призыв. Данные типы распределены в четыре группы по признакам: индикация высокой степени вероятности каузируемого действия (приказ, запрет, инструкция, разрешение), индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия (просьба, требование), индикация полезности для агенса каузируемого действия / воздерживания от действия (совет, предостережение), не маркированные ни по одному из названных выше признаков (предложение, призыв) [12].

Побудительная интенция в директивных речевых актах может быть выражена как эксплицитно (императив), так и имплицитно (в форме вопроса, повествовательного предложения). Во втором случае речь идёт о косвенных речевых актах, в которых форма с основным значением в определённом контексте переосмысливается, т. е. «один иллокутивный акт осуществляется опосредованно, путём осуществления другого» [13, с. 196]. Косвенные директивные акты передают побуждение в некатегоричной форме, не предполагается высокая степень облигаторности выполнения действия реципиентом, поэтому они часто употребляются в сфере этикетного общения. Обилие косвенных речевых актов со значением побудительности «объясняется их ёмкостью, экономичностью, повышением этикетности общения, способностью создавать эмоциональный эффект» [14, с. 20].

Предметом дискуссий является расположение вопроса в системе речевых актов. Вопрос может быть выделен в самостоятельный класс, как в вышеописанной таксономии Э. Вайганд, либо отнесён к директивам (например,

в классификации Дж. Серля). Мотивируется последний подход тем, что в основе вопроса лежит желание побудить реципиента к действию, в данном случае к ответу. Исследователь А. Ю. Маслова предлагает выделить информационно-побудительные и неинформационно-побудительные категориальные ситуации [15, с. 94], относя к первым вопросы, а ко вторым — наряду с директивной и комиссивной ещё и превентивную категориальную ситуацию.

Заключение. Прагматика является плодотворным основанием для изучения плана содержания побудительной модальности. Однако многие вопросы, касающиеся выделения и функционирования директивных речевых актов, остаются предметом споров и дискуссий. Перспективными представляются исследования функциональных особенностей директивов в разных типах дискурса и на основании различных языков, что позволяет выделить как общие типологические черты, так и особенности в употреблении.

Список цитируемых источников

1. Маслова А. Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и её реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 ; 10.02.01. СПб., 2009. 554 с.
2. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1997. 576 с.
3. Дорошенко А. В. Побудительные речевые акты в косвенных контекстах // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука, 1989. С. 76—91.
4. Dik S. C. The Theory of Functional Grammar: Complex and derived constructions ; ed. by K. Hengeveld. Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 1997. 511 p.
5. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубеж. лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. 17 : Теория речевых актов. С. 22—130.
6. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубеж. лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. 17 : Теория речевых актов. С. 170—194.
7. Weigand E. Sprache als Dialog: Sprechakttaxonomie und kommunikative Grammatik. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1989. 335 S.
8. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов. С. 182.
9. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М. : Петрополис, 1998. 432 с.
10. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л. : Наука, 1986. 272 с.
11. Изотов А. И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.03. М., 2007. 407 л.
12. Там же. С. 47—48.
13. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубеж. лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. 17 : Теория речевых актов. С. 195—222.
14. Маслова А. Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и её реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 ; 10.02.01 ; С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2009. 40 с.
15. Маслова А. Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и её реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским). С. 94.

УДК 811.161.1'44:811.161.3'44:811.111'44

М. Г. Старовойт

Учреждение образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина», Мозырь

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЗАЦИИ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОГО КОЛИЧЕСТВА В РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Введение. В данной статье рассматриваются языковые единицы со значением артефактов и значением «сильного/интенсивного», выражающие количество в переносном значении и входящие в периферийные семантические ряды поля неопределённо большого и неопределённо малого количества в русском, белорусском и английском языках. Способы формирования переносного значения неопределённо большого и малого количества в сопоставляемых языках примерно одинаковы, что связано с особенностями строения и развития языков.

Основная часть. Поле неопределённо большого и малого количества в русском, белорусском и английском языках представляет собой реализацию поля оценочного выражения неопределённого количества. Поэтому в семемах, представляющих классы и подклассы образов неопределённо большого и малого количества (размер, число, мера, вместимость, время, площадь, совокупность, артефакты и т. д.) сема «количество» является основным элементом в формировании структуры поля неопределённо большого и малого количества. При отборе практического материала мы опирались не только на сущность самого понятия «количество», но и на образность языковых явлений. Организация лексики в систему строилась на основе ассоциативно-номинационного принципа, который определяет пути номинационной системы языка, привычные для носителей языка способы мотивации слов с оценочно-количественными значениями. Анализ уровневой организации категории неопределённого количества позволяет выделить в структуре два уровня: выражение прямого и переносного значения. При выражении неопределённо большого и малого количества в прямом значении отсутствует образность. При структурировании лексических единиц с переносным значением неопределённо большого количества можно выделить классы образов большого, образы больших (интенсивных) природных явлений, образы совокупностей, образы движущихся совокупностей, образы артефактов, образы сильного (интен-

сивного) и др. Подобная классификация языковых единиц, обозначающих неопределённо большое и неопределённо малое количество, ранее была представлена в работе В. В. Акуленко [1, с. 254].

Процесс переноса заключается в том, что семы неопределённо большого количества в составе означаемого слова, которое употребляется для вторичного наименования данного количества, становятся второстепенными, что сопровождается преобразованием семантической структуры слова. Так, ядерная сема, имеющаяся в прямом номинативном значении слова, приглушается; семы, являющиеся основанием для переноса, выдвигаются на передний план.

В сопоставляемых языках значение неопределённо большого количества развивается на основе переносного употребления лексем с примарным значением крупных артефактов. К артефактам мы относим большой объект, созданный человеком, длинное препятствие, созданное человеком, совокупность поражающих средств, направленных человеком. В английском языке существительные характеризуются более широкой сочетаемостью по сравнению с белорусским и русским языками: *a tower of lace* (гора из кружев), *a wall of books* (стенка из книг) [2], *базня сомнений*, *лабиринт ухищрений*, *паутина событий*.

Класс образов «**артефакты**» насчитывает более 300 лексических единиц, выявленных в белорусском, русском и английском языках, что составляет 4,4% от всей отобранной лексики из них. 70 единиц являются эквивалентными в трёх сопоставляемых языках. Данный класс образов имеет менее разработанную структуру и состоит из трёх подклассов образов, самым крупным из которых является подкласс «**длинное препятствие, созданное человеком**», где выявлено 156 языковых единиц, 29 из которых являются эквивалентными в белорусском, русском и английском языках. Продемонстрируем подкласс следующими примерами языковых совпадений: *заграващанне* (бел.) — *заграждение* (рус.) — *barrage* (англ.), *перашкода* (бел.) — *препона* (рус.) — *obstacle* (англ.), *вароты* (бел.) — *ворота* (рус.) — *gate* (англ.), *весніцы* (бел.) — *околица* (рус.) — *village fence* (англ.), *лабірынт* (бел.) — *лабиринт* (рус.) — *labyrinth* (англ.) и др.

В результате сопоставительного анализа выделили 8 белорусских безэквивалентных единиц, приведём примеры: *асвер* ‘журавель у колодца, длинное приспособление для поднятия воды из колодца’ (*Шырокі двор акружалі гаспадарчыя пабудовы; у кутку двара, як бусліная шыя, падымаўся над калодзежам асвер*), *весніцы* ‘деревенские ворота во двор или со двора в огород’ (*Дачнікі, зноў жа, штораніцу весніцы рвуць: любяць гарадскія казінае малачко!*), *заплот* ‘бревенчатая ограда’, *насілы* ‘жерди без настила’ и др.

В подклассе «**длинное препятствие, созданное человеком**» обнаружили также семь русско-английских лакун, которые можно разделить на два микрокласса:

а) виды заграждений для скота: *hurdle* ‘переносная плетеная изгородь (отгораживающая загоны для скота)’, *rolling barrage* ‘холмистое/бугристое заграждение’;

б) виды заграждений для противника: *rail fence* ‘изгородь из тонких жердей’, *entanglement* ‘заграждение, препятствующее движению противника’ и др.

Следующим по общему количеству отобранных слов в белорусском, русском и английском языках со значением артефактов является подкласс образов «**большой объект, созданный человеком**», где выявили 140 единиц, 32 из которых являются совпадающими в трёх языках. Проиллюстрируем данное положение примерами: *крэпасць* (бел.) — *крепость* (рус.) — *citadel* (англ.), *калона* (бел.) — *колона* (рус.) — *column* (англ.), *мост* (бел.) — *мост* (рус.) — *bridge* (англ.), *піраміда* (бел.) — *пирамида* (рус.) — *pyramid* (англ.), *калакольня* (бел.) — *колокольня* (рус.) — *bell tower* (англ.) и др.

Третьим подклассом данной группы является подкласс образов «совокупность поражающих средств, направленных человеком», где выделили 9 языковых соответствий в белорусском, русском и английском языках их 37 отобранных. Подкласс характеризуется также несколькими случаями английской безэквивалентности, например: *salvo* ‘одновременный выстрел из нескольких огнестрельных орудий, одновременный запуск нескольких ракет, одновременное сбрасывание бомб с самолёта’ (*the pardons provoked a salvo of accusations*), *volley shooting* ‘залповая отпалка взрывных скважин’.

Класс образов «**сильный/интенсивный**» является одним из самых малочисленных по количеству отобранных единиц и насчитывает менее 250 лексических единиц в белорусском, русском и английском языках, что составляет 3,1% от всей выявленной лексики с данным значением. Структура данного подкласса состоит из четырёх подклассов. Самым крупным является подкласс «**мощь**», где выявлено 109 языковых единиц в сопоставляемых языках, 27 из которых являются линейными соответствиями. В качестве иллюстрации приведём примеры данной группы: *улада* (бел.) — *власть* (рус.) — *authority* (англ.), *удар* (бел.) — *удар* (рус.) — *blow* (англ.), *магутнасць* (бел.) — *мощность* (рус.) — *potency* (англ.), *завіруха* (бел.) — *вьюга* (рус.) — *blizzard* (англ.), *пурга* (бел.) — *пурга* (рус.) — *snowstorm* (англ.) и др.

В результате исследования выявили несколько русско-белорусских субстантивных лакун со значением сильного/интенсивного, например: *rattler* ‘что-либо сбивающее с ног’ (*Your partner is a whole team, ain't he? He's a rattler!*), *rash* ‘что-либо возникающее сразу в большом количестве’, а также единичный случай лакунарности в английском языке на фоне русского и белорусского *градабой* (бел.) — *градобитие* (рус.) (*За чацвёртым паваротам дагоніць нас градабой часу*).

Подкласс образов «напор/нажим» представлен 50 языковыми единицами, 9 из которых являются эквивалентными. Приведём примеры соответствий: *націсканне* (бел.) — *надавливание* (рус.) — *press* (англ.), *сцісканне* (бел.) — *сжатие* (рус.) — *pressure* (англ.), *нацяг* (бел.) — *натяжение* (рус.) — *strain* (англ.) и др.

Подкласс образов «давление/груз» насчитывает 38 слов, 10 из которых эквивалентны в трёх сопоставляемых языках, например: *груз* (бел.) — *груз* (рус.) — *cargo* (англ.), *пагрузка* (бел.) — *погрузка* (рус.) — *shipment* (англ.),

цяжар (бел.) — тяжесть (рус.) — load (англ.) (Глянь: і не ў цяжар ёй [вярбе] белая гэта журба!; Внезапно на его глазах одна из толстых ветвей, не выдержав непосильной тяжести снега, с треском обломилась и обрушилась на нижнюю, более тонкую ветку; *That's a load off my mind!* — У меня камень с души свалился!) и др.

Заключение. Пути формирования переносного значения неопределённо большого и неопределённо малого количества в белорусском, русском и английском языках примерно одинаковы. Часто используются сходные ассоциации с природными явлениями, вместилищами, совокупностями, артефактами и др.; количество лексических единиц в каждом классе образов различное, что обусловлено особенностями строения и развития языка. Семантические классы белорусского, русского и английского языков в поле неопределённо малого количества имеют ряд сходств и отличий, что можно объяснить структуральными различиями белорусского, русского и английского языков.

Список цитируемых источников

1. Категория количества в современных европейских языках / В. В. Акуленко [и др.] ; под общ. ред. В. В. Акуленко. Киев, 1990. 284 с.
2. ABBYYLingvo x3 // ABBYYLingvo.Pro [Электронный ресурс]. URL: <http://lingvopro.abbyyonline.com/ru> (дата обращения: 10. 03. 2016).

УДК 808

А. П. Шит

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ВЫРАЖЕНИЕ ПОХВАЛЫ БРИТАНСКИМИ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ОТЗЫВАХ О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Введение. Современный мир наполнен огромным количеством ужасающих событий и негативных ситуаций. Однако индивид, живущий в этом мире, не может постоянно существовать в условиях такого напряжения, ему необходимы слова одобрения и поощрения, сказанные в его адрес. К таким положительно настраивающим тактикам можно отнести похвалу, одобрение, комплимент. В исследовательской работе мы рассматриваем одну из перечисленных тактик — тактику похвалы. Учёному Ж. Ж. Руссо принадлежит цитата «Каждому художнику желанны рукоплескания. Похвалы современников — это самая драгоценная часть его награды». Данная цитата как ни на есть лучше подчёркивает всю важность и значимость похвалы. Данная речевая тактика широко используется в различных культурах мира. В нашей работе мы исследуем использование данного явления в хвалебных отзывах британских СМИ о художественных произведениях. Различные способы выражения похвалы напрямую связаны с личностными качествами британцев и их национальным характером и, безусловно, обладают своими особенностями в каждом языковом коллективе.

Основная часть. В данной работе мы рассматриваем отзыв о художественных произведениях как высказывание о художественном произведении на основе эмоционального переживания прочитанного, описание настроения, вызванного произведением. Это этап постижения текста — «эмоциональное погружение в текст» [1, с. 35]. Выражая свои чувства от прочитанного, многие СМИ используют такую речевую тактику, как «похвала». Речевая тактика является составляющей речевой стратегии [2, с. 176]. Тактика речевого общения — это совокупность приёмов ведения беседы или линия поведения на определённом этапе коммуникации. Тактика предполагает использование определённых приёмов привлечения внимания, воздействия на партнёров для достижения намеченной цели [3, с. 155]. Тактики комплимента и похвалы сближаются по их коммуникативной цели: в обоих случаях интенции коммуникантов тесно связаны с положительными оценками, с выражением одобрения и эмоционального отношения к собеседнику. Похвала — хороший отзыв о ком-либо или о чём-либо [4, с. 736]. Положительная коммуникативная ситуация похвалы стимулирует деятельность человека. Комплимент — это лестное для кого-либо замечание, любезный отзыв [5, с. 152]. Многие учёные рассматривают данные понятия как синонимичные [6]. Однако между комплиментом и похвалой есть существенные отличия, несмотря на некоторую размытость границ и вполне естественные в речевой коммуникации переходные случаи. Главное отличие заключается в том, что для похвалы положительная оценка является основной целью, а для комплимента — способом сообщить о добрых чувствах, о благорасположении. Различия между комплиментом и похвалой обнаруживаются и в пропозициональном содержании. Похвала — оценка достижений. Комплимент не ограничен в этом плане: можно сделать комплимент, отметив голубые глаза, цвет кожи и т. п., но нельзя похвалить за голубоглазость [7]. Таким образом, в данной работе мы рассматриваем именно похвалу как эмоционально настраивающую речевую тактику во вступительных хвалебных отзывах британских СМИ. При речевом взаимодействии тактика похвалы может выражаться вербальными и невербальными способами. В языке похвала и её преувеличение обеспечиваются определёнными интенсификаторами и стилистическими средствами. На выбор стилистических средств оказывают влияние особенности национального характера языкового коллектива. Специфика национального характера британцев влияет на их способы выражения похвалы. Вежливость — одна из самых важных норм британцев, усвоенная на подсознательном уровне. Вежли-

вость по определению подразумевает некую искусственность и лицемерие, но британская вежливость — это почти всегда чистая формальность, соблюдение правил, а не выражение подлинного участия [8, с. 163]. Нельзя опустить и такую особенность характера британцев, как скромность и умеренность. Данные качества имеют для британцев огромное значение.

Методом сплошной выборки, методом контекстуального анализа и методом лингвистической интерпретации нами было проанализировано 30 хвалебных отзывов СМИ. Анализ показал, что отзывам характерна краткость, лаконичность высказываний, неформальный стиль написания. Отобранные нами отзывы анализировались на лексическом и синтаксическом уровнях. Нами было выявлено, что лексический уровень более разнообразен и представлен широким использованием различных стилистических средств.

На синтаксическом уровне, однако, нами не было выявлено широкого разнообразия. В основном при выражении похвалы используются простые по своему составу повествовательные предложения. Частотность приобрели односложные предложения, как правило, выраженные экспрессивно-оценочными прилагательными *“gripping...”*. Не менее употребительны и предложения, представляющие собой сочетание прилагательного с существительным *“an easy, amusing read...”*. Восклицательные предложения, являющиеся прямым показателем эмоций говорящего, его чувств, не отличаются частотностью употребления. Нами не было выявлено ни одного примера, возможно, это связано с такими национальными особенностями, как умеренность и скромность.

Как говорилось ранее, лексический уровень богат и обширен. Нами было выявлено огромное количество употребления экспрессивно-оценочных прилагательных *“A sexy, romantic read...”*; *“This is warm, lively, wise and distinctly unputdownable novel...”*. Прилагательные, имеющие оценочное значение, как нельзя лучше выражают чувства к произведению либо автору, этим и объясняется их частотность употребления.

Употребление глаголов в некоторой степени уступает употреблению прилагательных, однако их использование так же значимо. Глаголы отражают личную оценку и тем самым солидаризируют речевое действие совершенно особенным образом *“...she captures what — alas — it is like to be female”*; *“You’ll love this”*.

Не менее частотно и употребление интенсификаторов, усиливающих личностно значимый смысл сказанного *“Completely brilliant”*; *“Extremely funny”*.

Широко разнообразен стилистический уровень выражения похвалы. Выразительные средства используются для усиления выразительности высказывания, из этого и следует их частотное и вариативное употребление. Нами были выявлены следующие наиболее частотные средства интенсификации положительной оценки в высказываниях похвалы:

- эпитет: *“A fabulously enjoyable read”*; *“Warmly written”*;
- сравнение: *“...the novel’s as comforting as a bacon sandwich”*; *“Crichton writes like Tom Wolfe on speed”*;
- метафора: *“An emotional rollercoaster of a read”*; *“...She is far more than the patron saint of single women...”*;
- олицетворение: *“This eventful and emotional comedy will have you hooked”*; *“...their stories will make readers laugh, cry and perhaps recognize themselves”*;
- гипербола: *“...is probably the most successful comic creation of this decade, the most controversial and talked-about female fiction character since Lolita...”*; *“If ever a subject is ripe for the mainstream, this is surely it”*;
- оксюморон: *“A wonderful farrago...”*; *“A devastatingly funny parody of her life and times...”*.

Коммуникация осуществляется через реализацию речевых стратегий, в частности, речевых тактик. Зачастую речевые тактики соответствуют стереотипам. В данной статье были проанализированы особенности употребления речевой тактики «похвала», а также проведён анализ способов реализации, языкового оформления данной речевой тактики во вступительных отзывах британских СМИ о художественных произведениях.

Заключение. Национальный характер и особенности культуры британцев, несомненно, влияют на выбор ими способов выражения похвалы. Данные компоненты играют немаловажную роль при осуществлении коммуникации. Поэтому при коммуникационном взаимодействии необходимо учитывать специфику языкового коллектива для более организованного и продуктивного общения. Мы считаем, что данная работа даёт возможность расширить некоторые знания об особенностях коммуникативного взаимодействия британцев и таким образом помогает углубить понимание данной культуры. Общение между людьми играет значительную роль, поэтому корректно организованный диалог и есть залог успеха.

Список цитируемых источников

1. Романчива Е. С. Рецензия? Рецензия... Рецензия! Готовимся к экзаменационному сочинению : учеб. пособие. М., 2001. 213 с.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. изд. 4-е. М., 1996. 288 с.
3. Штрекер Н. Ю. Русский язык и культура речи : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 383 с.
4. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М. : Совет. энцикл., 1985. 1600 с.
5. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвист. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. К—О. 736 с.
6. Мудрова Е. В. Комплимент как первичный речевой жанр : дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2007. 141 л. ; Серебрякова Р. В. Национальная специфика комплимента и похвала в русской и английской коммуникативных культурах // Яз., коммуникация и соц. среда. Воронеж, 2001. Вып. 1. 202 с.
7. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. С. 177.
8. Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. М., 208. 512 с.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ОСНОВНЫХ И ВТОРОСТЕПЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЖИВОТНЫХ В ЗАГАДКАХ

Введение. За всё время своего существования загадка отражала те изменения, которые происходили в обществе, и изменялась сама. Характер, назначение, функции, форма загадок существенно изменились. Сегодня загадка не носит ритуальный характер, не предназначена быть тайным языком, она существует в разных формах. Поэтому актуальным представляется всесторонне изучить загадку, рассмотреть разные аспекты, указать на новое в загадке.

Научная новизна работы заключается в том, что базовые признаки наименований животного мира рассмотрены на материале устного народного творчества. В исследовании выделяются основные признаки животных, которые загадываются, а также выделяются основные типы загадок и их черты.

Практическая значимость проведённого исследования заключается в возможности использования полученных результатов в курсе по лексикологии, стилистике, на уроках иностранного языка, при написании курсовых и дипломных работ.

Цель исследования — изучение базовых признаков концепта в загадках английского, белорусского и русского языков, а также их сопоставительный анализ.

Задачи: 1) систематизировать информацию о загадках как единицах устного народного творчества; 2) осуществить отбор загадок о животных; 3) проанализировать загадки о животных на английском, белорусском и русском языках; 4) выявить базовые признаки наименований животного мира, которые объективированы в загадках; 5) сопоставить выявленные базовые признаки в анализируемых языках.

Объектом исследования являются загадки о животных на английском, белорусском и русском языках.

Предметом исследования выступают базовые признаки концепта «животное» на примере загадок о животных на английском, белорусском и русском языках.

Методы исследования: описание, сравнение, анализ и синтез.

Основная часть. В качестве объекта исследования были использованы загадки о животных, так как это наиболее многочисленная группа лексических единиц, обладающая широким набором семантических компонентов. Другим важным фактором, который повлиял на выбор данного объекта исследования, является то, что загадки о животных дают представление о том, какие животные известны в данной культурной среде, какие животные чаще всего встречаются. Важным является и то, что при описании животного в загадках даётся несколько признаков, характеризующих данное животное, а многообразие признаков позволяет выделить лаконичный набор характеристик, присущих данному животному.

Исследование состояло из нескольких этапов. Целью первого этапа исследования был поиск языкового материала с последующим отбором загадок, где упоминается животное. Общий объём языкового материала составил 435 загадок о животных, из них 232 загадки русского языка, 119 — английского и 84 загадки белорусского языка. Такое соотношение отобранного материала не случайно, так как данный факт позволяет сделать вывод о том, что в устном народном творчестве разных народов мира загадки одной тематики имеют разный удельный вес.

В ходе исследования было установлено, что в ряде загадок присутствуют разнообразные животные — как домашние, так и дикие. О своеобразии содержания загадок М. А. Рыбникова писала: «Видовое, а не родовое — вот что отмечает загадка. Овца, баран, корова, лошадь, кот, а не домашнее животное» [1, с. 15]. В проанализированных загадках русского языка было зафиксировано 83 наименования животных, в загадках английского языка — 42 наименования, а в загадках белорусского языка — 50 наименований. При этом разные наименования животных получили разную фиксацию в устном народном творчестве.

Целью второго этапа исследования было выявление тех признаков животных, которые чаще всего актуализируются в тексте загадок. В каждой загадке выделялись наиболее существенные признаки животных: описание внешнего вида, способность (неспособность) выполнять определённые действия, место обитания, сравнение с другими животными, человеком, предметами, рацион, принадлежность к определённому классу, издаваемые звуки, отличительные черты, отношения с другими животными, отношения с человеком, скорость передвижения, полезность для человека, наличие потомства, культурные ассоциации, происхождение.

На третьем этапе все данные, полученные на предшествующих этапах исследования, были систематизированы и структурированы по выделенным критериям. Было установлено, что описание внешнего вида животного является самым частотным признаком в английском, белорусском и русском языках (40,5; 30,1; 36,4% соответственно). Зачастую в загадках представлено детальное описание животного, поэтому этот признак был разбит на две подкатегории: общее описание внешнего вида и описание строения животного.

Вторым значимым признаком является способность (неспособность) выполнять определённые действия. Третий лидирующий признак животных разнится в загадках разных языков. Так, в английском языке на третьем месте находится характеристика рациона (8,3%), в белорусском — сравнение с другими животными, человеком, предметами (17,6%), а в русском языке — место обитания (12,8%).

Остальные выделенные признаки являются менее частыми, но в то же время значимыми для исследования. К наиболее редко встречающимся признакам относятся культурные ассоциации с тем или иным животным (3 загадки в английском языке, 1 — в белорусском языке, 2 — в русском языке) и происхождение животного (1 загадка в русском языке, 2 — в английском языке).

Следует отметить, что большинство загадок строится на сочетании разных параметров. Например: *It is a big animal. It eats grass. It gives milk. Есць зялёную траву і гаворыць так: «Му-му». Любіць грушу спелую, дае вадзіцу белую. Пасреди двора стоіт копна, спереди вилы, сзади метла.*

В ряде загадок можно наблюдать такие явления, как речь от первого лица. Например: *I have four legs and a tail. I have no teeth. I can swim and dive underwater. I carry my house around with me. I am... Я паўзу — мой дом са мной. Ох, цяжкі, касцяны. Але затое не ведаю страху. Маё імя... У меня четыре лапки и хвостик. У меня нет зубов. Я могу плавать и нырять. Я всегда ношу свой домик на себе. Я...*

Ещё одной чертой, характерной для загадок о животных, является то, что мы можем наблюдать такие явления, как вопрос в явном виде и вопрос в скрытой форме. Например: *I've got a long bushy tail, two bright little eyes. I gather acorns. I am pretty and wise. У рыжай разбойніцы хвост, як мятла. Ад кары ўцякла — сляды замяла. Рыжая, с пушистым хвостом. Жывёт в лесу под кустом.* В данных загадках нет вопроса как такового, однако читающий или слушающий задумывается, о ком или о чём идёт речь, и ищет ответ. Но взяв в качестве примера загадки *Who is the slowest of all? Хто на сабе хату носіць? Кто на себе свой домик носит?*, мы отчётливо наблюдаем вопрос в явном виде.

Таким образом, в данном исследовании были проанализированы загадки о животных, классифицированы признаки, выявлены наиболее типичные и частотные, а также были рассмотрены возможные сочетания признаков, выделены характерные черты загадок.

Заключение. В ходе исследования выяснилось, что загадка занимает особое место в литературе, так как относится к малым жанрам фольклора. Загадки находят отражение в фольклоре всех народов мира и отражают те явления и предметы, которые находятся у народа в быту. За всё время своего существования загадки перетерпели значительные изменения: изменились функции и назначение загадок.

Особого внимания заслуживает практическая часть исследования, так как в ней отражено детальное изучение признаков концепта в загадках на материале загадок английского, белорусского и русского языков. Так, был проведён анализ загадок и выявлены наиболее частотные признаки описания животных. Данные признаки были систематизированы по категориям: описание внешнего вида, способность (неспособность) выполнять определённые действия, издаваемые звуки, рацион, место обитания, культурные ассоциации и др. Наиболее значимой категорией, согласно результатам исследования, является описание внешнего вида животного. Также значимыми параметрами являются способность (неспособность) выполнять определённые действия, место обитания, рацион и сравнение с другими животными, человеком и предметами.

В ходе исследования было установлено, что загадки о животных могут быть построены на одном признаке, на сочетании признаков, относящихся к одному параметру или на сочетании разных признаков. В объёме проанализированного материала были выделены следующие типы загадок: загадки, в которых даётся описание животного путём перечисления различных его признаков; загадки, где описание предполагает краткую характеристику предмета или явления (по одному-двум признакам восстановить целостный образ). В ряде загадок можно наблюдать такое явление, как речь от первого лица.

Цель исследования была достигнута в полном объёме, а задачи исследования реализованы.

Список цитируемых источников

1. Рыбникова М. А. Загадки. М. : Акад., 1932. 486 с.

УДК 811.111

П. В. Шпак

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СО ЗНАЧЕНИЕМ «КРАСОТА»

Введение. Фразеология — один из самых интересных и недостаточно разработанных разделов языкознания. Словарный состав языка, насчитывающий сотни тысяч единиц, имеет очень сложную организацию, фразеологизмы в которой выполняют важную функцию.

Фразеология как самостоятельная лингвистическая дисциплина возникла в 40-х гг. XX в. в советском языкознании. Предпосылки теории фразеологии были заложены в трудах А. А. Потебни, И. И. Срезневского, А. А. Шахматова

и Ф. Ф. Фортунатова. Влияние на развитие фразеологии оказали также идеи французского лингвиста Ш. Балли. Объектом изучения фразеологии как языковедческой дисциплины является совокупность всех фразеологических единиц языка. Следует отметить, что в западноевропейском и американском языкознании фразеология не выделяется в особый раздел лингвистики.

Фразеологизмы — высоко информативные единицы языка. И в данной статье мы затронем вопрос перевода фразеологических единиц (далее — ФЕ). Перевод — одно из древнейших занятий человека. Различие языков побудило людей к этому нелёгкому, но столь необходимому труду, который служил и служит целям общения и обмена духовными ценностями между народами. Перевод ФЕ представляет собой значительные трудности. Это объясняется тем, что многие из них являются яркими оборотами, принадлежащими к определённому речевому стилю и носящими ярко выраженный национальный характер. При переводе ФЕ следует также учитывать особенности контекста, в котором они употребляются. Для многих английских устойчивых сочетаний характерна многозначность и стилистическая разноплановость, что осложняет их перевод на другие языки. Именно поэтому вопрос перевода ФЕ представляет особую важность в науке перевода. Исследованиями в области перевода ФЕ занимались такие лингвисты, как Л. Ф. Дмитриева, В. Н. Комиссаров, А. В. Кунин, С. Е. Кунцевич, Е. А. Мартинкевич, Н. Ф. Смирнова и др. [1].

Основная часть. Актуальность исследования связана с недостаточной изученностью методов перевода ФЕ со значением «красота», равно как и сложностями, с которыми встречаются переводчики при работе с ФЕ.

Цель работы заключается в выявлении и анализе методов и особенностей перевода ФЕ английского языка со значением «красота».

Предметом исследования выступают методы перевода ФЕ. Материалом для данного исследования послужили ФЕ со значением «красота», отобранные методом сплошной выборки из фразеологического словаря под редакцией Д. И. Квиселевича [2], корпус которых составил 100 ФЕ.

Красота — это качество, которое присуще не только внешности человека, но и его мыслям и поступкам. В данном исследовании были рассмотрены английские ФЕ, семантика которых характеризует предметы, людей с точки зрения красоты.

В лингвистической литературе описываются несколько методов перевода ФЕ: фразеологический перевод, метод фразеологического эквивалента, метод фразеологического анализа, описательный перевод, лексический перевод, калькирование. Согласно мнению учёных, наиболее популярным является метод описательного перевода и комбинирование нескольких методов.

Предпринятое исследование позволяет нам сделать вывод о том, что данные методы популярны при переводе ФЕ в целом. Относительно ФЕ со значением «красота» доминирующим является метод калькирования. Следует отметить, что метод калькирования применяется в тех случаях, когда переводчик хочет выделить образную основу фразеологизма, или когда английский оборот не может быть переведён при помощи других видов перевода, например: *good fame is better than a good face* 'честь важнее красивого лица'. Важно заметить, что, допуская полное или частичное калькирование в отдельных случаях, профессиональный переводчик всегда исключает всякую возможность использования буквализмов, т. е. неоправданных дословных переводов, искажающих смысл английских фразеологизмов или не соответствующих нормам современного русского языка.

Итак, анализ фактографического материала позволяет нам сделать вывод о том, что большинство отобранных ФЕ (65% от общей выборки) переведены при помощи метода калькирования. Например: *appearances are deceptive* 'внешность обманчива', *walking skeleton* 'ходячий скелет', *as red as a lobster* 'красный как рак', *God's dandelion* 'Божий одуванчик', *like an angel* 'как ангел (красив)', *jackdaw in peacock's feathers* 'ворона в павлиньих перьях', *an angel incorporate* 'ангел во плоти', *a death like* 'страшный как смерть', *forbidden fruit is sweet* 'запретный плод сладок' и др.

На основе первого этапа данного исследования можно сделать вывод о том, что выбор того или иного вида перевода зависит от особенностей ФЕ, которые переводчик должен распознать и суметь передать их значение, яркость и выразительность.

На втором этапе мы предприняли попытку выявить степень эквивалентности при переводе ФЕ со значением «красота» методом калькирования. Таким образом, мы выделили следующие группы:

1) полные эквиваленты — такие русские ФЕ со значением «красота», которые совпадают с английскими по значению, лексическому составу, образности, стилистической окраске и грамматической структуре. Например, *blue blood* 'голубая кровь', *as ugly as a sin* 'страшен как смертный грех', *in all one's charm* 'во всей красе'. Объём данной группы составляет 50%;

2) частичные эквиваленты — такие русские ФЕ, которые отличаются от английских лексическими, грамматическими, синтаксическими и стилистическими параметрами. Например, *a heart of gold* 'золотое сердце', *as strong as a horse* 'здоров как бык', *as like as two peas* 'капелька в капельку', *rose-bud lips* 'губки бантиком', *a bag of bones* 'кожа да кости'. Объём данной группы составляет 35%;

3) безэквивалентные единицы, спецификой которых является то, что они не имеют, как правило, постоянных, не зависящих от контекста эквивалентов в языке перевода, т. е. план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными понятиями. Например: *"Hamlet" without the Prince of Denmark* не имеет эквивалента в русском языке, означает что-либо лишённое самого важного, основного, самой сути. Данное выражение основано на эпизоде, описанном В. Скоттом. Объём данной группы составляет 15%.

Исходя из классификации, наиболее многочисленной является группа ФЕ — полных эквивалентов. Доминирование полных эквивалентов при калькировании можно объяснить следующим: 1) источником происхождения английских и русских ФЕ со значением «красота» в большинстве своём является Библия — «книга книг»; 2) красота души и тела человека волновала людей ещё с давних библейских времён, также в отобранных ФЕ можно было проследить частое употребление слов, обозначающих сравнение с ангелом, Богом, грехом и т. д.

Заключение. В результате проделанного исследования мы выявили доминирующий метод перевода ФЕ английского языка со значением «красота» — калькирование, т. е. буквальный перевод. Мы обозначили особенности перевода ФЕ — наличие эквивалентов в языке перевода. При перевода ФЕ английского языка со значением «красота» наиболее популярным оказался полный эквивалент.

Список цитируемых источников

1. Комиссаров Н. В. Современное переводоведение : учеб. пособие. М. : ЭТС. 2001. 424 с.
2. Квиселевич Д. И. Русско-английский фразеологический словарь. М. : ДРОФА, Русский язык-Медиа, 2009. 800 с.

Д. Ю. Армянинова

*Образовательная организация высшего профессионального образования
«Горловский институт иностранных языков», Горловка, Донецкая Народная Республика¹*

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ ОДАРЁННОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ОСНОВЕ ФРАНЦУЗСКОГО ОПЫТА)

Введение. Социально-педагогическая поддержка одарённых детей всегда была предметом обсуждения. Интересен тот факт, что каждая страна по-своему определяет статус одарённых детей и поддерживает их в социально-педагогическом плане по-разному.

Сегодня интерес к этой проблеме значительно вырос. Франция, как и другие европейские страны, достигла значительных успехов в решении этой проблемы. Анализ методик предоставления социально-педагогической поддержки детям с «чрезмерными» способностями, используемых во Франции, даёт возможность выявить средства социально-педагогической поддержки и их использование в отечественной практике.

Целью статьи является рассмотрение проблем обучения одарённых детей в системе образования Франции, анализ особенностей и направлений организации дифференцированного обучения одарённых детей в учреждениях среднего образования.

Наиболее известными в этой области стали работы европейских учёных, таких как А. Адда, Ф. Гальтон, Э. Кретшмер, Р. Странг, Р. Токет, П. Уильямсон, Р. Шовен и др.

Основная часть. Каждая одарённая личность в той или иной сфере требует особого подхода и изучения. Понятие «одарённость» в научных исследованиях неоднозначно. Несмотря на это, французские учёные одарённым считают ребёнка, способного выполнять деятельности, которые большинство детей его возраста не в состоянии выполнить [1]. По их мнению, главным признаком одарённости является соответствующий уровень интеллектуального развития личности, коэффициент которого варьируется от 120 до 140 и выше. Как отмечает французский психолог Ж. Сие-Факшен, одарённый ученик — это ученик, который во время стандартных тестов на IQ получает результат выше 130 баллов [2]. Учёные также считают одарённость проявлением исключительного потенциала в конкретной сфере, которая определяется различными способностями: интеллектуальными, психо-моторными, творческими, лидерскими, академическими (достижение в разных или одном предмете), способность к различным видам искусства и спорта [3].

Дифференциация процесса обучения обусловлена развитием мультикультурной среды в учебных инстанциях Франции, усилением гетерогенности (неоднородности) учащихся, проявляется в различных культурах, к которым они принадлежат, а также отличительным уровнем их физического, эмоционального, интеллектуального и социального развития [4, с. 25—29].

С середины 80-х гг. XX в. в некоторых заведениях Франции стали появляться классы для одарённых учеников, а в начале 90-х гг. в Страсбурге была создана особая школа для детей с ранним умственным развитием [5]. Современная образовательная политика направлена на проведение диагностирования учащихся в целях выявления одарённых; организацию специальной подготовки учителей для работы с исключительными учащимися; обеспечение различных форм дифференциации обучения учащихся с высоким потенциалом развития.

Школьникам высокого интеллектуального потенциала во Франции предоставлена возможность выбирать самостоятельно следующие типы обучения: в специализированных школах для одарённых; в специальных классах, группах, на курсах углублённого изучения учебных предметов; по учебным программам в рамках обычного класса; внеклассное обучение в ассоциациях для одарённых учеников.

Во французской психолого-педагогической науке обучение иностранному языку, как и в других странах Европы, предлагает две важные модели построения индивидуальных программ для учащихся с высоким потенциалом — ускорение, уплотнение и обогащение. Одарённым ученикам даётся возможность выполнить традиционный учебный план ускоренно, за более короткий период. Уплотнение учебной программы в обычном классе предусматривает сжатие объёма учебного материала путём его обобщения, систематизации и сокращения времени на его освоение. Французские исследователи предпочитают модель обогащения по Рензулли, когда одарённые дети, кроме обязательных знаний и умений, приобретают дополнительный и разнообразный опыт. Согласно данному подходу ученики развивают свои способности, принимая участие в различных проектах, исследовательских работах по собственному выбору в соответствии со своими интересами и потребностями. Проекты организуют не только на уровне класса, но и на уровне школы, к ним могут быть привлечены все ученики, которые имеют положительную мотивацию и необходимый базис [6].

¹ Сведения об авторе составлены на основе поданной заявки.

Франция — одна из европейских стран, которая определяется значительным количеством ассоциаций для одарённых детей. Каждая ассоциация имеет своё назначение, название, цель и задачи, выполняет соответствующие функции, применяет различные методы. Эти организации предоставляют основательную помощь родителям и учителям. Среди таких объединений — Ассоциация по развитию детей высоких интеллектуальных способностей (AE-HPI), Французская организация для одарённых детей (AFEP), Национальная ассоциация для одарённых детей (ANPEIP), Национальная и Международная ассоциация отдыха и встреч для одарённых детей (ALREP), Ассоциация встреч и отдыха для детей раннего развития (ALREP), Ассоциация содействия признанию одарённых детей (AAREIP).

Заключение. На современном этапе развития образования во Франции научный интерес к проблеме обучения одарённых учащихся в общеобразовательных учебных заведениях возрос. На практике применяют различные формы дифференциации обучения школьников с высоким интеллектуальным потенциалом. Значительное внимание уделяется организации обучения таких детей в обычных классах. Большую помощь учителям, родителям и одарённым ученикам предоставляют национальные ассоциации Франции. Данная помощь включает различные виды деятельности для удовлетворения потребностей и интересов развития исключительных способностей, положительной мотивации учения, социальных черт талантливых школьников.

Список цитируемых источников

1. La scolarisation des élèves intellectuellement précoces. Rapport à monsieur le ministre de l'éducation nationale Jean-Pierre Delaubier (janvier 2002) [Electronic resource]. URL: <http://www.eurotalent.org/fr/delaubier> (date of the application: 20.02.2014).
2. Рябчий І. Для «Главреда» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.glavred.info> 29.12.10 (дата обращения: 20.02.2016).
3. La scolarisation des élèves intellectuellement précoces. Rapport à monsieur le ministre de l'éducation nationale Jean-Pierre Delaubier (janvier 2002) [Electronic resource]. URL: <http://www.eurotalent.org/fr/delaubier> (date of the application: 20.02.2014).
4. Damas M. Le college unique: Le systeme educatif: Cahiers francais. Paris : La documentation francaise. 1998. № 285, mars-avril. P. 25—29.
5. Індивідуалізація і диференціація навчання [Електронний ресурс]. URL: readbookz.com/book/172/5458.html (дата обращения: 20.02.2016).
6. L'alterance au college. 4 September 2009 [Electronic resource]. URL: <http://www.education.gouv.fr> (date of the application: 20.02.2014) ; Lautrey J. Les modes de scolarisation des enfants a haut potential et leurs effets // Psychologie Francaise. 2004. № 49. P. 337—352.

УДК 372.881.11

В. М. Василевич

Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет», Минск

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ УСТНОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ

Введение. Одной из приоритетных задач обучения иностранному языку в языковом учреждении высшего образования является подготовка к устному иноязычному общению в соответствии с правилами и нормами, принятыми в стране изучаемого языка. Очевидно, что в условиях вхождения Республики Беларусь в единое европейское образовательное пространство овладение устным иноязычным общением невозможно без использования современных информационно-коммуникационных технологий.

Фундаментальные исследования по разработке методик и технологий обучения иноязычному общению проводились русскоязычной методической школой (И. Л. Бим, Н. Д. Гальскова, И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев, Е. А. Маслыко, Е. И. Пассов, В. Л. Скалкин, Р. Ф. Фастовец и др.). С каждым годом появляется всё больше диссертационных и монографических исследований, посвящённых изучению эффективности использования современных информационно-коммуникационных технологий (В. Г. Апальков, М. Н. Евстигнеев, И. К. Забродина, Е. Д. Кошеляева, Ю. Ю. Маркова, О. В. Пустовапова, Л. К. Раицкая, А. Г. Соломатина, П. В. Сысоев, А. К. Черкасов, Т. А. Чернякова и др.). Тем не менее следует подчеркнуть, что использование информационно-коммуникационных технологий в большинстве случаев сводится либо к демонстрации теоретического материала, либо к работе над аспектами языка и рецептивными видам речевой деятельности, в то время как меньше внимания уделяется обучению устному иноязычному общению и его наиболее распространённой форме — диалогическому общению.

Основная часть. В настоящее время не вызывает сомнения актуальность и востребованность интеграции современных информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс, использование которых имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционным обучением (преподаватель—группа). Во-первых, информационно-коммуникационные технологии значительно расширяют возможности предъявления учебной информации за счёт мультимедийного гипертекста (возможности видео- и аудио-, связь с разнообразными источниками). Во-вторых, информационно-коммуникационные технологии позволяют существенно повысить заинтересованность и мотивацию студентов к обучению, способствуя тем самым раскрытию их способностей, активизации умственной деятельности. В-третьих, применение информационно-коммуникационных технологий предоставляет неограниченный выбор актуальной аутентичной информации. В-четвёртых, информационно-коммуникационные технологии позволяют существенно изменять контроль за деятельностью студентов, обеспечивая при этом гибкость управле-

ния учебно-познавательным процессом. И в-пятых, информационно-коммуникационные технологии предоставляют ряд преимуществ для обучения устному иноязычному общению за счёт возможности синхронного (асинхронного) общения с носителями языка и других культур.

Учитывая преимущества информационно-коммуникационных технологий перед традиционным обучением, принимая во внимание важность регулярного общения с преподавателем и его непосредственного контроля, следует отметить, что всё шире входит в практику понятие смешанного обучения (*blended learning*), идея которого предполагает, что обучающийся использует все возможности, предоставляемые как традиционным обучением, так и современными информационно-коммуникационными технологиями.

Примером успешной реализации идеи смешанного обучения стало внедрение в образовательный процесс интернет-технологий. В настоящий момент ресурсы Web 2.0 заменяются ресурсами Web 3.0, которые обладают высокой интерактивностью и социальностью, проявляющейся в поддержании межличностного и группового взаимодействия. Интернет предоставляет каждому пользователю доступ к большому количеству разнообразной информации, на поиск которой уходит минимум времени и средств, а если учебная задача связана с сотрудничеством или совместной работой, то в зависимости от поставленных целей можно выбрать один из ресурсов Web 3.0 для её реализации.

На основании исследований М. Н. Евстигнеева и П. В. Сысоева интернет-ресурсы подразделяются на коммуникационные и информационные. К наиболее распространённым коммуникационным ресурсам относятся электронная почта, чат, форум, социальные сети, видео-, веб-конференции и т. п. Изначально они создавались для реального общения между людьми на расстоянии и лишь потом стали использоваться в учебных целях. Информационные ресурсы содержат текстовый, аудио- и визуальный материал по различной тематике на разных языках [1]. Следует отметить, что коммуникационные и информационные ресурсы могут выступать в качестве средств обучения на разных этапах усвоения речевого материала.

Так, на этапе совершенствования речевых навыков в контексте обучения диалогическому общению предлагается использование такого ресурса, как *draw.io* в качестве основы для создания дидактических опор, например, функциональной схемы диалога. Данный ресурс представляет собой инструмент, позволяющий создавать диаграммы различного характера, которые могут использоваться для систематизации, обобщения и структурирования информации. Ресурс является бесплатным, обладает возможностью выбора шаблона для реализации конкретной цели, предлагает большое количество цветовых схем, возможность сохранения и последующей печати диаграммы.

MakeBeliefsComix.com — онлайн-инструмент для создания комиксов с большим количеством символов, шаблонов и подсказок, который позволяет построить обучение диалогическому общению, реализуя ситуации общения в соответствии с поставленными коммуникативными задачами и разными типами межличностного общения. Возможности данного ресурса дают возможность создавать модель для построения собственного диалога или диалога с пропущенными фрагментами для реконструкции. Преподаватель может использовать разные типы заданий: составить диалог по образцу; разыграть предложенный диалог по ролям; восстановить пропущенные реплики в диалоге; составить собственный диалог в соответствии с речевой ситуацией, представленной серией картинок. Применение данного ресурса эффективно при овладении механизмом построения и ведения диалога с учётом специфики ситуации межкультурного общения [2].

Интернет-ресурс *branchtrack.com* является специализированной платформой для профессионалов в различных областях человеческой деятельности и их обучения правилам общения с клиентами. Профиль позволяет создать сценарии определённых ситуаций с предлагаемыми на выбор репликами (вопросами, ответами), которые помогают автоматизировать использование коммуникативных стратегий в иноязычных речевых ситуациях.

Онлайн-ресурс *Voicethread*, предназначенный для синхронного и асинхронного создания мультимедийных контентов, обладает интерактивностью, автономностью, многофункциональностью, так как создаёт условия для формирования способности обучающихся к саморазвитию и самообразованию, повышает ответственность студентов за своё обучение и мотивацию к учебной деятельности, создаёт психологически комфортные условия для обучения диалогическому общению, восполняет недостаток общения в условиях ограниченности аудиторных занятий, развивает творческие способности студентов.

На этапе развития речевых умений в обучении диалогическому общению эффективными являются бесплатные коммуникационные платформы *Skype*, *Viber*, *WhatsApp*. Будучи использованы в образовательных целях, они способствуют развитию умений говорения (делать сообщения, содержащие важную информацию по теме, рассказывать о себе, окружающих, рассуждать о фактах и событиях, обмениваться информацией, порождать реплики, начинать (поддерживать) и заканчивать беседу, соблюдая нормы речевого этикета и т. д.) и аудирования (определять информационную нагрузку смыслового ударения в предложениях, узнавать сокращённые лексические и грамматические формы, определять активную лексику и ключевые слова в аудиотексте, определять значение незнакомых слов в аудиотексте, понимать цель аудиотекста, понимать тематику сообщения, понимать логику изложения информации или аргументации, определять отношение говорящего к предмету обсуждения, прогнозировать развитие событий и т. д.).

Использование платформ *онлайн-экскурсий*, как, например, <http://photorakurs.by/3d-----.html>, позволяет провести виртуальный тур по известным достопримечательностям Республики Беларусь. В целях развития умений диалогического общения один из студентов может быть белорусом, а другой — другом из Великобритании, который желает узнать как можно больше о том или ином месте. Схожими дидактическими возможностями обладает онлайн-ресурс для создания анимационных роликов и «живых» презентаций *GoAnimate.com*, который развивает умения говорения и аудирования и благодаря своей высокой интерактивности способствует ещё большей мотивации обучающихся.

Заключение. Использование современных информационно-коммуникационных технологий, а также инновационных образовательных интернет-технологий в значительной мере изменило подходы к обучению устному иноязычному межкультурному общению, что позволило реализовать концепцию смешанного обучения, заключающуюся в сохранении общих принципов построения традиционного образовательного процесса и применении современных информационно-коммуникационных технологий.

Список цитируемых источников

1. Сысоев П. В., Евстигнеев М. Н. Внедрение новых учебных интернет-материалов в обучение иностранному языку [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2008/0201-8.htm> (дата обращения: 10.03.2016).
2. Пассов Е. И., Кузовлева Н. Е. Урок иностранного языка. Ростов н/Д : Феникс : Глосса-Пресс, 2010. 640 с.

УДК 378.09:811

Л. Г. Васильева

Учреждение образования «Белорусский государственный аграрный технический университет», Минск

СТРУКТУРНО-ЛОГИЧЕСКИЕ СХЕМЫ, ОПОРНЫЕ СИГНАЛЫ КАК ДИДАКТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В АГРАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Введение. Структурно-логические схемы в коммуникативном пространстве на занятиях по иностранному языку в аграрном университете применяются преподавателем в целях создания в сознании студентов точного, чёткого и ясного образа любого изучаемого явления. Предназначение данного средства состоит в образном воссоздании формы, сущности явления, его структуры, связей, взаимодействий. Структурно-логические схемы позволяют привести в состояние активности все анализаторы и связанные с ними психические процессы, ощущения, восприятия, представления студентов, в результате чего образуется эмпирическая профессионально ориентированная основа для их обобщающе-аналитической мыслительной деятельности, необходимой для развития готовности к информационному обмену.

В современной науке визуализация на основе иллюстративно-изобразительных средств является неотъемлемым элементом обработки сложной информации. Прагматическая установка на «сжатие» научного знания, наглядность и понятность при его предъявлении способствуют включению единого и понятного всем языка невербальных знаков в текстовое пространство. Научно-технический прогресс расширяет зоны использования невербальных средств и приводит к повышению уровня абстракции через различные способы графического представления данных. Широкое использование графических средств для разъяснения научных понятий объясняет актуальность обращения к гетерогенным текстам в целях обучения иностранному языку для специальных целей [1].

Основная часть. Материалом для разработки учебных заданий, отражающих тематическую область сельскохозяйственных знаний, послужили аутентичные немецкие тексты: «*Landtechnik*» (сельскохозяйственная техника), «*Bodenbearbeitungsgeräte*» (почвообрабатывающие орудия) [2]. Схематические изображения, дополняющие вербальную дефиницию терминов, отражают логические зависимости разного типа и используются для поддержки логических (родовидовых) терминологических дефиниций [3].

Структурно-логическая схема, способствующая раскрытию семантики термина «*Landtechnik*» ‘сельскохозяйственная техника’, обладает высоким дидактическим потенциалом при формировании рецептивных и продуктивных лексических навыков. Она положена в основу заданий на узнавание и понимание термина, на закрепление его значения в памяти обучающихся (рецептивный уровень), а также на употребление данного термина при формировании лексического речевого навыка (продуктивный уровень).

Задания, формирующие продуктивные лексические навыки, связаны с использованием терминов в устной и письменной речи, что предполагает определение терминов на основе перечисления их отличительных признаков, правильный отбор слов и словосочетаний в соответствии с коммуникативным намерением говорящего, сочетание нового термина с ранее усвоенными понятиями, составляющими его семантическое поле.

Следующий тип продуктивных тренировочных заданий заключается в просмотре активного словаря к тексту «*Bodenbearbeitungsgeräte*», определении его смысловой структуры и в последующем заполнении структурно-логической схемы, отражающей семантику изучаемого термина.

Преимущества работы со структурно-логическими схемами при обучении иноязычной терминологии заключаются в глубоком рассмотрении предметной области и в раскрытии связей между концептами терминологических единиц. Студенты описывают понятия и связи между ними, представляют смысловые определения в виде графических изображений, что способствует лучшему запоминанию и при необходимости извлечению из памяти значений изученного термина, а также развивает способности применять усвоенные

термины в новых ситуациях, связывать новые термины с ранее изученными. Структурно-логические схемы подсказывают возможные способы сокращения объёма информации, подлежащей запоминанию и хранению в памяти студентов. Достоинство схем заключается в универсальности, достигаемой за счёт выбора определённых видов отношений. С их помощью возможно описание сложных семантических структур. Схемы, представленные на основе использования вербальных, графических и параграфемных средств (шрифт, цвет, подчёркивание, расположение на бумажном или электронном носителе), обладают высокой степенью наглядности и соответствуют современным представлениям об организации долговременной памяти обучающихся [4].

Опорные сигналы, применяемые в коммуникативном пространстве занятий по иностранному языку, включают информацию на уровне предельного обобщения, кодирования с помощью условных знаков, символов и др. Преимущество данного средства заключается в обеспечении образовательного процесса эффективными вспомогательными средствами с кодированным изучаемым материалом, способствующим его прочному усвоению и точному воспроизведению.

Опорные сигналы являются средством, связанным со структурированием содержания учебного материала путём объединения его в крупные блоки. Смысловая переработка текста визуальнo фиксируется в графических, знаковых и текстовых схемах, которые используются как основное средство организации мыслительной деятельности обучающихся. Теоретический материал вводится укрупнёнными блоками. Опорные сигналы ориентируют обучающихся на выделение главного, закрепление хода рассуждений и доказательства [5]. Большинство авторов рассматривают использование опор при обучении иностранному языку как некие вербальные ориентиры, побуждающие обучаемых концентрировать своё внимание на существенном. Опоры определяются как ориентиры речевой деятельности, которые, ограничивая зону поиска, способствуют развёртыванию мысли, сокращают меру неопределённости и ошибочности речи [6].

Опора рассматривается в качестве модели программы высказывания, в которой должна быть заложена возможность вариативного использования средств её выражения на основе осознания способов выполнения речевых действий по порождению высказывания.

Исследователь Ф. М. Рабинович трактует понятие «опора» как подкрепляющее явление на всех уровнях языка и речи, обеспечивающее обучающихся предметным содержанием речи и средствами её выражения. Ограничивая зону поиска в процессе речевой деятельности, опоры задают движение мысли и способствуют её развёртыванию, концентрируют внимание на главном [7].

Функции опор состоят в сообщении определённой информации, более или менее свёрнутой. Очевидно, что информация является лишь импульсом к размышлению, а задача преподавателя — управлять возникающими в связи с данной информацией ассоциациями. Опоры всегда информативны, но информация, содержащаяся в разных видах опор, может быть разной степени развёрнутости в плане полноты, глубины и точности: от достаточно развёрнутой программы действий до намёка. Одни более конкретны, дают больше ориентиров с точки зрения содержания и формы, другие более абстрактны, закодированы, требуют большего развёртывания и, следовательно, более высокого уровня речемышлительной деятельности. Заключённая в опоре информация ограничивает зону поиска, подсказывает пути решения задачи, т. е. помогает организовать деятельность в определённом направлении. Благодаря такой помощи опора побуждает к деятельности и активизирует её. Если опора не опознаётся обучающимся как помощь, то она и не реализует свой направляющий и стимулирующий потенциал.

Опора носит распределённый характер на всём протяжении процесса коммуникации с учётом его логики, т. е. строго говоря, она (опора) всегда имеет место. Другое дело, в какой форме (внешне выраженной или внутренней, интериоризованной) она становится компонентом мыслительной деятельности. Внешне выраженная опора имеет преимущественно временный характер. Только та опора представляет определённую помощь, если в ней в сжатом виде смоделированы те внутренние действия, которые соответствуют конкретному процессу коммуникации. Так, в рамках нашего исследования при изучении темы «*Wichtige Bauelemente des Traktors*» («*Важные конструктивные элементы трактора*») студентам была предложена графическая опора к тексту, являющаяся своего рода подсказкой для чтения, монологического и диалогического высказываний.

Использование опор непосредственно или опосредованно присутствует во всех компонентах обучения иностранному языку, в самом процессе порождения или восприятия речи, а также является средством саморегуляции деятельности учения.

Заключение. Рассмотренные нами структурно-логические схемы и опорные сигналы, являясь неотъемлемой частью занятий по иностранному языку, способствуют оптимальному решению образовательных, развивающих и воспитательных задач. Эффекты использования структурно-логических схем и опорных сигналов в коммуникативном пространстве на занятиях по иностранному языку заключаются в обеспечении чёткости первоначального восприятия изучаемого материала студентами, от чего зависит вся последующая работа и качество усвоения (обучающая задача); активизации деятельности анализаторов, процессов восприятия и формирования представлений (развивающая задача); формировании у студентов визуальной и слуховой культуры (воспитательная задача).

Список цитируемых источников

1. Овчинникова О. М. Структурно-логические схемы в обучении иноязычной экономической терминологии // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2013. № 11. С. 122—127.
2. Немецкий язык. Сельскохозяйственная техника : учеб.-метод. пособие / Белорус. гос. аграр. техн. ун-т ; сост. И. И. Большаков. Минск : БГАТУ, 2009. 158 с.

3. Овчинникова О. М. Креолизованный текст в экономических словарях-справочниках немецкого языка: функционально-семантический аспект // Науч. вестн. Воронеж. архитектур.-строит. ун-та. Сер. Современ. лингвист. и методико-дидакт. исслед. 2013. Вып. 1. С. 110—119.
4. Новиков П. Н., Зуев В. М. Опережающее профессиональное образование. М. : Рос. гос. акад. труда и занятости, 2000. 260 с.
5. Мудрик А. В. Социальная педагогика : учеб. для высш. пед. учеб. заведений. 3-е изд., испр. и доп. М. : Academia, 2000. 192 с.
6. Кунин В. С. Обучение монологическому высказыванию на основе логико-синтаксических схем // Пробл. коммуникатив. метода обучения иноязыч. речевой деятельности : сб. / Воронеж. гос. пед. ин-т ; редкол.: Е. И. Пассов (отв. ред.), Л. П. Малишевская, В. П. Кузовлев. Воронеж, 1980. С. 15—19.
7. Рабинович Ф. М. К проблеме опор при развитии экспрессивных форм речи // Иностр. яз. в шк. 1986. № 5. С. 20—25.

УДК 378.016:811.111'36

И. Н. Гуцко, Ю. Н. Усова

Учреждение образования «Мозырский государственный университет имени И. П. Шамякина», Мозырь

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ СТУДЕНТОВ ИЗ ЧИСЛА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Введение. В современном образовательном стандарте по иностранным языкам овладение грамматическими средствами рассматривается в качестве одной из целей обучения в рамках развития языковой компетенции. Грамматика имеет первостепенное значение для формирования умений устного и письменного общения.

Иностранные студенты при традиционном подходе к обучению функциональной грамматике иностранного языка часто не понимают ни практической значимости запоминания грамматических терминов и понятий, ни целей грамматического анализа. Поэтому требуется разработка и внедрение в процесс обучения более эффективных приёмов освоения иноязычной грамматики, повышающих интерес и мотивацию студентов из числа иностранных граждан.

Основная часть. В начале изучения второго иностранного языка причиной подавляющего большинства грамматических ошибок являются трудности, возникающие в основном из-за мощного интерферирующего влияния изученного ранее языка.

Сопоставительный анализ грамматических явлений русского и английского языков позволяет выделить типичные трудности усвоения английской грамматики, изучаемой людьми, владеющими русским языком как иностранным: употребление артикля, фиксированный порядок слов английского предложения, разветвлённая система времён, употребление вспомогательных глаголов согласование времён в косвенной речи (особенно для студентов с родным языком тюркской языковой семьи), конструкции с неличными (безличными) формами глагола, наличие в предложениях одного отрицания, в то время как в русском языке — троекратное отрицание (*I haven't read anything about it — Я никогда ничего об этом не читал*) [1, с. 130].

Основной проблемой выступает отрицательное интерферирующее влияние грамматических систем родного и русского языков на процесс формирования грамматических умений и навыков по английскому языку.

Рассмотрим наиболее эффективные пути решения данной проблемы:

1) использование перевода как средства демонстрации различных значений и их изменения. Перевод предложений на ранее изученный язык позволяет лучше усвоить и запомнить особенности использования различных грамматических конструкций. Ярким примером является использование артикля: *какой-то Джон — a John; ты не тот Джон, которого я когда-то знал — you are not the John, I used to know*.

Благодаря переводу иностранным студентам будут понятны семантические различия артиклей;

2) использование наглядности (схем, таблиц, изображений) для объяснения трудных ситуаций. Необходимо помнить, что мы усваиваем 10% из того, что прочитали; 20% из того, что слышали; 30% из того, что видели [2, с. 11]. Следовательно, использование различных таблиц, схем, изображений будет приносить больше пользы, чем объяснение правила без опоры на наглядность;

3) использование игровых приёмов. Это может помочь избежать однообразия в работе над грамматическим материалом и сделать скучную работу более интересной и увлекательной. Включение игрового элемента в процесс обучения стимулирует иностранных студентов принимать активное участие в занятии и позволяет изучить, закрепить и использовать различные грамматические конструкции без труда. Ещё одним положительным моментом является то, что в игре будут задействованы все студенты. Например, при изучении придаточных предложений времени и условия, относящихся к будущему времени, игра помогает усвоению материала. Группа делится на две команды. Каждой команде даётся вариант главного предложения, например: *I shall read you a book, if...* Участники игры пишут свои варианты придаточных предложений. Например: *You drink milk. You listen to me. You give me sweets. You eat the soup*. Правильно составленное придаточное предложение приносит команде балл;

4) учёт индивидуальных особенностей студентов. Для эффективного использования данного пути преодоления интерференции преподаватель должен хорошо знать, что студентам интересно, актуально, важно. Обладая такими знаниями, он сможет привести те примеры, которые будут легко запоминаться. Например, при изучении темы «Сложноподчинённые предложения» запоминающимся примером будет такое предложение: *I don't know how I can*

put you a positive mark at the exam, if you don't learn English grammar in a proper way. Эта тема изучается одной из последних в курсе функциональной грамматики, формой контроля является экзамен, поэтому данный пример будет очень актуален;

5) систематическое повторение изученного. В процессе наблюдения за формами учебной работы и ответами иностранных студентов нами было отмечено, что, даже если тема пройдена и успешно написан тест или реализована другая форма контроля, изученное очень быстро забывается. Решением данной проблемы является организация систематического повторения изученного материала. Причём для этого не обязательно выделять целое занятие, необходимо научиться представлять новый материал, всегда основываясь на том, что известно;

6) постоянный контроль изученного материала. Он не должен основываться в данном случае только на письменных работах, которые проверяются преподавателем. Необходимо использовать различные формы и виды контроля, организуя работу студентов в парах, группах, давая возможность им самим исправлять и анализировать ошибки друг друга и приучая учащихся к самоанализу и самоконтролю;

7) использование родного языка. Обычно оно должно исключаться при изучении иностранного. Но если русский язык не является родным, можно прибегать к помощи студентов из числа иностранных граждан, которые хорошо разбираются в теме, для того чтобы они переводили некоторые термины на родной язык, что будет способствовать лучшему пониманию грамматических явлений. Используя данный метод, целесообразно организовывать работу в группах сменного состава — студенты, выступающие в роли переводчиков на родной язык, должны хорошо понимать изучаемую тему, уметь объяснить её.

При подготовке к занятию необходимо помнить следующее: усваиваем 50% из того, что слышали и видели; 70% из того, что обсуждаем с другими; 90% из того, чему учим других [3].

Заключение. Процессы обновления в сфере обучения иностранным языкам создают ситуацию, в которой педагогам предоставлено право и возможность самостоятельного выбора модели построения курсов обучения предмету, учебных пособий и других обучающих средств. В этой ситуации именно преподаватель должен выбрать из множества методических систем ту, которая в большей степени соответствует педагогическим реалиям и конкретным условиям обучения иностранным языкам.

Очевидно, что каждый преподаватель ориентируется в соответствии со своим личным опытом в выборе методов и приёмов работы при обучении грамматике. Но, основываясь на данной работе, мы можем утверждать, что использование разнообразных приёмов в рамках её изучения даёт положительный результат и, несомненно, способствует повышению эффективности обучения грамматике.

Если в процессе развития грамматических навыков будут использоваться оптимальные методы и приёмы, учитывающие индивидуальные особенности студентов из числа иностранных граждан, то эффективность усвоения грамматического материала повысится.

Список цитируемых источников

1. Fitikides T. J. Common Mistakes in English with Exercises. B. A., F. I. L. : Pearson Education Limited, 2000. 201 p.
2. Клементьева Т. Б. Enjoy Teaching English : метод. руководство для учителей : материалы для специалиста образовательного учреждения. СПб. : КАРО, 2003. 256 с.
3. Там же. С. 11.

УДК 811:004

Л. П. Дубина

Учреждение образования «Белорусский государственный аграрный технический университет», Минск

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ПРЕЗЕНТАЦИИ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Введение. На современном этапе развития высшего образования существует крайняя необходимость в особых условиях качественной организации учебного процесса обучения студентов. В течение последних лет значительно выросло количество преподавателей, успешно владеющих информационными технологиями и использующих электронные средства обучения на занятиях.

Использование мультимедийных интерактивных технологий при коммуникативном обучении иностранному языку значительно повышает качество подачи материала занятия и эффективность усвоения этого материала студентами. Использование и внедрение современных технологий, мультимедийного оборудования обогащает содержание образовательного процесса, повышает мотивацию к изучению иностранного языка со стороны студентов, обеспечивает тесное сотрудничество между преподавателем и студентами.

Иностранный язык — это учебная дисциплина, которая в силу создания для обучающихся искусственной языковой среды из-за отсутствия естественной предполагает наиболее гибкое и широкое использование различных технических средств обучения.

Основная часть. Действенным способом быстрого усвоения материала на занятии по иностранному языку является использование подготовленных мультимедийных презентаций, когда используется экран-доска, проектор и один компьютер для демонстрации. Это даёт возможность фокусировать внимание всех студентов группы, осуществлять повтор демонстрируемого материала.

Мультимедиа — многокомпонентная среда, которая позволяет использовать текст, графику, видео- и мультипликацию в режиме диалога и тем самым расширяет области применения компьютера в учебном процессе. Изобразительный ряд, включая образное мышление, помогает обучаемому целостно воспринимать предлагаемый материал. Появляется возможность совмещать теоретический и демонстрационный материалы. Тестовые задания уже не ограничиваются словесной формулировкой, представляют собой целый видеосюжет.

Мультимедиа не только обеспечивает множественные каналы подачи информации, но и создаёт условия, когда различные среды дополняют друг друга. Перед студентами открываются огромные возможности в творческом использовании каждой индивидуальной среды, характеризующейся своим языком. Некоторые из этих языков пространственно ориентированы (текст, графика), в то время как другие связаны со временем (звук, анимация и видео).

Такая универсальность в сочетании с интерактивностью, основанной на технологиях гипертекста, формирует чувственный опыт как основу обучения, позволяя представить информацию в максимально приближённом к реальности виде. Воздействие на обучаемого через каналы восприятия, учёт психолого-педагогических особенностей восприятия и усвоения информации интенсифицируют учебный процесс.

Мультимедиа как дидактическое средство, способствующее освоению обучающимися учебной деятельности, влияет также и на развитие основных сфер индивидуальности обучаемого: стимулирующий этап модели освоения учебной деятельности предполагает воздействие на мотивационную сферу, на этапе целеполагания происходит влияние на волевую сферу, обучающий этап охватывает интеллектуальную и предметно-практическую сферы индивидуальности обучающегося, на аналитико-рефлексивном этапе и этапе саморегуляции происходит воздействие на сферу саморегуляции, этап самореализации предполагает формирующее влияние на эмоциональную сферу индивидуальности обучающегося.

Использование на занятиях информационных программ Microsoft для представления анимационных конспектов занятия или раздаточного материала позволяет облегчить труд преподавателя, мотивировать студентов в изучении дисциплины, наглядно продемонстрировать новый лексический и грамматический материал, а также осуществить опорную поддержку при обучении всем видам речевой деятельности, повысить темп занятия, обеспечить обратную связь, управлять вниманием студентов за счёт эффектов анимации и гиперссылок, осуществить быстрый поиск нужной информации, сформировать компьютерную мультимедийную компетентность как преподавателя, так и студента, и развить их креативные способности в организации учебной деятельности.

Например, компьютерная программа PowerPoint уже зарекомендовала себя как эффективное средство подготовки и демонстрации презентаций не только в сфере бизнеса, но и в образовании. Образовательный потенциал нового технического средства обучения может эффективно использоваться и на занятии по иностранному языку в осуществлении наглядной поддержки обучения речи.

Применение мультимедийных технологий в процессе занятия по иностранному языку хорошо сочетается с технологией развивающего обучения, а также проблемным и дифференцированным обучением. Роль преподавателя в этом случае заключается в адаптации собранного материала по изученной теме модуля и языковому уровню студентов, применении компьютерных технологий при введении новой темы или её завершении, контроле, участии в языковых проектах, тестировании, самотестировании, учебных играх, подготовке дидактических материалов, управляемой самостоятельной работе.

Внедрение мультимедийных презентаций в педагогический процесс повышает авторитет преподавателя среди коллег кафедры, так как преподавание ведётся на современном, более высоком уровне. Растёт самооценка самого преподавателя, развивающего свои профессиональные компетенции.

На видеокурсах, которые являются достойным дополнением к содержанию занятия, показаны социокультурные реалии. Кроме того, на базе этих видеокурсов преподаватель может проводить различные ролевые игры и организовать дискуссии, диспуты в целях повторения пройденного лексического материала модуля. Записаны тексты и задания для аудирования, диалогические и монологические ситуации, задания для работы с новым лексическим материалом модуля. Записи выполнены профессиональными звукооператорами с участием специально приглашённых носителей языка.

В настоящее время представлено множество интерактивных курсов для студентов различного уровня обучения иностранному языку. Они рассчитаны на обучение речевым деятельности: чтению, письму, говорению; объяснению и повторению различного лексического и грамматического материала с соответствующими заданиями по уровням сложности как для управляемого самостоятельного обучения, так и работы в группе. Если преподаватель сможет правильно подобрать нужный ему материал и использовать его в доступной для студента форме, то эффективность занятия повышается.

Преподаватель может использовать разработки, созданные самостоятельно. Преимущества проектной работы известны уже давно и используются в методике преподавания различных дисциплин, в том числе и иностранного языка. Студенты с удовольствием подключаются в творческий научно-исследовательский процесс. При подготовке мультимедийного проекта они изучают темы модулей, занимаются поиском информации в интернет-источ-

никах на иностранном языке, общаются со студентами других учреждений высшего образования, самостоятельно готовят устное сообщение по теме мультимедийного проекта и даже делают аудио- и видеозаписи к презентации. Студенты в процессе обучения открывают для себя ценность иностранного языка как языка международного общения. Выполнение и презентация проектов даёт студентам с разным уровнем владения языком возможность выступить и высказаться по определённой теме, что способствует развитию у них познавательной активности, воображения, самодисциплины, навыков совместной деятельности.

Заключение. Систематическое использование мультимедиа оказывает существенное влияние на развитие студентов. Такая особенность мультимедиа, как интерактивность, присущая сугубо дидактическому компьютерному средству и отличающая его от традиционных информационных экранных средств, способствует наиболее прочному усвоению учебного содержания, предъявленного с помощью данного средства.

Образовательная и воспитательная ценность применения мультимедийных презентаций состоит в том, что они ускоряют процесс обучения; улучшают качество усвоения материала; позволяют индивидуализировать процесс обучения; способствуют развитию познавательной активности, воображения, а также навыков совместной деятельности у студентов и умений работать на компьютере; дают возможность на практике использовать знания и методы, взятые из других областей; оживляют урок и делают его доступным для восприятия.

В целом информационные технологии позволяют изменить организацию процесса обучения студентов, формируя у них системное мышление, использовать компьютеры в целях индивидуализации учебного процесса и обратиться к принципиально новым познавательным средствам. При правильной организации и соответствующей методологии использование информационных технологий делает образовательный процесс более открытым для новых идей и источников знаний.

УДК 372.881.111.22

М. С. Дудорга, С. Н. Боровик

Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь», Минск

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОБИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Введение. Термин «мобильное обучение» (m-learnin), появившийся в педагогической литературе около 10 лет назад, последнее время стал всё чаще использоваться в нашей стране. Многие учёные и педагоги уверены, что будущее обучения иностранным языкам связано и зависит именно от распространения мобильных средств связи, популярности смартфонов и айфонов, появления большого количества учебных приложений и программ, а также новых технологий типа жестикულიационного интерфейса, который расширяет возможности и качество образования, удешевления услуг мобильной связи и беспроводного доступа в Интернет. На сегодня в зарубежной педагогической литературе существует несколько трактовок и определений мобильного обучения, основывающихся на технологических особенностях мобильных устройств, дидактических возможностях, которые предоставляются этими технологиями.

Основная часть. С технологической точки зрения, мобильное обучение — это передача и получение учебной информации с использованием технологий WAP или GPRS на любое портативное мобильное устройство, при помощи которого можно выйти в Интернет, получить или найти материалы, ответить на вопросы в форуме, сделать тест и т. д. Согласно проекту HiST Mobile [1], мобильное обучение — это использование удобных портативных мобильных устройств и беспроводных, доступных всегда технологий для облегчения, поддержки, оптимизации и расширения процессов обучения и изучения. Мобильное обучение — это деятельность, осуществляемая регулярно посредством компактных, портативных мобильных устройств и технологий и позволяющая обучающимся стать более продуктивными, общаясь, получая или создавая информацию. Мобильное обучение — это возможность получать или предоставлять учебную информацию любого формата на персональные мобильные устройства.

Мобильные технологии трансформируют баланс между обучением и участием обучающегося. Именно поэтому мобильное обучение — это новая форма обучения, отличная от дистанционного или смешанного, характеризующая новый виток развития информатизации человеческого общества. Эта же точка зрения поддерживается исследователями проекта Mobil, которые чётко разделяют две формы обучения — мобильное и смешанное, подчёркивая индивидуализированный (когда, где и с какой скоростью) и неформальный (презентация материала, общение) характер обучения.

В ходе проведения с 2002 г. многоступенчатого европейского проекта, осуществленного в Норвежском институте дистанционного обучения, исследователи пришли к выводу, что процесс загрузки и синхронизации учебного материала на различные мобильные устройства почти не вызвал технических проблем у студентов; учебный материал, применяемые методы, рабочие решения для составления заданий и курсов на мобильных устройствах отличались от «привычных» методов дистанционного обучения; менялся подход и отношение студентов к процессу обучения: они приобретали навыки аналитического мышления, способность выделить

главное из потока информации, поскольку не просто имели доступ к готовым модулям различных дисциплин, а должны были сами принимать активное участие в создании и отборе учебного контента.

Таким образом, определение «мобильный» характеризует, прежде всего, две основные составляющие педагогического процесса — доступ к средствам обучения и формы реализации учебной интеракции. Обучающийся сегодня может иметь мгновенный доступ к учебным материалам и программам, учебным ресурсам, выполнять задания, общаться с педагогом в удобное время и в удобном месте. Мобильные устройства обеспечивают следующие виды общения: голосовое, СМС, электронная почта, видеосвязь, социальные сети (Twitter, Facebook и т. д.), т. е. они предоставляют возможность написать, показать и рассказать. Меняется кардинальным образом форма обучения, которая как нельзя лучше соответствует идее обучения через всю жизнь. Если обучающиеся соприкасались, учась в школе или университете с этой формой обучения, они уже заранее подготовились к современным условиям жизни и работы. Данная форма обучения также соответствует современной компетентностно ориентированной концепции образования, в которой акцент делается на обучение умению самостоятельно находить нужную информацию, выделять проблемы и искать пути их решения, критически анализировать полученные знания и применять их на практике.

Для мобильного обучения используются следующие мобильные средства связи: 1) сотовые телефоны, смартфоны (типа Blackberry), коммуникаторы (iPhone); 2) различные портативные мобильные устройства, такие как MP3/4-плееры, неткиниги, устройства для электронных игр (Nintendo DS), устройства для прослушивания подкастов (iPod), GPS навигаторы и т. д.; 3) портативные компьютеры, как, например, портативный карманный компьютер, планшетный компьютер (iPad).

Самым перспективным мобильным устройством, которое может использоваться в практике преподавания иностранных языков, зарубежные педагоги считают планшетный компьютер ввиду его веса, высокой продолжительности жизни аккумулятора, универсальности (можно слушать, читать книги, писать, искать ресурсы в Интернете, играть в игры и т. д.), возможности увеличения текста до нужных размеров, большого количества поддерживаемых приложений (в том числе разработанных для iPhone), которые сейчас активно применяются в преподавании иностранных языков. Большим преимуществом является то, что данные приложения дают возможность обучающимся перейти от свободного поиска и просмотра веб-страниц к так называемому персонализированному веб-поиску. Это позволяет создать персонализированное профессионально ориентированное обучающее пространство студента, поскольку в смартфоны, которые имеют отношение к мобильному обучению, обычно загружены следующие полезные приложения: инструкции по обучению, словари, справочники, планировщики курсов, карты, специализированные «поисковики», подкасты лекций или новостей, новостные ленты профессионально ориентированных сайтов или блогов и др.

Использование мобильных устройств и технологий в учебном процессе предназначено для решения различных целей обучения. Так, мобильные телефоны студентов подключаются к информационно-обучающей среде учреждения высшего образования для доступа в любое время как альтернативные средства стационарным компьютерам, используются для удобства осуществления совместных проектов и групповой работы; в целях неформального мобильного обучения, когда обучающийся во внеучебное время может разместить какую-то интересную фотографию или видеосюжет, снятый с помощью мобильного смартфона (и прокомментировать его); когда мобильные устройства являются единственными средствами связи из-за удалённости места; в процессе администрирования и организации учебного процесса.

Достаточно часто, как показывает анализ практики дистанционного и смешанного видов обучения, мобильные устройства используются [2, с. 8—100]: 1) для воспроизведения мультимедийных обучающих веб-ресурсов (аудиофайлы, видеофайлы, подкасты, графика, карты, изображения); 2) для обеспечения быстрого доступа на обучающие сайты, ресурсы, справочники, словари; 3) как собственно обучающее средство при условии разработки учебных материалов, адаптированных для платформ мобильных средств связи (СМС-тесты, учебные пособия и инструкции на базе мобильных приложений); 4) для учебной коммуникации (СМС-сообщения, Twitter, вебинары, Skype и т. д.).

Заключение. Мобильное обучение придаёт новое качество в иноязычной профессионально ориентированной подготовке, наиболее полно отражает тенденции в образовании современного человека, обеспечивая постоянный доступ к информации в любой момент времени и места, гибкость, доступность и персонализированность системы взаимодействия.

Список цитируемых источников

1. Титова С. В. Мобильное обучение сегодня: стратегии и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <http://titova.ffl.msu.ru/mobile-learning-articles.html> (дата обращения: 12.01.2016).
2. Ливская Е. В. Мультимедиа в образовании: современные педагогические и информационные технологии в преподавании иностранных языков. Обучение навыкам работы с интерактивными ресурсами : учеб.-метод. пособие : в 2 ч. Ч. 2. Калуга : Эйдос, 2012. 121 с.

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Введение. Для достижения наиболее эффективного результата при предъявлении проекта в современном обществе всё чаще используются мультимедийные технологии. И не секрет, что именно данные технологии становятся незаменимыми в некоторых сферах жизнедеятельности.

Основная часть. Мультимедийные технологии — это совокупность современных средств аудио-, теле-, визуальных и виртуальных коммуникаций, используемых в процессе организации, планирования и управления различными видами деятельности. Проект — это совокупность действий, исполнителей и средств по выработке вариантов решения определённой проблемы, достижения конкретных целей.

Для изучения иностранного языка методисты рекомендуют использовать информационно-коммуникационные технологии. Связанно это с развитием компьютерных технологий и знаний учащихся в этой области. Современному ученику больше подходит использование электронного материала, а не обычного учебника. Именно поэтому для лучшего усвоения и запоминания материала на уроке и дома необходимо прибегать к использованию мультимедийных технологий.

Кроме того, в образовании мультимедийные технологии используются и для создания компьютерных учебных курсов (популярное название CBTS) и справочников, таких как энциклопедии и сборники. Учебные курсы позволяют пользователю познакомиться с серией презентаций, тематических текстов и связанных с ними иллюстраций в различных форматах представления информации. Развлекательное образование (edutainment — термин, используемый в США) объединяет образование и развлечение, в частности мультимедийные развлечения. Именно поэтому использование мультимедиа можно считать эффективным и достаточно лёгким способом при обучении на различных стадиях образования.

С помощью различных проектов в образовании можно решить большое количество образовательных проблем. Самым эффективным и вовлекающим в процесс восприятия учебной информации с помощью проекта можно считать способ мультимедиапрезентации. Мультимедиапрезентация — это программа, которая содержит текстовые материалы, фотографии, рисунки, слайд-шоу, звуковое оформление и дикторское сопровождение, видеофрагменты и анимацию, трёхмерную графику.

Основным отличием презентаций от остальных способов представления информации является их особая содержательная насыщенность и интерактивность, т. е. способность определённым образом изменяться и реагировать на действия пользователя. Пользователь, который просматривает презентацию, может влиять на отображаемый в тот или иной момент материал. Например, при демонстрации проекта используется меню для перехода к разным разделам презентации или существует опция смены языка презентации. Данный вид презентации идеально подходит при обучении иностранному языку.

Метод проектов — это такой метод обучения, который индивидуализирует учебный процесс и при котором учащемуся даётся возможность самостоятельно планировать, организовывать и контролировать свою деятельность. Данный метод основывается на теоретических концепциях прагматической педагогики. Метод проектов применяется в основном в американской школе, например при обучении темам практического характера («Дом и семейная жизнь», «Что мы получаем от деревьев» и др.) [1].

При создании проектной работы используются возможности процессора презентаций PowerPoint, который превращает введенную текстовую и числовую информацию в профессионально выполненные слайды, наполненные диаграммами, таблицами, графическими иллюстрациями, звуковыми фрагментами. Для создания высокопрофессиональных видеоматериалов с помощью PowerPoint не обязательно быть художником. Поставляемые в комплекте с программой шаблоны дизайна обеспечивают высокое качество результата, а использование всех возможностей PowerPoint позволяет создавать качественные проекты.

Существуют определенные требования использования метода проектов. Так, необходимо наличие значимой проблемы и поиска для её решения; а также исследовательского поиска практического и теоретического. При использовании метода проектов должна присутствовать самостоятельная (индивидуальная, групповая) деятельность учащихся. В методе проектов необходимо определение предмета исследования, а также выявление и определение проблемы исследовательской деятельности. Далее следует поработать над выдвижением гипотезы и заняться её проверкой. Обязательным требованием является выбор метода исследования, после чего необходимо произвести сбор данных (накопление фактов, наблюдений, доказательств), их анализ, синтез, систематизацию. Также использование метода проектов подразумевает объяснение результатов, а также наличие выводов, выдвижение новых проблем (использование в ходе совместного исследования метода «мозговой атаки», «круглого стола», статистических методов, творческих отчётов, просмотров и др.). Заключительным требованием является подведение итогов, оформление результатов, их презентация.

У мультимедийных технологий присутствует ряд преимуществ, которые гарантируют достижение поставленных учебных целей: широкие возможности свободного выбора собственной трактовки материала; оперативность и объективность контроля и оценки результатов обучения; повышение мотивации учения; развитие у учащихся продуктивных, творческих функций мышления; рост интеллектуальных способностей; формирование операционного стиля мышления.

При подготовке проектов учащийся может использовать всю информацию, найденную в Интернете, библиотеке, учебниках при опоре на собственный опыт (личный опыт в обучении играет важную роль). Следует отметить, что метод проектов подразумевает самостоятельную работу. Это помогает учащемуся преодолеть психологические барьеры [2].

Однако использование мультимедийных технологий вызывает затруднения: отсутствие необходимого оборудования, средств на приобретение или замену оборудования, несоответствие классов технике безопасности и т. д. Использование данных технологий подразумевает наличие следующих особенностей организации обучения:

1) уроки с применением мультимедийных презентаций проводятся в компьютерных классах с использованием мультимедиапроекторов, резидентных справочников, автоматизированных обучающих систем, видеозаписей работы различных программ и т. д.;

2) на практических занятиях за каждым обучаемым должен быть закреплён отдельный компьютер, на котором целесообразно создать его личную папку, названную шифром класса и фамилией обучаемого;

3) должен использоваться индивидуальный подход, включающий широкое использование индивидуализированных обучающих программ;

4) целесообразно проводить значительную часть занятий в форме деловых игр, а в качестве заданий должны выдаваться реальные жизненные многовариантные задачи, особенно те, с которыми выпускники будут встречаться в профессиональной деятельности;

5) должен широко использоваться метод проектов, в рамках которого необходимо соблюдать принципы последовательности и преемственности; это значит, что одно глобальное задание должно последовательно выполняться во всех практических (лабораторных) и расчётно-графических работах, дополняться и расширяться, воплощаясь в стройную завершённую систему;

6) должна быть предусмотрена возможность параллельного и концентрического изучения основных разделов программы, что позволяет обучающимся по мере усвоения курса получать более глубокие знания по каждому из разделов, не теряя при этом целостности изложения всего материала;

7) необходимо опираться на принципы мотивации познания и разностороннего восприятия;

8) следует шире использовать проблемный метод обучения, предусматривать разработку обучающимися реальных программ (документов, таблиц, баз данных), которые могут быть использованы в процессе обучения [3].

Заключение. Современные школы переходят на новый способ обучения с помощью информационных технологий. Школы оборудуются мультимедийными технологиями, что позволяет развивать воображение, индивидуальные способности и опыт (как учителя, так и ученика) при работе над проектами и решении классных и домашних задач. В основе метода проектов лежит развитие познавательных навыков учащихся, умений самостоятельно конструировать свои знания, ориентироваться в информационном пространстве, развитие критического мышления. Результаты выполненных проектов всегда являются материальными (видеофильм, альбом, боржурнал «путешествий», компьютерная газета, альманах и т. д.). Именно это способствует развитию творческих способностей у учащихся. В ходе решения какой-либо проектной проблемы учащимся приходится привлекать знания и умения из разных областей (химии, физики, иностранного и родного языков и др.).

Список цитируемых источников

1. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М. : Совет. энцикл., 1969—1978. С. 672.
2. Ломакина Л. В., Рашитович Х. Р. Основы метода проектов. М. : Бином, 2008. С. 128.
3. Лазарев Д. Презентация: Лучше один раз увидеть! М. : Альпина Бизнес Букс, 2009. С. 142.

УДК 811.111:37.01

В. Ю. Костюченко

Учреждение образования «Белорусский государственный аграрный технический университет», Минск

СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Введение. Развитие международного сотрудничества в области науки требует подготовки специалистов, способных участвовать в иноязычном речевом общении. В связи с этим проблема формирования высокого уровня иноязычной профессиональной компетентности студентов представляется значимой и актуальной.

В настоящее время повышаются требования к качеству подготовки специалистов, т. е. необходимости формирования у будущих специалистов умений работать с терминами, так как терминология занимает важное место во всех областях знаний.

Основная часть. Под понятием «стратегия» следует понимать один из способов приобретения, сохранения и использования информации, служащий достижению определённых целей. Что же касается стратегии овладения языком, то это, прежде всего, комбинации интеллектуальных приёмов и усилий, которые применяются для понимания, запоминания и использования знаний о системе языка и формирования речевых навыков и умений, когнитивные операции, которые выбираются из числа возможных для решения коммуникативной задачи [1].

При обучении студентов терминологической лексике наиболее полезными являются когнитивные, информационные и компенсационные стратегии.

Формирование когнитивных стратегий непосредственно связано с конкретными задачами обучения и предполагает отбор и представление учебного материала в соответствии с целями и задачами обучения в неязыковом учреждении высшего образования сельскохозяйственного профиля с учётом специализации студентов. Когнитивные стратегии формируют комбинации интеллектуальных приёмов и усилий, которые применяются студентами для понимания, запоминания и использования знаний о системе языка и речевых навыков и умений. Данные стратегии обеспечивают формирование когнитивных операций, которые выбираются студентами из числа возможных для решения коммуникативной задачи.

Формирование информационных стратегий осуществляется на материале и в процессе иноязычной текстовой деятельности. В этих целях комплекс упражнений по чтению и говорению должен включать такие задания, которые направлены на решение учебных задач по переработке необходимой для студентов информации (предлагаются студентам в предтекстовых или послетекстовых упражнениях).

Формирование компенсационных стратегий (связанное с пониманием незнакомых терминов на основе лингвистической и (или) контекстуальной догадки) осуществляется в процессе выполнения упражнений, построенных на материале отдельных терминов, терминологических словосочетаний или контекста. Это могут быть задания на анализ значения различных словообразовательных элементов; выбор подходящего значения из ряда предложенных лексических единиц (контрастных пар, сходных лексических единиц, смешанной группировки); заполнение различного рода систематизирующих схем, таблиц; подстановка терминов в контекст и т. д.

Формируя когнитивные, информационные и компенсационные стратегии работы над специальной сельскохозяйственной лексикой при чтении текстов по специальности и в устно-речевой деятельности, необходимо учитывать общие методические и специальные принципы, а также пути и приёмы работы над лексикой. Организация работы по овладению студентами терминами может быть организована с учётом следующих принципов:

1) принцип рационального ограничения словарного минимума. Обучение иностранному языку опирается на методически отобранный словарный минимум, который включает наиболее употребительные слова-термины, устойчивые терминологические словосочетания, общие сельскохозяйственные термины, часть нетерминологизированной лексики, а также строевые слова, служащие материалом для построения речевых образцов, разговорных тем, текстов, диалогов и упражнений;

2) принцип направленного предъявления лексических единиц в учебном процессе, т. е. тренировка и учебно-оперативный характер овладения лексическими единицами. Традиционный способ поэтапного овладения терминологической лексикой (семантизация — формирование лексических навыков — формирование умений) является наиболее эффективным. Обучаемые производят с терминами действия, наилучшим образом закрепляющие лексические операции в интересах развития одноимённых навыков. Это достигается демонстрацией лексической единицы во взаимодействии с другими лексическими единицами в составе предложения (речевого образца);

3) принцип учёта лингвистических особенностей лексических единиц (терминов). В ходе отбора терминологических лексических единиц и обучения им студентов учитываются особенности графико-акустического оформления каждой группы этих единиц. Кроме того, учитывается их семантика, структура и сочетаемость;

4) принцип опоры на лексические правила. В работе над терминологической лексикой широко используются лексические правила семантики, сочетаемости и стилистической дифференцированности изучаемых терминологических единиц;

5) принцип единства обучения лексике в речевой деятельности. Суть этого принципа сводится к достижению высокого уровня развития лексического механизма, обеспечивающего функционирование лексических навыков. Этот механизм входит в качестве составного звена во все основные виды речевой деятельности. Лексические навыки включаются в репродуктивные и рецептивные виды речевой деятельности.

Любая лексическая единица существует и развивается только в целостном речевом комплексе, в окружении других лексических единиц, во взаимоотношениях с ними. В связи с этим семантизация нового термина должна происходить в предложении и закрепляться в определённом контексте. Здесь обнаруживается значение слова (термина) и его обусловленность. Приёмы работы над новым термином в разных контекстах помогают лучше усвоить его значение и употребление. Например, *livestock* ‘домашний скот’, *livestock breeding* ‘племенное животноводство’, *livestock capita* ‘поголовье скота’.

В ходе обучения педагог должен принимать во внимание также принцип языковой интерференции. Необходимо устанавливать степень совпадения значений и употребления терминов в иностранном и русском языках. Во всех случаях важно учитывать весь объём трудностей, связанных с усвоением термина. Незнание всего круга значений слова приводит к ограниченному его употреблению в речи. У студентов возникает страх использования термина в конкретном контексте. Наблюдаются факты неоправданного расширения границ употребления термина, нарушения дистрибуции термина как лексической единицы. Например, английское слово *fertilizers* связывается студентами обычно со значением ‘удобрение’. Редко применяется это слово в значении ‘опылитель’. Глагол *till* часто

употребляется в значении 'возделывать почву, пахать'. В то же время он редко связывается со значением 'валунная глина'. Слово *plough* часто употребляется в значении 'плуг, вспаханное поле'. Студенты не используют это слово как 'электрический токосниматель, снегоочиститель'. Такие лексические ошибки можно объяснить тем, что обучаемые не овладевают понятиями, которые могут выражаться указанными словами.

При введении новых слов (терминов) необходимо правильно осуществлять чёткое дефинирование, что предполагает правильный выбор значения термина в конкретной ситуации (важно определить основной признак, выделяющий данный предмет или явление из ряда подобных). Усвоение лексической единицы достигается в результате выполнения комплекса учебных и учебно-речевых действий. Обобщение, упрочнение и активизация лексического материала реализуются путём его систематизации по многим признакам: учитывается тематический принцип (принадлежность к определённой теме или подтеме); семантический признак (наличие синонимов, антонимов, омонимов); морфологические характеристики (парадигмы числа, рода, времени, залога); словообразовательные модели (производное, сложное слово, конверсия).

Заключение. Овладение студентами терминологической лексикой по специальности будет более эффективным при условии рационального использования когнитивных, информационных и компенсационных стратегий работы над данным видом лексики на основе специально разработанных способов, приёмов и системы лексически направленных упражнений.

Развитие лексических навыков по оперированию терминологической лексикой повышает качество усвоения нового лексического материала, что в свою очередь оказывает положительное влияние на качество обучения иностранному языку в высшей школе в целом.

Список цитируемых источников

1. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М. : АРКТИ, 2000. 165 с.

УДК 372.881.111.1

А. О. Куприк

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРСОНАЛЬНОГО САЙТА УЧИТЕЛЯ В ОБУЧЕНИИ УЧАЩИХСЯ НАПИСАНИЮ ЛИЧНОГО ПИСЬМА НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Введение. Письменная форма общения выполняет важную коммуникативную функцию в современном мире. Методика системного обучения рассматривает письмо как технику использования графической и орфографической систем английского языка, а письменную речь — как умение выражать мысли в письменной форме [1, с. 157].

Целью обучения письменной речи является формирование у обучающихся письменной коммуникативной компетенции, умения практически пользоваться иноязычным письмом как способом общения, познания и творчества.

В обучении используются формы письменной речи, которые способствуют общему развитию обучающихся и их языковой подготовке, являются коммуникативно значимыми и могут быть востребованы в реальных жизненных ситуациях.

Обучение письменной речи неразрывно связано с обучением другим видам речевой деятельности. Письменная речь позволяет сохранить языковые и фактические знания, служит надёжным инструментом мышления, стимулирует говорение, аудирование и чтение на английском языке [2, с. 126].

Интерес к особенностям методики обучения письменной речи на иностранном языке вызван возрастающей ролью иностранных языков в осуществлении межкультурного взаимодействия людей. Данное взаимодействие осуществляется как в устной, так и в письменной форме. Нельзя недооценивать практическую значимость письменного речевого общения в свете развития современных средств коммуникации, таких как электронная почта, блог, сайт учителя и т. п. [3, с. 97].

В методической литературе последних лет значительно увеличился интерес к обучению написанию таких видов письменных речевых произведений, как эссе, мини-сочинение, поздравление, изложение [4, с. 105]. В то же время представленные в учебной программе по иностранным языкам требования к практическому владению письменной речью в 5—10-х классах включают необходимость развития умения: писать личное письмо в пределах изученной тематики, писать личные письма (письмо-благодарность, письмо — запрос информации, письмо-ответ), писать несложные деловые письма [5, с. 35—89, 104—119].

Проведённый анализ научно-методической литературы позволяет сделать вывод о том, что проблема обучения написанию личного письма не может считаться решённой, особенно в свете реализации задачи информатизации иноязычного образования, которая проявляется во всестороннем внедрении в практику обучения

иностранным языкам электронных средств обучения, информационно-коммуникационных технологий и виртуальных образовательных сред. Вышеизложенное обусловило *актуальность* настоящего исследования.

Основная часть. Одной из *целей* проведённого исследования являлась разработка комплекса упражнений для обучения учащихся продуктивным видам письменной речи на иностранном языке с использованием персонального сайта учителя; основные *методы исследования* — критический анализ научно-методической литературы, эксперимент, тестирование, анализ качественных и количественных результатов экспериментального обучения. В соответствии с условиями прохождения преддипломной практики объектом обучения выступил такой продуктивный вид письменной речи, как личное письмо.

Письмо — это текст, написанный на бумаге или набранный в электронном виде, отправляемый адресату для сообщения личной или официальной информации [6, с. 112].

Письмо — самый распространённый способ обмена информацией; оно объединяет огромную группу самых различных по содержанию документов, выделяемых по способу передачи текста (по почте) [7].

Написание личного письма на иностранном языке даёт ученикам возможность проверить уровень сформированности умения использовать письменную речь для решения коммуникативно ориентированных задач. Обучающиеся должны продемонстрировать способность написать текст заданного объёма.

Мотивом и стимулом для письменного высказывания является отрывок из письма друга по переписке, в котором сообщается о событиях в жизни друга и задаются вопросы [8].

Составитель личного письма должен не только продумать содержательную канву письма, но и оформить в соответствии с установленными нормами: обратиться к адресату; выразить приветствие, извинение за молчание, благодарность, к примеру, за поддержку; изложить суть письма; рассказать об актуальном в своей жизни и жизни общих знакомых; задать вопросы, относящиеся к открытой личной зоне и/или профессиональной (иной) деятельности адресата; высказать свои пожелания адресату; завершить письмо [9, с. 123].

Необходимо также отметить, что персональный сайт учителя как одна из эффективных интернет-технологий представляет собой целостную, концептуально обоснованную, структурно выстроенную систему веб-страниц и может быть использован на всех этапах обучения учащихся продуктивным видам письменной речи на иностранном языке. Целесообразным представляется также создание аналога персонального сайта учителя в виде текстовой оболочки, которая может быть применена в офлайн-режиме.

Созданный в рамках настоящего исследования при помощи онлайн-конструктора сайтов “Webnode” персональный сайт учителя “Brilliant Writing” состоит из восьми основных взаимосвязанных веб-страниц: “Home”, “Main Data”, “Training Exercises”, “Tricky Questions”, “Let’s Write!”, “Results”, “Literature”, “Teacher’s”.

Разработанный комплекс упражнений для обучения учащихся продуктивным видам письменной речи на иностранном языке с использованием персонального сайта учителя включает в себя три группы упражнений, выполняемых на следующих этапах: 1) ознакомление учащихся с правилами написания вида письменной речи, 2) тренировка учащихся в написании вида письменной речи, 3) применение усвоенных правил в написании собственного письменного текста соответствующего вида.

Остановимся подробнее на тренировочных упражнениях, подразделяющихся на три подгруппы:

1) упражнения на использование клише — *заполните пропуски в письме, используя варианты клише, предложенные в таблице; «оживите» письмо, используя изученные речевые клише; выберите, какие из нижеследующих клише могут быть использованы для завершения разных видов личных писем; выберите наиболее подходящую заключительную форму вежливости (из трёх предложенных) и др.*;

2) упражнения на усвоение логико-смысловой структуры текста — *определите основные структурные компоненты личного письма; найдите, какой структурный компонент является лишним в представленном письме; соотнесите абзацы личных писем с их разновидностями (письмо-ответ, письмо-благодарность, письмо-запрос информации); расположите части личного письма в логической последовательности и т. п.*;

3) упражнения на создание оригинального текста — *продумайте и напишите, каким могло быть начало данного письма; закончите письмо, исходя из предложенного содержания; основываясь на соответствующей информации представленного письма, создайте основную часть письма-ответа и письма-запроса, письма-благодарности и письма-извинения и др.*

Определение эффективности разработанного комплекса упражнений для обучения учащихся написанию личного письма на иностранном языке с использованием персонального сайта учителя осуществлялось посредством эксперимента. В качестве испытуемых выступили учащиеся 8-го «Б» (контрольная группа) и 8-го «В» (экспериментальная группа) классов государственного учреждения образования «Гимназии № 4 г. Барановичи» в количестве восьми человек каждая. Обучение написанию личного письма проходило в рамках темы «Обычаи и традиции Республики Беларусь» в течение десяти уроков.

На начальном этапе эксперимента был проведён предварительный тест, нацеленный на выявление уровня развития у учащихся умения написания личного письма на иностранном языке. При этом основными параметрами оценивания письменных высказываний учащихся выступили качественные и количественные критерии, выделенные в соответствии с нормами оценки результатов учебной деятельности учащихся по иностранному языку применительно к письменной речи [10, с. 43]. Результаты тестирования подтвердили наличие у испытуемых значительных затруднений в логически связном, последовательном выражении своих мыслей, в соблюдении структуры личного письма, в правильном оформлении своего адреса, в использовании вступительных (приветственных) слов и завершающих личное письмо конструкций, а также в адекватном и достаточном использовании речевых клише.

Т а б л и ц а 1 — Динамика уровня развития умения написания личного письма на иностранном языке

Группа	Критерии оценивания собственного письменного текста учащегося						Отметка за личное письмо
	качественные			количественные			
	Соответствие письменного высказывания коммуникативной задаче, %	Логичность, последовательность и связность, %	Соответствие выбранных клише коммуникативной задаче, %	Объём (количество слов, установленное программными требованиями)	Количество использованных клише	Количество нарушений лексико-грамматической и орфографической правильности	
Контрольная	+12,5	+25	+12,5	+3	+3	–1	+0,9
Экспериментальная	+25	+25	+37,5	+5	+5	–0,75	+2

Задачами экспериментального обучения выступили ознакомление и актуализация теоретических знаний учащихся о личном письме, правилах написания, а также выполнение серии тренировочных упражнений из разработанного комплекса при соблюдении отличий в применяемых средствах обучения для экспериментальной и контрольной групп (персональный сайт учителя и раздаточный материал соответственно).

По окончании экспериментального обучения учащимся был предложен итоговый тест, в рамках которого испытуемым следовало написать личное письмо по предложенной тематике на странице персонального сайта учителя “Let’s Write!” (экспериментальная группа) или в рабочей тетради (контрольная группа).

Сопоставительный анализ данных предварительного и итогового тестирования позволяет констатировать более высокую динамику уровня развития умений написания личного письма на иностранном языке в экспериментальной группе по таким качественным критериям, как соответствие письменного высказывания и выбранных клише коммуникативной задаче; по следующим количественным критериям: объём письменных высказываний и количество использованных клише, а также по отметкам за личное письмо (таблица 1). Количество ошибок снизилось больше в контрольной группе, однако итоговое их количество в экспериментальной группе оказалось более низким (в среднем — 0,25 ошибки) по сравнению с контрольной группой (в среднем — 1 ошибка).

В то же время, проанализировав итоговые личные письма восьми испытуемых экспериментальной группы, можно сделать вывод о том, что в результате применения разработанного комплекса упражнений ученики овладели необходимыми умениями и навыками письменной речи, продемонстрировали логически правильное оформление личных писем, выразительное изложение мыслей на английском языке, разнообразие в использовании речевых клише при написании собственных творческих работ.

Заключение. Эффективность обучения учащихся продуктивным видам письменной речи на иностранном языке обусловлена применением специально разработанного комплекса упражнений и персонального сайта учителя, позволяющего оптимизировать процесс разработки и выполнения упражнений на этапах ознакомления учащихся с правилами написания, тренировки учащихся в написании и применении усвоенных правил в подготовке собственного письменного текста соответствующего вида.

Список цитируемых источников

1. Апальков В. Г. Развитие навыков письменной речи. М. : Просвещение, 2001. 291 с.
2. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам : пособие для учителя. М. : АРКТИ, 2000. 327 с.
3. Апатова Н. В. Информационные технологии в школьном образовании. М. : РАО, 1994. 228 с.
4. Пассов Е. И. Урок иностранного языка в средней школе. 2-е изд., дораб. М. : Просвещение, 1988. 223 с.
5. Учебная программа для учреждений общего среднего образования с русским языком обучения «Иностранные языки: английский, немецкий, французский, испанский, китайский. III—XI классы». Минск : Нац. ин-т образования, 2012. 132 с.
6. Маншина Т. Б. Письмо, как средство обучения на начальном и среднем этапе изучения иностранного языка. М. : Просвещение, 2000. 279 с.
7. Там же. С. 113.
8. Там же. С. 116.
9. Мильруд Р. П. Методика преподавания английского языка : учеб. пособие. М. : Дрофа, 2005. 253 с.
10. Оценка результатов учебной деятельности учащихся по иностранному языку // Зап. мовы ў Рэсп. Беларусь. 2009. № 3. С. 36—46.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ СЕРВИСА ПОДКАСТОВ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ УЧАЩИХСЯ ВОСПРИЯТИЮ И ПОНИМАНИЮ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ НА СЛУХ

Введение. Одним из условий эффективной реализации обучающимися иноязычного общения выступает владение умениями восприятия и понимания речи на слух, или аудирования. «Аудирование является сложной рецептивной мыслительно-мнемической деятельностью, связанной с восприятием, пониманием и активной переработкой информации, содержащейся в устном речевом сообщении» [1, с. 161].

«Уровни понимания аудиотекста определяются коммуникативной задачей, типом аудиотекста и условиями его восприятия» [2]. В качестве аудиоматериала на разных ступенях обучения могут выступать, например, детские песни, сказки, рассказы, стихотворения, теле- и радиопередачи, которые обозначаются разными терминами.

Так, жанр текста — «это класс вербальных текстов, выделяемых на основе общности структуры, пределов вариативности и использования в однотипных коммуникативных контекстах. Конкретные признаки дифференциации жанров связаны с тремя семиотическими измерениями — семантикой, прагматикой и синтактикой — и относятся к отражению мира в тексте, к выполняемой текстом коммуникативной функции и к внутренней структуре текста» [3]. «Понятие “тип текста” может рассматриваться в качестве обозначения группы текстов (как письменных, так и устных), которые отличаются констелляцией определённых признаков. Со сходным либо синонимичным значением употребляются также понятия “класс текста”, “вид текста”, “форма текста” либо “модель (образец) текста»» [4, с. 132].

Поскольку в учебной программе по иностранным языкам используется термин «вид текста» [5], именно это понятие будет применено в рамках настоящего исследования.

Следует также отметить, что на современном этапе информационно-коммуникационные технологии занимают важное место в жизни общества: они являются средством общения большого количества людей. «По данным Всемирного центра интернет-статистики, около полутора миллиарда людей (каждый четвёртый житель планеты) принимают участие в образовательном, профессиональном и личном общении посредством информационно-коммуникационных технологий на повседневной основе» [6, с. 121—122].

Данные технологии получают широкое распространение в обучении иностранным языкам, так как одной из целей обучения является развитие у учащихся иноязычной коммуникативной компетенции. К числу самых популярных социальных сервисов, которые могут быть использованы в иноязычном образовании, относится подкаст.

«Подкаст (podcast) — вид социального сервиса, позволяющий создавать и распространять аудио- и видеопередачи во Всемирной сети» [7]. Подкасты удобны в использовании, так как аудио- и видеоматериалы могут быть прослушаны и просмотрены в любое время. Кроме того, существует возможность загрузки файлов на компьютер. Тема и длительность подкастов варьируются, предоставляя широкий выбор. Подкасты могут быть аутентичными (созданы для носителей языка) или учебными (созданы для обучения языку как иностранному).

В свете сказанного выше актуальным представляется выявление структуры интерфейса и определение соответствия видов текстов, представленных на различных веб-сайтах сервиса подкастов, программным требованиям, что выступило задачей первого этапа проводимого исследования.

Основная часть. Решение поставленной задачи осуществлялось посредством применения ряда методов исследования: критический анализ научно-методической литературы, анализ структуры и содержания веб-сайтов сервиса подкастов.

Для анализа были выбраны семь веб-сайтов: www.bbc.co.uk; learningenglish.voanews.com; www.splendid-speaking.com; www.listen-to-english.com; www.dailyesl.com; teacherluke.co.uk; www.privateenglishlessonlondon.co.uk.

Анализ структуры интерфейса данных сайтов показал следующее:

- 1) www.bbc.co.uk содержит вкладки “News”, “Sport”, “Weather”, “Shop”, “Earth”, “Travel”, “Capital”, “Culture”, “More”, “Search”;
- 2) learningenglish.voanews.com — вкладки “Home”, “Let’s Learn English”, “Level One”, “Level Two”, “Level Three”, “Video”, “Audio”, “U.S. Constitution”, “Search”;
- 3) www.splendid-speaking.com — вкладки “Home”, “About”, “Learn”, “Teach”, “Connect”, “Shop”, “FAQs”, “Contact”, “Login”;
- 4) www.listen-to-english.com — вкладки “Welcome”, “Podcasts”, “News”, “Teaching”, “Archive”, “Help”, “Subscribe”, “Comments”, “Search”;
- 5) www.dailyesl.com — вкладки “Free Essay Examples”, “Homework Writing Tips”, “About This Site”, “Contact”; названия самих подкастов расположены на главной странице;
- 6) teacherluke.co.uk — вкладки “Home”, “All Episodes”, “Awards”, “How to Download”, “A Phrasal Verb a Day”, “Transcripts”, “Stuff”, “Videos”, “Luke”, “Comedy Shows”, “Contact”, “Forum”, “Donate”, “Free Audiobook”, “Italki”;
- 7) www.privateenglishlessonlondon.co.uk — вкладки “About”, “All Podcasts”.

Т а б л и ц а 1 — Результаты анализа содержания веб-сайтов сервиса подкастов

Вид текста	Веб-сайт сервиса подкастов						
	bbc	learningenglish	splendid-speaking	listen-to-english	dailyesl	teacherluke	privateenglish lessonlondon
Рифмовка	—	—	—	—	—	—	—
Стихотворение	—	—	—	—	—	—	+
Сказка	—	—	—	—	—	—	—
Детская песня	—	—	—	—	—	—	—
Рассказ	+	+	—	—	+	+	—
Легенда	—	—	—	—	—	—	—
Объявление	—	+	—	—	—	—	—
Биография	—	—	—	—	—	—	—
Телефонный разговор	—	—	—	—	—	—	—
Интервью	+	—	+	—	—	+	—
Фрагмент радиопрограммы	+	+	—	—	—	—	—
Фрагмент видеофильма	+	+	—	+	—	+	+

Таким образом, интерфейс вышеупомянутых веб-сайтов достаточно удобен. Вкладки выделены в зависимости от темы, уровня, разновидности представляемого материала (аудио-, видео- и т. д.), в ряде случаев пользователям предоставлена система поиска и интерактивные возможности.

Следующим аспектом анализа являлось определение соответствия видов иноязычных подкастов, составляющих содержание вышеперечисленных вебсайтов, требованиям учебной программы для II ступени общего среднего образования. Необходимо пояснить, что учащиеся 5—9-х классов должны овладеть умением воспринимать и понимать на слух такие виды текста, как рифмовка, стихотворение, сказка, детская песня, рассказ, легенда, объявление, биография, телефонный разговор, интервью, фрагмент радиопрограммы, фрагмент видеофильма [8].

Представим результаты проведённого анализа (таблица 1).

Заключение. Проведённый анализ позволяет констатировать большее соответствие программным требованиям в области видов текстов для восприятия следующих веб-сайтов сервиса подкастов: *www.bbc.co.uk*, *learningenglish.voanews.com* и *teacherluke.co.uk*. В то же время выявлено отсутствие аудиотекстов таких видов, как рифмовка, сказка, детская песня, легенда, биография, телефонный разговор, что вызывает необходимость поиска дополнительных источников аудиоматериала.

Список цитируемых источников

1. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учеб. пособие для студентов учреждений высш. проф. образования. 7-е изд., стер. М. : Академия, 2013. 336 с.
2. Там же. С. 178.
3. Толковый переводоведческий словарь [Электронный ресурс]. URL: http://perevodovedcheskiy.academic.ru/374/жанр_текста (дата обращения: 22.12.2015).
4. Чаплина С. С. Понятие «Тип текста»: принципы дефинирования и проблемы классификации [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-tip-teksta-printsipy-definirovaniya-i-problemy-klassifikatsii> (дата обращения: 22.12.2015).
5. Учебная программа для учреждений общего среднего образования с русским языком обучения «Иностранные языки: английский, немецкий, французский, испанский, китайский. III—XI классы». Минск : Нац. ин-т образования, 2012. 132 с.
6. Сысоев П. В., Евстигнеев М. Н. Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникационных интернет-технологий : учеб.-метод. пособие для учителей, аспирантов и студентов. Ростов н/Д : Феникс ; М : Глосса-Пресс, 2010. 182 с. Сер. «Настольная книга преподавателя иностранных языков».
7. Там же. С. 126.
8. Учебная программа для учреждений общего среднего образования с русским языком обучения «Иностранные языки: английский, немецкий, французский, испанский, китайский. III—XI классы». С. 34—88.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК)

Введение. Изучая иностранный язык, учащиеся овладевают не только видами языковой и речевой деятельности, но и знакомятся с культурой страны, язык которой изучают, что, несомненно, развивает их мышление и помогает глубже понять своеобразие культуры своего народа, потому что пословицы и поговорки — не только языковые знаки, а произведения словесного искусства [1, с. 157]. Пословицы и поговорки представляют богатый аутентичный материал, который, с одной стороны, не нуждается в адаптации, а с другой — отвечает художественным требованиям.

Основным положением современной методики является максимальная адекватность условий, способствующих формированию коммуникативных навыков на иностранном языке. Обучение языку должно происходить в условиях реального или условно-речевого общения. Поэтому нельзя недооценивать методическую ценность использования английского фольклора (пословиц, поговорок, стихов и народных песен) как дидактического средства на старшем этапе обучения иностранному языку. Пословицы и поговорки обладают глубиной философской мысли и верностью выводов. В них заключён этический кодекс народа. При этом многие пословицы являются мотивированными и аргументированными призывами к самосовершенствованию. В частности, в пословицах и поговорках находят отражение народные представления об идеале совершенного человека, который меняется и развивается под влиянием исторических условий.

Разумеется, не все пословицы и поговорки имели педагогическое значение, но целью большинства было воспитание высоких нравственных качеств: любви к родному краю, честности, справедливости, скромности, трудолюбия и т. д. Например: *east or West home is best* (англ.) — в гостях хорошо, а дома лучше (рус.); *honesty is the best policy* (англ.) — лучше горькая правда, чем сладкая ложь (рус.); *little and often fills the purse* (англ.) — по капельке — море, по зёрнышку — ворох (рус.); *look before you leap* (англ.) — семь раз примерь, один отрежь (рус.); *better an egg today, than a hen tomorrow* (англ.) — лучше синица в руках, чем журавль в небе (рус.).

Использование пословиц и поговорок способствует не только овладению предметом (расширение знаний о языке, лексического запаса и особенности его функционирования), но и представляет собой дополнительный источник страноведческих знаний.

Вопросам языка, как одному из средств выражения содержания культуры, посвятили свои лингвокультурологические исследования известные философы, антропологи, филологи Ш. Балли, Е. Бенвенист, Ф. Боаса, Б. Булаховский, В. Виноградов, В. Витегнштейн, М. Гранс, В. Гумбольдт, О. В. Кунин, Б. Малиновский, М. Максимович, А. Мейе, И. Огиенко, А. Потенба, Е. Сепир, Л. Смит, Б. Уорф.

Основная часть. Цель обучения иностранному языку — «использовать иностранный язык как инструмент в диалоге культур и цивилизаций современного мира» — предполагает обращение к социокультурному компоненту иноязычной коммуникативной компетенции [2, с. 5]. Для формирования у школьников определённого минимума фоновых страноведческих знаний отбор материала из разных областей британской и американской культуры (детской литературы, фольклора, анимации, школьной жизни, окружающей среды и т. д.) необходимо осуществлять не только по критерию речевой посильности, но, прежде всего, с учётом социокультурных интересов учащихся старших классов.

Компонентом содержания социокультурной компетенции являются элементы английского фольклора в виде его малых форм: пословиц, поговорок, рифмовок, считалок, стишков, песен. Их методические возможности практически неисчерпаемы. Образность, чёткий ритм, мелодичность, присущие этим произведениям, образуют механизмы, которые цементируют речь и способствуют её непроизвольному запоминанию. Они стимулируют фантазию детей и поощряют их к творческой деятельности, в частности, к драматизации этих произведений, к импровизации ролей, т. е. к такому словесному творчеству, которое является, по данным исследований Л. С. Выготского, наиболее понятным и нужным детям [3].

Социолингвистические компетенции связаны с социокультурными условиями пользования языком. Из-за чувствительности к социальным конвенциям социолингвистический компонент пронизывает весь процесс общения между представителями разных культур, даже если его участники не осознают этого влияния. Общеευропейские компетенции владения иностранным языком в социокультурной компетенции включают выражения народной мудрости. Они определяются как устойчивые формулы, которые воплощают и одновременно усиливают общее значение, являются важной составляющей народной культуры (используются, на них часто ссылаются или их обыгрывают, например, в газетных заголовках). Знание этой аккумулированной народной мудрости, выраженной в речи как общеизвестной, является важным компонентом лингвистического аспекта социокультурной компетенции [4].

Они могут включать пословицы (*A stitch in time saves nine*), идиоматические обороты (*A sprat to catch a mackerel*), знакомые цитирования (*A man's a man for a' that*), верования, предсказания погоды (*Fine before seven, rain by eleven*), оценивания (*It's not cricket*).

Содержательную основу формирования иноязычной социокультурной компетенции учащихся, в том числе старших классов, должен составлять определённый минимум фоновых страноведческих знаний. Под фоновыми знаниями понимают знания, которые характерны для конкретной страны и по большей части не известны иностранцам, что усложняет процесс общения, поскольку взаимопонимание невозможно без тождественности в осведомлённости коммуникантов с действительностью, т. е. с тем, что их окружает [5, с. 4—10].

Кроме социокультурных фоновых языковых средств, содержание социокультурной компетенции составляют навыки и умения речевого и неречевого поведения в ситуациях, моделирующих диалог культур. Таковыми являются: 1) навыки и умения оперировать отобранным для старшей школы минимумом лингвострановедческого речевого материала (фоновой лексикой, национальными реалиями); 2) навыки и умения адекватного оперирования отобранным минимумом этикетно-узуальных единиц речи; 3) навыки и умения оперировать отобранным минимумом коммуникативно стереотипизированных и национально обусловленных оборотов, которые употребляют носители английского языка; 4) навыки и умения оперировать отобранными страноведческими знаниями, знаниями норм повседневного поведения, а также знаниями эстетического плана (малыми формами английского фольклора, доступными образцами художественной литературы, анимации); 5) навыки и умения творческого использования усвоенных социокультурных знаний при самостоятельном выполнении задач-проектов и проведение культурных мероприятий.

Таков смысл социокультурного аспекта обучения английскому языку старшеклассников.

Заключение. Устное народное творчество является не только совокупностью различных видов и форм художественного массового творчества, но и выполняет педагогические функции: воспитательную, эстетическую, развлекательную, развивающую, учебную. Фольклор является существенной частью национальной культуры каждого народа, а иногда единственным источником познания истории народа, его сознания, эстетических представлений народных масс определённой эпохи. Поэтому фольклор играет большую роль в развитии у школьников познавательного интереса к своей культуре, истории, языка, а также в привлечении их к сокровищам других культур. Фольклор, как источник и средство народной педагогики, прошёл многовековую проверку на эффективность, гуманизм в воспитании подрастающего поколения. В нём учтены главные педагогические принципы: доступность, учёт возрастных особенностей, движение в познании мира от простого к сложному, основные законы человеческой логики и восприятия. Его педагогический потенциал неисчерпаем.

Список цитируемых источников

1. Вжеш Я. Л. Використання прислів'їв та приказок у вивченні англійської мови як другої іноземної // Вісн. ЛНУ ім. Т. Шевченка. 2010. № 20 (207). Ч. 1. С. 157—167.
2. Державний стандарт базової і повної середньої освіти. Базовий навчальний план основної і старшої школи // Інозем. мови. 2003. № 1. С. 5.
3. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М. : Педагогика, 1991. 480 с.
4. Загальноєвропейські Рекомендації з мовної освіти: вивчення, викладання, оцінювання / наук. ред. С. Ю. Ніколаєва. Київ : Ленвіт, 2003. 273 с.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М. : Рус. яз., 1990. 246 с.

УДК 372.881.111.22

Д. В. Павлюк, А. И. Якушев

Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь», Минск

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Введение. В последние годы в науке и обществе много внимания уделяется такому понятию, как «гендер». История, философия, социология, лингвистика, культурология, этнография, педагогика и психология занимаются гендерными исследованиями. Педагогический опыт показывает, что в образовательном пространстве произошли довольно существенные изменения, отмечается отчётливая поляризация интеллектуальных способностей личности, исчезла так называемая «середина», на которую ранее ориентировались многие педагоги. Такое нестабильное состояние в образовательном пространстве вынуждает педагога искать новые подходы и методы к обучению, к новым взаимоотношениям между преподавателем и студентами.

Основная часть. Многие учёные отмечают, что современному педагогу необходимо переориентировать педагогические цели и задачи и адаптировать их к современным требованиям, исходя из гендерного подхода: переосмыслить педагогические методы и приёмы для того, чтобы развитие подрастающего поколения направить в контекст культуры, повысить уровень обучения. В настоящее время гендерная проблематика интересна всем — сегодняшним студентам, завтрашним родителям и воспитателям, независимо от профессионального образования и направленности, и всем нужны соответствующие знания.

Гендер — это социально-психологический пол человека, совокупность его психологических характеристик и особенностей социального поведения, проявляющихся в общении и взаимодействии. Базовым образованием

в гендере является психологический пол личности, т. е. достижение определённого уровня полового самосознания и половой идентификации, реальное овладение мужской или женской ролью. Предметом области гендерных исследований является также гендерная социализация, заключающаяся в формировании гендерной идентичности и освоении гендерных ролей, в том числе и то, как на этот процесс влияют гендерные стереотипы [1, с. 300]. В контексте гендера описывается также, какие психологические качества, присущие женскому и мужскому полу, и поведение считаются нормальными, сомнительными или отклоняющимися от нормы, как пол влияет на социальное положение, личный, социальный и правовой статус личности, социальные взаимоотношения. Последний аспект немаловажен при изучении иностранного языка в учреждении высшего образования, так как занятия проходят как в смешанных по полу группах, так и в однополых.

Гендерные отношения — это не только взаимоотношения между полами, но и внутри каждого пола. Студенты иначе ведут себя в однополых и смешанных по полу группах. Интерес представляет и общение в интимных группировках — дружеских, сексуальных, супружеских, между родителями и детьми разного пола. Что касается задач гендерного подхода в обучении студентов иностранному языку, то к теоретическим аспектам относятся разработка теорий и концепций, методов и методик преподавания иностранного языка, проведение исследований, к прикладным — внедрение результатов и достижений в практику обучения иностранному языку в учреждении высшего образования. Для выявления гендерных особенностей изучающих иностранный язык используются различные психологические методы: наблюдение, эксперимент, анкетирование, интервьюирование, тесты, моделирование и др. Они направлены на изучение наиболее известных наборов личностных характеристик: экстраверсия, открытость к познанию, заботливость, добросовестность. Они имеют тестовые нормы для юношей и девушек [2, с. 287].

Исследования гендерных различий значимы для педагогической практики, в частности, в практике обучения иностранному языку. Научные знания о гендерных характеристиках, динамике формирования психологического пола, основных особенностях проявлений гендера в общении, поведении и учебной деятельности способствуют реализации принципа учёта индивидуальных и возрастных особенностей студентов в обучении иностранному языку, осуществлению дифференцированного подхода в образовательном процессе. Гендерный подход в обучении иностранному языку способствует решению задач, стоящих перед преподавателем во время занятий, расширяя самосознание, возможности рефлексии своих гендерных особенностей и себя как субъекта в педагогической деятельности. Во время занятий усваиваются, прежде всего, коллективные, общезначимые нормы, они становятся частью личности и подсознательно направляют её поведение. Гендерные стереотипы — сформировавшиеся в культуре обобщённые представления о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины. Присвоение и принятие маскулинных и фемининных черт происходит под влиянием культуры, типа государства, исторического времени общества, в котором растёт человек. В нашей культуре за мужчиной закреплена активность, ориентация на достижения, доминантность и агрессивность, уравновешенность и сдержанность, в первую очередь, он оценивается по социальным достижениям, тогда как женщина по распространённым представлениям, должна быть мягкой, пассивной, зависимой.

Формирование психологии гендера осуществляется по-разному у мужчин и женщин, в обоих случаях значительна роль отца и матери, и обусловлено это формированием различием в гендерных ролях. Существует мнение о том, что мать в семье создаёт эмоциональный климат, от которого в большой степени зависит формирование душевного благополучия ребёнка, а отец играет роль в нормировании мира ребёнка, в образовании системы ценностей, основных этических оценок, а также картины самого себя, что непосредственно влияет на формирование личности. Отец, как у мальчиков, так и у девочек, способствует адекватному самоотношению, что позволяет им лучше справляться с познавательными задачами и задачами межличностного общения, чем это происходит у детей, воспитывающихся без отца или при его неадекватном влиянии. Дети усваивают социальные нормы поведения и ценности в процессе подражания родителям и отождествления себя с ними. Эти процессы особенно важны, так как они не осознаются детьми и не контролируются родителями. Ребёнок перенимает особенности полоролевого поведения родителя.

Таким образом, семья — первая и основная среда, в которой человек получает сведения о своём поле и о взаимоотношениях полов. Родители отождествляют себя с ребёнком своего пола и хотят быть моделью для него. При этом отношение отцов к дочерям — это всегда немного отношение как к маленьким женщинам, а матерей к сыновьям — как к маленьким мужчинам. Так, в полных семьях ребёнок уже на очень раннем этапе развития получает сведения о собственном поле. В спокойных, уравновешенных семьях, где позиция любого члена семьи не становилась диктатом для других, ребёнок легко и естественно воспринимает свой пол и половое поведение.

Если обучение иностранному языку проходит на основе гендерного подхода, то во время изучения, например темы «Моя семья» предполагается использование информации о составе семьи обучающихся, взаимоотношениях в семье и обязанностях, выполняемых каждым членом семьи. Для этого преподавателю целесообразно провести беседы со студентами. Данная информация позволит дифференцировать различного рода задания на занятиях и домашние задания (составление диалогов, создание генеалогического древа с устными или письменными комментариями, написание эссе и создание монологического высказывания). Правильное распределение гендерных ролей во время занятий будет способствовать не только эффективному усвоению лексического материала, формированию познавательного интереса к иностранному языку, но и гендерной социализации обучающихся. Во время занятий по иностранному языку целесообразно использовать ролевые игры с распределением гендерных ролей. С помощью таких игр студент овладевает необходимой для общения на иностранном языке лексикой, нормами и правилами жизни в обществе, развиваются его интеллект и эмоции, воображение и речь. Проигрывая сюжеты из жизни, моделируя взаимоотношения «врача» и «больного», «шофёра» и «пассажиров», «матери» и «дочери» на иностранном языке, студенты обретают опыт гендерной социализации.

Заключение. Гендерная социализация происходит в течение всей жизни человека. По мере взросления растёт самостоятельность выбора ценностей и ориентиров. Социализация конструирует гендер личности и сообщества, к которому данная личность принадлежит. Модернизация высшего образования, переход к личностно ориентированной модели взаимодействия направляют педагогов на образовательные потребности личности студентов. Поскольку личность является категорией половой принадлежности, то настоящие приоритеты в образовании открывают перспективы возрождения и развития на современном уровне дифференцированного подхода к организации обучения и воспитания учащихся разного пола.

Список цитируемых источников

1. Введение в гендерные педагогические исследования : монография / Л. И. Столярчук [и др.] ; под общ. ред. Л. И. Столярчука. Волгоград : Царицын. полиграф. компания, 2009. 356 с.
2. Гендерное образование : учеб. пособие / Л. И. Столярчук [и др.] ; под общ. ред. Л. И. Столярчука. Краснодар : Просвещение-ЮГ, 2011. 387 с.

УДК 371:811.112.2

В. В. Пузик

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО НАВЫКА ШКОЛЬНИКОВ ПОСРЕДСТВОМ ОБУЧАЮЩИХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ

Введение. Одним из приоритетных направлений процесса информатизации современного общества является информатизация образования — внедрение средств новых информационных технологий в систему образования. Поэтому использование информационных и коммуникативных технологий в учебном процессе является актуальной проблемой современного школьного образования. Компьютерные технологии в системе образования имеют многоцелевое назначение. Они создают предпосылки, способствующие индивидуализации и интенсификации учебного процесса и возникновению методик, ориентированных на развитие личности обучаемого.

Целью данной работы является выявление наиболее эффективной обучающей компьютерной программы на этапе формирования речевых грамматических навыков (на примере I ступени среднего образования). Цель реализуется путём решения следующих задач: разработать обучающие компьютерные программы; провести эксперимент с целью выявления наиболее эффективной обучающей компьютерной программы на этапе формирования речевых грамматических навыков (на примере I ступени общего среднего образования). Ключевыми понятиями являются «речевой грамматический навык» и «компьютерная программа». Речевой грамматический навык — автоматизированное действие по выбору грамматического явления, адекватного речевой задаче в данной ситуации и правильному оформлению речевого высказывания [1, с. 36]. Компьютерная программа — последовательность инструкций, предназначенных для исполнения устройством управления вычислительной машины [2, с. 39].

Основная часть. С целью выявления наиболее эффективной обучающей компьютерной программы на этапе формирования речевых грамматических навыков (на примере I ступени среднего образования) автором были разработаны две обучающие компьютерные программы, созданные по теме «Предлоги дательного и винительного падежа» и предназначенные для учащихся 4-го класса, изучающих немецкий язык как иностранный. Для создания обучающего компьютерного средства в первом случае использовалась программа “easyQuizzy”, во втором случае — программа “Excel”.

Обе программы состоят из следующих структурных компонентов: заставка, правила работы с программой, обучающий блок, блок контроля, блок оценки результатов. Обучающий блок включает информационную часть (иллюстрирование значения предлогов в рисунках и краткие пояснения к ним), систему заданий и упражнений по грамматической теме «Предлоги дательного и винительного падежа». Блок контроля содержит несколько вариантов тестовых заданий: закрытого типа (20 предложений с пропусками по теме «Предлоги дательного и винительного падежа»), на выполнение которых отводится 10 минут; открытого типа, содержание которых не дублирует, а дополняет тест закрытого типа. Каждый пункт теста закрытого типа имеет три варианта ответа, один из которых — правильный, а два — заведомо неверные. Учащимся предлагается вопрос и варианты ответов. При выборе правильного ответа вопрос засчитывается и включается в общую оценку.

Результаты теста оцениваются по 10-балльной системе. Обучающее компьютерное средство содержит средства учёта количества ошибок, регистрации времени выполнения предлагаемых заданий и возможность осуществления итоговой оценки. Отличие данных средств состоит в том, в программе “easyQuizzy” после прохождения теста кроме итоговой статистики с оценкой по желанию пользователя программы (исполнителя теста) может быть показан отчёт по заданным вопросам с ответами пользователя и правильными ответами. В программе

“easyQuizzy” отчёт может быть распечатан с предварительным просмотром непосредственно из программы тестирования или сохранён в файл.

Так как цель нашего исследования заключалась в том, чтобы выявить наиболее эффективную компьютерную программу на этапе формирования речевых грамматических навыков (на примере I ступени общего среднего образования), то в качестве ключевого метода исследования был выбран эксперимент. В качестве сопутствующего метода нами был определён метод наблюдения. Участниками эксперимента выступили учащиеся 4-х классов государственного учреждения образования «Средняя школа № 14 г. Барановичи», изучающих немецкий язык как иностранный. Общее количество участников эксперимента составило 30 человек.

Эксперимент проходил в три этапа: формирующий, контрольный и интерпретирующий. В начале формирующего этапа нами были определены три группы участников эксперимента: контрольную группу составили 10 человек, экспериментальную группу — 20 человек. В ходе формирующего этапа эксперимента нами проводился урок немецкого языка по теме «Предлоги дательного и винительного падежа» в первой экспериментальной группе с применением обучающей компьютерной программы “Excel”, во второй экспериментальной группе — с применением обучающей компьютерной программы “easyQuizzy”. В контрольной группе обучение по той же грамматической теме осуществлялось без применения обучающих компьютерных программ, а преимущественно с применением таких средств обучения, как учебник и рабочая тетрадь по немецкому языку для 4-го класса. При этом преобладающей формой обучения была групповая. В ходе проведения урока учитель осуществлял наблюдение за реакцией учащихся на все виды деятельности учащихся на каждом этапе урока в ходе работы над грамматическим материалом и фиксировал результаты в дневнике наблюдений.

При проведении урока с использованием компьютерной программы “Excel” в первой экспериментальной группе и с использованием компьютерной программы “easyQuizzy” во второй экспериментальной группе учащиеся первоначально ознакомились с содержанием обучающего блока данной программы, затем учащимся было предложено прохождение теста закрытого типа по теме «Предлоги дательного и винительного падежа». При этом учащиеся работали самостоятельно.

На контрольном этапе эксперимента (на следующем уроке немецкого языка) трём группам участников была предложена для выполнения проверочная работа, позволяющая проверить степень сформированности речевого (письменного) грамматического навыка по теме «Предлоги дательного и винительного падежа».

При сравнении результатов в контрольной и экспериментальной группах было выявлено, что уровень сформированности речевых грамматических навыков у представителей трёх групп различен. Результаты в первой экспериментальной группе выглядят следующим образом: 4 учащихся (40%) показали высокий уровень сформированности речевого грамматического навыка, 4 учащихся (40%) — средний уровень и 2 учащихся (20%) — низкий уровень. Во второй экспериментальной группе результаты выглядят следующим образом: 6 учащихся (60%) показали высокий уровень сформированности речевого грамматического навыка, 3 учащихся (30%) — средний уровень, 1 учащийся (10%) — низкий уровень. Результаты контрольной группы следующие: высокий уровень сформированности речевого грамматического навыка показали 2 ученика (20%), средний уровень — 4 учащихся (40%) от общего количества, и низкий уровень — 4 учащихся (40%).

На основании полученных результатов была проведена интерпретация данных количественных показателей, а также результатов наблюдения в ходе формирующего этапа эксперимента в контрольной и экспериментальных группах. В ходе интерпретирующего этапа эксперимента очевидным стало то, что в контрольной группе учащихся с высоким уровнем сформированности речевого грамматического навыка меньше на 20% по сравнению с первой экспериментальной группой, однако во второй экспериментальной группе учащихся с высоким уровнем сформированности грамматического навыка на 20% больше, чем в первой экспериментальной группе и соответственно на 40% больше, чем в контрольной группе.

Заключение. Использование обучающего компьютерного средства на основе программы “easyQuizzy” более эффективно, чем использование обучающегося компьютерного средства на основе программы “Excel”. Обучающее компьютерное средство на основе программы “easyQuizzy” оказывает положительное влияние на качество усвоения учебного грамматического материала. Формирование речевых грамматических навыков проходит более эффективно тогда, когда при проведении уроков используются компьютерные программы. Обучение иностранному языку с использованием компьютера отличается рядом преимуществ: 1) высокая мотивация учебной деятельности; 2) развитие компьютерной и языковой культуры; 3) индивидуализация обучения; 4) объективность оценки сформированных знаний учащихся и отметки; 5) высокие качественные показатели деятельности.

Список цитируемых источников

1. Практический курс методики преподавания иностранных языков: английский, немецкий, французский : учеб. пособие / П. К. Бабинская [и др]. Минск : ТетраСистемс, 2003. 288 с.
2. Зубов А. В. Методика применения информационных технологий в обучении иностранным языкам. М., 2009. 144 с.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В УЧРЕЖДЕНИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Введение. Существенное расширение культурного, экономического и научно-технического обмена между странами, а также вступление Республики Беларусь в единое образовательное пространство в рамках Болонского процесса требуют пересмотра подхода к обучению иностранным языкам. Ориентиром преобразования является формирование поликультурной многоязычной личности, обладающей широкой иноязычной и индивидуальной культурой, способной самостоятельно находить и принимать решения, обновлять свои знания, расширять кругозор, осуществлять межкультурную коммуникацию.

В связи с этим вполне закономерным представляется использование такого подхода к обучению иностранным языкам, который обеспечивает формирование целостной картины мира у обучаемых, выявление личностных смыслов в изучаемом материале, интеграцию личности в систему мировой и национальной культур и предполагает взаимопонимание и сотрудничество между различными культурными сообществами. Достижение этой цели обуславливает необходимость внедрения прогрессивных технологий и гибких организационных форм, изменения принципов содержания образования и воспитания, нахождения эффективных способов индивидуального подхода к обучающимся.

Основная часть. Проблемами межкультурного образования в настоящее время занимаются многие отечественные и зарубежные учёные: М. Вугат, Г. В. Елизарова, К. Knapp, С. Kramsch, В. В. Сафонова, L. Song П. В. Сысоев, С. Г. Тер-Минасова и др. Принципам межкультурного образования уделяется существенное внимание в нормативных документах ООН и ЮНЕСКО, что свидетельствует о крайней заинтересованности мирового сообщества в формировании взаимопонимания и взаимоуважения между субъектами международного общения.

В основу межкультурного образования в международном контексте заложены три главных принципа: 1) уважать культурную идентичность индивидуума посредством предоставления качественного образования; 2) обеспечить каждого обучаемого культурно обусловленными знаниями, навыками, умениями и соответствующим отношением, необходимым для активного и полноценного участия в жизни общества; 3) сформировать навыки, умения и отношение, которые способствуют уважению, взаимопониманию и солидарности индивидуумов, этнических, социальных, культурных и религиозных сообществ, а также разных национальностей [1, с. 33].

Феномен межкультурной компетенции, её структура и способы оценки активно разрабатываются М. Байрамом, профессором университета Дюрама, Англия. Фундаментально важным аспектом межкультурной компетенции М. Байрам считает способность быть посредником (медиатором), интерпретировать одну культуру в терминах другой. Придавая особую значимость межкультурному компоненту иноязычной коммуникативной компетенции, на лекции в университете Киото М. Байрам подчеркнул, что преподавание и изучение языка является изучением языка и культуры [2].

Целью межкультурного образования является развитие и поддержание такого способа сосуществования в поликультурных обществах, который способствует формированию межкультурной компетенции обучающихся и содействует продуктивному диалогу между представителями различных культур. В связи с этим понятие «межкультурное образование» может быть определено как процесс и результат формирования межкультурной грамотности индивида. Грамотность же предполагает, что для эффективного межкультурного общения человек должен обладать межкультурной компетенцией, продвинутым уровнем иностранного языка, иметь сформированную способность позитивного взаимодействия с представителями других культур и осознавать собственное культурное самоопределение в рамках родного и иностранного языков [3, с. 295].

В основе межкультурного подхода к обучению иностранным языкам в учреждении высшего образования лежит идея о необходимости подготовки выпускников к эффективной реализации межкультурной коммуникации: формирование и развитие иноязычной межкультурной компетенции, которая позволит осуществить современные профессиональные коммуникативные интенции, связанные с взаимодействием с представителем иной культуры, страны, иного социума.

В конце прошлого столетия в методическом обиходе было принято понятие «межкультурная компетенция», которое явилось показателем способности и готовности коммуниканта продуктивно участвовать в межкультурной коммуникации. Г. В. Елизарова отмечает, что «межкультурная компетенция — это ...основанная на знаниях и умениях способность осуществлять межкультурное общение посредством создания общего для коммуникантов значения происходящего и достигать в итоге позитивного для обеих сторон результата общения» [4, с. 236]. Данная способность позволяет личности «выйти за пределы собственной культуры» и приобрести новые качества — стать медиатором культур, не утрачивая при этом собственной культурной идентичности.

Межкультурная компетенция представляет собой сложное образование, включающее следующие компоненты: особенности мышления, отношения, знания и умения. Согласно мнению А. Кнапп-Поттхоффа, межкультурная компетенция имеет следующие структурные компоненты: 1) аффективный, 2) когнитивный, 3) стратегический.

Основными составляющими аффективного компонента являются эмпатия и толерантность. В основе когнитивного компонента лежат синтез знаний о родной культуре и культуре страны изучаемого языка, общие знания о культуре и коммуникации. В свою очередь, стратегический компонент включает в себя вербальные, учебные и исследовательские стратегии студентов [5]. Чтобы достичь межкультурной компетентности, обучающиеся должны приобрести и развить умения в каждой из данных областей.

Для развития межкультурной сенситивности, создания атмосферы межкультурного взаимодействия и организации межкультурного обучения необходимо соблюдение довольно значимых для всего процесса обучения иностранному языку принципов: 1) познание и учёт ценностных культурных универсалий (подразумевает изучение культур с точки зрения их внутреннего устройства с последующей их релятивизацией); 2) культурно-связанное соизучение иностранного и родного языков (заключается в объяснении и демонстрации неразрывной связи каждого конкретного языка и соответствующей культуры); 3) этнографический подход к определению компонентов значений явлений как лингвистического, так и нелингвистического характера (концентрируется на процессах и методах анализа социальных явлений и опытного установления значений слов, поступков, событий, что обеспечивает обучающихся важными инструментами познания и понимания собственной и других культур); 4) осознанность и «переживаемость» (базируется на психологической природе эмоций, т. е. включение эмоций, связанных с переживаниями, в процесс обучения позволяет сформировать такое отношение к объекту, которое только укрепляет знания и умения, связанные с этим объектом); 5) управление собственными психологическими состояниями (для продуктивного осуществления межкультурной коммуникации медиатор культур должен быть способен управлять своими эмоциями); 6) эмпатическое отношение к участникам межкультурного общения (базируется на признании культурных различий между странами и строящихся на основе этого позитивных отношений) [6].

Заключение. Межкультурный подход является актуальным и приемлемым для обучения иностранным языкам студентов высшего учебного заведения, и это, соответственно, влечёт за собой переосмысление всего содержания обучения, а также заданий, которые учитывают не только особенности комплексного явления культуры, но и закономерности межкультурного общения. Данные принципы существенным образом способствуют формированию не только межкультурной компетенции обучающихся, но и содействуют развитию межкультурной грамотности индивида, позволяют обучающемуся стать медиатором культур, не утрачивая при этом собственной культурной идентичности, а также обеспечивают продуктивный диалог между представителями различных культур.

Список цитируемых источников

1. UNESCO Guidelines on Intercultural Education [Electronic resource]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001478/147878e.pdf> (дата обращения: 15.01.2016).
2. Byram M., Stevens D., Nichols A. Developing Intercultural Competence in Practice. Melbourne : Monash University, 2001. 5 p.
3. Song L. Teaching English as Intercultural Education: Challenges of Intercultural Education // Building Bridges with Languages and Cultures : 14th NATE and 7th FEELTA International Conference on Language Teaching. Vladivostok, 2008. P. 294—303.
4. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб. : КАРО, 2005. 236 с.
5. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учеб. пособие для студентов лингвист. ун-тов и фак. иностран. яз. высш. пед. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М. : Академия, 2007. 336 с.
6. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. С. 237—238.

УДК 372.881.111.1

А. О. Халецкая

Государственное учреждение образования «Гимназия № 5 г. Барановичи», Барановичи

ИГРА КАК МЕТОД ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ УЧАЩИХСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА ПЕРВОЙ СТУПЕНИ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Введение. В современном мире с его безграничными коммуникативными возможностями трудно представить себе образованного и успешного человека без знаний иностранного языка. Ярko выраженная потребность современного общества в качественном языковом образовании находит поддержку на государственном уровне. Признанием государством объективно существующего общественного интереса к изучению иностранного языка является тот факт, что в 11-летней школе иностранный язык как обязательный учебный предмет изучается с 3-го класса, а в качестве факультативного курса — с 1-го класса. Государственная и общественная ценность начального языкового образования должна подкрепляться его личностно ориентированной ценностью. Последняя выражается в том, насколько ученики осознают важность любого неродного языка и есть ли у них потребность в его изучении и практическом использовании.

Основная часть. Начальная школа является благоприятным этапом приобщения детей к иностранному языку, потому как дети ещё не испытывают психологических барьеров в использовании его как средства общения. Несмотря на это, учитель, преподающий иностранный язык в начальной школе, повседневно сталкивается с рядом трудностей, которые характеризуют следующие противоречия между: 1) объективной необходимостью обучения младших школьников иностранному языку и несформированностью позитивной мотивации к изучению нового предмета, 2) высоким темпом изучения программного материала и низким уровнем сформированности учебной деятельности, 3) необходимостью реализации коммуникативного принципа обучения иностранному языку и низким уровнем развития речи на родном языке.

Проблема мотивации в учении возникает по каждому школьному предмету. Особо остро она проявляется при изучении иностранных языков в средней школе. Исследователи вопроса мотивации приводят данные о снижении её от класса к классу. При этом примечательно, что до момента изучения иностранного языка и в самом начале у учащихся, как правило, высокая мотивация. Им хочется изъясняться на иностранном языке со сверстниками; заманчивой представляется возможность декламировать стихотворения и петь песни на иностранном языке; читая, узнавать о других странах. Многие ребята усматривают в изучении иностранного языка что-то «приключенческое», проникновение в новый, незнакомый мир; привлекательной кажется возможность перевоплощаться: «Я — говорящий на родном языке», «Я — говорящий на иностранном языке». Но вот начинается процесс овладения иностранным языком, и отношение учащихся меняется, многие разочаровываются. Ведь этот процесс предполагает период накопления «строительного материала», стадию неизбежного примитивного содержания, преодоление разнообразных трудностей, что «отодвигает» достижение целей, о которых мечталось. В результате уменьшается мотивация, исчезает встречная активность, ослабевает воля, направленная на овладение иностранным языком, снижается, в целом, успеваемость. Это связано, прежде всего, с тем, что у детей этого возраста нет осознанной внутренней потребности к изучению иностранного языка. Поэтому именно на этом этапе особенно важно формировать у детей положительную мотивацию и интерес к иноязычному общению, а также готовность изучать его в дальнейшем.

Расценивая мотивацию как важнейшую составляющую в овладении иностранным языком, обеспечивающую его результативность, нужно иметь в виду следующее: мотивация — сторона субъективного мира ученика, она определяется его собственными побуждениями и пристрастиями. Учитель может лишь опосредованно повлиять на неё, создавая предпосылки и формируя основания, на базе которых у учащихся возникает личная заинтересованность к деятельности [1, с. 5].

Пробудить у ребёнка интерес к изучению иностранного языка, сделать процесс посильным и радостным — задача непростая. Учителю недостаточно хорошо знать свой предмет, необходимо также владеть педагогическим мастерством, чтобы сделать процесс познания увлекательным. Именно поэтому сегодня особую актуальность приобретает задача поиска таких методов и приёмов обучения иностранному языку, которые помогли бы не только усовершенствовать организацию процесса обучения в целом, но и повысить эффективность каждого занятия в частности. Одним из таких методов является игра, поскольку именно она реализует основные дидактические принципы, в соответствии с которыми должно строиться обучение второму языку (положительная мотивация учения стимулирует и развивает творчество, формирует положительные эмоции, способствует реализации тесной связи познавательной деятельности и различных типов практической деятельности обучаемых) [2, с. 25].

Успешность любой деятельности, в том числе и учебной, в значительной мере определяется тем, как ребёнок относится к данной деятельности, какие эмоции вызывает она. Для создания у детей радостного эмоционального состояния и положительной познавательной мотивации необходимо использовать в работе элементы развлекательного характера. Именно *игра* вносит разнообразие в процесс обучения, формирует у ребёнка когнитивный диссонанс, пробуждает интерес к овладению новыми знаниями. Феномен игры заключается в том, что, являясь развлечением, отдыхом, она способна перерасти в обучение, творчество, модель человеческих отношений и проявлений в труде. Педагог А. С. Макаренко писал: «Игра имеет важное значение в жизни ребёнка. ...Каков ребёнок в игре, таким во многом он будет в работе, когда вырастет. Поэтому воспитание будущего деятеля происходит, прежде всего, в игре...» [3, с. 5]. Далеко не у всех учеников хорошо «получается» учебная деятельность, но хорошо играть могут практически все дети. В игре нет принуждения и обязанности участия, нет отметок, которые пугают многих маленьких учеников, поэтому игра может служить прекрасным многофункциональным развивающим средством [4, с. 34].

Игровая деятельность на уроке английского языка занимает особое место в активном обучении. Игровые упражнения не только «оживляют» занятия по иностранному языку, но и способствуют овладению языком в занимательной форме, воспитывают внимание, память, быстроту реакции, эстетические чувства, доставляя при этом ученикам и учителям большое удовольствие. Канадский преподаватель Дж. Стайнбер пишет: «...играть можно в любое время, если это пойдёт на пользу вашим ученикам. Игры делают процесс обучения, порой трудный и утомительный, весёлым, а это усиливает мотивацию к учению» [5]. Игровые приемы и методы универсальны, их можно применять на разных этапах урока, приспосабливать к разным целям и задачам.

Рассмотрим некоторые примеры использования данных приёмов. На этапе введения новой лексики по теме «Еда» учитель включает игровые персонажи (Карлсон, Незнайка и др.) в учебно-игровое общение, как условие создания положительной познавательной мотивации.

Карлсон пришёл на урок, чтобы рассказать детям, что он больше всего любит и что есть в его холодильнике.

У ч и т е л ь. Карлсон очень любит свои продукты и хочет, чтобы вы называли их вместе с ним.

На этапе активизации новой лексики можно использовать игру “What’s missing?” («Что пропало?»).

У ч и т е л ь. Пока мы с вами называли продукты, Карлсон кое-что съел. Что пропало? Учитель предлагает учащимся закрыть глаза.

У ч и т е л ь. Good bye, one eye. Good bye, two eyes. Close your eyes!

После того, как учитель убирает одну или несколько картинок, детям предлагается назвать то, что исчезло.

Игра «Повар». У ч и т е л ь. Карлсон всё съел, но не наелся, давайте приготовим ему что-нибудь.

На столе разложены картинки с изображением различных продуктов. (Например, *cabbage, carrots, potatoes, meat, butter, chocolate, milk, jam*). Учитель выбирает двух поворов, один из которых будет, например, варить суп, а другой — печь торт.

У ч а щ и й с я 1. I cook the soup. I take water, potatoes, tomatoes, meat... .

У ч а щ и й с я 2. I cook the cake. I take milk, eggs, chocolate... .

Для развития навыков устной речи можно использовать игру «Кто скажет больше?».

У ч а щ и й с я 1. I like jam.

У ч а щ и й с я 2. I like fish and I don't like milk.

У ч а щ и й с я 3. I like oranges and my mum likes oranges too. Do you like oranges?

Для развития внимания можно поиграть в игру «Что забыл купить Петя?».

У ч и т е л ь. Peter had to buy bread, butter, milk, sausages and fruits. He bought bread, butter and milk. What didn't he buy?

Учащиеся должны назвать те продукты, которые купил Петя.

Однако не стоит забывать, что если игры носят только развлекательный характер, то их дидактический потенциал минимален. Такие функции у игры есть, но они не ведущие. «Важно осознать, — пишет М. Н. Скаткин, — решению, каких дидактических задач должна способствовать данная игра, на развитие каких психических функций она рассчитана.

Игра — это лишь оболочка, форма, содержанием и назначением её должно быть учение, в нашем случае — овладение видами речевой деятельности как средствами общения на иностранном языке и как следствие — мотивация к его обучению» [6, с. 204—207].

Заключение. Применение игровой методики позволяет не только превратить занятие по английскому языку в увлекательный, творческий процесс, но и развивать мыслительную и речевую деятельность учащихся младшего школьного возраста. Игра позволяет сконцентрировать внимание на специфических структурах, грамматических явлениях, словарных единицах. Она способствует быстрому и прочному запоминанию изученного материала, развивает коммуникативные навыки, положительно сказывается на повышении интереса учащихся к изучению иностранного языка и, как следствие, — повышении мотивации учебной деятельности.

Список цитируемых источников

1. Рогова Г. В., Рабинович Ф. М., Сахарова Т. Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М. : Просвещение, 1991. 287 с.
2. Богова М. Г. Игры, в которые мы играем // Иностр. яз. в шк. 2010. № 3. С. 25.
3. Никитин Б. П. Развивающие игры. М. : Педагогика, 1985. 120 с.
4. Максимук Н. Н. Учёба и игра? Да! // Пачатк. шк. № 7. 2010. С. 52—54.
5. Там же.
6. Пассов Е. И. Урок иностранного языка в средней школе. 2-е изд., дораб. М. : Просвещение. 1988. 223 с.

УДК 372

Е. Н. Хомич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕАТРАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Введение. Обучение иностранным языкам должно быть направлено на обогащение духовного мира школьников и эмоционально-чувственной сферы личности, развитие воображения, воспитание культуры мышления, чувств, поведения, развитие гуманистических ценностных ориентаций, формирование психологической готовности к межкультурной коммуникации. Зачастую школьники, поглощённые коммуникацией в социальных сетях, компьютерными играми и разнообразными приложениями к мобильным телефонам, испытывают трудности в реальном общении. Возникает вопрос, как можно создавать предпосылки для социализации, всестороннего развития, воспитания и образования личности посредством иностранного языка на уроке, который длится 45 мин. В поисках ответа на данный вопрос осваиваются нетрадиционные формы обучения, поскольку традиционные не позволяют школе в полной мере решать эти задачи по причине их отрыва от сегодняшней действительности.

Основная часть. Театр является прекрасным и эффективным средством изучения иностранного языка, когда овладение происходит не только путём заучивания и запоминания, а связано с эмоциональными переживаниями школьников. Игра на сцене предполагает интенсивную, даже можно сказать физическую работу с иноязычным текстом, включает эмоциональные процессы, улучшает фонетическую сторону речи, способствует социальному

взаимодействию, повышает самооценку. Использование театра в обучении иностранному языку позволяет улучшить устно-речевые компетенции школьников. Основная цель использования театра на уроке — речевые навыки, начиная от инсценировки небольших диалогов и до ролей с большим количеством слов, импровизации.

В соединении театральных технологий и обучения иностранным языкам пересекаются две области, которые имеют как сходства, так и различия в целях. Цель театра — социальное, психологическое и творческое взаимодействие. Театр ориентирован на процесс, в то время как обучение иностранному языку ориентировано на результат. Использование театральных технологий способствует развитию активной жизненной позиции. Школьники учатся принимать решения, брать на себя ответственность, они меньше боятся критики как со стороны учителя, так и со стороны сверстников. Тот факт, что результаты театральной деятельности могут быть представлены не только в классе, но и в масштабе школы и перед родителями, помогает школьникам осознавать общественную ценность их работы.

Театральные технологии — это совокупность театральных приёмов, применяемых в образовательной сфере деятельности для выполнения и управления этой деятельностью в соответствии с планируемыми результатами, это формы, методы, способы, приёмы в процессе обучения иностранному языку [1, с. 14].

Разработкой проблемы использования театральных технологий в учебном процессе занимаются многие исследователи (В. М. Букатов, О. С. Булатова, С. В. Гиппиус, П. М. Ершов, А. П. Ершова, М. О. Кнебель, З. Я. Корогородский).

Использование театральных технологий способствует повышению мотивации, самостоятельности, креативности, овладению алгоритмом подготовки и представления продукта (инсценировки, диалога, мини-спектакля), служит сплочению группы или класса, формированию корпоративной культуры и духа. Важную роль играют сопровождающие действия: в процессе подготовки школьники рисуют декорации, клеят, мастерят, шьют костюмы.

В то же время снижается бремя всесторонней ответственности отдельного ученика: каждый участник имеет чёткое распределение обязанностей, снижается стрессовое состояние и тревожность.

Театральные технологии основаны на творческой активности личности.

Творческая активность — качество, одновременно присущее и самой личности, и её деятельности, выражающееся в целенаправленном единстве потребностей, мотивов, интереса и действий, характеризующееся осознанным поиском творческих ситуаций [2, с. 37].

Исследователи В. М. Букатов и А. П. Ершова утверждают, что театральная деятельность для школьников возможна не только во внеурочное время, но и в рамках занятий. Они пришли к выводу, что необходимо включать театральные формы, средства, приёмы, активизирующие процесс коллективного познавательного творчества в любой урок [3, с. 68].

Автор А. П. Ершова выделяет следующие педагогические условия, при которых достигается развитие творческого потенциала учащегося средствами театрального искусства: 1) реализация специализированной педагогической модели развития творческого потенциала, направленной на активизацию личностных качеств учащегося средствами театрального искусства; 2) использование специализированных театральных методов для более эффективного развития творчески значимых качеств и способностей личности; 3) применение критериев диагностики и оценки качества развитости творческого потенциала школьников в процессе занятий театральным искусством [4].

Развитие творческой личности в процессе обучения и воспитания является одной из социально значимых задач современных образовательных учреждений. Направленность образования на развитие личности учащегося требует выявления и определения тех её свойств, воздействие на которые способствует развитию личности в целом. В качестве одного из них рассматривается творческая активность, являющаяся системообразующим свойством личности и определяющей характеристикой её движения к самосовершенствованию.

Творческая активность выражает стремление и готовность личности сознательно и добровольно, по внутреннему убеждению, совершенствовать инициативные новаторские действия в самых различных областях человеческой деятельности. По мнению Л. С. Выготского, специально созданные условия учебной деятельности актуализируют мотивационные состояния (ситуативные побуждения), которые при систематической актуализации постепенно переходят в мотивационные свойства (устойчивые образования психики)» [5, с. 274].

Возможность использовать изученный материал в реальных жизненных ситуациях является самым важным в организации учебного процесса, генеральной целью обучения иностранному языку. Именно театральные технологии позволяют этого добиться, так как даже более слабые ученики усваивают материал гораздо лучше, а совместные репетиции, выступление перед публикой на иностранном языке способствует перенесению сформированных коммуникативных компетенций на любые жизненные ситуации. Недаром все знают знаменитую фразу В. Шекспира: «Весь мир — театр, а люди в нём — актеры».

Заключение. Формированию творческой активности школьников способствует театральная педагогика, педагогический инструментарий которой — театральные технологии — могут быть включены и активно задействованы в процессе обучения иностранному языку. Театральные технологии способствуют созданию положительного эмоционального воздействия на процесс обучения школьников, повышают результативность обучения и делают его более плодотворным.

Список цитируемых источников

1. Ершова А. П. Режиссура урока, общения и поведения учителя : пособие для учителя. М., Воронеж, 1995. 269 с.
2. Козырева А. Ю. Лекции по педагогике и психологии творчества / предисл. В. В. Черный. Пенза : Науч.-метод. центр Пензен. город. отдела образования, 1994. 344 с.
3. Булатова О. С. Педагогический артистизм : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. М. : Академия, 2001. 240 с.
4. Ершова А. П. Режиссура урока, общения и поведения учителя. С. 113.
5. Выготский Л. С. Педология подростка : собр. соч. : в 6 т. М. : Педагогика, 1984. 432 с. Т. 4.

Н. С. Антоненко-Куличенко

*Гомельский филиал учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный институт трудовых и социальных отношений», Гомель*

ОСОБЕННОСТИ УСЫНОВЛЕНИЯ ДЕТЕЙ ПРИ НАЛИЧИИ ИНОСТРАННОГО ЭЛЕМЕНТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Введение. Судебный порядок усыновления существует во всех цивилизованных странах мира. С принятием Республики Беларусь Кодекса о браке и семье (далее — КоБС) и введением в действие нового гражданско-процессуального кодекса Республики Беларусь все основные институты семейного права приведены в соответствие с Конституцией Республики Беларусь, Гражданским кодексом, международно-правовыми актами в области защиты прав и интересов несовершеннолетних, ратифицированными Республикой Беларусь.

В целом, правовое положение иностранных граждан в Республике Беларусь, а также отношения между иностранными гражданами и органами государственной власти и местного самоуправления, возникающие в связи с пребыванием (проживанием) иностранных граждан в Республике Беларусь, регламентируются Законом Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Республики Беларусь» [1].

В области международного усыновления всегда существовала сложность в решении вопроса о том, право какой страны подлежит применению при установлении усыновления. В данной ситуации применяются специальные коллизионные нормы, содержащиеся в различных источниках, прежде всего в национальном законодательстве Республики Беларусь.

Основная часть. В КоБС содержится отдельный раздел VI «Применение законодательства о браке и семье Республики Беларусь к иностранным гражданам и лицам без гражданства. Применение законодательства о браке и семье иностранных государств и международных договоров». Главное отличие этих норм от ранее действовавших в законодательстве о браке и семье заключается в том, что они допускают применение норм иностранного права [2].

Важно отметить, что согласно ст. 8 Конституции Республики Беларусь наша страна признает приоритет общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров перед нормами национального права [3].

Конвенция ООН о правах ребёнка вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г., где в ст. 21 установлено, что государства-участники обеспечивают, чтобы усыновление ребёнка разрешалось только компетентными властями, которые определяют в соответствии с применимыми законами и процедурами и на основе всей относящейся к делу достоверной информации, что усыновление допустимо ввиду статуса ребёнка. Конвенция о правах ребёнка принята и открыта для присоединения резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. В Республике Беларусь данная Конвенция была ратифицирована Постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 28 июля 1990 г. № 217 — XII [4].

Итак, специфика регулирования отношений с иностранным элементом в сфере установления усыновления и его отмены совершенно очевидна.

В ст. 233 КоБС Республики Беларусь решены коллизионные вопросы усыновления, включая и отмену усыновления. Данная статья допускает международное усыновление, однако резко сужает круг субъектов. Вопросы о международном усыновлении рассматриваются в отношении кандидатов в усыновители, проживающих на территории только тех государств, компетентные государственные органы которых согласовали процедуру международного усыновления в соответствии с законодательством Республики Беларусь [5].

Международное усыновление ребёнка постоянно проживающими на территории иностранного государства гражданами Республики Беларусь, иностранными гражданами и лицами без гражданства допускается только в отношении ребёнка, включённого в список детей, в отношении которых возможно международное усыновление, за исключением случаев международного усыновления ребёнка родственниками либо отчимом (мачехой).

В соответствии со ст. 233 КоБС усыновление (его отмена) на территории Республики Беларусь детей, являющихся гражданами Республики Беларусь, иностранными гражданами или лицами без гражданства, производится в соответствии с главой 13 КоБС, а также на основе законодательства государства, гражданином которого является усыновитель на момент подачи заявления об установлении усыновления (при усыновлении ребёнка лицом без гражданства — в соответствии с законодательством государства, в котором это лицо имеет постоянное место жительства) [6].

При этом дальнейшая стабильность усыновления в иностранном государстве обеспечивается применением при усыновлении соответствующего законодательства, касающегося требований к усыновителям в отношении возраста, материального положения.

При усыновлении ребёнка супругами, имеющими различное гражданство, должны быть соблюдены требования законодательства обоих государств, в случае если Республика Беларусь связана с ними соответствующими международными договорами. Думается, что в случае отсутствия международно-правовых отношений в этой сфере между государствами усыновление не может быть осуществлено, так как отсутствуют гарантии соблюдения прав и законных интересов усыновляемого ребёнка.

В случае если один супруг является гражданином иностранного государства, а другой — гражданином Республики Беларусь, и оба постоянно проживают на территории Республики Беларусь, при усыновлении белорусского ребёнка применяются правила, установленные для граждан Республики Беларусь, если иное не предусмотрено международным договором. При усыновлении на территории Республики Беларусь детей, являющихся гражданами иностранных государств, исходя из общего правила применяется белорусское законодательство, но необходимо получить согласие законного представителя ребёнка и компетентного органа государства, гражданином которого является усыновляемый.

Ребёнок, усыновлённый гражданином Республики Беларусь или супругами — гражданами Республики Беларусь, приобретает гражданство Республики Беларусь со дня его усыновления независимо от места жительства ребёнка по заявлению усыновителя — гражданина Республики Беларусь.

Согласно норме ст. 233 КоБС Республики Беларусь защита прав и законных интересов детей, являющихся гражданами Республики Беларусь и усыновлённых иностранными гражданами или лицами без гражданства, за пределами территории Республики Беларусь, если иное не предусмотрено международным договором Республики Беларусь, осуществляется в пределах, допускаемых нормами международного права консульским учреждением Республики Беларусь, в котором указанные дети состоят на учёте [7].

Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, принятая 22 января 1993 г. в Минске государствами — членами СНГ, как и другие договоры Республики Беларусь о правовой помощи, решают коллизионные вопросы усыновления в целом единообразно [8]. Подлежит применению законодательство государства, гражданином которого является усыновитель.

В частности, согласно ст. 37 Конвенции СНГ о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, усыновление или его отмена определяется по законодательству государства, гражданином которого является усыновитель в момент подачи заявления об усыновлении или его отмене. Если ребёнок является гражданином другого государства, то при усыновлении или его отмене необходимо получить согласие законного представителя ребёнка и компетентного государственного органа, а также согласие ребёнка, если это требуется по законодательству государства, гражданином которого он является [9].

В случае когда ребёнок усыновляется супругами, являющимися гражданами разных государств — членах СНГ, усыновление или его отмена должны производиться в соответствии с условиями, предусмотренными законодательством обоих государств (п. 3 ст. 37 Конвенции о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам) [10].

В настоящее время белорусский законодатель стремится сократить число различий между национальными нормами и правилами конвенций. Правительство Республики Беларусь приняло ряд новых постановлений, регламентирующих правила передачи детей на усыновление и осуществление контроля за их дальнейшей жизнью как на территории Республики Беларусь, так и за её пределами.

В соответствии с п. «а» ст. 21 Конвенции о правах ребёнка усыновление ребёнка с передачей его в другую страну не должно приводить к получению неоправданных финансовых выгод занимающимися этим лицами, что на практике зачастую игнорируется. Имеют место различные нарушения рассмотренного порядка усыновления детей иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также попытки противоправного взаимодействия с посредническими иностранными и белорусскими организациями, адвокатами, частными лицами, не наделёнными соответствующими компетентными органами принимающего государства правом помещения детей в семьи и последующего контроля, за условиями жизни и воспитания детей. Допускаются и нарушения законодательства при оформлении документов кандидатов в усыновители [11].

Подобные действия в Республике Беларусь в зависимости от степени общественной опасности наказуемы в административном или уголовном порядке. Вместе с тем принятие соответствующих мер реагирования по фактам незаконного усыновления детей, являющихся гражданами, иностранными гражданами, на практике является крайне затруднительным из-за отсутствия двусторонних договоров Республики Беларусь с большинством иностранных государств о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и семейным делам.

Заключение. Ежегодно на оздоровление в иностранные государства выезжает большое число белорусских детей. Как правило, в большинстве случаев дети попадают в одну и ту же семью несколько лет подряд. В связи с этим необходимо законодательно закрепить возможность усыновления этих детей для таких семей.

Республика Беларусь всегда ставит интересы детей на первое место путём принятия нормативных правовых актов, которые стремятся обеспечить защиту прав и свобод белорусских детей. Законодательное закрепление данной нормы, на наш взгляд, поможет ребёнку обрести семью, с которой у него есть опыт общения и для которой он стал родным. Законодателю в данном случае не следует опасаться того, что ребёнок может попасть в плохую семью, так как государство всегда осуществляет контроль за условиями жизни и воспитания ребёнка, проживающего в иностранном государстве.

Список цитируемых источников

1. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 105-З : с изм. и доп. от 20 июля 2016 г. № 414-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 26.07.2016, 2/2411.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 24 дек. 2015 г. № 331-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 28.12.2015, 2/2329.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 24.11.2004, 1/6032.
4. О правах ребёнка : Конвенция ООН от 20 нояб. 1989 г. : ратифицирована Постановлением Верхов. Совета Респ. Беларусь от 28 июля 1990 г. № 217 - XII // Ведомости Верхов. Совета БССР. 1990. № 1. Ст. 7.
5. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье.
6. Там же.
7. Там же.
8. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Электронный ресурс] : 22 янв. 1993 г. : с изм. и доп. от 7 окт. 2002 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 18.08.2004, 3/1462.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.

УДК 347.1

Н. С. Антоненко-Куличенко, В. С. Гладышев
*Гомельский филиал учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный институт трудовых и социальных отношений», Гомель*

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА НА ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

Введение. Право на свободу и личную неприкосновенность установлено ст. 25 Конституции Республики Беларусь [1]. Это право означает, что лицо вправе совершать любые действия, не противоречащие закону, и при этом оно не должно подвергаться ограничениям. Человек имеет право на физическую и духовную неприкосновенность.

Основная часть. Обеспечение физической неприкосновенности личности предполагает создание достаточных государственных гарантий от каких-либо посягательств на её жизнь, здоровье, половую неприкосновенность, свободу физической активности как со стороны государства в лице его органов и должностных лиц, так и со стороны отдельных граждан.

Телесная неприкосновенность и половая свобода защищены уголовным законодательством (уголовная ответственность за убийство, телесные повреждения, изнасилования и т. д.), гражданским законодательством (обязательства, возникающие вследствие причиняющего вреда, в частности, источником повышенной опасности), административным законодательством (ответственность за правонарушения в области охраны труда и здоровья населения), уголовно-процессуальным законодательством (запрет помогать показаний обвиняемого и других участвующих в деле лиц путём насилия, угроз и других незаконных мер, производство следственного эксперимента при условии, что этим не создаётся опасность для здоровья участвующих в нем лиц).

Физическая неприкосновенность человека в области медицины защищена правилом, согласно которому любое медицинское вмешательство, будь то операция, сложная диагностическая процедура или обыкновенный укол, допускается только с согласия пациента.

Обеспечение психической неприкосновенности охватывает комплекс мер, направленных на защиту от посягательств на психическое и нравственное здоровье личности, интеллектуальную и волевую сферу сознания человека.

Психическая неприкосновенность личности обеспечивается недопустимостью: 1) сеансов целительства (включая гипноз), в том числе с использованием средства массовой информации; 2) применения методов лечения, в том числе хирургических и лекарственных средств, вызывающих необратимые последствия на психику и общее состояние душевнобольных; 3) допросов под гипнозом, экстрасенсорным воздействием с использованием растормаживающих препаратов; 4) угроз, обещаний, вымогательства, шантажа, уговоров с целью добиться признания или получению угодных следователю показаний.

В соответствии со ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод никто не может быть лишён свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

- 1) законное содержание под стражей лица, осуждённого компетентным судом;
- 2) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или в целях обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;
- 3) законное задержание или заключение под стражу лица, произведённое с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются

достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

4) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведённое с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

5) законное заключение под стражу лиц в целях предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

6) законное задержание или заключение под стражу лица в целях предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче [2].

Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение. Каждый задержанный или заключённый под стражу незамедлительно доставляется к судье или иному должностному лицу, наделённому, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

Каждый, кто лишён свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

По мнению О. В. Ведерникова, право на свободу и личную неприкосновенность — важнейшее право человека, которое он получает с момента рождения. Свобода и личная неприкосновенность дают человеку возможность совершать любые действия, не противоречащие закону [3].

Под правом на личную неприкосновенность в уголовном процессе принято понимать субъективное право лица (в отношении которого закон допускает применение мер процессуального принуждения) на обеспечение его психической и физической неприкосновенности от противоправных посягательств должностных лиц и государственных органов [4, с. 96].

Право человека и гражданина на личную неприкосновенность имеет для каждого самостоятельное и жизненно важное значение. Его следует отграничивать от других смежных субъективных прав: собственности, свободы передвижения, выбора места пребывания и жительства.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что личная неприкосновенность является общеправовым институтом, к которому относят телесную, духовную, нравственную и психическую неприкосновенность, в частности, индивидуальную свободу и личную безопасность человека и гражданина.

Среди процедурных гарантий реализации принципа неприкосновенности личности, которые необходимо соблюсти при задержании или избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, Международный пакт о гражданских и политических правах и Европейская конвенция о защите прав и основных свобод указывают: каждый арестованный должен знать основания и причины его ареста; иметь доступ к материалам дела, которые используются при решении вопроса о содержании лица под стражей; иметь право воспользоваться услугами адвокатов. Указанные права лица, чья личная неприкосновенность подлежит ограничению, могут быть реализованы через уведомление.

Предоставление права суду принимать решение об аресте предполагает участие в рассмотрении этого вопроса лица, которое должно предстать перед судом. В решении вопроса об аресте вправе принимать участие и защитник. Суду надлежит разъяснять права лицам, участвующим в ходе решения вопроса об аресте, что наделяет суды новыми обязанностями. Следует отметить, что арест (заключение под стражу) является самой радикальной из мер пресечения способов уклонения от следствия и суда. В результате применения ареста (заключения под стражу) лицо лишается свободы и не в состоянии выполнять возложенные на него обязанности. Судебная процедура с соблюдением принципов гласности, непосредственности должна способствовать принятию законных и обоснованных решений, уменьшить количество ошибок при аресте (заключении под стражу).

Уведомление о задержании является одной из гарантий соблюдения принципа неприкосновенности личности, а также законности ограничения её свободы, соблюдения принципов и норм международного права, обеспечения доступа граждан к правосудию.

Задача обеспечения прав и свобод человека и гражданина приобретает особое значение в период действия особых правовых режимов при возникновении различных ситуаций чрезвычайного характера, когда нормальное функционирование общества и государства вследствие тех или иных причин становится невозможным. Как справедливо отмечают В. В. Маклаков и Б. А. Страшун, «...конституции часто предусматривают возможность ограничения тех или иных прав и свобод при чрезвычайных обстоятельствах» [5, с. 126].

Таковыми обстоятельствами могут быть агрессия иностранного государства, непосредственная угроза жизни и безопасности граждан или конституционному строю государства (например, попытки захвата или присвоения власти, массовые беспорядки, теракты, межконфессиональные и региональные конфликты, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера и др.). В подобных случаях вводятся предусмотренные национальным законодательством особые (чрезвычайные) правовые режимы деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, учреждений и организаций.

Международная практика применения чрезвычайного и военного положения в различных странах свидетельствует о том, что законодательство большинства зарубежных государств рассматривает эти режимы в качестве правовых институтов, регламентирующих чрезвычайный режим осуществления государственной власти в различных ситуациях, когда нормальное функционирование общества и государства невозможно. При этом поддержание

режимов чрезвычайного или военного положения практически неизбежно связано с ограничениями прав и свобод граждан, приобретающими зачастую неоправданно жёсткий характер.

Заключение. Следует признать, что сегодня в национальной правовой системе функции государства по обеспечению права на жизнь, права на личную неприкосновенность урегулированы недостаточно. Так, не создан необходимый механизм эффективной реализации полномочий государственных органов по охране личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина. Усиление правозащитной функции государственных органов требует расширения их компетенции, внесения необходимых изменений в действующее законодательство, совершенствования организации системы органов государственной власти и административно-юридических процедур.

Список цитируемых источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 24.11.2004. 1/6032.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] : принята Советом Европы в Риме 4 нояб. 1950 г. URL: <http://www.psychopravo.ru> (дата обращения: 11.02.2016).
3. Ведерникова О. А. Жизнь и её место в универсальной системе прав и свобод человека // Право и государство: теория и практика. 2008. № 6 (42). С. 52—57.
4. Стецовский Ю. И. Право на свободу и личную неприкосновенность. М., 1999. 290 с.
5. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1999. 320 с.

УДК 343.13 (075.8)

А. А. Бедрицкий

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», Витебск

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИИ ОБ IP-АДРЕСЕ И MAC-АДРЕСЕ

Введение. Актуальность проблемы исследования заключается в том, что внушительные темпы формирования информационных технологий, введение разрабатываемых информационно-телекоммуникационных систем и технических средств во все области жизнедеятельности членов сегодняшнего мира, возрастающее доверие к информативным системам со стороны населения, а также нынешнее положение систем защиты данных создали объективные предпосылки появления новейшей разновидности правонарушений — правонарушений в области высоких технологий, продвижение которых неминуемо определяет сотрудников правоохранительных органов перед необходимостью подробного исследования технических способностей имеющихся компьютерных систем, их применения в войне с правонарушениями в этой области работы. Современные компьютерные системы охватывают почти все без исключения сферы науки, общественной структуры и, в особенности, экономики. В данной взаимосвязи борьба с преступностью в области компьютерной информации и больших технологий считается одной из важных трудностей правоохранительных органов. Ущерб, причиняемый ими, по оценкам ведущих специалистов в этой области, практически не поддаётся оценке [1, с. 6]. Используемые злоумышленниками способы маскировки своих действий и противодействия расследованию существенно затрудняют борьбу органов внутренних дел с преступлениями данного вида. Таким образом, актуальность изучения определена, с одной стороны, значительной практической важностью, а с другой — неудовлетворительной научной разработанностью проблем технологии расследования мошенничества в сети Интернет. Объектом изучения являются общественные отношения, возникающие в ходе расследования интернет-мошенничества в сети Интернет, незаконная деятельность интернет-мошенников, а также характерные черты расследования указанного типа правонарушения. Предметом исследования являются закономерности развития единой технологии расследования, а также применения специализированных знаний в сфере компьютерной информации и высоких технологий при расследовании разных типов мошенничеств с использованием всемирной сети Интернет. Целью изучения считается анализ теоретических и практических проблем формирования единой методики расследования интернет-мошенничества, соответствующей нынешней степени формирования высоких информационных технологий, применения специализированных знаний в сфере компьютерной информации и высоких технологий при расследовании корыстных правонарушений, сопряжённых с применением сети Интернет, создание научно аргументированных рекомендаций и оптимальных методов организации взаимодействия следователя с экспертами и специалистами при использовании указанных специализированных знаний.

Основная часть. При решении задач в работе использованы общенаучные методы познания (анализ, синтез, статистический метод), а также методы других наук, в частности, основы теории информационной безопасности. Теоретическую основу работы составили труды учёных в области криминалистики, оперативно-розыскной деятельности и судебной экспертизы: Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина, А. М. Зинина, В. А. Образцова, Е. Р. Росийской, А. Ю. Шумилова, Н. Г. Шурухнова, А. А. Эйсмана, А. А. Эксархопуло, Н. П. Яблокова и др.

IP-адрес предполагает собою комбинацию чисел (к примеру, 97.129.11.94), которую присваивает юзеру интернет-услуг фирма-провайдер, предоставляющая доступ в мировую сеть. IP-адрес способен являться неподвижным (непрерывным) либо динамическим (скоротечным), однако в каждом случае по временным характеристикам он «привязан» к устройству, выходящему в сеть, или индивидуальным сведениям личности, на чьё имя заключался договор (при использовании мобильного Интернета). Данные о том, кому был присвоен IP-адрес, сохраняются у поставщика услуг сети Интернет (к примеру, фирмы «Dom.ru», «Сибирьтелеком» и др.) и включают сведения о этом, согласно какому адресу находился ПК, с которого был выполнен выход в сеть, сведения о лице, с которым был заключён договор на предоставление услуг сети Интернет. В случае допуска в сеть посредством проводного Интернета согласно знакомому сотрудникам органов внутренних дел IP-адресу фирма-провайдер может обеспечить данные равно как о местоположении ПК, так и об индивидуальных сведениях личности, содержащихся в договоре. Но нужно не забывать, что аналогичные данные имеют все шансы содержаться непродолжительное время. Момент сохранения находится в зависимости от технических способностей провайдеров и способен составлять от одного месяца до нескольких лет. По этой причине нужно не забывать, что замедление может послужить причиной потери важной информации. Лица, совершающие данные преступления, могут осуществлять их в группе, в некоторых случаях лично не встречаясь с соучастниками. Для знакомства и координации своих действий они могут использовать сайты и специальные сетевые форумы, где обсуждаются способы незаконного проникновения в чужие компьютеры и компьютерные системы, маскировки «следов» проникновения и др. [2]. При применении правонарушителями мобильного Интернета (посредством USB-радиомодема либо сотового мобильного телефона), согласно известному работникам органов внутренних дел IP-адресу, фирма-провайдер может предоставить данные только об индивидуальных данных личности, на чьё имя заключался договор о предоставлении доступа при оформлении СИМ-карты. Сложностью может быть остановка, если выход в сеть правонарушителями был выполнен из так называемой «области свободного Wi-Fi» — места, где предоставляется сеть Интернет абсолютно всем желающим безвозмездно: местности больших трейдерских центров, многие кафе-бары. Там любой способен пользоваться предложениями Интернета с каждого переносного прибора (портативный компьютер, мобильный телефон). В данном случае по IP-адресу станут презентованы только данные о том, например, что доступ был выполнен с зоны Wi-Fi по определённом адресу. В качестве метода раскрытия лиц, осуществляющих выход в сеть Интернет в противозаконных целях с зон Wi-Fi, можно предложить следующее: исследование видеозаписей с прилегающей местности (в случае если подобная проводится) и дальнейшую проверку обнаруженных лиц.

В процессе исследования указанной проблематики предложен список вопросов, которые целесообразно задать обвиняемому в интернет-мошенничестве при проведении допроса. Особенностью этого списка является то, что, с одной стороны, составляющие его вопросы являются общими и могут использоваться при расследовании практически любых интернет-мошенничеств, а с другой — являются специальными, поскольку некоторые из них не применимы к расследованию, например, традиционных видов мошенничества [3, с. 20]. При установлении подозреваемого последующие воздействия должны быть ориентированы на установление его вины. MAC-адрес ПК (электронного устройства) — серийный номер, подобный IMEI-номеру мобильного телефонного аппарата. Независимо от того, что и он может быть изменён юзером в попытке уйти от контроля, имеется возможность выхода ПК злоумышленника в сеть в нескольких местах доступа с одним MAC-адресом. К примеру, в случае если применяется портативный компьютер, который время от времени приносят в одну либо разные зоны Wi-Fi либо с него выходят в сеть, применяя проводной Интернет в разных стационарных точках доступа (жилплощади, кабинеты), запрос в компании, предоставляющие доступ в сеть Интернет и установление IP-адресов (место, территория), с которых ещё был зарегистрирован выход в сеть ПК с установленным нами прежде MAC-адресом (крупносерийный номер), способен предоставить значимую информацию. Если в ходе расследования уголовного дела будет установлено, что несколько организаций имеют один IP-адрес, следует учитывать, что данные организации могут быть добросовестными, независимо друг от друга осуществлять реальную финансово-хозяйственную деятельность. Наличие у них одного IP-адреса может объясняться, например, нахождением их офисов в бизнес-центре или ином арендованном ими помещении, собственник которого может предоставлять им доступ в Интернет со своего IP-адреса [4].

Заключение. В ходе изучения проблем методики расследования мошенничества в сети Интернет были получены следующие результаты: 1) установлены и выявлены компоненты методики расследования интернет-мошенничества; 2) предоставлены определения основных терминов, важных с точки зрения осмысления отличительных черт технологии и расследования интернет-мошенничества; 3) сформулированы рекомендации следователям согласно производству определённых эффективно-розыскных мероприятий и следственных действий, представляющих особую значимость и сложность, в целях расследования интернет-мошенничества; предоставлены по соединению перечня вопросов, какие уместно задать потерпевшему и осуждаемому либо подозреваемому при проведении допроса; 4) выявлены и проанализированы характерные черты применения следователем специализированных знаний в стадии предварительного следствия, а также характерные черты организации взаимодействия со сведениями лицами; 5) пересмотрены главные проблемы направления судебной компьютерно-технической экспертизы, а также приведён приблизительный перечень проблем, которые, в зависимости от сформировавшейся ситуации, уместно ставить перед специалистом.

Список цитируемых источников

1. Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность теория и практика борьбы : монография. Омск : Ом. акад. МВД России, 2009. 377 с.
2. Там же. С. 58.
3. Атаманов Р. С. Основы методики расследования мошенничества в сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.00 ; Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина. М., 2012. 28 с.
4. Особенности расследования преступлений, совершённых в банковской сфере / В. В. Улейчик [и др.] // Пробл. предварит. следствия и дознания : сб. науч. тр. / ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2011. С. 163—181.

УДК 349.235(476)

Л. А. Березюк

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В РЕГУЛИРОВАНИИ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ

Введение. Международная организация труда (далее — МОТ) была основана в 1919 г., основной целью её создания стала необходимость выработки единообразного регулирования в сфере труда посредством принятия международно-правовых норм и контроля за их применением [1, с. 276]. Рабочее время, являясь одним из важнейших условий труда, представляет собой направление деятельности МОТ. Со времени создания XIII части Версальского мирного договора в 1919 г., МОТ сделала акцент на необходимости соблюдения условий труда. К ключевым условиям труда МОТ относит рабочее время, минимальную заработную плату и защиту материнства [2, с. 1]. Преамбула к XIII части Версальского мирного договора содержит положение о том, что регулирование рабочего времени, включая установление максимальной продолжительности рабочего дня и недели, является одной из мер для улучшения условий труда. Вышесказанное предопределяет важность и значение установления объёма правового регулирования рабочего времени в рамках деятельности МОТ в целях определения соответствия внутреннего законодательства о труде международным стандартам.

Основная часть. Первым международным стандартом МОТ в рассматриваемой области стала Конвенция 1919 г. о рабочем времени в промышленности № 1 (далее — Конвенция № 1). Конвенция № 1 ограничила рабочее время на промышленных предприятиях до 8 ч в день и 48 ч в неделю (за некоторыми изъятиями, установленными Конвенцией № 1), в некоторой степени урегулировала сверхурочное время и его оплату. Главная идея, лежащая в основе Конвенции № 1, состояла в том, что установленные в соглашении принципы должны быть включены в национальное законодательство и проведены в жизнь государствами, ратифицировавшими конвенцию.

Анализ деятельности МОТ позволяет констатировать факт, что усилия МОТ по вопросам рабочего времени не заканчивались Конвенцией № 1. Это подтверждается и тем, что уже на первой ежегодной Международной конференции труда из шести принятых международных конвенций по вопросам труда три конвенции касались рабочего времени (о продолжительности рабочего дня в промышленности, ограничении труда женщин в ночное время, ограничении труда молодёжи в ночное время в промышленности) [3]. Поскольку Конвенция № 1 распространялась только на работников промышленности, в 1930 г. МОТ принимает Конвенцию о рабочем времени в торговле и учреждениях № 30, которая устанавливает пределы ежедневного и еженедельного рабочего времени для работников торговли и учреждений.

Впоследствии стандарты МОТ, касающиеся рабочего времени и других ключевых условий труда, подвергались изменениям, а также закреплялись в иных актах МОТ для того, чтобы учитывать развивающуюся практику и актуальные проблемы при регулировании условий труда. Стандарты МОТ закрепляются в конвенциях и рекомендациях МОТ и формируют совокупность международных трудовых стандартов, которые, как правило, закрепляются повесткой дня работы МОТ. Основной идеей работы МОТ является то, что все государства-члены должны проводить политику, основанную на стратегических целях — обеспечение занятости, социальной защиты, социального диалога и соблюдение прав в сфере труда. Данный постулат воплощён в Декларации МОТ о социальной справедливости в целях справедливой глобализации 2008 г. [4]. В Декларации 2008 года излагается современное видение МОТ своего мандата в эпоху глобализации. Эта имеющая историческое значение Декларация является новым, современным подтверждением ценностей МОТ.

Фактически МОТ приняла 16 конвенций и 11 рекомендаций, связанных с рабочим временем и временем отдыха [5]. Решённые принятием указанных конвенций проблемы включают в себя организацию рабочего времени (в том числе ночной работы, сверхурочной работы, неполного рабочего времени), еженедельного отдыха, оплачиваемых отпусков.

Учитывая вышесказанное, становится очевидным, что разработка трудовых норм и стандартов, а также контроль за их применением является основным направлением деятельности МОТ. Как уже отмечалось, наиболее часто МОТ для этих целей используется принятие конвенций и рекомендаций как основного источника международно-правового регулирования труда. Известно, что отличие этих правовых актов в том, что рекомендации

не подлежат ратификации и не создают юридических обязанностей для государств, а лишь уточняют и дополняют положения конвенций, а также служат ориентирами для разработки национальной политики в области труда.

Республика Беларусь является членом МОТ с 12 мая 1954 г. и ратифицировала 49 её конвенций [6]. К основным актам МОТ, регулирующим рабочее время и участницей которых является Республика Беларусь, относятся следующие: Конвенция 1921 г. о еженедельном отдыхе на промышленных предприятиях № 14, ст. 2 которой предусматривает период отдыха, включающий не менее 24 последовательных часов в течение каждых семи дней, заранее известный заинтересованным лицам посредством вывешивания объявления либо доведения до них расписания таких дней отдыха (ст. 7); Конвенция 1935 г. о сокращении рабочего времени до сорока часов в неделю № 47, которая обязывает ратифицирующие её государства соблюдать принцип сорокачасовой рабочей недели, применяемого таким образом, чтобы не повлечь понижения уровня жизни работников, а также обязывает принимать меры для соблюдения данного принципа; Конвенция 1936 г. о ежегодных оплачиваемых отпусках № 52, положения которой дают право работникам на шесть рабочих дней оплачиваемого отпуска после непрерывной работы в один год (для работников старше 16 лет), двенадцать рабочих дней (для работников, не достигших 16 лет) с исключением из ежегодного оплачиваемого отпуска праздничных дней и периода болезни; а также предоставляет право на компенсацию за неиспользованный отпуск при увольнении по причине, зависящей от работодателя (ст. 6); Конвенция 1946 г. об ограничении ночного труда детей и подростков на непромышленных работах № 79, устанавливающая запрет на ночную работу, время которой установлено конвенцией для определённых категорий детей и подростков в зависимости от возраста и обязанности их посещать школу; Конвенция 1948 г. (пересмотренная) о ночном труде подростков в промышленности № 90, устанавливающая, что входит в понятие промышленных работ, ночного времени для подростков различных возрастов, а также исключения из запрета работы в ночное время; Конвенция 1957 г. о еженедельном отдыхе в торговле и учреждениях № 106, которая предписывает ратифицирующим её государствам предоставлять работникам еженедельный непрерывный отдых не менее суток (ст. 6) за некоторыми исключениями.

К нератифицированным конвенциям в области рабочего времени относятся следующие наиболее важные акты: Конвенция 1990 г. о работе в ночное время № 171, устанавливающая период ночного времени, особенности ночной работы для женщин, а также определённые гарантии и компенсации, связанные с работой в ночное время; Конвенция 1994 г. о неполном рабочем времени № 175, основной целью которой является установление равного объёма прав и защиты для лиц, работающих в условиях неполного рабочего времени по отношению к лицам, занятым полное рабочее время.

К основополагающим рекомендациям МОТ в области рабочего времени можно отнести следующие: Рекомендация 1962 г. о сокращении продолжительности рабочего времени № 116; Рекомендация 1990 г. о работе в ночное время № 178; Рекомендация 1994 г. о неполном рабочем времени № 182. Ряд рекомендаций МОТ касается еженедельного отдыха, оплачиваемых отпусков, а также соотношения рабочего времени и времени отдыха в определённых сферах деятельности (транспорт, сельское хозяйство, рыболовство и т. д.).

Необходимо отметить, что несмотря на то, что вышеуказанные акты не ратифицированы Республикой Беларусь, большинство общих положений этих конвенций реализовано во внутреннем законодательстве о труде. Например, ст. 117 Трудового кодекса Республики Беларусь устанавливает ночное время с 22 ч до 6 ч с сокращением на один час продолжительности работы; запрет на ночную работу беременных женщин и работников моложе 18 лет; ст. 118 закрепляется, что неполное рабочее время устанавливается по соглашению между работником и нанимателем, а также случаи, когда наниматель обязан устанавливать неполное рабочее время. Работа на условиях неполного рабочего времени не влечёт для работников каких-либо ограничений трудовых прав (в том числе ограничения продолжительности трудовых отпусков и исчисления трудового стажа) [7]. И это лишь малая часть норм, являющихся подтверждением реализации многих важнейших положений МОТ во внутреннем законодательстве Республики Беларусь в части соблюдения трудовых прав. Вышесказанное подтверждает не только то, что многие положения международных стандартов МОТ реализованы в законодательстве о труде Республики Беларусь, но и то, что во многих случаях внутреннее законодательство Республики Беларусь предусматривает для работников даже большую защиту, чем та, которая предусмотрена актами МОТ.

Заключение. За все годы существования МОТ, учитывая и национальный законодательный опыт, выработала определённые стандарты в области рабочего времени, каждый своим актом подтверждая значимость этого института трудового права. Международное регулирование рабочего времени продолжает быть актуальным сегодня, так как каждый работник должен иметь право на защиту своего здоровья от чрезмерных перегрузок, достойный уровень оплаты труда, а также право на соблюдение баланса между работой и личной жизнью. Отметим, однако, что, несмотря на значимость рабочего времени как одного из важнейших условий труда, на уровне МОТ не выработан единый акт, регулирующий данный вопрос. Выработка такого акта позволила бы унифицировать стандарты МОТ, упростить их использование во внутреннем законодательстве, а также определить актуальные вопросы в правовом регулировании рабочего времени и выработать предложения по совершенствованию внутреннего законодательства различных государств.

Список цитируемых источников

1. Курс трудового права. Общая часть : учеб. пособие / А. А. Войтик [и др.] ; под общ. ред. О. С. Курылевой, К. Л. Томашевского. Минск : Тесей, 2010. 602 с.
2. Working conditions laws report 2012: A global review / Naj Ghosheh ; International Labour Office. Geneva : ILO, 2013. 84 p.
3. Курс трудового права. Общая часть : учеб. пособие / А. А. Войтик [и др.] ; под общ. ред. О. С. Курылевой, К. Л. Томашевского. С. 277.

4. Working conditions laws report 2012: A global review.
5. Ibid. P. 4.
6. NORMLEX. Information System on International Labour Standards. Country profiles — Belarus [Electronic resource]. URL: http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:11110:0::NO:11110:P11110_COUNTRY_ID:103154 (дата обращения: 01.03.2016).
7. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 15 июля 2015 г. № 305-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 21.07.2015, 2/2303.

УДК 657.631.6:34(476)

Е. П. Галенчик, Е. И. Стрельченок

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АУДИТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Введение. Анализ законодательства об аудиторской деятельности позволяет сделать вывод о том, что оно в значительной степени отстаёт от стремительно развивающихся общественных отношений, не решает всех проблем, связанных с правовой регламентацией отношений, складывающихся в процессе проведения аудита.

Основная часть. Аудиторская деятельность — сравнительно новый вид предпринимательской деятельности в Республике Беларусь. В связи с этим можно говорить о тех проблемах, которые требуют серьёзных доработок.

Одним из обязательных требований к претендентам на получение квалификационного аттестата является наличие стажа по специальности, соответствующей экономическому или юридическому образованию, не менее трёх лет. В связи с тем, что достоверность результатов аудиторской деятельности во многом зависит от профессиональной компетенции auditors, то одной из доработок должно стать следующее: наличие стажа по специальности, соответствующей экономическому или юридическому образованию, не менее трёх лет, *при этом не менее двух последних лет он должен непосредственно работать в аудиторской организации*. Данное положение закреплено в российском законодательстве.

Следует отметить, что одним из основных вопросов на данный момент является вопрос ответственности auditors. Предусмотрена ответственность за нарушение законодательства Республики Беларусь об аудиторской деятельности; нарушение условий договора оказания аудиторских услуг; достоверность аудиторского мнения, выраженного в аудиторском заключении; выдачу (подписание) заведомо ложного аудиторского заключения [1].

В настоящее время особое внимание уделяется обязанности аудитора оказывать аудиторские услуги надлежащего качества. Это связано в первую очередь с тем, что Закон Республики Беларусь «Об аудиторской деятельности» содержит положение, в соответствии с которым проведение аудита не освобождает аудируемое лицо от ответственности за нарушение порядка осуществления хозяйственной деятельности, несоответствие предоставляемой бухгалтерской (финансовой) отчётности требованиям законодательства [2].

Аудитор приглашается именно для того, чтобы выявить и указать на ошибки, а при отсутствии существенных ошибок дать положительный отзыв о состоянии финансовой (бухгалтерской) отчётности. Если аудитор даёт положительное заключение, то тем самым он признаёт хорошее качество работы персонала заказчика и даёт ему все основания доверять своей первичной бухгалтерской документации и финансовой (бухгалтерской) отчётности, а также использовать её в текущей хозяйственной деятельности (в том числе в общении с органами власти).

Соответственно, если вследствие оказания аудиторских услуг им высказано неверное суждение о состоянии финансовой (бухгалтерской) отчётности заказчика, то услугу следует расценивать как некачественную, а аудитор может быть привлечён к гражданско-правовой ответственности за ненадлежащее исполнение своих обязательств [3].

Как следствие, в результате ненадлежащего исполнения аудитором своих обязанностей нарушается право заказчика на получение достоверного квалифицированного мнения о том, как справляется его персонал с ведением бухгалтерского учёта и составлением финансовой (бухгалтерской) отчётности. Восстанавливая данное право (получая верную, основанную на законе информацию о состоянии своей финансовой (бухгалтерской) отчётности), он несёт определённые затраты, обусловленные характером механизма восстановления данного права — компетентной проверкой со стороны уполномоченных органов с возможным применением определённых финансовых санкций.

Определено, что с точки зрения финансовых последствий ответственность аудиторской организации перед государством более ощутима (более строгая), чем ответственность перед контрагентами [4].

Оптимальным способом решения рассматриваемой проблемы может быть включение норм в Закон Республики Беларусь «Об аудиторской деятельности», предусматривающих ответственность аудитора за составление им аудиторского заключения, содержащего неверное мнение о достоверности бухгалтерской отчётности аудируемого лица [5].

Представляется необходимым установление административной ответственности в виде штрафа за нарушение норм публичного характера, регулирующих проведение аудиторского финансового контроля, что позволит устранить имеющийся пробел в правовом регулировании.

В связи с рассмотренными выше положениями об ответственности имеет смысл разработать институт страхования ответственности аудиторских организаций и индивидуальных аудиторов при проведении аудита.

Таким образом, можно говорить о том, что нормативная правовая база, методика осуществления аудиторской деятельности требуют доработки, по результатам которой вероятно повышение авторитета и доверия к аудиту в обществе.

Решение проблемы обеспечения качества аудиторских услуг возможно при дальнейшем развитии национальных стандартов аудита, их гармонизации с международными нормами аудита.

Повышение качества услуг связано, прежде всего, с удовлетворением изменяющихся потребностей заказчика, от чего в конечном итоге зависит достижение цели максимизации прибыли компании. При этом каждый представитель различных групп потребителей аудиторских услуг обладает своим пониманием качества. Комплексная оценка качества услуг производится как с точки зрения потребителя (заключение о достоверности бухгалтерской (финансовой) отчётности), так и самой аудиторской компании (эффективность достижения поставленных целей) [6].

Стоит отметить, что необходимо приобретать специальные программные продукты, которые способны чётко и достоверно оценить трудоёмкость в человеко-часах каждого заказа исходя из различных параметров и соблюдения стандартов при подготовке аудиторского заключения. Говоря проще, у заказчика появляется возможность чётко определить точку отсчёта, относительно которой и формируются понятия «дешево» и «дорого». Министерство финансов признало необходимость применения таких программных продуктов, но пока только в рекомендательной форме. Активно формируется пакет заказов программного обеспечения в России и других странах СНГ.

Несмотря на достаточно широкий «ассортимент» предлагаемых аудиторами услуг, главная слабость отечественного аудита кроется в «неохотном» спросе на него в принципе. В основном отечественный рынок держится на обязательных видах: в ряде случаев нормативные акты непременно требуют наличия аудиторского заключения. Форма соблюдается, а, по сути, к процессу экспертных оценок относятся, как к неизбежной необходимости. Немало руководителей отечественных предприятий, особенно с долей государственной собственности, отводят аудиту скромное место проверок над ошибками бухгалтерской документации. Хотя основная функция — анализ реального положения дел на предприятии, оценка его эффективности, финансового состояния, перспектив. Но эти опции пока востребованы слабо среди заказчиков. Если в заключении и присутствуют, то зачастую являются формальностью.

Заключение. Основными направлениями, способствующими развитию рынка аудита в стране, являются: соотношение двух основополагающих элементов регулирования аудиторской деятельности: (государственного регулирования и саморегулирования); при формировании политики государства в сфере аудиторской деятельности должен быть признан приоритетным фактор качества аудиторских услуг, включающих ценовой фактор, который направлен на увеличение полезности и эффективности аудита для экономики при целеустремлённом использовании этой составляющей.

Особенно важным представляется законодательное закрепление принципиально новых подходов к регулированию аудита, повышению качества, снижению рисков пользователей отчётности, развитию международного сотрудничества.

Список цитируемых источников

1. Об аудиторской деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 56-3 : с изм. и доп. от 5 янв. 2015 г. № 231-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 06.01.2015, 2/2229.
2. Там же
3. Чумаков А. А. Гражданско-правовое регулирование договора на оказание аудиторских услуг : автореф. дис. ; Рос. гос. соц. ун-т. М., 2005. 24 с.
4. Ершов А. А. Правовое регулирование аудита в Российской Федерации: финансово-правовой аспект : автореф. дис. М., 2010. 27 с.
5. Об аудиторской деятельности.
6. Млаккер М. А. Повышение качества услуг в современной экономике России : автореф. дис. М., 2011. 26 с.

УДК 343.35 (476)

А. А. Глеб, О. А. Горгун

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск

КОРРУПЦИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Введение. Не секрет, что в XXI в. во всем мире процветает эпоха потребления. Это обуславливает не только желание человечества удовлетворять свои постоянно растущие потребности легитимными способами, но и превышая свои полномочия и злоупотребляя властью, т. е. осуществляя коррупционные действия.

Основная часть. Республика Беларусь является относительно молодым государством на мировой арене. Весь базис экономики и политических сил берёт своё начало во время существования СССР, когда всем могуществом власти обладал не закон, а идеология коммунистической партии, идеология всего народа.

Но для того чтобы достичь верховенства закона в нынешней системе существования государства и в поведении самого народа, необходимо наиболее полно рассмотреть, оценить и проанализировать проблему и причины совершения коррупционных преступлений, ссылаясь не только на законодательные акты, но и на реальные ситуации из жизни.

Таким образом, для дальнейшего развития независимого и правового государства необходимо руководствоваться не только моральными устоями общества, но и высшим законом Республики Беларусь — Конституцией, согласно которой высшей целью государства является соблюдение прав и свобод человека [1].

Так, анализ статистических данных свидетельствует о том, что в январе—августе 2014 г. в Минске зарегистрировано 354 коррупционных преступления, что на 30 преступлений больше, чем за аналогичный период прошлого года. За весь 2013 г. таких преступлений — 465, а в 2012 г. — 276 [2].

Следует отметить, что уровень и динамика современной преступности и коррупции, её структура и характер требуют более тесного взаимодействия правоохранительных органов и других государственных органов в противодействии преступным и коррупционным проявлениям.

Превышение власти или служебных полномочий представляет собой совершение должностным лицом по службе действий, явно выходящих за пределы предоставленных ему полномочий.

Если превышение власти — это такое действие, которое изначально носит нелегитимный характер, поскольку не соответствует компетенции должностного лица, то злоупотребление — это действие, совершаемое в пределах компетенции конкретного должностного лица, но признанное незаконным вследствие объективного их несоответствия интересам службы.

Рассматривая вопрос совершения коррупционных преступлений, нельзя обойтись без обозначения субъекта данных правонарушений.

Субъектом злоупотребления властью или служебными полномочиями по части третьей ст. 424 Уголовного кодекса Республики Беларусь может быть только должностное лицо [3]. Здесь берёт своё начало проблема трактования признаков должностного лица, определённых в отечественном законодательстве. Отсутствуют чёткие и единые критерии отнесения конкретного лица к данной категории. Это может быть обусловлено как наличием множества дефиниций касательно данного термина, так и консерватизмом правовой практики.

Основным критерием отнесения правонарушения к преступлению — злоупотребление властью или служебными полномочиями — является корыстная заинтересованность лица. Она может выражаться в стремлении извлечь из этого материальную выгоду (например, получить имущество или приобрести право на имущество); приобретение должностным лицом имущества по себестоимости; использование служебного транспорта, материальных и физических ресурсов организации в личных целях; пользование бесплатными проездными документами при отсутствии права на это и др.

Рассмотрим злоупотребление служебными полномочиями на примере.

По приговору суда гражданин Л. был осуждён по части первой ст. 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь за то, что, работая в должности главного бухгалтера ОАО «К», составил два заведомо ложных договора подряда от имени М. на выполнение должностных обязанностей заместителя главного бухгалтера. Начисленные М. денежные средства за якобы выполненную работу получил Л.

Суд признал Л. виновным в хищении путём злоупотребления служебными полномочиями [4].

Несмотря на то, что Л. лично выполнил все работы в полном объёме по договорам подряда, суд признал Л. виновным в хищении путём злоупотребления служебными полномочиями за составление фиктивных документов.

Важно понимать, что в понятие злоупотребления властью всегда включены два субъективных мотива: корыстная заинтересованность и иная личная заинтересованность. В этой ситуации необходимо разобраться с мотивами совершения таких преступлений, потому что интерпретация термина «иная личная заинтересованность» не носит конкретный характер.

Как следует из постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424—428 Уголовного кодекса Республики Беларусь)», иная личная заинтересованность может выражаться в стремлении, обусловленном такими побуждениями личного характера, как карьеризм, протекционизм, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, скрыть свою некомпетентность и т. п. (п. 20 постановления) [5].

Таким образом, законом состав иной личной заинтересованности чётко не регламентируется, тем самым порождая всё больше споров и дискуссий между сторонами.

На основании проведённого опроса в Республике Беларусь исследовательским центром ИПМ 416 представителей малого и среднего бизнеса к административным причинам появления коррупционных ситуаций чаще всего относят: корыстолюбие государственных служащих; терпимость общества к коррупции; неэффективный план работы по борьбе с коррупцией; недостаточный налоговый контроль над доходами государственных служащих и их семей и др. [6].

Как и в случае выделения причин совершения преступлений, в данном опросе были выдвинуты два основных блока ведения борьбы с коррупционными преступлениями: ужесточение контроля и изменение среды. В первый блок входит повышение эффективности работы органов по борьбе с коррупцией (проведение единой государственной политики, введение антикоррупционных стандартов, унификация прав и ограничений должностных лиц); усиление административного и налогового контроля за деятельностью и имуществом госслужащих (контроль над доходами, мониторинг осуществления ими расходов); ужесточение уголовной ответственности за совершаемые преступления. Во второй блок входит снижение коррупционности законодательства; повышение заработной платы служащих и др. [7].

Следует отметить, что в Республике Беларусь достигнуты определённые результаты по борьбе с коррупцией, что доказывает нахождение страны на 107 месте (из 177 стран мира) по восприятию коррупции в списке международной организации Transparency International за 2015 г. [8].

Заключение. Коррупция как общественное явление всегда было, есть и будет существовать. Однако устранение коррупции как антиобщественного феномена требует смены определённых блоков системы этических норм, ценностей и поведения человека в обществе. Важно отметить, что любой человек может являться как породителем, так и жертвой данного вида преступления. Поэтому необходимо осознавать, что только человеку и дано право быть как механизмом запуска, так и инструментом противодействия коррупции.

Список цитируемых источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 24.11.2004, 1/6032.
2. Исследовательский центр ИПМ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.research.by> (дата обращения: 11.01.2016).
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 19 июля 2016 г. № 407-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 20.07.2016, 2/2403.
4. Хилута В. В. Хищение путём злоупотребления служебными полномочиями [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь. Минск, 2016.
5. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст.424—428 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 16 дек. 2004 г. № 12 : с изм. и доп. от 31 марта 2016 г. № 2 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 07.04.2016, 6/1534.
6. Исследовательский центр ИПМ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.research.by> (дата обращения: 11.01.2016).
7. Там же.
8. Transparency International [Electronic resource]. URL: <http://www.transparency.org> (дата обращения: 11.01.2016).

УДК 349.2

Т. В. Гринюк

Частное учреждение образования «БІП — Институт правоведения», Гродно

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА С РУКОВОДИТЕЛЕМ ОРГАНИЗАЦИИ

Введение. Организация труда в любой сфере построена таким образом, что должно присутствовать лицо, руководящее процессом труда, лицо, которое может направить в нужное русло трудовую деятельность целой группы людей, определить общую цель и задачу для каждого. Такие люди должны, несомненно, обладать задатками лидера, способностью объединить подчас разрозненную группу людей, чётко определив права и обязанности каждого. Роль руководителя связана с повышенной ответственностью за принимаемые решения и вверенных в подчинение людей, в связи с чем разработка эффективных, более совершенных механизмов и инструментов правового регулирования труда руководителя должна стать одной из наиболее важных, актуальных задач трудового права. Проблемы и противоречия, возникающие при применении соответствующих норм, регулирующих труд руководителя, могут затрагивать не только самого руководителя, но и управляемую им организацию в целом.

Актуальность темы исследования обусловлена и тем, что трудовой договор с такой категорией работников, как руководитель, имеет исключительное теоретическое и практическое значение, так как именно на его основании возникают трудовые отношения с лицами.

Основная часть. Под термином «руководитель организации» следует понимать работника, обладающего специальным трудовым статусом, который в соответствии с законом или учредительными документами организации осуществляет руководство этой организацией в качестве единоличного исполнительного органа.

Руководитель организации приобретает свой статус после выполнения ряда административных процедур, предусмотренных законом и локальными нормативными актами организации, которые предшествуют заключению трудового договора.

В соответствии со ст. 254 Трудового кодекса Республики Беларусь трудовой договор с руководителем организации заключается собственником имущества организации либо уполномоченным им органом (организацией) на срок, установленный учредительными документами организации или соглашением сторон, если иное не предусмотрено законодательными актами [1]. Законодательством или учредительными документами организации могут быть предусмотрены процедуры, предшествующие заключению трудового договора с руководителями организации. Кроме того, спецификой трудовых отношений руководителя организации является то, что трудовой договор (контракт) с руководителем заключает собственник имущества организации либо уполномоченный им орган, они же принимают решение и о прекращении трудовых отношений с руководителем.

Буквальное толкование ст. 254 Трудового кодекса Республики Беларусь позволяет сделать вывод о неправомерности практики закрепления процедур, предшествующих заключению трудового договора с руководителем организации и членами коллегиального исполнительного органа, в локальных нормативных правовых актах организации без первоначального включения соответствующих положений в учредительные документы организации.

Выделяют два этапа процедуры приёма работника на работу: 1) заключение трудового договора; 2) оформление приёма на работу, что осуществляется путём издания приказа о приёме на работу, внесения соответствующей записи в трудовую книжку и оформления иных необходимых кадровых документов [2].

Необходимо отметить, что данный подход к структуре процесса заключения трудового договора характеризует лишь общую модель этого процесса без её приспособления к специфике процедуры заключения трудового договора с отдельными категориями работников, в том числе тех, заключению трудовых договоров с которыми предшествует проведение определённых процедур, в частности, с руководителем организации и членами коллегиального исполнительного органа.

Представляется возможным выделить основные стадии, опосредующие приём на работу в качестве руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа: 1) принятие решения о заключении трудового договора с конкретным лицом; 2) непосредственно заключение трудового договора с руководителем организации и каждым из членов коллегиального исполнительного органа. Впоследствии трудовой договор выступает в качестве основания для издания приказа о приёме на работу.

В трудовом договоре с руководителем организации должны определяться: 1) данные о руководителе и нанимателе, заключивших трудовой договор; 2) место работы; 3) трудовая функция.

Наименование профессий, должностей, специальностей должно соответствовать квалификационным справочникам, утверждаемым в порядке, определяемом Правительством Республики Беларусь [3]. Наименование должности руководителя зависит от уровня управления, организационной структуры, характера полномочий, ответственности и других факторов.

Особенности заключения контрактов с руководителями предусмотрены Декретом № 29. В этом случае минимальный срок контракта с руководителем ограничивается одним годом [4]. Трудовой договор (контракт) заключается в письменной форме, оформляется не менее чем в двух экземплярах и хранится у каждой из сторон трудового договора (контракта).

С момента подписания трудового договора (контракта) лицо приобретает статус руководителя юридического лица. Одновременно с этим возникает обязанность по совершению определённых действий, направленных на придание необходимой публичности указанному факту. Непосредственно в день вступления в силу трудового договора (контракта) руководитель издаёт приказ о том, что он приступает к исполнению своих обязанностей.

При вступлении в должность нового руководителя необходимо провести инвентаризацию и оформить соответствующим актом приём и передачу дел и документов. Эта мера позволит новому руководителю ознакомиться с состоянием дел в организации, особенно в том случае, когда руководитель не являлся ранее работником данной организации и не имеет о ней полного представления.

Заключение. В целом правовое положение руководителя организации определяется сложностью его трудовой функции, его ролью в организации в целом, степенью ответственности, особыми условиями возникновения и прекращения трудовых отношений. Правовое регулирование труда руководителя организации является в настоящее время одной из наиболее сложных и дискуссионных тем в трудовом праве Республики Беларусь. На современном этапе развития экономики страны эти вопросы становятся всё более важными и актуальными.

Список цитируемых источников

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 15 июля 2015 г. № 305-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 21.07.2015, 2/2303.
2. Зайцева О. Б. Дифференциация правового регулирования труда руководителя в связи с принятием нового Трудового Кодекса // Трудовое право. 2003. № 3. С. 15—19.
3. Кеник К. И. Особенности заключения и расторжения трудового договора (контракта) с руководителем организации // Кадровая служба. 2008. № 1. С. 17—25.
4. О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь от 26 июля 1999 г., № 29 : с изм. и доп. от 13 фев. 2012 г. № 1 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 14.02.2012, 1/13294.

ПРАВО ГРАЖДАН НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ

Введение. Свобода искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ закреплена в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека от 6 декабря 1948 г. [1]. С развитием информационной сферы свобода искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ трансформировалась в право, которое нашло своё отражение в Конституции Российской Федерации (ст. 29) [2] и в Конституции Республики Беларусь (ст. 34) [3].

Основная часть. Как справедливо отмечали Е. И. Козлова и О. Е. Кутафин, причинами конституционного закрепления прав человека и гражданина являются: 1) значимость данного права для человека и общества; 2) изначальный или производный характер данного права; 3) особые юридические свойства, специфика реализации [4].

Все эти признаки присущи праву на информацию. При этом, как отмечалось авторами ранее, право на информацию трансформировалось из категории правового понятия в правовой институт, обладающий совокупностью гарантий его реализации [5]. Создание новых гарантий реализации конституционного права, а также изменение существующих может быть обусловлено совокупностью объективных причин, в том числе трансформацией каналов взаимодействия общества и государства, появлением новых сфер общественной жизни, научным прогрессом и т. д.

В настоящее время наиболее существенное влияние на право граждан на доступ к информации оказывает информационное общество. Согласно научной концепции, информационное общество — разновидность постиндустриального общества, где доминирует информационный сектор экономики [6]. Подобное определение не в полном объёме отражает определяемое понятие. Информационное общество — это, прежде всего, изменение общественных отношений, обеспечивающих связь общества и государства.

Одним из ключевых элементов существующего информационного общества является увеличение влияния на человека информации, получаемой посредством сети Интернет. Данный инструмент поиска, получения, передачи, производства и распространения информации видоизменил гарантии реализации отдельных конституционных прав, например, права участвовать в управлении делами государства [7]. Подобные тенденции привели к тому, что всё чаще в мире высказываются предложения о включении права на доступ к сети Интернет в качестве конституционной гарантии права на доступ к информации. Действительно значение сети Интернет заключается в том, что в отличие от любой другой среды она даёт людям возможность искать, получать и передавать информацию и идеи любого рода мгновенно и без существенных затрат. В Докладе о реализации и защите права человека на свободу убеждений и на их свободное выражение специального докладчика ООН Франк Ле Руа (семнадцатое регулярное заседание Совета по правам человека в Женеве, 30 мая — 17 июня 2011 г.) (далее — Доклад) подробно рассмотрено влияние права на доступ к сети Интернет, право человека на информацию. Согласно п. 65 Доклада в некоторых государствах доступ к сети Интернет признан одним из прав человека: парламент Эстонии в 2000 г. принял закон, объявив доступ к Интернету основным правом человека. Конституционный совет Франции объявил доступ к сети Интернет фундаментальным правом в 2009 г., а Конституционный Суд Коста-Рики пришёл к аналогичному решению в 2010 г. [8].

Анализ Доклада и правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что само по себе использование информационно-телекоммуникационной сети выступает лишь одним из наиболее удобных технологичных способов его реализации. Отсутствие доступа к сети Интернет в развивающихся странах не может трактоваться как нарушение прав человека на свободу выражения мнения. Иное толкование Доклада нашло отражение в некоторых источниках, заявивших о рекомендации со стороны ООН закрепить право на доступ к сети Интернет в качестве права человека [9]. Подобная интерпретация ошибочна, о чём заявлено на совещании группы экспертов ООН по вопросам построения инклюзивного общества и развития путём содействия доступности информационно-коммуникационных технологий «Новые вопросы и тенденции» (Ниппон, Токио, Япония, 19—21 апреля 2012 г.). Рекомендации государствам уделять первоочередное внимание обеспечению всеобщего доступа к сети Интернет неверно истолковано как признание доступа к сети Интернет правом человека со стороны ООН [10]. Экспертами ООН на указанном совещании высказано мнение, что свобода выражения мнений в сети Интернет должна быть обеспечена в любом средстве массовой информации (далее — СМИ).

Подобная аналогия между сетью Интернет и СМИ может стать базой в понимании правовой природы механизма реализации конституционного права человека на информацию в сети. По мнению автора, распространение информации в глобальной информационно-телекоммуникационной сети может регулироваться на основе принципов распространения информации в СМИ. Следовательно, доступ к сети Интернет может рассматриваться как доступ к СМИ.

Как справедливо отметил вице-президент корпорации Google, интернет-технологии способствуют реализации прав человека, а не являются самостоятельным правом, а свобода слова и свобода доступа к информации

не обязательно привязаны к какой-либо конкретной технологии в каждый конкретный момент времени [11]. Развитие существующих общественных отношений в сети Интернет позволяет утверждать, что дискуссия о закреплении права доступа к сети Интернет как гарантии конституционного права граждан на информацию не является в настоящее время ключевой проблемой рассматриваемых правоотношений. На взгляд автора, значение способа получения доступа к сети Интернет для реализации конституционных прав человека нивелируется более фундаментальной проблемой — соблюдением прав человека в сети Интернет, для чего следует прислушаться к экспертам, предлагающим совершенствовать механизм правовой ответственности создателей информационных технологий [12].

Заключение. Свобода искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами независимо от государственных границ закреплена в международном праве уже в течение 60 лет.

Переход к «информационному обществу» способствовал повышению роли права на информацию, которое в настоящее время можно рассматривать как самостоятельный конституционно-правовой институт. Конституционные гарантии реализации данного права претерпели значительные изменения в связи с «цифровой революцией» и внедрением сети Интернет.

В рамках дискуссий по конституционным гарантиям реализации права на информацию высказывается идея нормативного закрепления права граждан на доступ к услугам связи как средства реализации права на доступ к информации. Данная точка зрения несёт в себе логичную аргументацию, но не в полной мере отражает существующие мировые тенденции правопонимания места Интернета в реализации естественных прав. Авторский анализ, приведённый в данной статье, позволяет выдвинуть гипотезу о том, что право на доступ к Интернету не является самостоятельным правом человека. Сама по себе информационно-телекоммуникационная сеть — временный вид технологии, позволяющий распространять массовую информацию.

Поэтому, по мнению автора, в основу правового регулирования сети Интернет могут быть положены нормативные принципы распространения массовой информации с учетом технологических особенностей компьютерных сетей.

Список цитируемых источников

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята Генер. Ассамблеей ООН 10.12.1948. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=120805;req=doc> (дата обращения: 03.03.2016).
2. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 30 дек. 2008 г. М. : Айрис-пресс, 2013. 63 с.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 10-е изд., стер. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. 62 с.
4. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право Российской Федерации. М. : Юрист, 1995. С. 194—195.
5. Спиридонов А. А., Евсиков К. С. О новых формах реализации конституционного права на информацию // Изв. ТулГУ. Экон. и юрид. науки. Вып. 4. Ч. 2. Юридические науки. Тула : Изд-во ТулГУ, 2015. С. 274—275.
6. Основы правовой информатики (юридические и математические вопросы информатики) : учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. ; под ред. М. М. Рассолова, В. Д. Элькина. М. : КОНТРАКТ, 2007. С. 2—3.
7. Евсиков К. С. Развитие форм участия граждан в управлении делами государства // Изв. ТулГУ. Экон. и юрид. науки. Вып. 5. Ч. 2. Тула : Изд-во ТулГУ, 2014. С. 79—84.
8. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue [Electronic resource]. URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf (дата обращения: 26.02.2016).
9. Nathan Olivarez-Giles, «United Nations report: Internet access is a human right» // Los Angeles Times, 3 June 2011 [Electronic resource]. URL: <http://latimesblogs.latimes.com/technology/2011/06/united-nations-report-internet-access-is-a-human-right.html> (дата обращения: 26.02.2016).
10. United Nations Expert Group Meeting on Building Inclusive Society and Development through Promoting ICT Accessibility: Emerging Issues and Trends — (Venue: The Nippon Foundation, Tokyo, Japan Time: 19-21 April 2012) [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/disabilities/documents/egms/egm2012_accessibility_resource_paper.doc (доступно на 26.02.2016).
11. Vinton G. Cerf. Internet Access Is Not a Human Right [Electronic resource] // New York Times, 4 January 2012. URL: <http://www.nytimes.com/2012/01/05/opinion/internet-access-is-not-a-human-right.html> (дата обращения: 26.02.2016).
12. Vint Cerf of Google on Internet rights — interview [Electronic resource] // Christian Science Monitor, 8 March 2012. URL: <http://www.csmonitor.com/Commentary/Global-Viewpoint/2012/0308/Vint-Cerf-of-Google-on-Internet-rights-interview> (дата обращения: 26.02.2016).

УДК 343.851

М. А. Заволокина, О. И. Скок

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ БАНДИТИЗМА

Введение. Бандитизм по своему характеру и степени общественной опасности представляет угрозу общественной безопасности в связи с организованностью, устойчивостью и вооружённостью, уголовным законом отнесён к преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка. Сложное экономическое положение в стране, безработица (более половины осуждённых были лицами, не имеющими работы), правовой нигилизм среди населения являются основными причинами и условиями, способствовавшим совершению этих преступлений.

Кроме того, мотивом совершения данной категории преступлений является корысть, стремление обогащения лёгким путём, а также низкий уровень профилактики преступлений.

В настоящее время возникают серьёзные проблемы в квалификации бандитизма, процесс доказывания данного преступления отличается определённой сложностью. Установление ответственности за иные формы организованной преступной деятельности, смежных по отношению к бандитизму преступлений вызывает необходимость определения чётких критериев их разграничения.

Основная часть. Расследование и раскрытие преступлений, привлечение виновных к уголовной ответственности не исчерпывают обязанностей органов предварительного следствия. Закон возлагает на них и специальные обязанности по предупреждению (превенции) криминала. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь требует от органа дознания и предварительного следствия при производстве судебного разбирательства по уголовному делу выявлять причины и условия, способствовавшие преступлению. Установив их, органы дознания, следователь, прокурор, суд обязаны принять специальные меры к их устранению с тем чтобы предупредить совершение аналогичных или иных преступлений [1, с. 54].

Однако сказанным не исчерпывается содержание профилактической деятельности следователя. Выявление причин и условий совершения преступных посягательств, играя само по себе предупредительную роль, в то же время служит основой для других превентивных мер следователя. К их числу можно отнести следующие:

1) обнаружение и раскрытие совершённых преступлений. Таким путём не только пресекается преступная деятельность конкретных лиц, что имеет важное предупредительное значение, но и обеспечивается неотвратимость наказания, превентивная роль которого несомненна;

2) устранение выявленных причин и условий, способствовавших преступлениям конкретного вида, рода или совершённых определённым способом при определённых обстоятельствах и т. п.;

3) меры воспитывающего и предостерегающего характера;

4) общепрофилактические меры, в том числе использование возможностей средств массовой информации, трудовых коллективов, родовых и национальных традиций и т. п.

Профилактическая деятельность следователя и других правоохранительных органов не может преследовать цель полного искоренения преступности в стране, которая была декларирована в условиях господства коммунистической идеологии. Как показывает опыт истории, преступность присуща любому общественному строю, её развитие — результат действия определённых социальных закономерностей. Задача профилактической деятельности — не полное искоренение преступности, а эффективное снижение её количественных и качественных показателей, уменьшение её воздействия на общество и государство, повышение уровня личной безопасности граждан, защиты их законных прав и интересов. В достижении этих целей профилактической деятельности следователю как представителю государственной власти принадлежит заметная роль.

Истина по делу достигается лишь в том случае, когда полно и всесторонне установлены все обстоятельства, входящие в предмет доказывания. К числу этих обстоятельств закон относит причины и условия, способствующие преступлению, которые также подлежат именно доказыванию, т. е. должны быть выявлены путём применения всех процедур, предусмотренных законом для этого процесса. Хотя закон, по понятным причинам, не может содержать перечня типичных причин и условий, некоторые из них (в отдельных случаях) он включает в предмет доказывания.

Следует отметить, что причина преступления — настолько сложная категория, обусловленная многозначными социальными и иными зависимостями, что установить её в рамках предварительного следствия зачастую просто невозможно. Поэтому не случайно в литературе и в практической следственной деятельности речь обычно идёт об установлении обстоятельств, способствовавших преступлению, а не их причин [2, с. 144].

Следуя за изменениями структуры преступности, уголовное законодательство должно оперативно реагировать на возникновение новых методов, приёмов и форм её деятельности. Наиболее важным изменением в структуре криминала является стремительное приобретение ею организованных форм. Индивидуальная преступность давно уже уступила место групповой, а групповая, в свою очередь, быстро превращается в организованную. Подразделения по борьбе с организованной преступностью должны выявлять и пресекать деятельность организованных групп и преступных сообществ, имеющих межрегиональные и международные связи, устанавливать наличие у них коррумпированных связей, бороться с квалифицированным вымогательством [3, с. 94—96].

Общественная опасность этой категории преступности велика. Понятно, что её изучение, изучение конкретных преступлений, разработка мер по предупреждению общеуголовной корыстной преступности против государственного управления в сфере общественной безопасности и гражданского порядка является для уголовного права важнейшим делом.

Правоохранительные органы хоть и не всегда справляются с поставленными задачами, тем не менее, государством для этого принимаются все возможные на данный момент меры. Закон обязывает следственные органы и суды принимать надлежащие меры к тому, чтобы все лица, виновные в организации и участии в бандах, были привлечены к ответственности именно по этой статье, предусматривающей строгое наказание.

Заключение. Преступления против общественной безопасности объективно вредны для широкого круга общественных отношений (безопасности личности, нормальной деятельности предприятий, учреждений, организаций и других социальных институтов). При совершении преступлений против общественной безопасности вред причиняется интересам не конкретного человека, а общественно значимым интересам — безопасным условиям жизни общества в целом. Бандитизм как преступление против общественной безопасности вызывает страх и социальную напряжённость, а иногда и недоверие общества к власти, к правоохранительным органам

(государство не всегда способно защитить каждого гражданина от посягательств на него и его имущество). Из года в год он становится всё опасней.

Причины формирования банд, их большой рост за последнее время следует искать в самом обществе, так как в процессе своего формирования как личность человек проходит через множество социальных институтов, которые формируют модель его поведения в обществе. Правоохранительные органы в конечном счёте сталкиваются уже с последствиями ошибок в работе этих институтов.

На правоохранительные органы возложена обязанность принимать надлежащие меры к тому, чтобы все виновные в организации и участии в бандах были привлечены к ответственности. Для этого создана и действует система мер борьбы с бандитизмом.

Список цитируемых источников

1. Андреева А., Овчинникова Г. Квалификация бандитизма // Законность. 1999. № 4. С. 54—56.
2. Марчук В. В., Бабий Н. А. Практикум по уголовному праву : учеб. пособие. Минск : ТетраСистемс, 2001. 211 с.
3. Ищенко Е. Плоткин Д. Борьба с бандитизмом: назревшие проблемы // Законность. 2001. № 4. С. 94—96.

УДК 343.132.1

М. А. Заволокина, О. И. Скок

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЭТАПА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Введение. Осмотр места происшествия является первоначальным и неотложным следственным действием, определяющим направление предварительного расследования, а по большинству дел расследование начинается именно с осмотра места происшествия. Задержка его производства нередко сопровождается утратой следов преступления, изменением обстановки на месте происшествия либо исчезновением лиц, совершивших преступление.

Именно в ходе осмотра места происшествия, которому нередко сопутствуют другие виды следственного осмотра, происходит обнаружение, фиксация, изъятие, а нередко и исследование следов преступления, которые являются источниками доказательственной информации об обстоятельствах совершения преступления и лицах, его совершивших. Об особой значимости следственных осмотров свидетельствует и тот факт, что их проведение направлено на получение информации из материальных следов преступлений. Эффективность и высокое качество проводимых осмотров могут быть обеспечены лишь при условии соблюдения основных тактических положений следственного осмотра, а также выбора наиболее оптимальных в каждом конкретном случае тактических приёмов и рекомендаций его проведения.

Основная часть. Следует согласиться с Л. Н. Ивановым и С. А. Полуниным в том, что «от того, насколько умело проведён подготовительный этап, зависит качество и объём получаемой в ходе его производства информации, что, в свою очередь, обуславливает правильный выбор средств и методов решения задач, стоящих перед начальным этапом расследования» [1, с. 4].

Осмотр места происшествия производится в двух случаях. Во-первых, когда преступление уже совершено и осмотр необходим в целях обнаружения следов и других вещественных доказательств, выяснения обстановки места происшествия, а равно иных обстоятельств, имеющих значение для дела. Во-вторых, когда имеются подозрения о совершённом преступлении и в ходе осмотра требуется установить, что же в действительности произошло: самоубийство или убийство, пожар вследствие неисправности электропроводки или поджог и т. п. [2, с. 214].

Подготовительные мероприятия к осмотру места происшествия включают постоянную готовность к выезду, подготовку к осмотру после того, как получено сообщение о происшествии, и подготовительные действия, осуществляемые непосредственно на месте происшествия.

Следователь должен:

- приняв сообщение о происшествии, уточнить, что и где произошло, и позаботиться об охране его обстановки; предупредить лиц, организующих охрану, чтобы они установили очевидцев; если есть пострадавшие, отдать распоряжение об оказании им помощи; выяснить, приняты ли работниками милиции меры к задержанию подозрительных лиц; уточнить оперативную обстановку на этой территории и готовиться к выезду; перед выездом на место происшествия проверить укомплектованность следственного портфеля; пригласить специалистов и понятых;
- прибыв на место происшествия, следователь определяет границы местности или помещения, подлежащих осмотру, при этом выясняет у очевидцев, какие изменения были внесены в обстановку происшествия с момента его обнаружения, и ориентирует подразделения милиции на принятие оперативно-розыскных мер по раскрытию совершенного преступления [3, с. 229].

Осмотр места происшествия можно разделить на две стадии: начальную (общий осмотр) и стадию детального осмотра.

При общем осмотре следователь изучает, фиксирует и воспринимает обстановку места происшествия в целом: наличие или отсутствие определённых объектов, их взаимное расположение и др. В этой стадии он уточняет сведения о том, что произошло и каковы последствия преступления. Далее следователь фиксирует первоначальную картину происшествия (ориентирующая, обзорная и узловая фотовидеосъёмка); производит замеры для составления плана или схемы места происшествия; принимает меры к сохранению следов и предметов, особенно если осмотр производится в дождь или снегопад; отмечает негативные обстоятельства; выдвигает и проверяет версии о произошедшем событии и причастных к нему лицах.

Производя осмотр места происшествия, следователь должен стремиться получить ответы на следующие основные вопросы: где, что и когда произошло, кто и почему это сделал, каким образом и с чьей помощью.

Стадия детального осмотра. Когда изучение общей обстановки закончено, следователь приступает к анализу) каждого предмета и следа по отдельности, выявляет не только очевидное, но и отыскивает следы, невидимые невооружённым глазом. В этой стадии производится детальная фото-, видеосъёмка, с помощью которой запечатлеваются подробности обстановки места происшествия.

Производя осмотр, нельзя спешить. Ни одна «мелочь» не должна остаться без внимания следователя. Если протокол завершает запись «ничего имеющего отношения к делу не обнаружено», значит, осмотр произведён плохо. Следы преступления и преступника должны быть. В первую очередь это следы рук, ног, транспортных средств и др. Следователь обязан обнаружить их, что поможет ему не только уяснить механизм совершённого преступления, но также установить и изобличить преступника. Детальный осмотр требует от следователя напряжённой мыслительной деятельности. Нельзя механически фиксировать все без исключения предметы и следы, имеющиеся на месте происшествия. Это не позволит выделить факты и обстоятельства, имеющие отношение к делу.

На данной стадии устанавливается относимость к делу выявленных при осмотре предметов и следов; определяется вероятное местонахождение ещё не обнаруженных доказательств, намечаются способы их выявления; оценивается значение отдельных доказательств и всей их совокупности [4, с. 36].

На основе изучения обстановки места происшествия и следов преступника составляется представление о некоторых чертах его внешности: об особенностях походки, физической силе, ловкости, росте, фигуре и т. п. При детальном осмотре места происшествия можно обнаружить признаки, указывающие на круг лиц, среди которых следует искать виновного. К числу таких признаков относятся: выбор маршрута движения к месту преступления; знание слабых мест в препятствиях; знание привычек и образа жизни жертвы; применение виновным различных технических средств при совершении преступления.

Важное криминалистическое значение имеет способ совершения преступления, «индивидуальный почерк» преступника, вырабатываемый при многократном повторении аналогичных действий в сходных условиях.

Заключение. Производя осмотр места происшествия, следователь может выяснить индивидуальные особенности преступника и механизм совершённого преступления, техническую оснащённость виновного, его физические данные и др. Только глубокий и всесторонний анализ обстановки места происшествия обеспечивает квалифицированное расследование.

По окончании подготовительных тактических действий следователь приступает непосредственно к осмотру места происшествия, к его рабочему этапу.

Список цитируемых источников

1. Потапова Н. Л. Особенности осмотра места происшествия по делам о преступных нарушениях правил охраны труда на предприятиях // Рос. следователь. 2010. № 2. С. 4.
2. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.] ; под ред. А. В. Дулова. Минск : Экоперспектива, 1996. 409 с.
3. Криминалистика : учеб. / А. Ф. Волюнский [и др.] ; под ред. А. Ф. Волюнского. М. : Закон и право : Юнити-Дана, 1999. 615 с.
4. Осмотр места происшествия : практикум / авт.-сост. А. Е. Гучок, И. А. Мороз. Минск : БГУ, 2003. 75 с.

УДК 341.3

М. Заиков

Гомельский филиал учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный институт трудовых и социальных отношений», Гомель

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «КОМБАТАНТ» И «НЕКОМБАТАНТ»

Введение. Во всех вооружённых конфликтах та или иная сторона прежде всего представлена вооружёнными силами своего государства. Опираясь на Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 г., который расширил и дополнил содержание Женевских конвенций наряду с Протоколом II, вытекает определение: «Вооружённые силы стороны, находящейся в конфликте, состоят из всех организованных вооружённых сил, групп и подразделений, находящихся под командованием лица, ответственного перед этой стороной за поведение своих

подчинённых, даже если эта сторона представлена правительством или властью, не признанными противной стороной. Такие вооружённые силы подчиняются внутренней дисциплинарной системе, которая, среди прочего, обеспечивает соблюдение норм международного права, применяемых в период вооружённых конфликтов» [1].

Основная часть. Лица, входящие в состав вооружённых сил государства — участника вооружённого конфликта описаны в п. 2 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям: «Лица, входящие в состав вооружённых сил стороны, находящейся в конфликте (кроме медицинского и духовного персонала, о котором говорится в статье 33 Третьей конвенции), являются комбатантами, т. е. они имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях» [2], а также согласно ст. 1 главы I «О том, кто признаётся воюющим» отдела I «О воюющих» Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» от 1907 г., лица признаются в качестве воюющих, если будут открыто носить оружие и будут соблюдать законы и обычаи войны.

Согласно п. «с» ст. 8 раздела 1 части второй ««медицинский персонал» означает лиц, которые назначены стороной, находящейся в конфликте, исключительно для медицинских целей, перечисленных в пункте «е», для административно-хозяйственного обеспечения медицинских формирований или для работы на санитарно-транспортных средствах и для их административно-технического обеспечения. Такие назначения могут быть либо постоянными, либо временными. Этот термин включает: i) медицинский персонал стороны, находящейся в конфликте, как военный, так и гражданский, включая персонал, указанный в Первой и Второй конвенциях, и персонал, который придан организациям гражданской обороны; ii) медицинский персонал национальных обществ Красного Креста (Красного Полумесяца, Красного Льва и Солнца) и других национальных добровольных обществ помощи, должным образом признанных и уполномоченных стороной, находящейся в конфликте; iii) медицинский персонал медицинских формирований или санитарно-транспортных средств, указанных в статье 9, пункт 2» [3].

Согласно п. «d» этой же статьи: ««духовный персонал» означает лиц, как военных, так и гражданских, как, например, священников, которые заняты исключительно выполнением своих духовных функций и приданы: i) вооружённым силам стороны, находящейся в конфликте; ii) медицинским формированиям или санитарно-транспортным средствам стороны, находящейся в конфликте; iii) медицинским формированиям или санитарно-транспортным средствам, указанным в ст. 9, п. 2; iv) организациям гражданской обороны стороны, находящейся в конфликте. Духовный персонал может быть придан постоянно или временно, и на него распространяются соответствующие положения п. «k»» [4].

Для более детального изучения дозволений и запретов медицинского и духовного персонала, а также лиц, выполняющих общественную помощь на добровольных основаниях, стоит обратиться к ст. 12—17 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям.

Таким образом, вышеизложенные лица, определённые в п. «с» ст. 8 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям относятся к лицам, которые в силу специфики своей деятельности не могут непосредственно относиться к вооружённому конфликту, т. е. данный круг лиц участвует посредственно в вооружённом конфликте, выполняя исключительно гуманитарные задачи, такие как подбор раненых, поиск трупов и т. д. Если же гражданское лицо из числа гражданского населения изъявляет желание и участвует в поиске и сборе трупов в составе объединения, признанного стороной, в интересах которой он направляет свою деятельность, то, следовательно, данное лицо приобретает статус некомбатанта, т. е. не относящегося непосредственно к вооружённому конфликту. Тем самым он не теряет статус гражданина.

Данных лиц будет правомерно отнести к числу не воюющих лиц, т. е. к числу некомбатантов. Все они индентантский, медицинский персонал, корреспонденты, репортёры, духовенство и др. [5, с. 34].

Данный круг лиц не является непосредственным объектом вооружённого нападения противника. При себе они могут иметь оружие, однако имеют право воспользоваться им лишь в случаях самообороны при нападении и охране вверенного им имущества. Ни в каких других целях применять оружие данный круг лиц права не имеет. Согласно ст. 3 главы I отдела I Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны»: «Вооружённые силы воюющих сторон могут состоять из сражающихся и несражающихся. В случае захвата неприятелем как те, так и другие пользуются правами военнопленных» [6].

Однако в Международном гуманитарном праве существует такой термин, как «комбатант». Несмотря на довольно богатую историю военных конфликтов, данное определение было сформулировано лишь в 1907 г. на 2-й Гаагской конференции в Конвенции «О Законах и обычаях сухопутной войны» (IV Гаагская конвенция). Именно тогда было определено точное разграничение между комбатантами и другими участниками вооружённых конфликтов. Для детального изучения данного термина приведём материал.

Согласно п. 2 ст. 43 раздела 2 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям: «Лица, входящие в состав вооружённых сил стороны, находящейся в конфликте (кроме медицинского и духовного персонала, о котором говорится в ст. 33 Третьей конвенции), являются комбатантами, т. е. они имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях» [7].

Здесь определён круг лиц, попадающих под определение «комбатант». Круг лиц, не относящихся к понятию «комбатант», был сформулирован и определён выше. Осталось довести до конца круг лиц, которых правомерно будет относить к понятию «комбатант».

И так, комбатанты — это лица, входящие в состав вооружённых сил стороны, находящейся в вооружённом конфликте. Они имеют право и принимают непосредственное участие в вооружённом конфликте. Они непосредственно ведут боевые действия против стороны, с которой ведётся вооружённый конфликт, непосредственно с оружием в руках. Лишь к данному кругу лиц применимо военное насилие с возможностью физического уничтожения.

Попав в руки противника (в плен), они приобретают статус военнопленного. Статья 45 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям регулирует защиту лиц, участвующих в военных действиях.

К комбатантам относятся:

- 1) личный состав регулярных вооружённых сил (сухопутных, военно-морских, воздушных и др.);
- 2) иррегулярные силы — партизаны, личный состав ополчений и добровольческих отрядов;
- 3) экипажи торговых морских судов и экипажи гражданских самолётов воюющих сторон, если они переоборудованы в военные;
- 4) бойцы, участвующие в национально-освободительных войнах, борющиеся против колониализма, расизма и иностранного господства;
- 5) население незанятой территории, которое при приближении неприятеля добровольно возьмётся за оружие для борьбы с вторгающимися войсками и которое не имело времени устроиться, согласно Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» от 1907 г., (отдел I, глава I, ст. 1), признаваться в качестве воюющего, если будет открыто носить оружие и будет соблюдать законы и обычаи войны.

Согласно ст. 1 главы I отдела I Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны», «Военные законы, права и обязанности применяются не только к армии, но также к ополчению и добровольческим отрядам, если они удовлетворяют всем нижеследующим условиям: 1) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчинённых; 2) имеют определённый и явственно видимый издали отличительный знак; 3) открыто носят оружие и 4) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны.

Ополчение или добровольческие отряды в тех странах, где они составляют армию или входят в её состав, понимаются под наименованием армии» [8].

Не признаются в качестве комбатантов наёмники. Это лица, согласно п. 2 ст. 47 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям «Наёмник — это любое лицо, которое: а) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооружённом конфликте; б) фактически принимает непосредственное участие в военных действиях; в) принимает участие в военных действиях, руководствуясь, главным образом, желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооружённых сил данной стороны; г) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте; д) не входит в личный состав вооружённых сил стороны, находящейся в конфликте; е) не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооружённых сил» [9]. Под покровительством Международного гуманитарного права они не находятся и несут наказание как преступники. Согласно п. 2 ст. 47 Дополнительного протокола I, не относятся к наёмникам военные инструкторы и советники. Эти лица направляются в другое государство на основе двусторонних соглашений для оказания ему помощи в создании вооружённых сил, подготовке военных кадров и обучении войск, но непосредственного участия в боевых действиях они не принимают [10].

Заключение. Лица, входящие в состав вооружённых сил государства — участника вооружённого конфликта, согласно п. 2 ст. 43 раздела 2 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям и объединения, формирования населения, соответствующие Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны», с оружием в руках, являющиеся непосредственными участниками вооружённого конфликта, в соответствии с Международным гуманитарным правом являются комбатантами и обладают, в соответствии с Международными правовыми актами, определёнными правами и обязанностями.

Список цитируемых источников

1. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов (Протокол I) [Электронный ресурс] : [принят в Женеве 8 июня 1977 г.]. URL: https://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 24.02.2016).
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Зверев П. Г. Понятия «комбатант» и «некомбатант» в международном гуманитарном праве // Теория и практика правоохран. деятельности : сб. материалов науч. мероприятий, проводимых в День науки ин-та 22 мая 2003 г. Калининград : Изд-во Калининград. ЮИ МВД России, 2003. С. 34—39.
6. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны [Электронный ресурс] : [Гаага, 18 окт. 1907 г.]. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (дата обращения: 24.02.2016).
7. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям.
8. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны.
9. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям.
10. Там же.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ВЗРЫВОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Введение. Актуальность проблемы исследования заключается в том, что при расследовании убийств, совершённых с использованием взрывных устройств (далее — ВУ) и взрывчатых веществ (далее — ВВ), возникают вопросы, для разрешения которых необходимы специальные знания. Различные аспекты взрывотехнической экспертизы рассматривали в своих трудах многие учёные: О. Я. Баев, Р. С. Белкин, Л. В. Бертовский, С. И. Винокуров, К. В. Вишневецкий, А. Ф. Волынский, И. Ф. Герасимов, А. В. Гусев, А. И. Дворкин, Ю. М. Дильдин, Л. Я. Драпкин, Е. П. Ищенко, И. Д. Корухов, И. Д. Моторный, И. Ф. Пантелеев, Е. Р. Россинская, В. Н. Цветкова и др. Методики расследования убийств данной категории уже существуют, однако в них не получила достаточного освещения характеристика взрывотехнической экспертизы. В связи с этим возникает потребность в дополнительном исследовании взрывотехнической экспертизы.

Цель исследования — на основе анализа различных точек зрения учёных определить характер и предмет взрывотехнической экспертизы.

В ходе исследования применялись общенаучные методы познания: индукция и дедукция, анализ и синтез, метод системного подхода, сравнительно-правовой метод (при сравнении различных мнений учёных).

Основная часть. На современном этапе своего развития взрывотехническая экспертиза представляет собой исследования, производимые в установленном законом порядке, осуществляемые экспертом для выяснения обстоятельств подготавливаемого или совершённого взрыва по данным о его последствиях и разрушающему действию, применённых ВВ и ВУ. Однако до сих пор в науке остается дискуссионным вопрос о её криминалистическом или инженерно-техническом характере.

Так, Е. Р. Россинская относит взрывотехническую экспертизу к классу инженерно-технических экспертиз [1, с. 160]. По мнению Ю. Г. Корухова, взрывотехническая экспертиза является практическим воплощением области знаний, определяемой как криминалистическая взрывотехника [2]. И. Д. Моторный также придерживается точки зрения о криминалистической природе взрывотехнической экспертизы и необходимости ограничений её от взрывотехнической экспертизы промышленных взрывов [3, с. 121].

Нам представляется правильной точка зрения Ю. Г. Корухова и И. Д. Моторного, так как взрывотехническая экспертиза базируется на теории криминалистической идентификации, криминалистическом исследовании микрочастиц, веществ и материалов. Поэтому при производстве взрывотехнической экспертизы широко применяются приёмы, средства, обусловленные спецификой задач этой экспертизы и не разрабатываемые и иными науками. Именно этими обстоятельствами, на наш взгляд, обусловлено возникновение новой подотрасли криминалистической техники, которая получила название криминалистическая взрывотехника, и именно эти обстоятельства позволяют отнести взрывотехническую экспертизу к классу криминалистических экспертиз.

Существуют различные мнения учёных и относительно самого предмета взрывотехнической экспертизы. Так, одни авторы рассматривают его, как фактические данные, исследуемые и устанавливаемые при расследовании преступлений, связанных со взрывами, на основе специальных знаний во взрывном деле [4, с. 168]. Для других учёных предмет взрывотехнической экспертизы составляют фактические данные, связанные с установлением принадлежности исследуемых веществ или изделий к ВВ или ВУ, установлением уровня специальных знаний и профессиональных навыков изготовителя ВУ, в случае их взрыва — также с восстановлением (реконструкцией) вещной обстановки места происшествия и анализом ситуации, предшествовавшей взрыву [5].

Анализируя различные точки зрения учёных, мы можем сделать вывод о том, что предметом взрывотехнической экспертизы являются данные о ВУ и ВВ, следов их действия, механизма взрыва, а также обстоятельств, связанных с подготовкой, осуществлением и последствиями взрыва. Предмет любой судебной экспертизы, в том числе взрывотехнической, непосредственным образом связан с её задачами.

Впервые классификация задач взрывотехнической экспертизы была предложена Е. Р. Россинской, которая подразделила их на несколько групп: а) диагностика ВУ и ВВ, б) диагностика механизма взрыва по его следам, в) вопросы идентификационного характера, г) диагностика взрывоопасных аварийных ситуаций, механизмов технологических взрывов, нарушений правил взрывобезопасности [6, с. 108].

Учёный П. П. Смольяков предпринял попытку разделить их на три категории: идентификационные, классификационные и диагностические [7, с. 177].

По нашему мнению, наиболее полную классификацию задач взрывотехнической экспертизы предложил И. Д. Моторный, подразделив их на следующие группы: классификационные, диагностические, идентификационные, ситуационные и восстановительные (реконструкционные) [8]. Подобное деление помогает правильно уяснить сущность и содержание этих видов задач, способствует разработке соответствующих частных методик, теоретическому обоснованию экспертной практики и её совершенствованию.

Классификационные исследования преследуют цели: а) определить относимость того или иного вещества, смеси вещества к категории взрывчатых; б) определить относимость изделия к категории ВУ, боеприпасов или средств, имитирующих ВУ [9, с. 88].

Диагностические исследования ставят перед собой следующие задачи: а) установление способа изготовления, наименования, конструкции, принципа действия, назначения, областей применения и других характеристик взрывотехнического изделия; б) определение состояния ВВ или ВУ; в) определение пригодности вещества или изделия к взрыву в данных условиях; г) определение конструкции средства, имитирующего ВУ; д) установление наличия (отсутствия) профессиональных знаний, умений и навыков по взрывному делу у изготовителя ВУ по признакам, отобразившимся на материальных носителях [10].

Идентификационные исследования проводятся в целях: установления групповой (видовой) принадлежности ВУ и ВВ, установления общего источника происхождения сравниваемых образцов ВВ, средств инициирования, других взрывотехнических изделий [11].

Целями ситуационного исследования являются: а) определение возможности взрыва при обращении с опасными предметами в конкретных обстоятельствах; б) определение возможных последствий взрыва в конкретной обстановке; в) установлении наличия или отсутствия реальной опасности для жизни и здоровья людей в конкретной ситуации; г) определение соответствия масштабов разрушений на месте происшествия мощности (силе взрыва) конкретного взрывотехнического изделия [12].

К восстановительным (реконструкционным) целям относятся: определение конструкции взорванного устройства, определение принципа действия взорванного ВУ, определение вида, наименования, массы взорванного ВВ, определения штатных взрывотехнических изделий, использованных при изготовлении данного ВУ [13].

Заключение. Взрывотехническая экспертиза относится к классу криминалистических экспертиз, предметом которой являются данные о ВУ и ВВ, следах их действия, механизмах взрыва, а также обстоятельствах, связанных с подготовкой, осуществлением и последствиями взрыва.

К задачам взрывотехнической экспертизы относятся классификационные, диагностические, идентификационные, ситуационные, восстановительные (реконструкционные).

Список цитируемых источников

1. Евстигнеева О. В. Особенности расследования преступлений, совершённых с использованием взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Саратов, 2001. 215 л.
2. Там же. С. 161.
3. Моторный И. Д. Теоретико-прикладные основы применения средств и методов криминалистической взрывотехники в борьбе с терроризмом. М. : 1999. 199 с.
4. Кряжев В. С. Общие положения методики расследования преступлений, совершённых с применением взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Иркутск, 2003. 235 л.
5. Там же. С. 168.
6. Михайлов М. А. Криминальный взрыв: Возможности расследования. М. : Юрлитинформ, 2004. 200 с.
7. Смольяков П. П. Правовые и методические основы криминалистических исследований самодельных взрывных устройств: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / П. П. Смольяков. Волгоград, 2000. 289 л.
8. Моторный И. Д. Теоретико-прикладные основы применения средств и методов криминалистической взрывотехники в борьбе с терроризмом. С. 128.
9. Криминалистическое обеспечение первоначального этапа расследования преступных взрывов : учеб. пособие / К. В. Вишневецкий [и др.] ; под. ред. А. И. Натуры. М. : Юрлитинформ, 2008. 136 с.
10. Там же. С. 89.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же. С. 90.

УДК 347.93(476)

Е. А. Караубаева

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

К ВОПРОСУ О СООТНОСИМОСТИ ТЕРМИНОВ «ПРАВО» И «ПОЛИТИКА» В ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Введение. Существование таких феноменов, как право и политика, обусловило возникновение проблемы их соотношения и взаимодействия, а также определение преобладающей роли вышеупомянутых явлений. Такие авторы, как В. Г. Графский «Философия права в России: история и современность» (2009), В. В. Ильин и А. С. Панарин «Философия политики» (1994), И. Ю. Козлихин «Право и политика» (1996), И. И. Кравченко «Бытие политики» (2001), В. С. Нерсесянц «Философия права» (1997), Л. И. Петражицкий «Теория и политика права. Избранные

труды» (2011), А. Л. Стризое «Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия» (1999), рассматривая право и политику в качестве самостоятельных явлений, упоминают об их взаимодействии применительно к их предмету исследования. Поэтому, опираясь на их работы, творчески разовьём проблемные аспекты взаимодействия категорий «право» и «политика» в теории государства и права. Вопрос о взаимоотношении существующих феноменов требует дальнейшего тщательного изучения, так как каждый индивид в повседневной жизни сталкивается с данными явлениями либо их проявлениями, что обуславливает актуальность освещения выбранного направления. В данных материалах рассмотрим наиболее важные общественные явления, в которых выражается сущность политики и права, акцентируем своё внимание на взаимосвязи данных феноменов, их общности и различиях, а также определим, какому из двух явлений, политике или праву, принадлежит главенствующая роль.

Основная часть. Вопрос о бытии политического строя являлся насущным во все времена. Об этом свидетельствуют изученные взгляды как современных учёных и мыслителей, так и их предшественников. К примеру, согласно Аристотелю: «человек — существо политическое» [1, с. 59]. Не учитывая тот факт, что данному высказыванию более тысячи лет, оно до сих пор актуально, ведь политика пронизывает все сферы общественной жизни. Также из данного определения следует, что политика напрямую зависит от человека, так как осуществляется непосредственно людьми и над себе подобными. В настоящее время наблюдается ярко выраженная заинтересованность к проблеме политического, о чём говорит большое количество литературы по данному вопросу (Э. Я. Баталов, А. А. Дегтярев, И. И. Кравченко, М. Хеттих и др.), а также различное толкование термина «политика», что подтверждает вариации определений во многих словарях. Согласно юридическому словарю, политика (греч. *politike* искусство управления государством) употребляется в следующих значениях: 1) как деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность общественных классов, партий и других классовых организаций, общественных группировок, определяемая их интересами и целями; 2) вопросы и события общественной, государственной жизни; 3) образ действий, направленных на достижение чего-нибудь, определяющих отношения с людьми [2, с. 577]. В связи с этим необходимо отметить, что с развитием политико-правовой мысли осуществлялось постепенное отделение от политики и прекращение отождествления её с такими понятиями, как этика, власть и государство. В результате к современному этапу развития общества политика рассматривается как самостоятельное, отдельное понятие. Обстоятельный анализ концепций сущности политики представлен в работе И. И. Кравченко «Введение в исследование политики (философские аспекты)», в которой выделены четыре основных объяснения политики: 1) «как отношения, включающие согласие, подчинение, господство, конфликт и борьбу» между социальными группами и государствами; 2) как «отождествление политики с другими политическими явлениями, такими как господство, власть...»; 3) как «объяснение через функции (функциональное истолкование)»; 4) как «объяснение политики через её цели (телеологическое)» [3, с. 57]. Мы не можем опровергнуть тот факт, что политика взаимодействует с внешней средой, и для отражения данного явления используется понятие политической системы. Наиболее авторитетным исследователем по этому вопросу является американский политолог Д. Истон, который считал главной функцией сферы политики авторитетно-властное распределение в обществе ценностей, таких как богатство, властные полномочия и социальные статусы. При изучении работ Д. Истона «Политическая система» (1953), «Системный анализ политической жизни» (1965), «Анализ политических структур» (1990) мы приходим к выводу о том, что без права существование политики невозможно, ведь для её реализации необходима система общеобязательных правовых норм, регламентируемых и санкционируемых государством. Говоря о правовой форме организации политической власти, следует упомянуть тщательно изученную категорию — правовое государство. Учёный В. С. Нерсисянц определяет правовое государство как «правовую форму организации и деятельности публично-политической власти и её взаимоотношений с индивидами как субъектами права, носителями прав и свобод человека и гражданина» [4, с. 198]. Следовательно, правовое государство является формой организации политической власти, основанной на принципе верховенства закона, а также прав и свобод человека и гражданина. Для наиболее глубокого изучения соотношения права и политики необходимо рассмотреть также наименее исследованную правовую категорию — правовую политику, имеющую важное методологическое и практическое значение. Под правовой политикой можно понимать научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой жизни общества и личности [5, с. 12]. Наличие данной правовой категории не только подтверждает взаимосвязь таких исследуемых феноменов, как право и политика, но и подчёркивает значительную роль государства в политико-правовых отношениях. Таким образом, исходя из проведённого исследования политико-правовых отношений, можем сказать о взаимном влиянии права и политики. Так как политика частично реализуется благодаря правотворчеству, то именно она определяет право посредством установления содержания правовых норм. В то же время влияние права на политику проводится прямым и косвенным путём. Характерным примером прямого влияния является закрепление в конституциях современных государств основ конституционного строя, а также прав и свобод человека и гражданина, косвенного — избирательное право и правовая культура.

Заключение. При исследовании таких наиболее значимых общественных явлений, как право и политика, были изучены основные правовые категории по данному вопросу, являющиеся базисными: политическая система общества, правовое государство и правовая политика. Именно вышеупомянутые категории имеют важное значение при глубоком изучении политико-правовых отношений. Таким образом, мы можем говорить об эффективном ис-

пользовании метода индукции, который заключается в переходе от исследования менее содержательных категорий к наиболее ёмким и значительным явлениям. Делая собственный вывод, необходимо отметить, что научные категории теории государства и права, такие как право и политика, являются взаимодополняющими явлениями, о чём свидетельствует их взаимное влияние друг на друга, однако, как следует из проведённого исследования, понятия права и политики соотносятся как часть и целое. Также необходимо сказать о том, что вопросам права и политики принадлежит ведущая роль на современном этапе развития общества, ведь опираясь на знания, полученные теоретическим и практическим путём по данному вопросу, возможно осуществление прогнозирования ближайшего будущего как конкретного, отдельно взятого государства, так и мировых сообществ.

Список цитируемых источников

1. История политических и правовых учений : учеб. для вузов / под ред. общ. ред. акад. РАН, В. С. Нерсисянца. 3-е изд., стер. М. : НОРМА, 2003. 736 с.
2. Юридический словарь / под ред. А. Н. Азриляна. 2-е изд. М. : Ин-т новой экономики, 2009. 1152 с.
3. Ильин М. В. Хронополитическое измерение за пределами повседневности и истории // Полит. исслед. 1996 . № 11. С. 55.
4. Протасов В. Н. Теория права и государства. М. : Новый Юрист, 1999. 240 с.
5. Малько А. В. Теория правовой политики : моногр. М. : Юрлитинформ, 2012. 328 с.

УДК 340

А. С. Киселев

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Российская Федерация*

О ПРИРОДЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПАРЛАМЕНТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение. Электронный парламент как концепция существовал ещё до его действительного применения на практике. Как и во многих других сферах общества, в деятельность законодателей проникают новые информационные технологии. Помимо традиционной работы появляются новые элементы, свойственные для организации власти в электронном государстве. В связи с тем, что процесс информатизации в нашем обществе высок, существует необходимость его регламентации на законодательном уровне. Электронное государство является комплексной системой, под которой понимается единство всех ветвей власти, их разграничение и функционирование в сфере электронных технологий с учётом особенностей и компетенций. Фактически в структуру концепции электронного государства в России включены все три ветви власти. Первоначально политологи исходили из модели диады, включая в состав электронного государства только электронную демократию и электронную администрацию. Однако многие учёные-правоведы всё чаще говорят о необходимости универсализации концепции, расширения её на всю государственную систему. В этом исследовательском ракурсе мы получаем «тривиум»: «электронное законотворчество» — «электронное правительство» — «электронное правосудие». Проблемы продвижения, реализации концепции электронного государства и информационного общества, а также основные методы функционирования данной системы и взаимодействия государства с населением путём установления интерактивной связи с удалённым доступом сегодня являются новой вехой в развитии теоретических аспектов и социальных проблематик. Преодоление назревших проблем будет возможно путём систематизации накопленных знаний, накопления эмпирического опыта, в том числе успешного применения технологий зарубежных стран, и в итоге — придания модели электронного государства законченного вида. В данной работе особое внимание будет уделено законодательной ветви власти — электронному парламенту.

Основная часть. Рассмотрим законодательную власть через призму процессов, организованных с помощью информационных технологий. Как показывает практика, в научной среде законодательную ветвь отождествляют с понятием «электронный парламент», т. е. законодательный орган, осуществляющий свою деятельность на основе автоматизированных систем подачи и подсчёта голосов. Также к практике электронного законотворчества имеет отношение институт электронного голосования. Понятие «электронное голосование» охватывает различные технологии автоматизации избирательного процесса. К примеру, подразумевается возможность реализации избирательного права при удалённом доступе. Пользователь-гражданин может находиться во время проведения выборов в другом регионе или государстве. Зайдя в личный кабинет с персонализированным логином и паролем, он может проголосовать за партию, кандидата или конкретное решение, рассматриваемое законодательными органами власти. Подобная система призвана обеспечить прозрачность, удобство и оперативность процессов.

Данный способ участия граждан как одна из форм народовластия в отправлении государственной власти потенциально способен приблизить правовую политику государства к насущным потребностям жизни общества и позициям избирателей, поскольку технически обеспечивает прямое влияние на законодательную инициативу.

Использование знаний толпы способно обеспечивать развитие существующей системы законодательства за счёт использования знаний граждан. Технологии по организации сетевой деятельности по коллективному «созданию нормативных регламентов делают в перспективе реальной идею Руссо о законодательствующем народе. Граждане сами формируют нормы, по которым собираются жить дальше, отражая их в создаваемом документе» [1, с. 146].

Указ Президента РФ от 9 февраля 2011 г. № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» [2], создание порталов «Общественное правительство» и «Российская общественная инициатива» — самые первые шаги в направлении электронного законотворчества.

Многие специалисты в сфере информатизации общественных отношений считают, что электронные коммуникации являются одним из основных условий развития стабильного и тесного взаимодействия власти и граждан. Подобной точки зрения придерживался В. З. Коган, который считал, что сам по себе факт развития информационно-коммуникационных технологий является условием активизации информационного взаимодействия в сфере социальных отношений. Таким образом, признаётся важность и необходимость развития информационного взаимодействия как фактора создающего, предопределяющего дальнейшее развитие цивилизации, способствующего укреплению основных ценностей и формированию свободно развивающегося общества [3, с. 28].

Президент России В. В. Путин отмечал, что «внедрение информационных технологий сделает более прозрачным общение граждан с властью». Их использование — это «эффективный путь повышения открытости государственных и муниципальных структур». Президент В. Путин указал и на необходимость персонификации ответственности в ходе общероссийского внедрения информационных технологий: «Учитывая масштабы и важность задач, следует проработать вопрос о назначении в каждом ведомстве и регионе конкретного человека — компетентного и ответственного, который будет курировать внедрение информационных технологий» [4].

В настоящее время существует много точек зрения, касающихся готовности общества к внедрению информационных технологий. Но, как отмечает А. П. Мазуренко [5, с. 31], существуют примеры, опровергающие такой подход. В Тамбовском облизбиркоме в 2010 г. уже состоялся эксперимент по сбору подписей. В перспективе подписные листы при регистрации кандидатов уйдут в прошлое, выразить поддержку народному избраннику можно будет с помощью смартфона. В 2015 г. на выборах Тамбовской городской думы многие избиратели в ходе социального опроса выражали желание проголосовать с помощью электронной связи. Это означает, что люди готовы работать с новыми технологиями. Большая часть населения обладает возможностью доступа к информационным ресурсам и умеет ими пользоваться.

В условиях новой формы демократии не просто качественно меняется характер организационноуправленческих систем, но возрастает значимость самого управления. Как отмечает Н. Н. Федосеева, в условиях информационных (быстрых) коммуникаций актуальная информация столь же быстро устаревает, всё время обновляется, требуя принципиально изменить характер принятия решений (управления), которое должно быть быстрым и точным, иначе управленческие решения окажутся неадекватными, не отвечающими текущей ситуации [6, с. 6]. Согласно данному положению, необходимо вести учёт информации, периодически обновлять электронные ресурсы, сайты, добавлять актуальную информацию. Автор также полагает, что создание портала «Госуслуги» способствует реализации обязанностей государственных органов власти предоставлять услуги в электронном виде [7].

Так, в рамках федеральной целевой программы «Электронная Россия» разработана специализированная информационная система «Парламентский портал» в сети Интернет, обеспечивающая одновременный доступ к информационным ресурсам палат Федерального Собрания и региональных парламентов [8]. Проводятся прямые трансляции заседаний, интернет-конференции сенаторов, ведётся внедрение интернет-приёмных депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации, что позволяет обеспечивать обратную связь с населением. В целях определения достаточности информации в Совете Федерации было проведено изучение информационных ресурсов. В результате был создан и утверждён реестр информационных ресурсов информационно-коммуникационной системы Совета Федерации. Основным их видом являются различные базы данных — библиографические, реферативные, полнотекстовые, фактографические и др.

С точки зрения взаимодействия Совета Федерации с населением, особое значение имеет функция интерактивного обращения посетителей сайта к парламентариям. Внедрение в составе официального интернет-сайта Совета Федерации этой функции позволило в значительной степени автоматизировать работу приёмной. Это дало возможность гражданам знакомиться с основами работы, а также графиком приёма граждан членами комитетов и комиссий Совета Федерации.

Заключение. Благодаря активизации общественного диалога с использованием интернет-технологий демократические процессы способны придать импульс дальнейшему развитию правотворческой политики государства. Сегодня в Российской Федерации созданы необходимые предпосылки для совершенствования работы государственного аппарата на основе широкого использования информационных и телекоммуникационных технологий, что является необходимым условием обеспечения соответствия государственного управления ожиданиям и потребностям населения. В настоящее время существует множество ресурсов, созданных в целях обеспечения бесплатного доступа к государственным услугам. Однако некоторые учёные придерживаются точки зрения, согласно которой российское общество не готово к переходу в электронную сферу коммуникативного интерактивного взаимодействия населения и государства. Тем не менее статистика показывает, что население желает использовать электронные средства связи в целях взаимодействия с государственными органами власти, в том числе с законодательными, а также реализовывать свои права через информационные ресурсы.

Список цитируемых источников

1. Длугач Т. Б. Три портрета эпохи Просвещения. Монтескье. Вольтер. Руссо (от концепции просвещённого абсолютизма к теориям гражданского общества). М. : Изд-во Ин-та философии РАН, 2006. 256 с.
2. Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов : Указ Президента Рос. Федерации, 9 февр. 2011 г., № 167 // Рос. газета. Федер. вып. № 5405. 11 февр. 2011.
3. Коган В. З. Маршрут в страну информологию // отв. ред. А. Н. Кочергин ; Акад. наук СССР. М. : Наука, 1985. 160 с.
4. Путин В. В. Внедрение информационных технологий сделает более прозрачным общение граждан с властью [Электронный ресурс] // Файл-РФ. Ежедневная электронная газета. URL: <http://file-rf.ru/context/1309> (дата обращения: 01.12.2015).
5. Мазуренко А. П. Правотворческая политика и современные информационные технологии // Рос. юрид. журн. 2010. № 3. С. 31—39.
6. Федосеева Н. Н., Чайковская М. А. Понятие и сущность концепции электронного государства // Рос. юстиция. 2011. № 11. С. 6—10.
7. О парламентском контроле : Федер. закон Рос. Федерации от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ // Рос. газ. Федер. вып. № 6076. 14 мая 2013.

УДК 343.9

Т. Ю. Климович

Гродненский филиал частного учреждения образования «БИП — Институт правоведения», Гродно

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЦ, ОТБЫВШИХ НАКАЗАНИЕ

Введение. Ресоциализация лиц, отбывших наказание, — это сознательное восстановление осуждённого в социальном статусе полноправного члена общества [1], это процесс возвращения лиц, отбывших наказание, и приобретения им необходимых возможностей и (или) способностей к жизни в обществе с соблюдением норм права.

Ресоциализация лиц, отбывших наказание, является главной проблемой стран, ранее входивших в состав СССР. Ресоциализация более менее развита в странах Северной Европы, в США, Китае, Южной Корее, а больших успехов в данной области добились в Японии.

Государство должно оказывать поддержку своим гражданам в целях обеспечения им достойного уровня жизни. Однако особого внимания к себе требует такая категория граждан, как лица, отбывшие наказание в местах лишения свободы. После освобождения данные лица сталкиваются с большими трудностями. Им очень тяжело самореализоваться в обществе. После отбытия наказания таким лицам очень тяжело найти работу, потому что наниматели не заинтересованы в предоставлении рабочего места лицу, освободившемуся из мест лишения свободы. Помимо этого эта категория граждан зачастую остаётся без жилья, так как родственники, как правило, не желают разделять общую жилую площадь с «зэком». Находясь в безысходности, они идут на новое преступление, чтобы снова попасть в тюрьму в целях получения крыши над головой.

В соответствии с данными официальной уголовной статистики, треть преступлений носит рецидивный характер.

Основная часть. По официальным данным, в 2014 г. в Республике Беларусь совершено 27 429 преступлений лицами, имеющими судимость [2], а в 2015 г. совершено 26 824 преступления [3].

По мнению специалистов, одной из самых главных причин рецидивной преступности является отсутствие жилья и работы у лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы.

При таких условиях ресоциализация и социальная адаптация таких лиц просто необходима, в первую очередь, в целях снижения уровня преступности и обеспечения безопасности населения.

Задачами ресоциализации являются: повышение общеобразовательного уровня осуждённых; профессиональное обучение либо повышение производственной квалификации; охрана здоровья, приучение к порядку и условиям, установленным в учреждениях; нейтрализация негативных социально-психологических явлений; обеспечение возможности и оказание помощи в установлении и поддержании социально полезных связей, подготовка к освобождению [4]; консультации юристов по жилищным вопросам, вопросам трудоустройства и социального обеспечения.

Это лишь приблизительный перечень задач, объём которого на самом деле более значителен. Он включает в себя также задачи формирования у осуждённых знания требований, предъявляемых к членам общества, осознания изменения социальной установки, тренировку правопослушного поведения в условиях обычного общежития, выявление несформированных (неразвитых) способностей и т. д. [5].

Как уже упоминалось ранее, Япония достигла значительных успехов в области ресоциализации лиц, отбывших наказание. В целях предотвращения повторных преступлений в Японии стремятся не допускать излишнего «клеймения» лиц, преступивших закон, чтобы избежать формирования у них комплекса «преступной личности», «изгоя общества». Это достигается путём устранения (на стадии досудебного расследования) из уголовных правоотношений лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности и менее тяжкие преступления, а в области уголовно-исполнительной (пенитенциарной, исправительно-трудовой) политики — применения к подавляющему большинству подсудимых, признанных виновными, наказаний, не связанных с лишением свободы, или осуждения их к лишению свободы на непродолжительные сроки; дифференцированность подхода к обращению с заключёнными; осуществления широкой программы контроля и воспитания в отношении лиц, условно-досрочно освобождённых из мест заключения [6].

В США социальная работа в отношении правонарушителей осуществляется службой пробации, которая, кроме оказания социальной помощи условно осуждённым и условно освобождённым (например, трудоустройство, предоставление жилья, материальная поддержка), ведёт большую работу по профилактике рецидивной преступности [7].

В Германии педагоги и социальные работники после предварительных собеседований и изучения потенциальных возможностей осуждённого составляют акт, на основании которого осуждённого направляют в соответствующее исправительное учреждение. Так, в тюрьму Мюнстера направляются лица для завершения среднего образования, в тюрьму Варлея — желающие получить нужную профессию и ремесло, в тюрьму Геллерме направляются студенты [8]. В земле Северный Рейн-Вестфалия создана психологическая служба, имеется специальная тюрьма-распределитель, являющаяся одновременно диагностическим центром. Поэтому все совершеннолетние лица, осуждённые к лишению свободы на срок более двух лет, после вступления приговора в законную силу направляются в эту тюрьму. Она расположена в Хагене. В тюрьме Хаген работает специальная комиссия, в которую входит юрист, советник по трудоустройству, педагоги, психологи, социальные работники, учёные-социологи, сотрудники общей службы исполнения наказаний. Члены комиссии в течение шести недель проводят всестороннюю и тщательную диагностику личности каждого осуждённого и определяют, какие ресоциализационные мероприятия являются для него наиболее подходящими. На основании полученных сведений комиссия разрабатывает рекомендации по дальнейшей работе с осуждёнными. Они содержат характеризующие данные с указанием основных отклонений и главных направлений работы по их устранению, что даёт возможность осуществлять долгосрочное планирование работы с осуждённым. Рекомендации направляются вместе с осуждённым по месту отбывания наказания. Комиссия определяет также и наиболее подходящее для конкретного осуждённого учреждение, где он будет отбывать наказание. При этом принимается во внимание специализация учреждения и его месторасположение (как можно ближе к месту жительства осуждённого) [9].

В Англии в первые часы заключения в тюрьму человек получает «Информационный пакет заключённого», состоящий из 15 отдельных брошюр, где изложены выдержки из тюремных правил и подробные разъяснения к ним. При этом особое внимание уделяется перечню предоставляемой заключённым социальной помощи и тому, каким образом её можно получить: «полезные организации», «социальная защита и выплаты по освобождению», «служба социального обеспечения» [10].

Для освобождающихся из мест лишения свободы необходимы дифференцированные социальные программы. Учреждения, исполняющие уголовные наказания, не могут подготовить осуждённых к освобождению без помощи других организаций гражданского общества. Поэтому необходимо способствовать тому, чтобы государственные и общественные организации, работающие с бывшими осуждёнными, устанавливали с ними взаимоотношения ещё до освобождения и начинали планировать процесс их реинтеграции в общество.

Заключение. В связи с изложенным считаем, что процесс ресоциализации должен включать в себя:

- проведение беседы с каждым осуждённым, в ходе которой выясняется, где он намерен проживать, работать или учиться после освобождения, имеется ли связь с родственниками, характер взаимоотношений с ними, его жизненные планы, готовность к обеспечению жизнедеятельности на свободе, с разъяснением целесообразности возвращения на место постоянного проживания и на предприятие, где он работал до осуждения;

- психологическую диагностику личностных особенностей каждого осуждённого, выявление конкретных дефектов его общей социализации, правовой социализации, дефектов психической саморегуляции, всемерное восстановление нарушенных социальных связей личности, мобилизация её социально-положительной психической активности, формирование социально-положительной сферы её текущего и перспективного целеполагания на основе восстановления социально-положительных ценностных ориентаций, организация социально-положительной микросреды на основе положительных созидательных интересов, создание условий для нравственного самопроявления личности во внутригрупповых межличностных отношениях, широкое использование метода поощрений социально адаптированного поведения;

- создание курсов или школы по ресоциализации лиц, отбывших наказание, при исправительном учреждении.

Следует отметить, что комплекс данных мероприятий поможет повысить качество работы исправительных учреждений и даст возможность полноценно вернуть в общество лиц, отбывших наказание, а также повысить социальную безопасность страны.

Список цитируемых источников

1. Исправление и ресоциализация осуждённых и их основные средства. URL: <http://www.onlinelawyer.ru/art/151102> (дата обращения: 08.02.2016).
2. Общая статистика за 2014 год. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=253183> (дата обращения: 10.02.2016).
3. Общая статистика за 2015 год. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=256493> (дата обращения: 10.02.2016).
4. Исправление и ресоциализация осуждённых и их основные средства. URL: <http://www.onlinelawyer.ru/art/151102> (дата обращения: 08.02.2016).
5. Каирбаева Л. Проблемы ресоциализации осуждённых. URL: http://www.rusnauka.com/5_PNW_2010/Pravo/59257.doc.htm (дата обращения: 14.02.2016).
6. Крылова Я. Понятие и особенности уголовно-правовой политики Японии. URL: http://law.vl.ru/analit/show_atr.php?id=837&pub_name=%CF%CE%CD%DF%D2%C8%C5+%C8+%CE%D1%CE%C1%C5%CD%CD%CE%D1%D2%C8+%D3%C3%CE%CB%CE%C2%CD%CE (дата обращения: 10.02.2016).
7. Каирбаева Л. Проблемы ресоциализации осуждённых.
8. Там же.
9. Система исполнения уголовных наказаний за рубежом. URL: <http://ref.by/refs/86/19452/1.html> (дата обращения: 17.02.2016).
10. Каирбаева Л. Проблемы ресоциализации осуждённых.

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Введение. Как свидетельствует многовековой опыт правосудия, судебное разрешение конфликтов не способно конструктивно разрешить конфликт и не всегда приносит удовлетворение всем его участникам. Во-первых, оно очень дорогое. Во-вторых, долговременное, так как суды перегружены разного рода разбирательствами. В-третьих, оно официально-публичное. В-четвёртых, в судопроизводстве разрешить конфликт «по справедливости» практически невозможно, так как в суде всегда есть выигравшие и проигравшие. Последнее обстоятельство заставляет конфликтующих искать альтернативные способы разрешения конфликтов, к которым относятся медиация (посредничество), ювенальная юстиция, третейский суд (арбитраж), мировой суд, суд чести, частный трибунал, самозащита и т. д.

Основная часть. В переводе с английского ювенальная юстиция означает «правосудие в отношении несовершеннолетних».

Данное понятие впервые было закреплено в Минимальных стандартных правилах Организации Объединённых Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г. В европейском понимании ювенальная юстиция — это система правосудия в отношении несовершеннолетних. Этой же точки зрения придерживаются и некоторые русские учёные: Г. И. Ветрова, А. И. Галкин, Э. Б. Мельникова. Во главу угла они ставят суд по делам несовершеннолетних и включают дополнительный перечень органов не только в виде отдельной системы судов, но и в виде судебных присутствий или коллегий в рамках судов общей юрисдикции. Таким образом, они отождествляют понятие ювенальной юстиции и системы ювенальной юстиции, делая акцент на суде как центральном звене. Такая синонимичность двух разных терминов порождает споры о появлении специализированной ювенальной отрасли права [1].

Исследователь Д. А. Ягофаров рассматривает ювенальную юстицию как особую подсистему правоохранительной системы общества, например, систему органов правоохраны, в чьи непосредственные задачи входит предупреждение правонарушений несовершеннолетних, обеспечение исполнения наказаний в их отношении. Ювенальное правосудие и ювенальные суды он не отождествляет с понятием «ювенальная юстиция», а лишь органично связывает. «Если первое отражает главным образом уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты правосудия в отношении несовершеннолетних (это понятие уже понятия «ювенальная юстиция»), то второе отражает наличие в системе судостроительства судов общей юрисдикции, специализирующихся на рассмотрении дел с участием несовершеннолетних» [2, с. 72].

Мы видим, что автор делает акцент на превентивной функции ювенальной юстиции. Однако в рамках уголовного процесса большой интерес вызывает механизм регулирования правоотношений между несовершеннолетними гражданами и государством.

Некоторые учёные дают понятие ювенальной юстиции с точки зрения социологии. Так, Л. М. Карнозова определяет ювенальную юстицию, как комплекс концепций и «схем» влияния на подростков, массу конкретно-практических ситуаций воздействия на человека, семью, первичные группы (непосредственное окружение подростка), а также социальные институты [3].

Однако следует согласиться с А. В. Кудрявцевым и О. Г. Кудрявцевой, которые дают наиболее приближённое к уголовному процессу понятие ювенальной юстиции: «Ювенальная юстиция — это система государственных органов, осуществляющих производство проверки заявлений (сообщений) о преступлении, предварительное расследование и отправление правосудия по делам о преступлениях и правонарушениях, совершённых несовершеннолетними или при их соучастии, а также система государственных и негосударственных структур, обеспечивающих надлежащее представительство интересов несовершеннолетних, участвующих в уголовном судопроизводстве, контроль за перевоспитанием и реабилитацией несовершеннолетних правонарушителей, профилактика детской преступности» [4, с. 224].

Цель ювенальной юстиции состоит в том, чтобы снизить преступность лиц, не достигших совершеннолетия, и не допустить слияния подростка с криминальной средой.

Пекинские правила Организации Объединённых Наций также закрепляют цели данного альтернативного спора разрешения уголовно-правовых конфликтов. Так, правило 1.2 предписывает: «Государства-члены должны стремиться к созданию условий, позволяющих обеспечить содержательную жизнь подростка в обществе, которая в тот период жизни, когда она или он наиболее склонны к неправильному поведению, будет благоприятствовать процессу развития личности и получения образования, в максимальной степени свободному от возможности совершения преступлений и правонарушений». Правило 1.4 закрепляет следующую цель: «Правосудие в отношении несовершеннолетних должно являться составной частью процесса национального развития каждой страны в рамках всестороннего обеспечения социальной справедливости для всех несовершеннолетних, одновременно содействуя таким образом защите молодёжи и поддержанию мирного порядка в обществе» [5].

В Республике Беларусь пенитенциарная система, а также система ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание, являются несовершенновыми; и в итоге у несовершеннолетнего лица, отбывшего уголовное наказание в виде лишения свободы, формируются негативные качества личности, усваиваются законы преступного мира, и несовершеннолетний, приобретая в местах лишения свободы новые навыки, постепенно становится профессиональным преступником.

Исходя из этого мы видим, в чём заключается преимущество ювенальной юстиции в области уголовного процесса. Данный альтернативный способ позволяет не допустить появления неблагоприятных последствий в виде формирования у несовершеннолетнего негативных качеств, усвоения им законов преступного мира, приобретения навыков профессионального преступника и, как следствие, становления несовершеннолетнего лица профессиональным преступником.

Ювенальная юстиция возникла в США, где применяется и по сей день. Также ювенальную юстицию используют и в Англии, и в Канаде, и в Австралии, и в ряде европейских государств, таких как Франция, Германия, Бельгия. Однако ювенальная юстиция государств англосаксонской системы права значительно отличается от ювенальной юстиции государств континентальной (романо-германской) системы права. Так, в странах, принадлежащих к англосаксонской системе, суды по делам несовершеннолетних рассматривают только те преступления, которые не являются тяжкими, а все дела о совершении тяжких преступлений рассматриваются общими судами. Напротив, в континентальных странах все виды преступлений несовершеннолетних подсудны только специализированным ювенальным судам и передача дел несовершеннолетних в суд общей юрисдикции не допускается. Кроме того, существуют определённые процессуальные различия [6, с. 475].

Следует отметить, что ювенальная юстиция развита и в таких странах, как Китай, Япония и Республика Корея.

В Китае правосудие по делам несовершеннолетних определяется традиционными общественными и семейными принципами, основанными на исторических национальных идеях, присущих этой стране [7].

Ювенальное законодательство Японии носит реабилитационный характер [8].

В Республике Корея создана такая подотрасль права, как уголовное законодательство несовершеннолетних, которая включает в себя положения уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.

В данном государстве наказание в виде лишения свободы используется крайне редко. Помимо этого в Республике Корея используется пробационный надзор над несовершеннолетними [9].

Но нельзя превращать ювенальную юстицию в средство безнаказанности и разгула преступности несовершеннолетних, как это мы можем увидеть на примере Республики Корея, где за совершение тяжкого преступления несовершеннолетнему лицу могут назначить наказание в виде штрафа, исправительных работ либо ареста сроком на три месяца. Именно поэтому ювенальная юстиция актуальна по делам о преступлениях, совершённых несовершеннолетними впервые и не представляющих большой общественной опасности. Несовершеннолетние лица, способные совершать тяжкие и особо тяжкие уголовные преступления, не имеют права на особую процедуру судебного разбирательства и мягкие меры воздействия и наказания.

Заключение. Считаем, что уголовно-процессуальное законодательство должно совершенствоваться, в том числе применение ювенальной юстиции в уголовном процессе — это один из этапов путей развития уголовного процесса в современных реалиях. Для того чтобы данная процедура эффективно использовалась в уголовном судопроизводстве, необходимо учитывать не только теоретическое её значение, но и практическое, с учётом разработанных органом, ведущим уголовный процесс, на сегодня порядком предварительного следствия, судебного разбирательства в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь.

Список цитируемых источников

1. Понятие ювенальной юстиции в рамках российского уголовного процесса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moluch.ru/archive/84/15600/> (дата обращения: 03.03.2016).
2. Ягофаров Д. А. Ювенальное право // Основы государства и права. 2003. № 1. С. 69—77.
3. Понятие ювенальной юстиции в рамках российского уголовного процесса.
4. Кудрявцев А. В., Кудрявцев О. Г. Ювенальная юстиция в современной модели российского уголовного процесса // Юрид. журн. Проблемы в рос. законодательстве. 2011. № 3. С. 223—226.
5. Минимальные стандартные правила Организации Объединённых Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 05.03.2016).
6. Мелешко Н. П. Ювенальная юстиция в Российской Федерации: криминологические проблемы развития. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. 787 с.
7. Ювенальная юстиция в ряде стран Европы, Азии, Латинской Америки, Канады и США [Электронный ресурс]. URL: <http://journal.zakon.kz/4533965-juvenalnaja-justicija-v-pravovojj.html> (дата обращения: 10.03.2016).
8. Там же.
9. Там же.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС: ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

Введение. Деятельность человека состоит из поступков, которые проявляют различные качества личности (как хорошие так и плохие), отношение к проблемам действительности, к окружающим людям. Всякий поступок влечёт за собой неизбежные результаты: изменения в отношениях людей, в их сознании. Поступок всегда связан с определённой ответственностью человека за свои действия.

В сфере правовых отношений поступок может иметь двойное значение. Основную часть актов поведения личности составляют поступки правомерные, т. е. соответствующие нормам права, требованиям законов. Антиподом правомерного поведения является поведение неправомерное, т. е. противоречащее нормам права, которое может выражаться в правонарушениях.

Правонарушения — явления для общества крайне нежелательные. Поэтому общество стремится к их ликвидации. Важную роль в борьбе с правонарушениями играет административный процесс, который представляет собой совокупность последовательно совершаемых процессуальных действий, которые могут быть разделены на стадии.

Актуальность данного исследования заключается в том, что понятие и сущность административного процесса в административно-правовой литературе является одним из дискуссионных вопросов. Существуют различные точки зрения на границы и объём административного процесса. Следовательно, существуют различные мнения и о количестве стадий в административном процессе, а также об их особенностях. Именно поэтому тема является наиболее интересной и значимой.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в ходе правового закрепления административного процесса.

Основная часть. Становление административного процесса началось ещё в 1468 г., с момента издания Судебника Казимира, который стал попыткой систематизации разрозненных правовых норм. Дальнейшее закрепление административного процесса происходит в Статутах Великого Княжества Литовского. В частности, при разработке Статута 1529 г. впервые были разрешены такие сложные теоретические и практические вопросы, как разделение норм права по отраслям, расположение их в определённой системе. Однако возникла инициатива внести поправки к Статуту 1529 г., и на Бельском сойме 1564 г. был одобрен проект Статута, а в 1566 г. был введён в действие. В данном Статуте была попытка сформулировать понятие «презумпция невиновности», также одним из разделов были закреплены вопросы судопроизводства и регламентации судебной системы.

Процессуальное право согласно Статуту 1588 г. было общим для всех дел (как гражданских, так и уголовных), в том числе административных. Судопроизводство в суде начиналось по заявлению заинтересованной стороны — потерпевшего или его близких родственников. Весь процесс имел исковый характер. Согласно Статуту 1588 г. субъекты процесса имели разную правоспособность, которая зависела от классовой и сословной принадлежности. Лишёнными правоспособности были челядь дворяная и феодально-зависимые крестьяне, за которых в суде обязаны были выступать их барыны [1].

Процессуальное право было разработано с точки зрения правовой теории, но на практике имелись значительные недостатки. Главным из них было то, что соблюсти судебное решение против крупного феодала практически было невозможно, когда он оказывал сопротивление, запершись в своём имении или замке. Самоволие крупных феодалов, их неподчинение судебным постановлениям приводили к тому, что истец, получив решение в свою пользу, не мог добиться его выполнения.

Стоит отметить, что чёткого закрепления норм, которые регулировали бы административный процесс, стадии административного процесса, на данном этапе ещё нет. Однако попытка такого закрепления в статутах присутствует.

В целом, теория и практика административной юстиции имеют долгую и поучительную историю. Как справедливо отмечал профессор С. А. Корф, государство XVIII в. не знало административной юстиции, как и не признавало субъективных публичных прав своих граждан. Ни Монтескье, ни Руссо, стоявшие у истоков учения о правовом государстве, не знали и не обращали внимания на этот институт права. В юридической литературе начала XX в. основные формы административной юстиции называли французской, германской и английской формами [2].

В определённой степени идея разделения властей во многом стала фактором, определившим историческую судьбу административной юстиции. По существу, становление административной юстиции находилось в зависимости от решения вопроса о том, кому должно принадлежать право контроля над действиями администрации — самой администрации либо судебной власти. Ответ на этот вопрос во многом и определил развитие основных форм административной юстиции как в странах Европы, так и в России.

В настоящее время административно-процессуальная деятельность прошла множество преобразований и осуществляется непрерывно. Несмотря на самые разнообразные отклонения, она подчиняется определённому ритму. Это проявляется в последовательном повторении одних и тех же стадий процесса. Для достижения целей

субъект власти в определённой последовательности совершает ряд операций. Эти основы закреплены в Процессуально-исполнительном кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее — ПИКоАП). Однако до его вступления в силу нормы, регулирующие административный процесс, содержались в Кодексе об административных правонарушениях 1984 г. (Документ утратил силу 01.03.2007 в связи с принятием новой редакции. — *Прим. авт.*), в котором есть множество пробелов [3].

В отличие от своего предшественника ПИКоАП выделяет стадии административного процесса: его начало, подготовку дела об административном правонарушении к рассмотрению, рассмотрение дела об административном правонарушении, обжалование и опротестование постановления по делу об административном правонарушении, исполнение постановлений о наложении административного взыскания [4]. До этого стадии выделялись только в научной и учебной литературе.

Новеллой является указание поводов к началу административного процесса. Кроме того, отдельно определены моменты начала административного процесса. Теперь административный процесс считается начатым не только с момента составления протокола об административном правонарушении (как фактически это было ранее), но и с момента составления протокола о процессуальном действии; вынесения постановления о мерах обеспечения административного процесса; вынесения постановления о наложении административного взыскания в случаях, когда в соответствии с ПИКоАП протокол об административном правонарушении не составляется.

Если ранее сроки стадии административного расследования не устанавливались и ограничивались лишь общими сроками наложения административного взыскания, то новым кодексом установлено, что подготовка дела об административном правонарушении к рассмотрению должна быть осуществлена не позднее десяти суток со дня начала административного процесса, а по делам о таможенных правонарушениях, об административных правонарушениях против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования и налогообложения — не позднее двух месяцев со дня начала административного процесса.

В качестве положительного момента следует отметить признание участника административного процесса. Проблема состояла в том, что в ряде случаев при производстве личного досмотра, досмотра и изъятия вещей и документов в качестве понятых зачастую выступали должностные лица правоохранительных органов. Это, безусловно, нарушало принцип равенства сторон — участников административного производства.

Важными особенностями административного процесса в сравнении с гражданским и уголовным процессами являются следующие: 1) возложение бремени доказательства на властную сторону административного процесса, в отличие от гражданского процесса; 2) возможность и устного, и письменного ведения дела, разрешение дела в отсутствие ответчика, отсутствие многих жёстких правил гражданского и уголовного процессов; 3) в административном процессе участвуют два субъекта, в отличие от гражданского процесса; 4) публичный характер правонарушений, вызывающих спор.

Заключение. Административный процесс имеет довольно интересное историческое развитие, которое начинается с момента издания Судебника Казимира и продолжается современными нововведениями в ПИКоАП.

История правового закрепления административного процесса в зарубежных странах происходила по-своему. Стадии административного процесса, а также органы, рассматривающие дела об административных правонарушениях, различаются. Далеко не всегда стадии закреплены в нормативно-правовых актах, их можно выделить иногда лишь путём научного изучения и анализа. В связи с этим по поводу количества и наименования стадий в одном и том же административном процессе у разных учёных имеют место быть различные мнения. Стоит заметить, что существует несомненное сходство с уголовным и гражданским процессом, однако, процедура рассмотрения административных дел более упрощённая.

Административный процесс — это определённая совокупность последовательно совершаемых действий и принимаемых актов, который развёртывается во времени, проходя ряд последовательных, сменяющих друг друга и тесно связанных между собой стадий. Стоит отметить, что нормативно-правовое закрепление требует постоянного совершенствования, соответствия современным устоям жизни общества.

Можно сделать вывод о том, что административный процесс представляет собой отрасль права, которая имеет значение для регулирования отношений в обществе в любой стране.

Список цитируемых источников

1. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2015.
2. Стариллов Ю. Н. Административный процесс в системе современных научных представлений об административной юстиции // Государство и право. 2004. № 6. С. 5—13.
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : принят Верхов. Советом Респ. Беларусь 6 дек. 1984 года // Свод законов БССР, 1984 г., № 35, ст. 505.
4. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 20 дек. 2006 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : с изм. и доп. от 19 июля 2016 г. № 407-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 20.07.2016, 2/2403.

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ ЭЛЕКТРОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Введение. Широкое развитие и применение информационных технологий во многих сферах жизнедеятельности общества и государства обуславливает необходимость совершенствования законодательства, регулирующего данные сферы. Вопрос о внедрении и применении современных информационных и электронных технологий, а также электронных средств в сфере гражданского судопроизводства в Республике Беларусь является актуальным и широко обсуждаемым. Связанно это с процессом частичной модернизации действующего законодательства в упомянутой сфере, а также с разработкой и принятием новых правовых норм. Очевидно, что внедрение так называемого электронного правосудия в гражданское судопроизводство может разрешить ряд проблем в данной сфере, а также будет способствовать более эффективному функционированию системы общих судов в целом. Однако процесс совершенствования законодательства в данной сфере имеет неоднозначный характер, поэтому автор считает необходимым подвергнуть данный вопрос анализу.

Основная часть. Прежде всего необходимо определиться со значением термина «электронное правосудие». Под электронным правосудием принято понимать способ осуществления правосудия, основанный на применении информационных технологий, который включает в себя ряд систем, обеспечивающих доступ к информации о деятельности судов и систем автоматизации судопроизводства [1, с. 283]. Примерами электронного правосудия может послужить возможность подачи искового заявления посредством сети Интернет, использование электронных судебных повесток, использование средств доказывания в электронной форме и т. д. В целях лучшего понимания значения термина «электронное правосудие» необходимо определиться с подходами к его изучению. По мнению О. В. Степанова, «среди многообразия подходов к изучению использования информационно-коммуникационных технологий в национальной судебной системе при рассмотрении и разрешении гражданских дел можно указать два основополагающих: технический и социально-правовой» [2, с. 328]. Раскроем их значение.

Технический подход подразумевает наличие в судах современной материально-технической базы и, соответственно, разработку нормативов по их дальнейшей компьютеризации и использованию. В рамках данного подхода регламентируется и деятельность официальных сайтов судов.

Социально-правовой подход определяет роль судебной системы в формировании национального единого информационно-правового пространства. Данный подход подразумевает формирование единой государственной информационно-правовой базы. Этот вопрос требует детального изучения, поскольку его неграмотное разрешение может привести к замедлению в развитии гражданского процессуального законодательства в целом.

Внедрение определённых элементов электронного правосудия должно быть поступательным и уместным. В первую очередь оно должно содействовать решению задач первостепенной важности. Общеизвестным является то обстоятельство, что суды общей юрисдикции в Республике Беларусь имеют высокий уровень загруженности. По мнению С. Н. Князева, «данное обстоятельство затрудняет повышение эффективности работы указанных судебных органов, показателями которых являются оперативность и качество рассмотрения правовых споров» [3, с. 49]. Разумное внедрение электронного правосудия в различных его формах может повысить оперативность ознакомления с материалами дела и его рассмотрения, как следствие — повышение эффективности работы судебной системы. Первой из вышеупомянутых форм реализации может быть подача искового заявления в форме электронного документа посредством сети Интернет. Такой опыт уже имеется в Республике Беларусь в рамках хозяйственного судопроизводства, поскольку были внесены соответствующие изменения в текст ст. 7 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь [4]. Напротив, требования Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ГПК) [5] допускают подачу исковых заявлений в суд только в письменной форме. Поскольку данная норма ГПК носит императивный характер, разрешение данного вопроса без её изменения в установленном законодательством порядке невозможно. Целесообразным будет внесение дополнения в текст ГПК относительно возможности подачи искового заявления как в письменной форме, так и в виде электронного документа, отправленного с помощью сети Интернет с соблюдением формы заполнения, которая указана на сайте соответствующего суда, либо искового заявления, заполненного непосредственно на сайте соответствующего суда в электронной форме.

Актуальной проблемой при рассмотрении дел в порядке гражданского судопроизводства является неявка в суд участников процесса. Причина неявки может быть как уважительной, так и неуважительной. Чаще всего это приводит к затягиванию сроков рассмотрения гражданских дел и затрудняет последующую деятельность заинтересованных лиц по защите своих нарушенных прав. При неявке в зал судебного заседания по неуважительной причине свидетелей и иных лиц, в соответствии с нормами ГПК, их возможно подвергнуть приводу. Процедура привода возлагается судьёй на соответствующий территориальный орган внутренних дел. Данная процедура может существенно сказаться на сроках рассмотрения гражданского дела, а также указанное действие обременяет органы внутренних дел дополнительными обязанностями. В решении данного вопроса может помочь внедрение систем видеоконференцсвязи

в процесс непосредственного судопроизводства. Под видеоконференцсвязью понимается телекоммуникационная технология интерактивного взаимодействия двух и более абонентов, при которой между ними возможен обмен аудио- и видеoinформацией в режиме реального времени [6]. Внедрение данной системы в процесс судопроизводства позволит сократить в ряде случаев сроки рассмотрения дела, обеспечить участвующим в спорном правоотношении сторонам возможность в полном объёме защитить свои права, а также снизит материальные затраты органов внутренних дел на реализацию привода. Необходимо учитывать возможность автоматической записи и сохранения в электронной форме видеоконференции. Данное явление будет способствовать развитию прозрачной системы гражданского судопроизводства, а так же исключит возможные неточности в составлении протокола судебного заседания.

При внедрении данной системы в белорусском гражданском судопроизводстве есть возможность обратиться к опыту её применения в других государствах. В частности, широкий опыт применения системы видеоконференцсвязи в гражданском судопроизводстве имеется в Российской Федерации. В соответствии с нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [7], применение систем видеоконференцсвязи возможно как по ходатайству лиц, участвующих в деле, так и по инициативе самого суда. Просить суд об использовании средств видеоконференцсвязи также могут специалисты, эксперты, свидетели, привлечённые к судебному разбирательству и находящиеся вне места нахождения суда, рассматривающего дело. В случае удовлетворения судом их ходатайств суды, расположенные по месту пребывания находящихся удалённо потенциальных участников судебного процесса, обязаны будут обеспечить не только техническую возможность их участия в видеоконференции, но и взять подписание о разъяснении таким лицам их прав, обязанностей и ответственности. Аналогичные изменения возможно внести и в отечественное гражданское процессуальное законодательство.

В целях грамотного создания единого информационно-правового пространства и его непосредственного взаимодействия с гражданским судопроизводством считается уместным изучение опыта развития схожих программ в других государствах. Например, в Российской Федерации при поддержке государства активно развивается проект «Мобильная картотека». Данная программа позволяет с помощью мобильных устройств в режиме реального времени отслеживать продвижение конкретного дела рассматриваемого в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства, вынесенные решения по конкретным делам, а также информацию о назначенном времени и месте судебного заседания. Развитие такой программы в рамках гражданского судопроизводства в Республике Беларусь могло бы способствовать упрощению процедуры обобщения судебной практики, повышению уровня юридической грамотности граждан, а также содействовать дальнейшему развитию прозрачной системы правосудия.

Необходимо отметить, что с 2016 по 2020 г. под руководством Верховного Суда Республики Беларусь реализуется программа по информатизации судов общей юрисдикции в рамках единого информационно-правового пространства. Данная программа направлена на использование информационно-коммуникационных технологий непосредственно при рассмотрении дел, на создание условий для обработки и хранения электронной информации, а также на преобразование бумажного оборота документов в судах общей юрисдикции на электронный. Данная программа развития является не первой в обсуждаемой теме. Ей предшествовал ряд иных программ, в рамках которых были разработаны и введены в использование сайты судов общей юрисдикции в сети Интернет, на которых находится широкий перечень информации. Судебные органы были обеспечены определённым материально-техническим оснащением, и началось поэтапное внедрение систем видео- и аудиозаписи в процессе судебного заседания. Это говорит о заинтересованности государства в развитии современной модели гражданского судопроизводства.

Заключение. Вопрос электронного правосудия в гражданском судопроизводстве является актуальным. Внедрению данных технологий в гражданское судопроизводство предшествует необходимость внесения изменений в действующее гражданское процессуальное законодательство, а также принятие новых правовых норм, регламентирующих применение средств электронного правосудия. Внедрение современных технологий в правосудие является экономически затратным процессом, однако его целесообразность оправдана, поскольку это способствует значительному увеличению эффективности работы всей системы гражданского судопроизводства с одной стороны, с другой — способствует формированию уважительного отношения к суду и обеспечивает создание прозрачности в системе гражданского судопроизводства.

Список цитируемых источников

1. Жук М. Г., Шулейко Е. И., Бойко В. К. Электронные документы как элемент «электронного правосудия» [Электронный ресурс]. URL: http://elbib.bsu.by/bitstream/123456789/97811/1/Жук_Шулейко.pdf (дата обращения: 01.03.2016).
2. Степанов О. В. Некоторые проблемные аспекты реализации информационных технологий в российских судах общей юрисдикции в процедуре доказывания [Электронный ресурс] // Информацион. технологии и право (Правовая информатизация-2015) : материалы V Междунар. практ. конф., Минск, 28 мая 2015 г. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь ; под общ. ред. Е. И. Коваленко. Минск, 2016. С. 325—328.
3. Князев С. Н., Бержанин А. А. Проблемы становления электронного судопроизводства в Республике Беларусь // Проблемы управления. 2007. № 2 (23). С. 49—52.
4. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г., № 219-3 : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : с изм. и доп. от 5 янв. 2016 г. № 356-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 20.01.2016, 2/2354.
5. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-3 : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : с изм. и доп. от 5 янв. 2016 г. № 356-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 20.01.2016, 2/2354.
6. Степанов О. В. Некоторые проблемные аспекты реализации информационных технологий в российских судах общей юрисдикции в процедуре доказывания. С. 327.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 14 нояб. 2002 г., № 138-ФЗ : принят Гос. Думой 23 окт. 2002 г. : одобр. Советом Федерации 30 окт. 2002 г. : в ред. от 30.12.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2016.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПРАВА

Введение. Что такое «право» и в чём его сущность? Этот вопрос и сейчас находится в центре внимания в теоретической юриспруденции. Это обуславливает его значимость среди различных авторов в теории государства и права. С течением времени подход к определению понятия права и его сущности менялся. Чтобы проследить и выделить закономерности его развития необходимо рассматривать право с самого его начала, с причин, породивших это социальное явление, в истории развития, человеческой цивилизации.

Основная часть. В ходе проведённых исследований по вопросу возникновения правовой мысли и права в целом наибольший интерес заслуживает точка зрения В. С. Нерсисянца. Он считает, что первоисточником права являются мифы и религия [1, с. 35].

Исследователь Н. А. Крашенинникова указывает, что древневосточное право неразрывно связано с религией и религиозной моралью. Любая правовая норма имела религиозное обоснование. Правонарушение — это одновременное нарушение нормы морали и религии [2, с. 10]. Поэтому можно сделать вывод, что право в Древнем мире — это осуществление воли богов.

Право древних греков строилось на мифологии. Впоследствии сложилось утверждение начала справедливости, законности, которое связано с установлением власти богов. В поэмах Гомера Зевс выступает как нравственно-правовой заступник, карающий тех, кто творит насилие. Справедливость выступает в качестве основы сложившегося в то время правового обычая [3].

Пифагор и пифагорейцы впервые разработали такие понятия, как «равенство» и «справедливость», в законе. Для них право — это справедливые и равные законы. Впоследствии категория равенства рассматривалась Сократом, Платоном [4].

По нашему мнению, мыслители Древней Греции внесли значительный вклад в развитие политической мысли, на основе их знаний и рассуждений строилась дальнейшая правовая мысль.

Цицерон излагал, что мы рождены для справедливости, и не на мнении людей, а на природе основано право, и это сразу станет очевидным, если мы вникнем в природу человеческих отношений [5, с. 96]. Под природой он понимал весь космос, весь окружающий человека физический и социальный мир, само человеческое бытие.

Эпоха Средневековья не стала развитием правовой мысли, на наш взгляд. Огромный пласт информации и знаний был не востребован. Право стало восприниматься как воля бога и дарованная им жизнь. Фома Аквинский писал в произведении «О правлении князей», что право заботится о царе, поэтому у него и следует искать средства против бесчинства тирана. Если же против тирана нельзя ждать помощи людей, то нужно обратиться к царю всего — Богу. Ибо в его власти обратить жёсткое сердце тирана к кроткости [6].

Гого Гроций — голландский юрист, творивший в эпоху гуманизма и Просвещения. Он также пишет о естественном праве человека, как и многие греческие и римские его предшественники. В основе подхода Гроция лежит идея справедливости как необходимого признака права. В своём произведении «О праве войны и мира» он указал, что право — это то, что не противоречит справедливости [7, с. 68].

Гегель характеризует права как закон. Он писал, что то, что есть право в себе, положено в его объективном наличном бытии, т. е. определено для сознания мыслью и известно, как то, что есть и признано правом, как закон; посредством этого определения право есть вообще позитивное право [8, с. 247].

Русский писатель Д. И. Фонвизин высказал свою точку зрения по поводу сущности права. Он утверждает, что истинное право есть то, которое за благо признано рассудком и которое следственно производит некое внутренне чувство, обязывающее нас повиноваться добровольно. Фонвизин заметил чёткую грань, что если повиноваться не добровольно, то это уже будет означать не повиновение, а принуждение. Здесь замечен рационализм высказывания в объяснение права, потому сам разум каждого человека диктует нам должное поведение в обществе. Также Фонвизин не отделял такие понятия, как «право» и «обязанности», подчёркивая их совокупность [9, с. 347].

После октябрьских событий 1917 г. в научном мире начинается эпоха иного поиска сущности права.

Учёные Н. Г. Александров, С. А. Голунский, О. С. Иоффе, М. С. Строгович внесли значительный вклад в развитие нормативного подхода к пониманию сущности права. Стоит отметить, что и в настоящее время этот подход широко используем. Основными положениями являются: право — это воля господствующего класса; воля основывается на экономических и материальных условиях существования класса; классовая воля в праве возведена в закон; право — это система правовых норм; право приравнивается к закону, законодательству. Этот тип понимания сущности права навязывался как единственный верный, поэтому в данный момент воспринимается критически [10, с. 23]. Стоит согласиться с С. А. Голунским и О. С. Иоффе, что этот подход даёт более ясное и конкретное представление о праве, позволяя его ограничить от других общественных регуляторов, как мораль или религия [11, с. 56]. Считаем, что этот подход является «сухой» теоретической базой, на основе которой строится современное постсоветское законодательство.

Во второй половине XX в. возникает широкий подход к пониманию сущности права. Этот вопрос исследовали С. Ф. Кечекьян, А. А. Пионтковский, А. К. Стальгевич, Л. С. Явич. Согласно их взглядам, право — это диалектическое единство правовых норм и порождённых ими правоотношений. Они утверждали, что право как общественное явление есть нормы права в действии. Их главная заслуга в том, что они предприняли попытку показать место правоотношений в механизме правового регулирования, их связь непосредственно с самой правовой нормой, отделить правоотношения от регулируемых ими общественных отношений. Исследователь С. Ф. Кечекьян утверждал, что право нельзя сводить только к совокупности правоотношений или только к нормам права.

Говоря о достоинствах данного подхода, нельзя не заметить, что процесс правотворчества и процесс реализации права являются слитыми воедино: право заключает в себе и свою реализацию, а не воплощается в чем-то внешнем. Также существует аспект, по которому можно сказать, что возникает два самостоятельных понятия права, по которому в одном случае право — это нормы и правоотношения, а в другом — только нормы.

Разновидностью широкого подхода является концепция Л. С. Явича, по которой он утверждает, что нельзя отделять субъективное право от объективного. Субъективное право — не производное явление от объективного, а сторона действующего права. Но также нельзя утверждать, что неделимость субъективного и объективного права образуют одно явление, которому можно дать единое понятие. Объём субъективных прав у каждого лица различен и зависит от рода обстоятельств, граничащих с определённым лицом, поэтому необходимо было бы объединить постоянные и изменчивые величины.

Философский подход к пониманию права отличается от вышеперечисленного. Его исследованием занимались В. Д. Зорькин, Л. С. Мамут, В. С. Нерсисянц, Э. Л. Розин. Данный подход сформировался в конце XX в. Право понимается как определённые гуманные идеи и принципы, масштаб свободы, независимо от того, признано государством или нет в качестве закона. Следуя этим словам, можно сделать вывод, что право не сводимо к закону, закон лишь одна из форм его выражения; не всякий закон является выражением права, а господствовать в общественной жизни должен лишь тот закон, который основан на праве, т. е. обладает качеством правового закона.

Заключение. Споры о понятии права имели место не только в историческом прошлом, но и продолжались в XX в. Полагаем, что дискуссия между позитивизмом и непозитивизмом относительно понятия и сущности права позволяет обогащать и добавлять каждую из теорий правовой мысли.

Список цитируемых источников

1. Нерсисянц В. С. История политических и правовых учений : учеб. для вузов. М. : Норма, 2005. 704 с.
2. Крашенинникова Н. А. История права Востока : Курс лекций. М. : Изд-во Рос. открытого ун-та, 1994. 172 с.
3. Нерсисянц В. С. История политических и правовых учений. С. 55.
4. Там же. С. 59.
5. Правовая мысль: Антология : учеб. пособие для студентов вузов / науч. ред.-сост. В. П. Малахов. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2011. 903 с.
6. Там же. С. 121.
7. Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. 868 с.
8. Гегель. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
9. Антология мировой правовой мысли : в 5 т. Т. 4 / отв. ред. Е. А. Скрипильев. М. : Мысль, 1999. 813 с.
10. Александров Н. Г. Право и законность в советском социалистическом обществе / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. 36 с.
11. Иоффе О. С. Сущность социалистического государства и права / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 79 с.

УДК 347.77

А. А. Лексютин, М. В. Давыденко

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ОБЪЕКТА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБОРОТА

Введение. В современных условиях развития белорусской экономики объекты недвижимого имущества являются одним из основных факторов и составляющей оптимального функционирования экономической системы, как следствие, одним из приоритетных направлений в области экономической политики является установление правовых механизмов и правил, направленных на защиту экономических прав и интересов собственников недвижимого имущества и инвесторов.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена тем, что Республика Беларусь идёт по пути либерализации экономики, возрастает количество сделок с недвижимым имуществом и предприятиями в качестве объектов. Однако в настоящее время, несмотря на законодательное закрепление термина «предприятие», данный объект недвижимости требует более детального анализа и понимания его ключевых характеристик.

В современных условиях всё большее распространение получают сделки не только с традиционными товарами, но и гражданско-правовые сделки с новыми для постсоветской действительности объектами, например, купля-продажа предприятий [1, с. 3].

Основная часть. В юридической литературе нет единой точки зрения относительно дефиниции данного понятия, несмотря на законодательное закрепление. Для более детального анализа термина предприятия как имущественного комплекса необходимо установить, что есть предприятие в качестве субъекта и объекта права.

Предприятие как субъект права отождествляют с юридическим лицом или коммерческой организацией [2, с. 44]. Впервые легальная дефиниция термина «предприятия» была закреплена в Законе Республики Беларусь от 14 декабря 1990 г. № 462-З «О предприятиях», который на данный момент утратил юридическую силу [3]. Однако Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее — ГК) отразил понятие предприятия под названием «унитарное предприятие» [4].

Предприятие как объект права относится к объектам гражданских прав в силу ст. 128, 132 ГК и приравнено к недвижимым вещам в силу п. 1 ст. 130 ГК и, следовательно, подлежит государственной регистрации так же, как и права на него и сделки с ним в случаях, предусмотренных законодательством [5].

В юридической литературе предприятие как имущественный комплекс наделяется следующими характеристиками:

- 1) рассматривается в качестве вещи, хотя и имеет некое противоречие с его физической природой;
- 2) данная вещь индивидуально определённая и незаменимая, т. е. в случае гибели предприятия обязательства прекращаются;
- 3) непотребляемая, т. е. в процессе производства происходит круговорот деньги—сырьё—производство—товары и т. д.;
- 4) данная вещь недвижимая в силу закона, подлежит государственной регистрации в соответствии с Законом Республики Беларусь от 22 июля 2002 г. № 133-З «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» [6];
- 5) предприятие неделимо в силу ст. 133 ГК [7];
- 6) предприятие является сложной вещью в силу ст. 134 ГК [8];
- 7) предприятие как объект гражданских прав используется исключительно в предпринимательской деятельности [9].

Существует несколько подходов к рассмотрению предприятия как объекта гражданских прав, которые были нами классифицированы следующим образом: а) предприятие есть имущество организации в целом; б) предприятие является имуществом организации, используемым для осуществления предпринимательской деятельности; в) предприятие — сложная вещь (всегда или в определённых ситуациях); г) предприятие есть особый имущественный комплекс [10, с. 18].

Статья 132 ГК даёт следующее определение предприятия: «Предприятием как объектом прав признаётся имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности» [11].

В состав предприятия как имущественного комплекса входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, включая земельные участки, капитальные строения (здания, сооружения), незавершённые законсервированные капитальные строения, изолированные помещения, машино-места, оборудование, инвентарь, сырьё, продукция, права требования, долги, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (фирменное наименование, товарные знаки, знаки обслуживания), и другие исключительные права, если иное не предусмотрено законодательством или договором [12].

Из законодательного определения предприятия как объекта гражданских прав нами были выделены следующие специфические черты:

- предприятие — это комплекс имущества, который используется для осуществления предпринимательской деятельности в целях извлечения прибыли. При этом понятие «имущество» употребляется в широком смысле слова, т. е. включает не только вещи (земельные участки, здания, сооружения, оборудование и т. п.), но и права требования, в том числе дебиторскую задолженность. Данной точки зрения придерживается законодатель и большинство учёных-цивилистов;
- предприятие — это обособленное имущество;
- предприятие — это единое целое, объединённое общим назначением [13].

Заключение. Предприятие в XXI в. рассматривается исключительно как объект гражданского права Республики Беларусь; у данного понятия присутствует квазиправосубъектность, т. е. мнимая правосубъектность; изменения организационного порядка происходят в структуре юридического лица, которому принадлежит предприятие, но не в структуре предприятия как имущественного комплекса. Так, состав предприятия — имущественного комплекса как объекта гражданско-правовых отношений — определяется законом [14, с. 35].

Практическая значимость данного исследования заключается в необходимости дальнейшего развития белорусского гражданского законодательства.

Список цитируемых источников

1. Дончевская М. Г. Предприятие как имущественный комплекс в Российском и Французском праве: сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Ростов н/Д, 2004. 26 с.
2. Овсейко С. В. Предприятие как имущественный комплекс: понятие и основные сделки // Судеб. вестн. Плюс: экономическое правосудие : информ.-аналит. прил. к журн. «Судебный вестник». 2015. № 5. С. 44—53 ; № 6. С. 55—61.

3. О предприятиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 14 дек. 1990 г. № 462-ХП : с изм. и доп. от 30 июля 2004 г. № 307-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 03.08.2004, 2/1056.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2015 г. № 343-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 20.03.2001, 2/744.
5. Там же.
6. О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 22 июля 2002 г., № 133-3. Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 25.07.2002, 2/882.
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь.
8. Там же.
9. Овсейко С. В. Предприятие как имущественный комплекс: понятие и основные сделки. С. 46.
10. Поваров Ю. С. Предприятие как объект гражданских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 ; Самар. гос. ун-т. Волгоград, 2000. 24 с.
11. Гражданский кодекс Республики Беларусь.
12. Там же.
13. Поваров Ю. С. Предприятие как объект гражданских прав. С. 16.
14. Грибанов А. В. Предприятие как имущественный комплекс (объект права) по праву России и Германии. М., 2010. 600 с.

УДК 35.075.82

Ж. А. Луцевич

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Введение. В рамках расширения сферы влияния Таможенного союза Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан и преобразования его в Евразийский экономический союз актуальным является оптимизация внутренней структуры некоторых органов государственного управления на национальном уровне. Стоит отметить, что в рамках данного союза задача по обеспечению экономической безопасности возложена, в частности, на таможенные органы. После объединения таможенных территорий государств-участников в рамках Евразийского экономического союза вектор тяжести по контролю перемещаемых товаров сместился и теперь не совпадает с государственными границами. Данный фактор определяет необходимость правильного распределения сил, в частности, таможенных органов для обеспечения оптимального функционирования всей системы государственных органов.

Основная часть. Договор о создании Евразийского экономического союза вступил в силу 1 января 2015 г. Если оценивать европейский регион, то подобным Евразийскому экономическому союзу образованием является Европейский союз. Каждое из данных образований имеет собственные особенности, отличаются они структурой. Оба союза включают в свою структуру ряд государств и основаны на общности интересов. Однако стоит отметить, что есть некоторые существенные отличия для государств — участников данных союзов. Рассмотрим аспекты, касающиеся административной структуры таможенных органов на примере Республики Беларусь как государства — члена Евразийского экономического союза, и Литовской Республики как государства — участника Европейского союза.

Необходимо отметить, что при подготовке Литвы к членству в Европейском союзе необходимо было реорганизовать административную структуру, в частности, таможенных органов. По данному основанию были реорганизованы 1 июля 2002 г. 10 территориальных таможен, работающих в пяти самых больших городах: (Вильнюс, Клайпеда, Каунас, Шяуляй и Паневежис). Сама система таможенных органов присоединилась к Министерству финансов. В настоящее время система таможенных органов Литовской Республики включает в себя: Таможенный департамент при Министерстве финансов Литовской Республики, криминальный отдел, таможенный учебный центр, таможенную лабораторию, центр таможенных информационных систем, три территориальные таможни (Вильнюс, Каунас, Клайпеда) и 40 таможенных постов.

Миссией таможенной службы Литвы является защита общества, рынка, окружающей среды и финансовых интересов Литвы и Европейского союза от ущерба, который может быть нанесён незаконной международной торговлей путём создания благоприятных условий для законной торговли. Основные задачи таможенных органов Литвы: поддержка законной торговли и укрепление её конкурентоспособности; обеспечение правильной уплаты таможенных пошлин и налогов; борьба с контрафактной продукцией; борьба с другими видами мошенничества, организованной преступностью, наркотиками и терроризмом путём обработки информации, выявления изменений в структуре торговли и проведения оценки риска для выявления финансовых махинаций, террористической и преступной деятельности; защита окружающей среды и граждан от всех видов опасных грузов.

Рассмотрим каждый из структурных элементов в системе таможенных органов Литовской Республики более подробно.

Таможенный департамент — это учреждение при Министерстве финансов Литовской Республики, управляющее таможенными действиями и ответственное перед министерством финансов. В структуре Таможенного департамента выделяются свои структурные подразделения. В частности, к ним относится отдел документального

обеспечения (Dokumentų valdymo skyrius), отдел финансов (Finansų skyrius), отдел собственной безопасности (Imuniteto tarnyba), отдел по предупреждению правонарушений (Pažeidimų prevencijos skyrius), отдел таможенного контроля (Muitinės kontrolės organizavimo skyrius), отдел таможенных процедур (Muitinės procedūrų skyrius) и т. д.

Территориальная и специализированная таможни — учреждения, установленные таможенным департаментом и ответственные перед ним, которые организуют и гарантируют выполнение таможенного законодательства и других функций, возложенных на них таможенным департаментом.

Таможенные посты — единицы территориальных таможен, действующие в местах, определённых генеральным директором таможенного департамента и выполняющие таможенные формальности в пределах их компетенции, а также другие функции, возложенные на них таможенным департаментом и соответствующей территориальной таможней. Также особую роль играют таможенные группы, действующие при территориальных или специализированных таможнях, выполняющие наблюдение от лица таможенных органов и иные функции.

У таможенной службы Литвы наиболее простая организационная структура таможенной службы, у неё всего два уровня управления — стратегический и оперативный. Простая организационная структура таможенных органов Литвы может способствовать достижению полной скоординированности всех структурных компонентов и связей.

Рассмотрим структуру таможенных органов Республики Беларусь. Возглавляет систему таможенных органов Государственный таможенный комитет Республики Беларусь. Он подчиняется Совету Министров Республики Беларусь, а по отдельным вопросам деятельности, предусмотренным законодательными актами, — исключительно Президенту Республики Беларусь.

Государственный таможенный комитет Республики Беларусь является республиканским органом государственного управления, который проводит государственную таможенную политику, обеспечивает в пределах своей компетенции экономическую безопасность Республики Беларусь, осуществляет регулирование и управление в сфере таможенного дела и координирует в этой сфере деятельность других республиканских органов государственного управления и иных организаций.

В структуру Государственного таможенного комитета Республики Беларусь входят 12 управлений, 1 самостоятельный отдел и 1 группа: Управление организации таможенного контроля, Управление организации борьбы с контрабандой и административными таможенными правонарушениями, Управление развития таможенной инфраструктуры, Управление информационных технологий, таможенной статистики и анализа, Управление организационно-кадровой и идеологической работы, Финансово-экономическое управление, Управление тарифного регулирования и таможенных платежей, Правовое управление, Управление собственной безопасности, Управление организации постаможенного контроля, Контрольно-ревизионный отдел, Организационно-аналитическое управление, Группа по защите государственных секретов, Управление анализа рисков и оперативного контроля.

Государственному таможенному комитету подчинены 10 таможен: Брестская, Витебская, Гродненская региональная, Минская региональная, Минская центральная, таможня «Минск-2», Могилёвская, Ошмянская, оперативная.

Стоит отметить, что при образовании Евразийского экономического сообщества ЕврАзЭС, а затем Евразийского экономического союза жёсткие требования по реформированию системы таможенных органов Республики Беларусь не выдвигались, т. е. по факту реформирование по данному основанию не производилось в отличие от таможенных органов Литовской Республики.

Стоит также отметить, что в настоящее время различные таможни испытывают разную нагрузку. В частности, основную нагрузку по контролю перемещения товаров испытывают Гродненская и Брестская таможни как граничащие с европейскими странами, через которые идёт основной товарооборот. В этом вопросе после образования Евразийского экономического союза по контролю товаропотока значительно уступает Могилёвская таможня, так как Могилёвская таможня граничит по территориальному принципу с территорией Российской Федерации, с которой у Республики Беларусь единая таможенная территория и нет приграничных пунктов таможенного оформления и контроля. Однако структура Могилёвской таможни достаточно сложная и не уступает структуре Брестской таможни. Во многом схожая картина обстоит с Витебской таможней, однако Витебская область является единственной, которая имеет границы с Латвийской Республикой, не входящей в состав Евразийского экономического союза, но значительная часть внешних границ Витебской области также граничит с территорией Российской Федерации, что снижает её роль в контроле товаров, перемещаемых через таможенную границу Евразийского экономического союза. Данные особенности могут стать основанием для проведения некоторой реорганизации системы таможенных органов.

Заключение. Сравнительно-правовой анализ систем таможенных органов Литовской Республики и Республики Беларусь позволяет сделать вывод о возможности упрощения системы таможенных органов и их оптимизации. Стоит отметить, что практика включения системы таможенных органов в структуру органов финансов и подчинённости таможенных органов министерству финансов характерна для абсолютного большинства европейских стран. И данная практика является вполне обоснованной. Основное руководство таможенными органами осуществляется на наднациональном уровне в рамках Европейского союза и его специализированных органов.

На наш взгляд, в случае, если Евразийский экономический союз выработает единый аппарат управления в таможенной сфере, который будет поддержан со стороны всех стран — участниц данного союза, то возможна реорганизация государственного таможенного комитета и закрепление за ним в основном функций координации деятельности на национальном уровне. Однако возможность подчинения таможенных органов министерству финансов считаем достаточно спорной.

Что касается возможности реорганизации системы таможен, действующих в Республике Беларусь, то следует отметить, что в связи со смещением нагрузки на таможни по перемещению товаров и изменению границ таможенной территории перспективно существование некоторых таможен не по принципу территориального деления, а по принципу испытываемой нагрузки. Это позволит распределять силы и осуществлять контроль таможенными органами наиболее продуктивно. В частности, на наш взгляд, перспективным является объединение Могилевской и Витебской таможен, что позволит равномерно распределить силы и упорядочить деятельность данных таможенных структур.

УДК 342.9

А. И. Неёлова

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

СРАВНЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЗЫСКАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение. В настоящее время всё больше появляется мнений о необходимости корректировки Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) в части соразмерности налагаемых административных взысканий совершённым административным правонарушениям. При всём многообразии преобразований, происходящих в Российской Федерации и Республике Беларусь, их законодательство развивается на общей правовой основе. Так, 30 декабря 2001 г. Президент РФ подписал Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), вступивший в силу с 1 июля 2002 г. Если говорить о Республике Беларусь, то в 2003 г. был принят новый КоАП. Самой важной и отличительной чертой кодексов Республики Беларусь и Российской Федерации является то, что с принятием нового КоАП РФ был введён термин «административные наказания». Считаем, что такой термин, как «наказание», применим только в сфере уголовного права, где лицо претерпевает какие-то достаточно серьёзные лишения. Вряд ли вынесение предупреждения правонарушителю можно назвать «наказанием». Было бы логичнее оставить такое наименование, как «административное взыскание», что и сделал белорусский законодатель.

Основная часть. Кодексы об административных правонарушениях этих стран имеют как общие черты, так и существенные различия в рассмотрении вопроса, касающегося мер административной ответственности.

Общим для КоАП РФ и КоАП является то, что административные взыскания Республики Беларусь и административные наказания РФ делятся на основные и дополнительные. Однако списки основных и дополнительных мер административной ответственности различны.

Согласно части первой ст. 3.3 КоАП РФ предупреждение, административный штраф, лишение специального права, предоставленного физическому лицу, административный арест и дисквалификация могут устанавливаться и применяться только в качестве основных административных наказаний [1]. Что касается КоАП, то законодатель относит к основным административным взысканиям предупреждение, штраф, исправительные работы и административный арест (часть первая ст. 6.3 КоАП) [2].

Дополнительные меры административной ответственности в законодательстве России и Беларуси регулируются по-разному. Нововведением в КоАП является то, что в нем предусмотрены взыскания, которые могут применяться только как дополнительные. К таким административным взысканиям относят: конфискация, взыскание стоимости предмета административного правонарушения (часть третья ст. 6.3 КоАП).

Но здесь же кодексы закрепляют меры административной ответственности, которые могут применяться в качестве как основных, так и дополнительных.

Так, КоАП к административным взысканиям, которые могут применяться в качестве как основных, так и дополнительных, относит: лишение специального права, лишение права заниматься определённой деятельностью, а также депортацию (часть вторая ст. 6.3 КоАП). Именно поэтому можно отметить стремление белорусского законодателя выделить в самостоятельную группу административные взыскания, которые могут применяться исключительно в качестве дополнительных. Было бы логично и в КоАП РФ предусмотреть административные наказания, которые могли бы применяться только в качестве дополнительных.

В КоАП РФ и КоАП выделяются некоторые общие меры административной ответственности. К ним относятся: предупреждение, штраф, лишение специального права, конфискация, административный арест. Понятно, что регулирование некоторых перечисленных мер административной ответственности в КоАП и КоАП РФ имеет свою специфику, на которой хотелось бы остановиться более подробно.

Наиболее распространённой мерой административной ответственности является именно штраф. Можно сразу же отметить, что формулировка штрафа в КоАП РФ более удачна — «административный штраф» (ст. 3.5 КоАП РФ). Этим законодатель чётко разграничил административный штраф и штраф, который предусматривается Уголовным кодексом

РФ. К сожалению, в новом КоАП, как и ранее, в качестве меры административной ответственности указан просто штраф. Одновременно в ст. 50 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусмотрено наказание в виде штрафа [3].

Такая мера административной ответственности, как лишение специального права, устанавливается и КоАП РФ, и КоАП. Но и здесь, конечно же, имеются некоторые различия. Прежде всего хотелось бы отметить, что КоАП РФ рассматривает лишение специального права, предоставленного физическому лицу, только в качестве основного административного наказания. КоАП рассматривает такую меру административного взыскания в качестве как основного, так и дополнительного. Что касается диспозиции этих статей, то сроки лишения специального права в законодательстве двух стран различны. В России срок лишения специального права не может быть менее одного месяца и более двух лет (ст. 3.8 КоАП РФ). Законодательством Республики Беларусь предусмотрены более продолжительные сроки. В части второй ст. 6.8 КоАП лишение специального права устанавливается на срок от шести месяцев до трёх лет. Невозможно пропустить ещё один момент, который также связан с данной мерой административной ответственности.

Общей мерой административной ответственности является конфискация. Как и в двух вышеперечисленных мерах, конфискация по российскому и белорусскому законодательству не во всём совпадает. Самое важное отличие этих двух мер — предмет. В соответствии с КоАП РФ предметом конфискации является орудие совершения или предмет административного правонарушения, а вот КоАП предусмотрел более широкое понимание предмета конфискации. В соответствии с частью первой ст. 6.10 КоАП к предмету конфискации отнесены: 1) доход, полученный в результате противоправной деятельности; 2) предмет административного правонарушения; 3) орудия и средства совершения административного правонарушения.

Как КоАП, так и КоАП РФ в качестве самой строгой меры административной ответственности предусматривают административный арест. Для двух государств установлен общий срок административного ареста — 15 суток. Однако законодатель РФ в отличие от Республики Беларусь предусматривает ещё один срок административного ареста — 30 суток, который применяется за нарушение режима чрезвычайного положения или режима в зоне проведения контртеррористической операции (часть первая ст. 3.9 КоАП РФ).

Немаловажное значение необходимо уделить такой мере административной ответственности, как исправительные работы. Особенностью российского законодательства является то, что у них нет такого административного наказания. Исключая такую меру административной ответственности, законодатель опирался на положения Конвенции об упразднении принудительного труда, принятой 25 июня 1957 г. Генеральной конференцией Международной организации труда. Необходимо обратить внимание на то, что в Уголовном кодексе РФ исправительные работы в качестве уголовного наказания сохранены (ст. 50). Интересен тот факт, как определено понятие исправительных работ в новом КоАП. Согласно ст. 6.6 исправительные работы устанавливаются на срок от одного до двух месяцев и отбываются по месту работы физического лица, освобождённого от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности в порядке, предусмотренном ст. 86 Уголовного кодекса Республики Беларусь [4]. Сразу же можно сделать вывод и подчеркнуть особенность данной меры административной ответственности, которая выражается в том, что исправительные работы не могут быть применены к лицам, совершившим административные правонарушения.

Хотелось бы ещё выделить два таких понятия, как депортация и административное выдворение. Понятие термина «депортация», который используется в КоАП в качестве определения меры административной ответственности, вызывает сомнения. Это проявляется в том, что законодательство Республики Беларусь ставит знак равенства между депортацией и административным выдворением. Такой вывод следует из определения данного понятия, приведённого в ст. 6.11 КоАП. В данной статье говорится: «Депортация — это административное выдворение за пределы Республики Беларусь, которая применяется в отношении иностранного гражданина и лица без гражданства» [5]. Российский же законодатель, в отличие от белорусского, «убрал» знак равенства между данными понятиями. Понятие депортации раскрывается в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». В соответствии со ст. 2 данного Закона под депортацией понимается принудительная высылка иностранного гражданина из Российской Федерации в случае утраты или прекращения законных оснований для его дальнейшего пребывания (проживания) в России [6]. Важной особенностью так же является то, что в РФ депортация не является мерой административной ответственности. Депортация — это мера административного пресечения.

Заключение. Нами были приведены не все отличия и сходства в регулировании мер административной ответственности Республики Беларусь и Российской Федерации. Несмотря на некоторые различия в регулировании мер административной ответственности наших стран, есть и немало общего, что позволяет говорить в перспективе о тенденции сближения законодательства об административных правонарушениях двух стран.

Список цитируемых источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : в ред. от 12 февр. 2015 г. : с изм. от 2 марта 2016 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=194074> (дата обращения: 09.03.2015).
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобрен Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : с изм. и доп. от 19 июля 2016 г. № 407-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 09.06.2003, 2/946.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 года : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 года : в ред. от 23 июля 2015 г. // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь, 1999 г., 2/50.
4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях.
5. Там же.
6. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федерал. закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ : ред. от 03 июля 2016 г. : с изм. и доп., вступ. в силу с 31.07.2016. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/b698269155bb4233fb310d9c514ff51f1b8fd1ba/ (дата обращения: 09.03.2015)

**ОЦЕНКА ИЗМЕНЕНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ ФОРМ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ
ПО РАНЕЕ ДЕЙСТВУЮЩЕМУ ТАМОЖЕННОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ,
ТАМОЖЕННОМУ КОДЕКСУ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА И ПРОЕКТУ ТАМОЖЕННОГО КОДЕКСА
ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

Введение. Статья 110 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее — ТК ТС) закрепляет формы таможенного контроля. В неё вошли 11 из 12 форм таможенного контроля, предусматриваемых Таможенным кодексом Республики Беларусь (далее — ТК) и 6 форм, предусмотренных проектом Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее — ТК ЕАЭС).

Формами таможенного контроля, согласно ст. 110 ТК ТС, являются: 1) проверка документов и сведений; 2) устный опрос; 3) получение объяснений; 4) таможенное наблюдение; 5) таможенный осмотр; 6) таможенный досмотр; 7) личный таможенный досмотр; 8) проверка маркировки товаров специальными марками, наличия на них идентификационных знаков; 9) таможенный осмотр помещений и территорий; 10) учёт товаров, находящихся под таможенным контролем; 11) проверка системы учёта товаров и отчётности; 12) таможенная проверка [1].

Анализируя нормы ст. 110 ТК ТС, ст. 286 ТК и ст. 110 проекта ТК ЕАЭС, предусматривающих формы проведения таможенного контроля, можно сделать следующие выводы: в ТК ТС появляется одна новая форма таможенного контроля, отсутствовавшая в ТК, — проверка системы учёта товаров и отчётности; в ТК присутствовала также одна форма, не отражённая в ТК ТС, — таможенное исследование; в проекте ТК ЕАЭС отражена только половина форм таможенного контроля, изложенных в ТК ТС и ТК: а) проверка таможенных, иных документов и (или) сведений; б) таможенный осмотр; в) таможенный досмотр; г) личный таможенный досмотр; д) таможенный осмотр помещений и территорий; е) таможенная проверка [2].

Названные формы таможенного контроля детально регламентируются соответствующими статьями (ст. 111—122) ТК ТС.

В данной статье мы рассмотрим некоторые из форм таможенного контроля, предусмотренные ТК, ТК ТС и ТК ЕАЭС, и выявим их сходства и различия.

Основная часть. Личный таможенный досмотр. Нормы ст. 117 ТК ТС и ст. 294 ТК, отражающие сущность данной формы таможенного контроля, аналогичны, существенных изменений не наблюдается. Статья 117 проекта ТК ЕАЭС имеет существенные изменения относительно данной формы таможенного контроля. Во-первых, части первую и вторую статьи предлагается изложить в следующей редакции:

1) личный таможенный досмотр — форма таможенного контроля, заключающаяся в досмотре физических лиц. Личный таможенный досмотр может применяться только в отношении физических лиц, следующих через таможенную границу союза и находящихся в зоне таможенного контроля или транзитной зоне международного аэропорта, при наличии достаточных оснований полагать, что такие лица скрывают при себе и добровольно не выдают товары, перемещаемые через таможенную границу союза с нарушением международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования;

2) личный таможенный досмотр проводится в целях выявления у физических лиц, скрывающих при себе товары, перемещаемые через таможенную границу союза с нарушением международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования.

Во-вторых, перед началом личного таможенного досмотра должностное лицо таможенного органа обязано ознакомить физическое лицо с решением о проведении личного таможенного досмотра.

В-третьих, акт о проведении личного таможенного досмотра должен быть составлен в ходе проведения личного таможенного досмотра либо в течение одного часа после его окончания [3].

Проверка маркировки товаров специальными марками, наличия на них идентификационных знаков. Статья 118 ТК ТС, содержащая данную форму, не содержит нововведений относительно ст. 295 ТК. Проект ТК ЕАЭС не предусматривает данной формы таможенного контроля.

Таможенный осмотр помещений и территорий. Содержащий данную форму контроля ТК в ст. 296 не имеет каких-либо существенных изменений по сравнению со ст. 119 ТК ТС. Однако проект ТК ЕАЭС имеет существенные изменения с ТК и ТК ТС относительно данной формы контроля. Во-первых, части первая и вторая ст. 119 предлагается изложить в следующей редакции:

1) таможенный осмотр помещений и территорий — форма таможенного контроля, заключающаяся в проведении внешнего визуального осмотра помещений и территорий. Таможенный осмотр помещений и территорий может проводиться с использованием технических средств;

2) таможенный осмотр помещений и территорий проводится в целях установления наличия либо отсутствия товаров, являющихся объектами таможенного контроля.

Во-вторых, таможенный осмотр помещений и территорий может проводиться таможенными органами в помещениях и (или) территориях, где должны находиться товары, находящиеся под таможенным контролем, либо могут находиться такие товары [4].

Учёт товаров, находящихся под таможенным контролем. Данная форма предусмотрена ст. 120 ТК ТС, которая практически дословно воспроизводит содержание ст. 287 ТК, отличия лишь в ссылке ТК ТС на то, что порядок и формы учёта товаров, находящихся под таможенным контролем, определяются законодательством государств — членов Таможенного союза. Проект ТК ЕАЭС не содержит таковой формы контроля.

Проверка системы учёта товаров и отчётности. В ТК, как уже указывалось выше, данной формы контроля, предусмотренной ТК ТС, не содержалось, аналогично и в проекте ТК ЕАЭС. Эта форма контроля отражается в следующем: лица, осуществляющие деятельность в сфере таможенного дела, пользующиеся специальными упрощениями, а также пользующиеся и (или) владеющие иностранными товарами, по требованию таможенных органов обязаны представлять в таможенные органы отчётность о хранящихся, перевозимых, реализуемых, перерабатываемых и (или) используемых товарах, а также о совершенных таможенных операциях [5].

Таможенная проверка. Нормы ст. 122 ТК ТС и ст. 297 ТК, отражающие сущность данной формы таможенного контроля аналогичны, существенных изменений не наблюдается. Изменения присутствуют в проекте ТК ЕАЭС: части первую, вторую и третью ст. 122 предлагается изложить в следующей редакции:

1) таможенная проверка — форма таможенного контроля, заключающаяся в сопоставлении сведений, заявленных в таможенной декларации и (или) содержащихся в представленных таможенным органам документах, и (или) иных сведений, представленных таможенному органу или полученных им в соответствии с настоящим кодексом или законодательством государств-членов, с данными бухгалтерского учёта и отчётности, со счетами и другой информацией, полученной в порядке, установленном настоящим Кодексом или законодательством государств-членов;

2) таможенная проверка проводится таможенными органами в целях проверки соблюдения лицами международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и законодательства государств-членов;

3) таможенная проверка проводится таможенным органом того государства-члена, на территории которого создано, зарегистрировано и (или) имеет постоянное место жительства проверяемое лицо [6].

Как отмечалось выше, в ТК присутствовала также одна форма, не отражённая в ТК ТС и в проекте ТК ЕАЭС, — таможенное исследование.

Заключение. В содержании статей, отражающих сущность форм таможенного контроля, предусмотренных ТК ТС и ТК, существенных изменений, новаций в ТК ТС не наблюдается. Следует отметить наличие немалого количества изменений, касающихся как количества форм таможенного контроля, так и содержания статей, отражающих сущность форм таможенного контроля, предусмотренного проектом ТК ЕАЭС.

Список цитируемых источников

1. Договор о Таможенном кодексе таможенного союза : Договор от 27 нояб. 2009 г. с изм. и доп. от 8 мая 2015 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 29.07.2015, 3/3142.
2. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза. Проект Таможенного кодекса Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. URL: gtk.gov.by/nfiles/001572_621749_.docx/ (дата обращения: 14.03.2016).
3. Там же.
4. Там же.
5. Договор о Таможенном кодексе таможенного союза : Договор от 27 нояб. 2009 г. с изм. и доп. от 8 мая 2015 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 29.07.2015, 3/3142.
6. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза. Проект Таможенного кодекса Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/docs/Download.aspx?IsDlg=0&print=1&ID=5956> (дата обращения: 14.03.2016).

УДК 343.131.5

С. В. Петлицкий

Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», Минск

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СИСТЕМА МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Введение. Институт применения мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и других лиц в отечественном законодательстве не нов. Вместе с тем практика применения мер безопасности в ходе производства по материалам и уголовным делам выявляет отдельные проблемы, не способствующие надлежащему выполнению задач, стоящих перед органом, ведущим уголовный процесс. Защита прав и свобод человека является приоритетной задачей государства. Конституция Республики Беларусь закрепляет положения, согласно которым человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства (ст. 2); обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства (ст. 21) [1]. На сегодня меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса никак не могут быть признаны достаточными, надёжно обеспечивающими их безопасность. В связи с этим, на наш взгляд, особое внимание стоит уделить вопросу обеспечения безопасности участников уголовного процесса. Данный вопрос рассматривали как

учёные-правоведы (Л. В. Брусницын, А. Ю. Епихин, Е. В. Жариков, С. Ю. Никитин и др.), так и законодатели (глава 8 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК)) [2].

Основная часть. Стоит отметить, что понятие «безопасность» в уголовном процессе следует понимать как в узком, так и широком смысле. Так, в повседневной жизни мы зачастую встречаемся с такими понятиями как общественная, экономическая, экологическая, политическая, демографическая, информационная безопасность и т. д. Каждый из приведённых выше терминов охватывает определённую сферу деятельности в обществе и разрешает те или иные задачи. Однако каковы бы не были задачи, они все направлены на достижение общей цели — безопасности. Можно считать, что понятие «безопасность» является относительным, а не абсолютным. Это обусловлено наличием тех или иных опасностей или их совокупностью по отношению к какому-либо объекту безопасности.

В юридической литературе существуют различные мнения по поводу определения безопасности. Учёный-правовед Л. В. Брусницын под ней понимает состояние защищённости личности, общества, государства от внешних и внутренних опасностей и угроз, которые базируются на деятельности людей, государства и общества по выявлению, предупреждению, устранению и отражению опасностей и угроз. При этом данные негативные проявления способны не только погубить последних, лишить их материальных и духовных ценностей, нанести существенный, неприемлемый ущерб, но и закрыть путь для выживания и развития [3, с. 9]. Учёный В. Серебрянников рассматривал безопасность не только как состояние защищённости, но также выделил различные аспекты и особенности, которые способны обеспечить такое состояние. По его мнению, к данным особенностям следует относить деятельность отдельных людей, общества и государства, направленные на выявление, предупреждение, ослабление, осуществление ликвидации опасностей и угроз [4, с. 17].

Рассматривая термин «безопасность» на законодательном уровне, мы можем увидеть, что он употребляется в Указе Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь». Согласно данному документу выделяют несколько видов безопасности. Например, под национальной безопасностью понимается состояние защищённости национальных интересов Республики Беларусь от внешних и внутренних угроз; под социальной — состояние защищённости жизни, здоровья и благосостояния граждан, духовно-нравственных ценностей общества от внутренних и внешних угроз; под военной — состояние защищённости национальных интересов Республики Беларусь от военных угроз. Несмотря на различие определений безопасности, в их основе лежит состояние защищённости от каких-либо угроз [5].

Подводя итог анализа понятия безопасности в широком понимании, можно определить её как состояние (положение) защищённости личности, общества и государства от каких-либо угроз, которые исходят как от внутренних, так и внешних источников опасности, которое гарантирует защищаемому объекту реализацию его прав и обязанностей.

Понятие безопасности в уголовном процессе следует рассматривать в узком смысле. В юридической литературе имеются различные позиции на определение безопасности в уголовном процессе.

Исследователь Е. В. Жариков под безопасностью в уголовном процессе понимает состояние или же отсутствие опасностей и угроз жизненно важным интересам участников уголовного судопроизводства со стороны криминальных элементов, противодействующих правосудию, а также определённую степень защищённости этих лиц, которая позволяет им беспрепятственно осуществлять помощь, содействовать правосудию, не причиняя этим вреда своим жизненно важным интересам [6, с. 14].

Учёный С. В. Маркелов предложил рассматривать данное понятие как состояние, при котором не угрожает опасность, т. е. состояние защищённости жизненно важных интересов участников уголовного процесса от внутренних и внешних угроз [7, с. 10].

Рассмотрев различные направления в определении безопасности в широком значении, а также в своих специфических проявлениях, можно определить безопасность в уголовном процессе как состояние (положение) защищённости, при котором осуществляется защита прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса и других лиц, содействующих органам уголовного преследования и суда от каких-либо противоправных посягательств, гарантированная и обеспеченная государством в лице уполномоченных государственных органов.

Безопасность в уголовном процессе обеспечивается соответствующими мерами. В своей совокупности данные меры создают правовой механизм реагирования на возникающие угрозы жизни и здоровью участников уголовного процесса. В УПК Республики Беларусь указанный механизм представлен институтом мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса. В юридической литературе существуют различные определения мерам безопасности в уголовном процессе. Так, Л. В. Брусницын под мерами безопасности лиц понимает как превентивные разноотраслевые правовые средства, обеспечивающие в ходе уголовного процесса и вне его защиту участников уголовного процесса и их близких от запрещённых уголовных законом и иных форм посткриминального воздействия и различающиеся по своему содержанию, по кругу лиц, к которым они могут применяться [8].

Исследователь М. А. Шостак под мерами по обеспечению безопасности понимает меры процессуального и непроцессуального характера, применяемые органом, ведущим уголовный процесс, по защите участников уголовного процесса, членов их семей и близких при наличии реальной угрозы осуществления противоправных действий в отношении их в связи с участием в уголовном процессе [9, с. 142].

Что же касается уголовно-процессуального законодательства, то мы видим, что меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса закреплены в главе 8. В ст. 66 УПК Республики Беларусь определён перечень процессуальных и иных мер безопасности. К таковым относятся: неразглашение сведений о личности; освобождение от явки в судебное заседание; закрытое судебное заседание; использование технических средств контроля; прослушивание переговоров, ведущихся с использованием технических средств связи, и иных

переговоров; личная охрана, охрана жилища и имущества; изменение паспортных данных и замена документов; запрет на выдачу сведений [10].

Заключение. Безопасность в уголовном процессе следует рассматривать в узком понимании. Она обеспечивается органом, ведущим уголовный процесс, при содействии других уполномоченных государственных органов посредством применения специальных мер. Также стоит отметить, что в неразрывной связи находится государственный орган и деятельность государственных служащих, на которых возложена реализация мер безопасности. Поэтому можно говорить о том, что обеспечение безопасности в рамках уголовного процесса представляет собой деятельность, осуществляемую в соответствии с законом уполномоченными на то должностными лицами, направленную на выявление, предупреждение и пресечение реальных и возможных угроз, которые могут исходить от внутренних и внешних источников опасности, выработку и реализацию комплекса соответствующих мер безопасности, возмещение ущерба, обеспечение безопасности лицам, содействующим правосудию.

Список цитируемых источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 24.11.2004, 1/6032.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : с изм. и доп. от 20 апреля 2016 г. № 358-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 21.04.2016, 2/2356.
3. Брусницын Л. В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию. М. : ЮНИТИ, 1999. 285 с.
4. Серебрянников В. Творческое развитие учения о войне и армии. М., 1983. 197 с.
5. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь, 2010 г., № 276, 1/1208.
6. Жариков Е. В. Дифференциация уголовного процесса как средство обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук ; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. Барнаул, 2004. 24 с.
7. Маркелов С. В. Уголовно-процессуальные и организационные меры обеспечения безопасности участников уголовного процесса в учреждениях федеральной службы исполнения наказаний России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук ; Вологод. юрид. ин-т. Владимир, 2006. 25 с.
8. Брусницын Л. В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию. С. 117.
9. Шостак М. А. Уголовный процесс : учеб. пособие. Минск : ГИУСТ БГУ, 2008. 630 с.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь.

УДК 343.131.5

С. В. Петлицкий, Н. А. Борисенко

Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», Минск

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАЩИЩАЕМЫХ ЛИЦ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Введение. Защита прав и свобод человека является приоритетной задачей государства. Конституция Республики Беларусь закрепляет положения, согласно которым человек, его права, свободы и гарантии, их реализация являются высшей ценностью и целью общества и государства (ст. 2); обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства (ст. 21) [1]. В Республике Беларусь за последнее десятилетие сложилась и эффективно действует система правовых механизмов, направленных на предупреждение правонарушений и преступлений в стране, однако с развитием законодательства меняется и сама преступность, которая в последнее время действует довольно дерзко и неправомерно по отношению к потерпевшим, свидетелям и другим лицам, избличающим их. В преобладающей степени это относится к деятельности организованных преступных групп и сообществ. В связи с этим возникает одна из задач уголовного процесса — максимально обеспечить уровень безопасности участников процесса в ходе проверки по материалам и расследования уголовных дел. Воздействие на лиц, содействующих правосудию, остаётся одной из наиболее острых проблем в современном мире. Существующие на сегодня меры защиты участников уголовного процесса не в полной мере достаточны для эффективного обеспечения их безопасности. В частности, интерес представляет обеспечение безопасности граждан, которые согласились сотрудничать с правоохранительными органами на конфиденциальной основе, участвующих в процессе в качестве свидетелей при производстве с их участием отдельных следственных действий.

Основная часть. В настоящее время сведения о лицах, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, составляют государственную тайну. Но вместе с тем в практической деятельности могут возникнуть ситуации, при которых не исключено раскрытие личности защищаемого лица, например, при производстве допроса его в качестве свидетеля. Так, в протоколе допроса, кроме анкетных данных лица (изменение которых допускается при применении мер безопасности), в описательной части отражается текст его показаний, которые в соответствии с частью первой ст. 218 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК) записываются от

первого лица и по возможности дословно [2]. В соответствии с частью четвёртой ст. 218 УПК допрашиваемое лицо после свободного рассказа вправе записать свои показания собственноручно [3]. Данное право допрашиваемого лица является императивным и обязывает следователя либо лицо, производящее дознание, предоставить ему такую возможность без каких-либо ограничений. На наш взгляд, положение части четвёртой ст. 218 УПК не в полной мере согласовывается с реализацией мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса. Так, исходя из собственных показаний, можно выделить определённые индивидуальные признаки личности, к которым относится стиль изложения (типичные слова, построения фраз, часто используемые обороты речи, жаргонные выражения и т. д.). Кроме того, показания могут отражать информацию, которая была известна ограниченному кругу лиц; содержать ссылку на сообщение источника информации, которая включает конкретных лиц либо возможность установления места и времени, откуда информация получена. И, конечно же, в данном случае основным источником расшифровки защищаемого лица будет являться его почерк.

Согласно ст. 257 УПК Республики Беларусь обвиняемый или его защитник имеет право знакомиться с уголовным делом, а также выписывать любые сведения или копировать интересующие материалы с разрешения следователя [4]. Отсюда следует, что протокол допроса защищаемого лица под вымышленным именем, но с его собственными показаниями изучается лично обвиняемым, что позволяет последнему в определённой мере и ситуации идентифицировать личность допрашиваемого, а это повлечёт за собой и расшифровку конфидента. Будучи идентифицированным, лицо, оказывающее содействие на негласной основе, фактически утрачивает возможность сотрудничества с оперативными подразделениями в последующем.

Для решения создавшейся проблемы необходимо внести изменения в часть четвёртую ст. 218 УПК Республики Беларусь, предусмотрев возможность диспозитивного подхода со стороны следователя либо лица, производящего дознание, к реализации права собственноручного изложения показаний допрашиваемым лицом, в отношении которого применены меры безопасности. Избирательный подход также должен быть обеспечен и при записи показаний защищаемого лица. Рекомендуются без излишней необходимости не конкретизировать определённые обстоятельства, изложенные допрашиваемым лицом, например, точное время, конкретное место, откуда свидетель мог наблюдать интересующие орган, ведущий уголовный процесс, события. Исключить при проведении допроса из показаний информацию, которая не имеет доказательственной силы, но позволяет установить личность конфидента (например, с кем живет, где ранее работал, служил, с кем общается, круг интересов т. д.). Данные предложения и рекомендации направлены на реальное обеспечение безопасности защищаемого лица и при их реализации не будут противоречить действующему законодательству. Как отмечает А. Халиков, именно в таком направлении должна строиться работа по обеспечению безопасности лиц оказывающих содействие на конфиденциальной основе и участвующих в уголовном процессе [5, с. 45].

Помимо допросов, на наш взгляд, возникают отдельные организационно-тактические проблемы проведения такого следственного действия, как предъявления для опознания с участием защищаемого лица в качестве опознающего. Как показывает практика, наиболее эффективным способом проведения опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, является использование комнат со стеклом односторонней видимости. К сожалению, на сегодня не во всех населённых пунктах Республики Беларусь имеются данные оборудованные помещения. Учёный С. А. Сумин в данной ситуации предлагает использование автомобилей с тонированными стёклами, когда опознающий находится внутри авто и через тонированное стекло наблюдает опознаваемых лиц [6, с. 274]. Данное предложение не противоречит порядку предъявления для опознания, определённому в ст. 224 УПК Республики Беларусь.

Однако использование специальных помещений и транспортных средств с тонировкой не гарантирует полной безопасности опознающего лица, так как обязательным условием при проведении данного следственного действия является наличие понятых в месте нахождения опознающего (часть десятая ст. 224 УПК). Отсюда следует, что понятые непосредственно контактируют с опознающим, а сведения о них, в отличие от защищаемого лица, заносятся в протокол следственного действия без изменения. В последующем при ознакомлении с протоколом данного следственного действия подозреваемый, обвиняемый имеют возможность получить информацию о понятых (фамилию, имя, отчество, адрес места жительства) и с использованием незаконных методов криминального воздействия установить через них сведения о защищаемом лице (антропометрические данные, особенности речи и др.).

На наш взгляд, одним из возможных выходов из сложившейся ситуации в целях надлежащего обеспечения мер безопасности при производстве опознания является использование различного вида масок, грима, париков, косметики, а также специальных технических средств, позволяющих изменять акустическую информацию. Это позволит скрыть индивидуализирующие признаки защищаемого лица и порядком усложнит процесс отождествления его личности.

Заключение. Совершенствование правовых норм, а также организационно-тактических приёмов и методов производства следственных действий с участием защищаемых лиц позволит исключить формальный подход в данном направлении и обеспечить надлежащую защиту участников уголовного процесса, членов их семей и близких родственников. Возникает необходимость в разработке на первоначальном этапе предварительного расследования организационных и тактических приёмов, комбинаций, затрудняющих в последующем отождествление личности защищаемого лица, показания которого ложатся в основу обвинения. Эффективность обеспечения безопасности участников уголовного процесса путём использования различных организационно-тактических приёмов напрямую зависит от комплексного применения знаний в сфере уголовно-процессуального права, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности.

Список цитируемых источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 24.11.2004, 1/6032.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : с изм. и доп. от 20 апреля 2016 г. № 358-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 21.04.2016, 2/2356.
3. Там же.
4. Там же.
5. Халиков А. Обеспечение безопасности при сокрытии данных о личности // Законность. 2007. № 10. С. 45—47.
6. Сумин С. А. Обеспечение участия в уголовном процессе лица под псевдонимом // Обеспечение законности и правопорядка в странах СНГ. 2009. Ч. 1. С. 279.

УДК 352.075

К. А. Пингачев

Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский государственный институт индустрии туризма имени Ю. А. Сенкевича», Москва, Российская Федерация

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЁРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение. Государственно-частное партнёрство (далее — ГЧП) — юридически оформленное на определённый срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнёра, с одной стороны, и частного партнёра — с другой, осуществляемое на основании соглашения о государственно-частном партнёрстве, в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения доступности и повышения качества товаров, работ, услуг, обеспечение которыми потребителей обусловлено полномочиями органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Основная часть. Использование механизмов ГЧП в настоящее время получает широкое распространение в Российской Федерации.

Президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. Подписанный документ направлен на формирование условий для создания и модернизации частными инвесторами объектов публичной инфраструктуры: социальной, транспортной, инфраструктуры связи и электроэнергетики, для повышения качества предоставляемых населению услуг. Законом устанавливаются правила и подходы к реализации проектов государственно-частного и муниципально-частного партнёрства в Российской Федерации.

Новый федеральный закон допускает возникновение частной собственности на создаваемые или реконструируемые объекты общественной инфраструктуры. При этом инвестор обязан обеспечивать полное или частичное финансирование создания такой инфраструктуры и эксплуатацию объекта в соответствии с его целевым назначением, которое регистрируется в качестве обременения объекта.

Сторонами проектов государственно-частного и муниципально-частного партнёрства являются публично-правовые образования и частные инвесторы — российские юридические лица. При этом проекты могут быть реализованы федеральными, региональными и муниципальными властями. Также в целях отбора инвестора допускается проведение совместного конкурса федеральными, региональными и муниципальными публично-правовыми образованиями.

Публичная сторона может участвовать в проекте государственно-частного, муниципально-частного партнёрства через прямое софинансирование, предоставляя субсидию на реализацию проекта или государственную гарантию, а также через имущественное участие, в том числе предоставляя земельные, водные, лесные участки под создаваемый объект.

В интересах инвесторов законом вводится механизм гарантирования неизменности основных параметров, на основании которых принималось решение о реализации проекта. Так, в случае изменения макроэкономических условий или законодательства, напрямую затрагивающих проект (налоги, льготы и т. д.), вносятся обоснованные изменения в соглашение в части объёма софинансирования публичной стороной проекта и сроков его реализации.

Подписанный документ предусматривает отбор инвесторов на конкурсной основе, полностью урегулированной в законе. При этом прописан и альтернативный механизм, когда инвестор может подать заявку на строительство или модернизацию объекта публичной инфраструктуры по своей инициативе. В таком случае заявка размещается на сайте torgi.gov.ru, и если в течение 45 дней иной инвестор не заявит о своей заинтересованности в реализации проекта, с инициатором заключается соглашение о государственно-частном, муниципально-частном партнёрстве.

Помимо вышеуказанного федерального закона развитие механизмов ГЧП в Российской Федерации регламентируется Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [2].

Документы	Меры
Закон Пензенской области от 30 июня 2009 г. № 1755-ЗПО «Об инвестициях и государственно-частном партнёрстве в Пензенской области» [3]	Снижение ставки по налогу на прибыль на величину от 1,25 до 4 п. п. на период фактического срока окупаемости проекта для частного партнёра. Снижение ставки по налогу на имущество организаций на 0,5 п. п. на период фактического срока окупаемости проекта для частного партнёра
Закон Санкт-Петербурга от 25 декабря 2006 г. № 627-100 «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнёрствах» [4]	Если целью участия Санкт-Петербурга в государственно-частных партнёрствах является реализация социально-значимых проектов, то участие Санкт-Петербурга в реализации проектов ГЧП может предусматривать также компенсацию расходов партнёра на подключение к сетям инженерно-технического обеспечения
Постановление Правительства Ростовской области от 13 декабря 2012 г. № 1073 «О порядке участия сторон государственно-частного партнёрства в реализации инвестиционного проекта на территории Ростовской области» [5]	Предоставление субсидий в целях софинансирования расходных обязательств, возникающих при создании (реконструкции) объектов капитального строительства. Предоставление субсидий на возмещение части затрат на подключение (технологическое присоединение) объектов капитального строительства к сетям инженерно-технического обеспечения

Вместе с тем на территории некоторых субъектов Российской Федерации уже ведётся работа по привлечению частных партнёров для реализации проектов ГЧП. По итогам регионального анализа был выявлен ряд мер поддержки со стороны органов исполнительной власти субъекта РФ, способствующий реализации проектов ГЧП на территории субъекта (таблица 1).

Заключение. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вступил в силу 1 января 2016 г. Субъектам Российской Федерации необходимо привести свою нормативно-правовую базу в соответствие с законом до 1 июля 2016 г.

Список цитируемых источников

1. О государственно-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации, 13 июля 2015 г., № 224-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2015.
2. О концессионных соглашениях : Федер. закон Рос. Федерации, 21 июля 2005 г., № 115-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2005.
3. Об инвестициях и государственно-частном партнёрстве в Пензенской области : Закон Пензен. обл., 30 июня 2009 г., № 1755-ЗПО // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2009.
4. Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнёрствах : Закон СПб., 25 дек. 2006 г., № 627-100 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2006.
5. О порядке участия сторон государственно-частного партнёрства в реализации инвестиционного проекта на территории Ростовской области : постановление Правительства Ростов. обл., 13 дек. 2012 г., № 1073 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2012.

УДК 316.37

Е. К. Погодина

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск

ПРАВОНАРУШЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ: ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Введение. В настоящее время состояние преступности несовершеннолетних вызывает обоснованную тревогу в обществе. По данным МВД Республики Беларусь, в последние годы наблюдается тенденция омолаживания преступности, характерной чертой преступлений несовершеннолетних становится насилие и жестокость, отмечается рост преступлений, совершённых несовершеннолетними в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Особенностью преступности несовершеннолетних является рецидивная преступность, которая имеет высокую общественную опасность не только из-за своей распространённости, но и из-за последствий. В связи с этим актуальным является исследование тенденций развития подростковой преступности в Беларуси, выявление её основных причин.

Основная часть. Изучение состояния и динамики преступности несовершеннолетних в последние годы показало, что устойчивой тенденцией является сохранение высокого и одновременно относительно стабильного уровня криминальной активности несовершеннолетних с незначительными колебаниями показателей как в сторону увеличения,

так и в сторону уменьшения. Так, если в 2013 г. было зарегистрировано 2 577 преступлений, то в 2014 г. — 2 564 преступления несовершеннолетних, а в 2015 г. — 2 878 преступлений [1]. Однако по отдельным видам преступлений наблюдается негативная динамика, например, отмечается рост преступности несовершеннолетних, связанных с наркотиками: от 78 преступлений в 2010 г. до 466 преступлений в 2014 г.

Количество преступлений, совершённых несовершеннолетними в 2015 г., по сравнению с 2014 г. выросло на 8,4%. По данным правоохранительных органов, отмечается рост числа несовершеннолетних лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления (в 1,2 раза), хулиганство (в 1,4 раза), а также преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (в 3,3 раза). Увеличилось число административных правонарушений, совершённых несовершеннолетними, таких как распитие алкогольных, слабоалкогольных напитков в общественном месте либо появление в общественном месте в состоянии опьянения, — на 8,5%.

В общей структуре преступности несовершеннолетних преобладают преступления против собственности (54,6%), на втором месте — хулиганство и преступления, связанные с наркотиками (15,6%), на третьем — угон транспортного средства (5,5%). При этом если количество краж, совершаемых несовершеннолетними, имеет тенденцию к сокращению (в 2010 г. было зарегистрировано 3 114 преступлений, а в 2014 г. — 1 396 преступлений), то количество зарегистрированных случаев хулиганства растёт (в 2013 г. — 188 преступлений, в 2014 г. — 260 преступлений).

Уголовная статистика последних лет фиксирует рост числа тяжких и особо тяжких преступлений несовершеннолетних. Удельный вес тяжких преступлений, совершённых несовершеннолетними, в общей структуре преступности составляет 8,2%. Также отмечается увеличение доли насильственных преступлений в структуре подростковой преступности. Всё это свидетельствует об определённых изменениях мотивации преступного поведения подростков.

Характерной особенностью преступности несовершеннолетних является её преимущественно групповой характер. Изучение статистических данных выявило тенденцию к возрастанию степени организованности преступных групп несовершеннолетних. Доля групповых преступлений, совершаемых подростками, составляет от 43,9% в структуре всех осуждённых несовершеннолетних. В группе подростки чаще совершают такие преступления, как кражи, грабежи, разбои, хулиганство.

Несовершеннолетние преступники в подавляющем большинстве являются лицами мужского пола (92,7%). Уголовная статистика свидетельствует также об устойчивой тенденции омоложения преступности. Это происходит за счёт вовлечения в преступную деятельность всё большего числа 14—15-летних подростков (29,3%).

Среди лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, большинство составляют обучающиеся учреждений общего среднего образования (32,2%), учреждений профессионально-технического образования (41,2%), студенты учреждений высшего и среднего специального образования (7,1%). Довольно большая часть несовершеннолетних преступников на момент совершения преступления не училась и не работала (19,5%).

Ежегодно растёт количество несовершеннолетних, состоящих на учёте в органах внутренних дел: в 2010 г. — 14 923 человека, в 2011 г. — 14 839, в 2012 г. — 14 147, в 2013 г. — 16 121, в 2014 г. — 16 900 человек. Многие несовершеннолетние преступники воспитывались в неполной семье (28,1%), третья часть состояла на учёте в органах внутренних дел (31,6%).

Правонарушения и преступления несовершеннолетних в большинстве случаев обусловлены обстоятельствами конкретной жизненной ситуации, в которой находятся подростки в тот или иной момент своей жизнедеятельности. Проведённое исследование позволило выделить основные факторы и причины противоправного поведения несовершеннолетних.

К макросоциальным факторам противоправного поведения несовершеннолетних относятся факторы, оказывающие непосредственное влияние на материальное положение семьи, характер взаимоотношений в ней и условия воспитания детей:

- кризисные явления в социально-экономической и социально-культурной жизни общества, нравственная деградация, низкий уровень духовности и культуры, разрушение прежней системы морально-этических ценностей;
- высокий уровень социально-экономической дифференциации и материального неравенства, большая степень социальной несправедливости, сильный контраст распределения доходов в обществе;
- низкий уровень жизни части населения, неудовлетворительное качество потребления материальных и духовных благ, плохие жилищные условия и т. п.; среди малообеспеченных слоёв наиболее ярко выражен уровень наркотизации и алкоголизации, которые во многом являются причинами преступности несовершеннолетних;
- значительная дезорганизация общества и дисфункциональность важнейших социальных институтов, таких как семья, средства массовой информации, проникновение в молодёжную среду стереотипов поведения, не совместимых с общественными ценностями, пропаганда наркотиков, культивирование половой распущенности, насилия и жестокости;
- несовершенство системы общего и профессионального образования и воспитания, приводящее к ослаблению и потере социальных связей, недостаточная воспитательная работа среди несовершеннолетних (формализм, отсутствие индивидуального подхода и т. д.), в результате чего не реализуется должным образом задача формирования чувства гражданской ответственности учащихся, управления своим поведением, происходит отчуждение от учебного коллектива, утрата интереса к учёбе;
- ограниченные возможности для проведения культурного досуга (слабая организация сети клубов, кружков, спортивных секций, отсутствие заботы о вовлечении и закреплении в них несовершеннолетних, находящихся в неблагоприятных условиях жизни и воспитания) [2];

– высокий уровень распространённости преступности, асоциального поведения в обществе, наличие многочисленных социально-маргинальных групп молодёжи, ведущих аморальный и противоправный образ жизни; деформация в социальном и духовном развитии личности, социальных групп и общностей;

– низкий уровень эффективности работы правоохранительных и других государственных органов по профилактике и противодействию преступности несовершеннолетних.

К микросоциальным факторам противоправного поведения несовершеннолетних относятся факторы, оказывающие влияние на формирование системы взглядов и ценностных ориентаций подростков, нравственной основы поведения:

– отрицательное влияние в семье (противоправный и аморальный образ жизни родителей, наличие асоциальных нравов, ценностей, привычек, правил поведения в семье, низкий общеобразовательный уровень родителей, эмоционально-конфликтные отношения в семье, насилие и жёсткое обращение по отношению к ребёнку, гипопротекция и эмоциональное отвержение как стиль семейного воспитания, неполная семья, плохое материальное положение);

– отрицательное влияние неформальной группы сверстников (асоциальная и антисоциальная субкультура несовершеннолетних);

– вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность взрослыми преступниками (по данным выборочных исследований, имеет место не менее чем в 30% случаев правонарушений несовершеннолетних);

– деструктивный характер межличностных отношений подростков с ближайшим социальным окружением (родительской семьёй, учителями, сверстниками и др.).

Заключение. Несмотря на то, что в последние годы количество правонарушений и преступлений, совершаемых несовершеннолетними в Республике Беларусь, остаётся относительно стабильным, проблемы предупреждения и преодоления противоправного поведения подростков, большинство из которых являются обучающимися общеобразовательных учреждений, остаются нерешёнными в педагогической науке и практике. Профилактика противоправного поведения включает в себя меры по нормализации условий жизни и воспитания, оздоровления среды, а также непосредственное воздействие на самого несовершеннолетнего, включающее воспитательную работу и контроль по предотвращению совершения им повторных преступлений. Важнейшим условием решения данной задачи выступает организация и проведение в общеобразовательных учреждениях индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, вступившими в конфликт с законом.

Список цитируемых источников

1. Правонарушения в Республике Беларусь : стат. сб. / И. С. Кангро [и др.] ; под ред. И. В. Медведевой. Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2015. 174 с.
2. Бедулина Г. Ф., Погодина Е. К. Социально-педагогическая профилактика отклоняющегося поведения. Минск : БГПУ, 2013. 214 с.

УДК 34.01

И. С. Потапова

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Российская Федерация*

НА ПУТИ К ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ

Введение. Ещё во времена античности зародились основы гражданского общества. В них заложены идеи Аристотеля, Цицерона, Фомы Аквинского.

Аристотель обосновал идею о том, что человек вне полиса не может быть человеком, так как «по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живёт вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» [1, с. 387].

Цицерон утверждал, что гражданские общины возникают не по установлению, а от природы, так как люди наделены богами стремлением к общению. Целью государства, согласно его концепции, является охрана имущественных интересов граждан.

Согласно подходу Фомы Аквинского, гражданское общество представляет собой органическую совокупность людей вне их государственной принадлежности, объединённых на основе религиозной идентичности [2, с. 34]. Более детальную разработку понятие «гражданское общество» получает в XVII—XVIII вв. Впервые данный термин был употреблён Г. Лейбницем (1646—1716 гг.).

Мыслитель Ж.-Ж. Руссо видел цель общественного договора в создании «такой формы ассоциации, которая защищает и ограждает всю общую силу личности и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется — однако только самому себе и остаётся столь же свободным как и прежде» [3, с. 157]. Философ Дж. Локк провозглашал самоценность человека. Его новая концепция расширила

и закрепила требования свободы и независимости граждан и их объединений от возможного произвола государства. Настало время, когда государство должно было лишь обеспечивать безопасность личности, её частной собственности, охранять общество, основанное на гражданской свободе [4, с. 58].

Гегель впервые указал на чёткое различие между государством и гражданским обществом. Последнее он рассматривал как место, где человек своим трудом извлекает для себя пользу, но такую возможность открывает для него государство [5, с. 73].

В основном идеи мыслителей сводились к тому, что гражданское общество — это общество негосударственного типа, сфера реализации частных целей и интересов отдельной личности.

По-прежнему понятие «гражданское общество» вызывает общественный интерес и разнообразные дискуссии. Однако мнения учёных в основном сводятся к тому, что современное гражданское общество представляет собой горизонтально структурированную совокупность независимых общественных организаций и объединений, функционирующих в целях реализации общественных интересов.

Основная часть. Сильное гражданское общество может стать системой сдержек и противовесов для современного общества, так как оно может осуществлять независимый контроль институтов государственной власти, предотвращая нарушения закона. Гражданское общество позволяет эффективно продвигать интересы различных социальных групп и защищать их права. Институты гражданского общества, функционирующие на основе сотрудничества и кооперации различных социальных групп, сглаживают социальные противоречия и гармонизируют общественные отношения. Однако до сих пор существуют сомнения возможности реального построения гражданского общества в государстве. Дело в том, что для его существования необходимо обеспечить следующие условия: большой удельный вес в обществе среднего класса, наиболее полное обеспечение прав и свобод человека; определённый уровень гражданской культуры, высокий образовательный уровень и высокую гражданскую активность населения, политический плюрализм; сильную социальную политику государства, многоукладную экономику и др. На практике обеспечить данные основания одновременно достаточно сложно.

Исследования учёных позволяют сделать вывод о том, что гражданское общество является идеально реальным образованием, т. е. идеально направляемым и реально существующим. Как идеальная категория оно состоит из совокупности идей, традиций, ценностей и интересов. Как реальный феномен — из действий и отношений, ориентированных на поддержание устойчивого равновесия между ними. Такое «сцепление» образует новую систему, соединяющую экономику, право и нравственность в единый комплекс, именуемый гражданственностью [6, с. 6].

Учёный-правовед Н. И. Матузов справедливо отмечает: «Гражданское общество оправдывает своё название не тем, что состоит из граждан, а тем, что создаёт надлежащие условия для них. Нищая, голодная, отсталая страна с неразвитой экономикой не может иметь статуса гражданского общества» [7, с. 88].

Следовательно, политика государства взаимообусловлена с деятельностью структур гражданского общества. Так, ориентированность на непризнанные в обществе ценности приводит к социальным кризисам и потрясениям, которые наблюдались в конце XX — начале XXI в. в СССР, Грузии, Египте, Сирии и др. Американский философ Ф. Фукуяма в книгах «Конец истории и последний человек» [8] и «Великий разрыв» [9] отразил «обострение» противоречий в западных странах в силу падения морали, роста преступности, распада семьи, утраты доверия к институтам. Общество «фрагментируется» и превращается в толпу одиночек. Признавая «виновным» государство в подавлении гражданского общества, Ф. Фукуяма позднее отразил пользу определения централизации управления и роль государства на примере Японии, Кореи и Тайваня в книге «Сильное государство: управление и порядок в XXI веке» [10].

Существует ли гражданское общество в современной России? Однозначно ответить на этот вопрос достаточно сложно.

Термин «гражданское общество» в России приобрёл свою актуальность в 80-х гг. XX в. Тогда заговорили об этой категории как о сфере жизни, относительно свободной от государственного принуждения [11, с. 30].

С течением времени в направлении гражданского общества произошли существенные изменения: в правовой сфере — обеспечение прав и свобод человека и гражданина, взаимная ответственность государства и личности, независимое правосудие; в политической — разделение властей, демократия, свобода слова, политический плюрализм; в экономической — появление рыночных отношений, многообразие форм собственности, в духовной — свобода совести и вероисповедания, свобода СМИ.

Создание Общественной палаты Российской Федерации, Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека также приближает граждан к власти. Так, Общественная палата РФ обеспечивает взаимодействие граждан России и общественных объединений с органами государственной власти и органами местного самоуправления в целях учёта потребностей и интересов граждан РФ, защиты их прав и свобод. Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека является консультативным органом, который образован в целях оказания содействия главе государства в реализации его конституционных полномочий в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, его информирования о положении дел в этой области, содействия развитию институтов гражданского общества в Российской Федерации.

Ежегодно проводится Общероссийский гражданский форум, цель которого — решение вопросов саморазвивающихся общественных организаций, гражданских активистов и экспертов, нацеленное на модернизацию страны на основе универсальных ценностей гуманизма, прав и достоинства человека, доверия, сотрудничества и солидарности граждан в организации социума, способствующего повышению качества жизни.

Вместе с тем нельзя не назвать возникшие трудности в становлении российского гражданского общества. Во-первых, это отсутствие устоявшегося стабильного среднего класса. Наше общество расколото на две половины: элиты и массы. Богатые, как правило, преследуют собственные интересы, бедные заботятся о том, как заработать на

жизнь. Ни те, ни другие не преследуют в первую очередь интересы общества. Во-вторых, это распространение коррупции. Коррумпированное общество также подрывает общественный дух. В-третьих, низкий уровень правосознания и правовой культуры общества, который приводит к распространению правового нигилизма.

Заключение. Возможно, что названные проблемы связаны с ещё не оформившейся до конца после развала СССР системой общественных ценностей. Ведь для того чтобы сформировать гражданское общество, необходимо время для развития рыночной экономики, социальной политики, для поднятия образовательного уровня населения. Вместе с тем процесс становления гражданского общества нуждается в особом контроле. В повседневной практике выделяют два института, обеспечивающих функционирование общественного контроля за деятельностью гражданского общества: самоконтроль и общественное мнение. Первый проявляется в изучении процесса принятия общественными экспертными советами и активистами общественных организаций решений, которые могут оказывать влияние на социально-политическую жизнь общества. Второй — в изучении влияния СМИ, общественных и религиозных течений на поведение граждан.

Гражданское общество сегодня является важным элементом политической жизни России. Главное для формирования гражданского общества в Российской Федерации — продолжение спокойного стабильного развития. Структурированное гражданское общество уже существует, и в дальнейшем оно должно стать итогом стабильного цивилизованного развития.

Список цитируемых источников

1. Аристотель. Политика : в 4 т. Т. 4. М., 1986. 549 с.
2. Глубоковский Н. Н. Отзыв о сочинении В. И. Герье «Блаженный Августин». М., 1990. 235 с.
3. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М. : КАНОН-ПРЕСС-Ц, 1998. 416 с.
4. Кин Д. Демократия и гражданское общество. М., 2005. 400 с.
5. Гегель Г. В. Философия права / пер. с нем. : ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсисянц ; авт. вступ. ст. и прим. В. С. Нерсисянц. М. : Мысль, 1990. 524 с.
6. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек ; пер. с англ. М. : Ермак : АСТ, 2005. 592 с.
7. Матузов Н. И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3. С. 83—93.
8. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. 592 с.
9. Фукуяма Ф. Великий разрыв ; пер. с англ. ; под общ. ред. А. В. Александровой. М. : АСТ : Ермак, 2004. 474 с.
10. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. М. : АСТ, 2006. 220 с.
11. Голенкова З. Т. Гражданское общество в России // Социолог. исслед. 1997. № 3. С. 25—36.

УДК 346

А. В. Савина

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия», Саратов, Российская Федерация*

О ПРИМЕНЕНИИ «КОСВЕННЫХ» ДОЗВОЛЕНИЙ В БЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ СТ. 242 БЮДЖЕТНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Введение. Проблема дозволений как способа правового регулирования в общей теории права представляет собой одну из наиболее сложных и малоисследованных научных проблем. Активные дискуссии относительно данного способа правового регулирования ведутся в отраслевых юридических науках, в частности, в финансовом праве.

Основная часть. В общей теории права существует позиция, согласно которой в процессе правового регулирования используются три способа регулирования: дозволение, обязывание и запрещение.

Дозволение связано с предоставлением субъектам права возможности совершать определённые действия в собственных интересах или интересах других лиц. Дозволения весьма неоднородны. Они могут выражаться в таких формах, как субъективное право, свобода, законный интерес. Каждая из названных форм имеет собственную природу и обладает соответствующей степенью гарантированности.

Обязывание связано с возложением на лиц необходимости совершить активные указанные в законе либо договоре действия. Обязывание как способ правового регулирования представляет собой специфический приказ, долженствование совершать определённые действия.

Запрещение связано с необходимостью воздержания от конкретных действий, с пассивным поведением [1, с. 230].

Учитывая, что основной метод финансового-правового регулирования — императивный, т. е. метод властных предписаний со стороны уполномоченных органов государства и местного самоуправления в процессе производства, распределения и использования публичных денежных фондов (ресурсов) в адрес других участников финансовых отношений [2, с. 41], следовательно, ему присущи такие способы регулирования, как обязывание и запрет. Задача заключается в том, чтобы выявить редкие, но все же существующие дозволения в нормах отрасли финансового права. В этой связи важно согласиться с мнением Н. М. Коркунова: «Немыслимо право, которое всецело и исключительно опиралось бы на одно принуждение» [3, с. 300].

В бюджетном праве как одной из подотраслей финансового права дозволения применяются редко, что вызывает повышенный интерес к их изысканию. Так, в качестве примера можно привести ст. 242 Бюджетного кодекса Российской Федерации [4]. В пунктах 4—5 ст. 242 закреплено следующее правило: «Не использованные получателями бюджетных средств остатки бюджетных средств, находящиеся не на едином счёте бюджета, не позднее двух последних рабочих дней текущего финансового года подлежат перечислению получателями бюджетных средств на единый счёт бюджета».

Не использованные по состоянию на 1 января текущего финансового года межбюджетные трансферты, полученные в форме субсидий, субвенций и иных межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, подлежат возврату в доход бюджета, из которого они были ранее предоставлены, в течение первых 15 рабочих дней текущего финансового года» [5].

Данные положения являются обязательным требованием возврата неиспользованных бюджетных средств в бюджет, из которого они были предоставлены.

«Принятие главным администратором бюджетных средств решения о наличии (отсутствии) потребности в межбюджетных трансфертах, предоставленных в форме субсидий и иных межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, не использованных в отчётном финансовом году, а также возврат указанных межбюджетных трансфертов в бюджет, которому они были ранее предоставлены, при принятии решения о наличии в них потребности осуществляются не позднее 30 рабочих дней со дня поступления указанных средств в бюджет, из которого они были ранее предоставлены, в соответствии с отчётом о расходах соответствующего бюджета, источником финансового обеспечения которых являются указанные межбюджетные трансферты, сформированным и представленным в порядке, установленном главным администратором бюджетных средств».

В соответствии с решением главного администратора бюджетных средств о наличии потребности в межбюджетных трансфертах, полученных в форме субсидий и иных межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, не использованных в текущем финансовом году, средства в объёме, не превышающем остатка указанных межбюджетных трансфертов, могут быть возвращены в очередном финансовом году в доход бюджета, которому они были ранее предоставлены, для финансового обеспечения расходов бюджета, соответствующих целям предоставления указанных межбюджетных трансфертов» [6].

Важным моментом, на наш взгляд, является то, что особая роль в принятии решения о наличии потребности в межбюджетных трансфертах, предоставленных в форме субсидий и иных межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, не использованных в отчётном финансовом году, а также о возврате указанных межбюджетных трансфертов в бюджет отводится именно главному администратору, что по своей правовой природе уже можно считать правом решать, возвращать ли неиспользованные бюджетные средства бюджетополучателю, которому они были ранее предоставлены или нет.

Дозволение как способ правового регулирования можно усмотреть в предоставленной субъектам (в данном случае бюджету бюджетной системы) возможности совершать определённое действие в собственных интересах, иными словами, бюджетополучатели вправе сами определять, израсходовать ли все предоставленные межбюджетные средства на необходимые цели или минимизировать затраты, тем самым обеспечить к концу финансового года возврат денежных средств в бюджет, из которого они были предоставлены.

Приказ Министерства финансов РФ от 28 июля 2010 г. № 82н «О взыскании в соответствующий бюджет неиспользованных остатков субсидий, предоставленных из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации государственным (муниципальным) учреждениям» содержит порядок взыскания неиспользованных остатков денежных средств: «Взысканию подлежат неиспользованные остатки: субсидий на капитальные вложения, в отношении которых соответствующими органами государственной власти (государственными органами), органами местного самоуправления, осуществляющими функции и полномочия учредителя учреждений или соответствующими главными распорядителями бюджетных средств, осуществляющими предоставление субсидий на капитальные вложения предпрятиям, не принято решение о наличии потребности в направлении их на те же цели в текущем финансовом году; целевых субсидий, в отношении которых органами, осуществляющими функции и полномочия учредителя, не принято решение о наличии потребности в направлении их на те же цели в текущем финансовом году» [7].

Обращает на себя внимание тот факт, что финансовый орган устанавливает обязательное правило взыскания остатков, но с учётом того, если «...не принято решение о наличии потребности в направлении их на те же цели в текущем финансовом году». Полагаем, что в сущности данной нормы содержится косвенное правонаделение главных распорядителей, согласно которому они вправе самостоятельно решать, каким субъектам возвращать неиспользованные остатки на очередной финансовый год, а каким нет.

Исследователь И. В. Рукавишникова характеризует «дозволение» как способ правового регулирования, предоставляющий субъекту право на совершение собственных активных действий [8, с. 213].

Так, хотелось бы предположить, что совершение «собственных активных действий» получателем межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, можно усмотреть в том, что при расходовании предоставленных денежных средств на определённые цели получатель межбюджетных средств обладает определённой мерой свободы распоряжаться ими на своё усмотрение, но в рамках поставленных целей.

В качестве частного примера можно рассмотреть таблицу 60 приложения 21 Федерального закона от 14 декабря 2015 г. № 359-ФЗ «О федеральном бюджете на 2016 год»: «Распределение субсидий на реализацию мероприятий подпрограммы «Автомобильные дороги» федеральной целевой программы «Развитие транспортной системы России (2010—2020 годы)» бюджетам субъектов Российской Федерации на 2016 год» [9], где лишь ука-

заны суммы предоставляемых субсидий конкретным субъектам РФ и не установлены конкретные границы затрат, которые должен произвести субъект РФ для выполнения поставленных целевой программой задач.

Заключение. Полагаем, что это является именно косвенным дозволением, предоставленным получателям субсидий, и заключается оно в том, что каждый получатель денежных средств вправе сам определять содержание сметы на производство тех или иных затрат. Поскольку в конкретном случае нет определённых запретов и обязанностей, а лишь имеют место общие задачи, которые требуется выполнить, и цели, которые необходимо достичь, мы позволим себе предположить, что второстепенная роль двух данных способов правового регулирования выдвигает на первый план именно дозволение как способ регулирования бюджетных отношений.

Список цитируемых источников

1. Малько А. В. Теория государства и права : учеб. М. : Юрист, 2004. 512 с.
2. Финансовое право : учеб. / отв. ред. Н. И. Химичева. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2013. 752 с.
3. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 2. Особенная часть. 6-е изд. ; под ред. и с доп. М. Б. Горенбурга. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1900. 739 с.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3823.
5. Там же.
6. Там же.
7. О взыскании в соответствующий бюджет неиспользованных остатков субсидий, предоставленных из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации государственным (муниципальным) учреждениям, государственным (муниципальным) унитарным предприятиям : приказ Минфина РФ от 28 июля 2010 г. № 82н // Рос. газ. 2010. № 216.
8. Рукавишникова И. В. Метод финансового права / отв. ред. Н. И. Химичева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
9. О федеральном бюджете на 2016 год : Федер. закон Рос. Федерации, 14 дек. 2015 г., № 359-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 51. ст. 7230.

УДК 342.7

Е. Н. Самарчук

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Введение. Без преувеличения можно сказать, что среди всех человеческих ценностей самое главное занимают права человека. Ведь именно они определяют положение личности в цивилизованном обществе, обеспечивают её свободное развитие и способствуют созданию соответствующих условий для этого, защищают её от негативных общественных явлений. Не случайно права человека закреплены во многих международных актах. Они существуют независимо от признания их тем или иным государством. Ни одно государство не может быть подлинно демократическим, правовым, не соблюдая эти общепризнанные нормы.

В различные исторические эпохи проблема защиты прав человека, неизменно оставаясь политико-правовой, приобретала либо религиозное, либо этическое, либо философское звучание в зависимости от социальной позиции находившихся у власти классов.

В современном мире и непосредственно в Республике Беларусь существуют отдельные проблемы и спорные вопросы в области защиты гражданских (личных) прав и свобод личности, нуждающиеся в дальнейшей правовой регламентации как на законодательном, так и на подзаконном уровне.

Основная часть. Права человека — важнейший институт конституционного права. Являясь показателем ответственности политической и правовой системы государства современным международным стандартам, он призван обеспечить достойную и безопасную жизнь личности, защиту его основных прав и свобод от разного рода посягательств, возможность её свободной жизнедеятельности в сложных условиях современного общества.

Однако в области защиты прав человека возникают проблемы как теоретического, так и практического характера. Так, ст. 24 действующей Конституции Республики Беларусь гарантирует каждому человеку право на жизнь. Но п. 3 данной статьи предусматривает возможность применения смертной казни до её отмены в соответствии с законом как исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда [1].

Профессор В. М. Хомич, являющийся противником сохранения института смертной казни, отмечает, что сохраняя смертную казнь, публичная власть поддерживает и питает настроения мести индивида за причинённое ближнему зло, ибо нет никакой принципиальной разницы между криминальным убийством и лишением жизни человека в порядке применения смертной казни. Как бы ни была однозначна оценка массового правосознания, политика государства должна быть сориентирована на иные ценности. Государство должно возбуждать и стимулировать жизненно утверждающие ценности человека, точнее — бесценность и абсолютную неприкосновенность состояния жизни человека.

Проблема отмены смертной казни широко обсуждается во многих странах и имеет как своих сторонников, так и противников.

Важным аргументом за сохранение смертной казни является то обстоятельство, что общество может защитить себя и своих членов от ряда тяжких преступлений и категорий преступников, не подлежащих перевоспитанию, только сохранив реальную угрозу лишения жизни. Некоторых преступников только это и может остановить перед совершением тяжких преступлений. Однако обоснованным возражением против смертной казни является возможность вынесения приговоров в отношении невиновных. Такую судебную ошибку уже невозможно будет исправить.

Ещё одним аргументом против смертной казни может служить то обстоятельство, что её применение ожесточает лиц, выносящих такие приговоры, и особенно тех, которые приводят их в исполнение.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что существование института смертной казни в Республике Беларусь, установленного уголовным законодательством, всё же противоречит праву на жизнь, гарантируемому ст. 24 Конституции Республики Беларусь [2], поскольку само право на жизнь и наличие института смертной казни, предусмотренного ст. 59 Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. [3], противоречат друг другу.

Часть вторая ст. 24 Конституции Республики Беларусь и ст. 59 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающие возможность применения смертной казни в Беларуси, должны быть исключены из соответствующих нормативных актов, а самым строгим видом уголовного наказания должно стать пожизненное тюремное заключение, поскольку ни существование смертной казни, ни её отмена не будет влиять на динамику преступности в целом.

Защита права на жизнь также связана и с рядом медицинских проблем, в частности, с проблемой эвтаназии — безболезненной, щадящей и избавляющей от страданий смерти.

Потребность в эвтаназии чаще всего ощущают люди, испытывающие невыносимые страдания в результате тяжёлой болезни в терминальной и предсмертной стадии. Сострадание к таким людям подсказывает решение разрешить медикам при соблюдении соответствующей процедуры удовлетворить просьбу больного и лишить его жизни безболезненным способом.

Формулировку понятия «эвтаназия» даёт Закон Республики Беларусь «О здравоохранении»: эвтаназия — это добровольная, согласованная с врачом смерть неизлечимо больного с помощью специальных обезболивающих средств, а медицинским и фармацевтическим работникам запрещается её осуществление. Лицо, которое сознательно понуждает пациента к эвтаназии или осуществляет её, несёт уголовную ответственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь [4].

Решение об эвтаназии должно приниматься пациентом самостоятельно. Стоит ли жизнь продолжения — это вопрос, который ни одно человеческое существо не может решить за другое. Поэтому на момент принятия решения гражданин должен быть дееспособным, а также не иметь каких-либо заболеваний, сопровождающихся навязчивой идеей смерти. Если пациент находится без сознания и ранее не оформил надлежащим образом своё согласие на эвтаназию, то соответствующие меры не могут быть приняты.

Также нужно, на наш взгляд, принять специальный закон «Об эвтаназии в Республике Беларусь», который мог бы чётко отрегулировать данную процедуру.

Ещё одной проблемой защиты права на жизнь является трансплантация тканей и органов человека. В Республике Беларусь действует закон «О трансплантации органов и тканей человека» [5]. К сожалению, даже новая редакция вышеуказанного закона не даёт детального разъяснения, а только отсылает к подзаконным нормативным правовым актам. Необходимо отметить, что в истории судебной медицины момент окончания жизни и наступления смерти в разное время определялся неоднозначно. Одно время таким показателем было прекращение дыхания, появление трупных пятен, затем прекращение работы сердца, отсутствие пульса и т. д.

Полагаем, что вопрос об окончании биологической жизни человека в Республике Беларусь на законодательном уровне является не в полной мере урегулированным, а это, в свою очередь, может привести к злоупотреблениям со стороны медицинских работников.

Таким образом, в этой связи представляется весьма актуальным дать определение понятию «биологическая смерть» и определить окончание биологической жизни, изложив часть первую ст. 10 закона «О трансплантации органов и тканей человека» в следующей редакции: «забор органов и тканей у трупа человека разрешается с момента констатации биологической смерти при необратимых потерях функции головного мозга (смерти мозга), определяемой показателем прохождения ровной прямой линии электроэнцефалограммы. Факт констатации смерти фиксируется консилиумом врачей».

Заключение. Проблемы совершенствования законодательства Республики Беларусь в области защиты прав и свобод человека должны быть приоритетными в деятельности органов государственной власти страны, что в свою очередь будет способствовать формированию и эффективному функционированию всей системы защиты гражданских прав личности в государстве, которые являются одной из высших правовых ценностей, поскольку ставят личность в центр всех процессов общественного развития, определяя её свободу и равноправие.

Список цитируемых источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 24.11.2004, 1/6032.
2. Там же.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г., № 275-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.01.2015 г. № 245-З. Минск, Амалфея, 2015.

4. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХП : с изм. и доп. от 16 июня 2014 г. № 164-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 25.06.2014, 2/2162.

5. О трансплантации органов и тканей человека [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 марта 1997 г., № 28-З : с изм. и доп. от 1 янв. 2015 г. № 232-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 09.01.2015. № 232-З. 2/2230.

УДК 341.45

С. В. Семенова, С. В. Воробьева

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Российская Федерация*

ВОПРОС ПРИСОЕДИНЕНИЯ РОССИИ К МЕЖДУНАРОДНОМУ УГОЛОВНОМУ СУДУ: ПРЕПЯТСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Введение. Международный уголовный суд (далее — МУС) — это первый постоянно действующий орган уголовного юстиции международного характера, который занимается преследованием лиц, совершивших наиболее тяжкие преступления: геноцид, военные преступления, преступления против человечности. Данный орган учреждён на основе Римского статута, принятого в 1998 г. [1, с. 51].

В настоящее время МУС является одним из важнейших институтов современного международного права. Однако многие государства — члены ООН — до сих пор не присоединились к МУС. Ряд стран принципиально против ограничения суверенитета государств и предоставления довольно широких компетенций МУС. Особенно ярким противником МУС является США [2, с. 56].

Российская Федерация подписала Римский статут ещё в 2000 г., однако до сих пор воздерживается от его ратификации и, соответственно, не является членом МУС.

В последнее время всё чаще поднимается вопрос присоединения России к МУС. В частности, многие российские юристы выступили против такого сближения. Например, глава Конституционного суда Российской Федерации В. Зорькин заявил о недоверии к МУС и предложил определить условия и пределы вмешательства международных органов во внутренние дела государств. А глава Следственного комитета РФ А. Бастрыкин высказался за создание нового международного судебного органа для рассмотрения дел о воинских преступлениях [3].

В связи с этим проблема присоединения России к МУС является довольно острой, поэтому представляется важным рассмотреть причины, по которым Россия до сих пор не ратифицировала Римский статут, а также раскрыть перспективы такого присоединения.

Основная часть. Во-первых, необходимо заметить, что существует ряд политических препятствий на пути к ратификации Римского статута, обусловленных внутренними и внешними причинами. Так, наибольшую озабоченность у великих держав вызывает криминализация агрессии. Данное положение будет внесено в Римский статут в 2017 г. Ведь несмотря на то, что концепция преступлений против мира была введена ещё в 1945 г. в Нюрнбергском процессе, и США, и Советский Союз не единожды осуществляли интервенции, не боясь наступления правовых последствий.

Летом 2010 г. на конференции по обзору Римского статута МУС в Кампале было принято определение агрессии. Соответственно, теперь осуществление любого военного вмешательства, участие в локальных конфликтах или поддержка повстанцев в чужой стране могут повлечь за собой уголовную ответственность руководителей государств. Данное положение особенно непривлекательно для таких государств, как США, Китай или Россия, так как каждая из держав проводит активную внешнюю политику и не желала бы видеть своих руководителей или военачальников в качестве подсудимых в Гааге.

Кроме того, президент РФ В. Путин, министр иностранных дел С. Лавров, министр обороны С. Шойгу и генералы опасаются, что Европейский союз может использовать МУС в качестве инструмента для свержения неугодных иностранных лидеров без организации дорогостоящих «цветных революций» [4, с. 84].

Во-вторых, существует ряд правовых вопросов, которые являются не меньшей преградой для ратификации Россией Римского статута.

Большинство из таких юридических препятствий относится к несоответствию положений Римского статута Конституции Российской Федерации. Статья 120 Российского статута оговаривает, что Римский статут — жёсткий договор, и соответственно «никакие оговорки к настоящему статуту не могут делаться» [5]. В связи с этим устранение коллизий возможно только путём внесения изменений в Конституцию РФ либо толкованием российских правовых норм в соответствии с Римским статутом и международным правом.

Поскольку Конституция РФ признаёт общепризнанные принципы и нормы международного права составной частью своей правовой системы, то второй способ является более простым.

Так, ст. 118 Конституции РФ запрещает любые чрезвычайные суды, не установленные Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации». Так как МУС не является частью российской судебной системы, он действительно может считаться «чрезвычайным». Однако если

Россия ратифицирует Римский статут, решения МУС будут обязательны для исполнения в соответствии со ст. 6 упомянутого закона.

Ст. 61 Конституции запрещает высылку российских граждан за пределы России или выдачу их другим государствам. Однако ст. 63 позволяет выдачу лиц, обвиняемых в совершении определённых преступлений, в соответствии с нормами, установленными федеральным законом или международным договором. В Римском статуте вместо термина «выдача» используется термин «передача», т. е. данное положение вполне может быть истолковано как соответствующее законодательству Российской Федерации.

Также Конституция РФ (ст. 91 и 98) гарантирует неприкосновенность президенту и членам Федерального Собрания РФ. Однако Римский статут применяется «в равной мере ко всем лицам без какого бы то ни было различия на основе должностного положения» [6]. Соответственно, при ратификации статьи конституции утратят силу.

Кроме этого, положения Римского статута предусматривают рассмотрение дел палатой трёх судей, в то время как Конституция РФ гарантирует право обвиняемого на рассмотрение его дела судом присяжных [7]. Данное ущемление прав российских граждан можно компенсировать лишь тем, что судьи МУС выбираются из числа лиц с высокими моральными и профессиональными качествами, и можно рассчитывать, что они будут рассматривать дела беспристрастно и справедливо.

Таким образом, часть аргументов против присоединения России к МУС является несостоятельной и по большому счёту кроется в политических, а не правовых препятствиях, в то время как Россия может получить определённые выгоды от ратификации данного статута.

Во-первых, многие полагают, что МУС можно использовать в качестве универсального суда для террористов. И необходимость существования такого судебного органа обусловлена сложностью судебного преследования членов многонациональной террористической организации отдельными юрисдикциями. Поэтому именно МУС может стать судом для вынесения окончательного приговора.

Во-вторых, присоединившись к МУС, Россия, безусловно, повысит свой международный имидж. Это поможет Российской Федерации укрепить свои позиции на международной арене и улучшить дипломатические связи с другими государствами, что представляется особенно актуальным в связи со сложной международной ситуацией в настоящее время [8, с. 135].

Заключение. Существующие препятствия на пути к присоединению к МУС вполне устранимы путём внесения изменений и дополнений в национальное законодательство. Поэтому необходимо провести работы по подготовке законопроекта о внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации и приведению законодательства РФ в соответствие с Римским статутом в целях обеспечения сотрудничества с МУС. Безусловно, необходимо это делать с большой осторожностью, взвешивая все точки зрения, чтобы вхождение в МУС соответствовало внутренним и внешним интересам РФ и не ограничивало наш суверенитет.

Список цитируемых источников

1. Жеребцова К. В. Международный уголовный суд как субъект международного права // Экономика. Управление. Право. 2012. № 2 (27). С. 50—53.
2. Хачирова В. С. Модели сотрудничества государств с Международным уголовным судом // Евраз. юрид. журн. 2011. № 3. С. 54—59.
3. Валерий Зорькин не доверяет коллегам в Гааге: глава КС против присоединения к Международному суду [Электронный ресурс] // Коммерсантъ : газ. от 1 июня 2015 г. № 94. URL: <http://kommersant.ru/doc/2738764> (дата обращения: 15.03.2016).
4. Хисматуллин С. А., Ишмухаметов Я. М. Острый вопрос присоединения России к Международному уголовному суду // Экономика, социология, право: новые вызовы и перспективы. 2015. № 12-2. С. 84—85.
5. Римский статут Международного уголовного суда : 17 июля 1998 г. : с изм. от 16 янв. 2002 г. // Междунар. уголов. суд : сб. документов. Казань : Центр инновацион. технологий. 2010.
6. Там же.
7. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 30 дек. 2008 г. М. : Айрис-пресс, 2013. 63 с.
8. Трикоз Е. Н. Перспективы присоединения Российской Федерации к Римскому статуту Международного уголовного суда // Журн. рос. права. 2010. № 12. С. 130—139.

МЕДИАЦИЯ В СИСТЕМЕ ПРАВООЗАЩИТНЫХ СРЕДСТВ

Введение. В современных демократических странах должна быть альтернатива государственной защите. В Российской Федерации в последнее пятилетие одним из видов такой альтернативной защиты стала медиация, которая выступила предметом исследования многих научных трудов.

В юридической литературе не встречаются разногласия по поводу определения термина «медиация», чаще всего используется легальное определение, которое даёт законодатель в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». «Процедура медиации — способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [1]. Но наблюдаются и противоречия во мнениях учёных, например, нет единого ответа по поводу места медиации в системе правозащитных средств.

Отметим, что правозащитные средства — это мероприятия и действия, направленные на восстановление и защиту прав и охраняемых законом интересов человека и гражданина. При этом, на наш взгляд, существуют три формы защиты прав и свобод личности: защита с использованием компетентных государственных органов, защита с использованием компетентных негосударственных органов, самозащита.

Тот факт, что медиация не является способом защиты с использованием компетентных государственных органов, очевиден. Возникает логичный вопрос, к какой из оставшихся форм защиты она относится, ведь и ту и другую можно считать альтернативными государственной защите. В связи с этим необходимо проанализировать некоторые мнения учёных.

Основная часть. Большинство рассматривает саму сущность медиации, раскрывая понятие, признаки и принципы. Но есть и такие, которые пытались найти место данного института среди других форм и способов защиты прав и свобод личности. Учёные Е. Н. Пронина и Ю. В. Гущева отмечают, что так как «медиатор не обладает полномочиями по принятию обязательного для сторон решения, процедура медиации будет относиться к внеюрисдикционной подсистеме единой системы урегулирования и разрешения правовых споров» [2, с. 34]. Исследователь А. С. Архипкина в свою очередь пришла к выводу, что «медиация является способом самозащиты прав человека и гражданина, поскольку осуществляется самостоятельно, не прибегая к помощи государственных органов» [3, с. 289].

Очень противоречиво мнение О. А. Минеева о том, что «независимо от того, чем завершится в итоге процесс переговоров, решение об их начале принимают сами стороны, а самозащита и предполагает комплекс мер, предпринимаемых для защиты принадлежащего данному лицу права самим же этим лицом» [4]. Данный тезис напрямую доказывает связь медиации с самозащитой. Но при этом, когда данный исследователь предлагает перечень способов самозащиты, который должен входить в гражданский кодекс, отмечает, что «не включена в данный перечень медиация, но это можно признать разумным, поскольку самозащита при медиации носит не непосредственный, а как бы предварительный характер. Кроме того, тактика и стратегия действий медиатора по организации и проведению переговорного процесса составляет, скорее, предмет юридической или общей психологии либо конфликтологии, нежели гражданского права» [5]. Трудно согласиться с последним утверждением автора, ведь не тактика должна быть связана с гражданским правом, а общественные отношения, которые будут урегулированы в процессе медиации.

Интересна позиция Е. В. Михайловой, которая полагает, что медиация и самозащита имеют много общего, но они не зависят друг от друга в общей системе способов и форм защиты прав личности, при этом положение каждого в этой системе — под вопросом. Так, по мнению автора, самозащита «не может рассматриваться в качестве отдельного способа защиты, поскольку закон не определяет конкретные действия, которые правообладатель может осуществить в порядке самозащиты своего права, что делает её в крайней степени неопределённой. Самозащита права лишена собственной процессуальной формы, что делает невозможным признание её результата государством и, соответственно, недостижимой целью — реальное осуществление гражданского права» [6, с. 13]. Мы считаем, что нельзя исключать самозащиту из перечня способов защиты, а отсутствие у неё процессуальной формы расцениваем как пробел в законодательстве, который необходимо восполнить.

В свою очередь, отмечает Е. В. Михайлова, медиация «не может быть определена в качестве самостоятельной процессуальной формы защиты права, так как в законодательстве отсутствует порядок выдачи исполнительных листов на медиативные соглашения. Тем самым результат медиации — медиативное соглашение — на сегодня государством не признан» [7]. Процедура медиации может использоваться наряду (а не альтернативно) с двумя самостоятельными способами защиты права — государственным судопроизводством и третейским разбирательством [8].

Принимая во внимание вышесказанное, сформулируем своё мнение по поводу места медиации в системе правозащитных средств. Считаем, что следует начать со сравнения исследуемого института с институтом самозащиты. Для этого уточним, что под самозащитой мы понимаем комплекс мероприятий и действий как лица, так

и группы лиц, направленных на охрану и защиту своих прав без помощи компетентных органов, различными способами, установленными в законодательстве, либо исходя из принципа «не запрещённое законом, дозволено».

На первый взгляд, действительно может показаться, что медиация — это способ самозащиты прав личности, исходя из того, что стороны данного процесса наделены большой самостоятельностью. Они сами выбирают медиатора, определяют порядок, содержание и конечный результат процесса. Как отмечает М. Е. Семеняко, «стороны в качестве экспертов должны ликвидировать конфликт сами в рамках их собственной позиции» [9, с. 4].

Несмотря на это мы убеждены, что медиация является разновидностью защиты с использованием компетентных негосударственных органов, так как стороны в целях урегулирования спора обращаются к «третьему лицу» — медиатору (посреднику). Но при этом полагаем, что требования к медиатору и его полномочия необходимо скорректировать на законодательном уровне, иначе его деятельность похожа не на работу компетентного негосударственного лица, а специалиста-конфликтолога.

Во-первых, медиаторам следует разрешить оказывать сторонам юридическую, консультационную или иную помощь.

Во-вторых, исключить из ст. 15 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» возможность медиатора действовать на непрофессиональной основе, так как считаем, что лицо, достигшее возраста восемнадцати лет, обладающее полной дееспособностью и не имеющее судимости, при этом нет никаких требований к образованию, не сможет должным образом организовать ход процесса медиации и привести его к положительному окончанию. А это может негативно сказаться на репутации и распространении института медиации в России, так как «совершенно очевидно, что стороны конфликта, однажды обратившиеся к непрофессионалу и не получившие желаемого результата, хорошо подумают, прежде чем снова пойдут на риск и прибегнут к примирительной процедуре для разрешения спора» [10, с. 47].

В-третьих, внести изменения в перечень требований к медиаторам, действующим на профессиональной основе, — наличие высшего образования заменить на высшее юридическое образование, так как к медиатору обращаются лица со спорами, возникающим из гражданских, трудовых и семейных правоотношений, и он должен понимать суть проблемы, с которой к нему приходят. При этом в научной литературе встречается мнение о том, что у медиатора должно быть и психологическое образование. Считаем, что наличие такого не обязательно, но в программу подготовки медиаторов стоит добавить больше тем, направленных на развитие психологических навыков у будущих медиаторов.

Заключение. Медиация — это особый способ защиты прав и свобод личности с помощью компетентных негосударственных органов, но в настоящее время он не готов составить конкуренцию государственной защите, и чтобы медиация вышла на новый уровень в российском обществе, законодателю стоит внести необходимые поправки, используя наработки учёных-юристов в этой сфере.

Список цитируемых источников

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федер. закон Рос. Федерации № 193-ФЗ : принят Гос. Думой 7 июля 2010 г. : одобр. Советом Федерации 14 июля 2010 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.
2. Пронина Е. Н., Гущева Ю. В. Медиация как внеюрисдикционный способ разрешения правовых споров // Юрид. наука и практика : Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2011. № 3. С. 34—37.
3. Архипкина А. С. Медиация как способ защиты прав и свобод человека и гражданина // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2011. № 2. С. 285—289.
4. Минеев О. А. Внесудебные способы защиты права собственности // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5 : Юриспруденция. 2012. № 2. С. 136—143.
5. Там же. С. 140.
6. Михайлова Е. В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15. М., 2013. 46 с.
7. Там же. С. 14.
8. Там же. С. 19.
9. Семеняко М. Е. Посредничество (медиация) в системе альтернативных способов разрешения конфликтов // Учёные тр. Рос. акад. адвокатуры и нотариата. 2009. № 1. С. 43—47.
10. Каменева П. В. Медиация в России или альтернативная процедура урегулирования спора с участием посредника // Юристы-правоведы. 2011. № 3. С. 45—48.

«СООТВЕТСТВИЕ КОНСТИТУЦИИ» И «НЕПРОТИВОРЕЧИЕ КОНСТИТУЦИИ»: МОЖНО ЛИ СТАВИТЬ ЗНАК РАВЕНСТВА

Введение. Центральный принцип нормотворчества в белорусской правовой системе — конституционность. Категория «конституционность» в законодательстве и правоприменении употребляется в широком наборе формулировок, каждой из которых может предаваться различный смысл. Конституция Республики Беларусь в частях первой и четвёртой ст. 116 использует конституционность через формулу «соответствие конституции». При этом Основной Закон в других статьях, непосредственно связанных с понятием «конституционность», использует обороты «на основе и в соответствии с конституцией» (часть первая ст. 137), «расхождение с конституцией» (часть первая ст. 137), «противоречие конституции» (часть вторая ст. 7, часть третья ст. 8), «неконституционность» (часть пятая ст. 137).

Закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» содержание категории «конституционность» не раскрывает, а лишь закрепляет её в качестве принципа нормотворческой деятельности (ст. 7) и указывает на Конституционный Суд Республики Беларусь как субъект, осуществляющий контроль за конституционностью нормативных правовых актов (часть вторая ст. 76). Правила подготовки проектов нормативных правовых актов, утверждённых Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2003 № 359, которые призваны развивать положения указанного закона, в п. 121 конституционность определяют через термины «отражение в нем конституционных принципов», «связь содержания проекта акта и норм конституции», «правильное применение терминов, содержащихся в конституции». Использование неюридических терминов «отражение», «связь», не применяемых при формулировании правовых предписаний, в том числе и диспозитивного характера, ещё больше усугубляет проблему понимания конституционности.

Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей, Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. «О конституционном судопроизводстве», аналогично Конституции Республики Беларусь, указывают на понимание конституционности через термин «соответствие конституции».

В науке конституционного права, указывая на соотношение нормативных актов и конституции, используется сходный перечень терминов: «соответствие (соблюдение)», «несоответствие (несоблюдение)», «противоречие», «непротиворечие». Перечисление указанных терминов вызывает обоснованный вопрос о тождестве или различии их правового содержания и следующих из этого юридических последствиях. Ведь семантический смысл слова «соответствие» — согласованность в чём-либо или чему-либо в каком-либо отношении, в то время как слово «непротиворечие» лишь требует отсутствия противоречий.

Основная часть. Исследователь В. В. Маклаков рассуждает, что «соответствие акта конституции (конституционность акта) — это его непротиворечие ей. В противном случае мы придём к абсурду, полагая невозможным какое бы то ни было правовое регулирование за пределами, установленными конституцией. Ведь ни одна конституция не в состоянии определить все сферы общественной жизни, подлежащие правовому, даже чисто законодательному, регулированию. Мировая практика, как правило, допускает восполнение пробелов в праве обычными законами. Такие законы не могут буквально соответствовать конституции, ибо регулируемая ими материя в конституции не отражена, но они ни в коем случае не должны противоречить конституционным нормам. В то же время неконституционность акта равнозначна его противоконституционности [1, с. 322].

Но в своих дальнейших исследованиях В. В. Маклаков приходит к диаметрально противоположным выводам, термины «соответствие конституции» и «непротиворечие конституции» рассматриваются как нетождественные понятия: «второе понятие шире. Кроме того, о существовании различия между названными понятиями говорят следующие рассуждения: если проверяется соответствие конституции какого-либо акта, предмет регулирования которого закреплён в основном законе, то в данном случае речь должна идти о соответствии; если же проверяется акт, о предмете которого нет в конституции упоминания (а таких большинство, поскольку конституция содержит самые общие нормы), то правомернее говорить о непротиворечии [2, с. 120].

Разумеется, отождествление терминов «соответствие конституции» и «непротиворечие конституции» недопустимо. Первое следует понимать как более широкое понятие, составной частью которого является вторая категория. В этой связи Ю. А. Тихомиров отмечает, что «соответствие конституции — это не воспроизведение её, как иногда понимается, это не только её соблюдение или исполнение, а, по крайней мере, непротиворечие ей» [3, с. 32]. Продолжая рассуждения на тему понятий, определяющих соотношения акта с конституцией, С. А. Авакьян делает принципиальное уточнение: «акты, конечно, могут развивать положения конституции. Но при этом, если первое слово по какому-то вопросу уже сказано конституцией, они не вправе говорить что-то иное, содержать в себе другое предписание. К этому, так сказать, формальному аспекту добавляется и сущностный: нельзя в другом акте путём интерпретаций, словесных манипуляций предусмотреть такие варианты действий, которые не вытекают из самой конституции, да по её духу и не могут из неё следовать [4, с. 172]. И вполне справедливо здесь С. А. Авакьян

резюмирует, что это одна из самых сложных проблем в конституционном праве. Подобный подход, как нам представляется, наиболее полно отражает сущность принципа конституционности и именно по такому механизму должен реализовываться в нормотворчестве.

Законом Республики Беларусь от 2 июня 2015 г. № 267-3 «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О Национальном собрании Республики Беларусь”» (далее — Закон «О Национальном собрании Республики Беларусь»), как отмечает Конституционный Суд Республики Беларусь в своём Решении от 25 мая 2015 г. № Р-980/2015, осуществлено совершенствование норм Закона «О Национальном собрании Республики Беларусь» с учётом практики работы палат Национального собрания, а также согласование указанного закона с нормами иных законодательных актов Республики Беларусь, вступивших в силу после его принятия.

Изменена часть четвёртая ст. 66 Закона «О Национальном собрании Республики Беларусь», в которой конкретизируются нормы Конституции Республики Беларусь, посвящённые законодательному процессу в части рассмотрения закона при наличии возражений Президента Республики Беларусь (часть седьмая ст. 100). До внесения изменений Закон «О Национальном собрании Республики Беларусь» указанной нормой определял, что *в случае согласия с возражениями Президента Республики Беларусь Палата представителей поручает соответствующей постоянной комиссии Палаты представителей либо предлагает субъекту права законодательной инициативы, внесшему проект закона, доработать проект закона с учётом возражений Президента Республики Беларусь* [5]. Таким образом, в случае согласия с возражениями Президента норма закона позволяла лишь один вариант поведения — продолжить доработку проекта закона. В дальнейшем законом исследуемая норма Закона «О Национальном собрании Республики Беларусь» дополняется ещё одним возможным вариантом поведения нижней палаты Парламента: *в случае согласия с возражениями Президента Республики Беларусь Палата представителей может принять решение об отклонении проекта закона, если такое предложение вносилось, или поручить ...доработать проект закона с учётом возражений Президента Республики Беларусь*. При этом такое полномочие Палаты представителей по отклонению проекта закона может быть реализовано ей при условии, что *«такое предложение вносилось»* (без указания, каким субъектом законодательного процесса и на какой его стадии).

Между тем нормы как части седьмой, так и ст. 100 Конституции Республики Беларусь в целом, иные конституционные положения, посвящённые законодательному процессу, не определяют прямо каких-либо правил законодательного процесса при согласии Палаты представителей с возражениями Президента, кроме указания собственно рассмотреть закон с возражениями и рассмотреть его в тридцатидневный срок. Исходя из общих норм Конституции Республики Беларусь, содержащихся в ст. 100, в данной ситуации Палата представителей может реализовать свои типичные полномочия: либо направить законопроект на доработку, либо отклонить его. Каких-либо указаний на обязательное продолжение законодательного процесса путём доработки проекта закона при согласии с возражениями Президента не установлено, право на окончательное отклонение какими-либо условиями (например, *если такое предложение вносилось*) не ограничено.

Подобный пример иллюстрирует проблему понимания терминов «соответствие конституции» и «непротиворечие конституции». Как представляется, прямых противоречий тексту конституции в данных результатах нормотворческой практики нет. Однако соответствуют ли они конституции? Вероятно, нет, так как конкретизирующим законом установлены дополнительные условия (барьеры) в реализации конституционных положений, которые не вытекают из самой конституции и по её духу не могут из неё следовать.

Заключение. Конституционность предполагает *соответствие* нормативных актов конституции. «Соответствие конституции» является более широким понятием, чем «непротиворечие конституции» и поглощается им. Соответствие конституции предполагает, во-первых, непротиворечие Основному Закону Республики Беларусь (взаимное отрицание одной нормы другой), во-вторых, положения, развивающие конституцию должны согласовываться с отправными нормами, содержащимися в конституции (запрет на нормативные интерпретации конституции установлением ограничений или расширений в отношении вариантов поведения), в-третьих, при установлении норм права в области общественных отношений, которая в конституции не отражена, должно достигаться соответствие фундаментальным положениям конституции (её духу).

Список цитируемых источников

1. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учеб. : в 4 т. М. : ВЕК, 1995. 448 с. Т. 2 / отв. ред. Б. А. Страшун.
2. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть : учеб. для вузов / рук. авт. кол. и отв. ред. Б. А. Страшун. 4-е изд. М. : НОРМА, 2005. 896 с.
3. Тихомиров Ю. А. Конституция, закон, подзаконный акт. М. : Юрид. лит., 1994. 136 с.
4. Авакьян С. А. Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. Т. 1. М. : Юрист, 2005. 719 с.
5. О Национальном собрании Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 8 июля 2008 г. № 370-3 : с изм. и доп. от 2 июня 2015 г. № 267-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь, 2008 г., № 172, 2/1467.

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ В СФЕРЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Введение. Как следует из анализа литературы, на современном этапе развития гражданского общества и правового государства наблюдается обновление идей и принципов, которые образуют идеологическую основу не только правосознания белорусского общества, но и являются показателем уровня правовой и демократической культуры [1]. Анализируя состояние и развитие правосознания на современном этапе, мы можем отметить, что существуют различные формы деформации правового сознания. Являясь одной из этих форм, правовой нигилизм в сфере прав и свобод личности негативно воздействует на состояние законности, порядка в обществе и развитие правовой активности и культуры личности. Правовой нигилизм рассматривается многими современными авторами: Р. П. Дорченко [2], Н. И. Матузов [3], В. Г. Сафонов [4], В. А. Туманов [5].

Основная часть. В соответствии с учебной литературой нигилизм — это протест, отрицание, гиперболизированное «нет» в ответ на любую попытку коммуникации. Спектр нигилистического восприятия мира чрезвычайно широк: от состояния разочарования и апатии, сомнения и цинизма до позиции отрицания «всего и вся» [6].

Одним из видов нигилизма как социального явления является правовой нигилизм. Правовой нигилизм, по мнению В. А. Туманова, это «скептическое и негативное отношение к праву вплоть до полного неверия в его потенциальные проблемы так, как того требует социальная справедливость» [7]. Учёный С. С. Алексеев рассматривал данный феномен как «отрицательное отношение к праву, закону и правовым формам организации общественных отношений» [8, с. 350]. Таким образом, правовой нигилизм представляет собой непризнание права как социальной ценности и проявляется в негативно-отрицательном отношении к праву, закону, правопорядку, неверии в возможности права обеспечить порядок и спокойствие в обществе.

Рассматривая нигилизм в качестве отрицания определённого ряда ценностей, необходимо различать конструктивную и деструктивную форму отрицания. Например, отрицание произвола и беспорядков в тоталитарном режиме, борьба против ущемления демократии и прав человека не будут являться нигилизмом в первоначальном смысле этого слова, а будут проявляться как нормальное поступательное движение к развитию. Необходимо отметить, что несовершенство законодательства ведёт к повышению уровня отрицания закона и, тем самым, правовой нигилизм раскрывает слабости и несовершенства в праве, а также стимулирует его развитие [9].

В этой связи следует отметить то обстоятельство, что в сфере прав человека он охватывает множество форм: от веры в невозможность использования и защиты гарантированных законодательством прав и свобод де-факто до веры в безнаказанные нарушения прав человека. Закон как форма выражения и закрепления права проявляется через человека, и при оценке человеческих поступков имеет значение то, насколько человек воспринял этот закон как своё убеждение. Исходя из этого, важное значение имеет состояние правосознания общества. Проблема правового сознания занимала внимание многих исследователей: А. В. Арбузова [10], Н. А. Глыбовской [11], Р. Р. Исмагилова [12], Т. В. Крейдо [13], В. Н. Пристенского [14], и др. Учитывая существующую в научной и правовой литературе вариантность мнений по вопросу деформации правового сознания, можно определить данный феномен как изменение, при котором у его носителя формируются идеологические и психологические стереотипы, выражающие отрицательное отношение к действующему законодательству и правопорядку и находящие своё отражение в соответствующем поведении. И, как следствие, деформация правового сознания является одним из условий возникновения правового нигилизма в сфере прав человека [15].

Законодательно гарантированные права и свободы принимаются обществом не в лучшем свете из-за социальных, культурных, экономических и иных проблем в обществе, недостатков деятельности судебной системы, недостаточной действенности системы обеспечения и защиты прав человека. Очень трудно не согласиться с В. Н. Кудрявцевым, который отмечает, что торжественно провозгласив создание правового государства, мы тут же уничтожаем его основное предназначение — гарантии прав человека. В свете современных преобразований различных сфер жизнедеятельности человека наблюдаются изменения в характере нарушаемых прав человека. Так, если раньше в основном нарушались политические права, то сейчас всё больше распространяются нарушения экономических, гражданских, социальных прав. Как писал В. Н. Кивель, провозглашение естественных прав человека, с одной стороны, и хаос во всех областях общественной жизни — с другой, на практике обернулись массовыми нарушениями прав граждан и ослаблением их защиты [16, с. 2].

Исследование современных процессов, характеризующих правовой нигилизм в сфере прав человека и не только, показало, что решать эту проблему необходимо хотя бы в пяти областях: действительного законодательства и правотворчества, правоприменения, юридической науки и юридического образования, экономики, гражданского общества и личной инициативы. Средства массовой информации и правовое образование являются самыми масштабными способами преодоления правового нигилизма и, безусловно, не единственными, но позволяющими решать проблему обязательного правового уровня, которым должен обладать каждый человек вне зависимости от его статуса [17].

Заключение. Правовой нигилизм обладает рядом черт: демонстративный, воинствующий характер; глобальность; массовость; широкая распространённость не только среди граждан, социальных и профессиональных групп, но и в официальных государственных структурах, законодательных, исполнительных и правоохранительных ветвях власти; многообразие форм проявления, а также особая степень разрушительности; оппозиционная, регионально-национальная окраска, переходящая в сепаратизм. Правовой нигилизм приобрёл качественно новые свойства, которым он не обладал ранее. Изменилась его природа, причины, каналы влияния. Он заполнил общество, принял глобальный, неистовый характер. Именно правовой нигилизм, который возобладал в сознании части населения, является причиной массового интереса к быту криминальной среды, распространённости блатного жаргона или его элементов на всех уровнях социальной жизни. Правовой нигилизм расшатывает и без того размытые представления белорусов о праве, что может послужить причиной использования их в целях достижения определённых политических и личных эгоистических целей власть имущих. Подрыв доверия к праву как средству защиты личности в обществе приводит к моральному обоснованию и оправданию самосуда, кровной мести (в регионах, где существовали такие традиции), криминальных и полукриминальных форм заработка и обогащения.

Существует множество путей и способов преодоления нигилизма в сфере прав человека. Прежде всего это повышение общей и правовой культуры граждан, их правового и морального сознания, совершенствование законодательства, профилактика правонарушений и преступлений, упрочение законности и правопорядка, государственной дисциплины, уважение и всемерная защита прав личности, массовое просвещение и правовое воспитание населения, подготовка высококвалифицированных кадров юристов, скорейшее проведение правовой реформы и др. Однако ясно, что правовой нигилизм невозможно ликвидировать мгновенно. Это трудный и длительный процесс, который власть не сможет реализовать без народа. Поэтому решение этой непростой проблемы может обеспечиваться действиями не только одной государственной власти, но и действиями самой личности, общества, всего народа.

Список цитируемых источников

1. Кумыкова Л. Г. Правовой нигилизм в сфере прав человека как форма деформации правового сознания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н., 2006. 22 с. ; Крейдо Т. В. Правовой нигилизм: понятие, этапы развития // Актуал. проблемы правоправедения: история и современность. 2005. № 3. 29 с. ; Мицкевич А. В. Правовая пропаганда. В помощь идеологическому работнику // Юрид. лит. М., 1981. 208 с. ; Зрячкин А. Н. Правовой нигилизм и пути их преодоления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 186 с.
2. Дорченко Р. Н. Правовой нигилизм как устоявшееся общесоциальное явление // Юрист. 2005. № 6. 14 с.
3. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2001. 671 с.
4. Сафонов В. Г. Правовой нигилизм работников государственного аппарата и пути его преодоления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 15—8.
5. Туманов В. А. О правовом нигилизме // Совет. государство и право. 1989. № 10. С. 161—165.
6. Зрячкин А. Н. Правовой нигилизм и пути их преодоления. С. 35.
7. Туманов В. А. О правовом нигилизме. С. 161.
8. Алексеев С. С. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов и факультетов. М., 1998. 457 с.
9. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм. Теория государства и права. С. 580.
10. Арбузов А. В. Правовой нигилизм: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. СПб., 2006. 209 л.
11. Глыбовская Н. А. Правовой нигилизм: современные подходы и трактовки // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2005. № 1 (9). 38 с.
12. Исмагилов Р. Р. Правовой нигилизм: мировоззренческие основания и пути преодоления : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Уфа, 2006. 174 л.
13. Крейдо Т. В. Правовой нигилизм: понятие, этапы развития // Актуал. проблемы правоправедения: история и современность. 2005. № 3. 29 с.
14. Пристенский В. Н. Правовой нигилизм: философско-антропологические корни // CREDO NEW: теорет. журн. 2005. № 1. 20 с.
15. Кумыкова Л. Г. Правовой нигилизм в сфере прав человека как форма деформации правового сознания. С. 21.
16. Кивель В. Н. Права человека: проблемы формирования механизма защиты // Право и демократия: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8. Раздел I. Совершенствование политической системы общества. 1997.
17. Кумыкова Л. Г. Правовой нигилизм в сфере прав человека как форма деформации правового сознания. С. 20.

УДК 347

И. И. Юхник

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно

СРОКИ ДАВНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К НАЛОГОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ НАЛОГОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Введение. Налог как основная форма доходов государства присущ всем государственным системам как рыночного, так и нерыночного типа хозяйствования. Доходы государства безотносительно к конкретно-историческим системам представляют собой совокупность средств, находящихся в собственности государства и создающих материальную базу для выполнения его функций. Иначе говоря, функционирование государства предполагает объективную необходимость существования налогов [1, с. 47].

Основная часть. Согласно ст. 56 Конституции Республики Беларусь граждане Республики Беларусь обязаны принимать участие в финансировании государственных расходов путём уплаты государственных налогов, пошлин и иных платежей [2, с. 14]. Конституционная обязанность платить законно установленные налоги и сборы, по смыслу данной статьи, имеет публично-правовой, а не частно-правовой (гражданско-правовой) характер. Её реализация в соответствующих правоотношениях предполагает властное подчинение одной стороны другой: налогоплательщику вменяется в обязанность своевременно и в полном объёме уплатить суммы налога, а налоговому органу, действующему от имени государства, принадлежит полномочие обеспечить её исполнение налогоплательщиком.

В целях обеспечения исполнения налогоплательщиками конституционной обязанности платить налоги и возмещения ущерба, понесённого государством в случае неисполнения указанной обязанности, законодатель в Налоговом кодексе Республики Беларусь (далее — НК) устанавливает систему налогов, взимаемых в доход государства, общие принципы налогообложения, а также предусматривает меры государственного принуждения [3].

Устанавливая правовой механизм исполнения конституционной обязанности по уплате налогов, отечественный законодатель вправе по своему усмотрению определять как формы налогового контроля и порядка его осуществления, так и налоговых правонарушений, их видов и ответственности за их совершение, включая основания и условия привлечения к ответственности, в том числе сроки давности — их длительность, возможность прерыва или приостановления и т. п.

Вместе с тем в целях достижения стабильности правопорядка, правовой определённости, устойчивости сложившейся системы правоотношений при юридически обеспеченной возможности сбора и закрепления доказательств правонарушения законодатель ввёл институт давности привлечения к налоговой ответственности за совершение налоговых правонарушений.

Давность привлечения к ответственности — одно из оснований освобождения от ответственности. Срок давности привлечения к ответственности представляет собой установленный законом срок, после истечения которого лицо, совершившее правонарушение, освобождается от ответственности [4, с. 85].

Следует отметить, что Общая часть НК Республики Беларусь, предусмотрев возложение ответственности на различных субъектов, участвующих в налоговых правоотношениях, не установила конкретные составы налоговых правонарушений и санкции по ним. Фактическим основанием налоговой ответственности является налоговое правонарушение, под которым необходимо понимать противоправное виновное действие (бездействие), выражающееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении налоговых обязательств, за которое установлена ответственность в виде применения налоговых санкций [5, с. 116].

В настоящее время в налоговом праве применяется два вида ответственности — административная и экономическая (финансовая, налоговая). При этом в любом случае виновное лицо должно быть привлечено к ответственности только в пределах сроков, установленных законодательством.

Исследователь М. Эйгерд выделяет следующие группы сроков давности в налоговом праве: сроки давности привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения; сроки давности взыскания недоимки, задолженности по пеням и штрафам в судебном порядке (судебные сроки давности); давность уплаты налога (общая давность); сроки зачёта и возврата излишне уплаченного или излишне взысканного налога, сбора или пени [6, с. 71].

Давность уплаты налога НК Республики Беларусь не установлена. В соответствии со ст. 47 НК признание задолженности по налогам, сборам (пошлинам) безнадёжным долгом и её списание производятся в порядке, установленном Президентом Республики Беларусь [7].

Административная ответственность за налоговые нарушения предусмотрена главой 13 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) [8]. Каждое физическое и юридическое лицо, вина которого за совершённое административное правонарушение установлена, подлежит привлечению к административной ответственности, если не истекли сроки давности наложения административного взыскания [9, с. 52].

Так, в соответствии с п. 1 и 2 ст. 7.6 КоАП административное взыскание может быть наложено: за совершение административного правонарушения — не позднее двух месяцев со дня его совершения; за совершение длящегося административного правонарушения — не позднее двух месяцев со дня его обнаружения [10].

Более продолжительные сроки наложения административных взысканий за административные правонарушения в определённых областях деятельности, равные трём годам со дня совершения административного правонарушения и шести месяцам со дня его обнаружения, предусмотрены п. 4 ст. 7.6 КоАП [11].

По своей правовой природе срок давности наложения административного взыскания является пресекательным и восстановлению не подлежит. Таким образом, субъект *не может быть привлечён к ответственности* за налоговые правонарушения, выявленные за период деятельности плательщика, превышающий *три года со дня их совершения и шесть месяцев со дня их обнаружения*.

Уголовная ответственность за нарушение налогового законодательства, а также порядок и сроки её применения установлены Уголовным кодексом Республики Беларусь, в ст. 83 которого установлены сроки давности привлечения к уголовной ответственности (в том числе и за преступления в сфере налогообложения) [12].

Таким образом, так как ответственность за совершение налоговых правонарушений в Республике Беларусь предусмотрена в административном и уголовном законодательстве, то и сроки давности привлечения к ответственности регулируется там же.

Как было отмечено выше, налог как основная форма доходов государства присущ всем государственным системам, а государство заинтересовано в своевременности поступления налоговых отчислений. Таким образом,

публичный интерес государства обусловлен именно необходимостью своевременного поступления налоговых платежей в бюджет.

Поскольку публичные интересы — юридически признанные интересы общества, находящиеся под защитой государства [13, с. 99], полагаем, что для соблюдения баланса публичных и частных интересов было бы целесообразно установить норму, предусматривающую срок давности исполнения обязанности по уплате налога. Например, дополнить НК статьёй следующего содержания: «Лицо не может быть привлечено к ответственности за совершение налогового правонарушения, если со дня его совершения либо со следующего дня после окончания налогового периода, в течение которого было совершено это правонарушение, и до момента вынесения решения о привлечении к ответственности истекли три года (срок давности).

Заключение. Течение срока давности привлечения к ответственности приостанавливается, если лицо, привлекаемое к ответственности за налоговое правонарушение, активно противодействовало проведению выездной налоговой проверки, что стало непреодолимым препятствием для её проведения и определения налоговыми органами сумм налогов, подлежащих уплате в бюджетную систему Республики Беларусь.

Течение срока давности привлечения к ответственности считается приостановленным со дня составления акта, предусмотренного Налоговым кодексом Республики Беларусь. В этом случае течение срока давности привлечения к ответственности возобновляется со дня, когда прекратили действие обстоятельства, препятствующие проведению выездной налоговой проверки, и вынесено решение о возобновлении выездной налоговой проверки.

Список цитируемых источников

1. Барсегай Л. М. Финансовая система государства: курс интенсивной подготовки. Минск : Тетралит, 2013. 320 с.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 10-е изд., стер. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. 62 с.
3. Барсегай Л. М. Финансовая система государства. С. 49.
4. Быстриков А. М. Сроки давности как основание освобождения от уголовной ответственности: генезис, сущность и содержание // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2014. № 1. С. 85—90.
5. Кислов Д. В. Налоговое правонарушение // Бухгалтер. учёт. 2012. № 3. С. 116—120.
6. Эйгерд М. Сроки давности привлечения к ответственности за налоговые правонарушения // БНПИ. 2005. № 5. С. 71—76.
7. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) : 15 нояб. 2002 г. [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 15.06.2016, 2/2370.
7. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : с изм. и доп. от 19 июля 2016 г. № 407-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 09.06.2003, 2/946.
8. Гритченко Е. Сроки давности наложения административного взыскания на юридические лица и их должностные лица // Моя бухгалтерия. Транспорт. 2013. № 15. С. 52—55.
8. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях.
9. Там же.
10. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 2 июня 1999 г. : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 19 июля 2016 г. № 407-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 20.07.2016, 2/2403.
11. Кряжков А. В. Публичный интерес: понятие, виды, защита // История государства и права. 1999. № 10. С. 91—99.

УДК 342.951

А. А. Ярошук

Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Гомель

СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВЗЫСКАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Введение. Административные правонарушения — самые распространённые из всех видов противоправных проявлений, что придаёт вопросу борьбы с ними большую значимость. Причём наибольший рост противоправных посягательств на административный порядок приходится на периоды «упадка» экономической, политической и правовой системы государства, приводящего к ослабеванию функции охраны правопорядка и законности в обществе. Без эффективно действующего механизма административной ответственности нормы, регулирующие права и обязанности членов общества, носят декларативный характер.

Основная часть. Административные наказания — это разновидность административного принуждения. От иных мер административного принуждения они отличаются тем, что являются карательными санкциями, преследуют специфические цели, применяются в строго урегулированном процессуальном порядке [1, с. 562].

Административными взысканиями признаются только те принудительные меры, которые установлены ст. 6.2—6.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП), порядок назначения которых также определяется соответствующими нормами кодекса [2].

Система административных взысканий представляет собой внутренне организованное единство, состоящее из иерархически упорядоченного множества относительно самостоятельных видов административных взысканий, совокупность которых выражает функциональное предназначение административного взыскания в социальной среде с учётом того, что применение административных взысканий сопряжено с ограничением имущественных и личных неимущественных прав нарушителя (права собственности, права на свободу передвижения, права на личную неприкосновенность и других прав) [3, с. 35].

Исследователь С. Г. Василевич утверждает, что система административных взысканий построена посредством расположения различных видов таких взысканий в определённом сравнительном порядке — в зависимости от степени их суровости. Такое утверждение является весьма спорным (например, административный арест как наиболее суровый вид взыскания расположен четвертым в системе взысканий), поэтому видится целесообразным расположить административные взыскания в следующем порядке: 1) предупреждение, 2) административный штраф, 3) конфискация, 4) взыскание стоимости, 5) лишение специального права, 6) лишение права заниматься определённой деятельностью, 7) исправительные работы, 8) депортация, 9) административный арест.

Незакреплёнными в КоАП Республики Беларусь по отношению к законодательству Украины и Российской Федерации являются такие меры административного взыскания:

1) административное приостановление деятельности, которое заключается во временном прекращении деятельности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридических лиц, их филиалов, представительств, структурных подразделений, производственных участков, а также эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений, осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг;

2) обязательные работы или общественные работы. Сравнивая общественные и обязательные работы, мы обнаружили определённое сходство и некоторые различия. Различия касаются срока наложения данного вида взыскания: в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях — от 20 до 200 ч, а в Кодексе Украины об административных правонарушениях — от 20 до 60 ч. Также различия касаются перечня лиц, к которым не применяется данная мера взыскания: в РФ перечень шире, чем в Украине [4];

3) административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения заключается в во временном запрете гражданину на посещение таких мест в дни проведения официальных спортивных соревнований и устанавливается за нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований [5];

4) платное изъятие предмета, ставшего орудием совершения или непосредственным объектом административного правонарушения заключается в его принудительном изъятии по решению суда и последующей реализации с передачей вырученной суммы прежнему собственнику с отчислением расходов по реализации изъятых предметов [6];

5) отдельно в Кодексе Украины об административных правонарушениях предусмотрены меры взыскания, применяемые к несовершеннолетним (ст. 24). Такими являются: 1) обязательство публично или в другой форме попросить прощения у потерпевшего, 2) предупреждение, 3) выговор или строгий выговор, 4) передача несовершеннолетнего под надзор родителям или заменяющим их лицам, или под надзор педагогическому либо трудовому коллективу с их согласия, а также отдельным гражданам по их просьбе [7]. В качестве взыскания КоАП Республики Беларусь не предусматривает выговор, однако данная мера взыскания предусмотрена в Трудовом кодексе Республики Беларусь в качестве дисциплинарного взыскания [8].

Заключение. В целях повышения эффективности административной ответственности в Республике Беларусь следовало бы расширить перечень административных взысканий [9, с. 299].

Целесообразным будет ввести в качестве административного взыскания общественные работы и дисквалификацию. Необходимо внести изменения в КоАП Республики Беларусь, дополнив его ст. 6.13 «Общественные работы», изложив её в следующем содержании: общественные работы заключаются в выполнении осуждённым бесплатного труда в пользу общества, вид которого определяется органами, ведающими применением общественных работ, в свободное от основной работы, службы или учёбы время. Общественные работы устанавливаются на срок от 20 до 60 ч и выполняются не более четырёх часов в день. Общественные работы назначаются судьёй. Общественные работы не назначаются: лицам, признанным инвалидами первой или второй группы; беременным женщинам; женщинам старше 55 лет и мужчинам старше 60 лет; женщинам, имеющим детей в возрасте до трёх лет; военнослужащим и иным лицам, на которых распространяется действие дисциплинарных уставов или специальных положений о дисциплине.

Необходимо внести изменения в КоАП Республики Беларусь, дополнив его ст. 6.14 «Дисквалификация», изложив её в следующем содержании: дисквалификация заключается в лишении физического лица права замещать должности государственной службы, занимать должности в исполнительном органе управления юридического лица, входить в совет директоров (наблюдательный совет), осуществлять предпринимательскую деятельность по управлению юридическим лицом, осуществлять управление юридическим лицом в иных случаях, предусмотренных законодательством Республики Беларусь, либо осуществлять деятельность в сфере подготовки спортсменов (включая их медицинское обеспечение) и организации и проведения спортивных мероприятий, либо осуществлять деятельность в сфере проведения экспертизы промышленной безопасности, либо осуществлять медицинскую или фармацевтическую деятельность. Административное взыскание в виде дисквалификации назначается судьёй.

Дисквалификация устанавливается на срок от шести месяцев до трёх лет. Дисквалификация может быть применена к лицам, замещающим должности государственной службы, к лицам, осуществляющим организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в органе юридического лица, к членам совета директоров (наблюдательного совета), к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, к лицам, занимающимся частной практикой, либо к тренерам, специалистам по спортивной медицине или иным специалистам в области физической культуры и спорта, занимающим должности, предусмотренные перечнем, утверждённым в соответствии с законодательством Республики Беларусь, либо к экспертам в области промышленной безопасности, медицинским работникам, фармацевтическим работникам.

Список цитируемых источников

1. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право : учеб. для вузов. 3-е изд., пересмотр. и доп. М. : Норма, 2007. 816 с.
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : с изм. и доп. от 19 июля 2016 г. № 407-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 09.06.2003, 2/946.
3. Бондарович С. П. Комментарий к Кодексу об административных правонарушениях Республики Беларусь. Минск., 2009. 823 с.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : в ред. от 8 марта 2015 г. URL: <http://www.consultant.ru/popular/koap/> (дата обращения: 14.02.2016) ; Кодекс Украины об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 7 дек. 1984 г., № 8073-X : с изм. и доп. от 14 окт. 2014 г. № 1700-VII. URL: <http://pravoved.in.ua/index.php> (дата обращения: 13.02.2016).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : в ред. от 8 марта 2015 г. URL: <http://www.consultant.ru/popular/koap/> (дата обращения: 14.02.2016).
6. Кодекс Украины об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 7 дек. 1984 г., № 8073-X : с изм. и доп. от 14 окт. 2014 г. № 1700-VII. URL: <http://pravoved.in.ua/index.php> (дата обращения: 13.02.2016).
7. Там же.
8. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 15 июля 2015 г. № 305-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 21.07.2015, 2/2303.
8. Крамник А. Н. Административное право. Ч. 2. Административно-деликатное право. Общая часть : пособие для студентов высш. учеб. заведений по юрид. специальностям. 2-е изд., перераб. и доп. Минск : БГУ. 2009. 379 с.

Научное издание

СОДРУЖЕСТВО НАУК.
БАРАНОВИЧИ-2016

Материалы XII Международной
научно-практической конференции
молодых исследователей

(Барановичи, 19—20 мая 2016 года)

На русском, белорусском языках

В трёх частях

Часть 1

Ответственный за выпуск Е. Г. Хохол
Технический редактор А. Ю. Сидоренко
Компьютерная вёрстка С. М. Глушак
Корректор Н. Н. Колодко

Подписано в печать 14.10.2016 . Формат 60 × 84 ¹/₈. Бумага ксероксная.
Отпечатано на копировально-множительной технике. Усл. печ. л. 25,60. Уч.-изд. л. 27,80. Тираж 9 экз. Заказ 700.

Учреждение образования «Барановичский государственный университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя № 1/424 от 09.09.2016.
Ул. Войкова, 21, 225404, г. Барановичи. Тел. 8 (0163) 45 46 28, e-mail: rio@barsu.by .